

ВОСЕМДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ

ПОДЪ ВОДОЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПОДЪ ВОЛНАМИ ОКЕАНА.

НА ОТЪ
ВОСЕМДЕСЯТЬ ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ
ПОДЪ ВОДОЙ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПОДЪ ВОЛНАМИ ОКЕАНА.

СОЧИНЕНІЕ

ЖЮЛЯ ВЕРНА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ 112 РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА РІУ.

ПЕРЕВОДЪ

МАРКА ВОВЧКА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА С. В. ЗВОНАРЕВА.

1870.

Дозволено Цензурою С.-Петербургъ 4 Апрѣля 1870 г.

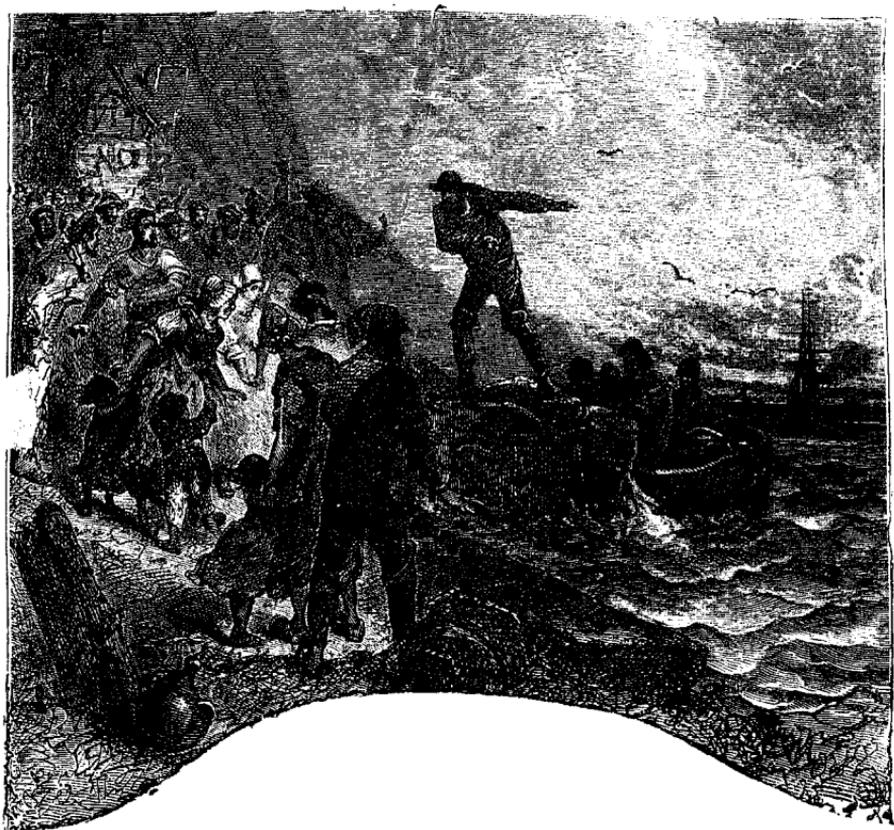
Р9148-0

2010517415

Типографія и Литографія А. К а с п а р и. Разъѣжная ул. д. № 23.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПЛАВАЮЩІЙ РИФЪ.

1866 годъ ознаменовался удивительнымъ событіемъ, необъясненнымъ и необъяснимымъ явленіемъ, которое, вѣроятно, еще многимъ памятно. Это событіе крайне взволновало приморскіе города, сильно возбудило умы въ континентальныхъ государствахъ и въ особенности встревожило моряковъ. Негоціанты, судохозяева, капитаны кораблей, шкипера и машинисты, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, морскіе офицеры всѣхъ странъ, правительства различныхъ государствъ — всѣ были въ высшей степени заинтересованы и озабочены.

Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени многимъ кораблямъ случалось встрѣчать въ морѣ „что-то громадное“, какой-то длинный веретенообразный предметъ, который порою свѣтился въ темнотѣ и далеко превосходилъ кита размѣрами и быстротою движеній.

Въ различныхъ шканечныхъ журналахъ записаны были факты, относившіеся къ этому явленію, и въ показаніяхъ о строеніи этого предмета или существа, о неимовѣрной его быстротѣ, поразительной силѣ движеній и особой жизненности, которою онъ, казалось, надѣленъ, не было почти разногласія. Если это было животное изъ породы китовъ, то, судя по описаніямъ, оно превосходило объемомъ всѣхъ доннѣй извѣстныхъ представителей этой породы. Ни Кювье, ни Ласепедъ, ни г. Дюмериль, ни г. Катрфажъ не повѣрили бы въ существованіе подобнаго чудовища, не увидавъ его собственными своими глазами, — т. е. глазами ученыхъ.

Придерживаясь среднихъ цифръ, полученныхъ при различныхъ наблюденіяхъ, устранивъ всѣ чрезчуръ осторожныя вычисления, показывавшія въ этомъ предметѣ не болѣе двухсотъ футовъ въ длину, а также отвергая и всякія преувеличенія, по которымъ онъ имѣлъ будто бы милью въ ширину и три въ длину, надо было все-таки допустить, что это удивительное животное (если только оно существуетъ) въ значительной степени превосходило всѣ размѣры, принимаемые ихтіологами.

Животное это существовало; существованіе его было доказано многими фактами, и никто или очень мало кто въ немъ сомнѣвался. При склонности къ чудесному, которая такъ свойственна человѣческому уму, понятно, какую повсюду тревогу произвело это необычайное явленіе. Нѣкоторые пытались-было отнести его къ области сказокъ и басень, но пытались напрасно.

20 іюля 1866 года пароходъ „Говерноръ Гиггинсонъ“, принадлежащій компаніи „Калькутта и Борнахъ“, встрѣтилъ эту двигающуюся массу въ пяти миляхъ къ востоку отъ береговъ Австраліи. Въ первую минуту капитанъ парохода Бекеръ подумалъ, что наткнулся на какую нибудь неизвѣстную подводную скалу; онъ даже собирался уже опредѣлять точное положеніе этой скалы, какъ вдругъ изъ нея вырвались съ страшною силою два столба воды и со свистомъ поднялись футовъ на полтора роста въ вышину. Значить, тутъ можно было сдѣлать только два предположенія: или это была скала, подверженная періодическимъ изверженіямъ гейзера, или „Говерноръ Гиггинсонъ“ точно имѣлъ дѣло съ какимъ нибудь, до сихъ поръ неизвѣстнымъ водяннымъ млекопитающимъ, которое выкидывало изъ носовыхъ

отверстій столбы воды, смѣшанные съ воздухомъ и паромъ.

23 іюля того же года, на водахъ Тихаго Океана замѣтили то же явленіе съ парохода „Кристоваль-Колонъ“, принадлежащаго компаніи „Вестъ-Индіа и Тихій Океанъ“. Это необыкновенное животное могло, значить, передвигаться съ изумительною скоростью: оно въ три дня перешло болѣе семисотъ морскихъ миль, отдѣляющихъ пункты, на которыхъ наблюдали его „Говерноръ Гиггинсонъ“ и „Кристоваль-Колонъ“.

Пятнадцать дней спустя, въ двухъ тысячахъ лье отъ послѣдняго пункта, „Гельвеція“, принадлежавшая Compagnie Nationale и „Шанонъ“, принадлежащій Royal-Mail, встрѣтились въ Атлантическомъ океанѣ, между Соединенными-Штатами и Европою, и сигналами указали другъ другу на чудовище, лежавшее подъ $45^{\circ} 15'$ сѣверной широты и $60^{\circ} 55'$ долготы къ западу отъ Гринвичскаго меридіана. При этомъ одновременномъ наблюденіи приблизительно разсчитали, что длину млекопитающаго должно полагать, по меньшей мѣрѣ, въ триста пятьдесятъ англійскихъ футовъ, такъ какъ „Гельвеція“ и „Шанонъ“ казались гораздо меньше его, хотя оба имѣли по сту метровъ отъ форъ-штевеня до ахтеръ-штевеня. И самые громадныя киты, которые попадаются у Алеутскихъ острововъ, около Куламмока и Умгулика, и тѣ не достигаютъ больше пятидесяти шести метровъ въ длину.

Эти извѣстія пришли одно за другимъ; затѣмъ были сдѣланы новыя наблюденія съ борта трансатлантическаго корабля „Перейръ“; затѣмъ произошло столкновеніе между судномъ „Этна“ и чудовищемъ; затѣмъ офицерами французскаго фрегата „Нормандія“ былъ составленъ протоколъ; затѣмъ были доставлены очень положительныя свѣдѣнія съ „Лордъ-Клейда“ штабомъ комодора Фицъ-Джемса. Все это чрезвычайно волновало умы. Въ странахъ легкомысленныхъ и безпечныхъ только подсмѣивались и подшучивали надъ загадочнымъ чудомъ, но въ странахъ положительныхъ, практическихъ, — въ Англіи, въ Америкѣ, въ Германіи — имъ были сильно озабочены.

Во всѣхъ большихъ городахъ „чудовище“ вошло въ моду; о немъ толковали въ кофейняхъ, надъ нимъ потѣшались въ газетахъ, его представляли на театрахъ. Журнальныя утки несли яйца всевозможныхъ цвѣтовъ. Всѣ періодическія изданія приня-

лись, за неизмѣнимъ точныхъ и подлинныхъ изображеній, терять всякихъ фантастическихъ гигантовъ, начиная отъ „бѣлаго кита“ страшнаго „Моби Дика“ гиперборейскихъ странъ, до чудовищныхъ „кракеновъ“, которые своими щупалами могутъ опутать судно въ пятьдесятъ тоннъ и увлечь его въ бездны океана. Дошло даже до того, что откопали древнія рукописи, стали ссылаться на мнѣнія Аристотеля и Плинія, которые допускали существованіе подобныхъ чудовищъ, на норвежскіе рассказы епископа Понтопидана, на описанія Павла Геггеды и наконецъ на донесенія г. Гаррингтона, который утверждалъ, что въ 1857 году, находясь на палубѣ „Кастильяна“, онъ собственными глазами видѣлъ громадную змѣю, до того времени посѣщавшую только воды прежней газеты *Constitutionnel*.

Тутъ-то загорѣлась нескончаемая полемика между учеными обществами и научными журналами, — полемика вѣрующихъ съ невѣрующими. „Вопросъ о чудовищѣ“ воспламенилъ всѣ умы. Журналисты, которые серьезно смотрѣли на науку и отстаивали ее, вступили въ распрю съ другими журналистами, которые отъ всего отбодрялись остроуміемъ и каламбурами, и цѣлые потоки чернилъ пролились въ эту достопамятную кампанію; нѣкоторые изъ ратоборствующихъ даже заплатились двумя-тремя каплями крови, потому что изъ-за этой морской змѣи противники нерѣдко позволяли себѣ самыя оскорбительныя выходки другъ противъ друга.

Война эта длилась цѣлые шесть мѣсяцевъ, и длилась съ переменнымъ счастьемъ. Мелкая пресса отвѣчала неистощимыми насмѣшками и на солидныя статьи географическаго Бразильскаго института, Берлинской королевской академіи наукъ, Британской ассоціаціи, Вашингтонскаго Смитовскаго института, и на иронію „Индійскаго Архипелага“, и на разсужденія „Космоса“ Аббата Муаньо, и на мнѣнія „Вѣсти“ Петермана, и на ученныя хроники большихъ французскихъ и иностранныхъ журналовъ. Остроумные писатели, пародируя изреченіе Линнея, приведенное противниками чудовища, утверждали, что „природа не создастъ“ дураковъ и заклинали своихъ современниковъ не убѣждать міръ въ противномъ, допуская существованіе кракеновъ, морскихъ змѣй, различныхъ „Моби-Диковъ“ и прочихъ бредней полупомѣшанныхъ моряковъ. Наконецъ, въ статьѣ одного очень вліятельнаго сатирическаго жур-

нала, главный редакторъ, любимецъ публики, ринулся на морское чудо какъ новый Ишполитъ и нанесъ ему послѣдній ударъ при взрывахъ всеобщаго хохота. Остроуміе побѣдило науку.

Въ первые мѣсяцы 1867 года, вопросъ о „чудовищѣ“, казался, похоронили, и ему, по всеѣмъ видимостямъ, не предстояло воскреснуть, какъ вдругъ до свѣдѣнія публики доходятъ новые факты. И теперь дѣло уже шло не просто объ интересной научной задачѣ, а о серьезной, дѣйствительной опасности. Теперь кракеновъ и морскихъ змѣй оставили въ покоѣ и чудовище превратилось въ островъ, въ скалу, въ рифъ, но въ рифъ передвижной, плавающей, неуловимый.

5 марта 1867 года пароходъ „Маравіанъ“, принадлежащій Монреальской морской компаниі, находясь ночью подъ 27° 30' широты и 72° 15' долготы, ударился правою кормовою частью о какую-то скалу, которая не была означена ни на одной картѣ этихъ мѣстностей. Вѣтеръ былъ попутный и корабль въ четыреста силъ шелъ со скоростью шестнадцати узловъ въ часъ; на немъ было двѣсти тридцать семь пассажировъ, которыхъ онъ везъ изъ Канады. Ударъ былъ очень силенъ, и не будь корпусъ „Маравіана“ замѣчательно проченъ и крѣпокъ, корабль, безъ всякаго сомнѣнія, пошелъ бы ко дну.

Несчастье случилось на разсвѣтѣ, около пяти часовъ утра. Вахтенные офицеры кинулись на заднюю палубу. Они осмотрѣли море самымъ тщательнѣйшимъ образомъ. Они ничего не увидали, только на разстояніи трехъ кабельтовъ разбивалась сильная струя, какъ будто что-то сильно взволновало гладкую поверхность воды. Положеніе было опредѣлено съ самой строгой точностью, а затѣмъ „Маравіанъ“ продолжалъ свой путь безъ всякаго явнаго поврежденія.

Но на что же онъ наткнулся? На подводную скалу или на какіе нибудь выкинутые моремъ громадные обломки разбитаго корабля? Никто этого не зналъ. Однако, при осмотрѣ, въ докѣ подводной части оказалось, что часть киля сломана.

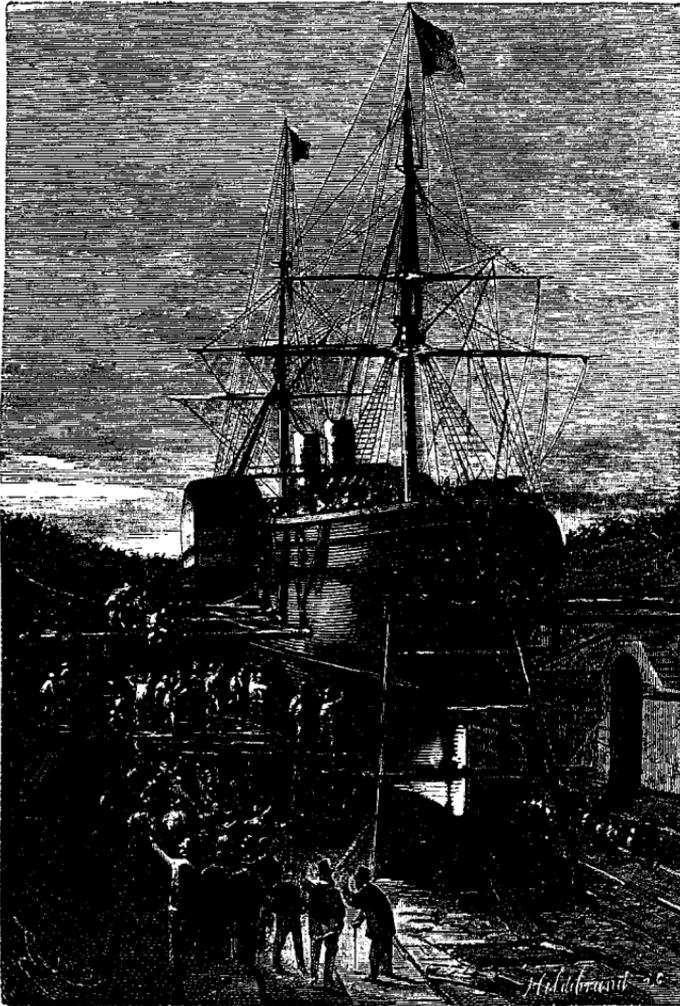
Этотъ случай, самъ по себѣ очень важный, былъ бы, можетъ статья, скоро позабытъ, какъ бывали позабыты другіе важные случаи, еслибы то же самое снова не повторилось, при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, три недѣли спустя. Благодаря національности судна, сдѣлавшагося жертвой новой катастрофы, и

значенію Общества, которому оно принадлежало, происшествіе повсемѣстно произвело сильнѣйшее впечатлѣніе.

Всякому, вѣроятно, извѣстно имя знаменитаго англійскаго судовладѣльца Кюнара. Этотъ смысленный промышленникъ учредилъ въ 1840 году почтовое сообщеніе между Ливерпульемъ и Галифаксомъ, посредствомъ трехъ деревянныхъ колесныхъ судовъ въ четыреста силъ, вмѣщавшихъ тысячу сто шестьдесятъ двѣ тонны. Черезъ восемь лѣтъ число судовъ Общества увеличилось четырьмя кораблями въ шестьсотъ пятьдесятъ силъ и тысячу восемьсотъ двадцать тоннъ, а спустя еще два года, присоединены были къ нимъ еще два судна, которыя силой и вмѣстимостью превосходили прежнія. Въ 1853 году компанія Кюнара возобновила привилегію перевозить депеши, и постепенно прибавляла къ своему составу корабли „Аравію“, „Персію“, „Китай“, „Шотландію“, „Яву“, „Россію“. Все эти суда отличались быстрымъ ходомъ и размѣрами уступали только знаменитому „Гретъ-Истерну“. Въ 1867 году компанія Кюнара уже владѣла двѣнадцатю кораблями: восемью колесными и четырьмя винтовыми.

Я вдаюсь въ такія подробности, желая яснѣе показать значеніе этой компаніи морской перевозки, которая своею акуратностью и точностью прибрѣла всеобщую извѣстность. Ни одно трансъ - океаническое навигаціонное предпріятіе не было ведено съ такимъ умѣньемъ; ни одно не увѣнчивалось такимъ успѣхомъ. Въ теченіе двадцати шести лѣтъ корабли компаніи Кюнара переплыли Атлантическій океанъ двѣ тысячи разъ и всегда все обходилось благополучно: не было примѣра, чтобы судно когда нибудь гдѣ нибудь запоздало; не было даже примѣра, чтобы какое нибудь письмо затерялось. И теперь еще, не смотря на сильную конкуренцію Франціи, пассажиры предпочитаютъ компанію Кюнара всѣмъ прочимъ компаніямъ, какъ это видно изъ официальныхъ документовъ за послѣдніе годы. Взявъ все это во вниманіе, легко можно понять, какой шумъ поднялся, когда приключилось несчастіе съ однимъ изъ самыхъ лучшихъ кюнарскихъ пароходовъ.

13 апрѣля 1867 года „Шотландія“ находилась подъ 15° 12' долготы и 45° 37' широты; море было тихое, дулъ небольшой вѣтерокъ. Тысячесильный корабль шелъ по тринадцати узловъ

Инженеры принялись осматривать «Шотландію».

слишкомъ; колеса его правильно, равномерно разсѣкали морскія волны. Онъ сидѣлъ въ водѣ на шесть метровъ семьдесятъ сантиметровъ, и водоизмѣненіе его равнялось шести тысячамъ шестьсотъ двадцати четыремъ кубическимъ метрамъ.

Въ четыре часа семнадцать минутъ по полудни пассажиры сидѣли въ большой каютѣ за завтракомъ; вдругъ что-то ударилося о корпусъ корабля; ударъ, впрочемъ, не произвелъ значительнаго сотрясенія; онъ пришеялся въ корму, позади лѣваго колеса.

Не „Шотландія“ наткнулась, а наткнулось что-то на нее и какимъ-то острымъ орудіемъ, которое рѣзало, а не сшибало. Столкновеніе казалось такимъ слабымъ, что никто на палубѣ не обратилъ бы на него особаго вниманія, если бы трюмные не прибѣжали съ криками:

— Мы идемъ ко дну, мы идемъ ко дну!

Въ первую минуту пассажиры, разумѣется, перепугались. Но капитанъ Андерсенъ успѣлъ ихъ успокоить. „Шотландія“ раздѣлялась на семь частей перегородками, задерживающими приливъ воды; значить, проломъ не грозилъ еще неминуемой опасностью.

Капитанъ Андерсенъ спустился тотчасъ же въ трюмъ. Оказалось, что пятое отдѣленіе залито водою, и по скорости, съ которою эта вода прибывала, можно было судить, что течь изрядно велика. Къ счастью, въ этомъ отдѣленіи не было котловъ, иначе огонь потухъ бы въ ту же минуту.

Капитанъ Андерсенъ отдалъ приказаніе немедленно остановиться и одинъ матросъ нырнулъ, чтобы осмотрѣть проломъ. Черезъ нѣсколько минутъ уже было дознано, что въ подводной части парохода пробита дыра въ два метра шириною. Такую течь невозможно было заклепать и „Шотландія“ должна была продолжать свой путь съ погруженными въ воду колесами. Она тогда находилась въ трехъ стахъ миляхъ отъ мыса Клира, и послѣ трехдневнаго промедленія, несказанно взволновавшаго весь Ливерпуль, вошла въ пристань компаніи.

„Шотландію“ поставили на сухой стапель и инженеры принялись ее осматривать. Они не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ. На два съ половиною метра ниже ватерлиніи было правильное отверстіе въ видѣ равнобедреннаго треугольника. Листовое желѣзо было пробито такъ ровно, такъ вѣрно, что и рѣзцомъ нельзя

было этого сдѣлать лучше. Очевидно, проломъ былъ сдѣланъ посредствомъ просверливающаго орудія и орудіе это отличалось необыкновенной крѣпостью. Вѣроятно, оно было пущено съ необычайною силою, пробило листовое желѣзо толщиною въ четыре сантиметра, а затѣмъ, помощію какого-то возвратнаго и необъяснимаго движенія, само собой отодвинулось.

Приключеніе съ „Шотландіей“ слова взволновало умъ. Съ этихъ поръ всѣ морскія несчастія, не имѣвшія опредѣленной причины, стали сваливать на „чудовище“. Фантастическому животному довелось отвѣчать за всѣ кораблекрушенія, число которыхъ, къ сожалѣнію, значительно; въ „Bureau-Veritas“ ежегодно сообщается о гибели трехъ тысячъ кораблей и изъ этихъ трехъ тысячъ по меньшей мѣрѣ двѣсти считаются потонувшими со всѣмъ грузомъ и экипажемъ.

Справедливо ли, нѣтъ ли, но исчезновеніе судовъ приписывали „чудовищу“, и по милости этого „чудовища“ сообщенія между различными материками становились все болѣе и болѣе опасными, все болѣе и болѣе затруднительными. Наконецъ публика заявила настоятельное требованіе, чтобы моря были во что бы то ни стало очищены отъ этого ужаснаго животного или плавающего рифа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ЗА И ПРОТИВЪ.

Именно около этого времени я возвращался изъ ученой экспедиціи, которая была предпринята съ цѣлію изслѣдовать негостеприимную страну Небраску въ Соединенныхъ Штатахъ. Я былъ прикомандированъ къ этой экспедиціи французскимъ правительствомъ какъ адъюнктъ-профессоръ при парижскомъ музеѣ естественной исторіи. Я провелъ шесть мѣсяцевъ въ Небраскѣ и къ концу марта прибылъ въ Нью-Йоркъ съ своимъ запасомъ драгоценныхъ коллекцій. Отъѣздъ во Францію назначенъ былъ въ первыхъ числахъ мая. Въ ожиданіи этого отъѣзда, я приводилъ въ порядокъ свои минералогическія, ботаническія и зоологическія богатства, когда приключилась съ „Шотландіей“ вышеописанная мною напасть.

Вопросъ о „чудовищѣ“ или „плавающемъ рифѣ“ стоялъ на очереди, и я, разумѣется, внимательно за нимъ слѣдилъ. Я читалъ и перечитывалъ всѣ американскіе и европейскіе журналы и газеты, но это чтенье нисколько не выяснило мнѣ дѣла. Тайственное чудо сильно подстрекало мое любопытство. Я не могъ ничего себѣ опредѣлить, не могъ составить никакого положительнаго мнѣнія, и потому переходилъ отъ одной крайности въ другую. Въ томъ, что тутъ что-то такое въ самомъ дѣлѣ есть, сомнѣваться было невозможно; невѣрующимъ предоставлялось вложить перстъ въ рану „Шотландіи“.

Когда я прибылъ въ Нью-Йоркъ, тамъ дѣло было въ самомъ разгарѣ. Прежнія предположенія о пловучемъ островѣ, о передвижной неуловимой скалѣ, были теперь брошены. Какъ могла бы скала двигаться съ такою изумительною скоростью? А предполагать, что скала снабжена какою нибудь машиною, было ужъ черезчуръ рискованно.

О „плавающемъ корпусѣ корабля“, о „громадныхъ обломкахъ какого нибудь разбитаго судна“ тоже перестали толковать, потому что ни корпусъ корабля, ни обломки, тоже не могли передвигаться съ такою быстротою.

Такимъ образомъ, значить, оставалось только два рѣшенія этого вопроса: одни стояли за „громадное подводное чудовище“, а другіе за „подводное судно“, снабженное необыкновенною движущею силою.

Предположеніе о подводномъ суднѣ, на первый взглядъ довольно правдоподобное, однако не устояло противъ розысковъ, произведенныхъ въ обоихъ полушаріяхъ. Какъ было допустить, чтобы какой нибудь частный человекъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи подобный механическій снарядъ? Гдѣ и какъ могъ онъ его построить? Допустивъ даже, что онъ построилъ, какъ могъ онъ это дѣло сохранить въ тайнѣ?

Подобную разрушительную машину могло снарядить только какое нибудь правительство и, въ наши смутныя времена, когда человекъ ухитряется въ совершенствованіи орудій войны, можно было предположить, что то или другое государство втихомолку устроило у себя этотъ чудовищный снарядъ. Послѣ ружей Шаспо — адскія машины, послѣ адскихъ машинъ — подводные тараны, затѣмъ реакція. Я, по крайней мѣрѣ, на это надѣюсь.

Но и предположеніе о военной машинѣ рухнуло: правитель-

ства заявили, что они ни въ чемъ неповинны и ничего не знаютъ. Сомнѣваться въ искренности правительственныхъ заявленій на этотъ разъ было трудно, потому что дѣло шло объ общемъ публичномъ интересѣ и при этомъ затруднялись и подвергались опасности трансъ-океаническія сообщенія. Да кромѣ того, возможно ли было допускать, что построеніе подобнаго подводнаго судна могло отъ всѣхъ укрыться: въ подобномъ случаѣ и частному лицу очень трудно сохранить тайну, а государству совершенно невозможно, потому что за всѣми его дѣйствіями зорко и ревниво слѣдятъ всѣ другія державы.

И такъ, послѣ справокъ, наведенныхъ въ Англии, Франціи, Германіи, Россіи, Испаніи, Италіи, Америкѣ, даже въ Турціи—предположеніе о „подводномъ мониторѣ“ тоже было отвергнуто.

„Чудовище“ опять выплыло на поверхность, несмотря на всѣ насмѣшки, которыми сыпала въ него мелкая пресса; скоро воображеніе разыгралось и, какъ говорится, пошло писать во всѣ стороны, вкривь и вкосъ.

Когда я прибылъ въ Нью-Йоркъ, многія лица оказали мнѣ честь, пожелавъ узнать мое мнѣніе насчетъ непонятнаго явленія. Я еще въ бытность мою во Франціи издалъ сочиненіе *in quarto* въ двухъ томахъ, „Тайны морскихъ безднъ“. Эта книга заслужила особое вниманіе ученаго міра и, благодаря этому, я сдѣлался какъ бы специалистомъ въ этой очень малозвѣстной отрасли естествовѣдѣнія. Когда стали спрашивать моего мнѣнія, я, пока еще возможно было отвергать дѣйствительность факта, отбояривался отрицаніемъ, но скоро меня, что называется, прижали къ стѣнкѣ, дѣваться было некуда и я долженъ былъ объясниться категорически. Газета „New-York-Herald“ обратилась къ „достопочтенному Пьеру Аронаксу, профессору парижскаго музея“, съ просьбою „формулировать какое нибудь сужденіе“.

Я покорился. Я заговорилъ, потому что молчать долѣе было нельзя. Я взялся за вопросъ со всѣхъ сторонъ, съ политической и съ научной.

Привожу здѣсь заключеніе статьи, которую я помѣстилъ въ номеръ 30 апрѣля:

„Разобравъ одну за другою всѣ гипотезы, приходится по необходимости допустить существованіе морскаго животнаго необычайной силы.

„Большія глубины океана намъ до сихъ поръ еще совершенно неизвѣстны. Лоть никогда еще не достигалъ ихъ дна. Что такое происходитъ и творится въ этихъ неизмѣримыхъ безднахъ? Какія существа живутъ и могутъ жить въ двѣнадцати или пятнадцати миляхъ ниже морской поверхности? Что за организмъ у этихъ животныхъ?“

„Здѣсь трудно, даже едва ли возможно дѣлать какія либо предположенія.“

„Однако, рѣшеніе заданной мнѣ задачи можетъ принять форму дилеммы.“

„Одно изъ двухъ: или намъ извѣстны всѣ разновидности существъ, населяющихъ нашу планету, или нѣтъ.“

„Если нѣтъ, если по части ихтиологіи природа еще имѣетъ отъ насъ тайны, то мы очень естественно можемъ допустить существованіе рыбъ или китообразныхъ не только новыхъ видовъ, но даже новыхъ родовъ, рыбъ или китообразныхъ, организованныхъ исключительно для жизни въ морскихъ пропастяхъ, для лота недоступныхъ, и которые вельдствіе какого нибудь событія, или по случайности, или просто по своей прихоти, коли хотите, появляются время отъ времени въ верхнихъ слояхъ океана.“

„Если же, напротивъ, намъ уже извѣстны всѣ существующіе виды, то надо отыскивать данное животное въ числѣ морскихъ обитателей, поименованныхъ въ каталогахъ, и въ этомъ случаѣ я готовъ допустить существованіе *Нарвала Гиганта*.“

„Обыкновенный нарвалъ или морской однозубъ часто достигаетъ шестидесяти футовъ въ длину. Помножьте эти размѣры на пять, на десять, дайте соотвѣтственную силу этому росту, увеличьте во столько же разъ наступательное орудіе животного, и вы получите искомое чудовище. Оно будетъ имѣть и размѣры, опредѣленные офицерами „Шанона“, и орудіе, способное проломить корму „Шотландіи“, и достаточную силу для поврежденія корпуса парохода.“

„Извѣстно, что нарвалъ вооруженъ чѣмъ-то въ родѣ костяной шпата, алебардой, какъ выражаются нѣкоторые натуралисты. Это громадный зубъ, имѣющій крѣпость стали. Бывали случаи, что подобные зубы попадались воткнутыми въ китахъ, которыхъ нарвалъ атакуетъ всегда съ большимъ успѣхомъ. Случалось тожѣ, что такіе зубы вырывали изъ корабельныхъ корпусовъ, которые

они проникаютъ насквозь, какъ буравъ просверливаетъ боченокъ. Въ парижскомъ музеѣ медицинскаго факультета есть подобный клыкъ въ два метра двадцать пять сантиметровъ длиною, а шириною, при основаніи, въ сорокъ восемь сантиметровъ.

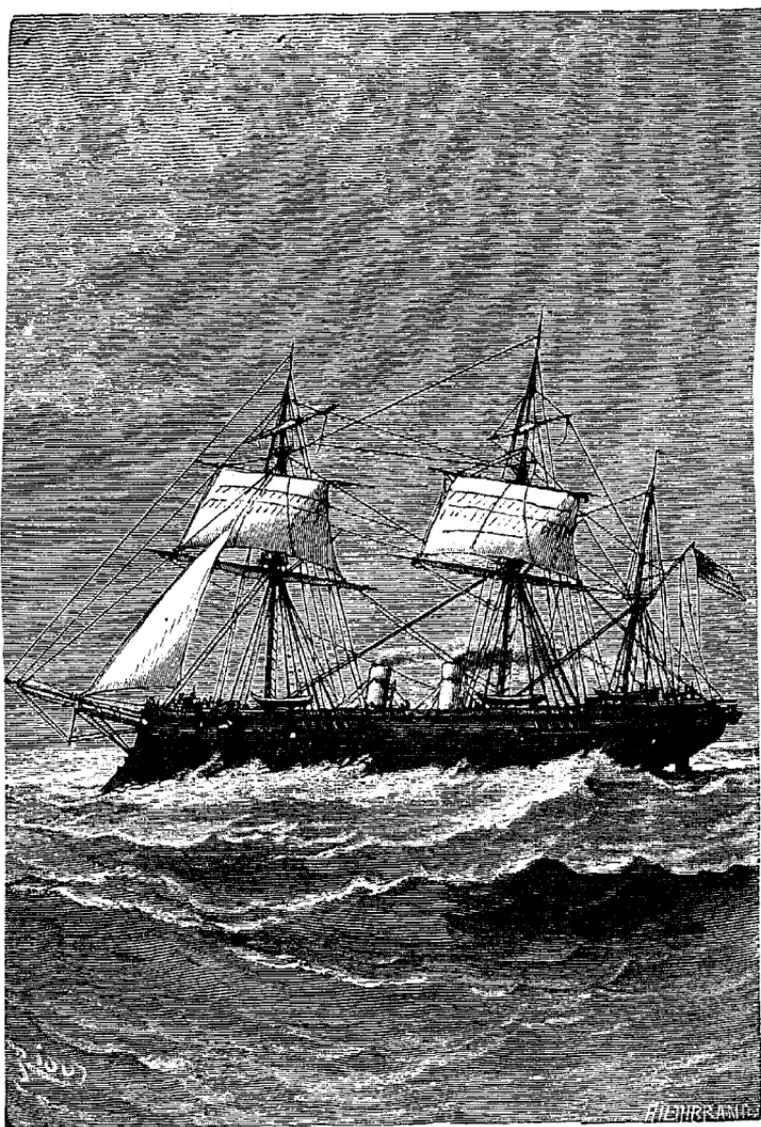
„Теперь представьте себѣ, что орудіе это въ десять разъ больше и крѣпче, а животное въ десять разъ сильнѣе; представьте еще, что оно движется со скоростью двадцати миль въ часъ, помножьте величину животнаго на его скорость,—и вы получите ударъ, способный произвести требуемую катастрофу.

И такъ, въ ожиданіи болѣе подробныхъ изслѣдованій, я склоняюсь къ тому, что мы имѣемъ дѣло съ громаднѣйшимъ морскимъ однозубомъ, вооруженнымъ уже не алебардой, а настоящей шпорой, какъ броненосные фрегаты, на которыхъ чудовище походитъ какъ своими размѣрами, такъ и своею движущею силою.

„Такъ, мнѣ кажется, можно объяснить данное загадочное, необъяснимое явленіе, — если только помянутое явленіе не бредъ разстроенаго воображенія,—что тоже возможно.“

Послѣднія слова были съ моей стороны подлостью; я ими хотѣлъ оградить, на сколько возможно, свое профессорское достоинство отъ насмѣшекъ американцевъ. Американцы, надо отдать имъ справедливость, мастера насмѣхаться, и кто попадетъ имъ на зубокъ, тому придется жутко. Человѣкъ слабъ! Профессоръ естественныхъ наукъ тоже! Я приберегу себѣ лазѣйку, но въ глубинѣ души вѣрилъ въ „чудовище.“

Статья моя возбудила горячіе споры и пренія, вслѣдствіе чего получила большую извѣстность и даже образовала партію приверженцевъ. Предлагаемое въ ней разрѣшеніе вопроса давало, впрочемъ, полную свободу воображенію. Умъ человѣческой любитъ создавать громадныя, чудовищныя образы сверхъестественныхъ существъ, а море представляетъ для нихъ самое удобное помѣщеніе; море—единственная среда, гдѣ могутъ рождаться и развиваться гиганты, передъ которыми земныя животныя—слоны, носороги—кажутся карликами. Въ водяныхъ массахъ обитаютъ самыя чудовищныя породы извѣстныхъ намъ млекопитающихъ; въ нѣдрахъ ихъ, можетъ статься, скрываются и моллюски невиданныхъ размѣровъ, ракообразныя ужасающаго вида,—напримѣръ, гомары въ сто метровъ или крабы вѣсомъ въ двѣсти тоннъ. Рѣшительно отвергать этого никто не рѣшится. Во времена они

«Авраамъ-Линкольнъ».

земныя животныя, современныя геологическихъ и четвероногія, и четверорукія, и пресмыкающіяся, и птицы были построены какъ бы по гигантскимъ моделямъ, отлиты въ колоссальныя формы, которыя время, мало по малу, сократило и сдузило. Почему же намъ не допустить, что море сохранило въ своихъ неизвѣданныхъ глубинахъ эти громадныя образчики жизни минувшихъ вѣковъ? Море вѣдь не подвержено никакимъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ земное ядро безпрестанно мѣняется. Почему намъ не допустить, что море скрываетъ въ своихъ глубинахъ послѣднія разновидности, титаническихъ породъ, гдѣ годы равняются нашимъ вѣкамъ, а вѣка тысячелѣтіямъ?

Но я позволяю себѣ увлекаться мечтами, которыя я, по настоящему, не только не долженъ поддерживать, но обязанъ строго преслѣдовать. Довольно объ этихъ химерахъ, которыя превратились для меня впоследствии въ ужасную дѣйствительность. Повторяю еще разъ, что общественное мнѣніе о „чудовищѣ“ наконецъ установилось и публика допустила безпрекословно существованіе громаднаго животнаго, неизмѣющаго ничего общаго съ баснословными морскими змѣями.

Но если одни смотрѣли на это дѣло исключительно съ научной точки зрѣнія, то другіе, люди болѣе положительные, особенно въ Америкѣ и въ Англій, стояли на томъ, чтобы все-непремѣнно очистить океанъ отъ этого чудовища и обезопасить морскія сообщенія. Промышленные и торговые журналы принимали къ сердцу вопросъ преимущественно съ этой стороны. «Shipping and Mercantile Gazette», «Lloyd», «Raquetbot», *Revue maritime et coloniale*—все журналы, преданные страховымъ компаніямъ, которыя грозились возвысить размѣръ своихъ премій, единодушно твердили о необходимости истребленія гиганта, мѣшающаго серьезнымъ интересамъ морской торговли.

Соединенные Штаты отозвались первыя на заявленіе общественнаго мнѣнія. Въ Нью-Йоркѣ начали приготовляться къ экспедиціи, назначавшейся для преслѣдованія нарвала. Броненосный фрегатъ „Авраамъ Линкольнъ“, отличавшійся быстротою хода и прочностью постройки, долженъ былъ въ самомъ непродолжительномъ времени выйти въ море. Все арсеналы были открыты для капитана Фаррагюта и капитанъ Фаррагютъ дѣятельно снаряжалъ свой корабль.

Но именно въ то время, когда окончательно было порѣшено преслѣдовать чудовище, это чудовище перестало показываться. Цѣлыхъ два мѣсяца о немъ не было ни слуху, ни духу. Ни одинъ корабль съ нимъ не встрѣтился. Однозубъ какъ будто провѣдалъ о состоявшемся противъ него заговорѣ. Нѣкоторые шутники увѣрили, что коварный нарвалъ перехватилъ какую нибудь телеграмму, въ которой о немъ говорилось (о немъ говорили и въ телеграммахъ!) и принялъ свои мѣры.

И такъ, фрегатъ былъ снаряженъ для далекаго плаванья, снабженъ самыми страшными рыболовными орудіями, а въ какую сторону направлять путь—было неизвѣстно. Нетерпѣніе возрастало съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Наконецъ, 2 іюля получено было извѣстіе, что пароходъ по линіи отъ Санъ-Франциско въ Калифорніи до Шангаи три недѣли тому назадъ встрѣтилъ чудовище въ сѣверныхъ моряхъ Тихаго Океана.

Это извѣстіе неслыханно всѣхъ взволновало. Капитану Фаррагюту не дали и на двадцать четыре часа отсрочки. Всѣ запасы уже были на кораблѣ, камеры переполнены каменнымъ углемъ, экипажъ въ полномъ составѣ и весь на лицо. Оставалось только затопить печи, развести пары да и отчаливать. Нетерпѣніе было лихорадочное, и теперь не простили бы капитану даже нѣсколькихъ часовъ промедленія, да и самому Фаррагюту хотѣлось поскорѣе выступить въ море.

За три часа до отплытія „Авраама Линкольна“ я получилъ вотъ такое письмо:

„Господину Аронаксу, профессору Парижскаго Музея.

„Милостивый Государь!

„Если вы пожелаете присоединиться къ экспедиціи „Авраама Линкольна“, то правительству Соединенныхъ Штатовъ будетъ очень пріятно видѣть, что Франція въ вашемъ лицѣ приметъ участіе въ нашемъ предпріятіи. Капитанъ Фаррагютъ предоставляетъ въ ваше полное распоряженіе отдѣльную каюту.

„Искренно преданный

„І. В. Гобсонъ“,

„Секретарь морского вѣдомства“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КАКЪ БУДЕТЪ УГОДНО ИХЪ ЧЕСТИ.

За три секунды до полученія письма І. Б. Гобсона, я столько же помышлялъ о преслѣдованіи однозуба, сколько о проходѣ черезъ сѣверо-западный проливъ, а черезъ три секунды послѣ приглашенія вышепомянутаго письма я понялъ и созналъ, что мое истинное назначеніе, цѣль всей моей жизни именно въ томъ и заключается, чтобы травить это зловерное чудовище и избавить отъ него міръ божій.

Я только что воротился изъ труднаго путешествія, я былъ утомленъ, измученъ, жаждалъ отдыха и покоя, я только о томъ и мечталъ, какъ бы мнѣ поскорѣй снова увидать родину, друзей, свою маленькую ученую обитель при Ботаническомъ садѣ и свои дорогія, неоцѣненные коллекціи. Но ничто меня не могло удержать. Я забылъ все: усталость, друзей, коллекціи и безъ дальнѣйшихъ размысленій принялъ предложеніе американскаго правительства.

— Что жъ такое? думалъ я, что жъ такое? поплыву и конецъ! Притомъ же всякій путь ведетъ въ Европу; а однозубъ можетъ будетъ такъ любезенъ, что именно увлечетъ меня къ берегамъ Франціи. Можетъ статься, это достойное животное позволить—въ видахъ моего личнаго удовольствія—изловить себя въ европейскихъ моряхъ, и я тогда привезу въ нашъ естественный музей полуметръ,—отнюдь не менѣе полуметра! — его костяной алебарды.

Но въ ожиданіи будущихъ любезностей нарвала, теперь приходилось его отыскивать на сѣверѣ Тихаго океана, слѣдовательно держать путь къ антиподамъ Франціи.

Я нетерпѣливо кликнулъ:

— Консейль!

Консейль—это мой слуга, очень преданный мнѣ парень, который сопровождалъ меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ и странствованіяхъ. Я его очень любилъ и онъ платилъ мнѣ взаимностью.

Консейль былъ честный фламандецъ, существо флегматическое по природѣ, исправное и акуратное по принципу, усердное по привычкѣ, существо не изумлявшееся и не смущавшееся никакими внезапными и неожиданными переворотами и продѣлками судьбы, существо ловкое на всякую работу, способное ко всякому дѣлу и, вопреки своему имени (*), никогда не дающее совѣтовъ, — даже и тогда, когда ихъ не спрашиваютъ.

Консейль постоянно вращался въ кругу нашего ученаго мірка при Ботаническомъ садѣ и кое-чему научился. Онъ у меня былъ знатный специалистъ по части классификацій естественной исторіи и съ быстротой акробата пробѣгалъ всю лѣстницу отдѣловъ, группъ, классовъ, подклассовъ, порядковъ, семействъ, родовъ, видовъ и разновидностей. Но его познанія на этомъ и останавливались. Классифицировать — въ этомъ была его жизнь и дальше онъ не шелъ. Онъ былъ силенъ въ теоріи классификаціи, но въ практикѣ слабъ, и, полагаю, не сумѣлъ бы отличить кита отъ кашелота. Нечего грѣха таить, не сумѣлъ бы отличить! И однако какой честный и славный человекъ!

Уже десять лѣтъ Консейль слѣдовалъ за мною всюду, куда только наука меня увлекала. Отроду я отъ него не слыхалъ ни единой жалобы на продолжительность или на трудность путешествія, никогда онъ не только не отказывался, но даже не возражалъ, куда бы я его ни звалъ, въ Китай, или въ Конго, въ какую угодно даль. Онъ былъ надѣленъ отличнѣйшимъ здоровьемъ, которое устояло противъ всякихъ неудобствъ, перемѣнъ климата и проч. тому подобнаго крѣпкими мускулами, но у него не было и признака нервовъ — само собою разумѣется, не было нервовъ въ нравственномъ отношеніи.

Этому парню было тридцать лѣтъ; возрастъ его относился къ возрасту его господина какъ 15 къ 20. Да простится мнѣ, что я сообщаю этимъ оборотомъ, что мнѣ было сорокъ лѣтъ!

Но у Консейля былъ одинъ недостатокъ: онъ былъ отчаянный формалистъ; онъ не иначе говорилъ со мной, какъ въ третьемъ лицѣ, и величалъ меня „честью“, что подъ часъ сильно меня раздражало.

(*) Conseil—совѣтъ.

— Консейль! повторилъ я.

А самъ, между тѣмъ, лихорадочной рукой принялся за сборы въ плаваніе.

Я, конечно, былъ совершенно увѣренъ въ преданности Консейля. Я обыкновенно даже и не спрашивалъ его, желаетъ ли онъ отправиться въ такое-то или другое странствіе. Но теперь дѣло шло объ экспедиціи, которая могла затянуться на богъ-вѣсть какое долгое время, о предпріятіи очень ненадежномъ, отважномъ, о преслѣдованіи чудовища, которое, пожалуй, пустить корабль ко дну, какъ орѣховую скорлупку. Тутъ было надъ чѣмъ призадуматься даже и самому хладнокровному и невозмутимому человѣку на свѣтѣ!

Что-то скажетъ Консейль?

И крикнулъ въ третій разъ:

— Консейль!

Консейль явился.

— Ихъ честь изволила звать меня? сказалъ онъ, входя въ комнату.

— Да, я звалъ... Собрай меня въ путь, дружище, собирайся самъ. Мы отплываемъ черезъ два часа.

— Какъ будетъ угодно ихъ чести, отвѣчалъ спокойно Консейль.

— Нельзя терять ни минуты. Укладывай въ чемоданъ всё мои дорожныя принадлежности, платье, рубашки, носки, бери всего побольше, — какъ можно побольше, — не считай, да поскорѣе, поскорѣе!

— А коллекція ихъ чести?

— Мы займемся ими послѣ.

— Какъ же это? архіотеріумы, и ракотеріумы, ореодоны...

— Они останутся здѣсь, въ гостинницѣ.

— А живая индійская свинка ихъ чести?

— Ее будутъ кормить, пока мы въ отлучкѣ. Да притомъ я распоряджусь, чтобы весь нашъ звѣринецъ переслали во Францію.

— Такъ мы не въ Парижъ ѣдемъ? спросилъ Консейль.

— О, разумѣется... отвѣчалъ я уклончиво: — разумѣется... только намъ придется сдѣлать крюкъ... крюкъ...

— Какой будетъ угодно ихъ чести.

— О, это крюкъ пустячный! Мы только нѣсколько обогнемъ...

обогнемъ прямую дорогу,—вотъ и все. Мы отплываемъ на „Авраамъ Линкольнъ.“

— Какъ ихъ чести заблагоразсудится, отвѣчалъ безмятежно Консейль.

— Ты знаешь, мой другъ, что дѣло идетъ о чудовищѣ... о знаменитомъ нарвалѣ,—знаешь?... Мы счистимъ отъ него моря! Авторъ сочиненія о *Тайнахъ Морскихъ Безднъ*, въ двухъ томахъ, in quarto не можетъ отказаться... не можетъ не сопровождать капитана Фаррагута! Это предпріятіе славное, но.... но и опасное! Самъ не знаешь, куда идешь. Чудовища эти могутъ быть очень капризны.... Но мы все-таки отправимся. У насъ капитанъ хоть куда,—хоть на солнце, такъ и то не сморгнетъ....

— Коли ихъ честь поплыветъ, такъ и я поплыву, отвѣчалъ Консейль.

-- Ты подумай хорошенько. Я отъ тебя ничего не хочу утаивать. Это будетъ такое путешествіе, изъ котораго не всегда возвращаются!

— Какъ ихъ чести будетъ угодно.

Черезъ четверть часа наши чемоданы были готовы. Консейль живо справился съ укладкою, и можно было поручиться, что онъ ничего не позабылъ, ничего не упустилъ изъ виду: этотъ парень такъ же хорошо классировалъ рубашки и платье, какъ птицъ и млекопитающихъ.

Служитель гостиницы снесъ наши вещи и сложилъ ихъ въ большихъ сѣняхъ втораго этажа. Я спустился внизъ и за громаднымъ прилавкомъ, который постоянно осаждаютъ значительная толпа, расплатился по счету. Я распорядился, чтобы мои тюки съ препарованными животными и сухими растеніями были отправлены въ Парижъ, открылъ достаточный кредитъ своей морской свинкѣ, затѣмъ, вмѣстѣ съ Консейлемъ, прыгнулъ въ карету.

Этотъ экипажъ, за двадцать франковъ въ конецъ, спустился по Бродвейской улицѣ до Юніонъ - Сквера, проѣхалъ по Четвертой Аллеи до Бовера - Стрита, повернулъ въ Катринъ-Стритъ и остановился у Тридцать Четвертой Пристанн. Отсюда насъ, людей, лошадей и экипажъ доставили на Катринскомъ перевозномъ суднѣ въ большое предмѣстье Нью-Йорка, въ Бруклинъ, расположенное на лѣвомъ берегу Восточной Рѣки, а черезъ вѣсколько минутъ мы достигли набережной. Здѣсь мы увидѣли „Авраама

Какъ ихъ чести будетъ угодно.

Линкольна;“ онъ выбрасывалъ изъ своихъ трубъ цѣлые потоки черного дыма.

Наши вещи немедленно перетасили на палубу фрегата. Я кинулся на бортъ.

Я спросилъ, гдѣ капитанъ Фаррагютъ. Одинъ матросъ провелъ меня на ютъ, гдѣ я увидалъ очень красиваго и привлекательнаго офицера. Этотъ офицеръ протянулъ мнѣ руку.

— Господинъ Пьеръ Аронаксъ? сказали онъ.

— Онъ самый, отвѣчалъ я. — Капитанъ Фаррагютъ?

— Такъ точно. Очень радъ, добро пожаловать, господинъ профессоръ. Каюта ваша готова, — къ вашимъ услугамъ.

Я поклонился и, не желая мѣшать капитану, попросилъ указать мнѣ назначенную каюту.

„Авраамъ Линкольнъ“ былъ отлично приспособленъ къ своему новому назначенію; фрегатъ отличался прочностью, большимъ ходомъ и былъ снабженъ такими подогрѣвательными снарядами для топленія, что давленіе его паровъ можно было повышать до семи атмосферъ. При такомъ давленіи „Авраамъ Линкольнъ“ достигалъ средней скорости восемнадцати миль и трехъ десятыхъ въ часъ, — скорость эта, разумѣется, была очень значительная, но все-таки недостаточная для борьбы съ гигантскимъ чудовищемъ. Внутреннее устройство фрегата соответствовала его морскимъ качествамъ. Я былъ чрезвычайно доволенъ своею каютой: она находилась въ задней части корабля и сообщалась съ офицерскимъ отдѣленіемъ.

— Тутъ вамъ будетъ отлично, сказалъ я Консейлю.

— Такъ же отлично, съ позволенія ихъ чести, какъ раку-отшельнику (*) въ раковинкѣ трубоорога (**), отвѣчалъ Консейль.

Консейль принялся разбирать чемоданы, а я воротился на палубу и сталъ слѣдить за сборами и приготовленіями къ отъѣзду.

Въ эту самую минуту капитанъ Фаррагютъ приказалъ ослабить послѣдніе канаты, удерживавшіе „Авраама Линкольна“ у Бруклинской пристани. Значить, замедли я на какую нибудь четверть часа, даже и того менѣе, — и фрегатъ уплылъ бы безъ меня, и я

(*) Отшельникъ Діогеном.—Pagurus Bernardus.

(**) Букцинъ или трубоорогъ—Buccinum.

лишился бы возможности участвовать въ этой необыкновенной, сверхъестественной, невѣроятной экспедиціи!

Капитанъ Фаррагютъ не хотѣлъ терять не только одного дня, даже одного часа, и торопился направиться къ морямъ, гдѣ въ послѣдній разъ было замѣчено чудовище. Онъ позвалъ механика.

— Что, готовы ли у васъ пары? спросилъ онъ.

— Готовы, отвѣчалъ механикъ.

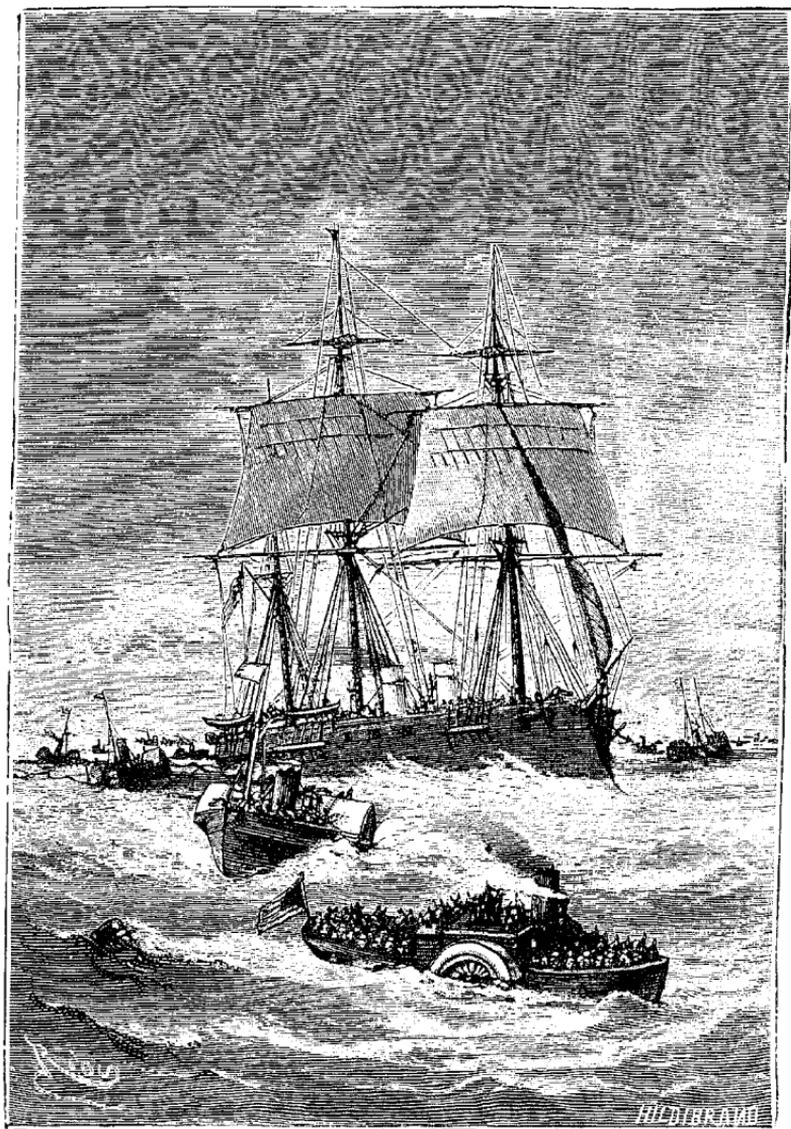
— Go head! скомандовалъ капитанъ Фаррагютъ.

По этой командѣ, сообщенной машинѣ посредствомъ снарядовъ съ сжатымъ воздухомъ, рабочіе привели въ движеніе двигательное колесо. Паръ засвисталъ, устремаясь въ полуоткрытые золотники. Длинные, горизонтальные поршни застонали и двинули шатуны. Винтовныя лопасти завертѣлись и начали разсѣкать волны все быстрѣе и быстрѣе, и „Авраамъ Линкольнъ“ величественно выступилъ, сопровождаемый сотнею лодокъ и тендеровъ (*), переполненныхъ зрителями.

Вся Бруклинская набережная и вся сторона Нью-Йорка, примыкающая къ Восточной Рѣкѣ, были покрыты толпами любопытныхъ. Пятьсотъ тысячъ человѣкъ громко прокричали ура. Тысячи платковъ развѣвались въ воздухѣ надъ сплотившейся толпой и привѣтствовали „Авраама Линкольна“ до самаго его вступленія въ воды Гудсона, у оконечности продолговатаго полуострова, который образуетъ городъ Нью-Йоркъ.

Тутъ фрегатъ, придерживаясь со стороны Нью-Джерсея великолѣпнаго праваго берега рѣки, сплошь застроеннаго прелестными виллами, прошелъ мимо укрѣпленій, которыя салютовали ему изъ самыхъ большихъ своихъ пушекъ. Въ отвѣтъ на эти салюты „Авраамъ Линкольнъ“ троекратно спускалъ и поднималъ американскій флагъ, на которомъ сіяло тридцать девять звѣздъ; затѣмъ, нѣсколько умѣривъ свой ходъ, онъ вступилъ въ помѣченный баканами фарватеръ, изгибающійся по заливу, образуемому оконечностью Сенди-Гука, и прошелъ мимо песчаной отмели, съ которой нѣсколько тысячъ зрителей еще разъ его привѣтствовали.

(*) Маленькіе пароходы для перевозки груза и пассажировъ на большіе пароходы.

Лодки и тендеры провожали фрегатъ.

Процессія лодокъ и тендеровъ провожала фрегатъ до самаго маяка.

Пробило три часа. Лоцманъ сѣлъ въ свою шлюбку и добрался до маленькой шкуны, которая ждала его подъ вѣтромъ. Огонь усилили; винтъ сталъ ударять по волнамъ быстрѣе; фрегатъ шелъ вдоль желтаго и низкаго Лонгъ-Эйлендскаго берега, а къ восьми часамъ вечера, потерявъ изъ виду на сѣверо-востокѣ огни Фейръ-Эйленда, понесся на всѣхъ парахъ по темнымъ водамъ Атлантическаго океана.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

НЕДЪ ЛЕНДЪ.

Капитанъ Фаррагютъ былъ морякъ отличный, вполне достойный „Авраама Линкольна“. Онъ, можно сказать, совершенно сливался съ своимъ кораблемъ. Существованіе чудовища не подлежало у него никакому сомнѣнію и онъ даже не позволялъ на своемъ кораблѣ никакихъ пересудовъ по этому поводу. Капитанъ Фаррагютъ вѣрилъ въ чудовище, какъ инныя старушки вѣрятъ въ библейскую тварь Левіафана, не разумомъ, а сердцемъ. Чудовище существовало и капитанъ Фаррагютъ очистить отъ него моря, — онъ въ этомъ поклялся. Это былъ своего рода родосекій рыцарь, который шелъ на встрѣчу змѣю, раззорившему его островъ. Чтонибудь одно: или капитанъ Фаррагютъ истребитъ нарвала, или нарвалъ истребитъ капитана Фаррагюта. Середины тутъ не было.

Офицеры совершенно раздѣляли мнѣніе своего начальника; надо было послушать, какъ они разговаривали, толковали, судили, спорили и взвѣшивали возможные шансы и какъ наблюдали необозримую ширь океана. То тотъ, то другой добровольно отправлялся на вахту, тогда какъ при всякомъ другомъ обстоятельстве каждый изъ нихъ жаловался бы и проклиналъ такую каторгу. Пока солнце описывало свой дневный кругъ, матросы постоянно тѣснились на раюгутѣ, словно на палубѣ доски жгли имъ ноги и они не могли тутъ устоять. А еще „Авраамъ Линкольнъ“ не касался своимъ форъ-штевенемъ подозрительныхъ водъ Тихаго океана.

Что касается до экипажа, то онъ очень желалъ повстрѣчать однозуба, хватить его острогой, вытянуть на палубу и изрубить на части. Всѣ съ величайшимъ вниманіемъ вглядывались и всматривались въ море. Надо еще упомянуть и то, что капитанъ Фаррагютъ объявилъ о суммѣ въ двѣ тысячи долларовъ, назначавшейся тому зоркому юнгѣ, матросу, боцману или офицеру, который первый замѣтитъ чудовище. Можете себѣ представить, какъ усердно всѣ упражняли свое зрѣніе.

Я тоже не отставалъ отъ прочихъ и никому не уступалъ своей доли ежедневныхъ наблюденій. Нашего „Авраама Линкольна“ слѣдовало бы тогда по настоящему переименовать въ „Стоглазаго Аргуса“. Только одинъ мой Консейль относился довольно равнодушно къ воспламенявшему насъ вопросу и не раздѣлялъ общаго энтузіазма.

Я уже говорилъ, что капитанъ Фаррагютъ заботливо снабдилъ свой корабль всякими орудіями для ловли громаднаго кита. Настоящее китоловное судно не могло быть вооружено исправнѣе и лучше. У насъ были всѣ извѣстные снаряды, начиная отъ остроги, которую мечутъ рукой, до зубчатыхъ стрѣлъ и разрывныхъ пуль. На бакѣ у насъ стояла усовершенствованная пушка, заряжавшаяся съ казенника, съ очень толстыми стѣнками и съ очень узкимъ каналомъ; модель этой пушки находилась на всемірной выставкѣ 1867 года. Это драгоцѣнное орудіе американскаго происхожденія посылало, нисколько не стѣсняясь, коническое ядро въ четыре килограмма на разстояніе шестнадцати километровъ среднимъ числомъ.

„Авраамъ Линкольнъ“ обладалъ, значить, всѣми средствами разрушенія. Мало того: кромѣ помянутыхъ страшныхъ орудій, на борту находился самъ Недъ Лендъ, царь багрильщиковъ.

Недъ Лендъ былъ родомъ канадецъ; онъ обладалъ необычайною вѣрностью руки и не зналъ себѣ ровни въ своемъ опасномъ промыслѣ. Его ловкость и хладнокровіе, смѣлость и хитрость доходили до самой высшей степени; надо было быть очень лукавымъ китомъ или ужъ черезчуръ коварнымъ кашелотомъ, чтобъ вернуться отъ его остроги.

Неду Ленду было около сорока лѣтъ; это былъ высокій ростомъ мужчина, — въ немъ было болѣе шести англійскихъ футовъ, — крѣпкаго сложенія, степеннаго вида, несообщительнаго

Неду было около сорока лѣтъ.

права; повременамъ у него прорывалось нѣкоторое буйство, а когда ему перечили, онъ выходилъ изъ себя и поднималъ великую бурю. Наружность его обращала на себя вниманіе. въ особенности поражало въ немъ какое-то могущество взгляда, сообщавшее лицу необыкновенную выразительность.

Капитанъ Фаррагутъ распорядился, какъ нельзя благоразумнѣе, пригласивъ къ себѣ этого человѣка: по вѣрности руки и взгляда онъ одинъ стоялъ всего экипажѣ. Мнѣ кажется, его удачно можно было сравнить съ точнымъ, превосходнымъ телескопомъ, который въ то же время былъ бы и пушкой, всегда готовою выпалить.

Канадецъ—вѣдь это тотъ же французъ, и я долженъ признаться, что Недъ Лендъ, не взирая на свой несообщительный нравъ, почувствовалъ ко мнѣ нѣкоторое расположеніе. Его, вѣроятно, привлекала французская національность. Ему представлялся случай поговорить, а мнѣ послушать старый французскій языкъ, которымъ писалъ Рабле, и который до сихъ поръ еще сохранился въ нѣкоторыхъ канадскихъ провинціяхъ. Семейство багрильщика было родомъ изъ Квебека и члены его были отважными рыбаками еще въ тѣ времена, когда этотъ городъ принадлежалъ Франціи.

Мало по малу Недъ разговорился, и я съ наслажденіемъ слушалъ повѣствованія о его приключеніяхъ въ полярныхъ моряхъ. Онъ рассказывалъ про свои рыбныя ловли и про поединки съ китами просто, безыскусственно. Подъчасъ мнѣ казалось, что я слушаю какого-то канадскаго Гомера, воспѣвающаго Илиаду гиперборейскихъ странъ.

Я описываю этого молодца такимъ, какимъ его знаю теперь. Мы стали съ нимъ друзьями и связаны тою неразрывною дружбою, которая зарождается и крѣпнетъ въ страшныхъ и тяжелыхъ жизненныхъ испытаніяхъ. Молодчина Недъ! Я, пожалуй, не прочь прожить еще столѣтъ, чтобы только о тебѣ вспоминать подольше.

Что же думалъ Недъ Лендъ о морскомъ чудовищѣ? Онъ надо признаться, не очень-то вѣровалъ въ однозуба и не раздѣлялъ общаго убѣжденія. Онъ даже избѣгалъ разговоровъ объ этомъ предметѣ, что я замѣтилъ въ первый же разъ, когда попробовалъ повыпытать его мысли на этотъ счетъ.

30-го іюля, въ великолѣпнѣйшій вечеръ, т. е. черезъ три

недѣли послѣ нашего отплытія изъ Нью-Йорка, фрегатъ находился поблизости Бѣлаго Мыса, въ тридцати миляхъ подъ вѣтромъ отъ Пагогонскихъ береговъ. Мы миновали тропикъ Козерога и къ югу, менѣе чѣмъ въ семистахъ миляхъ, передъ нами открывался Магелановъ проливъ. Черезъ недѣлю „Авраамъ Линкольнъ“ долженъ былъ вступить въ воды Тихаго океана.

Мы съ Недомъ Лендомъ сидѣли на ютѣ, толковали о томъ о семъ и поглядывали на это таинственное море, чьи глубины до сихъ поръ недоступны взору человѣка. Я завелъ рѣчь про однозуба-гиганта и принялся разсуждать о различныхъ шансахъ нашего предпріятія. Я разсуждалъ довольно долго, потому вижу Недъ молчить, предоставляя мнѣ одному разговаривать, и приступаю къ нему напрямикъ, безъ всякихъ увертокъ.

— Какъ же это, Недъ, говорю, неужто вы не вѣрите, что чудовище существуетъ? Почему вы не вѣрите? Или у васъ имѣются какія нибудь особыя уважительныя причины не вѣрить?

Багрильщикъ сначала поглядѣлъ на меня съ минуту молча, ударилъ, по привычкѣ, по своему широкому лбу, закрылъ глаза, какъ бы что-то обдумывая, и наконецъ отвѣтилъ:

— А можетъ статья и есть причины, г. Аронаксъ.

— Однако, Недъ, вы вѣдь багрильщикъ по ремеслу и должны бы уже, кажись, освоиться съ огромными морскими млекопитающими, — значить, вамъ легче, чѣмъ всякому другому, представить себѣ какое нибудь чудовищное китообразное, — легче повѣрить въ него!

— Ну, въ этомъ вы ошибаетесь, г. профессоръ, отвѣчалъ Недъ. — Коли темные люди вѣрятъ въ необыкновенныя кометы, да въ допотопныхъ чудовищъ, что будто бы сидятъ въ земномъ нутрѣ, такъ это имъ простиительно, на то они и „темные люди“, но вѣдь астрономы и геологи смѣются надъ этими баснями. Китоловы тоже кое-что смыслятъ. Я на своемъ вѣку гонялся не за однимъ морскимъ животнымъ, не малое число прикалывалъ острою, случалось тоже и убивать ихъ въ изрядномъ количествѣ, только отроду я не видывалъ такихъ хвостатыхъ и клыкатыхъ; чтобы они пробивали листовое желѣзо на пароходѣ!

— Однако, Недъ, разсказываютъ за вѣрное, что зубъ нарвала прохватываетъ насквозь суда!

— Деревянные суда, это можетъ статья, отвѣчалъ кана-

дець: — да и то я этого никогда не видывалъ собственными глазами. И пока не увижу, я буду стоять на томъ, что такіе зубастые чудовища водятся не въ моряхъ, а въ сказкахъ.

— Послушайте, Недъ...

— Чего мнѣ слушать, г. профессоръ? Мнѣ совсѣмъ нечего слушать. Вы меня лучше и не увѣряйте, не трудитесь. Ужь лучше вы приберите чтонибудь другое, только не однозуба... Ну хоть спрута — спруть все-таки...

— Какъ можно спрута, Недъ! Вѣдь спруть — слизнякъ! ужь самое имя означаетъ мягкость тѣла. Будь въ этомъ восьминогѣ хоть пятьсотъ футовъ длины, онъ ничуть не можетъ повредить такимъ судамъ, какъ „Шотландія“ или „Авраамъ Линкольнъ“. Вотъ это ужь чистыя сказки! Кракенами и подобными имъ чудовищами хорошо пугать только дѣтей, или старыхъ бабъ!

— Значить, г. натуралистъ, вы вѣрите, что въ морѣ сидитъ этакій страшный китище? сказалъ Недъ Лендъ, и сказалъ не безъ нѣкоторой ироніи.

— Да, Недъ, вѣрю! Я основываюсь на фактахъ, на логическомъ ихъ сопоставленіи. Я вѣрю, что существуетъ необычайно сильное млекопитающее, которое принадлежитъ къ отдѣлу китообразныхъ, какъ кашелоты, киты, дельфины, и которое снабжено крѣпчайшимъ роговымъ бивнемъ, — такимъ бивнемъ...

— Гм! произнесъ багрильщикъ такимъ тономъ, какимъ обыкновенно произносятъ люди, которыхъ нисколько не убѣждаетъ своими доводами.

— Вы замѣтите, достойнѣйшій канадецъ, продолжалъ я: — что коли такое животное существуетъ, коли оно живетъ въ глубинахъ океана, коли посѣщаетъ жидкіе слои, что лежатъ на нѣсколько миль ниже поверхности водъ, такъ оно всенепремѣнно одарено такимъ сильнымъ организмомъ, съ которымъ ничто не можетъ сравниться.

— А зачѣмъ ему такой организмъ?

— Затѣмъ, что нужна неизмѣримая сила, чтобы жить въ глубинѣ океана и выдерживать давленіе верхнихъ слоевъ.

— Право? сказалъ Недъ, глядя на меня и прищуривая одинъ глазъ.

— Право! Я легко могу васъ убѣдить въ этомъ цифрами! отвѣчалъ я.

— О, цифры! возразилъ Недъ. — Съ цифрами можно сдѣлать все, что вашей душѣ угодно!

— Въ торговыхъ дѣлахъ, — да, Недъ, но въ математикѣ — нѣтъ. Послушайте. Представимъ мы себѣ давленіе одной атмосферы въ видѣ давленія столба воды, который имѣетъ тридцать два фута въ вышину. Въ сущности столбъ можетъ быть и пониже, потому что здѣсь дѣло идетъ о морской водѣ, которая гораздо плотнѣ прѣсной. Когда вы ныряете, Недъ, и надъ вами тридцать два фута воды, то всякій разъ тѣло ваше выдерживаетъ давленіе равное одной атмосферѣ, то есть по столько же килограммовъ на каждый кубическій сантиметръ его поверхности. Изъ этого слѣдуетъ, что на глубинѣ трехсотъ двадцати футовъ это давленіе равняется десяти атмосферамъ, а на глубинѣ трехъ тысячъ двухсотъ футовъ — ста атмосферамъ, а на глубинѣ тридцати двухъ тысячъ футовъ, то есть около двухъ лье съ половиною — тысячѣ атмосферамъ. Значитъ, кабы вамъ удалось достигнуть такой глубины въ океанѣ, такъ каждый кубическій сантиметръ вашего тѣла подвергся бы давленію тысячи килограммовъ. А вы знаете, почтеннѣйшій, сколько кубическихъ сантиметровъ имѣетъ поверхность вашего тѣла?

— И понятія не имѣю, г. Аронаксъ.

— Около семнадцати тысячъ.

— Неужто около семнадцати тысячъ?

— А такъ какъ въ дѣйствительности атмосферное давленіе нѣсколько превышаетъ тяжесть одного килограмма на кубическій сантиметръ, то ваши семнадцать тысячъ кубическихъ сантиметровъ въ настоящую минуту выдерживаютъ, значитъ, давленіе семнадцати тысячъ пятисотъ шестидесяти восьми килограммовъ.

— А мнѣ и горя мало?

— А вамъ и горя мало! Васъ эта тяжесть не давитъ, потому что воздухъ, проникающій въ ваше тѣло, давитъ тамъ съ такою же силой. Отсюда совершенное равновѣсіе между давленіемъ внѣшнимъ и давленіемъ внутреннимъ, которыя нейтрализуютъ другъ друга, что и даетъ вамъ возможность переносить ихъ. Но въ водѣ совсѣмъ другое дѣло.

— Да, понимаю, отвѣтилъ Недъ, начинавшій слушать съ большимъ вниманіемъ, — вода меня окружаетъ, но не проникаетъ.

— Именно, Недъ. И такъ, на глубинѣ тридцати двухъ фу-

товъ вы будете испытывать давленіе семнадцати тысячъ пяти-
сотъ шестидесяти восьми килограммовъ; на глубинѣ трехъ тысячъ
двухсотъ футовъ — давленіе во сто разъ большее, то есть дав-
леніе милліона семисотъ пятидесяти шести тысячъ восьмисотъ
килограммовъ, а при тридцати двухъ тысячахъ футовъ глубины
давленіе это въ десятеро увеличится и будетъ уже равняться
семнадцати милліонамъ пяти стамъ шестидесяти восьми тысячамъ
килограммовъ, — другими словами, васъ бы тогда сплющило по-
чище, чѣмъ отъ дѣйствія гидравлической машины.

— Чортъ побери! проговорилъ Недъ.

— Итакъ, почтеннѣйшій китоловъ, коли въ такой глубинѣ
обитаютъ позвоночные въ нѣсколько сотенъ метровъ длиною и
соотвѣтствующей толщины и поверхность ихъ выражается мил-
ліонами кубическихъ сантиметровъ, то выдерживаемое ими дав-
леніе должно равняться милліардамъ килограммовъ. Теперь вы
сосчитайте, какъ велико должно быть сопротивленіе ихъ кость-
ной системы и какова должна быть сила ихъ организма, коли
они могутъ выносить подобное давленіе!

— Они, вадю полагаютъ, сбиты изъ листового желѣза въ
восемь дюймовъ толщиной, какъ броненосные фрегаты, отвѣ-
чалъ Недъ.

— Пожалуй что такъ, Недъ. Ну, вы и подумайте послѣ
этого, какое разрушеніе можетъ сотворить подобная масса, когда
устремится со скоростью экстреннаго поѣзда на корпусъ корабля!

— Да... точно... можетъ статься... отвѣчалъ Недъ.

Цифры поколебали канадца, но онъ все-таки еще не хотѣлъ
сдаться.

— Ну, чтожь, Недъ, убѣдились вы, а?

— Вы меня убѣдили въ томъ, г. профессоръ, что коли та-
кія животныя обитаютъ въ глубинѣ морской, такъ они подлинно
должны быть такія сильныя, какъ вы сказываете.

— Да вѣдь если бы ихъ не было, такъ какъ же вы объ-
ясните приключеніе съ „Шотландіей“, упрямая вы голова!

— Можетъ.... началъ Недъ нерѣшительно.

— Да говорите, говорите!

— Потому что... это неправда! отвѣтилъ Недъ, бессозна-
тельно повторяя знаменитый отвѣтъ Араго.

Но этотъ отвѣтъ доказывалъ только упорство китолова

и ничего болѣе. Въ этотъ день я уже къ нему не сталъ приставать. Случай съ „Шотландіей“ былъ всеѣмъ извѣстенъ, отрицать его было невозможно. Проломъ былъ на столько очевиденъ, что его пришлось задѣлывать, а я не полагаю, чтобы можно было доказать существованіе пролома болѣе категорическимъ способомъ. Проломъ этотъ не могъ сдѣлаться самъ собою, онъ тоже не былъ произведенъ подводной скалою или какой нибудь подводной машиной, — значитъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, его пробило проsverливающее орудіе какого нибудь животнаго.

И такъ, на основаніи всего вышеприведеннаго, животное это принадлежало, по моему, къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ группѣ рыбовидныхъ, къ отряду китовъ. А что касается до семейства, къ которому его слѣдовало отнести, что касается до его вида, до его разновидности, то этотъ вопросъ могъ уясниться только впоследствии. Для разрѣшенія его надо было прежде вскрыть невѣдомое чудовище; а чтобы его вскрыть, надо было прежде его поймать; а чтобы его поймать, надо было его приколоть острогой, — что было дѣломъ Неда Ленда; — а чтобы проколоть острогой, надо было его увидеть, — что было дѣломъ экипажа; — а чтобы его увидеть, надо было его встрѣтить, что было дѣломъ случая.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

НА АВСОСЬ!

Нѣкоторое время плаванье „Авраама Линкольна“ совершалось безъ всякихъ приключеній. Разъ только представлялся случай Неду Ленду показать свою удивительную ловкость и искусство.

30-го іюня, недалеко отъ Малунскихъ острововъ, фрегатъ нашъ повстрѣчалъ американскихъ китолововъ. Мы сейчасъ обратились къ нимъ съ вопросами: „не видали ли вы чудовища?“ Они отвѣчали, что у нихъ о чудовищѣ нѣтъ ни слуху, ни духу.

Послѣ переговоровъ о нарвалѣ, одинъ изъ этихъ китолововъ, капитанъ парохода „Монроэ“, знавшій, что Недъ Лендъ находится на борту „Авраама Линкольна“, сказалъ капитану Фаррагюту:

— У насъ китъ въ виду, и я обращаюсь къ вамъ съ просьбой.

— Съ какою? Очень радъ, коли могу.

— Позвольте Неду Ленду отлучиться на часокъ времени, — онъ намъ поможетъ въ охотѣ.

Капитанъ Фаррагютъ, разумѣется, позволилъ; ему и самому хотѣлось поглядѣть, какъ Недъ Лендъ отличается.

Недъ Лендъ на этотъ разъ отличился такъ, что вмѣсто одного прикололъ двухъ китовъ. Одного онъ прокололъ въ самое сердце, а другаго вдогонку.

— Ну! думалъ я, ну, коли только чудовище наткнется когда нибудь на острогу Неда Ленда, такъ ему, пожалуй, и не выскочить живому, — я, по крайней мѣрѣ, не поручусь за то, что оно выскочить!

Фрегатъ чрезвычайно быстро прошелъ мимо юговосточнаго берега Америки. 3-го іюля мы уже находились у входа въ Магеллановъ проливъ, близъ мыса Дѣвъ. Только капитанъ Фаррагютъ не захотѣлъ пуститься этимъ извилистымъ проходомъ, а постарался обогнуть мысъ Горнъ.

Экипажъ единодушно одобрилъ распоряженія капитана. И вправду, можно ли было ожидать встрѣчи съ „чудовищемъ“ въ этомъ узкомъ проливѣ? Почти все матросы говорили:

— Да ему тутъ и не пролѣзть! Этакая машина и не продерется тутъ!

6-го іюля, около трехъ часовъ вечера, „Авраамъ Линкольнъ“ обогнулъ, въ пятнадцати миляхъ къ югу, тотъ одинокій островъ, ту скалу, затерянную при оконечности американскаго материка, которую голландскіе моряки окрестили именемъ своего роднаго города, — мысъ Горнъ. Тутъ мы повернули и стали держать путь къ сѣверо-западу; на слѣдующее утро фрегатъ уже скользилъ по водамъ Тихаго Океана.

— Не дремать! Не зѣвать! Гляди въ оба! говорили другъ другу матросы. — Не зѣвай! Гляди въ оба!

И надо правду сказать, никто не дремалъ, не зѣвалъ и все глядѣли въ оба. Награда въ двѣ тысячи долларовъ имѣла свою прелесть; и глаза, и подзорныя трубы ни на минуту не отдыхали. И день, и ночь все вглядывались и всматривались въ поверхность океана; одержимые куриною слѣпотою, вдругъ поднялись въ общемъ мнѣніи и возбуждали зависть: они ночью разли-

чали предметы гораздо явственнѣе и, значитъ, могли гораздо легче прочихъ выиграть призъ.

Меня деньги не особенно прельщали, но я, тѣмъ не менѣе, не уступалъ никому въ усердіи. Я наскоро обѣдалъ, спалъ, что называется, однимъ глазомъ, пренебрегалъ и солнечнымъ зноемъ, и ливнымъ дождемъ и не сходилъ съ палубы. То перегнусь черезъ бортовья сѣти на бакъ, то прислонюсь къ рыбинѣ на шкапцахъ и все пожираю жадными глазами пѣнистыя борозды, которыми бѣлѣло море на необозримое пространство.

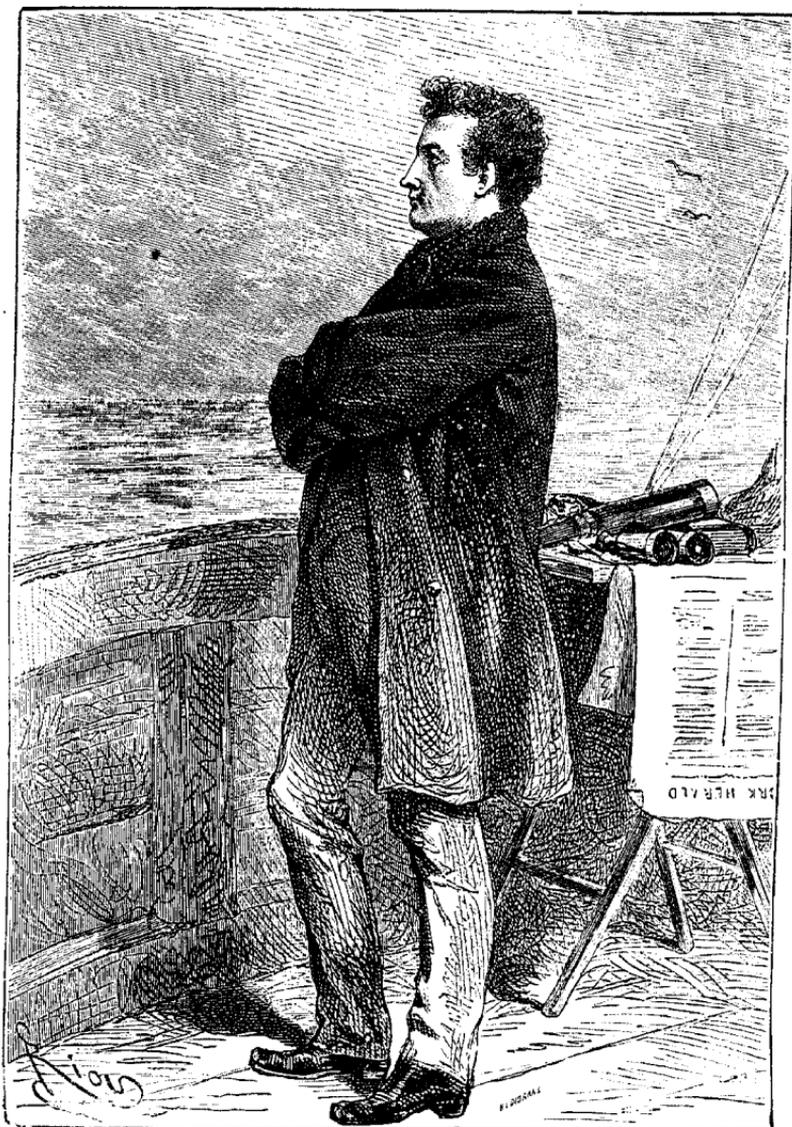
И сколько разъ приходилось всеѣмъ намъ волноваться понапрасну! Какой нибудь причудникъ китъ высунетъ изъ воды евою черноватую спину и у насъ задрожать все жилки. Въ одну секунду палуба покрывается народомъ. Изъ нижнихъ каютъ офицеры и матросы стремятся какъ потокъ, и все уставляются въ одну точку, у всеѣхъ мутится въ глазахъ и шибко бьется сердце, и все затаяваютъ дыханіе. Я такъ бывало, таращилъ глаза, что рисковалъ повредить себѣ сѣтчатую оболочку и ослѣпнуть, и мой невозмутимый пріятель Консейль говорилъ мнѣ своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Кабы ихъ честь не такъ таращили глаза, то ихъ честь видѣли бы гораздо лучше и дальше.

Но все эти тревоженія были понапрасну. „Авраамъ Линкольнъ“ бралъ въ сторону, направлялся къ завиднѣному „чудовищу“, а „чудовище“ оказывалось простымъ китомъ, или самымъ обыкновеннымъ кашелотомъ, и скоро исчезало, преслѣдуемое общимъ негодованіемъ и проклятьями.

Погода, между тѣмъ, стояла благопріятная и плаванье совершалось при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Было самое дождливое время года, такъ-какъ въ австралійскомъ поясѣ іюль соответствуетъ нашему европейскому январю, но море было спокойно и его можно было обозрѣвать на огромное протяженіе.

Недѣ Лендъ выказывалъ попрежнему самое упорное недовѣріе; когда не было кита въ виду, когда онъ не стоялъ на вахтѣ, такъ онъ не хотѣлъ и взглянуть на море. А удивительная острота его зрѣнія могла бы принести огромную пользу! Но изъ двѣнадцати часовъ упрямый канадецъ восемь проводилъ въ своей каютѣ, спалъ тамъ или читалъ. Я его упрекалъ сотни разъ за это постыдное равнодушіе.

Я, бывало, такъ и пожираю глазами пѣнистыя воды.

А онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Ва! ба! Г. Аронаксъ, коли и существуетъ такое чудовище, такъ все-таки мало вѣроятія, что мы его повстрѣчаемъ. Какъ его намъ повстрѣчать? Вѣдь мы идемъ наудачу, такъ, куда богъ дастъ. Говорятъ, видѣли это чудовище въ водахъ Тихаго Океана. Ну, ладно; положимъ, его тамъ видѣли. Да съ той поры прошло ужъ два мѣсяца, — что жъ это оно все сидитъ, значить, да поджидаетъ насъ? Судя по его нраву, такъ оно киснуть на одномъ мѣстѣ не любитъ. Вы сами говорите: „одарено необычайной быстротой движенія“, а вы лучше меня, небось, знаете, что коли кто чѣмъ нибудь одаренъ, такъ это не безъ толку, а на дѣло, на пользу. Помните, вы сказали сами: „природа ничего бессмысленнаго не дѣлаетъ“, — значить, природа не дала бы какому нибудь мямлѣ особенной рѣзвости, кабы это было не нужно. Значить, коли нарвалъ существуетъ, такъ его теперь и слѣдъ простылъ.

На это я не зналъ, что отвѣтить. Мы, точно, шли какъ слѣпые, на удачу, на авось, но иначе идти было невозможно. Разчитывать положительно на встрѣчу съ нарваломъ, разумѣется, было нельзя. Однако все-таки у насъ никто еще не сомнѣвался въ успѣхѣ предпріятія и ни одинъ матросъ не побился бы объ закладъ противъ нарвала.

20-го іюля мы миновали тропикъ Козерога подъ 105° долготы, а 27 того же мѣсяца пересѣкли экваторъ на 110 меридіанѣ. Затѣмъ фрегатъ направился прямо къ западу и вошелъ въ среднія моря Тихаго Океана. Капитанъ Фаррагутъ полагалъ, и полагалъ очень резонно, что лучше всего придерживаться глубокихъ водъ и удаляться отъ материковъ и острововъ, которыхъ „чудовище“, повидимому, всегда избѣгало „вѣрно потому, что тамъ для него слишкомъ мелко“, объяснялъ намъ боцманъ.

Фрегатъ прошелъ въ виду острововъ Помоту, Маркизскихъ, Сандвичевыхъ, пересѣкъ тропикъ Рака подъ 132° долготы и направился къ китайскимъ морямъ.

Наконецъ мы находились на мѣстѣ послѣднихъ подвиговъ „чудовища“. Сказать по правдѣ, мы все были ни живы, ни мертвы. Все сердца бились до разрыву и подготавливали себѣ на будущее неизлѣчимыя аневризмы. Я не беруся, не умѣю вамъ описать, до чего былъ возбужденъ весь экипажъ. Люди не ѣли, не

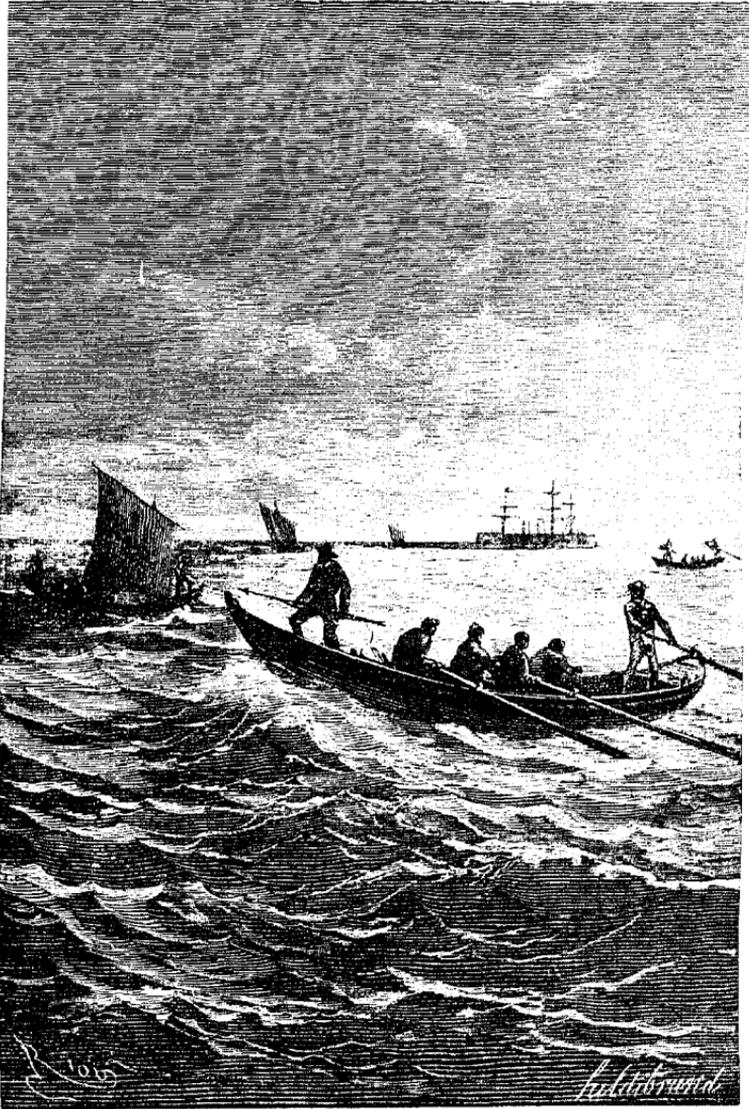
спали. Всѣмъ приходилось испытывать невыносимыя страданія, разъ по двадцати въ день: то оптической обманъ, то просто кто нибудь изъ матросовъ вдругъ крикнетъ или охнетъ. Волненія эти повторялись безпрестанно, поддерживали насъ въ постоянномъ напряженіи и неминуемо должны были вызвать скорую реакцію.

И въ самомъ дѣлѣ, реакція не замедлила обнаружиться. Цѣлые три мѣсяца сряду, — а намъ каждый день въ этихъ мѣсяцахъ показался за столѣтіе, — „Авраамъ Линкольнъ“ скитался по всѣмъ сѣвернымъ водамъ Тихаго Океана и избородилъ его во всѣхъ направленіяхъ, гоняясь за попадавшимися китами; метался изъ стороны въ сторону, какъ угорѣлый, быстро измѣнялъ направленіе, вдругъ поворачивалъ на другой галсъ, внезапно оставлялся, то прибавлялъ, то убавлялъ пары, — и все это одно за другимъ, рискуя сломать машину. Все пространство отъ береговъ Японіи до Америки было изслѣдовано тщательнѣйшимъ образомъ. И ничего! Ничего рѣшительно, кромѣ безпредѣльности пустынныхъ волнъ! Ничего похожего на гигантскаго нарвала, или на подводный островъ, или на разбитое судно, или на пловучій рифъ, — однимъ словомъ, ничего сверхъестественнаго!

Реакція произошла. Всѣ пришли въ уныніе и ко всякому началу закрадываться недовѣріе. На бортѣ „Авраама Линкольна“ испытывали новое ощущеніе, состоявшее изъ трехъ десятыхъ стыда и семи десятыхъ бѣшенства. Невыносимо совѣстно было остаться въ фюфанахъ, положась на какія-то бессмысленныя бабьи сказки, — невыносимо совѣстно, но еще невыносимѣе досадно!

Горы доводовъ и доказательствъ, которыя нагромоздили въ продолженіи цѣлаго года, вдругъ всѣ разомъ рухнули; теперь всѣ принялись за ѣду и за спанье и старались наверстать время, которое даромъ потратили на выглядыванье и на высматриванье небывалаго чудовища.

Съ свойственнымъ людямъ непостоянствомъ, перешли изъ одной крайности въ другую. Самые горячіе, самые пламенные защитники предпріятія теперь вдругъ сдѣлались самыми ярыми его противниками. Настроеніе это распространилось отъ люка корабля, отъ скамьи кочегаровъ до офицерской площадки; не выказали тутъ капитанъ Фаррагутъ замѣчательнаго упорства, фрегатъ несомнѣнно поворотилъ бы къ югу, то есть домой.

Шлюпки сновали во всехъ направленіяхъ.

Однако, каково бы ни было упорство капитана Фаррагюта, а бесполезное плаванье не могло очень долго продолжаться. Экипажъ „Авраама Линкольна“ не могъ винить себя за неудачу, онъ сдѣлалъ все, что только отъ него зависѣло. Никогда еще матросы американскаго флота не выказывали такого терпѣнія, такого усердія. А что все это пропало понапрасну, такъ ужъ это не ихъ вина. Они сдѣлали свое дѣло, больше дѣлать было нечего. Оставалось воротиться поскорѣй домой.

Въ этомъ духѣ сдѣлано было заявленіе капитану. Капитана это заявленіе нисколько не поколебало. Онъ стоялъ на своемъ. Матросамъ непріятно было такое упрямство; они не скрывали своего неудовольствія и исполняли свое дѣло кое-какъ. Я не хочу сказать, что на кораблѣ произошло явное, настоящее возмущеніе, но тѣмъ не менѣе капитанъ Фаррагютъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, не выходявшаго изъ границъ порядка и благоразумія, попросилъ себѣ, какъ нѣкогда попросилъ Христофоръ Колумбъ, три дня отсрочки. Если въ теченіе этихъ трехъ дней „чудовище“ не появится, то рулевой повернетъ три раза колесо и „Авраамъ Линкольнъ“ направится обратно къ европейскимъ морямъ.

Это обѣщаніе было дано 2 ноября. Оно тотчасъ же ободрило, оживило и развеселило экипажъ. Опять принялись вглядываться и всматриваться въ морскія волны. Опять схватились съ лихорадочною живостью за подозрныя трубы. Это былъ послѣдній отчаянный вызовъ „чудовищу“.

Прошло два дня. „Авраамъ Линкольнъ“ не разводилъ большихъ паровъ. Мы употребляли всевозможныя уловки и хитрости, чтобы привлечь вниманье „чудовища“, или „расшевелить“ его, если оно находится гдѣ нибудь поблизости. За кораблемъ, къ величайшему удовольствію акулъ, тащились на веревкахъ здоровенные куски сала. „Авраамъ Линкольнъ“ лежалъ въ дрейфѣ, а шлюпки сновали вокругъ него во всѣхъ направленіяхъ дозоромъ.

Но настала вечеръ 4-го ноября и тайна морская, какъ была, такъ и осталась тайною.

Отсрочка кончалась на другой день, 5-го ноября, въ самый полдень. Капитанъ Фаррагютъ, вѣрный своему обѣщанію, долженъ былъ тотчасъ же, какъ только стрѣлка станетъ на двѣнадцати, повернуть на юговостокъ и покидать сѣверныя воды Тихаго Океана.

Фрегатъ находился тогда подъ $31^{\circ} 15'$ сѣверной широты и подъ $136^{\circ} 42'$ восточной долготы. Японскія земли были отъ насъ менѣ чѣмъ въ двухъ стахъ миляхъ подъ вѣтромъ.

Ночь приближалась. Часы показывали уже восемь. Густыя тучи заволакивали молодой мѣсяць. Море спокойно и тихо струилось.

Я стоялъ на бакѣ, опершись на бортовые сѣти. Консейль стоялъ около меня и глядѣлъ безцѣльно впередъ. Экипажъ, взобравшись на ванты, вематривался въ горизонтъ, который все больше и больше темнѣлъ и сгущивался. Офицеры, приставя къ глазамъ подзорныя трубы, силились бороться съ увеличивающеюся темнотою. Время отъ времени темный океанъ вдругъ словно мѣстами вспыхивалъ, когда мѣсячный лучъ прорывался сквозь волну облаковъ. Затѣмъ свѣтлый мѣсяць снова исчезалъ во мракѣ.

Я поглядѣлъ на Консейля и мнѣ показалось, что и его наконецъ начало пошевеливать. Можетъ статья, въ первый разъ въ жизни у него пробудилось человѣческое любопытство.

— Ну, Консейль, говорю ему, вотъ послѣдній случай записать двѣ тысячи долларовъ!

— Коли ихъ честь позволить мнѣ доложить, такъ я ихъ чести доложу, что никогда отроду не рассчитывалъ на эту премію. И кабы американское правительство предложило не двѣ, а сто тысячъ долларовъ, такъ изъ-за меня оно бы не изубытчилось.

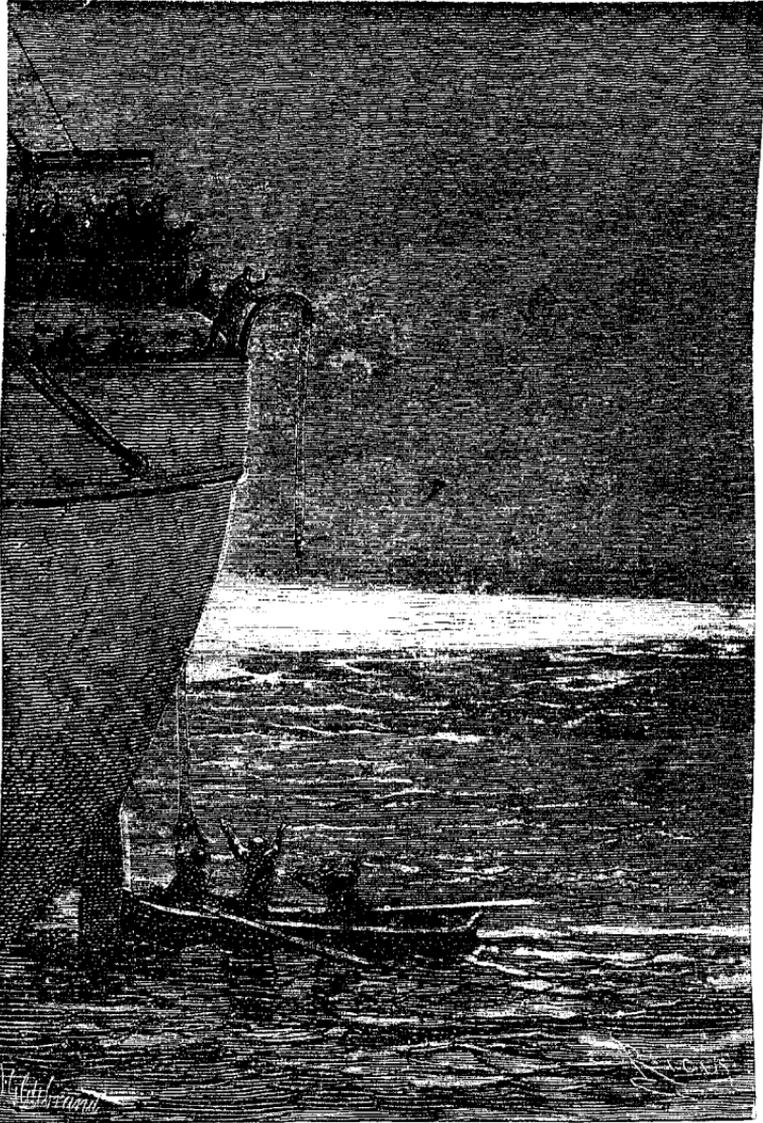
— Твоя правда, Консейль. Это дѣло преглуное и мы замѣшались въ него черезчуръ опрометчиво. Сколько времени-то потеряно даромъ! сколько напрасныхъ волненій! Вѣдь мы бы теперь уже шесть мѣсяцевъ были во Франціи...

— Дома, въ квартирѣ его чести, подхватилъ Консейль: — въ музеумѣ. И я бы уже поклассировалъ некопаемыхъ его чести! И морская свинка его чести была бы ужъ посажена въ кѣтку въ ботаническомъ саду и всѣ бы уже сбѣгались на нее глядѣть.

— Да, да, Консейль! А теперь, кромѣ всѣхъ прочихъ пріятностей, насъ еще поднимутъ на смѣхъ!

— Дѣйствительно, я полагаю, что его честь поднимутъ на смѣхъ. И, съ позволенія ихъ чести... Только я не знаю, говорить ли...

— Говорить, говорить, Консейль!

Море было словно иллюминировано снизу.

— Ну такъ я скажу: по дѣламъ вору мука! Ихъ честь поженеть, что посѣяла!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ужь коли ихъ честь удостоилась быть ученымъ, такъ не слѣдуетъ показывать легкомыслія въ дѣлахъ...

Консейль не могъ закончить своего похвального слова. Среди всеобщей тишины раздался вдругъ голосъ Неда Ленда.

Недъ Лендъ кричалъ:

— Эй! диковина показалась! Подъ вѣтромъ, прямо передъ нами!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

НА ВСѢХЪ ПАРАХЪ,

При этомъ крикѣ весь экипажъ кинулся къ багрильщику: капитанъ, офицеры, матросы, юнги — однимъ словомъ, всѣ до единого человѣка, даже кочегары, бросили печи.

Тотчасъ же дана была команда остановиться и фрегатъ остановился.

Было совсѣмъ темно, и я удивлялся, какъ могъ канадецъ, при всей своей дальновзоркости, что нибудь увидѣть въ такомъ мракѣ. И что такое онъ увидѣлъ?

Сердце у меня такъ билось, словно хотѣло выскочить изъ груди.

Въ двухъ, этакъ, кабельтовахъ отъ „Авраама Линкольна“ море какъ будто было иллюминировано снизу. Принять этотъ свѣтъ за обыкновенный фосфорическій блескъ было нельзя. „Чудовище“ всплывало на верхъ; но держалось всего на нѣсколько туазовъ ниже поверхности водъ и отъ него исходилъ этотъ яркій, необъяснимый свѣтъ, о которомъ доносили въ своихъ рапортахъ многіе капитаны кораблей.

Что это было за великолѣпнѣйшее изліяніе лучей! И производило его, повидимому, что-то одаренное изумительною силою освѣщенія. Свѣтящійся предметъ описывалъ на морской поверхности громадный, очень продолговатый овалъ, въ центрѣ этого овала сосредоточивъ невыносимо яркій блескъ.

— Да это просто случайное скопление фосфорических шариков! сказалъ одинъ офицеръ.

— Нѣтъ, это не то, возразилъ я офицеру, — и возразилъ съ совершенною увѣренностію. — Никогда фолалды или салпы не испускаютъ такого сильнаго свѣта. Это свѣтъ электрическаго свойства... Да вы поглядите: онъ переходитъ съ мѣста на мѣсто! Онъ движется впередъ, назадъ! Онъ несется на насъ!

На фрегатѣ раздался всеобщій крикъ.

— Молчать! сказалъ капитанъ Фаррагутъ. — За руль!

Матросы кинулись къ рулю, механики къ машинамъ. Пары тотчасъ же были уменьшены и „Авраамъ Линкольнъ“ описалъ полукругъ.

— Прямо! Впередъ! крикнулъ Фаррагутъ.

Команда была исполнена и фрегатъ быстро удалился отъ свѣтящейся точки.

Я не точно выражаюсь. Фрегатъ хотѣлъ удалиться, но сверхъестественное чудовище пустилось за нимъ вдвое быстрѣ паровъ и стало снова его настигать.

Мы были ни живы, ни мертвы. Отъ страха и изумленія мы стояли нѣмы и недвижимы. „Чудовище“ нагоняло насъ, словно рѣзвясь и играя: оно обогнуло фрегатъ, который шель со скоростью четырнадцати узловъ, и окружило его своимъ электрическимъ свѣтомъ, какъ какою нибудь свѣтозарною пылью. Затѣмъ оно удалилось на двѣ или на три мили, оставивъ за собою свѣтящуюся полосу, похожую нѣсколько на клубы пара, оставляемаго локомотивомъ скорого поѣзда желѣзной дороги. Вдругъ отъ темныхъ линій горизонта чудовище съ ужасающей быстротою ринулось къ фрегату, мгновенно остановилось, словно замерло, въ двадцати футахъ отъ его баркоута, потухло, — не погрузилось въ волны, потому что свѣтъ его не угасалъ постепенно, — а потухло мгновенно, какъ будто источникъ этого чудеснаго свѣтоистеченія вдругъ изсякъ. Затѣмъ чудовище появилось съ другой стороны корабля, обѣжавъ его или проскользнувъ подъ его корпусомъ.

Каждую минуту могло произойти столкновеніе, которое было бы для насъ гибелью.

Я однако удивлялся маневрамъ и оборотамъ „Авраама“

Линкольна“. Выходило, что преслѣдовали теперь его, — его, который долженъ былъ преслѣдовать!

Я замѣтилъ это (не утерпѣлъ!) капитану Фаррагюту.

Его, всегда безмятежное лицо, выражало теперь неописанное изумленіе.

— Г. Аронаксъ, отвѣчалъ онъ: — я не понимаю съ какимъ это сверхъестественнымъ чудовищемъ мы имѣемъ дѣло, и я не хочу рисковать кораблемъ при такой темнотѣ. Да и какъ нападать на то, чего или кого мы не знаемъ? о чемъ не имѣемъ даже понятія? И какъ, въ случаѣ нападенія съ его стороны, защищаться? Надо погодить. Дождемся утра и тогда роли переменяются!

— Вы теперь ужь не сомнѣваетесь, капитанъ, что это животное?

— Не сомнѣваюсь, г. Аронаксъ. По всемъ видимостямъ, это гигантскій нарвалъ и, кромѣ того, нарвалъ электрическій.

— Пожалуй, къ нему и не приступишь, ссазалъ я, какъ къ электрическому угрю или къ гнюсу.

— Пожалуй, отвѣчалъ капитанъ. — Если только оно одарено способностью поражать, какъ громомъ, все, что къ нему приближается, то надо признаться, это самое ужасное животное въ мірѣ. Поэтому-то, г. Аронаксъ, я буду остороженъ.

Весь экипажъ не смыкалъ глазъ цѣлую ночь; никто и не помышлялъ о снѣ. „Авраамъ Линкольнъ“, видя, что онъ не въ состояніи бороться скоростью, умѣрилъ свой ходъ и держался на малыхъ парахъ. Нарвалъ, съ своей стороны, казалось, подражалъ фрегату, покачивался на волнахъ и, повидимому, нисколько не намѣренъ былъ оставить театръ борьбы.

Около полуночи, однако, и онъ исчезъ, или, выражаясь точнѣе, онъ „погасъ“, какъ какой нибудь громаднѣйшій свѣтлякъ.

Что же онъ, убѣжалъ?

Этого можно было опасаться.

Но безъ семи минутъ въ часъ по полуночи вдругъ раздался оглушительнѣйшій свистъ, словно откуда-то выбросили съ необычайною силою столбъ воды.

Капитанъ Фаррагютъ, Недъ Лендъ и я стояли тогда на ютѣ и жадными глазами всматривались въ окружающую насъ темноту.

— Недъ Лендъ, вы вѣдь часто слыхали, какъ реветъ киты? спросилъ капитанъ Фаррагютъ.

— Часто, г. капитанъ. Только какъ реветъ китъ, который

приносить однимъ своимъ видомъ двѣ тысячи долларовъ, я еще до сихъ поръ не слыхалъ.

— Да, да, премія ваша; она принадлежитъ вамъ безспорно. Скажите, пожалуйста, этотъ шумъ похожъ на то, когда киты выкидываютъ воду изъ носовыхъ отверстій?

— Не то, что похожъ, а такой самый; только этотъ шумъ не въ примѣръ сильнѣе. Сомнѣваться теперь нечего. Что къ намъ присосѣдилось „китообразное“, какъ ихъ называетъ г. профессоръ, такъ это вѣрно. Съ вашего позволенія, г. капитанъ, мы завтра на разсвѣтѣ перемолвимъ словечко съ этимъ китообразнымъ.

— Да, Недъ, сказалъ я:—коли китообразному угодно будетъ васъ выслушать.

— Какъ я подберусь къ нему съ острогою, такъ придется выслушать! отвѣтилъ канадецъ.

— А какъ вы подберетесь? Вамъ надо спустить китоловную лодку? сказалъ капитанъ Фаррагютъ.

— Разумѣется, надо, г. капитанъ.

— Это значитъ, надо рисковать жизнью матросовъ!

— Да, и моею, отвѣтилъ багрильщикъ такъ просто и спокойно, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи.

Около двухъ часовъ по полуночи свѣтящаяся точка снова показалась; она свѣтилась такъ же ярко, какъ и прежде, въ пяти миляхъ подъ вѣтромъ отъ „Авраама Линкольна“. Несмотря на разстояніе, несмотря на шумъ вѣтра и ропотъ моря, мы явственно слышали, каковы удары хвостомъ отваливаетъ чудовище и даже слышали его прерывистое дыханье. Казалось, когда чудовище выплыло подышать на поверхность океана, воздухъ набивался и вылъ въ его легкихъ, какъ паръ въ громадныхъ цилиндрахъ машины въ двѣ тысячи лошадиныхъ силъ.

— Ну! думалъ я: ну! коли водится такой китокъ, который одинъ помѣряется съ цѣлымъ кавалерійскимъ полкомъ, такъ это китокъ ничего,—порядочный!

До разсвѣту мы, что называется, держали ушки на макушкѣ,—каждый мигъ ждали вотъ-вотъ завяжется баталія. Всѣ рыболовные снаряды и орудія мы расположили вдоль бортовыхъ сѣтей; мы зарядили и мушкетоны, которые пускаютъ острогу на цѣлую милю, и длинные ружья съ разрывными пулями, которыя бьютъ наповалъ самыхъ крѣпкихъ животныхъ.

Недѣ Лендѣ держалъ наготовѣ свою острогу, которая въ его рукахъ стоила всякаго другаго смертоноснаго орудія.

Въ шесть часовъ начало свѣтатъ и съ первыми лучами утренней зари исчезъ электрическій свѣтъ нарвала.

Въ семь часовъ уже почти совсѣмъ разсвѣло, но густой утренній туманъ застилалъ горизонтъ и въ самыя лучшія подзорныя трубы ничего нельзя было сквозь него разглядѣть.

Всѣ проклинали этотъ туманъ на разные тоны и лады.

Я взобрался до самой бизани. Нѣкоторые офицеры ужъ лѣпились по мачтамъ на самыхъ вышкахъ.

Въ восемь часовъ туманъ заглубился по волнамъ, а затѣмъ сталъ подниматься. Горизонтъ началъ расширяться и очищаться.

Вдругъ раздался голосъ Неда Ленда, — раздался такъ же неожиданно, какъ и наканунѣ:

— Э! дивовина показалась! Вонъ тамъ, около бабборда, на лѣво!

Всѣ глаза обратились на означенную точку.

Тамъ, въ милѣ или полуторѣ мили отъ фрегата, всплыло какое-то длинное черноватое тѣло. Оно такъ сильно хлестало хвостомъ, что волны пѣнились. Громадная борозда ослѣпительной бѣлизны обозначала проходъ животнаго и описывала продолговатую изгибину.

Фрегатъ приблизился къ чудовищу. Я сталъ въ него внимательно вглядываться. Рапорты съ „Шанона“ и съ „Гельвеція“ нѣсколько преувеличили его размѣры: по моимъ наблюденіямъ, въ немъ было только двѣсти пятьдесятъ футовъ длины. Что касается до его толщины, то я не могъ ее точно опредѣлить, но вообще животное, казалось, удивительно пропорціонально во всемъ.

Пока я разглядывалъ это необычайное твореніе, изъ носовыхъ его отверстій выбросились два столба пара и воды и поднялись на высоту сорока метровъ. Это дало мнѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ оно дышетъ. Я окончательно рѣшилъ, что чудовище принадлежитъ къ разряду позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ подклассу чревосумчатыхъ, къ группѣ рыбоподобныхъ, къ разряду китообразныхъ, къ семейству...

Тутъ я еще не могъ ничего сказать положительно. Разрядъ китообразныхъ заключаетъ въ себѣ три семейства: китовъ, ка-

шелотовъ и дельфиновъ, и нарвалы причисляются къ послѣднимъ. Каждое изъ этихъ семействъ подраздѣляется на многіе роды, каждый родъ на виды, каждый видъ на разновидности. Мнѣ, значитъ, еще недоставало разновидности, вида, рода и семейства, но я не сомнѣвался, что съ помощію неба и капитана Фаррагюта, я не премину дойти до всего вышепомянутаго въ скоромъ времени самымъ doskonaльнымъ образомъ.

Экипажъ съ нетерпѣньемъ ждалъ приказаній капитана.

Капитанъ нѣсколько времени очень внимательно наблюдалъ чудовище, а потомъ позвалъ механика.

Механикъ тотчасъ же прилетѣлъ.

— Разведены пары? спросилъ капитанъ.

— Разведены, капитанъ, отвѣчалъ механикъ.

— Хорошо. Усильте огонь, — пойдемъ на вѣхъ паряхъ!

Это распоряженіе встрѣчено было тоекратнымъ ура.

Часъ борьбы наступилъ!

Нѣсколько минутъ спустя, изъ трубъ „Авраама Линкольна“ повалили клубы чернаго дыма и палуба начала содрогаться отъ дрожанья паровичныхъ котловъ.

„Авраамъ Линкольнъ“ направился на „чудовище“.

„Чудовище“ нисколько этимъ, повидимому, не взволновалось; оно равнодушна подпустило къ себѣ на полукабельтовое разстояніе, а затѣмъ, даже не погружаясь въ волны, стало удаляться неснѣша.

„Авраамъ Линкольнъ“ полетѣлъ въ догонку.

Онъ гнался около часа, но безуспѣшно: онъ и на два туза не нагналъ ближе. Ясно было, что такимъ образомъ хоть весь вѣкъ гонайся, не достигнешь.

Капитанъ Фаррагюта съ бѣшенствомъ вертѣлъ и крутилъ густой пучокъ волосъ, произраставшій у него подъ подбородкомъ.

— Недъ Лендъ! крикнулъ онъ.

Канадецъ тотчасъ же явился на зовъ.

— Ну, Недъ Лендъ, что вы теперь мнѣ посоветуете? спросилъ капитанъ. — Посоветуете таки спустить шлюпки на море?

— Нѣтъ, капитанъ, отвѣтилъ Недъ Лендъ: — не посоветую, потому я теперь вижу, что эту штуку тогда только можно взять, когда она сама пожелаетъ даться въ руки.

— Такъ чтожь намъ дѣлать?

— Усилить пары, коли это можно, г. капитанъ. А я, съ вашего позволенія разумѣется, стану пойду около ватерштага съ острогою, и какъ только мы его нагонимъ надлежащимъ образомъ, я сейчасъ и хвачу его острогою.

— Идите, становитесь, Недъ, отвѣчалъ капитанъ.

И вслѣдъ затѣмъ крикнулъ:

— Г. механикъ, усилите пары!

Недъ Лендъ сталъ на своемъ посту. Пары усилили. Винтъ перевертывался теперь по сорока три раза въ минуту и паръ хлынулъ въ клапаны. Бросили лагъ и оказалось, что „Авраамъ Линкольнъ“ шелъ по восемнадцати миль и пяти десятыхъ въ часъ.

Но проклятое чудовище тоже летѣло по восемнадцати миль и пяти десятыхъ въ часъ.

Еще часъ фрегатъ гнался и все-таки не нагналъ ни на туазъ больше.

Трудно было перенести такое униженіе одному изъ самыхъ отличнѣйшихъ скороходовъ американскаго флота. Экипажъ начиналъ приходить въ бѣшенство; матросы вляли чудовище.

А чудовище и въ усъ не дуло! Капитанъ Фаррагютъ ужъ не крутилъ свою бородку, а кусалъ ее.

Механикъ снова былъ призванъ.

— Вы идете на всѣхъ парахъ? спросилъ капитанъ Фаррагютъ.

— На всѣхъ парахъ, г. капитанъ, отвѣчалъ механикъ.

— Во сколько пущено?

— Въ шесть съ половиною атмосферъ, г. капитанъ.

— Пустите въ десять атмосферъ.

Это было настоящее американское распоряженіе! Лучше, пожалуй, не отличились бы и на бѣгахъ на Миссиссиппи!

Консейль стоялъ около меня; я ему сказалъ:

— Знаешь, дружище, мы вѣдь, по всѣмъ вѣроятіямъ, взлетимъ на воздухъ?

— Какъ угодно будетъ ихъ чести, отвѣчалъ Консейль.

Положа руку на сердце, я долженъ признаться, что я нисколько не унывалъ: мнѣ этотъ рискъ очень былъ по нраву.

Пары были пущены на десять атмосферъ. Уголь завалилъ всѣ печи. Изъ вентиляторовъ пахнули цѣлые потоки воздуха на

горящее топливо. Быстрота „Авраама Линкольна“ еще усилилась. Мачты дрожали даже у своих оснований и цѣлыя массы дыма едва могли вырваться изъ узкихъ трубъ.

Бросили опять лагъ.

— Ну что, рулевой? спросилъ капитанъ Фаррагютъ.

— Девятнадцать миль и три десятыхъ, г. капитанъ, отвѣчала рулевой.

— Усильте огни!

Механикъ повиновался.

Скоро манометръ показалъ десять атмосферъ.

Но чудовище тоже, вѣроятно, „усилило пары“, потому что оно, нисколько не затрудняясь, тоже дѣлало по девятнадцати миль и три десятыхъ.

Каковъ бѣгъ?

Я не могу описать вамъ, до чего я былъ взволнованъ въ эти минуты!

Недъ Лендъ стоялъ на своемъ посту, съ острогою въ рукѣ.

Нѣсколько разъ чудовище подпускало къ себѣ ближе.

— Догоняетъ! догоняетъ! вскрикивалъ тогда канадецъ.

Но въ ту самую минуту, когда онъ собирался хватить острогою, чудовище уносилось отъ него со скоростью — да, со скоростью тридцати миль въ часъ.

А разъ, въ то время, какъ мы летѣли во весь духъ, оно, словно издѣваясь надъ нами, вдругъ повернуло и изволило описать кругъ около фрегата и снова пустилось впередъ!

У всѣхъ вырвался крикъ бѣшенства.

Въ полдень мы находились въ томъ же самомъ разстояніи отъ чудовища, въ какомъ были и въ восемь часовъ утра.

Тутъ капитанъ Фаррагютъ уже рѣшился на болѣе прямья и дѣйствительныя мѣры.

— А! сказалъ онъ. — Это животное идетъ скорѣе „Авраама Линкольна“, — ну, дѣлать нечего! Теперь мы посмотримъ, какъ оно будетъ уходить отъ коническихъ ядеръ!

И капитанъ крикнулъ:

— Зарядить передовую пушку!

Въ одно мгновеніе пушка была заряжена и нацѣлена на чудовище. Раздался грохотъ, — выпалили, но ядро пролетѣло нѣ-

Подшель старый съдобородый пушкаръ.

сколькими футами выше животного, которое держалось теперь всего въ полумилѣ разстоянія.

— Пусть зарядитъ и прицѣлится ктонибудь другой, кто половче, крикнулъ капитанъ. — Пятсотъ долларовъ тому, кто прострѣлитъ этаго дьявола!

Старый пушкарь съ сѣдой бородой—я его словно еще вижу передъ собою: взглядъ у него такой былъ спокойный, лицо холодное, увѣренное — подошелъ къ пушкѣ, зарядилъ ее и долго цѣлился.

Снова раскатился выстрѣлъ; въ этому грохоту присоединились проклятія экипажа.

Ядро было пущено мѣтко: оно долетѣло и ударило животное, но ударило не перпендикулярно и, скользя по округленной поверхности чудовища, пропало въ волнахъ.

Старый пушкарь перемѣнился въ лицѣ отъ ярости.

— Ахъ, чтобъ тебя розорвало! проговорилъ онъ: — этотъ чертѣвъ, надо полагать, заблиндрованъ блиндами въ шесть дюймовъ толщиною!

— Проклятіе! вскрикнулъ капитанъ Фаррагютъ. — Впередъ! Охота началась опять.

Капитанъ Фаррагютъ наклонился ко мнѣ и сказалъ въ полголоса:

— Я буду до тѣхъ поръ за нимъ гнаться, пока мой фрегатъ не лопнетъ!

— Разумѣется, отвѣчалъ я капитану:— разумѣется. Вы совершенно будете правы! Такъ и слѣдуетъ!

Можно было надѣяться, что животное наконецъ хоть скольконибудь изнеможетъ, что оно не сравнится неутомимостью съ парходомъ, но надѣялись мы на это напрасно. Часы шли за часами, а чудовище не подавало ни малѣйшаго знака утомленія.

Къ чести „Авраама Линкольна“, надо сказать, что онъ боролся съ неслыханнымъ упорствомъ. Я полагаю, онъ пролетѣлъ, по меньшей мѣрѣ, пятьсотъ километровъ въ этотъ злополучный день 6-го ноября.

Но наступила ночь и покрыла мракомъ пѣнящійся океанъ.

Я подумалъ:

— Ну! экспедиція наша покончена! Мы ужъ не увидимъ больше чудовища!

Я, однако, ошибся.

Въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ вечера, снова показался электрическій свѣтъ въ трехъ миляхъ подъ вѣтромъ отъ фрегата. И свѣтъ этотъ былъ такъ же чистъ и силенъ, какъ и въ прошлую ночь.

Нарвалъ казался неподвижнымъ. Можетъ статься, утомленный дневнымъ бѣгомъ, онъ спалъ, покачиваясь на волнахъ?

Въ такомъ случаѣ снова являлась надежда на успѣхъ. Капитанъ Фаррагютъ рѣшился попробовать счастья.

Онъ отдалъ, какія нужно было, приказанія. „Авраамъ Линкольнъ держался на малыхъ парахъ и осторожно началъ приближаться къ чудовищу. Встрѣтитъ посреди океана глубоко спящаго кита вовсе не рѣдкость и тогда нападать на нихъ можно очень успѣшно; Недъ Лендъ немало ихъ перекололъ острогою во время сна.“

Канадецъ снова занялъ свой постъ у ватерштага.

Фрегатъ подошелъ безъ шума, остановился въ двухъ кабельтакахъ отъ чудовища. У всѣхъ замерло сердце, всѣ затаили дыханье. Глубокое безмолвіе царствовало на палубѣ. Мы были всего, можетъ, въ сотнѣ футовъ отъ центра электрическаго свѣта; блескъ этого свѣта все болѣе увеличивался и просто ослѣплялъ наши глаза.

Я въ эту минуту стоялъ, опершись на рыбину бака, и видѣлъ, какъ внизу Недъ Лендъ ухватился одной рукой за мартигаль, а другою потрясаетъ своимъ страшнымъ орудіемъ.

Недъ Лендъ былъ всего футовъ въ двадцати разстоянія отъ чудовища.

А чудовище лежало неподвижно.

Вдругъ Недъ Лендъ вытянулъ руку и острога полетѣла.

Я слышалъ, какъ звонко она ударилась, словно попала въ какое твердое, металлическое тѣло.

Электрическій свѣтъ угасъ мгновенно и два громадныя столба воды хлынули на палубу, разлились по ней потокомъ, опрокидывая людей, коверкая найтовую гонку.

Затѣмъ послѣдовало страшное сотрясеніе; я не успѣлъ удержаться и меня перешвырнуло черезъ рыбину въ море.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

КИТЬ НЕИЗВѢСТНОЙ ПОРОДЫ.

Хотя я былъ нѣсколько ошеломленъ неожиданнымъ кувыркомъ, я, тѣмъ не менѣе, нисколько не потерялъ сознанія.

Меня тотчасъ же увлекло на глубину около двадцати футовъ. Я не хочу ставить себя выше Байрона и Эдгара По, но я все-таки пловецъ изрядный, и олунавшись вышеописаннымъ образомъ, я не потерялся. Я принялся работать пятками и опять всплылъ на поверхность.

Разумѣется, первымъ моимъ дѣломъ было искать глазами фрегата. Замѣтилъ ли экипажъ мое исчезновеніе? Повернулъ ли „Авраамъ Линкольнъ“ на другой галель? Спустилъ ли капитанъ Фаррагутъ шлюпку на море? Есть ли у меня надежда на спасеніе?

Кругомъ была совершенная темь. Я, впрочемъ, разсмотрѣлъ черную массу, которая исчезала на востокъ.

Это былъ фрегатъ.

Я, значить, погибъ!

— Помогите! помогите! закричалъ я, принимаясь плыть вслѣдъ за „Авраамомъ Линкольномъ“.

Одежда очень затрудняла мои движенія; она прилипла къ моему тѣлу, словно связывала меня по рукамъ и по ногамъ.

Я шель ко дну, я задыхался!

— Помогите!

Это былъ мой послѣдній крикъ. Мнѣ захлеснуло ротъ водой. Я началъ биться, но бездна меня втягивала.

Вдругъ мощная рука схватила меня за платье, вытащила на поверхность и я услышалъ, — да, услышалъ, эти слова, сказанныя мнѣ на ухо:

— Коли ихъ честь обопрется на мое плечо, такъ ихъ честь поплыветъ лучше.

Я схватился за своего вѣрнаго Консейля.

— Это ты? говорю ему: — это ты?

— Я самый, отвѣчалъ Консейль:—къ услугамъ ихъ чести.

— Значить, тебя тоже выпхвyrнуло въ море?

— Нисколько меня не выпхвyrнуло, я самъ прыгнулъ. Я нахожусь въ услуженіи у ихъ чести, значить, я долженъ всюду слѣдовать за ихъ честью. Я и послѣдовалъ.

Онъ находилъ это очень естественнымъ!

— А фрегатъ? спросилъ я.

— Фрегатъ! отвѣчалъ Консейль, перевертываясь на спину. — Я полагаю, лучше будетъ, коли ихъ честь перестанетъ ужъ на фрегатъ разсчитывать.

— Ты полагаешь?

— Въ ту самую минуту, какъ я прыгалъ въ море, я слышалъ рулевые закричали: „винтъ сломался! руль сломался!“

— И винтъ и руль? Сломались?

— Да! Чудовище перехватило ихъ зубомъ. Больше поврежденій на „Авраамъ Линкольнъ“ нѣтъ, да вотъ только что онъ ужъ не можетъ теперь направляться, въ какую сторону хочетъ, — значить, не можетъ позаботиться о насъ.

— Такъ мы, стало быть, пропадемъ!

— Можетъ, пропадемъ, отвѣчалъ спокойно Консейль. — А впрочемъ у насъ еще остается нѣсколько часовъ впереди, а въ нѣсколько часовъ можно иногда много кое-чего сдѣлать.

Невозмутимое хладнокровіе Консейля придавало и мнѣ малую толику храбраго духу. Я поплылъ, сколько было силъ, но плыть было мнѣ очень трудно: одежда облипала около моего тѣла и сдавливала меня, какъ оловянная оковка. Я едва могъ держаться на водѣ.

Консейль это замѣтилъ.

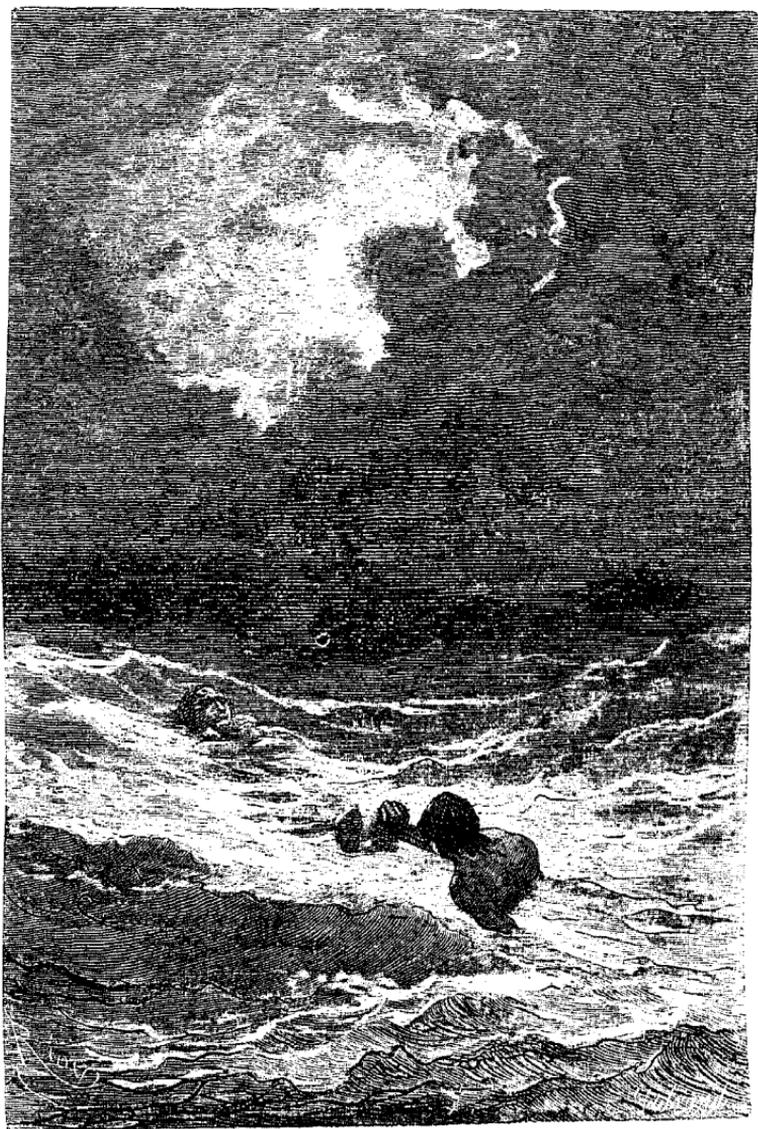
— Прошу позволенія у ихъ чести сдѣлать маленькій нарѣзецъ, сказалъ онъ.

И просунувъ раскрытый ножъ подъ мое платье, онъ быстро распоролъ его сверху донизу. Затѣмъ онъ проворно сдернулъ его съ меня, покуда я плылъ за насъ обоихъ.

Я, въ свою очередь, оказалъ такую же услугу Консейлю.

Затѣмъ мы опять принялись плыть рядомъ.

Положеніе, однако, было ужасное. Нашего исчезновенія, очень можетъ быть, не примѣтили, да еслибъ даже и примѣтили, фрегатъ безъ руля не могъ повернуть къ намъ противъ вѣтра. [Ко-

Мы плыли рядомъ.

ли можно было еще рассчитывать, такъ единственно на спущенныя шлюпки.

Консейль прехладнокровно разсуждалъ на эту тему—разбиралъ, что называется, по ниточкѣ грозящія опасности и составлялъ разные планы. Удивительный человекъ былъ этотъ Консейль! Среди необозримаго океана, онъ точно находился у себя дома!

И такъ, мы порѣшили, что есть для насъ одно только спасеніе: попасть на спущенныя шлюпки „Авраама Линкольна“, — значитъ, надо было намъ устроить дѣло такъ, чтобы имѣть возможность какъ можно долѣе ожидать эти шлюпки.

— Надо, сколько возможно, беречь силы, сказалъ я Консейлю. — Знаешь, что мы сдѣлаемъ? Одинъ изъ насъ перевернется на спину, скреститъ руки, вытянетъ ноги и будетъ лежать неподвижно на водѣ, а другой будетъ плыть и подталкивать его впередъ. Роль пошхача будетъ продолжаться не больше десяти минутъ, и потомъ онъ, въ свою очередь, растянется на водѣ — понимаешь? Если мы будемъ такъ ‘взлѣзывать такъ мы можемъ плыть нѣсколько часовъ кряду. — можетъ хватить силъ проплыть до разсвѣта.

Разумѣется, рассчитывать проплыть до разсвѣта было неосновательно, но человекъ такъ ужъ созданъ, что никогда не теряетъ надежды. И я не терялъ. Къ тому, насъ было двое, что тоже подкрѣпляло падающій духъ. Однимъ словомъ, я надѣялся. Я говорилъ себѣ, что надежды нѣтъ, быть не можетъ, а все-таки надѣялся!

Стольновеніе „Авраама Линкольна“ съ чудовищемъ произошло около одиннадцати часовъ вечера. Я, значитъ, рассчитывалъ на восьмичасовое плаванье до разсвѣта.

— Чтожь, пожалуй, проплывемъ восемь часовъ, если будемъ чередоваться! сказалъ я Консейлю.

— Пожалуй, что проплывемъ, отвѣчалъ Консейль.

Море было спокойно, тихо, и мало насъ утомляло. Время отъ времени я принимался вглядываться въ густой мракъ, который только освѣщался фосфорическими блестками при каждомъ нашемъ движеніи. Я смотрѣлъ на свѣтящіяся волны, разбивавшіяся подъ моими руками; переливающаяся поверхность водѣ

сверкала какими-то блѣдными, свинцовыми пятнами. Мы точно плыли въ море ртути.

Около часу ночи я вдругъ почувствовалъ чрезвычайную усталость. Меня начали мучить жестокія судороги. Консейль долженъ былъ меня поддерживать и забота о нашемъ спасеніи легла на него одного.

Я скоро замѣтилъ, что и онъ выбивается изъ силъ; дыханье у него начало прерываться, движенія сдѣлались порывистѣе. Я понялъ, что онъ изнемогаетъ.

— Оставь меня! Оставь меня! сказалъ я вѣрному товарищу.

— Оставить ихъ честь! Никогда! отвѣчалъ онъ. — Я надѣюсь утонуть вмѣстѣ съ ихъ честью!

Въ эту самую минуту мѣсяцъ выглянулъ изъ-за тучъ. Поверхность моря засверкала подъ его лучами. Этотъ благодѣтельный свѣтъ какъ будто придалъ намъ силъ. Я поднялъ голову и оглядѣлся кругомъ.

Я увидѣлъ фрегатъ, Онъ былъ отъ насъ въ шести миляхъ и представлялся темной массой, которую едва-едва можно было различить въ ночной мглѣ.

Но шлюпокъ нигдѣ не было видно. Нигдѣ ни одной!

Я попробовалъ закричать. Собственно говоря, къ чему было кричать? Развѣ могли меня услышать на такомъ разстояніи? Но я закричать не могъ; опухшія губы словно слиплись и не пропускали звука.

Консейль смогъ проговорить нѣсколько словъ; я слышалъ, какъ онъ нѣсколько разъ повторилъ:

— Помогите, помогите!

Мы на минуту приостановились и прислушались.

— Что это? Шумить въ ушахъ отъ прилива крови, что ли? Или ужъ начинается бредъ? думалъ я. Что это? Что это?

Мнѣ показалось, что на крикъ Консейля отвѣтили крикомъ.

— Слышалъ? спросилъ я Консейля. — Слышалъ?

— Да! да!

И Консейль опять отчаянно вскрикнулъ:

На этотъ разъ, сомнѣваться было уже невозможно. Человѣческій голосъ отвѣтилъ на нашъ призывъ очень явственно.

Что это за голосъ? Чей? откуда? Можетъ, это еще какойнибудь злополучный съ „Авраама Линкольна“? Или, можетъ, это

окликають насъ со шлюпки, спущенной на море для нашего спасенія?

Консейль сдѣлалъ послѣднее усиліе, оперся на мое плечо — я конвульсивно его поддерживалъ — приподнялся до пояса изъ воды и затѣмъ, совершенно изнеможенный, снова упалъ.

— Что ты видѣлъ?

— Я видѣлъ... пробормоталъ онъ:—я видѣлъ... но не надо говорить... надо беречь... беречь силы...

Что же онъ видѣлъ?

Не знаю почему, но въ эту минуту у меня въ первый разъ мелькнула мысль о чудовищѣ.

Но человѣческій голосъ? Вѣдь тѣ времена уже давнымъ давно прошли, когда Іоны укрывались въ китовыхъ чревахъ!

Консейль меня все-таки подталкивалъ впередъ. Время отъ времени онъ поднималъ голову, осматривался и вскрикивалъ. На его крикъ раздавался отвѣтный голосъ, и голосъ этотъ все слышался ближе и ближе.

Но у меня уже гудѣло въ ушахъ, я выбился изъ силъ; меня захлестывала соленая волна; меня тянуло неудержимо въ холодную бездну. Я въ послѣдній разъ поднял голову и пошелъ ко дну.

Вдругъ я толкнулся о какое-то твердое тѣло. Я за него уцѣпился. И чувствую, что меня вытягиваютъ на поверхность.... Я обезпамятовалъ.

Я скоро пришелъ въ себя, благодаря жестокимъ растираньямъ, которыя избородили мое тѣло не хуже ударовъ плетью. Я открылъ глаза.

— Консейль! бормочу:—Консейль!

— Ихъ честь изволили звать меня? отвѣчалъ Консейль.

Въ ту же минуту, при послѣднихъ мѣсячныхъ лучахъ, я увидѣлъ другую, склонившуюся надо мной, фигуру. Я тотчасъ же узналъ эту фигуру.

— Недѣ! вскрикнулъ я.

— Своею особою, г. Аронаксъ. Гонюсь за призомъ!

— Васъ сбросило при столкновеніи?

— Да, г. профессоръ. Только мнѣ посчастливилось лучше вашего: я почти въ ту же минуту вскарабкался на пловучій островокъ.

— На островок?

— То есть, точнѣ говоря, на чудовище, на этого „нарвала-гиганта“, какъ вы называли.

— Объяснитесь, Недъ! Я ничего не понимаю! Объяснитесь!

— И я очень скоро смекнулъ, почему это моя острога не могла его пронять!

— Почему же, Недъ? Почему?

— Да потому, г. профессоръ, что это чудовище сдѣлано изъ листовой стали!

Послѣднія слова канадца такъ ошеломили меня, что я почувствовалъ головокруженіе. Нѣсколько оправившись, я быстро взобрался на вершину существа или предмета, который служилъ намъ убѣжищемъ. Я попробовалъ его ногою. Это несомнѣнно было какое-то твердое, непроницаемое тѣло, — вовсе не мягкая масса какого нибудь морскаго млекопитающаго.

Твердое тѣло! но, можетъ, это костистая броня, какъ у допотопныхъ животныхъ?

Чтожъ! придется причислить чудовище къ земнымъ гадамъ, каковы черепахи или аллигаторы, вотъ и все!

Но нѣтъ! черноватая спина, на которой я стоялъ, была не черепицеобразная, а ровная, гладкая, какъ зеркало. Когда я ударялъ по ней, она издавала металлическій звукъ!

Какъ ни странно, какъ ни невѣроятно это казалось, а по вѣсѣмъ видимостямъ, чудовище было сдѣлано изъ металлическихъ пластовъ, скрѣпленныхъ болтами!

Сомнѣніе было невозможно. Это чудовище, которое сбilo съ толку весь ученый міръ, которое разстроило воображеніе моряковъ обоихъ полушарій, было дѣло рукъ человѣческихъ!

Открой я существованіе какой нибудь сказочной, мифической твари, меня бы это не удивило въ такой стѣпени. Чудеса природы не такъ поражаютъ, какъ чудеса человѣческія.

Однако, колебаться было невозможно. Мы находились на спинѣ чего-то въ родѣ подводнаго судна, представляющаго, сколько я могъ судить, форму громадной стальной рыбы.

— Какова рыбка-то? сказала Недъ Лендъ.

— Да, рыбка, нечего сказать! отвѣчалъ я.

— Изрядная, прибавилъ Консейль.

— Значить, этотъ снарядъ заключаетъ въ себѣ какой нибудь

такой механизм? значить есть и экипаж? Ктонибудь да управляет же судном?

— Разумѣется! отвѣчалъ Недъ Лендъ. Только я вотъ уже покрайности часа три торчу на этой пловучкѣ, а еще по сю пору не видалъ и не слыхалъ на ней и признака того, что тутъ какаянибудь живая душа есть.

— Чтожъ, это судно шло, или все стояло на мѣстѣ?

— Нѣтъ, не шло, г. Аронакъсъ. Только покачивается себѣ на волнахъ, а двигаться не двигается.

— Все равно, мы уже знаемъ, какъ оно можетъ мчаться, видѣли, каковъ у него ходъ. Ну, чтобы имѣть такой ходъ, нужна машина, а для машины нуженъ механикъ — такъ, что ли? Изъ этого можно вывести, что... что мы спасены!

— Гм! произнесъ Недъ Лендъ.

Въ эту минуту послышалось какое-то шипѣнье, словно въ глубинѣ завертѣлся винтъ парохода и удивительный подводный снарядъ пришелъ въ движеніе.

Мы едва успѣли ухватиться за верхнюю его часть, которая высывалась изъ воды сантиметровъ, этакъ, на восемьдесятъ.

Къ счастью, на этотъ разъ быстрота его хода была умѣренная.

— Ну! пробормоталъ Недъ Лендъ:—покуда этотъ поплавокъ чешетъ какъ слѣдуетъ, это еще ничего, а вотъ какъ если онъ примется нырять, такъ тогда я не поставлю и двухъ долларовъ за свою шкуру!

Нырни „поплавокъ,“ какъ называлъ его Недъ, не стоило ставить и денежки.

Надо было безотлагательно, во что бы то ни стало, подать о себѣ вѣсть, вступитъ въ переговоры съ тѣми, кто сидѣлъ во внутренности этой машины.

Я сталъ шарить по поверхности, отыскивая какоенибудь отверстіе, дверку, задвижку,—ничего! Ряды болтовъ, скрѣпляющихъ швы листовой стали, блестѣли въ ровномъ другъ отъ друга разстояніи.

Къ тому же, мѣсяцъ зашелъ и мы очутились въ глубокой темнотѣ.

Приходилось дожидаться разсвѣта и тогда искать способовъ, какъ проникнуть во внутренность подводнаго судна.

Значить, наша жизнь зависѣла теперь отъ таинственнаго рулевого, который управлялъ этимъ снарядомъ. Вздумаи онъ нырнуть, мы погибли.

— А коли онъ не нырнетъ, такъ мы будемъ спасены, сказалъ я.—Мы какъ нибудь да войдемъ въ сношеніе съ этими подводными путешественниками. Вѣдь они, надо полагать, не сами фабрикують воздухъ, значить, они должны непременно время отъ времени выплывать на поверхность океана, чтобъ возобновить запасъ вдыхаемыхъ частицъ. Значить, должна быть какая нибудь отдушина, чрезъ которую внутренность судна сообщается съ атмосферой.

Что касается до надежды на капитана Фаррагюта, такъ эту надежду приходилось оставить. Мы стремились теперь къ западу, и шли, надо полагать, по двѣнадцати миль въ часъ. Винтъ разбивалъ волны съ математической ровностію; время отъ времени онъ высовывался изъ воды, и тогда фосфорическіе водяные брызги летѣли столбами вверхъ.

Около четырехъ часовъ утра быстрота хода усилилась. Мы чуть чуть могли держаться; голова у насъ кружилась, а волны хлестали насъ такъ, что хотъ волкомъ вой.

Къ счастью, Неду попалось подъ руку большое якорное кольцо, вдѣланное въ верхней части стальной спины, и мы сейчасъ же всѣ за это кольцо уцѣпились.

Наконецъ, эта долгая ночь таки прошла.

Я уже теперь не могу разсказать вамъ всѣхъ моихъ тогдашнихъ впечатлѣній. Я помню, что временами, когда наступала на морѣ мгновенная затишь, мнѣ чудились какіе-то неясственные звуки, что-то въ родѣ далекихъ аккордовъ.

Что это за таинственное подводное судно? Куда оно направляется? Зачѣмъ? Что за люди, что за существа живутъ здѣсь? Какой это удивительный механическій снарядъ, съ помощію котораго можно мчаться съ такою изумительною быстротою?

Разсвѣло. Утренній туманъ разсѣялся.

— Наконецъ-то! сказалъ я.

И сейчасъ же принялся осматривать самымъ тщательнѣйшимъ образомъ корпусъ судна.

На верхней части корпуса было устроено что-то въ родѣ горизонтальной площади.

Мы чуть чуть держались.

— Зачѣмъ здѣсь эта платформа? думалъ я.

И вдругъ чувствую, платформа эта начинаетъ подо мной потихоньку осѣдать, опускаться.

— Э! э! тысячу чертей! крикнулъ Недъ Лендъ. — Отворитесь вы, негостепріимные мореплаватели! Отворитесь!

А самъ такъ тонаетъ ногой, что звонъ идетъ.

Но винтъ вертѣлся съ необычайною силою, и талитвеннымъ подводнымъ путешественникамъ трудно было услышать Недовъ голосъ.

Къ счастью, погруженъе въ глубину внезапно почему-то остановилось.

Вдругъ визгъ сильно двинутыхъ желѣзныхъ засововъ раздался внутри подводнаго судна, поднялась стальная пластинка, показался человекъ, вскрикнулъ и тотчасъ же снова исчезъ.

Нѣсколько минутъ спустя, появились восьмеро дюжихъ молдцовъ, взяли насъ и повлекли во внутрь подводнаго судна.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

MOVILIS IN MOVILE.

Насъ похитили съ быстротою молніи. Ни я, ни мои товарищи не успѣли опомниться.

Я не знаю, что почувствовали Недъ Лендъ и Консейлъ, очутившись въ пловучей тюрьмѣ, а что касается до меня, то у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ.

Съ кѣмъ мы имѣли дѣло?

Вѣроятно, съ какими нибудь пиратами, которые разбойничали на морѣ по вновь изобрѣтенному способу.

Насъ, такъ сказать, продернули въ узкую отдушину, и какъ только эта отдушина захлопнулась, мы очутились въ совершенной тьмѣ, въ непроницаемомъ мракѣ. Я ощущалъ босыми ногами, что стою на ступенькахъ желѣзной лѣстницы. Неда Ленда и Консейла вели слѣдомъ за мною.

Когда мы спустились съ лѣстницы, передъ нами распахнулась дверь, насъ легонько впахнули въ эту дверь и она тотчасъ же снова затворилась съ какимъто звономъ.

Мы были одни.

Гдѣ мы были? Я не могъ себѣ этого даже представить. Кругомъ было не то что темно, а черно, — такъ черно, что, спустя нѣсколько минутъ, глаза мои не могли еще уловить ни одного неопредѣленнаго мерцанія или отблеска, которые улавли- ваетъ среди самой глубокой ночной темноты.

Недѣ Лендъ былъ взбѣшенъ и выражалъ свое бѣшенство нисколько не стѣняясь.

— Тысячу чертей! кричалъ онъ. — Вотъ такъ басурмане! При- знаюсь, гостепріимный народецъ! Что они, людоеды что-ли? Надо полагать, что людоеды! Ну да коли меня захотятъ проглотить, такъ я постараюсь какъ нибудь поперекъ горла стать!

— Полноте, дружище Недѣ, полноте, успокойтесь, говорилъ безмятежный Консейль. — Не сердитесь прежде времени. Мы еще пока не на противнѣ!

— Не на противнѣ, такъ въ печи! Ишь темъ-то какая! Слава богу, что я свой ножъ уберегъ, — какъ ни темно, а я все- таки могу его пустить въ дѣло. Пусть только какой разбойникъ сунется, я.....

— Вы лучше уймите свое сердце, Недѣ, сказалъ я багриль- щнику: — а то вы, пожалуй, надѣлаете намъ бѣдъ своимъ крикомъ. Что за охота кричать и вопить понапрасну? Отъ крику пользы не будетъ. Почему вы знаете, можетъ каждое наше слово под- слушиваютъ. Лучше давайте щупать кругомъ, — авось смекнемъ, куда насъ засадили.

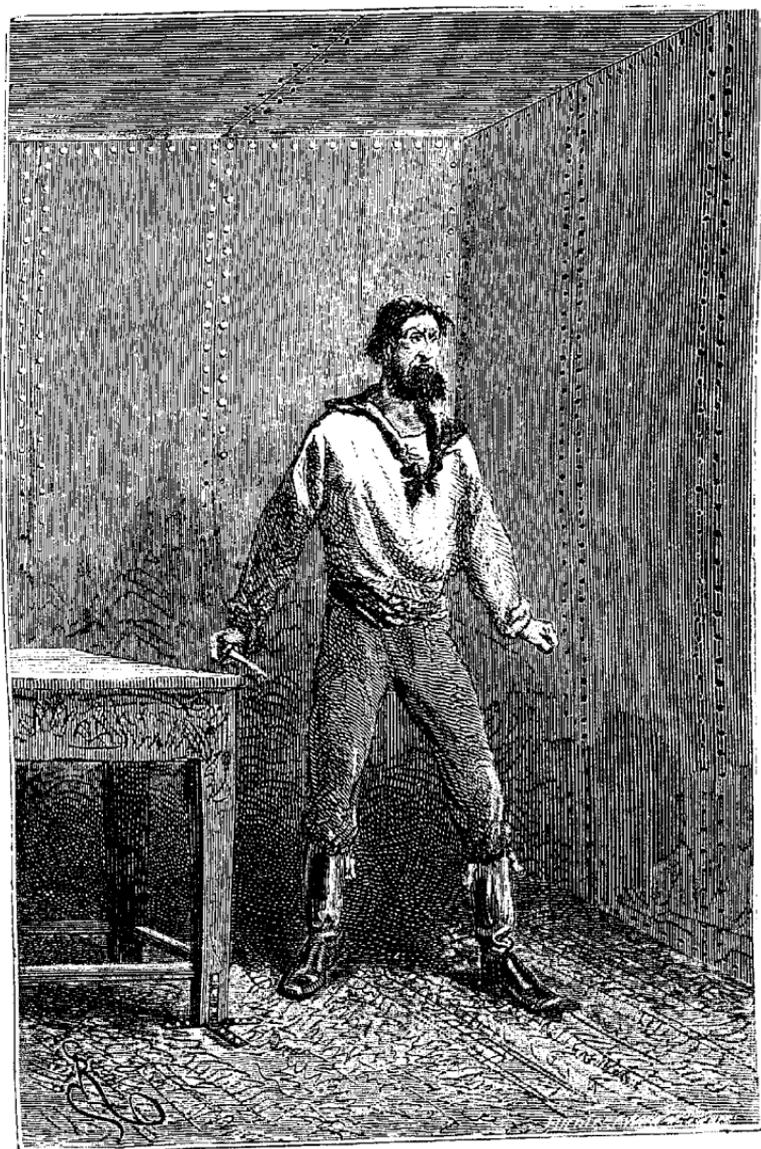
Я двинулся ощупью въ одну сторону, а Консейль въ другую. Сдѣлавъ пять шаговъ, я наткнулся на желѣзную стѣну, повер- нулся и стукнулся о деревянный столъ, а около стола ощущалъ нѣсколько ссаемекъ. Полъ этой тюрьмы былъ устланъ толстой рогожкой изъ новозеландскаго льна, такъ что шума шаговъ во- все не было слышно. На голыхъ стѣнахъ не было и признака дверей или оконъ.

— А ты, Консейль, нащупалъ что нибудь? спросилъ я, когда онъ съ одной, а я съ другой стороны сошлись посрединѣ тюрьмы.

— Нѣтъ, ничего не нашель, отвѣчалъ Консейль.

— Это какая-то зала, Консейль!

— Да, похоже на то.

Темница вдругъ освѣтилась.

Эта зала, надо полагать, имѣла двадцать футовъ въ длину и десять въ ширину. Что касается ея вышины, то Недъ Лендъ, на что ужъ высокій былъ дѣтина, а потолка достать не могъ.

Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса, а мы все сидѣли въ темнотѣ.

Вдругъ насъ озарилъ самый яркій свѣтъ.

Наша тюрьма освѣтилась мгновенно и такъ ярко, что я сразу не могъ вынести этого освѣщенія. Я узналъ бѣловатый свѣтъ, который видѣли мы съ „Авраама Линкольна“ и сначала принимали за фосфорическій блескъ. Я невольно закрылъ глаза. Открывъ ихъ снова, я увидѣлъ, что свѣтъ вырывался изъ неполированного полушара, укрѣпленнаго въ верхней части нашей тюрьмы, или залы, или каюты.

— Наконецъ-то освѣтили! вскрикнулъ Недъ Лендъ. Хоть свѣтло стало, и то хорошо!

Онъ держалъ ножъ въ рукѣ, словно готовился дать отпоръ.

— А дѣло-то все-таки темно, сказалъ я.

— Кабы ихъ честь имѣли терпѣннѣе, такъ это бы хорошо, замѣтилъ невозмутимый Консейль.

Теперь, при яркомъ освѣщеніи, можно было разсмотрѣть малѣйшія подробности устройства нашей тюрьмы.

Она была совершенно пустая; только по срединѣ стоялъ деревянный столъ, а вокругъ стола пять скамѣекъ. Невидимая дверь была герметически затворена. Нашъ слухъ не могъ уловить ни малѣйшаго шума. Казалось, все было мертво внутри этого подводнаго судна. Шло оно или стояло? Держалось на поверхности океана или погружалось въ глубину?

Я ничего теперь не могъ угадать.

— Однако, не даромъ же освѣтили тюрьму! сказалъ я. Вѣрно ктонибудь изъ экипажа скоро покажется. Ужъ если хотять кого забыть, такъ нечего освѣщать „безпамятку“ (*).

Я не ошибся. Скоро мы услышали шелканье замковъ, визгъ засововъ, дверь отворилась и вошло двое людей.

Одинъ былъ маленькаго роста, мускулистый, широкоплечій, — что называется, крѣпшшъ. Голова у него была большая, волосы

(*) Безпамятка—подземная темница (Oubliette).

черные и густые, здоровенные усищи, живой и пронизательный взглядъ; во всей его особѣ видна была южная живость и юркость, которыми отличаются жители Прованса. Нашъ знаменитый Дидро очень справедливо говорилъ, что по движеньямъ и жестамъ можно судить о рѣчахъ человѣка:—при первомъ взглядѣ на вошедшаго парня, можно было утвердительно сказать, что онъ въ своемъ разговорѣ очень щедръ на прибаутки, на прозвища и на своевольные обороты рѣчи.

Я этого, впрочемъ, не могъ провѣрить, потому что онъ всегда говорилъ при мнѣ на какомъ-то странномъ, совершенно мнѣ непонятномъ, нарѣчьи.

Второй незнакомецъ заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Ученикъ Гратіоле или Энгеля прочелъ бы его физиономію, какъ открытую книгу. Я тотчасъ же, безъ всякихъ колебаній, призналъ главныя его качества:—увѣренность въ себѣ,—потому что голова его какъ-то особенно благородно сидѣла на мощныхъ плечахъ и черные глаза глядѣли съ холодной увѣренностью;—спокойствіе, потому что цвѣтъ кожи, скорѣе блѣдный, чѣмъ румяный, означалъ спокойствіе крови; энергію, которую доказывало быстрое сжатіе бровей,—и мужество, потому что его сильное дыханіе означало большую жизненную силу.

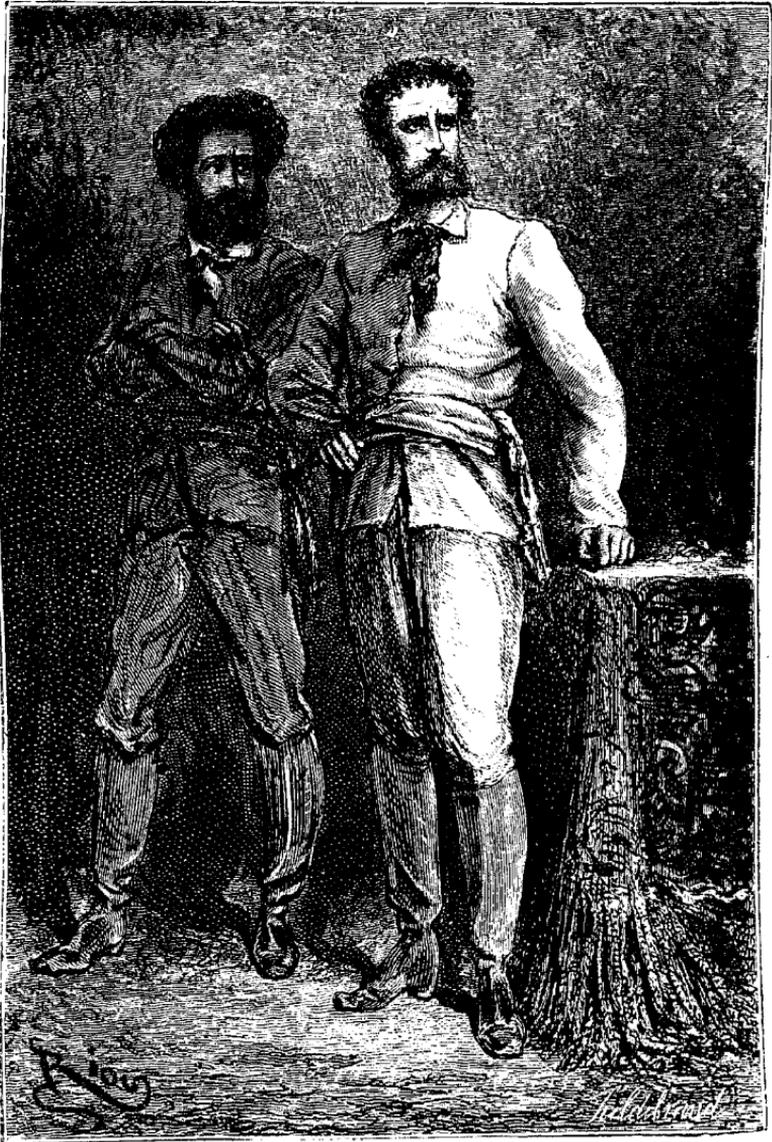
Прибавлю еще, что человѣкъ этотъ былъ гордъ, что въ его твердомъ и спокойномъ взглядѣ выражалась глубокая мысль и что по всѣмъ вмѣстѣ взятымъ признакамъ движеній тѣла и лица, объясненныхъ физиономистами, онъ отличался несомнѣнной откровенностью и правдивостью.

Я съ перваго же взгляда почувствовалъ, что меня къ нему невольно „тянетъ“.

— Ну, думаю, коли меня къ нему тянетъ, значить онъ человѣкъ, какъ слѣдуетъ, значить, все обойдется благополучно.

Сколько было лѣтъ незнакомцу? тридцать пять или пятьдесятъ, я не могъ этого опредѣлить. Онъ былъ высокаго роста, лобъ у него былъ широкой, носъ прямой, ротъ обрисованъ отлично, зубы великолѣпные, руки продолговатыя, изящнѣйшей формы, руки, по выраженію хиромантиковъ, совершенно „психическія“, то есть служащія признаками великой и страстной души.

Этотъ человѣкъ представлялъ доселѣ невиданный мною типъ. Надо еще замѣтить одну особенность его глаза, нѣсколько удален-

Незнакомцу было лѣтъ тридцать пять.

ные другъ отъ друга, могли одновременно обозрѣвать почти четверть горизонта. Способность эта, какъ я узналъ впоследствии была соединена съ необычайной остротою зрѣнія, и потому получала, такъ сказать, двойное значеніе и цѣну. Когда незнакомецъ пристально устремлялъ глаза на какой нибудь предметъ, брови его сдвигались, широкія вѣки сходились и такъ онъ глядѣлъ. Что за взглядъ! Какъ онъ увеличивалъ предметы, уменьшенные отдаленіемъ! Какъ онъ пронималъ вась насквозь! Какъ онъ проникалъ водяныя массы, непроницаемыя для нашихъ глазъ, и какъ онъ читалъ на самой глубинѣ морской!

Оба незнакомца были въ какихъ-то беретахъ изъ мѣха морской выдры, обуты въ морскіе сапоги изъ тюленей кожи и одѣты въ какую-то особую, мягкую, раздающуюся ткань, которая нисколько не стѣсняла ихъ движеній.

Высокій, — по всеѣмъ видимостямъ, капитанъ подводнаго судна, — осмотрѣлъ насъ съ величайшимъ вниманіемъ, не произнося ни единого слова. Затѣмъ, обратясь къ своему товарищу, сказалъ ему что-то на совершенно неизвѣстномъ нарѣчій, и нарѣчій звучномъ, гармоническомъ, гибкомъ, въ которомъ гласныя, казались, принимали очень разнообразныя ударенія.

Крѣпышъ отвѣчалъ ему кивкомъ, къ этому знаку присовокупилъ два-три непонятныхъ слова, а затѣмъ обратилъ на меня глаза и взглядомъ меня о чемъ-то спрашивалъ.

Я отвѣтилъ ему яснымъ французскимъ языкомъ, что я его нарѣчія не понимаю.

Но онъ, въ свою очередь, повидимому не понималъ меня. Положеніе становилось довольно затруднительнымъ.

— А ихъ честь все-таки пусть изволить имъ рассказать нашу исторію, посоветовалъ мнѣ Консейль. Можетъ, они хоть чуточку разберутъ, въ чемъ дѣло.

Я началъ рассказывать наши приключенія по порядку, ясно, отчетливо, и съ разстановкой выговаривалъ все слова и слоги и не опустилъ ни малѣйшей мелочи. Я представился, какъ профессоръ парижскаго музея естественныхъ наукъ, Аронаксъ, затѣмъ представилъ слугу своего, фламандца Консейля, и Неда Ленда, багрийщика.

Незнакомецъ съ тихими и глубокими глазами слушалъ меня спокойно, вѣжливо и очень внимательно. Но я не могъ прочесть на

его лицѣ, понялъ онъ мою исторію или нѣтъ.

Я окончилъ повѣствованіе. Онъ не произнесъ ни слова.

Оставалось еще попробовать заговорить поанглійски. Можетъ, поймутъ этотъ языкъ, на которомъ теперь объясняется почти весь міръ. Я такъ же бѣгло читалъ поанглійски какъ и понѣмецки, понималъ, что читаю, но говорить я не умѣлъ,—то есть, я хочу сказать, произношеніе у меня было самое варварское, а тутъ, главное, надо было ясно и точно объясняться.

— Ну-те-ка, Недъ, выступайте теперь вы на сцену! сказала я багрильщику. Извольте-ка объясняться, и дай Богъ, чтобы вамъ лучше моего почастливилось!

Недъ не заставилъ себя просить, и тотчасъ же повторилъ мой французскій рассказъ поанглійски.

Рассказъ былъ тотъ же, но въ совершенно другой формѣ. Канадецъ, по свойственной ему буйности нрава, началъ его достаточнымъ количествомъ зажигательныхъ веществъ. Онъ разразился негодующими жалобами на несправедливое заключеніе, спрашивалъ, въ силу какого закона его заперли въ „этомъ по плавкѣ“, привелъ въ свою защиту habeas corpus, угрожалъ судебнымъ преслѣдованіемъ тѣхъ, кто его противозаконно задерживаетъ, затѣмъ окончательно вышелъ изъ себя, началъ размахивать руками, кричать и наконецъ гнѣвными знаками далъ понять, что мы умираемъ съ голоду.

Мы въ самомъ дѣлѣ были голодны, какъ волки, но какъ-то до сихъ поръ про это не вспомнили.

Но, казалось, и англійскаго повѣствованія не поняли.

— Ну, головы! вскрикнулъ озадаченный Недъ Лендъ.

Незнакомцы и бровью не шевельнули.

Языкъ Фарадея, такъ же какъ и языкъ Араго, былъ для нихъ непонятен!

Мы были порядкомъ смущены.

— Я ужъ и не знаю, какъ тутъ быть, говорю, товарищамъ.

А Консейль отвѣчаетъ:

— Коли ихъ честь позволить, такъ я имъ расскажу еще понѣмецки.

— Это какъ? Развѣ ты понѣмецки знаешь?

— Какъ фламандецъ, съ позволенія ихъ чести.

— Ну, чтожь, отлично! Рассказывай понѣмецки, дружище

Консейль повторилъ своимъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ исторію нашу понѣмецки.

Но, несмотря на изящные обороты рѣчи, на отливное произношеніе рассказчика, и нѣмецкій языкъ не имѣлъ успѣха.

— Ну, думаю себѣ, такъ ужъ и быть, пушусь во всё тяжкія! Припомню свои латинскія упражненія!

Цицеронъ заткнулъ бы себѣ уши и выкинулъ бы меня за ри, но я все-таки кое-какъ справился объяснился понятно.

И латынь осталась безъ успѣха.

Послѣ этой послѣдней неудачной попытки, незнакомцы обмѣнялись нѣсколькими словами на своемъ непонятномъ нарѣчьи и удалились. Они могли бы подать намъ какой нибудь успокоивающій знакъ, что въ ходу у всевозможныхъ народовъ, но они и его намъ не подали!

Дверь за ними затворилась.

— Каковы каналы! вскрикнулъ Недъ Лендъ. Имъ говорить пофранцузски, поанглійски, понѣмецки, полатыни и мошеники хоть бы словечко въ отвѣтъ!

— Успокойтесь, Недъ, сказалъ я пылкому багрильщику: — крикомъ да сердцемъ вы вѣдь ничего не подѣлаете! Вы...

— Да вы посудите сами, г. профессоръ, посудите сами! прервалъ буйный мой товарищъ: — чтожь намъ тутъ съ голоду околѣвать, что-ли?

— Э! замѣтилъ философски Консейль: — до смерти еще далеко; мы еще продержимся денька...

— Послушайте, друзья, сказалъ я: отчаяваться пока еще нечего. Мы и не такіе виды видали. Сдѣлайте вы мнѣ большое удовольствіе, обождите немножко и тогда ужъ выводите свои заключенія о капитанѣ и экипажѣ этого подводнаго судна.

— Я ужъ вывелъ свое заключеніе, г. профессоръ, отвѣтилъ буйный Недъ Лендъ: — это каналы... мошеники...

— Хорошо, хорошо, — да откуда они, изъ какой страны?

— Изъ мошенической страны!

— Ну, любезный Недъ, такой страны до сихъ поръ еще не означено на географическихъ картахъ... Признаюсь вамъ, я не могу опредѣлить, что это за люди, какой они націи. Одно можно сказать утвердительно: ни французы, ни англичане, ни нѣмцы. Впрочемъ, я не полагаю, что оба они, и начальникъ, и помощникъ

родились подъ низкими широтами. У нихъ прорывается что-то южное. Но кто они? Испанцы, турки, арабы или индѣйцы этого нельзя опредѣлить по ихъ лицу, а нарѣчіе ихъ совершенно непонятно.

— Неприятно, какъ не знаешь всѣхъ языковъ, сказала Консейль: — и тоже неудобно, что вмѣсто одного языка ихъ расплодилось такая пропасть. Кабы былъ для всѣхъ одинъ единственный языкъ...

— И кабы одинъ единственный былъ, такъ это бы не помогло! перебилъ Недъ Лендъ. Вы развѣ не сообразили, что эти люди нарочно выдумали себѣ какоето дьявольское чириканье, отъ котораго у всякаго порядочнаго парня умъ за разумъ заходитъ. Я, кажись, очень ясно имъ показывалъ, что голодень, ѣсть хочу! Я развѣ-валъ ротъ, двигалъ челюстями, щелкалъ зубами, смаковалъ, обли-зывать губы, — чтожь, все это развѣ непонятно? Ужь такъ понятно! Отъ Квебека до Помату вездѣ поймутъ, что это значить: голодень! дайте ѣсть!

— О! замѣтилъ Консейль: — есть такіе непонятливые, что и рассказать невозможно!

Онъ еще не окончилъ этой фразы, какъ дверь отворилась.

Вошелъ корабельный слуга. Онъ принесъ намъ разное платье: куртки, панталоны; все это было сдѣлано изъ какой-то невиданной, неизвѣстной ткани.

Я проворно одѣлся. Товарищи сейчасъ же послѣдовали моему примѣру.

Тѣмъ временемъ слуга, — онъ, казалось, былъ нѣмъ, какъ рыба, и можетъ статься, былъ тоже глухъ — накрылъ настоль и поставилъ на него три закрытыя блюда.

— Вотъ мы и дождались! сказала Консейль. Дѣла начинаютъ поправляться!

— Погодите еще радоваться-то! возразилъ злопамятный багрильщикъ. Прежде попробуемъ, что это они за угощенье дѣлають. Чѣмъ они тутъ кормятся? Небось черепашей печенкой, или разварной акулою, или бифштексами изъ морской собаки!

— А вотъ увидимъ! сказалъ Консейль.

Блюда, покрытыя серебряными колпаками, были симметрически разставлены на столѣ. Тонкая бѣлая скатерть такъ и блестяла.

Мы сѣли за столъ.

Положительно можно было сказать, что мы имѣли дѣло съ людьми цивилизованными; не будь этого бѣлага электрическаго освѣщенія, я бы подумалъ, что нахожусь въ столовой ливерпульской гостиницы „Адельфи“ или въ столовой парижскаго „Большаго Отеля“.

Я, впрочемъ, долженъ замѣтить, что намъ не подали ни хлѣба, ни вина. Вода, правда, была удивительной чистоты и свѣжести, но это была вода!

Это послѣднее обстоятельство пришлось не по вкусу Неду Ленду.

Въ числѣ поданныхъ намъ блюдъ, я распозналъ различныхъ рыбъ; рыбы эти были очень изысканно приготовлены. Но были и такія кушанья, — кушанья, впрочемъ, отмынныя — которыхъ я никакъ не могъ разобрать; я даже не могъ опредѣлить, къ какому царству отнести ихъ содержимое — къ растительному или къ животному.

Вся сервировка была великолѣпная, — мало того, изящная. Каждая ложка, вилка, ножикъ, тарелка обозначены были прописной буквою, а надъ буквою полукругомъ красовался девизъ.

Выходило такъ:

MOBILIS IN MOBILE.

N

Подвижной, въ подвижной стихіи!

Да, девизъ хорошо прилагался къ этому подводному судну. Буква N была, вѣроятно, начальной буквой имени и фамиліи загадочной особы, которая управляла и командовала въ глубинѣ океана.

Недъ и Консейль не утруждали себя излишними размышленіями. Они пожирали все, что попадалось подъ руку.

Я не замедлилъ послѣдовать ихъ примѣру.

Я теперь ужъ успокоился: коли насъ кормили, значитъ, умерить не имѣли намѣренія.

Но всему есть конецъ, — даже алетиту людей, которые пропостились пятнадцать часовъ. Какъ только мы утолили свой го-

лодь, насъ тотчасъ же началъ клонить сонъ. И понятно! мы провели нелегкую ночь!

— Я бы теперь знатно соснулъ! сказалъ Консейль.

— А я ужъ сплю! отвѣтилъ Недъ Лендъ.

Товарищи мои растянулись на полу, на мягкой рогожкѣ изъ новозеландскаго льну и скоро погрузились въ глубочайшій сонъ.

Что до меня касается, то я уснуть не такъ скоро. Меня одолевали разныя мысли. Я не люблю ничего „неразрѣшимаго“, а тутъ столько лѣзло неразрѣшимыхъ вопросовъ, столько представлялось странныхъ образовъ!

Гдѣ мы? Какая сила насъ увлекаетъ?

Я чувствовалъ — или лучше сказать, мнѣ казалось я чувствую, — что подводный снарядъ мало по малу погружается въ самые нижніе слои морскихъ водъ. Меня началъ душить страшный кошмаръ. Мнѣ представлялся цѣлый міръ невиданныхъ животныхъ и чудовищъ въ таинственныхъ безднахъ океана, а это подводное судно представлялось чѣмъ-то однороднымъ съ ними, что тоже одарено было жизнью, движеніемъ, страшною силою.

Потомъ, мало по малу, бредъ мой прошелъ, всѣ образы исчезли и я заснулъ тяжелымъ сномъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

НЕДЪ ЛЕНДЪ СЕРДИТСЯ.

Долго ли мы спали, не знаю. Надо полагать, что долго, потому что совершенно отдохнули и проснулись опять молодцами.

Я проснулся первый. Гляжу — товарищи не двигаются, лежать какъ какіе нибудь кули.

Хоть постилка изъ новозеландскаго льна была очень толстая и мягкая, а все-таки это была не настоящая постель, и я немножечко понатрудилъ себѣ бока. Но я чувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ.

Я опять принялся внимательно осматривать нашу келью или темницу, или каюту.

Во время нашего сна не произошло никакихъ превращеній. Темница осталась темницею, а узники узниками. Только убраны были приборы со стола.

Товарищи растянулись на мягкой рогожке.

— Чтожъ это такое? подумалъ я. Ужъ не воображаютъ ли таинственные хозяева держать насъ вѣки-вѣчные въ этой клѣткѣ? Перспектива невеселая, признаюсь.

А тутъ еще новая бѣда: хотя голова у меня теперь была свѣжа, я начиналъ чувствовать страшную тяжесть: — меня словно что давило. Я съ трудомъ дышалъ, легкія мои не удовлетворялись этимъ спертымъ воздухомъ. Темница наша, правда, была очень просторна, даже обширна; но мы, повидимому, уже потребовали почти весь кислородъ, который въ ней заключался.

Извѣстно, что каждый человѣкъ потребляетъ въ часъ весь кислородъ, заключающійся въ ста метрахъ воздуха, и тогда въ этомъ воздухѣ, наполненномъ почти такимъ же количествомъ угольной кислоты, дѣлается невозможно дышать.

Необходимо, значить, было освѣжить воздухъ въ нашей темницѣ и тоже, вѣроятно, во всемъ подводномъ суднѣ.

Но вопросъ: какимъ образомъ капитанъ освѣжалъ воздухъ въ этомъ пловучемъ жильѣ? Что онъ добывалъ воздухъ какимъ нибудь химическимъ процессомъ, получая кислородъ, нагрѣваніемъ хлорновато-кислаго кали и поглощая угольную кислоту фдкимъ кали?

Въ такомъ случаѣ онъ долженъ сохранять какія нибудь сношенія съ материками, чтобы получать необходимыя вещества для подобныхъ операций.

Или онъ просто ограничивался тѣмъ, что запасалъ въ резервуары воздухъ подъ высокимъ давленіемъ, а потомъ, смотря по надобности, выпускалъ его?

Можетъ статья!

Или онъ употреблялъ болѣе удобный, болѣе экономическій, а слѣдственно и болѣе вѣроятный способъ, то есть, просто на просто выплывалъ на поверхность океана, какъ какое нибудь китообразное, и запасался воздухомъ на двадцать четыре часа, — то есть на цѣлые сутки?

Какъ бы онъ, впрочемъ, хитро или просто ни распоряжался, мнѣ казалось, что пришло время распорядиться, и распорядиться безотлагательно, немедленно.

Я уже вынужденъ былъ участить вдыханіе, чтобы извлекать изъ этой клѣтки остававшійся въ ней кислородъ, какъ вдругъ...

на меня пахнула свѣжая струя чистаго воздуха, пропитаннаго смолистыми испареніями.

Морской вѣтерокъ, животворный, наполненный іодомъ!

Да, это онъ!

Я широко раскрылъ ротъ и легкія мои вобрали въ себя свѣжія частицы.

Въ то же самое время я почувствовалъ колебанье, легкую, чуть замѣтную качку.

Подводное судно, стальное чудовище, выплыло на поверхность океана, чтобы подышать, какъ это дѣлають киты.

Способъ вентиляціи судна былъ; значить, дознанъ.

Вдохнувъ полной грудью свѣжій воздухъ, я принялся отъискивать „дыхательный путь“, которымъ проходила къ намъ благодѣтельная струя.

Я скоро его нашель.

Надъ дверью отворялась отдушина; черезъ нее проходила свѣжая струя воздуха и освѣжала спертую каюту.

Пока я занимался изслѣдованіями, Недъ Лендъ и Консейль проснулись почти одновременно отъ дѣйствія оживляющей свѣжести. Они протерли себѣ глаза, потянулись, зѣвнули и въ одну минуту были на ногахъ.

— Ихъ честь какъ изволили почивать? спросилъ меня Консейль съ своей обыденной утонченностью.

— Очень хорошо, дружище, отвѣчалъ я. А вы, Недъ?

— Мертвымъ сномъ, г. профессоръ. Что это такое? Точно будто морской вѣтерокъ вѣетъ?

Такой морякъ не могъ ошибиться!

Я рассказалъ товарищамъ все, что произошло во время ихъ сна.

— Вотъ оно что! отвѣчалъ Недъ Лендъ. Теперь понятенъ этотъ вой, что мы слышали, когда „нарвалъ“ выплывалъ! Ну, „нарвалъ“!

— Да, Недъ, теперь понятно: это мы слышали дыханье „нарвала“.

— Только, знаете, г. Аронаксъ, я никакъ не могу сообразить, который это теперь часъ? Должно полагать, что обѣденный:—вы какъ думаете?

-- Объденный, почтеннѣйшій? Вы лучше скажите, что часъ завтрака, потому что мы навѣрно доспались до утра.

-- Это означаетъ, замѣтилъ Консейль, что мы проспали двадцать четыре часа, —цѣлыя сутки.

— Да, по моему непременно такъ, сказалъ я.

— Я съ вами не спорю, отвѣтилъ Недъ Лендъ. Хоть обѣдъ, хоть завтракъ, все это одно. Пусть бы только скорѣе чтонибудь несли.

— А кабы принесли и обѣдъ и завтракъ? сказала Консейль.

-- Лучше и не надо! отвѣтилъ канадецъ. Да по настоящему мы имѣемъ право и на то и на другое. Я не знаю, какъ вы, а я уписалъ бы прелюбопытно и обѣдъ и завтракъ.

— Подождите, Недъ, сказалъ я. Очевидно, неизвѣстные хозяева не имѣютъ намѣренія морить насъ голодомъ. Имѣй они это намѣреніе, они бы и вчера не стали насъ подчивать.

— Коли только они насъ не откармливаютъ, г. профессоръ! отвѣчала багрильщица.

— Что это, Недъ, сказалъ я: — какъ это вамъ приходять въ голову такія мысли! Мы вѣдь не къ людоедамъ попали!

— Да я и не завѣряю, что они какъ слѣдъ настоящіе людоеды, г. профессоръ, а такъ, можетъ, занимаются этимъ время отъ времени, изрѣдка этакъ... знаете? Почему мы знаемъ, можетъ, они ужь давнымъ давно свѣжаго мяса въ глаза не видали! Ну, а въ такомъ случаѣ три такихъ парня, какъ г. профессоръ, Консейль и я, — это вѣдь такая находка...

— Выкиньте вы эти мысли изъ головы, Недъ! сказалъ я багрильщику. Бѣда съ вами, какъ я погляжу! Заберете вы чтонибудь себѣ въ голову, да потомъ и рубите съ плеча. Вы вотъ теперь вообразите, что мы попались къ людоедамъ, да, пожалуй, и начнете честить хозяевъ... Вы поудержитесь, Недъ; а то вѣдь хуже можете накликасть напасть...

— Да ну ихъ! Я теперь думаю только о ѣдѣ. Смерть есть хочу, а они ничего не несутъ!

— Какіе вы, Недъ! сказалъ я. Надо соображаться съ здѣшними порядками. Знаете пословицу: въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не лѣзь! У васъ, дружище, желудокъ не по здѣшнимъ часамъ, — обѣжить впередъ!

— Это ничего, спокойно замѣтил Консейль: — его можно поставить по часамъ.

— Напрасно вы и говорите, другъ любезный, отвѣчалъ ему Недъ Лендъ: — я и такъ знаю ваше смиренье. Признаюсь! И что вы послѣ этого за человѣкъ? Ни рыба, ни мясо! Вамъ не дай обѣдать, вы посидите за пустымъ столомъ, потомъ встанете и благодарственную молитву прочитаете! Вы согласитесь лучше съ голоду околѣть, чѣмъ сказать: — дай ѣсть, — ѣсть хочу!.. Какъ можно! жаловаться, это...

— Что толку въ жалобахъ? спросилъ Консейль. Къ чему онѣ? Что въ нихъ пользы?

— Какъ что пользы? Какъ къ чему? Да къ тому, что я жалуюсь! Это хоть немножко облегчаетъ. И коли эти пираты, — я ихъ пиратами называю, потому что г. профессоръ не позволяетъ называть людододами, — коли только они воображаютъ, что меня можно держать въ этой клѣткѣ, какъ какого нибудь безответнаго ягненка, такъ они очень ошибаются! Послушайте, г. Аронакъс, говорите откровенно! Вы какъ полагаете, долго они насъ будутъ держать въ этой желѣзной коробкѣ?

— Откровенно вамъ говорю, Недъ, не знаю.

— Ну, не знаете навѣрно, такъ какъ думаете?

— Я думаю вотъ что: мы случайно узнали очень важную тайну, и коли экипажу подводнаго судна надо эту тайну сохранить, коли эта тайна важнѣе жизни трехъ человѣкъ, такъ мы въ большой опасности. А коли, напротивъ, тутъ нѣтъ ничего важнаго, такъ при первой же оказіи стальное чудовище, которое насъ поглотило, опять возвратитъ насъ обществу земныхъ обитателей.

— А какъ это чудовище да завербуетъ насъ въ свой экипажъ? сказалъ Консейль. Завербуетъ, да и будетъ держать...

— До тѣхъ поръ, пока какой нибудь фрегатъ побыстрѣе или поискуснѣе „Авраама Линкольна“ овладѣетъ этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ и вздернетъ и весь экипажъ, и насъ вмѣстѣ съ нимъ, на рей! сказалъ Недъ Лендъ.

— Это вы хорошо разсудили, Недъ, отвѣчалъ я ему, но пока еще этого нѣтъ, лучше не будемъ говорить о подобныхъ вещахъ. Повторяю вамъ, подождемъ, сообразимся съ обстоятельствами! Предпринимать ничего не надо, потому что нельзя!

— Нѣтъ, г. профессоръ, надо чтонибудь предпринимать! Непремѣнно надо, вскрикнулъ багрильщикъ. Чтонибудь да предпринять!

— Да что же, Недъ? что?

— Бѣжать!

— Бѣжать изъ „земной“ тюрьмы и то очень иногда трудно, а ужъ изъ подводной такъ и совсѣмъ, по моему, невозможно.

— Что жъ вы замолчали, пріятель? спросилъ Консейль у канадца. Что задумались? Отвѣчайте ихъ чести. Я знаю, американецъ никогда не оплошаетъ, — всегда какънибудь вывернется.

Багрильщикъ молчалъ; онъ очевидно былъ смущенъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣгство въ нашемъ положеніи было немислимо.

Но канадецъ, это тотъ же французъ, а французы народъ скорый и рѣшительный.

— Такъ вы не догадываетесь, г. профессоръ? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Не соображаете, что должны дѣлать люди, которые не могутъ вырваться изъ своей тюрьмы?

— Нѣтъ, любезнѣйшій Недъ, не догадываюсь.

— А очень просто! Коли нельзя изъ нея вырваться, такъ надо хорошенько въ ней устроиться по своему!

— Какъ начнемъ устраиваться-то по своему, замѣтилъ Консейль, такъ, пожалуй...

— Что тутъ пожалуй? Нечего тутъ жаловать! Вышвырнуть всѣхъ тюремщиковъ и сторожей, да и конецъ! перебилъ Недъ Лендъ.

— Какъ, Недъ? сказала я. Вы въ самомъ дѣлѣ воображаете?... Вы хотите овладѣть этимъ подводнымъ судномъ? Вы серьезно?...

— Очень серьезно, г. профессоръ, отвѣчалъ канадецъ.

— Да вѣдь это невозможно! Немислимо!

— Почему жъ, г. профессоръ? Очень это можетъ быть, что намъ выпадетъ удобный случай. А коли выпадетъ, такъ отчего намъ не воспользоваться? Вѣдь ихъ тутъ, на этомъ поплавкѣ, надо полагать, всѣхъ-то на-всѣхъ десятка два, — что жъ, по вашему, два француза и канадецъ не управятся съ двумя десятками какихънибудь проходимцевъ?

Я вижу, что лучше какъ нибудь замать этотъ споръ и говорю ему:

— Разумѣется... коли такой случай представится... Мы тогда увидимъ. Но пока еще никакого случая не представилось и вы, Недъ, пожалуйста, поудержитесь. Вѣдь ужъ коли вы хотите дѣйствовать, такъ дѣйствуйте хитростью, только хитростью и возможно что нибудь сдѣлать; а начнете вы выходить изъ себя, кричать, такъ вы все дѣло испортите. Обѣщайте мнѣ, Недъ, что вы не будете выходить изъ себя!

— Обѣщаю, г. профессоръ, отвѣчалъ Недъ, но такимъ голосомъ, который не внушилъ мнѣ большого довѣрія.— Обѣщаю. Ни одинаго грубаго слова не скажу, не измѣню себѣ ни единныи движениемъ, ни единнымъ взглядомъ. Что бы тамъ ни было, — пусть хоть ѣсть не дають -- я ничего, — какъ словно воды въ ротъ наберу.

— Ну, хорошо, Недъ; я вѣрю вашему слову, полагаюсь на него, сказалъ я канадцу.

Затѣмъ разговоръ прекратился и каждый изъ насъ принялся размышлять въ одиночку.

Я, признаюсь, не обольщался надеждами, не смотря на увѣренность Неда Ленда. Я не допускалъ никакого такого „удобнаго случая“, который бы помогъ намъ овладѣть нашей тюрьмой. Судя по тому, какъ искусно управляли этой подводной машиной, должно было заключить, что на ней находился очень многочисленный экипажъ; значить, въ случаѣ борьбы, мы бы пропали, какъ мыши на подтопѣ. Къ тому же, чтобы вступить въ борьбу, надо было быть свободнымъ, а мы сидѣли на замкѣ. Какъ вырваться изъ этой стальной каюты? Она была герметически затворена.

Нѣтъ, коли только у капитана подводнаго судна имѣлась какая нибудь важная тайна, — что казалось мнѣ очень вѣроятнымъ — такъ онъ никогда не позволитъ намъ свободно расхаживать по своему судну!

По моему, вопросъ былъ въ томъ, швырнетъ ли онъ насъ въ воду, или современемъ высадитъ гдѣ нибудь на какой нибудь обитаемый клочекъ земли.

Ничего нельзя было сказать навѣрно и положеніе было незавидное.

Я думалъ:

— Плохо, плохо! Благоразумный человекъ сразу пойметъ, что это несбыточное дѣло, — только Недъ Лендъ можетъ еще строить тутъ воздушные замки!

А Недъ Лендъ чѣмъ больше раздумывалъ, тѣмъ больше свирѣпѣлъ. Ужь въ горлѣ у него начиналось словно какое клоко-танье и движенія стали порывистыя, конвульсивныя. Онъ вставалъ, кружился, какъ дикій звѣрь въ клеткѣ, топалъ ногами, хваталъ обѣ стѣны кулакомъ и пятами.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ становилось не втерпеть: время уходило, голодъ жестоко насъ мучилъ и на этотъ разъ никто не показывался.

— Ну! думалъ я, они ужь очень забываютъ насъ! Коли у нихъ нѣтъ худаго умысла, такъ слѣдовало бы имъ обращать на наши нужды какое нибудь вниманіе!

А Недъ Лендъ свирѣпѣлъ все больше и больше; хоть онъ и далъ мнѣ честное слово „сдерживаться“, я сильно опасался, что онъ выкинетъ какую нибудь штуку, какъ только очутится лицомъ къ лицу съ врагомъ, или, точнѣе говоря, пока еще хозяиномъ.

Прошло еще два часа. Канадецъ звалъ, кричалъ, ревѣлъ, но все понапрасну. Желѣзныя стѣны были глухи. Я, сколько ни прислушивался, не могъ уловить никакого шума, никакого звука даже внутри судна, — все въ немъ, казалось, умерло. Оно не двигалось, — иначе я почувствовалъ бы какое нибудь дрожаніе въ корпусѣ корабля при дѣйствіи винта. Безъ сомнѣнія, судно снова погрузилось въ морскую глубину.

Это безмолвіе было ужасно. Мы были брошены, забыты въ тюрьмѣ и я не смѣлъ углубляться, сколько еще времени насъ тутъ продержатъ и что изъ всего этого выйдетъ. Надежды, какія у меня было зародились послѣ свиданія съ капитаномъ судна, мало по малу совершенно исчезли. Спокойный, честный взглядъ этого человека, хорошее выраженіе его лица, благородство осанки, — все это словно улетучилось. Я ужь начиналъ представлять себѣ таинственнаго незнакомца такимъ, какимъ онъ, вѣроятно, и былъ на самомъ дѣлѣ — безжалостнымъ, неумолимымъ, жестокимъ. Я думалъ:

— Человекъ, который отрѣшился отъ общества, который не имѣетъ, повидимому, ничего общаго съ людьми, какой милости, какого великодушія можно отъ него ожидать!

Что задумалъ этотъ человѣкъ? Уморить насъ голодной смертью въ этомъ желѣзномъ ящикѣ?

Что съ нами будетъ? у людей отъ голоду помрачается разумъ, они дѣлаются способными на все...

Эта послѣдняя мысль залѣзла мнѣ въ голову и мнѣ начали представляться самыя ужасныя картины...

Консейль сохранилъ свою обычную невозмутимость. Недъ Лендъ рычалъ, какъ разъяренный левъ.

Вдругъ послышался шумъ. По металлическому полу звонко раздались чьи-то шаги; щелкнулъ замокъ, визгнули засовы, дверь отворилась и показался уже знакомый намъ прислужникъ.

Не успѣлъ я сморгнуть, какъ нашъ Недъ Лендъ уже ринулся на этаго несчастнаго, повалилъ его и схватилъ такъ за горло, что онъ захрипѣлъ подъ его мощной рукой.

Консейль поспѣшилъ на помощь и старался вырвать жертву изъ рукъ багрильщика, а тоже хотѣлъ броситься къ нимъ, но меня, мгновенно, такъ сказать, окаменили слова, внезапно произнесенныя на чистомъ французскомъ языкѣ.

— Успокойтесь, дядя Лендъ, а вы, г. профессоръ, будьте столь обязательны, выслушайте меня.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ВОДЯНОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Эти слова были сказаны капитаномъ подводнаго судна.

При этихъ словахъ Недъ Лендъ быстро поднялся и выпустилъ изъ рукъ свою жертву.

Полудушенный прислужникъ, по знаку своего капитана, пошатываясь, вышелъ изъ каюты.

Каково значеніе, какову власть долженъ былъ имѣть этотъ капитанъ! Человѣка чуть не умертвили, а онъ по одному только легкому знаку покорно удаляется, не выражаетъ даже взглядомъ своего гнѣва!

Невозмутимый Консейль, и тотъ былъ, казалось, нѣсколько заинтересованъ. А я, признаюсь, было просто ошеломленъ.

Всѣ мы безмолвно ожидали развязки.

Капитанъ, прислонясь къ столу, скрестивъ руки на груди, наблюдалъ насъ съ глубочайшимъ вниманіемъ.

Или онъ не рѣшался говорить? Или жалѣлъ, что у него вырвалось нѣсколько словъ?

Глядя на него, можно было это подумать.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе, которое мы не рѣшались рерывать.

Наконецъ онъ заговорилъ.

— Господа, сказалъ онъ спокойнымъ, глубокимъ, такъ сказать, проникающимъ душу, голосомъ: — я говорю пофранцузски, поанглійски, понѣмецки и полатыни, — значить, я могъ вамъ отвѣчать при первомъ же нашемъ свиданіи. Но я не отвѣчалъ; я хотѣлъ прежде нѣсколько узнать васъ и потомъ обдумать это дѣло. Вашъ четырехкратно повторенный рассказъ убѣдилъ меня, что вы подлинно тѣ самыя лица, за которыя вы себя выдаете. Я теперь знаю, что случай свелъ меня съ г. Пьеромъ Аронакомъ, профессоромъ естественной исторіи въ парижскомъ музеѣ, который командированъ въ ученое путешествіе, съ его слугою Консейлемъ и съ Недомъ Лендомъ, изъ Канады, багрильщикомъ съ фрегата „Авраамъ Линкольнъ“, принадлежащаго флоту Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Я наклонилъ голову въ знакъ согласія. Капитанъ не предлагалъ мнѣ никакихъ вопросовъ, значить, мнѣ нечего было и отвѣчать.

Онъ объяснялся безъ малѣйшаго затрудненія, безъ всякаго акцента. Рѣчь его была ясна, отчетлива, кратка и выразительна.

И все-таки я не призналъ его за земляка.

Онъ продолжалъ:

— Вы, безъсомнѣнія, нашли, г. профессоръ, что я слишкомъ запоздалъ съ своимъ вторымъ визитомъ. Я запоздалъ потому, что хотѣлъ зрѣло поразмыслить, какъ мнѣ поступить съ вами. Я очень долго не рѣшался, что мнѣ дѣлать. Несчастный случай свелъ васъ съ человѣкомъ, который прервалъ всякія сношенія съ челоѣчествомъ. Вы своимъ появленіемъ возмутили...

— Невольно, вставилъ я.

— Невольно? повторилъ незнакомецъ, нѣсколько возвышая голосъ. Невольно? Развѣ „Авраамъ Линкольнъ“ невольны охотится за мной по всѣмъ морямъ? Развѣ вы невольны очутились

на бортъ этого фрегата? И ядра вы *неволью* въ меня пускали? И дядя Лендъ *неволью* хватилъ меня острогою?

Я замѣтилъ въ этихъ словахъ сдержанное раздраженіе.

Я отвѣчалъ ему:

— Милостивый государь, вамъ, вѣроятно, совершенно неизвѣстны споры, которые поднялись относительно васъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Вы вѣроятно не знаете, до чего возбудили умы различные поврежденія, произведенныя вашимъ подводнымъ судномъ. Я не буду утомлять васъ перечисленіемъ всѣхъ предположеній и догадокъ, которыми объяснили необъяснимое явленіе, я вамъ скажу только одно: „Авраамъ Линкольнъ“, преслѣдуя васъ, думалъ, что преслѣдуетъ какое нибудь могучее морское чудовище, отъ котораго во что бы то ни стало требовалось очистить моря.

На губахъ капитана скользнуло что-то въ родѣ легкой усмѣшки. Онъ спросилъ прежнимъ спокойнымъ голосомъ:

— Г. Аронаксъ, вы поручитесь, что вашъ фрегатъ не сталъ бы преслѣдовать и угощать ядрами подводное судно?

Этотъ вопросъ меня нѣсколько смутилъ. Разумѣется, капитанъ Фаррагутъ не задумался бы ни на секунду; онъ бы почелъ такимъ же священнымъ долгомъ уничтожить подобный снарядъ, какимъ долгомъ почиталъ истребленіе гигантскаго нарвала.

— Вѣдь не поручитесь, г. профессоръ? продолжалъ капитанъ. Принимая все это во вниманіе, я, полагаю, могу считать васъ за враговъ и поступить съ вами, какъ съ врагами.

Я на это ничего не отвѣтилъ. И что было мнѣ отвѣчать? Спорить, доказывать? Какіе тутъ споры и доказательства, когда совершенно находишься во власти другого?

Мышь въ лапахъ у кошки никогда не спорить и не доказываетъ.

— Я очень долго колебался, продолжалъ капитанъ. Ничто меня не обязывало оказывать вамъ гостепрѣимство. Если намъ слѣдовало разстаться, то мнѣ не к чему было съ вами и видѣться. Я могъ бы опять вывести васъ на платформу этаго судна, погрузиться въ глубину и затѣмъ забыть о томъ, существовали ли вы когда нибудь или нѣтъ. Согласитесь, что я вправѣ былъ это сдѣлать?

— Дикарь, можетъ статья, былъ бы вправѣ, отвѣчалъ я: — но человѣкъ цивилизованный — нѣтъ!

— Г. профессор! съ живостью возразилъ капитанъ. Я вовсе не то, что вы называете цивилизованнымъ человѣкомъ! Я разорвалъ всякія сношенія съ обществомъ. Я имѣю на это причины довольно важныя. Я, значитъ, не повинуюсь ни правиламъ, ни законамъ общественнымъ, и я попросилъ бы васъ никогда о нихъ при мнѣ не упоминать.

Сказъ былъ короткій и ясный. Въ глазахъ незнакомца сверкнулъ гнѣвъ, на лицѣ выразилось презрѣніе.

— Ну! подумалъ я, у этого человѣка должно быть страшное прошлое! „Прервалъ всякія сношенія съ обществомъ“! „Не повинуюсь ни его правиламъ, ни его законамъ“! Легко сказать!

Незнакомецъ умолкъ и какъ будто погрузился въ самого себя.

Я глядѣлъ на него, какъ, вѣроятно, Эдипъ глядѣлъ на сфинкса!

Послѣ долгаго молчанія онъ снова заговорилъ:

— И такъ, я долго колебался, но наконецъ рѣшилъ, что могу согласить свои интересы съ тѣмъ состраданіемъ и участіемъ, на которыя имѣеть право всякій несчастный. Вы останетесь на моемъ суднѣ, вы будете здѣсь свободны и въ замѣнъ этой свободы — свободы, разумѣется, относительной — я поставлю вамъ одно условіе. Если вы дадите мнѣ словъ подчиниться этому условію, я этимъ словомъ удовольствуюсь.

— Говорите, милостивый государь, отвѣчалъ я. Я полагаю условіе ваше такого рода, что честный человѣкъ можетъ его принять?

— Вы не ошибаетесь, милостивый государь. Вотъ это какое условіе: очень можетъ статься, что какія нибудь непредвидѣнныя обстоятельства вынудятъ меня заключать васъ время отъ времени на нѣсколько часовъ, или на нѣсколько дней въ каюту, или, какъ вы говорите, въ тюрьму. Я не желаю употреблять насилія и потому требую, въ этомъ случаѣ больше, чѣмъ во всѣхъ прочихъ, безусловнаго повиновенія. Дѣйствуя такимъ образомъ, я беру на себя всю отвѣтственность, я разрѣшаю вамъ все наблюдать, до всего доискиваться, мое дѣло будетъ поставить васъ въ невозможность видѣть то, что я желаю утаить. Принимаете вы это условіе?

Значитъ, на борту подводнаго судна происходили такія вещи,

которыя могли только видѣть люди „стоящіе внѣ общественныхъ законовъ“! Значить, не одно еще диво тутъ водилось!

— Мы принимаемъ, отвѣчалъ я. Только я попрошу у васъ позволенія, милостивый государь, обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ — съ однимъ!

— Извольте, милостивый государь, спрашивайте.

— Вы сказали, что мы будемъ свободны на борту вашего судна?

— Совершенно свободны.

— Такъ я васъ спрошу, съ вашего позволенія, что вы разумѣете подъ этой свободой?

— Вы можете ходить по всему судну, все видѣть, даже наблюдать за всѣмъ, что здѣсь происходитъ — исключая нѣкоторыхъ случаевъ, очень, впрочемъ рѣдкихъ — однимъ словомъ, пользоваться такой же свободой, какой пользуются и мои товарищи.

Очевидно, мы не разумѣли другъ друга!

— Извините, милостивый государь, возразилъ я, вѣдь свобода, которую вы обѣщаете, — свобода обходить свою тюрьму — предоставляется вездѣ всякому узнику! Подобная свобода не можетъ насъ удовлетворить!

— Однако, вамъ придется ею удовлетворяться.

— Какъ! Мы должны отказаться отъ надежды увидеть родину, друзей, родныхъ?

— Да, милостивый государь, должны. Вы должны отказаться отъ нестерпимаго земнаго ига, которое люди почитаютъ за свободу. И это, можетъ статься, вовсе не такъ трудно, какъ вы полагаете.

— Ну! вскрикнулъ Недъ Лендъ: — я не дамъ такого слова, чтобы мнѣ не стараться убѣжать!

— Я вашего слова и не прошу, дядя Лендъ, холодно отвѣтилъ капитанъ.

Я не выдержалъ и сказалъ:

— Милостивый государь! вы пользуетесь нашимъ положеніемъ! нашимъ несчастіемъ! Это жестокость.... безчеловѣчіе...

— Напротивъ, милостивый государь, это участіе, милосердіе. Вы мои плѣнники послѣ битвы. Я васъ держу на своемъ суднѣ, когда могъ бы васъ спустить въ морскую глубь. Вы на меня напали! Вы проникли тайну, которую проникать ни еди-

ный человекъ не долженъ, тайну моего существованія! И вы думаете, что я возвращу васъ на землю? Никогда! Я долженъ удержать васъ здѣсь ради своей безопасности.

Эти слова ясно показывали, что капитанъ уже рѣшился, и что всякій споръ, убѣжденія или просьбы будутъ бесполезны и напрасны.

Я сказалъ ему:

— Такъ, значить, вы просто предлагаете намъ выборъ между жизнью и смертью?

— Между жизнью и смертью.

Я обратился къ своимъ товарищамъ:

— Друзья, говорю имъ, на такой вопросъ нечего отвѣчать. Но мы не даемъ никакого обѣщанія, никакого слова капитану подводнаго судна, мы не связаны...

— Ничѣмъ не связаны, милостивый государь, сказалъ капитанъ.

Затѣмъ онъ прибавилъ болѣе мягкимъ голосомъ:

— Теперь позвольте мнѣ окончить. Я васъ знаю, г. Аронаксъ. Можетъ статься, товарищи ваши будутъ тяготиться пребываніемъ на моемъ суднѣ, но вы не будете. Вы, очень можетъ быть, скоро перестанете жаловаться на случай, который свелъ и связалъ насъ. Вы найдете между любимыми моими книгами ваше сочиненіе о „Тайнахъ Морскихъ Безднъ“. Я часто читалъ эту книгу. Вы подвинули науку такъ далеко, какъ только это возможно для обитателя земли. Но вы всего не знаете, вы всего не видали. Позвольте вамъ сказать, г. профессоръ, вы не пожалѣете о времени, которое проведете на борту моего судна. Вы будете путешествовать по странѣ чудесъ. Вы будете находиться въ постоянномъ изумленіи. Вамъ никогда не прискуचितъ то, что я вамъ покажу. Я теперь снова предпринимаю кругосвѣтное подводное путешествіе, — можетъ, послѣднее! — Я хочу снова увидеть подводный міръ, и вы будете моимъ спутникомъ, мы вмѣстѣ будемъ наблюдать, изучать. Съ этого дня вы вступите въ новую стихію, вы увидите то, чего еще не видалъ ни единый человекъ, — себя и своихъ я не считаю — и, благодаря мнѣ, наша планета откроетъ вамъ свои послѣднія тайны.

Я не стану притворяться: слова капитана сдѣлали на меня большое впечатлѣніе. У меня, какъ у Ахиллеса, была тоже своя

пятка! Я забылъ на минуту, что созерцаніе самыхъ великихъ чудесъ не стоитъ свободы.

Впрочемъ, я разсчитывалъ тоже на будущее: я полагалъ, что будущее само собою какъ нибудь разрѣшитъ, какъ многіе другіе, и этотъ трудный вопросъ.

Поэтому я отвѣтилъ:

— Милостивый государь, хотя вы и совершенно разорвали всякія сношенія съ человѣчествомъ, я все-таки надѣюсь, вѣрю, что въ васъ не замерли человѣческія чувства. Мы претерпѣли кораблекрушеніе и вы, по человѣколюбію, приняли насъ на свое судно, — мы будемъ это помнить. Что касается до меня, я, разумѣется, не отрицаю, что поглощай наука въ челоуѣкѣ потребность свободы, встрѣча съ вами вознаградила бы меня съ лихвою за всѣ претерпѣнныя страданія.

Я думалъ, что капитанъ протянетъ мнѣ руку въ заключеніе нашего условія и нѣкоторымъ образомъ союза. Но капитанъ руки мнѣ не протянулъ.

— Ну! думаю, очень жалко за тебя!

— Послѣдній вопросъ, сказалъ я, видя, что таинственный нашъ властелинъ хочетъ удалиться.

— Говорите, г. профессоръ.

— Какъ долженъ я васъ называть?

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ: — я для васъ капитанъ Немо, а вы и ваши товарищи для меня пассажиры „Нотилюса“.

Капитанъ Немо позвалъ прислужника.

Прислужникъ тотчасъ же явился и капитанъ далъ ему какія-то приказанія на непонятномъ языкѣ.

Затѣмъ капитанъ обратился къ Неду Ленду и къ Консейлю.

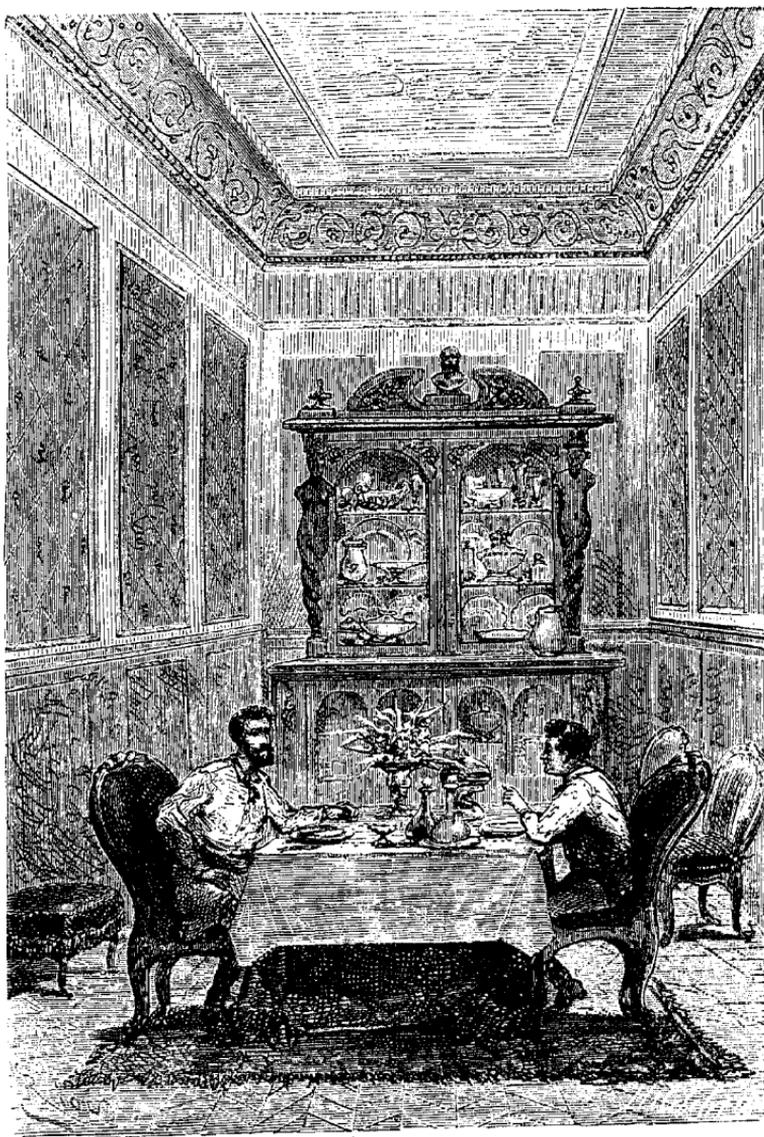
— Обѣдъ васъ ждетъ въ вашей каютѣ, сказалъ онъ имъ. Потрудитесь слѣдовать за этимъ челоуѣкомъ.

— Обѣдъ! проговорилъ Недъ Лендъ. Пора! Коли обѣдъ, такъ про непослушанье и помину не будетъ!

Консейль и Недъ Лендъ вышли изъ темницы, гдѣ они просидѣли больше тридцати часовъ.

— Нашъ завтракъ тоже готовъ, г. Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо. Не угодно ли вамъ пожаловать за мною?

— Къ вашимъ услугамъ, капитанъ, отвѣчалъ я.

Завтракъ былъ отличный.

Я пошелъ слѣдомъ за капитаномъ. Прямо изъ дверей нашей тюрьмы мы попали въ какой-то корридоръ, освѣщенный электрическимъ свѣтомъ. Мы прошли по этому корридору шаговъ тридцать и передъ нами отворилась другая дверь.

Мы вошли въ столовую. Столовая эта была меблирована въ строгомъ вкусѣ. Два высокіе буфета стояли у стѣны; на полкахъ блестѣли фаянсы, фарфоръ и хрусталь; серебряная посуда сверкала при лучахъ свѣта, падавшего съ потолка; потолокъ былъ разрисованъ изящнѣйшими рисунками, что смягчало яркое освѣщеніе.

По срединѣ столовой залы стоялъ богато сервированный столъ.

Капитанъ Немо указалъ мнѣ мѣсто и попросилъ садиться.

— Садитесь, г. профессоръ, сказалъ онъ:—и принимайтесь за ѣду, какъ человѣкъ, который очень долго постился и умираетъ съ голоду.

Завтракъ состоялъ изъ многихъ блюдъ, отлично приготовленныхъ; нѣкоторыя блюда были рыбныя, но нѣкоторыя рѣшительно ставили меня въ тупикъ: я никакъ не могъ рѣшить, хотя приблизительно, изъ чего они приготовлены. Вкусъ въ нихъ былъ отличный, но какой-то необыкновенный, какой-то странный, къ которому, впрочемъ, я скоро привыкъ.

Эти различныя кушанья содержали въ себѣ, какъ мнѣ показалось, много фосфора, и я вывелъ заключеніе, что они, вѣроятно имѣютъ морское происхожденіе, или относятся къ морской растительности.

Капитанъ Немо посматривалъ на меня. Я ничего у него не спрашивалъ, но онъ самъ угадалъ мои мысли и отвѣтилъ мнѣ на вопросы, которые я не рѣшался ему предложить, боясь показаться навязчивымъ.

— Большая часть этихъ блюдъ вамъ неизвѣстна, сказалъ онъ:—но вы можете ихъ кушать безъ всякаго опасенія. Это кушанья здоровыя и питательныя. Я уже давнымъ давно отказался отъ „земной“ пищи и здоровье мое ничуть отъ этого не пострадало. Мой экипажъ, — а экипажъ у меня все здоровяки — тоже питается морскими произведеніями.

— Такъ, значитъ, все это морскія произведенія?

— Да, г. профессоръ, все морскія. Море удовлетворяетъ

всѣмъ моимъ потребностямъ и нуждамъ. Закину невода, черезъ нѣсколько минутъ вытащу и они уже полнехоньки, — чуть не рвутся отъ тяжести пойманной рыбы; спущусь въ глубину этой стихіи, которая кажется недоступна человѣку, и охочусь за дичью, въ своихъ подводныхъ лѣсахъ. Мои стада, какъ стада стараго Нептунова пастуха, мирно пасутся на обширныхъ лугахъ океана. Да, у меня это громадное имѣніе, съ котораго я безъ всякаго ущерба собираю постоянные доходы.

Я взглянулъ на капитана Немо съ нѣкоторымъ удивленіемъ и отвѣтилъ ему:

— Я очень хорошо понимаю, капитанъ, что закинутые невода чуть не рвутся отъ тяжести пойманныхъ рыбъ, но для меня не совсѣмъ ясно, какимъ это образомъ вы охотитесь за водяной дичью въ подводныхъ лѣсахъ, и откуда вы можете добыть хоть золотникъ какойнибудь говядины, это я рѣшительно не постигаю.

— Говядины у меня и нѣтъ, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ. Я не употребляю въ пищу, я уже сказалъ вамъ, мясо земныхъ животныхъ.

— Ну, а это что же такое? спросилъ я, указывая на одно блюдо, гдѣ лежало нѣсколько кусковъ мяса.

— То, что вы принимаете за говядину, г. профессоръ, вовсе не говядина, а филейная часть морской черепахи. А вотъ это печенка дельфина, — попробуйте, вкусъ точь въ точь какъ въ рагу изъ свинины. Мой поваръ большой искусникъ въ своемъ дѣлѣ и умѣетъ отлично сохранять все наши съѣстные припасы. Отвѣдайте всего понемножку, г. профессоръ, и скажите свое мнѣніе. Вотъ консервы изъ кубышки ¹⁾, — малаецъ нашелъ бы ихъ несравненными; вотъ сливки, выдоенныя изъ сосцевъ китобразныхъ; вотъ сахаръ, добытыя изъ водорослей Сѣвернаго моря, а вотъ, позвольте поподчивать васъ вареньемъ изъ морскихъ анемоновъ ²⁾, — смѣю васъ увѣрить это варенье стоитъ всѣхъ другихъ земныхъ вашихъ вареній.

Я попробовалъ — впрочемъ, больше по любознательности, чѣмъ по жадности.

¹⁾ Морская кубышка (*Holothuria*) изъ разряда лучистыхъ.

²⁾ Морской анемонъ (*actinia equina*), животнорастеніе.

— Море, г. Аронаксъ, продолжалъ капитанъ Немо:— море— это моя кормилица,—кормилица самая щедрая, самая неистощимая. И не только море меня кормитъ, оно меня и одѣваетъ. Платье, что на васъ надѣто, знаете изъ чего соткано? Изъ жидкости нѣкоторыхъ раковинъ. Чѣмъ выкрашена ткань? Краской багреца ¹⁾; а какой краской эти фіолетовыя полосы по пурпурному полю? Краской, которую я извлекаю изъ морскаго зайки ²⁾. Вы у себя въ каютѣ найдете разные духи на туалетномъ столикѣ, и духи эти дистиллированы изъ морскихъ травъ, цвѣтовъ и растений. Постель ваша сдѣлана изъ самаго мягчайшаго вzmорника. Перо, которымъ вы будете у меня писать, очинено изъ китоваго уса, а чернила изъ жидкости, отдѣляемой каракатицей ³⁾. Все мнѣ дается моремъ, все!

— Вы любите море, капитанъ?

— Да, люблю! Море, это все! Море покрываетъ семь десятыхъ земнаго шара. Дыханье его чистое, живительное. Это—необозримая пустыня, гдѣ человекъ не чувствуетъ себя одинокимъ, потому что онъ слышитъ и видитъ, какъ кругомъ вездѣ кипитъ жизнь. Море—это вѣчное движеніе, вѣчная любовь, какъ справедливо сказалъ одинъ изъ вашихъ земныхъ поэтовъ. Природа, г. профессоръ, являетъ себя здѣсь въ трехъ царствахъ, минеральномъ, растительномъ и животномъ. Последнее, то есть животное, имѣетъ своими представителями четыре группы животно-растений, три класса суставчатыхъ, пять классовъ моллюсковъ, три класса позвоночныхъ, млекопитающихъ, пресмыкающихся и несмѣтные легіоны рыбъ, принадлежащихъ къ безконечному разряду животныхъ,—въ этомъ разрядѣ насчитываютъ болѣе тринадцати родовъ, изъ которыхъ одна десятая только водится въ прѣсныхъ водахъ. Море—это громадный резервуаръ природы. Моремъ началось образованіе земли и — кто знаетъ? моремъ, можетъ статься, все и окончится. Въ морѣ вы видите божественное спокойствіе. Море не принадлежитъ деспоту-человѣку. На его поверхности онъ еще можетъ незаконно распоряжаться, можетъ затѣвать кровопролитныя бит-

¹⁾ Багрець *purpura*, раковина изъ семейства улитокъ.

²⁾ Зайка или морской заяцъ (*aplysia*) моллюскъ.

³⁾ Каракатица (*sepia*) моллюскъ изъ семейства чернильныхъ рыбъ.

вы съ своимъ ближнимъ, истреблять своихъ братьевъ,—однимъ словомъ, упражняться во всѣхъ земныхъ беззаконіяхъ, но, на тридцать футовъ ниже морской поверхности его могущество ни къ чему не ведетъ, его вліяніе исчезаетъ, власть теряется. О, г. профессоръ! живите въ глубинахъ морскихъ! Только тамъ царствуетъ полная независимость! Только тамъ мы можемъ пользоваться свободой!

Капитанъ Немо вдругъ умолкъ! онъ словно подавилъ въ себѣ энтузіазмъ, невольно прорвавшійся въ его хвалебной пѣснѣ морю.

Или онъ сказалъ лишнее? Что же лишнее? Или просто онъ, вопреки своему обычаю, увлекся и жалѣлъ о томъ?

Нѣсколько минутъ онъ въ видимомъ волненіи ходилъ по столовой. Затѣмъ успокоился, лицо его приняло обычное выраженіе холодности и увѣренности. Онъ остановился и сказалъ мнѣ:

— Теперь, г. профессоръ, если вы желаете осмотрѣть Нотилюсъ, такъ я къ вашимъ услугамъ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

НОТИЛЮСЪ.

Я послѣдовалъ за капитаномъ Немо.

Въ задней части столовой открылась двойная дверь и мы вошли въ другую большую комнату.

Это была библіотека.

Здѣсь помѣщались высокіе шкафы изъ чернаго палисандроваго дерева; на полкахъ установлены были ряды книгъ въ одинаковыхъ переплетахъ. Шкафы эти шли вдоль стѣнъ библіотеки, а между ними тянулись широкіе диваны, обитые коричневою кожей; на этихъ диванахъ, повидимому, прудобно можно было расположиться чтенію. Около дивановъ разстановлены были легенькіе передвижные столики съ пюпитрами, такъ что вы могли какъ угодно держать передъ собой книгу. По серединѣ библіотеки возвышался громаднѣйшій столъ, заваленный брошюрами; между этими брошюрами я замѣтилъ тоже нѣсколько старыхъ газетъ. Электрическій свѣтъ падалъ съ потолка изъ четырехъ матовыхъ шаровъ и, такъ сказать, заливалъ яркими лучами всю эту великолѣпную обстановку.

Предоставляю книги въ ваше распоряженіе, г. Профессоръ.

Я съ изумленіемъ оглядывалъ изящную залу и просто не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Капитанъ Немо, сказалъ я своему хозяину, который развалился на диванѣ;— вотъ библіотека, такъ библіотека! Она сдѣлала бы честь любому дворцу на материкѣ. Я не могу опомниться отъ удивленія! И эта библіотека слѣдуетъ за вами въ глубь морскую!

— Да, г. профессор! Гдѣ найдете вы такое уединеніе, такое безмолвіе? отвѣтилъ мнѣ капитанъ Немо. Въ нашемъ кабинетѣ при парижскомъ музеѣ вѣдь вы не обрѣтете такого спокойствія?

— Нѣтъ, капитанъ, не обрѣту. И я, кромѣ того, долженъ прибавить, что кабинетъ при нашемъ музеѣ — кабинетъ очень убогенькій въ сравненіи съ вашимъ. У васъ вѣдь здѣсь шесть или семь тысячъ томовъ...

— Двѣнадцать тысячъ, г. Аронаксъ. Книги — это единственные узы, еще связывающія меня съ землею. Я порѣшилъ съ міромъ въ тотъ день, когда мой „Наутилусъ“ въ первый разъ погрузился въ глубину водъ. Въ этотъ день я купилъ послѣднія книги, послѣднія брошюры, послѣднія газеты и съ тѣхъ поръ я говорю себѣ, что человѣчество ничего новаго не выдумало, ни къ чему не пришло, ничего не написало. Книги мои я предоставляю въ ваше распоряженіе, г. профессоръ, — прошу васъ, не стѣсняйтесь.

Я поблагодарилъ капитана Немо, подошелъ къ шкафамъ и сталъ переглядывать полки.

Тутъ было обиліе всевозможныхъ книгъ, на всѣхъ языкахъ: научныя, нравственныя, философскія, путешествія, романы; только я не могъ отыскать ни одного сочиненія по политической экономіи; казалось, политическая экономія строго воспрещена на борту „Наутилуса“. Я замѣтилъ одно очень любопытное обстоятельство: книги на разныхъ языкахъ были перемѣшаны на полкахъ; видно было, что капитану Немо равно знакомы и легки всѣ языки.

Между прочимъ, я тутъ увидалъ лучшія произведенія древнихъ и новыхъ писателей, начиная съ Гомера до Виктора Гюго, съ Ксенофонта до Прудона, съ Рабле до Эрмана-Шатриана. Особенно много было тутъ книгъ ученыхъ. Безпрестанно попадались томы по механикѣ, баллистикѣ, гидрографіи, метеорологіи,

географіи, геологіи и проч., равно какъ и сочиненія по естественной исторіи. Очевидно, капитанъ Немо охотнѣе всего читалъ подобныя произведенія. Я нашелъ здѣсь полное собраніе работъ Гумбольдта, Араго, Фуко, Ганри Сентъ - Клеръ Девиля, Шаля, Мильна-Эдвардса, Катрфажа, Тиндаля, Фарадея, Бертло, Аббата Секи, Петерманна, капитана Мори, Агассисса и проч., а также Записки Академіи Наукъ, бюлетени разныхъ географическихъ обществъ и проч. и наконецъ два своихъ родныхъ тома, „Тайны морскихъ безднъ“, которымъ, можетъ статья, я былъ обязанъ за благосклонный и милосердный пріемъ на бортъ „Наутилуса“.

Между сочиненіями Жозефа Вертрана мнѣ пбались его „Основатели астрономіи“; эта книга, я зналъ, была издана въ 1865 году и поэтому я могъ заключить, что подводное плаваніе „Наутилуса“ началось никакъ не раньше конца этого года.

Значить, капитанъ Немо прервалъ все съ землей не больше трехъ лѣтъ тому назадъ.

— А можетъ и того менѣе, думалъ я. Надо хорошенько поискать, нѣтъ ли здѣсь изданій поновѣе.

Но я отложилъ эти поиски до другаго времени. Спѣшить было некуда. Къ тому же, меня очень занималъ осмотръ „Наутилуса“.

— Милостивый государь, сказалъ я капитану Немо:— я отъ всей души благодарю васъ за любезное позволеніе пользоваться вашей библіотекой. Тутъ цѣлыя сокровища и я не премину ими насладиться.

— Здѣсь не одна библіотека, г. профессоръ, сказалъ капитанъ Немо:—здѣсь тоже и курильня.

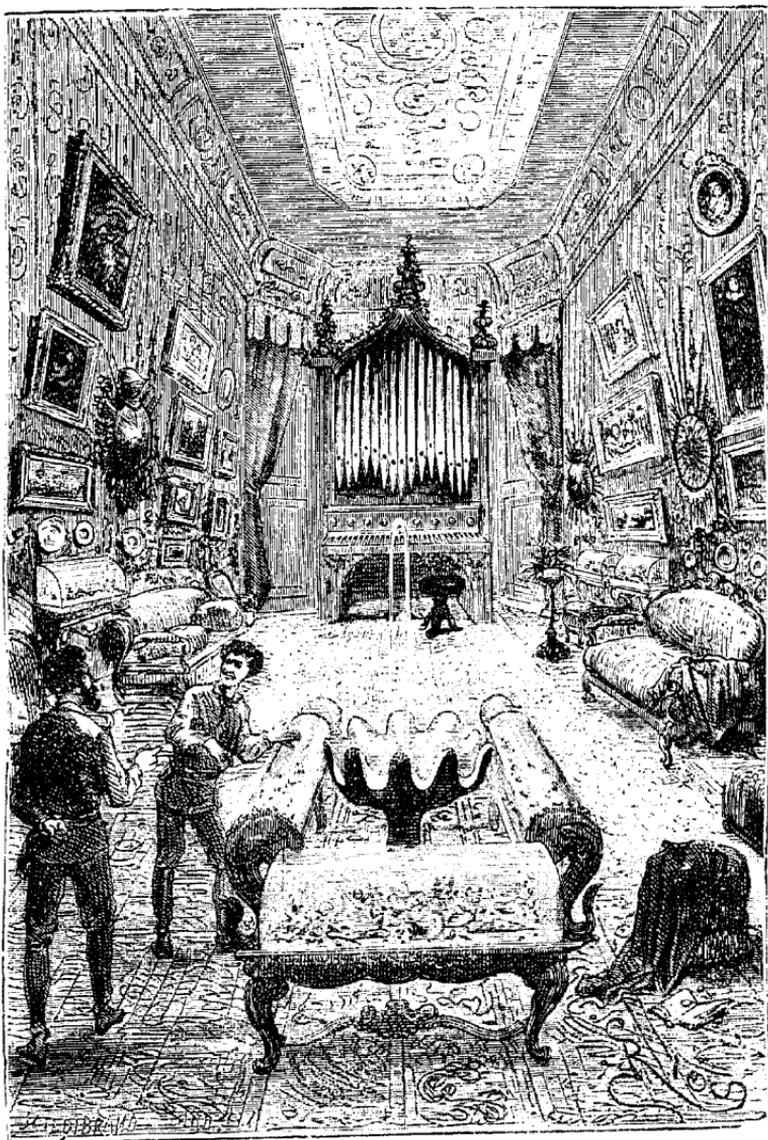
— Курильня? вскрикнулъ я. Да развѣ курятъ на бортѣ „Наутилуса“?

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ, капитанъ, я долженъ заключить, что вы сохраняете сношенія съ Гаванною?

— Никакихъ не сохраняю, отвѣчалъ капитанъ Немо. Позвольте предложить вамъ эту сигару, г. Аронаксъ; хоть она и не изъ Гаванны, а вы будете ею очень довольны, если только вы знатокъ по части сигаръ.

Я взялъ предложенную сигару; форма ея напоминала наши

Гостиная капитана Немо.

лондрессы, но она, казалось, была скатана изъ золотыхъ листьевъ. Я зажегъ ее у изящной жаровни, устроенной на красивомъ бронзовомъ пьедесталѣ и вдохнулъ въ себя дымъ съ наслажденіемъ, которое будетъ понятно всякому записному курильщику, котораго бы проморили два дня безъ курева.

— Отмѣнная сигара! сказала я капитану Немо. Но вѣдь это не табакъ?

— Нѣтъ, не табакъ, отвѣчалъ капитанъ Немо. То-есть, я хочу сказать, этотъ табакъ не изъ Гаванны и не съ востока. Это родъ водоросли, которая содержитъ въ себѣ много никотину; доставать эту водоросль не совсѣмъ легко, море не изобилуетъ ею въ той степени, въ какой изобилуетъ другими водорослями. Чтожъ, вы сожалеете о лондресахъ, г. профессоръ?

— Капитанъ, съ этого дня я лондрессы презираю!

— Пожалуйста, курите себѣ беззаботно, г. Аронаксъ, не доискиваясь происхожденія этихъ сигаръ. Никакая таможня не клала на нихъ своего клейма, но, я полагаю, онѣ отъ этаго не хуже?

— Напротивъ, лучше!

Въ эту минуту капитанъ Немо отворилъ дверь какъ разъ напротивъ той, въ которую мы вошли.

Мы очутились въ обширной, великолѣпно освѣщенной залѣ.

Зала эта представляла четырехсторонникъ, длиною въ десять, шириною въ шесть, а вышиною въ пять метровъ. И тутъ свѣтъ падалъ сверху и потолокъ былъ разрисованъ легкими арабесками, что смягчало яркое освѣщеніе.

— Это у васъ какой-то неоцѣненный музей! сказала я капитану Немо. И видно, что этотъ музей устраивалъ человѣкъ. у котораго не было недостатка ни въ сообразительности, ни въ деньгахъ.

Десятка три картинъ лучшихъ мастеровъ висѣло по стѣнамъ, обтянутымъ великолѣпными обоями, которыя отличались строгимъ рисункомъ; картины эти были въ одинаковыхъ рамахъ. Я увидалъ здѣсь произведенія живописи неоцѣнными, которыми я восхищался у насъ „на землѣ“ въ частныхъ картинныхъ галлерейхъ и на художественныхъ выставкахъ.

Образчиками различныхъ школъ старинныхъ мастеровъ тутъ были такія сокровища, какъ Мадонна Рафаэля, Богородица

Леонарда де-Винчи, Нимфа Корреджіо, Жѣнщина Тиціана, Поклоненіе Волхвовъ Поля Веронеза, Успеніе Мурильо, портретъ Гольбейна, Монахъ Веласкеза, Мученикъ Рибейры, Ярмарка Рубенса, два фламандскихъ пейзажа Тенбера, три картинки изъ народной жизни Жерара, Дови Метцу, Поля Поттера, картины Жерико, картина Прюдона, нѣсколько морскихъ видовъ Бакгозена и Гораса Верне. Между произведеніями новѣйшей живописи были картины Делакруа, Ингра, Декана, Тройона, Мессонье, Добиньи и проч. По угламъ возвышались прекраснѣйшіе мраморные и бронзовые снимки съ лучшихъ древнихъ статуй.

— Вы мнѣ предсказали, сказалъ я капитану Немо:—что я буду находиться въ постоянномъ изумленіи передъ морскими чудесами,—я уже нахожусь. У меня умъ за разумъ заходить!

— Г. профессоръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо, я надѣюсь, вы извините, что я васъ принимаю безъ церемоніи, — и тоже извините за беспорядокъ, который здѣсь царствуетъ.

— Милостивый государь, сказалъ я:—я нисколько не хочу допытываться, кто вы такой, но я угадываю въ васъ художника, артиста!

— Любителя, г. профессоръ. Неболѣе и не менѣе какъ любителя. Когда-то, въ былые дни, я имѣлъ большое пристрастіе ко всевозможнымъ коллекціямъ. Я жадно собиралъ всѣ прекрасныя произведенія рукъ человѣческихъ. Я былъ терпѣливый, неутомимый искатель, и мнѣ удалось достать нѣсколько очень рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей. Земля для меня теперь не существуетъ и прежнія коллекціи остались какъ воспоминаніе. И новѣйшіе художники и древніе — всѣ смѣшались у меня. Да по моему, великія произведенія возраста не имѣють.

— У васъ и музыканты, и композиторы? сказалъ я, указывая на партитуры Вебера, Россини, Моцарта, Бетховена, Гайдна, Мейербера, Герольда, Вагнера, Обера, Гуно и множества другихъ.

Партитуры эти были раскиданы на огромнѣйшемъ фортепьяно, которое стояло въ углубленнй залы.

— Это все, по моему, современники Орфея, отвѣчалъ капитанъ Немо. Повторяю вамъ, хронологическія различія исчезаютъ въ памяти умершихъ для міра, — а я умеръ для міра, г. профес-

сорь, такъ же надежно и хорошо умерь, какъ ваши усоншіе друзья, которые покоятся на шесть футовъ¹ подь землею!

Капитанъ Немо умолкъ, мгновенно впалъ въ глубокую задумчивость и, казалось, совершенно забылъ объ окружающемъ.

Я глядѣлъ на него съ живѣйшимъ волненіемъ и участіемъ.

Что за удивительная физономія! Трудно было оторвать отъ нея глаза!

Капитанъ Немо облокотился на какой-то столикъ рѣдкой работы и не замѣчалъ меня.

Я не прерывалъ его задумчивости и продолжалъ осматривать драгоценности, украшавшія эту великолѣпную залу.

Кромѣ произведеній искусствъ, здѣсь было собраніе другихъ рѣдкостей. Рѣдкости эти состояли преимущественно изъ растений, раковинъ и прочихъ даровъ океана; вѣроятно, онѣ были собраны самимъ капитаномъ Немо.

По срединѣ залы былъ фонтанъ, спадавшій въ громаднѣйшую тридакну¹). При электрическомъ освѣщеніи фонтанъ этотъ сверкалъ, какъ алмазный снопъ.

Окраины этой тридакны были очень изящно выгнуты и украшены красивыми зубчиками; окружность ея была, по крайней мѣрѣ, метровъ въ шесть; значить, она превосходила размѣрами прекрасныя тридакны, подаренныя Венеціанской Республикой Франциску I, изъ которыхъ теперь устроены въ Парижѣ, въ церкви св. Сульпиція, двѣ гигантскихъ кропильницы.

Около этаго фонтана, подь изящными стеклянными досками, опрaвленными въ мѣдь, были разложены и пронумерованы драгоценнѣйшія произведенія океана.

Можете себѣ представить мое восхищеніе!

Отдѣлъ животно-растений представлялъ очень любопытные образчики двухъ группъ — полиповъ и лучистыхъ.

Въ первой группѣ расположены были въ видѣ вѣера дырчатки²), горгонія³), моллускскія изиды⁴), морскія перушки⁵), рѣдкостныя лозовинка⁶) изъ Норвежскаго моря, разнообразныя зонтич-

1) Тридакна (tridacna) раковина изъ семейства хамидъ.

2) Дырчатая губка (polyporus).

3) Горгонія (gorgonia) полипникъ изъ рода корковыхъ коралловъ.

4) Изиды (isis) коралль настоящій, полипникъ.

5) Морская перушка (penicula) полипникъ.

6) Лозовинка (virgularia) полипникъ.

ники ¹⁾, пробчаки ²⁾, цѣлый разрядъ полипниковъ, которыхъ мой учитель Милья-Эдвардъ такъ удачно разклассировалъ на отдѣлы.

Между полипниками я замѣтилъ очаровательные морскіе мѣли ³⁾, глазчаки ⁴⁾, попадающіеся около острова Бурбона, антильскіе колючковые мадрепоры ⁵⁾, превосходнѣйшія разновидности коралловъ, — однимъ словомъ, всевозможные виды всѣхъ родовъ опытныхъ полипниковъ, образующіе цѣлые острова, которые, можетъ статься, современемъ превратятся въ континенты.

Между лучистыми или шероховиками, отличающимися своей колючей оболочкой, я любовался морскими звѣздами ⁶⁾, волосатками ⁷⁾, ехинами ⁸⁾, кубышками ⁹⁾ и проч. Коллекція была удивительная!

Страстный конхиліологъ задохнулся бы отъ удовольствія передъ другими стеклянными отдѣленіями, гдѣ были поклассированы образчики изъ отдѣла моллюсковъ.

Коллекція моллюсковъ была просто на просто неоцѣнима. Подробно ее описывать было бы слишкомъ долго. Я приведу (не утерплю!) только нѣкоторое число: напимѣръ, изящный царскій молотокъ ¹⁰⁾, попадающійся въ Индійскомъ океанѣ, — онъ весь испещренъ бѣлыми пятнышками и эти бѣлые пятнышки очень ярко выступаютъ на красномъ и коричневомъ фонѣ; императорскій позвонокъ ¹¹⁾, который отличается яркими цвѣтами и весь усыянъ колючками — этотъ позвонокъ очень рѣдко можно встрѣтить въ европейскихъ музеяхъ и онъ одинъ стоитъ, по крайней мѣрѣ, двадцать тысячъ франковъ; обыкновенный молотокъ, попадающійся въ моряхъ Новой Голландіи, — добывать его очень трудно; сенегальскіе сердцевики, — такія хрупкія бѣлыя раковинки, на которыя, кажется, только дунь и онѣ разлетятся,

1) Зонтичникъ (ombellularia) полипникъ.

2) Пробчакъ (alcyonium) животно-растение.

3) Морскіе мхи (corallineae) семейство полипниковъ.

4) Глазчакъ (oculina) полипникъ изъ семейства мадрепоровыхъ.

5) Мадрепора колючковая (madrepora muricata).

6) Морская звѣзда (asteria) раковина.

7) Волосатка (comatula) лучистое изъ разряда волосистыхъ звѣздъ.

8) Ехинъ (echinus) морской ежъ или кисель.

9) Кубышка (holothuria) изъ разряда лучистыхъ.

10) Молотокъ (malleu) раковина изъ семейства ременныхъ.

11) Позвонокъ (sponhylus) раковина изъ семейства гребенчатыхъ.

какъ мыльные пузыри; многія разновидности явскихъ кропильцевъ ¹⁾, — кропильцы эти представляютъ что - то въ родѣ известковыхъ трубочекъ, какъ бы обвернутыхъ листовидными складочками, и очень цѣнятся любителями; цѣлая коллекція курганчиковъ ²⁾, — тутъ были и желто-зеленые, найманные въ американскихъ моряхъ, и коричневато-красные, водящіеся въ водахъ Новой Голландіи, и изъ Мексиканскаго залива, замѣчательные своей черепицеобразной раковиной, и стеллериды ³⁾ изъ австралійскихъ морей, и наконецъ чрезвычайно рѣдкій экземпляръ великолѣпнѣйшей ново-зеландскій бодецъ ⁴⁾.

Тутъ были и прелестнѣйшія теллины ⁵⁾ сѣрнистыя, и удивительные виды китерей и венерокъ ⁶⁾, и рѣшетчатые солпечники ⁷⁾ попадающіеся у береговъ Транкбара, и кубарки ⁸⁾ крапленныя, блестящія перламутромъ, и зеленые поугайчики изъ китайскихъ морей, и конусъ ⁹⁾ (почти не извѣстный) изъ породы *Conodulli*, и всѣ разновидности ужовокъ ¹⁰⁾, которыя служатъ ходячею монетою въ Индіи и въ Африкѣ, и морская слава ¹¹⁾, самая драгоценная раковина Восточной Индіи; наконецъ лужанки ¹²⁾, дельфинки ¹³⁾, винтушки ¹⁴⁾, янтинныя ¹⁵⁾, яйки ¹⁶⁾, свитки ¹⁷⁾, оливки ¹⁸⁾, митры ¹⁹⁾, шишаки ²⁰⁾, багрецы ²¹⁾, труборого ²²⁾,

1) Кропильецъ (*asperibicium*) моллюскъ.

2) Курганчикъ (*trochus*) раковина изъ семейства кубарчатыхъ.

3) Стеллериды (*stellerides*) отрядъ лучистыхъ изъ разряда морскихъ звѣздъ.

4) Бодецъ (*calcar*) раковина.

5) Теллина (*tellina*) раковина изъ семейства сердцевидныхъ.

6) Китерея, венерка (*cytherea, venus*) раковина.

7) Солпечникъ (*solarium*) раковина.

8) Кубарка (*turbo*) раковина изъ семейства кубарчатыхъ.

9) Конусъ (*conus*) раковина.

10) Ужовка (*cypraea*) раковина изъ семейства навинныхъ.

11) Морская слава (*gloria maris*) раковина.

12) Лужанка (*paludina*) раковина.

13) Дельфинка (*delphinula*) раковина.

14) Винтушка (*turricella*) раковина.

15) Янтинна (*janthina*) раковина.

16) Яйка (*ovula*) раковина.

17) Свитокъ (*voluta*) раковина изъ семейства свитковыхъ.

18) Оливка (*oliva*) раковина.

19) Митра (*mitra*) раковина.

20) Шишакъ (*cassis*) раковина.

21) Багрець (*purpura*) раковина изъ семейства пурпуровыхъ улитокъ.

22) Труборогъ (*buccinum*) раковина.

арфы ¹⁾, багрянки ²⁾, тритоны ³⁾, цериты или роговиды ⁴⁾, веретеницы ⁵⁾, крыловики ⁶⁾, рогульцы ⁷⁾, блюдечки ⁸⁾, гіалеи или шипицы ⁹⁾, клеодоры или студенистики ¹⁰⁾, словомъ — всѣ, прелестныя и хрупкія раковины, какія только намъ извѣстны.

Особо, въ спеціальному отдѣленіи, блестящія, при электрическомъ освѣщеніи, розовые перлы, вырванные изъ перистки ¹¹⁾ Чермнаго моря, и разноцвѣтные жемчуга, любопытныя произведенія различныхъ моллюсковъ всѣхъ океановъ и нѣкоторыхъ ракушекъ сѣвернаго теченія; тутъ было нѣсколько неоцѣнимыхъ образцовъ, доставленныхъ самыми рѣдкими перловками ¹²⁾. Иныя жемчужины были больше голубинаго яйца; онѣ стоили гораздо дороже тѣхъ, которыя путешественникъ Тавернье продалъ за три милліона Персидскому шаху, и превосходили даже жемчугъ Мохкатскаго имама, которому, я думалъ, нѣтъ соперниковъ въ цѣломъ свѣтѣ. Однимъ словомъ, цѣна этого собранія была неопредѣлима.

Капитанъ Немо долженъ былъ употребить милліоны, чтобы пріобрѣсти эти драгоцѣнные образцы, и я мысленно спрашивалъ себя: изъ какихъ источниковъ могъ онъ удовлетворять такъ своимъ фантазіямъ по собранію подобныхъ коллекцій, когда вдругъ соображенія мои были прерваны слѣдующими словами:

— Вы разсматриваете мои раковины, г. профессоръ? Въ самомъ дѣлѣ, онѣ могутъ заинтересовать натуралиста; но для меня онѣ имѣютъ еще болѣе прелести, потому что я ихъ собиралъ собственными руками, и скажу вамъ, нѣтъ ни единого моря на свѣтѣ, которое бы я обошелъ своими поисками.

— Я понимаю, капитанъ, отвѣчалъ я: я понимаю что весьма пріятно прогуливаться посреди подобныхъ богатствъ. Вы изъ тѣхъ, которые сами себѣ собрали сокровища. Ни одинъ изъ

1) Арфа (*bagra*) раковина.

2) Багрянка (*murex*) раковина изъ семейства пурпуровыхъ улитокъ.

3) Тритонъ (*triton*) раковина.

4) Церитъ или роговидъ (*cerithium*) раковина.

5) Веретеница (*fusus*) раковина.

6) Крыловикъ (*strombus*) раковина изъ семейства крылатыхъ улитокъ.

7) Рогулецъ (*pteroscera*) раковина изъ семейства крылатыхъ улитокъ.

8) Блюдечко (*patella*) раковина.

9) Гіалея или шипица (*hyalea*) раковина.

10) Клеодора или студенистикъ (*cleodora*) моллюскъ.

11) Перистка (*pinna*) раковина.

12) Перловка (*avicula*) раковина.

музеевъ Европы не обладаетъ подобными коллекціями; но если бы я истощилъ свой восторгъ, глядя на нихъ, то что бы мнѣ осталось для корабля, который все это носить! Я вовсе не хочу проникать въ ваши тайны; а между тѣмъ, признаюсь, что этотъ „Наутилусъ“ его двигательная сила, управляющіе имъ снаряды, все это возбуждаетъ мое любопытство до крайней степени! Я вижу, что по стѣнамъ этой залы развѣшены инструменты, назначеніе которыхъ мнѣ неизвѣстно. Могу я спросить?..

— Г. Аронаксъ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ Немо: — я вамъ сказалъ, что вы будете свободны на моемъ кораблѣ и, слѣдовательно, ни одна часть „Наутилуса“ для васъ не закрыта. Вы можете осматривать все во всѣхъ подробностяхъ, и я поставлю себѣ за удовольствіе служить вамъ за чичероне.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить, капитанъ; но я не употреблю во зло вашей любезности; я васъ только спрошу, для какого употребленія назначены эти физическіе инструменты?

— Г. профессоръ, эти же самыя инструменты есть въ моей комнатѣ и тамъ я буду имѣть удовольствіе объяснить вамъ ихъ употребленіе. Но прежде осмотрите каюту, которая для васъ приготовлена; надо, чтобъ вы знали, какъ вы будете помѣщены на кораблѣ „Наутилусъ“.

Я пошелъ за капитаномъ. Въ каждой переборкѣ залы, была продѣлана дверь и черезъ одну изъ такихъ дверей онъ ввелъ меня въ узкій корридоръ; мы подошли къ корабельному носу и тамъ я нашелъ не каюту, а изящную комнату, съ кроватью, туалетомъ и различною другою мебелью.

Мнѣ оставалось только благодарить моего хозяина!

— Ваша комната смежна съ моею, сказалъ онъ, отворяя дверь, а моя выходитъ въ залу, въ которой мы только что были.

Я вошелъ въ комнату капитана.

Она имѣла суровый, почти келейный видъ: желѣзная кушетка, рабочій столъ и кое-что изъ туалетной мебели. Все было освѣщено полусвѣтомъ. Ничего роскошнаго, только самое необходимое.

Капитанъ предложилъ мнѣ стулъ.

— Садитесь, пожалуйста, сказалъ онъ.

Я сѣлъ и онъ началъ слѣдующими словами:

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВСЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВОМЪ.

— Милостивый государь, сказалъ капитанъ, показывая мнѣ инструменты, развѣшенные по стѣнамъ его комнаты:— вотъ необходимые снаряды для плаванія „Наутилуса“. Здѣсь, какъ и въ залѣ, они всегда у меня передъ глазами и указываютъ мнѣ положеніе и точное направленіе посреди океана. Нѣкоторые изъ нихъ вамъ извѣстны, каковы: термометръ, который показываетъ температуру „Наутилуса“; барометръ, который показываетъ давленіе воздуха и предсказываетъ перемѣну погоды; гигрометръ, который показываетъ степень влажности атмосферы; стормглассъ, смѣсь котораго, разлагаясь, возвѣщаетъ приближеніе бури; компасъ, который управляетъ моимъ путемъ; секстантъ, который по вышинѣ солнца увѣдомляетъ меня о широтѣ; хронометры, которые помогаютъ мнѣ исчислять долготу, и наконецъ дневныя и ночныя зрительныя трубы, которыя мнѣ служатъ для изслѣдованія всѣхъ точекъ на горизонтѣ, когда „Наутилусъ“ всплываетъ на поверхность волнъ.

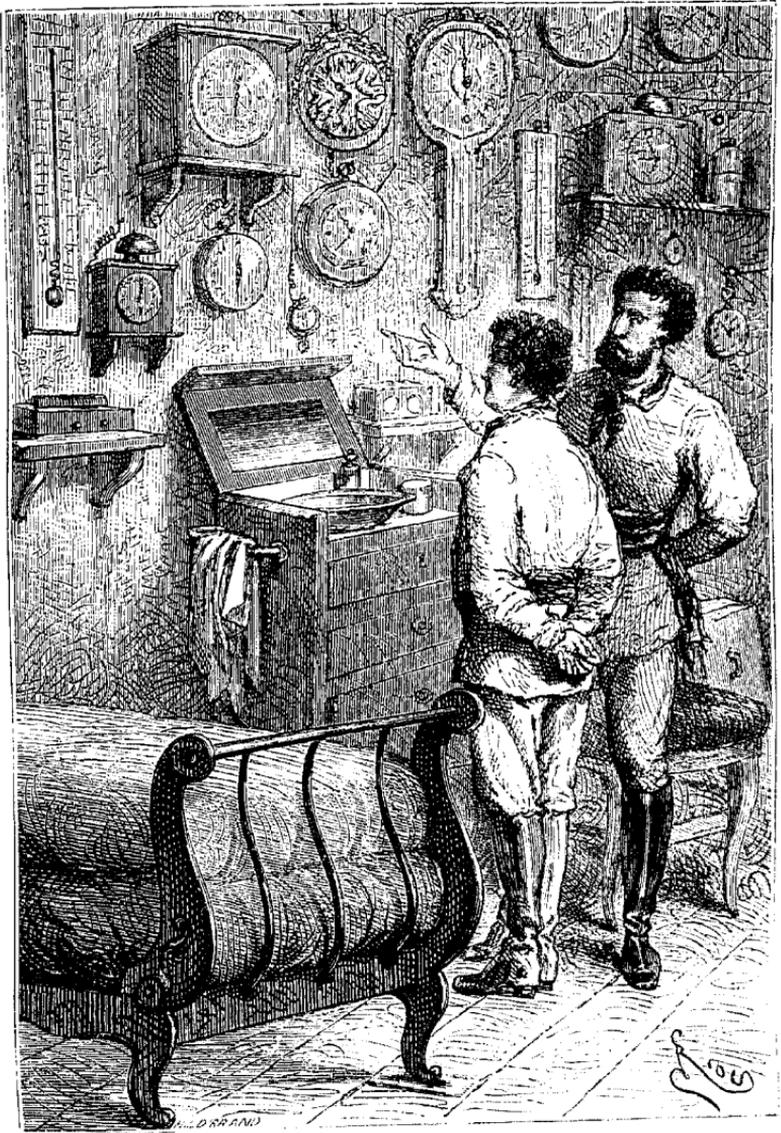
— Это обыкновенные инструменты мореплавателя, отвѣчала я:— и я знаю ихъ употребленіе; но вотъ другіе, которые, безъ сомнѣнія, соответствуютъ особннымъ требованіямъ Наутилуса: я вотъ вижу циферблатъ, по которому пробѣгаетъ стрѣлка, — это не монометръ?

— Да, это монометръ, отвѣчалъ капитанъ Немо. Поставленный въ соприкосновеніе съ водою, онъ указываетъ наружное давленіе и въ то же время глубину, на которой поддерживается мой снарядъ.

— А эти лоты новаго рода?

— Это термометрическіе лоты, которые указываютъ температуру различныхъ слоевъ воды.

— А это что за инструменты? Я не угадываю ихъ назначенія.

Комната капитана Немо.

— Тутъ, г. профессоръ, я долженъ вамъ дать нѣсколько объясненій, сказалъ капитанъ Немо. Не угодно ли вамъ меня выслушать?

Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ началъ:

— Есть могущественная, послушная, быстрая, легкая сила, которая годится всюду, на всё употребленія и которой принадлежитъ первое мѣсто на моемъ кораблѣ. Все дѣлается ею: она меня освѣщаетъ, согрѣваетъ, она душа моихъ механическихъ снарядовъ. Эта сила—электричество!

— Электричество! вскрикнулъ я съ удивленіемъ.

— Да.

— Однако, капитанъ, вы обладаете чрезмѣрною быстротою движеній, которая худо согласуется съ силою электричества.

— Г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо:—мое электричество—не простое, обыкновенное электричество! Вотъ все, что я могу вамъ сказать.

— Я не буду настаивать на большемъ толкованіи, капитанъ, и удовольствуюсь тѣмъ, что останусь въ изумленіи. Только позвольте мнѣ сдѣлать одинъ вопросъ, на который, я надѣюсь, вы мнѣ отвѣтите, если онъ вамъ не покажется нескромнымъ. Элементы, которые вы употребляете для произведенія этой чудовищной силы, — должны скоро потребляться: чѣмъ вы замѣните, на-примѣръ, цинкъ, такъ какъ вы уже не имѣете никакого сообщенія съ землею?

— Прежде всего я вамъ скажу, отвѣчалъ капитанъ Немо:— что на днѣ моря существуютъ руды цинковыя, желѣзныя, серебряныя, золотыя, и разрабатывать ихъ было бы очень возможно; но я ничего не хотѣлъ заимствовать отъ металловъ земли, а желалъ, чтобъ только море доставляло мнѣ способы для произведенія моего электричества.

— Море?

— Да, г. профессоръ, и въ этихъ средствахъ у меня нѣтъ недостатка. Расположивъ проволоки на различныхъ глубинахъ, я могъ бы получить электричество вслѣдствіе разности температуръ, но я предпочелъ употребить систему болѣе практичную.

— Какую же?

— Вы знаете составъ морской воды: девяносто шесть съ половиною сотыхъ воды, двѣ сотыхъ и около двухъ третей хлористаго натра, потомъ небольшое количество хлористаго магнія и калия, бромистаго магнія, сѣрнокислой соли, магnezіи и углекислой известковой соли. Вы видите, что хлористый натръ встрѣчается здѣсь въ значительномъ количествѣ; а этотъ-то натръ я добываю изъ моря и изъ него составляю свои элементы.

— Изъ натра?

— Да, милостивый государь, изъ натра. Если смѣшать натръ съ ртутью, онъ составляетъ амальгаму, которая замѣняетъ цинкъ въ элементѣ Бунзена. Ртуть никогда не расходуется, потребляется только натръ и море само мнѣ его снова доставляетъ. Кромѣ того, скажу вамъ, что столбы изъ натра гораздо лучше, потому что электродвигательная сила ихъ вдвое больше силы цинковыхъ столбовъ.

— Я совершенно понимаю, капитанъ, превосходство натра, при условіяхъ, въ какихъ вы его находите. Въ морѣ его много, — хорошо; но надо его еще добыть, а какъ вы это сдѣлаете? Ваши столбы, очевидно, могутъ служить для его добыванія; но если я не ошибаюсь, расходъ натра, который необходимъ для электрическихъ приборовъ, можетъ превысить его приходъ, — что вы будете дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Тогда, г. профессоръ, я не стану добывать его столбами, а употреблю просто жаръ каменнаго угля.

— Каменнаго угля? сказалъ я.

— Ну, скажемъ морскаго угля, если вы этого хотите, отвѣчалъ капитанъ.

— И вы можете пользоваться подводными рудами этого угля?

— Г. Аронаксъ, вы увидите меня въ дѣлѣ. Я только попрошу васъ потерпѣть, — потерпѣть придется, правда, значительное время. Помните вы только, что я всѣмъ обязанъ океану: онъ производитъ электричество, электричество даетъ „Наутилусу“ теплоту, свѣтъ, движеніе, однимъ словомъ — жизнь.

— Но не воздухъ, которымъ вы дышете?

— О! я могъ бы добывать и воздухъ, необходимый для моего существованія, но это бесполезно, потому что я выплываю на поверхность моря, когда мнѣ вздумается. Впрочемъ, если электричество мнѣ и не доставляетъ воздуха для дыханія, за то

управляетъ могущественными паровыми насосами, которые его накачиваютъ въ особые резервуары, что мнѣ и позволяетъ продолжать, по надобности и такъ долго, какъ мнѣ захочется, мое пребываніе подъ водою.

— Я въ восхищеніи, капитанъ! сказала я. Вы, очевидно, нашли то, что люди, безъ сомнѣнія, когда нибудь откроютъ, — истинно динамическое могущество электричества.

— Я не знаю, откроютъ ли они его, холодно отвѣчалъ капитанъ Немо. Какъ бы то ни было, вы уже знаете первое примѣненіе, какое я сдѣлалъ изъ этой драгоценной силы. Оно насъ освѣщаетъ равномерно и безостановочно, чего солнечный свѣтъ не можетъ. Теперь посмотрите вы на эти часы: они электрическіе и ходятъ такъ вѣрно, что поспориваютъ съ лучшими хронометрами. Я ихъ раздѣлилъ по итальянской системѣ на двадцать четыре часа, потому что для меня не существуютъ ни день, ни ночь, ни солнце, ни луна, а только этотъ искусственный свѣтъ, который я уношу съ собою на дно морей. Видите, теперь десять часовъ утра?

— Вижу, вижу!

— Второе приложеніе электричества, — этотъ циферблатъ, повѣшенный передъ нашими глазами, который служитъ для указанія скорости „Наутилуса“; электрическая проволока приводитъ его въ соприкосновеніе съ спиральнымъ лагомъ, и его стрѣлка показываетъ мнѣ настоящій ходъ. Смотрите, теперь мы идемъ съ умѣренной скоростью — пятнадцать миль въ часъ.

— Это чудеса! вскричалъ я: — и вы хорошо дѣлаете, что употребляете силу, которой предназначено замѣнить собою вѣтеръ, воду и пары.

— Мы еще не кончили, г. Аронаксъ, сказалъ капитанъ, вставая: — и если вамъ угодно послѣдовать за мною, то мы поѣдимъ корму „Наутилуса“.

Въ самомъ дѣлѣ, я уже видѣлъ всѣ переднія части подводнаго судна; его распредѣленіе было таково: отъ центра къ шеку шла столовая въ пять метровъ, отдѣленная отъ бібліотеки перегородкою, бібліотека была тоже въ пять метровъ; большая зала была въ десять метровъ, и отдѣлялась отъ комнаты капитана такою же перегородкою; комната капитана была въ пять метровъ, моя въ два съ половиною

метра и наконецъ резервуаръ для воздуха въ семь съ половиною метровъ, продолжающійся до форъ-штевена. Всего тридцать пять метровъ длины.

Въ перегородкахъ, устроенныхъ для задержанія воды, были прорублены двери, которыя герметически запирались посредствомъ каучуковыхъ задвижекъ и которымъ могъ бы безопасно ввѣриться „Наутилусъ“, въ случаѣ, еслибъ показалась течь.

Я послѣдовалъ за капитаномъ по узкимъ корридорамъ и очутился въ центрѣ судна. Тутъ былъ родъ колодца, который находился между двухъ перегородокъ; желѣзная лѣстница, прикрѣпленная къ перегородкѣ, вела на верхъ.

Я спросилъ капитана, къ чему служить эта лѣстница.

— Она примыкаетъ къ шлюпкѣ, отвѣчалъ онъ.

— Что! развѣ у васъ есть шлюпка? спросилъ я съ изумленіемъ.

— Безъ сомнѣнія. Отличное гребное судно, легкое и непотопляемое, которое служить для прогулки и для рыбной ловли.

— Но когда вы захотите войти въ эту шлюпку, вы должны подняться на поверхность моря?

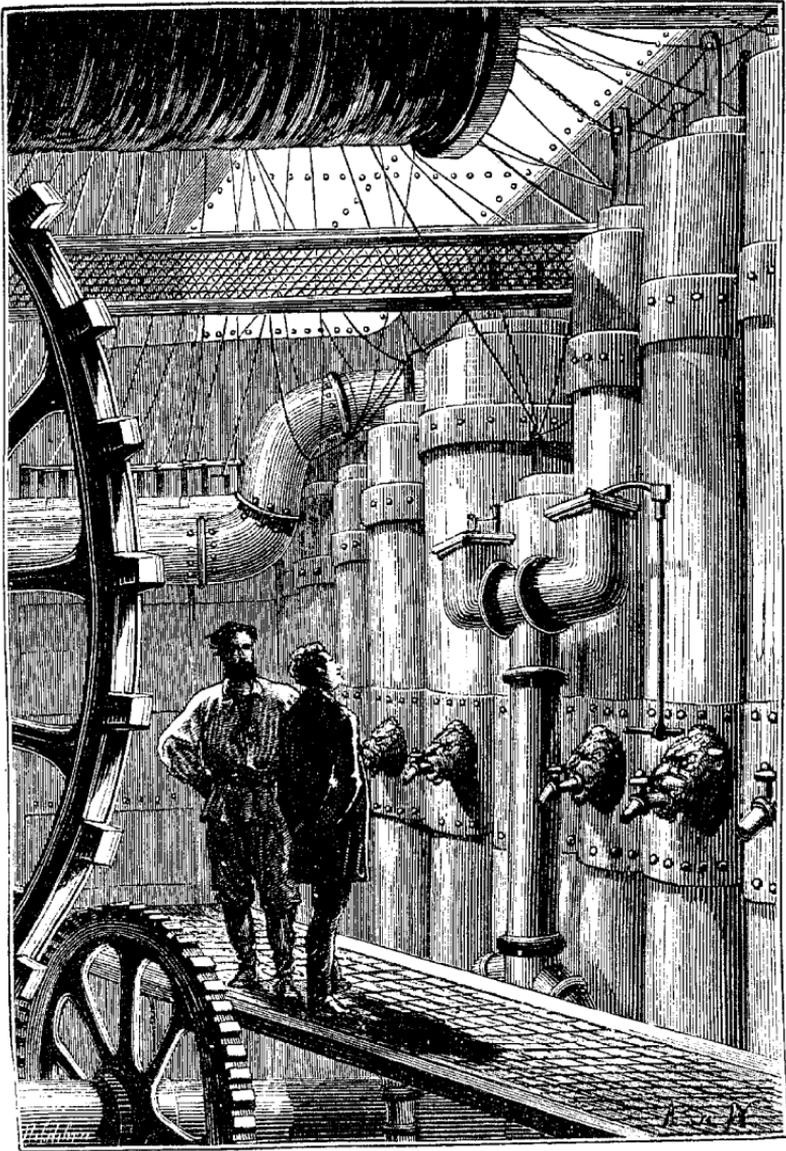
— Вовсе нѣтъ. Эта шлюпка прикрѣпляется къ верхней части корабельнаго корпуса и занимаетъ впадину, нарочно для нея устроенную. Это цѣлое палубное судно, оно не пропускаетъ воды и прикрѣплено толстыми болтами. Лѣстница ведетъ въ отверстіе, вырубленное въ корпусѣ „Наутилуса“, — отверстіе это въ ростъ человѣка, и сообщается съ такимъ же отверстіемъ въ боку шлюпки. Этою дорогою, то-есть черезъ это двойное отверстіе, я и вхожу въ шлюпку. Одно запираютъ съ „Наутилуса“, а другое запираю я самъ посредствомъ винта; я ослабляю болты и шлюпка поднимается съ невѣроятною быстротою на поверхность моря; тогда я открываю одну доску помоста, до сихъ поръ тщательно закрытую, ставлю мачту, поднимаю паруса или беру весла и прогуливаюсь.

— Но какъ же вы возвращаетесь на корабль?

— Не я, а „Наутилусъ“ возвращается, г. Аронаксъ.

— По вашимъ приказаніямъ?

— Такъ точно. Съ „Наутилуса“ проведена электрическая проволока и прикрѣплена ко мнѣ; я даю телеграму и этого довольно.

Отдѣленіе для машинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, упоенный этими чудесами:— ничего не можетъ быть проще!

Миновавъ лѣстницу, которая примыкала къ платформѣ, я увидѣлъ каюту въ два метра длины, въ которой Консейль и Недъ Лендъ, очарованные обѣдомъ, убирали его за обѣ щеки. Потомъ дверь отворилась на кухню, длиною въ три метра, находящуюся между огромными баталеръ-камерами судна.

Здѣсь электричество оказывалось удобнѣе всякаго газа; оно употреблялось на всевозможныя кухонныя надобности. Проволоки, проходя въ печь, сообщали губчатой платинѣ жаръ, который распредѣлялся и поддерживался съ тщательною правильностью. Онъ нагрѣвалъ и дистиллирующіе аппараты, которые доставляли превосходную воду для питья. Возлѣ кухни была ванная, удобно расположенная, съ кранами, которые давали, по желанію, холодную или теплую воду.

За кухней находилось огромное помѣщеніе для экипажа, длиною въ пять метровъ, но дверь была заперта и я не могъ видѣть его устройства, которое могло мнѣ дать точное понятіе о числѣ людей, необходимыхъ для управленія „Наутилусомъ“. Въ задней части была четвертая перегородка, отдѣляющая помѣщеніе экипажа отъ малинной комнаты. Дверь отворилась и я очутился въ отдѣленіи, гдѣ капитанъ Немо, инженеръ перваго разряда, расположилъ свои передвигательные приборы. Машинная комната была отлично освѣщена и имѣла не менѣе двадцати метровъ въ длину. Она была раздѣлена на двѣ части; въ первой находились элементы, которые производили электричество, а во второй механизмъ, приводящій въ движеніе винтъ.

Я былъ пораженъ прежде всего запахомъ *sui generis*, которымъ было наполнено это отдѣленіе. Капитанъ замѣтилъ это.

— Знаете, что неприятно поразило ваше обоняніе? сказалъ онъ мнѣ:—это отдѣленіе газа неизбѣжно при употребленіи патра; въ сущности не очень важное неудобство. Каждое утро мы очищаемъ воздухъ посредствомъ душниковъ.

Я осматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ машины „Наутилуса“.

— Вы видите, сказалъ мнѣ капитанъ:—я употребляю элементы Бунзена, а не Румкорфа: румкорфскіе были бы безсильны, тогда какъ бунзеновскіе немногочисленны, но сильны и велики.

Добытое электричество идетъ на корму, гдѣ оно и дѣйствуетъ, чрезъ электромагнитъ большого размѣра, на главную систему рычаговъ, которые приводятъ въ дѣйствіе ось винта. Этотъ винтъ, котораго діаметръ въ шесть, а шагъ въ семь съ половиною метровъ, можетъ дѣлать до ста двадцати оборотовъ въ секунду.

— И вы тогда получаете?

— Скорость пятидесяти миль въ часъ.

— Капитанъ, сказалъ я:—я не сомнѣваюсь въ результатахъ и не ищу средствъ для ихъ объясненія. Я видѣлъ, какъ „Наутилусъ“ маневрировалъ противъ „Авраама Линкольна“ и знаю, каковъ онъ на ходу; но надо же имѣть власть, чтобъ передвигать его и вверхъ, и внизъ, и во все стороны; а какъ вы достигнете этого на наибольшей глубинѣ, гдѣ встрѣтите сопротивленіе, которое исчисляють сотнями атмосферъ? Какъ подниметесь на поверхность океана, и наконецъ, какъ вы будете держаться въ той средѣ, которая вамъ нужна? Не слишкомъ ли я любопытенъ, выспрашивая это у васъ?

— Нисколько, г. профессоръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ, послѣ легкаго колебанія:—вѣдь вы никогда не покинете этаго подводнаго судна. Пойдемте въ залу; тамъ у насъ настоящій рабочій кабинетъ и вы узнаете все, что вамъ можно знать про „Наутилусъ“?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

НѢСКОЛЬКО ЧИСЕЛЪ.

Минуту спустя, мы сидѣли въ залѣ на диванѣ, съ сигарами во рту. Капитанъ разложилъ передо мной чертежъ, который представлялъ планъ разрѣза и высоты Нотилюса, а затѣмъ, немного погодя, началъ описывать свое чудо слѣдующими словами:

— Вотъ, г. Аронаксъ, различные чертежи судна, на которомъ вы находитесь. Это цилиндръ, очень длинный и кончается конусомъ; онъ очень походить на сигару и эта форма принята уже въ Лондонѣ для многихъ построекъ подобнаго рода. Длина цилиндра отъ одного до другаго конца семьдесятъ метровъ, а его бимсъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ восемь метровъ. Онъ построенъ не въ десятую часть, какъ ваши паровыя судна,—

— Вотъ два чертежа г. Профессоръ.

у него лишь довольно длинень, такъ что лишняя вода можетъ легко стекать, не затрудняя его хода.

Вотъ два чертежа, которые дадутъ вамъ понятіе объ объемѣ „Наутилуса“. Поверхность его имѣетъ одинадцать тысячъ квадратныхъ метровъ сорокъ пять сотыхъ; его объемъ равняется тысячи пятистамъ кубическимъ метрамъ и двумъ десятымъ, или, говоря иначе, „Наутилусъ“, совершенно погружаясь, вытѣсняетъ полторы тысячи кубическихъ метровъ воды.

Когда я составилъ планъ судна, которому предназначалось подводное плаваніе, я хотѣлъ, чтобы оно погружалось на девять десятыхъ, а надъ поверхностью возвышалось бы на одну десятую. При подобныхъ условіяхъ оно и должно было погружать только девять десятыхъ своей величины,—положимъ, тысячу триста пятьдесятъ шесть кубическихъ метровъ и сорокъ восемь десятыхъ. При постройкѣ я долженъ былъ такъ и рассчитывать. „Наутилусъ“ состоитъ изъ двухъ корпусовъ: внутренняго и наружнаго, соединенныхъ между собою цѣпями, расположенными въ видѣ буквы Т, что сообщаетъ имъ необыкновенную крѣпость.

„Наутилусъ“ выходитъ надъ водою только на одну десятую. Но если я наполню резервуары количествомъ воды, равнымъ этой одной десятой, то судно будетъ тогда вытѣснять тысячу пятьсотъ семь тоннъ и будетъ вполне погружено. Что и случается, г. профессоръ. Эти резервуары находятся въ нижней части „Наутилуса“; я открываю краны, они наполняются, и судно погружается.

— Хорошо, капитанъ; но мы приближаемся къ существенному затрудненію: допустимъ, что вы можете держаться на извѣстной глубинѣ; но, погружаясь ниже, вашъ подводный снарядъ встрѣчаетъ давленіе снизу вверхъ, давленіе цѣлой атмосферы на каждые тридцать футовъ, т. е. около одного килограмма на квадратный сантиметръ?

— Точно такъ, г. профессоръ.

— Если вы не дополните водою „Наутилусъ“, я не могу себѣ представить, какъ же вы его погрузите въ жидкую массу?

— Г: профессоръ, отвѣчалъ капитанъ:—немного надо труда, чтобы достигнуть нижнихъ областей океана, потому что тѣла имѣютъ стремленіе быть „потопляемы“. Когда я захотѣлъ опредѣлить тяжести, необходимыя для погруженія „Наутилуса“ въ раз-

личные слои моря, мнѣ надо было только опредѣлить уменьшеніе объема воды, по мѣрѣ того, какъ мы беремъ эту воду глубже и глубже.

— Это очевидно, отвѣчалъ я.

— Если вода не совершенно несжимаемое тѣло, то, по крайней мѣрѣ, слишкомъ мало сжимаемое. По самымъ новымъ исчислениямъ, это сжиманіе будетъ только $\frac{436}{10000000}$ на каждые 30 футовъ глубины. Если надо спуститься на тысячу метровъ, то я исчисляю увеличеніе тяжести отъ давленія равнаго столбу воды въ тысячу метровъ, т. е. отъ давленія ста атмосферъ. Это сжиманіе тогда будетъ $\frac{436}{100000}$, и я буду долженъ увеличить тяжесть до $1513\frac{77}{100}$, вмѣсто $1507\frac{2}{10}$ тоннъ,—прибавка будетъ не болѣе $6\frac{57}{100}$ тоннъ.

— Только?

— Да, г. Аронаксъ, только; расчетъ этотъ легко повѣрить. Я имѣю прибавочные резервуары, которые могутъ вмѣстить въ себѣ сто тоннъ. Я могу опускаться на значительную глубину. Если я захочу, чтобъ Нотиліусъ вышелъ и уравнился на поверхности $\frac{1}{10}$, мнѣ стоитъ выпустить только эту воду и совершенно опорожнить всѣ резервуары.

Противъ такихъ доказательствъ, основанныхъ на числахъ, я ничего не могъ возражать.

— Я признаю ваши вычисленія, капитанъ, отвѣчалъ я:— я не могу ихъ оспаривать, потому что опытъ доказываетъ это каждый день. Но вотъ затрудненіе...

— Какое же, г. Аронаксъ?

— Когда вы подѣ глубиною тысячи метровъ, стѣны „Наутилуса“ испытываютъ давленіе ста атмосферъ и въ эту минуту вы хотите опорожнить ваши прибавочные резервуары, облегчить ваше судно и подняться на поверхность, — надо, чтобы паровые насосы побѣдили это давленіе ста атмосферъ, которое равняется ста килограммамъ на квадратный сантиметръ. Отсюда это могутъ...
щество...

— Которое одно электричество можетъ мнѣ дать, прервалъ меня капитанъ Немо. Я вамъ повторяю, г. Аронаксъ, что динамическая сила моихъ машинъ почти безпредѣльна. Паровые насосы „Наутилуса“ имѣютъ невѣроятную мощь, и вы должны были ее видѣть, когда столбы воды хлынули потокомъ на „Авраама

Линкольна“. Иногда я не запираю прибавочныхъ резервуаровъ, чтобы достигнуть средней глубины отъ тысячи пятисотъ до двухъ тысячъ метровъ, это я дѣлаю для сбереженія моихъ снарядовъ. А если мнѣ придетъ охота посѣтить глубины океана на двѣ или три мили подъ поверхность, я употребляю средства болѣе продолжительныя, но не менѣе безошибочныя, вѣрныя.

— Какія же, капитанъ? спросилъ я.

— Придется вамъ рассказать, какъ управляется Нотилусъ.

— Я стараю нетерпѣннѣе, капитанъ! Я жажду узнать это!

— Для управленія подводнымъ судномъ я употребляю обыкновенный руль, прикрѣпленный къ ахтеръ-штивеню, который приводится въ дѣйствіе колесомъ и таями. Но я могу также двигать „Наутилусъ“ сверху внизъ и снизу вверхъ по вертикальному направленію, посредствомъ двухъ наклоненныхъ лаговъ, прикрѣпленныхъ къ его бокамъ на грузовомъ центрѣ подвижными планками, могущими брать разныя положенія, которыя приводятся въ движеніе посредствомъ сильныхъ внутреннихъ рычаговъ. Если лаги направлены параллельно къ судну, оно движется горизонтально; если они наклонены — „Наутилусъ“ движется по этому наклоненію и погружается или всплываетъ смотря по этому давленію.

— Bravo, капитанъ! воскликнулъ я. Но какъ рулевой можетъ держаться того пути, который вы указываете?

— Рулевой помѣщенъ въ стеклянной клѣткѣ, которая выдается въ наружной части корабельнаго корпуса и которая снабжена чечевицеобразными стеклами.

— Развѣ стекла способны противиться такому давленію?

— Точно такъ. Хрусталь, ломкій отъ толчковъ, представляетъ значительное сопротивленіе давленію. При опытахъ ловли, сдѣланныхъ при электрическомъ свѣтѣ въ 1864 году, посреди Сѣверныхъ морей видѣли пластинки этого вещества толщиной только въ семь миллиметровъ, выдерживавшія давленіе шестнадцати атмосферъ и все еще пропускавшія сильныя теплородные лучи, которые сообщали имъ неровный жаръ. Стекла же, которыя я употребляю, имѣютъ не менѣе двадцати одного сантиметра въ центрѣ, значить они въ тридцать одинъ разъ толще.

— Хорошо, я сдаюсь, капитанъ Немо; но вѣдь, чтобы видѣть, нуженъ свѣтъ, — какъ же посреди этого мрака вода....

— Позади клѣтки рулеваго помѣщенъ сильный электриче-

скій рефлекторъ, лучи котораго освѣщаютъ море на полмили разстоянiя.

— Bravo! Трижды bravo, капитанъ! Я понимаю теперь фосфорическiй свѣтъ лжеоднозуба, который такъ заинтересовалъ и озадачилъ ученыхъ. Кстати, я васъ спрошу, это столкновение „Наутилуса“ съ „Шотландiей“, которое надѣлало столько шуму— было слѣдствiемъ нечаянной встрѣчи?

— Да, г. Аронаксъ, это произошло совершенно случайно. „Наутилусъ“ плылъ на два метра подъ поверхностью, когда произошелъ толчекъ. Я тогда же убѣдился, что особо-опасныхъ поврежденiй не было.

— Не было, капитанъ. „Шотландiя“ благополучно добралась до гавани. А встрѣча съ „Авраамомъ Линкольномъ“, тоже случайная?

— Г. Профессоръ, мнѣ очень было жаль этого отличнаго фрегата, но меня атаковали и я долженъ былъ защищаться! Я довольствовался тѣмъ, что ставилъ непрiятеля въ невозможность мнѣ вредить, — ему даже не пришлось поправлять свои поврежденiя въ ближней гавани.

— А! капитанъ! вскрикнулъ я съ восторгомъ:— что за чудное судно вашъ „Наутилусъ“!

— Да, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо съ волненiемъ, и я люблю его, какъ плоть отъ плоти моей! Все опасность, все гибель для вашихъ кораблей на поверхности океана и первое впечатлѣнiе, которое производитъ море, есть уже чувство ужаса; какъ сказалъ голландецъ Янзень,— но на „Наутилусѣ“ сердце человѣка можетъ быть совершенно спокойно. Нечего опасаться порчи, потому что двойной корпусъ корабля имѣетъ твердость желѣза; нѣтъ утомительной килевой качки, которая такъ докучаетъ; парусовъ не уноситъ вѣтеръ; котлы не могутъ лопнуть; пожаръ не можетъ случиться, потому что всѣ снаряды сдѣланы изъ листоваго желѣза; не страшень недостатокъ угля, потому что здѣсь главная механическая сила — электричество; нечего бояться какихъ нибудь непрiятныхъ встрѣчъ, потому что онъ одинъ плаваетъ въ глубинѣ водъ; нечего ужасаться бурь, потому что онъ находится нѣсколькими метрами ниже поверхности, гдѣ вода совершенно тиха! Вотъ, г. Аронаксъ, преимущество моего судна! И если правда, что инженеръ благонадежнѣе при по-

стройкѣ, чѣмъ зодчій, а зодчій, чѣмъ самъ капитанъ, то представьте вы себѣ, до чего я довѣряюсь, до чего я вѣрю въ свой „Наутилусъ“, потому что я все вмѣстѣ: капитанъ, зодчій и инженеръ!

Капитанъ говорилъ съ увлекающимъ краснорѣчіемъ; глаза его горѣли, движенія были порывисты; онъ, такъ сказать, преобразался. Да! онъ любилъ свой „Наутилусъ“ какъ отецъ любить свое дитя!

Я не могъ удержаться, чтобъ не сдѣлать одного вопроса, хотя вопрошъ этотъ и могъ ему показаться не совсѣмъ скромнымъ:

— Вы инженеръ, капитанъ Немо?

— Да, г. профессоръ, я въ тѣ времена, когда еще считался жителемъ земли, я учился въ Лондонѣ, Парижѣ и Нью-Йоркѣ.

— Но какъ вы могли тайно построить это чудное судно?

— Каждый его кусокъ, г. Аронаксъ, добытъ мною изъ разныхъ частей свѣта: руль выкованъ въ Крезю, винтовая ось у Пени и К° въ Лондонѣ, желѣзныя пластинки у Лирда въ Ливерпулѣ, винтъ у Скотта въ Глазговѣ, резервуары у Келя и К° въ Парижѣ, машины у Круна въ Пруссіи, шекъ въ мастерскихъ Мотала въ Швеціи, инструменты отъ братьевъ Хартъ въ Нью-Йоркѣ и т. д. И каждый изъ этихъ поставщиковъ получалъ мои приказанія подъ различными именами.

— Но, возразилъ я: — положимъ, что отдѣльныя части были приобрѣтены, — надо же было ихъ собрать и провѣрить?

— Я устроилъ свои мастерскія на пустынномъ необитаемомъ островкѣ, въ открытомъ океанѣ. Тамъ, съ моими работниками, т. е. съ избранными вѣрными и отважными товарищами, мы окончили „Наутилусъ“. Когда постройка была окончена, огонь испепелилъ всѣ слѣды нашего пребыванія на островѣ.

— Мнѣ думается, капитанъ, коли позволите такъ выразиться, что цѣна этой постройки должна быть необъятна?

— Г. Аронаксъ, желѣзное судно со всѣмъ внутреннимъ его устройствомъ стоитъ два милліона; если же сюда включить всѣ рѣдкости и коллекціи, которыя на немъ находятся, то оно будетъ стоить отъ четырехъ до пяти милліоновъ франковъ.

— Позвольте еще послѣдній вопросъ, капитанъ!

— Извольте, г. профессоръ.

— Вы, значить, богаты?

— Богатъ безконечно. Такъ богатъ, что могъ бы, не затрудняясь, заплатить десять миліардовъ долгу за Францію!

Я пристально поглядѣлъ на этого удивительнаго человѣка и подумалъ, не смѣется ли онъ надо мной.

— Можетъ дурачить? думаю. А можетъ правду говорить? Ну, да время все это мнѣ покажетъ и объяснить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЧЕРНАЯ РѢКА.

Часть, занимаемая на земномъ шарѣ водою, числится въ три милліона восемьсотъ тридцать двѣ тысячи, пятьсотъ пятьдесятъ восемь квадратныхъ мириаметровъ или болѣе чѣмъ тридцать восемь милліоновъ гекторовъ. Эта жидкая масса занимаетъ, значить, два миліарда двѣсти пятьдесятъ милліоновъ кубическихъ миль и образуетъ сферу, которая имѣетъ въ діаметрѣ шестьдесятъ миль, а вѣсъ ея три квинтиліона тоннъ. Чтобы понять это число, надо помнить, что квинтиліонъ относится къ миліарду такъ, какъ миліардъ къ единицѣ, т. е. что въ квинтиліонѣ столько миліардовъ, сколько въ миліардѣ единицъ. Число этой жидкости близко къ количеству водъ, которое проливаютъ всѣ земныя рѣки въ продолженіи четырехъ тысячъ лѣтъ.

Въ геологическія эпохи, періодъ огня слѣдовалъ за періодомъ воды. Прежде океанъ былъ всемірный, потомъ мало по малу, въ силурійскій періодъ, показались холмы и горы, вышли островки, исчезли подъ частыми наводненіями, снова показались, соединились вмѣстѣ и образовали континентъ; наконецъ земля географически установилась такою, какою мы ее теперь видимъ.

Земля завоевала у воды тридцать семь милліоновъ, шестьсотъ пятьдесятъ семь тысячъ квадратныхъ миль или сто двадцать тысячъ, девятьсотъ шестнадцать милліоновъ гектаровъ. Образование континента позволило раздѣлить воду на пять большихъ частей или океановъ: Ледовитый арктическій, Ледовитый антарктическій, Индійскій, Атлантическій и Тихій.

Тихій океанъ тянется съ сѣвера на югъ, между двухъ шоларныхъ круговъ, съ востока къ западу, между Азіей и Америкой, на пространствѣ 145° долготы. Это самое спокойное море, его теченіе широко и медленно, приливы малы, дожди избыльны.

По этому-то океану назначила мнѣ судьба плавать при самыхъ странныхъ условіяхъ!

— Г. профессоръ, сказалъ мнѣ капитанъ:—мы сейчасъ опредѣлимъ, коли вы отъ того не прочь, самымъ точнымъ образомъ положеніе нашего судна. Теперь безъ четверти двѣнадцать, — близко полудня. Я сейчасъ всплыву на поверхность воды.

Капитанъ три раза подавилъ электрической звонокъ. Насосы начали выгонять воду изъ резервуаровъ, стрѣлка манометра по различнымъ давленіямъ показывала движеніе „Наутилуса“, потомъ остановилась.

— Мы прибыли, сказалъ капитанъ.

Поднявшись по центральной лѣстницѣ, которая примыкала къ платформѣ, я взшелъ по металлическимъ ступенямъ, пролѣзъ въ раздвинутое отверстіе и очутился на наружной части „Наутилуса“.

Платформа выплыла только на восемьдесятъ сантиметровъ; передъ и задъ „Наутилуса“ имѣли веретенообразную форму, такъ что его справедливо можно было уподобить сигарѣ. Я замѣтилъ, что его желѣзныя, слегка череницеобразныя пластинки, походили на чешую большихъ земныхъ гадъ, а потому очень очевидно, что и съ лучшими зрительными трубами это судно могли принять за морское животное.

По срединѣ платформы шлюбка, на половину вдающаяся въ корпусъ судна, образовала какъ бы небольшой холмикъ. Спереди и сзади помѣщались двѣ невысокія кѣтки, наклоненныя къ стѣнамъ, частію закрытыя толстыми чечевицеобразными стеклами, — одна для рулевого, который управлялъ „Наутилусомъ“, а другая для электрическаго фонаря, который освѣщаль дорогу.

Море было великолѣпно, небо чисто. Легкій западный вѣтерокъ рябилъ поверхность воды. Горизонтъ былъ ясенъ и мы могли свободно наблюдать.

Въ виду ничего не было: ни рифа, ни островка, ни даже „Авраама Линкольна“.

• Одна необозримая пустыня!

Капитанъ, вооруженный своимъ секстаномъ, опредѣлялъ высоту солнца, которая должна была ему указывать широту. Онъ нѣсколько минутъ ждалъ, пока свѣтило поровняется съ краемъ горизонта. Во время наблюденія ни одинъ мускулъ его не шевельнулся и инструментъ не могъ быть неподвиженъ даже въ мраморной рукѣ.

— Полдень, сказалъ онъ. Г. профессоръ, угодно вамъ?

Я бросилъ послѣдній взглядъ на море, — оно казалось не много желтоватымъ отъ береговъ Японіи, — и сошелъ въ большую залу.

Тамъ капитанъ сдѣлалъ вычисленія и сказалъ:

— Г. Аронаксъ, мы на 37° и $15'$ западной долготы...

— По какому меридіану? быстро спросилъ я, думая, что отвѣтъ выдастъ національность капитана.

— Г. профессоръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ: — у меня различные хронометры, приваровленные къ меридіанамъ Парижа, Гринвича и Вашингтона, но въ честь васъ я возьму Парижскій.

Этотъ отвѣтъ ничего мнѣ не объяснилъ. Капитанъ продолжалъ:

— $37^{\circ} 15'$ западной долготы по парижскому меридіану и на $30^{\circ} 7'$ сѣверной широты, т. е. около 300 миль отъ береговъ Японіи. Сегодня, восьмого ноября, въ полдень, начнется наше путешествіе подъ водами.

— Да сохранить насъ Богъ! отвѣчалъ я.

— А теперь, г. профессоръ, я васъ оставляю прибавилъ капитанъ. Я направилъ путь съ востока-сѣверо-востока на пятидесяти метрахъ глубины. Вотъ карта по которой вы можете слѣдить. Залу я отдаю на ваше распоряженіе, а затѣмъ позвольте мнѣ удалиться.

Мы раскланялись, я остался одинъ, и погрузился въ размышленія.

Я думалъ о капитанѣ „Наутилуса“. Удастся ли мнѣ когда нибудь узнать, въ какой націи принадлежалъ этотъ странный человекъ, который хвалился, что не принадлежитъ живущему міру? Эта ненависть къ человечеству, которая, можетъ стать, подвигала его на ужасную месть, кто ее возбудилъ, что было ея причиною? Былъ онъ однимъ изъ непризнанныхъ ученыхъ или гениевъ, „ко-

Капитанъ Немо опредѣлялъ высоту солнца.

торого огорчили“⁴, какъ выражался Консейль, какой нибудь современный Галилей? или изъ такихъ, какъ американецъ Мори, ученая карьера котораго была испорчена политическою революціею? Я не могъ еще ничего опредѣлить. Меня случай забросилъ на его судно, жизнь моя была въ его распоряженіи, и онъ принималъ, меня хотя холодно, но гостепріимно. Только до сихъ поръ онъ еще ни разу не подаль мнѣ своей руки и не бралъ моей, если я ему ее протягивалъ.

Цѣлый часъ я былъ занятъ этими мыслями и все пытался разъяснить замысловатую тайну.

Потомъ взоръ мой остановился на огромной картѣ, разложенной на столѣ, и я прижалъ палецъ на тѣ точки, гдѣ сходились наблюдаемыя долгота и широта.

Море, какъ и материка, имѣетъ свои рѣки: это главныя теченія, изъ которыхъ самое замѣчательное извѣстно подъ названіемъ Гольфъ-Штрема. Наука опредѣлила на глобусѣ пять главныхъ теченій: одно въ Сѣверномъ океанѣ, другое въ Южномъ-Атлантическомъ, третье въ Сѣверномъ-Тихомъ, четвертое въ Южномъ-Тихомъ и пятое на югѣ-Индійскаго океана. Даже вѣроятно, что существовало когда нибудь и шестое теченіе въ Сѣверномъ-Индійскомъ Океанѣ, когда Каспійское и Аральское моря соединялись большими Азіатскими озерами и составляли одно пространство воды.

На мѣстѣ, отмѣченномъ на картѣ, показано одно изъ этихъ теченій, японское Кюро-Скиво, Черная рѣка; эта Черная Ріа выходитъ изъ Бенгальскаго залива, гдѣ ее согрѣваютъ перпендекулярныя тропическія лучи солнца, пересѣкаетъ Малокское ущелье, течетъ до береговъ Азіи, вливается въ Тихій Океанъ, доходить до Алеутскихъ острововъ, унося стволы камфарнаго дерева и другія индійскія произведенія и смѣшиваетъ свои чистыя, ярко-голубыя горячія воды съ волнами океана. Это-то теченіе теперь проходило „Наутилусъ“.

Вдругъ въ дверяхъ залы показались Недъ Лендъ и Консейль.

Мои храбрые товарищи не могли опомниться отъ всѣхъ чудесъ, происходящихъ предъ ихъ глазами.

— Гдѣ мы? гдѣмы? кричалъ канадецъ: — въ Квебекскомъ музеѣ?

— Нѣтъ, скорѣе въ гостинницѣ Соммерадъ, съ позволенія ихъ чести! возразилъ Консейль.

— Друзья мои, отвѣчалъ я, дѣлая имъ знакъ, чтобъ входили:—вы ни въ Канадѣ, ни во Франціи, но на суднѣ Наутилусѣ и на пятьдесятъ метровъ подъ уровнемъ моря.

— Надо вѣрить, потому ихъ честь это утверждаетъ, сказалъ Консейль. Коли признаться по душѣ, такая зала можетъ ошеломить даже фламандца, какъ я.

— Удивляйся, мой другъ, и гляди въ оба, потому что для такого классификатора, какъ ты, здѣсь есть надъ чѣмъ поработать.

Мнѣ незачѣмъ было подавать этого совѣта Консейлю: усердный парень опрокинулся уже надъ ящиками и бормоталъ разные термины: классъ чревоходовъ ¹⁾, семейство гребенчато-жаберныхъ ²⁾ родъ ужовокъ ³⁾, родъ *Surgoea Madagascariensis* и проч.

А Недъ Лендъ, тѣмъ временемъ, распрашивалъ меня про мое свиданіе съ капитаномъ Немо.

— Ктожь онъ такой, г. профессоръ? приставалъ канадецъ Неужто вы не узнали? Откуда онъ? Куда его нелегкая несетъ?

— Не знаю, Недъ, не знаю ничего, отвѣчалъ я.

— Ну, а онъ насъ хочетъ глубоко погрузить, на самое дно морское, что ли?

— Погодите, Недъ, я расскажу вамъ по порядку все, что мнѣ извѣстно.

Я рассказалъ ему все, что зналъ, и въ свою очередь спросилъ его, что онъ видѣлъ и слышалъ.

— Ничего не видалъ и не слышалъ! отвѣчалъ канадецъ. Я даже не видалъ и экипажа этого судна! И экипажъ тоже, электрическій, что ли?

— Электрическій!

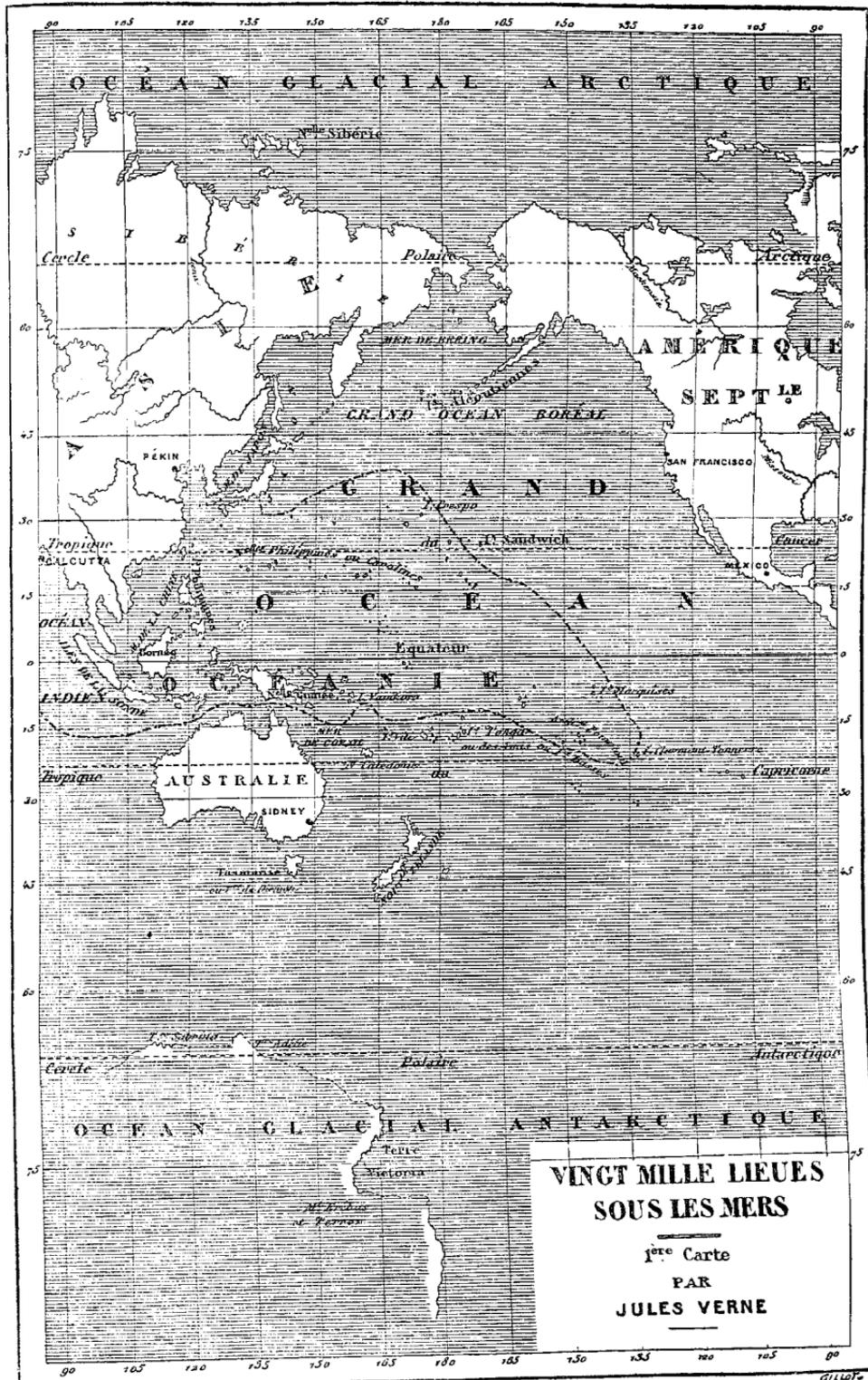
— Ей-ей! придется и этому повѣрить! Вы, г. Аронаксъ, не можете мнѣ сказать, сколько людей на суднѣ? Десять, двадцать, пятьдесятъ, сто человѣкъ?

— Не могу вамъ отвѣтить, Недъ, потому что самъ не знаю. Повѣрьте вы мнѣ, не думайте завладѣть „Наутилусомъ“ или убѣжать съ него. Это судно такое, что его можно показывать за чудо.

1) Чревоходы (*gasteropoda*) разрядъ моллюсковъ.

2) Гребенчато-жаберные (*respinibrachia*) моллюски.

3) Ужовка (*surgoea*) раковина изъ семейства навинныхъ.

**VINCENT MILLE LIEUX
SOUS LES MERS**
1re Carte
PAR
JULES VERNE

GILLOT

Оно устроено съ такимъ искусствомъ, съ такимъ умомъ... Я очень радъ, что видѣлъ такую удивительную штуку. Многіе бы согласились быть на нашемъ мѣстѣ, чтобы только видѣть все здѣшнія чудеса. Такъ вы лучше успокойтесь, Недъ, и начнемъ вмѣстѣ наблюдать за всемъ, что происходитъ. Смотрите...

— Смотрѣть! вскрикнулъ багрильщикъ. Да ничего не видно и ничего не увидишь сквозь эту желѣзную темницу! Мы идемъ или плывемъ, какъ слѣпые...

Недъ еще не окончилъ, когда вдругъ сдѣлалось такъ темно, словно на насъ кто внезапно насунулъ шапку по шею. Свѣтъ на потолокъ погасъ такъ быстро, что мои глаза испытывали болѣзненное ощущеніе, подобное тому, какъ если изъ глубокой темноты вдругъ переходишь въ самый яркій свѣтъ.

Мы ошѣмли, не двигались и не знали, какого сюрприза ожидать, пріятнаго или печальнаго. Послышалось что-то въ родѣ шелеста и намъ показалось, что филенки по бокамъ „Наутилуса“ задвигались.

— Ну, конецъ концовъ! сказалъ Недъ Лендъ.

— По распоряженію морскаго вѣдомства! проговорилъ Консейль.

Мгновенно, по обѣимъ сторонамъ залы разлился свѣтъ изъ двухъ продолговатыхъ отверстій и показалася вода, ярко освѣщенная электрическимъ токомъ. Двѣ хрустальныя пластинки отдѣляли насъ отъ моря. Я, признаюсь, такъ дрогнулъ при мысли, что эти хрупкія стѣнки могли разбиться, но крѣпкая мѣдная оковка ихъ защищала и давала имъ почти безмѣрную силу.

Море ясно было видно на разстояніи мили вокругъ „Наутилуса.“

Что это было за зрѣлище! Какое перо можетъ его описать! Кому бы удалось нарисовать эту игру свѣта въ прозрачныхъ водяныхъ массахъ!

Мы знаемъ прозрачность морской воды. Она превосходитъ своею чистотою и ясностію даже горныя ручьи. Минеральныя и органическія вещества, которыя она въ себѣ содержитъ, увеличиваютъ ея прозрачность. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Океана, у Антильскихъ острововъ на примѣръ подъ ста сорокапятью метрами воды можно видѣть песочное дно съ удивительною ясностію, и солнечныя лучи проникаютъ тамъ на триста метровъ. Но въ жидкой средѣ, сквозь которую проходилъ „Нау-

тилусъ“, электрической свѣтъ проникалъ даже въ самую глубь волнъ.

Если допустить систему Эремберга, который вѣрнѣе въ фосфорическое освѣщеніе подводной глубины, то, конечно, природа берегла для ихъ обитателей одно изъ чудесныхъ зрѣлищъ; я могъ теперь судить о его необычайной, непередаваемой прелести. Съ каждой стороны у меня было по окну, открытому въ ужасную бездну океана; темнота залы увеличивала наружный свѣтъ и мы смотрѣли, какъ будто прозрачный хрусталь былъ стекломъ какого нибудь огромнаго акваріума.

„Наутилусъ“, казалось, не шевелился. Иногда, впрочемъ, полосы воды, раздѣляемыя его шекомъ, бѣжали предъ нашими глазами съ чрезмѣрною быстротою.

Мы были поражены и стояли, облокотясь на подоконники; никто изъ насъ еще не прерывалъ молчанія. Вдругъ Консейль сказалъ:

— Вы хотѣли видѣть, другъ Недъ, ну вотъ вы и видите!

— Курьезно! Курьезно! отвѣчалъ канадецъ.

Онъ забывалъ и свой гнѣвъ, и всѣ свои проекты о побѣгѣ и любовался чудеснымъ зрѣлищемъ.

— Можно нарочно сюда втесаться, чтобы только поглядѣть на такое диво, — ей-богу можно! говорилъ онъ.

— А! вскрикнулъ я. Я теперь понимаю жизнь этаго чловѣка! Онъ создалъ себѣ отдѣльный міръ, который берегъ для него самыя удивительныя чудеса!

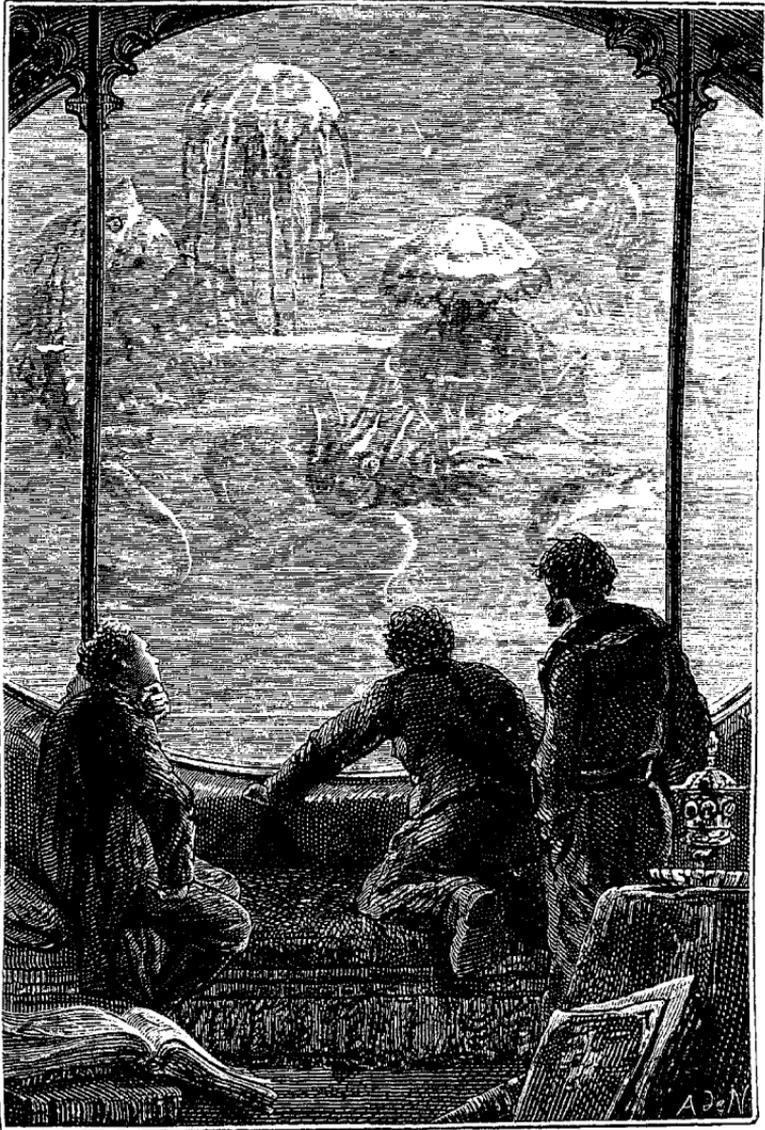
— Но рыбы? замѣтилъ канадецъ. Я не вижу рыбъ. Гдѣ рыбы?

— Что вамъ за дѣло до рыбъ, другъ Недъ, отвѣчалъ Консейль:— вѣдь вы ихъ не знаете!

— Я-то не знаю? вскрикнулъ Недъ Лендъ. Я-то?

По этому предмету завязался между двумя пріятелями споръ, потому что оба они знали рыбъ, но оба съ совершенно разныхъ сторонъ.

Всѣмъ извѣстно, что рыбы составляютъ четвертый и послѣдній классъ отрасли позвоночныхъ. Ихъ опредѣлили такъ: „позвоночныя съ двойнымъ обращеніемъ и холодною кровію, дышащія жабрами и живущія въ водѣ“. Онѣ раздѣляются на два разряда: на костистыхъ, у которыхъ позвоночный хребетъ состоитъ изъ костистыхъ позвонковъ и на хрящевыхъ, т. е. у кото-

Хрустальная пластинка отдѣляла насъ отъ моря.

рых позвоночный хребетъ состоитъ изъ хрящевыхъ позвонковъ.

Канадецъ зналъ, можетъ быть, это раздѣленіе; но Консейль зналъ гораздо болѣе, и теперь, соединенный узами дружбы съ Недомъ, онъ не хотѣлъ допустить, чтобы другъ былъ менѣе его образованъ, поэтому и началъ сейчасъ же проповѣдывать:

— Недъ! вы рыбій душегубецъ, вы очень искусный рыболовъ, хорошо! Вы на своемъ вѣкуловили таки довольное число тварей, — хорошо! Но я побьюсь объ закладъ, что вы не знаете, какъ ихъ раздѣляютъ!

— Какъ ихъ раздѣляютъ? повторилъ багрильщикъ. Чтожъ тутъ знать, какъ ихъ раздѣляютъ! Раздѣляютъ на съѣдобныхъ и на несъѣдобныхъ, вотъ и все!

— Такъ раздѣляютъ ихъ обжоры! отвѣчалъ Консейль. Скажите мнѣ, вы знаете, какая есть разница между костистыми и хрящевыми рыбами?

— Чего жъ тутъ не знать, — не диковина!

— А подраздѣленіе этихъ двухъ большихъ классовъ?

— Ну, про это не случалось слышать.

— Не случалось? Такъ вотъ теперь слушайте и запомните! Костистыя рыбы подраздѣляются на шесть разрядовъ: разрядъ первый, колючекрыя (*асантортегуйи*), у которыхъ верхнія челюсти подвижныя, а жабры, этакъ, гребенкой. Первый разрядъ содержитъ пятнадцать семействъ, т. е. три четверти извѣстныхъ рыбъ. Типъ: окунь.

— Вкусень, мошенникъ! замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Разрядъ второй, продолжалъ Консейль: — брюхоперыя (*abdominales*), у которыхъ плавники помѣщены на брюхѣ, сзади грудныхъ, и не прикрѣплены къ плечевой кости. Второй разрядъ дѣлится на пять семействъ и содержитъ большую часть прѣсноводныхъ рыбъ. Типъ: карпъ, щука.

— Пфа! сказалъ канадецъ. Прѣсноводныя рыбы! это, по моему, и поминать не стоить!

— Разрядъ третій, продолжалъ Консейль: — грудоперыя, у которыхъ брюшные плавники прикрѣплены къ груднымъ и непосредственно соединены съ плечевой костью. Третій разрядъ содержитъ четыре семейства. Типъ: камбала плоскуша (*pleuronectes platessa*), лиманца или желтая камбала (*pleuronectes limanda*), кам-

бала кособокъ (rhombus), камбала (pleuronectes), косоротъ (pleuronectes solea) и проч.

— Отличныя! Всѣ до единой отличныя, вскрикнулъ багрильщикъ. Такъ и тають во рту!

Недѣ рѣшительно смотрѣлъ на рыбъ только съ обжорной точки зрѣнія!

— Разрядъ четвертый, продолжалъ Консейль, не теряя присутствія духа: — голобрюхія, (aroda) съ продолговатымъ тѣломъ, лишеныя брюшныхъ плавниковъ, покрытыя толстой и отчасти липкой кожей. Въ четвертомъ разрядѣ всего на-всего одно только семейство. Типъ: угорь (anguilla), гимнотъ (gymnotus).

— Ну, эти подгуляли! замѣтилъ Недѣ.

— Разрядъ пятый, продолжалъ Консейль; — пучкожаберныя (lophobranchia) имѣютъ свободныя челюсти, жабры состоятъ изъ маленькихъ пучковъ, расположенныхъ попарно въ длину жаберныхъ дужекъ. Въ пятомъ разрядѣ тоже всего только одно семейство. Типъ: морской конекъ (hypsosampa), драконова пегаска (pegasus draconis).

— Совѣмъ негодится — дрянъ! замѣтилъ гарпунщикъ.

— Наконецъ, разрядъ шестой, продолжалъ Консейль: — крѣпкочелюстныя (plectognathi), у которыхъ верхнія челюсти срастаются неподвижно съ между-челюстными костями, и у которыхъ недостаетъ брюшныхъ плавниковъ. Шестой разрядъ раздѣляется на два семейства. Типъ: четырехзубецъ (tetradon), самглавъ лунный (orthogoriscus pola).

— Ну! этими и кострюмку нечего пакостить! вскрикнулъ Недѣ.

— Что жъ, поняли, другъ Недѣ? спросилъ ученый Консейль.

— Совѣмъ ничего не понялъ, отвѣчалъ багрильщикъ. Но вы все-таки катайте, потому, вы рассказываете очень занятно.

— Что касается до хрящевыхъ рыбъ, продолжалъ непоколебимый Консейль, онѣ раздѣляются только на три разряда.

— Ну, это и лучше! замѣтилъ Недѣ.

— Первый: круглоротыя (cyclostomi); челюсти у нихъ соединены въ одинъ подвижной кружокъ, а жабры открываются множествомъ дыръ. Въ первомъ разрядѣ имѣется одно только семейство. Типъ: морская минога (petromyzon marinus).

— Ну, эта хороша! отвѣчалъ Недѣ Лендъ.

— Второй: хрящуны (plagistonis); у нихъ жабры какъ у

круглоротыхъ, но нижняя челюсть подвижная; этотъ второй разрядъ раздѣляется на два семейства. Типъ: екатъ (гаса) и акула (squalus).

— Что вы! вскрикнулъ Недъ. Скать и акула въ одномъ разрядѣ? Ну, другъ Консейль, коли вы дорожите скатомъ, такъ; вы не ставьте его рядомъ съ акулой: потуда только вашъ скать и цѣль былъ!

— Третій, продолжалъ Консейль, осетровья (sterionidae); жабы, какъ обыкновенно, открыты однимъ отверстіемъ, защищеннымъ крышкою; въ этомъ разрядѣ четыре рода. Типъ: осетръ.

— А, дружокъ! вы лучшее-то приберегли для конца! Это вы не ошиблись! нѣтъ! Ну что жъ, все?

— Да, все, Недъ, отвѣчалъ Консейль. И замѣтите: знать это, еще не значить все узнать, потому что семейства раздѣляются еще на роды, виды, разновидности...

— Поглядите-ка, Консейль, поглядите, прервалъ багрильщикъ, облокотясь на стекла филенки:— вотъ и разновидности!

— Да рыбы! вскрикнулъ Консейль. Мы точно глядимъ въ акваріумъ!

— Нѣтъ, сказалъ я, акваріумъ клѣтка, а эти рыбы свободны, какъ птицы въ воздухѣ!

— Ну-ка, пріятель, назовите ихъ по именамъ, сказалъ Недъ Консейлю.

— Я? возразилъ Консейль, — я не могу; пусть ихъ честь изволить называть.

Дѣйствительно, достойный парень хотя былъ яростнымъ классификаторомъ, но естествоиспытатель изъ него выходилъ неважный: я не поручусь отличилъ ли бы онъ скумбра ¹⁾ отъ бонита ²⁾ или нѣтъ. Канадецъ напротивъ, безъ затрудненія называлъ почти всѣхъ рыбъ.

— Спинорогъ ³⁾! сказалъ я. Вотъ спинорогъ!

— И спинорогъ китайскій, замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Родъ спинорога, семейство жесткокожихъ, разрядъ крѣпчелюстныхъ, бормоталъ Консейль.

1) Скумбра, тунецъ (scombre thynnus) рыба изъ семейства макрелевыхъ.

2) Бонить, тумакъ (scomber pelamis), рыба.

3) Спинорогъ (balistes) рыба.

Недъ и Консейль, взятые вмѣстѣ, явили бы замѣчательнаго натуралиста! Канадецъ не ошибся; множество спинороговъ кружилося и рѣзвилось около „Наутилуса“.

— Ишь какіе они приплюснутые! сказалъ Недъ Лендъ. Ишь какая мереечка на кожѣ, а на спинкѣ точно рогатка какая или шипы. И хвостъ съ cadaго боку утыканъ колючками въ три ряда! Подумаешь, сотворена жъ такая тварь!

Ничего не можетъ быть прелестнѣе оболочки этихъ спинороговъ: сверху сѣрая, а снизу бѣлая, съ золотыми пятнами, которыя блистали въ темныхъ струяхъ. Между спинорогами сновали и скаты, и тутъ же, къ великой моей радости, я примѣтилъ китайскаго ската; у этого верхняя часть была желтоватая, а подъ брюхомъ нѣжно-розовая, а позади глаза три щитка или шипа. Родъ очень рѣдкій и самое существованіе его даже сомнительно: Ласепедъ видѣлъ такую акулу не живую, а на одномъ японскимъ рисункѣ.

Въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ, это водяное войско провожало „Наутилусъ“; пока это войско играло, рѣзвилось и соперничало другъ съ другомъ въ красотѣ, блескѣ и юркости, я запримѣтилъ зеленаго губана ¹⁾, краснобородку ²⁾ съ черными полосками, колбня ³⁾, японскаго скумбра ⁴⁾ бѣлаго, испещреннаго на спинѣ фіолетовыми пятнами съ закругленнымъ хвостомъ, мрежниковъ ⁵⁾ съ голубымъ тѣломъ и серебристою головкой, съ разноцвѣтными плавниками, голубыми и желтыми, мрежниковъ полосатыхъ, мрежниковъ поясоносныхъ, граціозно зашнурованныхъ въ шесть кушаковъ, японскихъ саламандръ ⁶⁾, мурень ⁷⁾, около шести футовъ длиною, съ маленькими живыми глазами и огромнымъ зубастымъ ртомъ и проч. и проч.

Нашему удивленію не было конца, восклицанія не умолкали.

Недъ называлъ по имени, Консейль классифировалъ, а я восхищался.

1) Губанъ (*labrus*) изъ семейства окуневыхъ.

2) Краснобородка (*mullus*) изъ семейства окуневыхъ.

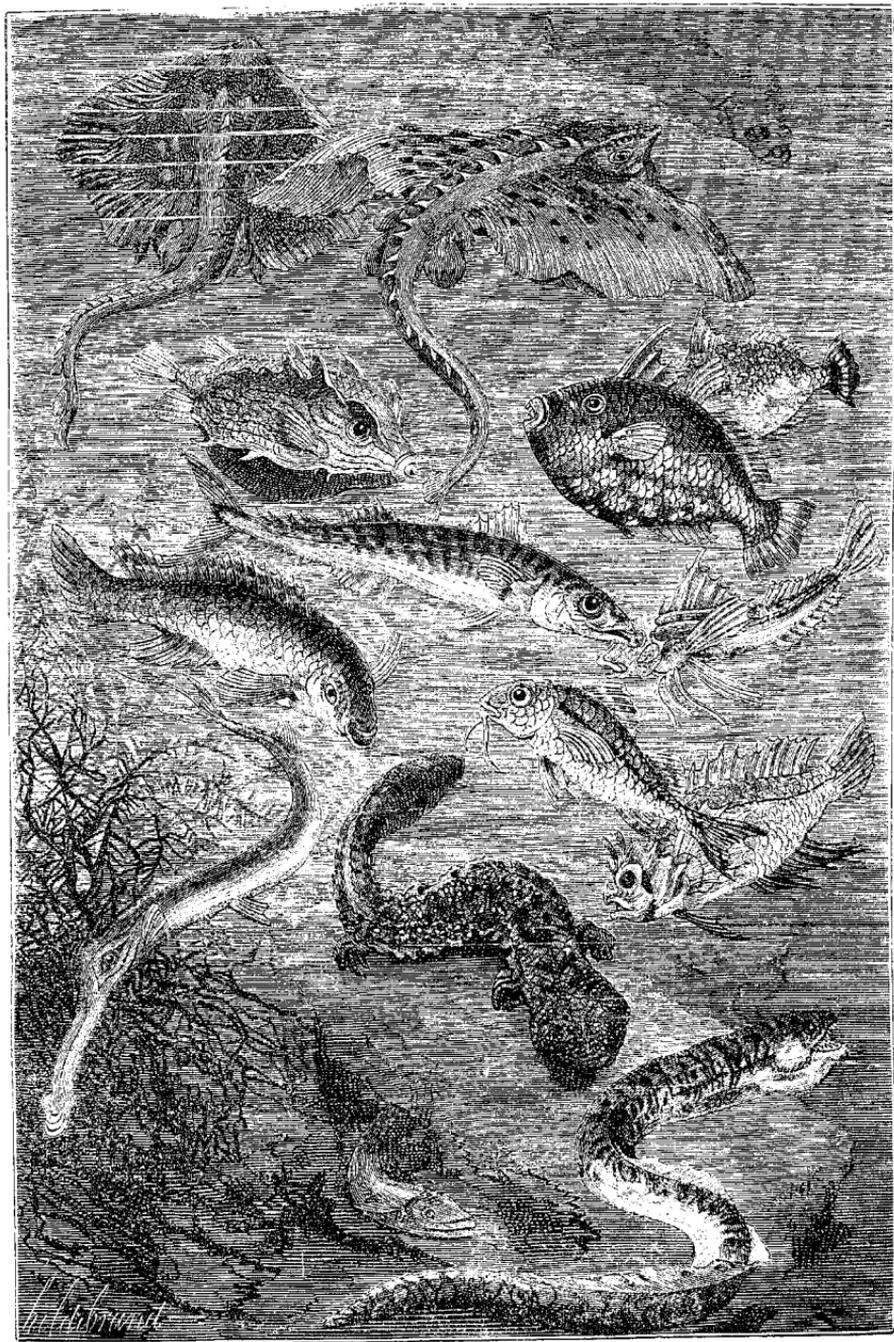
3) Колбень (*gobius*) рыба.

4) Скумбра (*scomber*) рыба изъ породы колючеперыхъ.

5) Мрежникъ (*sparus*) изъ семейства окуневыхъ.

6) Саламандра (*salamandra*) изъ семейства уколовъ.

7) Мурена (*muraena*) рыба изъ семейства угревидныхъ.

— Вотъ и рыбы!

Я отроду не видывалъ этихъ прелестныхъ тварей на свободѣ, въ ихъ родной стихіи.

Я не стану перечислять всѣхъ разновидностей, которыя проходили предъ нашими ослѣпленными глазами, — это была цѣлая коллекція Японскаго и Китайскаго морей. Ихъ собралось тутъ и кружилось больше, чѣмъ птицъ въ воздухѣ; вѣроятно, ихъ привлекалъ электрической свѣтъ.

Вдругъ вся зала внезапно освѣтилась; желѣзныя филенки заперлись. Волшебное явленіе въ одно мгновеніе исчезло, но я еще долго видѣлъ его предъ собою, пока глаза мои не остановились на инструментахъ, повѣшенныхъ по стѣнамъ.

Компасъ все еще показывалъ сѣверо-востокъ, манометръ — давленіе пяти атмосферъ, соответствующихъ глубинѣ пятидесяти метровъ, а электрической лагъ — ходъ пятнадцати миль въ часъ.

Я ждалъ капитана Немо, но онъ не являлся. Было уже пять часовъ.

Недъ Лендъ и Консейль ушли въ свою каюту, а я къ себѣ въ комнату, гдѣ уже ждалъ меня обѣдъ. Обѣдъ этотъ былъ на славу: супъ изъ самыхъ нѣжныхъ морскихъ черепахъ, соусъ изъ полосатой краснобородки и жаркое изъ ежериба, который показался мнѣ вкуснѣе лососины.

Вечеръ провелъ я въ чтеніи, письмѣ и размышленіяхъ, послѣ чего легъ на кушетку и заснулъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПИСЬМЕННОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ.

На другой день, 9 ноября, я проснулся послѣ глубокаго двѣнадцати-часоваго сна. Консейль, по своему обыкновенію, пришелъ узнать, „какъ его честь провела ночь“ и предложить услуги.

— А что Недъ? спросилъ я.

— Спать еще, отвѣчалъ Консейль.

Я не мѣшалъ царню болтать, но самому мнѣ было не до разговоровъ.

Меня озабочивало долгое отсутствіе капитана Немо.

— Надѣюсь, однако, что онъ явится сегодня! думалъ я. Надѣюсь!

Я надѣлъ свое виссоновое платье, на которое Консейль тотчасъ же сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній.

— Изъ чего это сдѣлано, съ позволенія ихъ чести? спросилъ онъ.

— Оно сдѣлано изъ лоснящихся, шелковистыхъ волоконъ которыми присасываются къ утесамъ перистки, родъ раковинъ, попадающихся во множествѣ у береговъ Средиземнаго моря.

Въ старыя времена изъ нихъ выдѣлывали прекрасныя ткани, чулки, перчатки, потому что онѣ очень мягки и теплы. Экипажъ „Наутилуса“, значить, не очень тратился на одежду; ему не надобны были ни хлопчатники, ни овцы, ни шелковичные черви.

Я одѣлся и тотчасъ же отправился въ большую залу. Она была пуста.

Я занялся изученіемъ конхіологическихъ сокровищъ, наваленныхъ подъ стеклами, рылся въ огромномъ гербаріумѣ, наполненномъ самыми рѣдкими морскими растеніями, хотя сухими, но совершенно сохранившими свой цвѣтъ.

Между этими драгоценными водорослями, я замѣтилъ лучицу (*caulerpus*), падину (*radina*), мутовку (*verticillus*), кустъ красивый (*callitamnion*), нѣжный корсиканскій морской мохъ (*seranium*) алаго цвѣта, уксичникъ (*acetabularia*), который очень долго причисляли къ животнорастеніямъ, — однимъ словомъ, превосходнѣйшіе образчики всевозможныхъ водорослей.

День прошелъ, а капитанъ Немо не удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Филенки залы не открывались.

Кажется, здѣсь строго придерживались пословицы: хорошенькаго понемножку, чтобъ жирно не было!

Направленіе „Наутилуса“ не измѣнялось; онъ шелъ со скоростью двѣнадцати миль, на глубинѣ отъ пятидесяти до шестидесяти метровъ.

На другой день, 10 ноября, насъ тоже не почтили посѣщеніемъ. Недъ и Консейль почти все время пробыли со мной. Они очень удивлялись отсутствію капитана.

— Болѣнъ онъ, что-ли? говорилъ Недъ Лендъ. Или, можетъ, онъ что на насъ замышляетъ? Можетъ, хочетъ насъ брѣвко приструнить?

Мы, однако, пользовались свободой; насъ прекрасно и изобильно кормили. Хозяинъ, значить, держался уговора.

Съ этого дня я началъ вести дневникъ моихъ приключеній. Я писалъ на бумагѣ, фабрикованной изъ взморника.

11-го ноября, рано утромъ, по „Наутилусу“ распространился свѣжій воздухъ и я догадался, что мы выплыли на поверхность океана, чтобы возобновить запасъ кислорода.

Я отправился на платформу.

Было шесть часовъ. Погода стояла пасмурная, море было сѣрое, но спокойное и слегка только зыбилось.

— Придетъ ли сюда капитанъ Немо? думалъ я.

Я не увидалъ никого, кромѣ рулеваго въ стеклянной клѣткѣ.

Усѣвшись на выпуклости, образуемой корпусомъ шлюпки, я съ удовольствіемъ вдыхалъ соляныя испаренія.

Мало-по-малу туманъ разсѣялся отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Лучезарное свѣтило взошло. Море вспыхнуло, какъ зажженный порохъ.

Разбросанныя облака окрасились яркими цвѣтами съ великолѣпнымъ оттѣнкомъ; многочисленные „кошачьи языки“¹⁾ предвѣщали вѣтеръ на цѣлый день.

Но что значить вѣтеръ для „Наутилуса“, который не боялся бурь?

Я еще любовался этимъ веселымъ, животворнымъ восходомъ солнца, когда услыхалъ, что кто-то входитъ на платформу.

Я уже приготовился раскланяться съ капитаномъ Немо, но это былъ его лейтенантъ, котораго я видѣлъ въ первое наше свиданіе.

Онъ взошелъ на платформу, и, казалось не примѣтилъ меня. Приложивъ къ глазамъ сильную подзорную трубку, онъ очень внимательно изслѣдовалъ все точки горизонта.

Окончивъ свои наблюденія, онъ приблизился къ филенькѣ и произнесъ фразу, которую я запомнилъ, потому что она произносилась каждое утро:

«Nautron respice igni virch.»

Что она означала, я не могу сказать.

Съ этими словами онъ ушелъ; я думалъ, что „Наутилусъ“ будетъ покружаться, и потому возвратился въ свою комнату.

Такъ прошло пять дней. Каждое утро я выходилъ на плат-

1) Такъ называютъ матросы маленькія бѣлыя облачки, слегка зазубренныя кругомъ.

форму; та же фраза произносилась тѣмъ же лицомъ; капитанъ не показывался.

Я уже думалъ, что больше не увижу его и покорился своей участи; но 16 ноября, возвратясь въ свою комнату, вмѣстѣ съ Недомъ Лендомъ и Консейлемъ, я нашелъ на столѣ записку на мое имя. Я торопливо ее открылъ. Она была написана четко и красиво, но нѣсколько напоминала нѣмецкій почеркъ.

Это было приглашеніе въ слѣдующихъ словахъ:

„Г. профессору Аронаксу, на суднѣ Наутилусъ.

„16 ноября 1867 г.

„Капитанъ Немо приглашаетъ г. профессора Аронакса на охоту, которая будетъ происходить завтра въ его лѣсахъ на островѣ Креспо. Онъ надѣется, что ничто не помѣшаетъ г. профессору присутствовать на этой охотѣ, и съ удовольствіемъ увидитъ его товарищей, если они присоединятся къ нему.“

„Капитанъ Немо“.

— Охота! вскрикнулъ Недъ.

— И въ его лѣсахъ на островѣ Креспо! прибавилъ Консейль.

— Значитъ, онъ выберется на землю? слазалъ Недъ Лендъ.

— Это ясно! отвѣчалъ я, перечитывая письмо.

— Ну, надо сказать, что мы согласны! рѣшилъ канадецъ. Только бы онъ насъ на землю-то доставилъ, а тамъ мы ужъ какънибудь справимся. Кромѣ того, я не прочь попробовать свѣжей дичинки.

Не доискиваясь, какъ согласить отвращеніе капитана къ континенту и приглашеніе на охоту въ лѣсъ, я сказалъ:

— Посмотримъ прежде, что это за островъ Креспо.

Я посмотрѣлъ на карту и между 32° 40' сѣверной долготы и 157° 50' западной широты нашелъ островокъ, который былъ открытъ капитаномъ Креспо въ 1801 году и который на старинныхъ испанскихъ картахъ называется *Cossa de la Plata*, т. е. „Серебряный Утесъ.“

Мы были въ ста восьмидесяти миляхъ отъ этого пункта и „Наутилусъ“ повернулъ къ юго-востоку.

Я указалъ товарищамъ этотъ маленькій утесъ, теряющійся посреди Сѣвернаго-Тихаго океана.

— Если капитанъ иногда и выходитъ на землю, сказалъ я имъ: — то надо отдать ему справедливость, онъ выбираетъ самые пустынные острова.

Недѣ Ледъ не отвѣтилъ, а только покачалъ головою и вмѣстѣ съ Консейлемъ ушелъ.

Послѣ ужина, который мнѣ подалъ нѣмой и безчувственный слуга, я заснулъ не безъ заботы.

На другой день, 17 ноября, при моемъ пробужденіи, я почувствовалъ, что „Наутилусъ“ стоитъ неподвижно. Я проворно одѣлся и пошелъ въ большую залу.

Капитанъ былъ тамъ. Онъ ожидалъ меня, поклонился и спросилъ, согласенъ ли я сопровождать его на охоту.

Такъ какъ онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на свое восьмидневное отсутствіе, то и я умолчалъ объ этомъ и просто отвѣчалъ, что я и мои товарищи готовы за нимъ слѣдовать.

— Только, прибавилъ я: — позвольте мнѣ предложить вамъ одинъ вопросъ, капитанъ.

— Предложите, г. Аронаксъ, и я отвѣчу на него, если смогу.

— Какимъ образомъ вы владѣете лѣсами на островѣ Креспо, когда вы прервали всѣ сношенія съ землей?

— Г. профессоръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ: лѣса, которыми я владѣю, не нуждаются ни въ солнцѣ, ни въ свѣтѣ, ни въ теплотѣ; ни львы, ни тигры, ни пантеры, никакія четвероногія ихъ не посѣщаютъ. Они никому, кромѣ меня, неизвѣстны и растутъ только для меня одного. Это не земные, а подводные лѣса.

— Подводные лѣса! вскрикнулъ я.

— Да, г. профессоръ, подводные.

— И вы мнѣ предлагаете посѣтить ихъ?

— Точно такъ.

— Пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Охотиться въ этихъ лѣсахъ?

— Да, охотиться.

— Съ ружьемъ?

— Да, съ ружьемъ.

Я посмотрѣлъ на капитана Наутилуса и во взглядѣ моемъ не было ничего лестнаго.

— Вѣрно, онъ тронуть! думалъ я. Вѣрно всѣ эти восемь дней

у него былъ припадокъ, который и теперь еще продолжается. Жаль! Все-таки лучше быть чудакомъ, чѣмъ сумасшедшимъ.

Эта мысль должно быть ясно отпечаталась на моемъ лицѣ, но капитанъ Немо не обратилъ, казалось, на мое лицо вниманія и пригласилъ меня слѣдовать за собою.

Я пошелъ, какъ человѣкъ, который предается своей судьбѣ.

— Г. Аронаксъ! я васъ попрошу безъ церемоніи раздѣлить со мною завтракъ; мы поговоримъ. Я, правда, пригласилъ васъ на прогулку въ лѣсъ, но я не обѣщаю тамъ ресторановъ. Завтракайте, какъ человѣкъ, который, по веѣмъ вѣроятіямъ, будетъ очень поздно обѣдать.

Я сдѣлалъ честь завтраку. Завтракъ этотъ состоялъ изъ разныхъ рыбъ, изъ ломтиковъ морскихъ кубышекъ, чрезвычайно вкусныхъ животно-растений, приправленныхъ соусами изъ водорослей такихъ же свойствъ, какъ *Porphyria laciniata* и *Laurentia grimaltoida*. Питье состояло изъ чистой воды, къ которой, по примѣру капитана я прибавилъ нѣсколько капель ликера, сдѣланнаго, по камчатской модѣ, изъ водорослей.

Сначала капитанъ ѣлъ молча; потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Г. профессоръ, когда я вамъ предлагалъ идти на охоту, вы думали, что я противорѣчу самъ себѣ; когда же я объявилъ, что существуютъ подводные лѣса, вы думали, что я сумасшедшій. Г. профессоръ! никогда не надо судить о человѣкѣ поверхностно!

— Но, капитанъ, подумайте, что...

— Выслушайте меня и тогда увидите, вправдѣ ли вы обвинять меня въ сумасшествіи и противорѣчіи.

— Я васъ слушаю.

— Г. профессоръ, вы знаете такъ же хорошо, какъ и я, что человѣкъ можетъ жить подъ водою, если достаточно запасется дыхательнымъ воздухомъ. Въ подводныхъ работахъ, человѣкъ, одѣтый въ непроницаемое платье и съ головою въ металлическомъ капсюлѣ, получаетъ воздухъ посредствомъ давящаго насоса и уравнительныхъ сточковъ.

— Я знаю этотъ снарядъ, капитанъ: это такъ называемая „пробочная фуфайка“, сказалъ я.

— Да, но при этихъ условіяхъ человѣкъ не свободенъ; онъ

Завтракъ былъ отличный.

какъ бы привязанъ къ насосамъ, которые ему даютъ воздухъ чрезъ каучуковую трубку, — это настоящая цѣпь, которая его тянетъ къ землѣ, и если бы мы также были привязаны къ „Наутилусу“, то не могли бы далеко уйти.

— Какимъ же способомъ можно быть свободнымъ? спросилъ я.

— Надо употребить снарядъ Рукейроля Денейруза, изобрѣтенный двумя вашими соотечественниками; я, кромѣ того, усовершенствовалъ этотъ снарядъ по своему, такъ что вы можете употребить его безъ всякаго опасенія. Онъ состоитъ изъ толстаго желѣзнаго резервуара, въ который я собираю воздухъ пятидесяти атмосферъ. Этотъ резервуаръ прикрѣпляется на спинѣ посредствомъ лямокъ, какъ солдатскій ранецъ. Его верхняя часть образуетъ ящикъ, откуда воздухъ не можетъ выходить иначе какъ при обыкновенномъ напряженіи. Въ снарядѣ Рукейроля, какъ онъ есть самъ по себѣ, двѣ каучуковыя трубки, выходя изъ этого ящика, примыкаютъ къ роду бесѣдки для носа и рта; одна служитъ для провода, а другая для выхода вдыхательнаго воздуха, а языкъ закрываетъ ту или другую, по мѣрѣ надобности. Но я выношу значительныя давленія на днѣ морей и долженъ былъ заключить свою голову такъ же, какъ и въ снарядѣ пробочныхъ фуфаякъ — въ мѣдный шаръ, къ которому примыкаютъ двѣ трубки: вдыхательная и выдыхательная.

— Хорошо, капитанъ; но запасъ воздуха, который вы уносите, долженъ скоро портиться, и если онъ будетъ содержать только 15 на 100 кислорода, онъ уже становится негоденъ для дыханія!

— Конечно. Но я вамъ уже сказалъ, г. Аронаксъ, насосы „Наутилуса“, позволяють мнѣ собирать его при значительныхъ давленіяхъ, а при этихъ условіяхъ резервуары снаряда могутъ снабжать дыхательнымъ воздухомъ въ продолженіи девяти или десяти часовъ.

— Мнѣ болѣе не на что возражать, капитанъ, отвѣчалъ я. Хотѣлось бы знать, какъ вы можете освѣщать дорогу на днѣ океана?

— Снарядомъ Румкорфа, г. профессоръ. Дыхательный снарядъ прикрѣпляется къ спинѣ, а этотъ привязывается къ поясу. Онъ состоитъ изъ Бунзенова способа, который я привожу въ

дѣйствию посредствомъ натра. Заключительная шпунка собираетъ добытое электричество и направляетъ его къ фонарю особаго устройства; въ этомъ фонарѣ витая стеклянная трубка, которая содержитъ остатки угольнаго газа. Когда снарядъ дѣйствуетъ, этотъ газъ дѣлается свѣтящимся, и даетъ бѣловатый сплошной свѣтъ. Такимъ образомъ я снабженъ и свѣтомъ, и воздухомъ.

— Вы такъ подробно отвѣчаете на всѣ мои возраженія, капитанъ, сказалъ: я что невозможно сомнѣваться. Я вѣрю въ снаряды Рукейроля и Румкорфа, но ружье?... Я попрошу васъ объяснить мнѣ ружье, которымъ вы меня снабдите.

— Ружье это не пороховое, г. Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Значить, духовое?

— Именно. Какъ же вы хотите, чтобъ я дѣлалъ порохъ на моемъ суднѣ, не имѣя ни селитры, ни сѣры, ни угля?

— Но чтобы выстрѣлить подъ водою въ средѣ въ восемьсотъ пятьдесятъ пять разъ плотнѣе, чѣмъ воздухъ, надо побѣдить значительное давленіе!

— Это не резонъ. Существуютъ такія пушки, усовершенствованныя послѣ Фультона англичанами, Филиппомъ Кольсомъ и Бюрлеемъ, французомъ Фюрси и итальянцемъ Ланди, которыя снабжены дуломъ особаго устройства и могутъ стрѣлять при этихъ условіяхъ. Но, не имѣя пороху, я замѣнилъ его воздухомъ которымъ насосы „Наутилуса“ снабжаютъ меня безостановочно.

— Но этотъ воздухъ долженъ быстро потребляться?

— Такъ; но вѣдь у меня есть резервуаръ Рукейроля, который, при нуждѣ, можетъ меня имъ снова снабдить. Для этого достаточно подавить только кранъ *ad hoc*; но вы сами увидите, г. Аронаксъ, что для этой охоты не много требуется воздуха и пуль.

— Мнѣ кажется, въ этой полутемнотѣ и посреди этой густой по отношенію къ атмосферѣ, жидкости выстрѣлы не могутъ быть далеки и рѣдко бываютъ смертельны?

— Напротивъ, г. профессоръ, напротивъ. Каждый выстрѣлъ этого ружья смертеленъ, и какъ бы легко ни было ранено животное, оно падаетъ, какъ пораженное молніей.

— Отъ чего же?

— Отъ того, что это необыкновенныя пули, но маленькія стеклянныя капсулы, изобрѣтенныя австрійскимъ химикомъ Лени-бронномъ, — я ими порядочно позапасся. Эти капсулы покрыты сталью и свинцомъ — настоящія маленькія лейденскія банки, въ которыхъ электричество доведено до высшей степени. При малѣйшемъ толчкѣ онѣ разрываются и животное, какъ бы оно ни было сильно, падаетъ мертвымъ. Я прибавлю еще, что эти капсулы невелики — не больше № 4 и что на обыкновенный зарядъ ружья ихъ идетъ десятокъ.

— Не смѣю болѣе спорить, капитанъ, сказалъ я, вставая изъ-за стола. Мнѣ больше ничего не остается, какъ взять ружье и идти за вами!

Капитанъ повелъ меня на корму „Наутилуса“.

Проходя мимо каюты Неда и Консейля, я позвалъ ихъ; они тотчасъ же явились и тоже пошли съ нами.

Мы пришли въ комнату, находящуюся рядомъ съ комнатою для машинъ, гдѣ и должны были одѣться для предстоящей прогулки.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ПРОГУЛКА ПО РАВНИНѢ.

Эта комната была въ полномъ смыслѣ и арсеналомъ, и уборной. По стѣнамъ развѣшено было около дюжины пробочныхъ фу-фаекъ.

Недъ Лендъ поглядѣлъ на нихъ съ очевиднымъ отвращеніемъ.

— Ну, ужъ я не согласенъ напояивать на себя этакую штуку! сказалъ онъ.

— Послушайте, Недъ, сказалъ я: лѣса острова Креспо — вѣдь лѣса подводныя!

— Вотъ тебѣ на! вскрикнулъ огорченный багрильщикъ. Вотъ тебѣ и свѣжая дичинка и... А вы, г. Аронакъ, вы эту штуку надѣнете?

-- Приходится надѣть, Недъ.

— Вольно вамъ! отвѣтилъ онъ, пожимая плечами. Что касается до Неда Ленда, то онъ никогда не надѣнетъ, — развѣ ужъ силомъ туда впрячутъ!

— Силомъ васъ не будутъ впрягивать, дядя Лендъ, сказали капитанъ Немо.

— А Консейль рискнетъ? спросилъ Недъ.

— Я всюду слѣдую за ихъ честью, отвѣчалъ Консейль.

На зовъ капитана явились два человѣка и помогли намъ одѣться въ непромокаемую одежду. Эта одежда была сдѣлана безъ швовъ, изъ каучука и устроена такимъ образомъ, что могла выдерживать значительное давленіе. Она состояла изъ панталонъ и куртки. Панталоны оканчивались толстыми сапогами съ тяжелыми свинцовыми подошвами; куртка придерживалась на груди мѣдной кирасой, которая и защищала отъ толчковъ воды и позволяла свободно дѣйствовать легкимъ; рукава оканчивались мягкими перчатками, которыя нисколько не мѣшали движенію рукъ.

— Эти пробочныя фуфайки, сказалъ я:— несравненно удобнѣе пробочныхъ латъ, супервестовъ, морскихъ платьевъ, сундуковъ и проч., избобрѣтенныхъ и перевозимыхъ въ XVIII вѣкѣ.

— Хороши, нечего сказать! проворчалъ Недъ Лендъ.

Капитанъ Немо, одинъ изъ его спутниковъ,—этотъ спутникъ смотрѣлъ Геркулесомъ и повидимому отличался страшной силой,— Консейль и я, скоро одѣлись въ пробочныя фуфайки. Намъ оставалось только заключить головы въ металлическіе шары. Но прежде чѣмъ исполнить эту операцію, я попросилъ у капитана позволенія осмотрѣть назначенное мнѣ ружье.

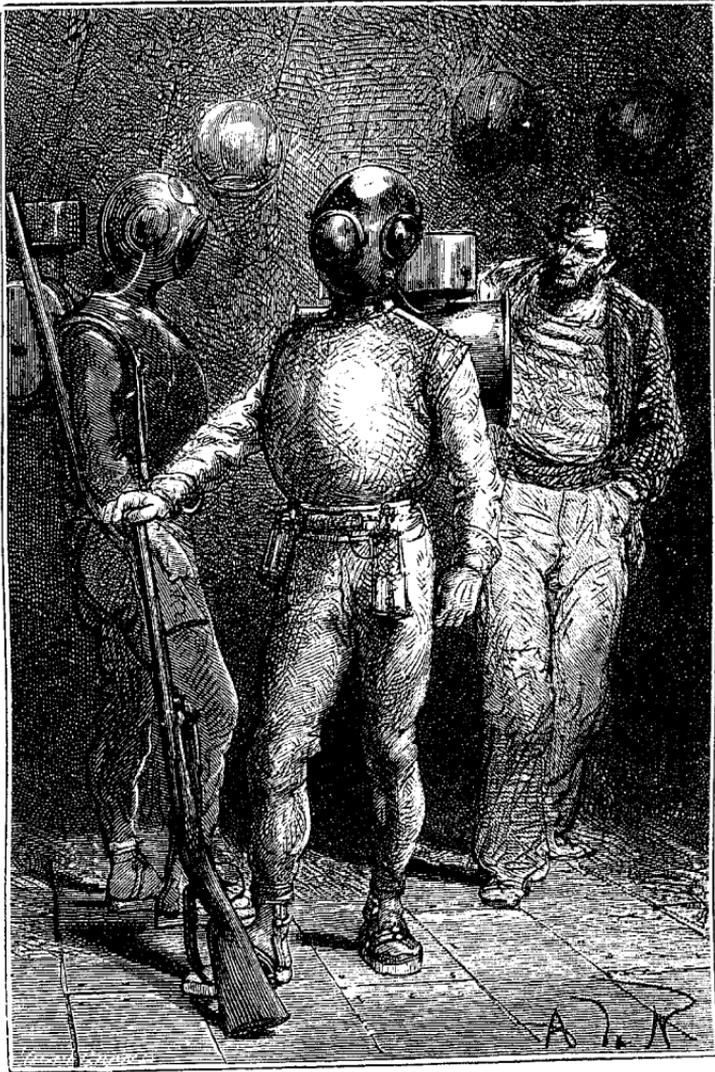
Мнѣ подали простое ружье; курокъ довольно большаго размѣра, былъ сдѣланъ изъ листоваго желѣза и имѣлъ пустую внутренность; она служила резервуаромъ для сжатаго воздуха, который пропускался въ металлическую трубку посредствомъ клапана, двигающагося на крючкѣ. Ящикъ для ядеръ, выдолбленный въ толщинѣ курка, заключалъ двадцать электрическихъ пуль, которыя посредствомъ пружины сами вскакивали въ дуло ружья. Какъ только выстрѣлъ былъ сдѣланъ, другой уже былъ готовъ.

— Капитанъ, сказалъ я: это превосходное ружье и имъ легко управлять; я очень желаю поскорѣе попробовать счастья. Только какъ же мы достигнемъ дна моря?

— Теперь „Наутилусъ“ стоитъ на мели, т. е. на десяти метрахъ воды и мы сейчасъ отправимся.

— Но какъ мы выйдемъ?

— А вотъ увидите.

Раздался пронзительный светъ.

Капитанъ просунулъ голову въ сферическій колпакъ. Консейль и я сдѣлали то же.

— Счастливой охоты! крикнулъ канадецъ съ ироніей.

Верхъ нашей одежды оканчивался мѣднымъ винтовымъ воротникомъ, къ которому привинчивалась металлическая каска; въ трехъ ея отверстіяхъ были вставлены толстыя стекла, позволявшія глядѣть во все стороны, при каждомъ поворотѣ головы внутри колпака. Какъ только колпакъ былъ надѣтъ, аппаратъ Рукейроля, помѣщенный на моей спинѣ, началъ дѣйствовать и, къ моему великому удовольствію, я могъ свободно дышать.

Съ фонаремъ Румкорфа при поясѣ, съ ружьемъ въ рукахъ, я былъ готовъ въ путь; но, говоря чистосердечно, я боялся, что въ этомъ тяжеломъ вооруженіи не сдвинусь съ мѣста. Но и это было предусмотрено: меня начали толкать въ маленькую, смежную съ уборной, комнату; товарищи мои слѣдовали за мною такимъ же манеромъ.

Я слышалъ, какъ за нами захлопнулись двери и насъ объяла глубокая тьма.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался пронзительный свистъ и я почувствовалъ холодъ снизу. Очевидно, изъ внутренности судна втянули посредствомъ крановъ наружную воду, которая охватила насъ и наполнила всю комнату; тогда вторая дверь, прорубленная сбоку „Наугилуса“ отворилась, и мы очутились въ полусвѣтѣ. Минуту спустя, наши ноги ощущали морское дно.

Какъ теперь описать то впечатлѣніе, которое у меня осталось отъ этой подводной прогулки? Слова безсильны, ими не скажешь подобныхъ чудесъ. Если кисть художника не въ состояніи передать всю прелесть водной стихіи, какъ же изобразить это перомъ?

Капитанъ Немо шелъ впереди, а его товарищъ слѣдовалъ за нами въ нѣсколькихъ шагахъ. Мы съ Консейлемъ держались рядомъ, какъ будто могли разговаривать черезъ металлические шары. Я уже не чувствовалъ тяжести ни отъ одежды, ни отъ обуви, ни отъ резервуара; шаръ меня тоже не стѣснялъ: моя голова качалась, какъ миндаль въ скорлупѣ.

Все эти вещи, погруженные въ воду, теряли часть своего вѣса, равную вымѣщенной жидкости и я былъ очень благодаренъ этому физическому закону, открытому Архимедомъ. Я не пред-

ставлялъ собою бездѣйствующей массы и имѣлъ относительно большую свободу движеній.

Свѣтъ, который озарялъ на тридцать футовъ ниже поверхности океана, удивилъ меня своею силою. Солнечные лучи легко пронизывали эту водяную массу. Я ясно различалъ предметы на пространствѣ ста метровъ. Чудесно отдѣлялись тонкіе слои лазури, которые голубѣли вдаль и терялись посреди мрака волнъ. Эта вода, которая меня окружала, походила на воздухъ, — воздухъ гуще земной атмосферы, но почти такой же прозрачный.

Надо мною ясно видна была спокойная поверхность моря.

Мы шли по мелкому песку; песокъ этотъ былъ вовсе не такой, какъ на морскомъ берегу; на немъ не было никакихъ слѣдовъ зыби, ни малѣйшаго отпечатка волнъ. Этотъ ослѣпляющій коверъ былъ не хуже настоящаго реффлектора, — онъ съ удивительною силою отражалъ солнечные лучи. Отсюда это отраженіе проникало во всѣ части жидкости.

— Воображалъ ли ты, Пьеръ Аронаксъ, думалъ я, что на глубинѣ тридцати футовъ можетъ быть такъ же свѣтло, какъ на землѣ при дневномъ свѣтѣ?

Въ продолженіи четверти часа я попиралъ этотъ песокъ, усеянный неосвязаемою пылью раковинъ. Корпусъ „Наутилуса“, рисовавшійся какъ длинный подводный рифъ, исчезалъ мало по малу; но свѣтъ отъ его маяка долженъ былъ намъ помочь возвратиться на судно, еслибъ насъ застигла ночь посреди водъ.

Трудно понять тому, кто видѣлъ этотъ свѣтъ только на землѣ. Тамъ пыль, которою насыщенъ воздухъ, придаетъ ему видъ свѣтящагося тумана; но на морѣ, какъ и подъ моремъ эти электрическія явленія выдаются съ несказанною ясностью.

Мы все шли дальше, и огромная песочная равнина, казалось, не имѣла границъ. Я раздвигалъ рукою жидкую занавѣсъ, которая закрывалась за мною и немедленно уничтожала мои слѣды.

Вскорѣ начали обрисовываться формы предметовъ; я различилъ первые великолѣпные очерки скалъ; эти скалы были унизаны прелестнѣйшими зоофитами.

Меня глубоко поразила вся сказочная невѣроятная обстановка.

Было десять часовъ утра; лучи солнца ударяли на поверхность волнъ косвенно, какъ чрезъ призму; цвѣты, скалы, перышки,

раковины, полипы — переливались семью цвѣтами солнечнаго спектра. Это было что-то чудное, радужное, невообразимое.

Я трепеталъ отъ восторга. Я пламенно желалъ излить свои чувства передъ пріятелемъ и очень жалѣлъ, что не могу подѣлиться ими съ Консейлемъ. Я завидовалъ капитану Немо, который объяснялся съ своимъ товарищемъ условными знаками.

Я разговаривалъ самъ съ собою. Я восклицалъ въ своемъ мѣдномъ ящикѣ, безразсудно издерживая, быть можетъ, воздуха болѣе, чѣмъ слѣдовало.

Консейль также остановился предъ этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Вѣроятно, достойный парень, очутивъ въ присутствіи рѣдкихъ зоофитовъ и моллюсковъ, принялся ихъ, по своему обыкновенію, классифировать. Тутъ было обиліе полиповъ и шероховиковъ. Различныя изиды ¹⁾, рогачки ²⁾, которые живутъ особнякомъ, глазчаки ³⁾, извѣстные прежде подъ именемъ „бѣлаго корала“, грибовики ⁴⁾ имѣющіе форму шампиньоновъ, анемоны ⁵⁾, прилѣпленные мускулистымъ кружкомъ, — однимъ словомъ, очаровательный цвѣтникъ! Голубѣли порпиты ⁶⁾ съ лазуревыми щупальцами, сверкали морскія звѣзды ⁷⁾; бородавчатые астерофиты походили на тонкія кружева; при самомъ легкомъ струеніи водной массы отъ нашихъ шаговъ фестоны ихъ колыхались. Жаль было попирать ногами блестящіе образчики моллюсковъ, гребнецовъ ⁸⁾, молотковъ ⁹⁾, трехъуголокъ или тупиць ¹⁰⁾, курганчиковъ ¹¹⁾, красныхъ шишakovъ ¹²⁾, крыловиковъ ¹³⁾ или крылатыхъ великановъ и великое множество другихъ произведній неистощимаго океана.

-
- 1) Изиды (isis) настоящій коралль, полипникъ.
 - 2) Рогачка (cornuaria) полипникъ.
 - 3) Глазчакъ (oculina) полипникъ изъ семейства мадрелоровыхъ.
 - 4) Грибовикъ (fungia) полипникъ.
 - 5) Морской анемонъ (actinia equina) животно-растеніе.
 - 6) Порпита (porpita) акалефа изъ семейства парусоносныхъ.
 - 7) Морская звѣзда, (asteria) раковина.
 - 8) Гребнецъ (pecten) раковина изъ семейства гребенчатыхъ.
 - 9) Молотокъ (malleus) раковина изъ семейства ременныхъ.
 - 10) Трехъуголка или тупица (donax) раковина.
 - 11) Курганчикъ (trochus) раковина изъ семейства кубарчатыхъ.
 - 12) Шишакъ (cassis) раковина.
 - 13) Крыловикъ (strobilus) раковина изъ семейства крылатыхъ.

Но надо было идти и мы все подвигались впередъ. Надъ нашими головами плавали группы физалій, ¹⁾ медузы ²⁾ своими опаловыми или нѣжно-розовыми зонтиками съ лазоревой окраиной закрывали насъ отъ солнечныхъ лучей и пелагиі освѣщали фосфорическимъ блескомъ нашъ путь въ полутьмѣ.

Всѣ эти чудеса я видѣлъ въ продолженіи четвертимильной ходьбы; я не могъ хорошенько вглядываться, и скрѣпя сердце, слѣдовалъ за капитаномъ, который всякій разъ, какъ только я приостанавливался, звалъ меня знаками.

Скоро почва измѣнилась; песочная равнина смѣнилась липкими слоями, которые американцы называютъ „oaze“; она теперь состояла только изъ кремнистыхъ или известковыхъ раковинъ.

Затѣмъ мы прошли полугамъ водорослей, которыхъ еще вода не вырвала; здѣсь растительность поражала своей роскошью. Эти мягкіе луга могли соперничать съ самыми лучшими коврами, сотканными рукою человѣка.

Зелень разстилалась и у насъ подъ ногами, и висѣла надъ нашей головой. Легкая сѣтка изъ водорослей, которыхъ извѣстно болѣе двухъ тысячъ родовъ, скреживалась на поверхности водъ. Я видѣлъ какъ плавали длинныя лентовики, шаровидные, трубчатые, опахальники, лавренціи съ тонкими листьями—и замѣтилъ, что зеленныя растенія держались болѣе къ поверхности моря, красныя средней глубины, а черныя и коричневыя составляли сады и цвѣтники нижнихъ слоевъ океана.

Эти водоросли—одно изъ чудесъ всемірной флоры. Семейство ихъ въ одно время производитъ и самыя маленькія и самыя большія растенія; на пространствѣ пяти квадратныхъ миллиметровъ ихъ насчитываютъ до сорока тысячъ и къ нимъ же причисляютъ фукусъ, который одинъ имѣетъ въ длину пятьсотъ метровъ.

Прошло почти уже полтора часа какъ мы оставили „Наутилусъ.“

1) Физалія или аретуза (physalia) акалефа изъ разряда парусоносныхъ.

2) Медуза (medusa) акалефа.

3) Пелагиа (pelagia) акалефа изъ семейства медузовыхъ.

Было близко полудня, что я примѣтилъ по перпендикулярности солнечныхъ лучей, которые болѣе уже не преломлялись. Переливы цвѣтовъ мало по малу исчезли и оттѣнки изумрудовъ и сапфировъ пропали съ нашего свода. Мы шли правильнымъ шагомъ, который раздавался съ удивительною силою. Малѣйшій шумъ передавался со скоростью непривычной для нашего слуха.

Вода лучшій проводникъ звука, чѣмъ воздухъ; она распространяетъ его вчетверо скорѣе.

Вдругъ почва понизилась; свѣтъ сдѣлался ровный; мы достигли глубины сто метровъ, вынося давленіе десяти атмосферъ; но моя одежда была такъ устроена, что я не испытывалъ этого давленія. Я сначала чувствовалъ нѣкоторое болѣзненное ощущеніе въ суставахъ пальцевъ, но и это скоро прошло. Что же касается до усталости, которую я долженъ былъ чувствовать отъ этой двухчасовой прогулки, то она была самая ничтожная. Мои движенія, при помощи воды, были удивительно легки.

Прійдя на глубину въ триста футовъ, я еще различалъ солнечные лучи, но очень слабо. Ихъ яркій свѣтъ замѣнился красноватыми сумерками, чѣмъ-то среднимъ между днемъ и ночью. Но мы все еще могли обходиться безъ снаряда Румкорфа.

Капитанъ остановился и, дождавшись меня, указалъ пальцемъ на темную массу, рисовавшуюся не въ далекомъ разстояніи.

— Это вѣрно островъ Креспо! подумалъ я.

И я не ошибся.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ПОДВОДНЫЙ ЛѢСЪ.

Наконецъ мы пришли къ окраинѣ лѣса; это было безъ сомненія наилучшее мѣсто во владѣніяхъ капитана Немо. Онъ смотрѣлъ на него какъ на свою собственность и имѣлъ на него такія же права, какія присвоивалъ себѣ первый человѣкъ въ первое время сотворенія міра.

— Никто не станетъ оспоривать у него этой подводной соб-

ственности! думалъ я. Кто другой рѣшится нырнуть сюда съ топоромъ въ рукахъ расчищать подводныя темныя чащи?

Лѣсъ состоялъ изъ большихъ древовидныхъ растений, и какъ мы только проникли подъ огромныя арки, меня поразила странное расположенія вѣтвей, какого я еще до сихъ поръ никогда и нигдѣ не примѣчалъ.

Ни одна трава, покрывающая почву, ни одна вѣтвь кустарника не стлалась по землѣ, не гибалась и не тянулась по горизонтальному направленію. Все стремилось къ поверхности океана.

И волокна, и ежевыя головки—или волчьи бобки,—какъ бы они тонки ни были, держались прямо, будто на дѣлѣзныхъ стебляхъ. Водоросли и лианы развѣтывались, строго держась точной перпендикулярной линіи, какъ того требовала плотность стихіи. Я прикасался къ нимъ: они гнулись, но тотчасъ послѣ прикосновенія снова принимали свое неподвижное положеніе. Здѣсь было вертикальное царство!

Скоро я привыкъ къ этому расположенію, равно какъ и къ относительной темнотѣ, которая насъ окружала. Почва была усеяна острыми камнями, которыхъ трудно было избѣгать. Подводная флора мнѣ показалась довольно полна, даже богаче, чѣмъ у арктическаго или полярнаго пояса, гдѣ ея произведенія не такъ многочисленны, и я невольно смѣшивалъ царства между собою, принимая зоофитовъ за гидрофитовъ, животныхъ за растенія. Да и кто-бы не ошибся? Фауна и флора такъ близко соприкасались въ этомъ подводномъ мірѣ. Я примѣтилъ, что всѣ произведенія растительнаго царства прикрѣплялись къ почвѣ только наружными липкостями. Лишныя корни, они лѣпились на песокъ, на раковинѣ, на голышѣ, на костеобразной оболочкѣ, и не требовали жизненныхъ соковъ, а только точки опоры. Все ихъ существованіе заключается въ водѣ: вода ихъ поддерживаетъ и питаетъ. Большая часть изъ нихъ вмѣсто листьевъ имѣетъ пластинки своеобразной формы; эти пластинки ограничены въ цвѣтахъ и бываютъ только розовыя, красныя, зеленныя, оливковыя, рыжія и каштановыя. Я тутъ увидалъ, но уже не высушенными, какъ образчики на „Наутилусѣ“, вѣроподобную павлиновую падину ¹⁾, алую церамію ²⁾; ламинарію ³⁾ или морскую нить вы-

1) Падина (padina) водоросль.

2) Церамія (ceramia) кортиканскій морской мохъ.

3) Ламинарія (laminaria) водоросль.

тягивала вверхъ свои молодые отпрыски; я видѣлъ цѣлые букеты укисичниковъ ¹⁾ у которыхъ стебель увеличивается къ верхушкѣ — и множество другихъ чисто морскихъ безцвѣточныхъ растеній.

„Любопытная неправильность, странная стихія! сказалъ одинъ остроумный натуралистъ: гдѣ животное царство цвѣтеть, а растительное нѣтъ“!

Между различными кустами, величиною съ деревья теплыхъ поясовъ, и подъ ихъ влажною тѣнью громоздились группы кустарниковъ съ живыми цвѣтами, изгороди животнорастеній, на которыхъ распускались меандрины ²⁾ испещренные извилистыми полосками, желтоватыя *scaphophyllis* съ прозрачными щупальцами, пучки зоантовъ ³⁾ или животноцвѣтовъ, а рыбы-мухи летали съ вѣтки на вѣтку, какъ стая колибри; желтая хахалча японская или сѣна панцирная ⁴⁾ съ щетинистыми жабрами и съ острой чешуей, и летучки ⁵⁾ подымались изъ подъ нашихъ ногъ, какъ бекасы.

Около часа, капитанъ Немо подалъ знакъ на отдыхъ, чѣмъ очень меня обрадовалъ; мы растянулись въ бесѣдкѣ водорослей, которыя поднимались вверхъ какъ стрѣлы.

Отдыхъ этотъ показался мнѣ невыразимо пріятенъ; я сожалѣлъ только, что мы не могли передавать другъ другу ни своихъ мыслей, ни своихъ впечатлѣній: не возможно было ни спрашивать, ни отвѣчать. Я удовольствовался тѣмъ, что придвинулъ свою огромную мѣдную голову къ головѣ Консейля и увидѣлъ, что глаза достойнаго парня блистали удовольствіемъ и счастьемъ. Онъ качалъ своимъ колпакомъ съ самымъ комическимъ видомъ.

Я удивился, что послѣ четырехъ -- часовой прогулки не чувствую большого голода. Что было этому причиной, я не могу сказать. Но за то меня непреодолимо клонило ко сну. Я вспомнилъ, что это бываетъ со всѣми водолазами. Скоро глаза мои закрылись и я погрузился въ непобѣдимый сонъ, который до сихъ поръ преодолевала ходьба. Капитанъ Немо и его мощный спутникъ растянулись во весь ростъ и подали намъ примѣръ.

1) Укисичникъ (*acetabularia*) полипникъ.

2) Меандрина (*meandrina*) полипникъ изъ семейства коралловыхъ.

3) Зоантъ (*goanthus*) полипникъ изъ семейства цвѣтистыхъ.

4) Хяхалча японская, (*Iepisacanthus*) рыба изъ семейства окуневыхъ.

5) Летучки (*dactyloptera*) летучая рыба.

Сколько времени я оставался погруженнымъ въ эту дремоту, я не могу опредѣлить; но когда проснулся, мнѣ показалось что солнце уже склонялось къ горизонту. Капитанъ уже всталъ и я принялся расправлять свои члены, когда не ожиданное явленіе съ разу поставило меня на ноги.

Въ нѣсколькихъ шагахъ морской паукъ въ цѣлый метръ вышиною уставился на меня своими косыми глазами и казалось, готовъ былъ на меня броситься; хотя, пробковое платье служило мнѣ достаточною защитою отъ его укушенія, но все-таки я не могъ преодолѣть движенія ужаса. Въ это время матросъ съ „Наутилуса“ и Консейль проснулись. Капитанъ указалъ своему спутнику на гадину, тотъ размахнулся и тотчасъ же убилъ паука ружейнымъ прикладомъ. Грамадныя лапы чудовища скорчились съ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Эта встрѣча заставила меня вспомнить, что эти темныя бездны населены и другими, еще болѣе опасными, тварями, отъ которыхъ пожалуй не защититъ и пробковое платье.

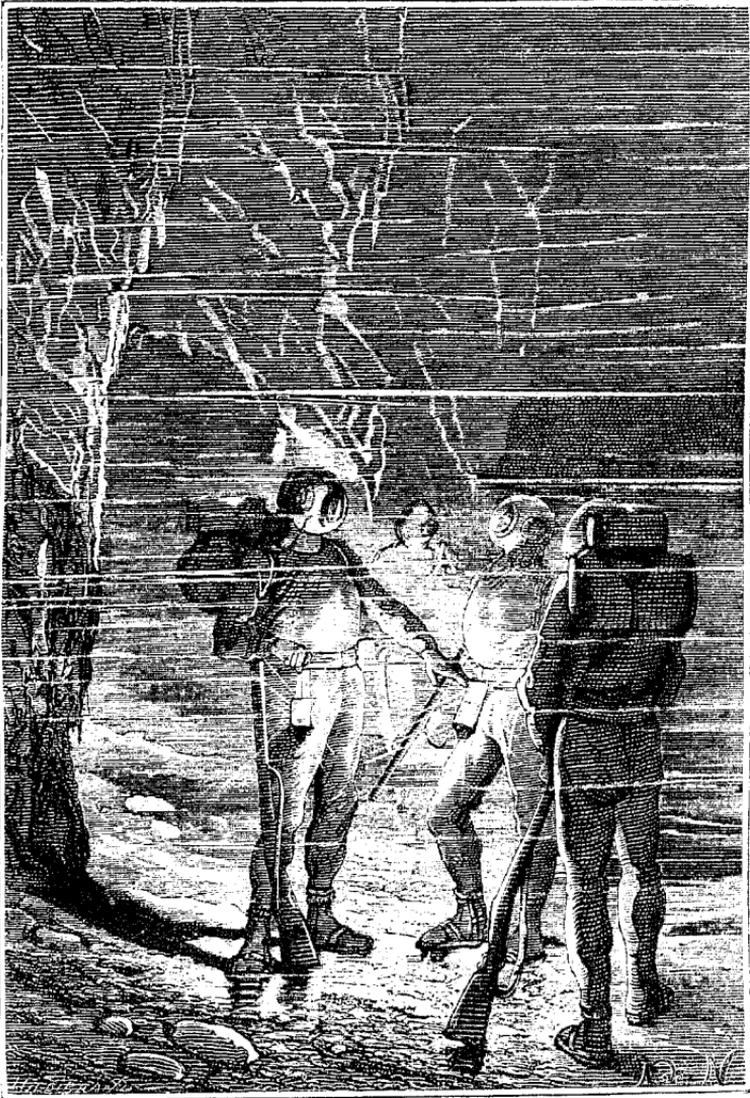
— Какъ же это до сихъ поръ не пришло мнѣ въ голову! думалъ я. Надо будетъ соблюдать осторожность, величайшую осторожность!

Я предполагалъ, что мы дальше не пойдёмъ, но я ошибался; капитанъ Немо вмѣсто того, чтобъ повернуть къ „Наутилусу“, продолжалъ дальше свою отважную прогулку. Почва все понижалась, покатость ея становилась замѣтнѣе и свела насъ въ самую глубину. Было около трехъ часовъ, когда мы дошли до узкой долины, проложенной между двухъ высокихъ утесовъ и лежащей на пяти стахъ метрахъ глубины. Благодаря улучшенію нашихъ снарядовъ, мы прошли на девяносто метровъ далѣе предѣла, который до сихъ поръ полагался морскимъ подводнымъ прогулкамъ человѣка.

Я сказалъ сто пятьдесятъ метровъ, хотя не могъ исчислить разстоянія никакимъ инструментомъ; но я зналъ, что и въ самыхъ прозрачныхъ моряхъ солнечные лучи не могутъ проникать дальше. Наступила глубокая темнота. Ничего нельзя было различить даже въ десяти шагахъ. Я шелъ ощупью; вдругъ блеснулъ бѣлый, довольно яркій свѣтъ. Это капитанъ привелъ въ дѣйствіе свой электрическій аппаратъ. Его спутникъ сдѣлалъ тоже и мы съ Консейлемъ послѣдовали ихъ примѣру. Повернувъ винтъ, я установилъ сообщеніе между шпулькою и витую стеклянною труб-

Морской паукъ въ цѣлый метръ вышиною.

Капитанъ остановился.

кою — и море, освѣщенное четырьмя фонарями, озарилось на пространствѣ двадцати пяти метровъ.

Капитанъ продолжалъ углубляться во внутренность лѣса, гдѣ деревья становились все рѣже и рѣже; я замѣтилъ, что растительность исчезла скорѣе, чѣмъ животныя. Въ иныхъ мѣстахъ растенія уже пропали, а несчетное множество зоофитовъ, суставчатыхъ, моллюсковъ и рыбъ еще такъ и кишѣло.

Я думалъ, что свѣтъ нашихъ римкорфскихъ снарядовъ непременно привлечетъ кого нибудь изъ обитателей темныхъ нижнихъ слоевъ; но они если и приближались, такъ приближались не на ружейный выстрѣлъ. Не разъ я видѣлъ, что капитанъ прикладывался, но чрезъ нѣсколько мгновений снова опускалъ ружье и продолжалъ путь.

Наконецъ около четырехъ часовъ эта чудная прогулка окончилась. Великолѣнные утесы заступили намъ дорогу своею громадною массою. Это было скопленіе гигантскихъ скалъ, громадныхъ неприступныхъ гранитныхъ утесовъ, пересѣченныхъ темными гrotами. Это былъ островъ Креспо! Это была земля!

Капитанъ Немо вдругъ остановился. Его жестъ остановилъ и насъ, что было очень кстати. Здѣсь оканчивались владѣнія капитана и онъ не хотѣлъ переступить за нихъ. Далѣе, за этими утесами, была та часть земнаго шара, въ которую онъ не долженъ былъ уже проникать.

Капитанъ шелъ во главѣ и указывалъ намъ путь безъ всякаго колебанія. Мы повернули назадъ. Я сейчасъ же замѣтилъ, что мы возвращаемся не той дорогой.

Эта новая дорога была очень крутая и потому очень трудная, но она скоро привела насъ къ поверхности моря.

Впрочемъ это возвращеніе въ верхніе слои совершилось болѣе или менѣе постепенно: быстрый внезапный переходъ могъ сильно подѣйствовать на нашъ организмъ и произвести внутреннее поврежденіе, которое губить водолазовъ. Скоро показался свѣтъ, увеличился, — солнце уже стояло низко на горизонтѣ и рефракція снова облекла всѣ предметы спектральнымъ кольцомъ.

Въ десяти метрахъ глубины мы шли среди какой-то кашки изъ маленькихъ рыбъ всѣхъ родовъ; эти рыбы были многочисленнѣе и проворнѣе, чѣмъ птицы въ воздухѣ; но ни одной стоящей водной дичи намъ не попадалось.

Вдруг вижу, капитанъ быстро прицѣливается въ какой-то подвижной предметъ, мелькающій въ кустахъ. Раздался выстрѣлъ, я услышалъ слабый свистъ, и убитое животное упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Это была великолѣнная морская выдра, раккунъ — единственное четвероногое животное, которое исключительно водится въ морѣ. Она была въ одинъ метръ и пятьдесятъ сантиметровъ величиною и вѣроятно стоила очень дорого. Ея шкурка, — темнокаштановая снизу и серебристая сверху, — чрезвычайно высоко цѣнится русскими и китайскими продавцами. Принимая во вниманіе тонкость и лоскъ ея шерсти, можно было оцѣнить ее, самое меньшее, въ двѣ тысячи франковъ.

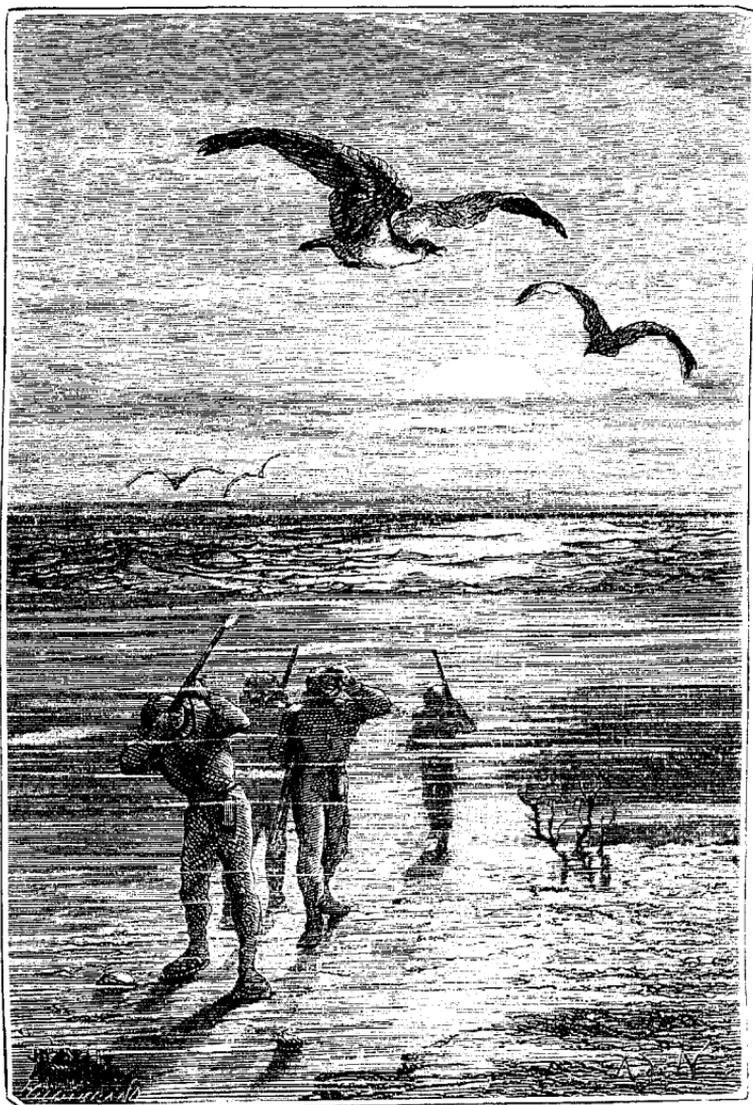
Я любовался этимъ интереснымъ млекопитающимъ; у него круглая голова, короткія уши, круглые глаза, бѣлые усы, похожіе на кошачьи, лапы снабжены перепонкою и когтями, хвостъ пушистый. Это дорогое плотоядное, жадно-преслѣдуемое охотниками, сдѣлалось теперь почти рѣдкостью и сохраняется еще въ сѣверной части Тихаго океана, гдѣ тоже вѣроятно скоро переведется.

Товарищъ капитана взялъ на плечи животное и мы продолжали путь.

Въ продолженіи часа мы шли по песочной равнинѣ; она часто возвышалась до двухъ метровъ подъ поверхностью воды. Тогда я видѣлъ, какъ нашъ образъ ясно отражался въ обратномъ положеніи и надъ нами показывалась такая же группа, представляя наши жесты и движенія, только головою внизъ, а ногами вверхъ.

Меня тоже очень занимало, что это за густыя облака, которыя быстро образовывались и исчезали; но подумавъ, я понялъ, что это просто происходитъ отъ измѣнчиваго объема длинныхъ подводныхъ волнъ и даже примѣтилъ пѣнящіеся „бѣляки“, которые разбивали свои гребни и разливались по водѣ. Даже тѣни пролетающихъ надъ моремъ птицъ, близко касавшихся поверхности, и тѣ ясно и отчетливо были видны.

Тутъ я былъ свидѣтелемъ замѣчательнѣйшаго выстрѣла. Большая ширококрылая птица приближалась, описывая круги, въ поверхности, и мы очень явственно различали ея очертанія. Товарищъ капитана Немо прицѣлился и выстрѣлилъ, когда она находилась всего въ нѣсколькихъ метрахъ надъ поверхностью. Птица упала, какъ пораженная молніей.

Товариць капитана прицѣплялся.

Это былъ великолѣпный альбатросъ, превосходнѣйшій образецъ морскихъ птицъ.

Послѣ этого мы снова отправились дальше и въ продолженіи цѣлыхъ двухъ часовъ шли то по песочной равнинѣ, то по лугамъ водорослей; дорога была очень трудная.

Откровенно говоря, я изнемогалъ, когда вдругъ примѣтилъ слабую волну свѣта, которая перерѣзывала темноту воды на полмили. Это былъ маякъ „Наутилуса“.

— Еще минутъ двадцать, подумалъ я, и мы будемъ на борту судна! И тамъ я свободно вздохну!

Мнѣ начинало уже казаться, что мой резервуаръ даетъ очень мало кислорода.

— Скоро! скоро! думалъ я. Не много еще потерпи, Пьеръ Аронаксъ!

Но я не считывалъ на встрѣчу, которая нѣсколько замедлила наше возвращеніе.

Я отсталъ шаговъ на двадцать и вдругъ вижу: капитанъ быстро возвращается, почти бѣжитъ ко мнѣ, схватываетъ меня своею мощною рукою и наклоняетъ меня, а товарищъ его поступаетъ точно также съ Консейлемъ.

Я не зналъ, что подумать объ этомъ нечаянномъ нападеніи, но успокоился, видя что самъ капитанъ летъ около меня и лежалъ неподвижно.

И такъ меня растянули на землѣ въ тѣни водорослей, но я приподнял легонько голову и вдругъ вижу: какая-то громадная масса съ шумомъ проносится, и бросаетъ лучи фосфорическаго свѣта.

Кровь застыла въ моихъ жилахъ: это была пара страшныхъ акулъ-людоедовъ; хвосты у нихъ громадные, глаза тусклые, стеклообразные и фосфорическое вещество исходитъ у нихъ чрезъ отверстіе вокругъ морды. Это чудовищныя огненные мухи, которыя цѣликомъ мелютъ человѣка своими желѣзными челюстями.

Не знаю, занимался ли Консейль ихъ классификаціею, а я разглядывалъ такъ ихъ серебристое брюхо, огромную пасть усѣянную острыми зубами, — впрочемъ разглядывалъ не съ научной точки зрѣнія, не какъ натуралистъ, а какъ обреченная жертва. Счастье еще, что эти обжоры худо видятъ. Онѣ пронесли, даже слегка коснулись насъ своими коричневатыми плавниками, но не примѣтили; мы избѣгли опасности. А опасность эта была поважнѣе встрѣчи съ тигромъ въ лѣсу.

Полчаса спустя, путеводимые электричествомъ, мы достигли „Наутилуса“. Наружная дверь была отворена и капитанъ заперъ ее, какъ только мы вошли въ первую комнату; потомъ придавилъ пуговку, насосы внутри судна начали дѣйствовать, вода стала понижаться и чрезъ нѣсколько секундъ комната была совершенно опорожнена. Тогда открылась внутренняя дверь и мы прямо вошли въ уборную.

Тамъ мы сняли пробковыя платья, — и сняли ихъ не безъ труда. Усталый, шатаясь отъ изнеможенія, я добрался до своей комнаты.

— Что это? думалъ я: во снѣ все это было, или на яву?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ЧЕТЫРЕ ТЫСЯЧИ МИЛЬ ПОДЪ ВОДАМИ ТИХАГО ОКЕАНА.

На слѣдующее утро, 18-го ноября, я совершенно оправился отъ усталости и вышелъ на платформу въ то самое время, когда помощникъ капитана произносилъ свою ежедневную фразу. Тутъ мнѣ пришло на умъ, что фраза эта относится къ состоявію моря, или означаетъ: „Ничего нѣтъ въ виду“.

И дѣйствительно, океанъ представлялъ безбрежную водную пустыню: ни паруса на горизонтѣ; вершины острова Креспой счезли за ночь. Море, поглощая призматическіе цвѣта, отражало голубые лучи во всѣхъ направленіяхъ и принимало превосходный цвѣтъ индиго. Широкія полосы правильно обрисовывались на струистыхъ волнахъ.

Я любовался величественнымъ видомъ океана, когда показался капитанъ Немо.

Онъ, словно не примѣтилъ меня и принялся за астрономическія наблюденія.

Окончивъ ихъ, онъ облокотился на кѣтку фонаря и глаза его задумчиво устремились на поверхность Океана.

Тѣмъ временемъ двадцать матросовъ „Наутилуса“, все люди сильные и хорошо сложенные, вышли на платформу. Они пришли вытаскивать сѣти, которыя были заброшены на ночь. Видно было, что эти моряки принадлежали къ различнымъ націямъ, хотя у всѣхъ былъ Европейскій типъ.

Я безъ труда узналъ Ирландцевъ, Французовъ, нѣсколько Славянъ и одного Грека или Кандіота.

Они были скуны на слова; а если и обращались изрѣдка другъ къ

другу, то, все на помянутомъ странномъ нарѣчїи, котораго я не могъ понять.

— Ну, съ этими не разболтаешься! думаль я.

Сѣти втащили на судно. Это былъ родъ нормандскаго невода, — огромные мѣшки, которые пловучая раина и цѣпи, продѣтая въ петли, держать полу-открытымъ. Мѣшки эти тащатся по дну Океана и захватываютъ все, что попадется.

Въ это утро поймали любопытные образчики рыбъ: тутъ были лягвы, ¹⁾ которыхъ за смѣшныя движенія прозвали паяцами, спинороги ²⁾, опоясанные красною повязкою, четырехзубцы ³⁾, ядь которыхъ чрезвычайно тонокъ, оливковыя миноги, ⁴⁾ иглицы, ⁵⁾ покрытыя серебристою чешуею, шпаганъ нитехвостный, ⁶⁾ котораго электрическая сила равна силѣ гимнота и гнуса, спиноперки чешуйчатая ⁷⁾ съ поперечными коричневыми полосками зеленоватая треска, ⁸⁾ различные роды колбней, ⁹⁾ и проч.; наконецъ нѣсколько большихъ рыбъ — попался одинъ каранксъ или толстоголовка ¹⁰⁾ съ выпуклой головой, длиною въ цѣлый метръ, нѣсколько отличныхъ макрелей, испещренныхъ голубыми и серебристыми пятнами, и три великолѣпныхъ тунца, ¹¹⁾ которыхъ вся ихъ юркость не могла спасти отъ невода.

Я полагаю, что на этотъ разъ сѣти принесли не менѣе тысячи фунтовъ рыбы. Ловля великолѣпная, слова нѣтъ, — но не удивительная. Сѣти закидываютъ на нѣсколько часовъ и онѣ захватываютъ въ свою нитяную темницу весь водяной мїръ.

— Ну, подумаль я: у насъ недостатка въ провизїи не будутъ, это можно сказать навѣрное!

Эти различныя морскія произведенія были спущены въ баталерьяюты; одна часть ловли была назначена для запасовъ а другая къ столу.

1) Лягва (*lorpius*) рыба изъ семейства рукоперыхъ.

2) Спинорогъ (*balistes*) рыба.

3) Чешезубецъ (*telrodon*) рыба узкоротая изъ семейства скалозубовъ.

4) Минога морская (*petromyson marinus*) рыба.

5) Иглица (*Sygnati*) порода рыбъ изъ разряда нитоякаберныхъ.

6) Шпаганъ нитехвостый (*trichiurus lepturus*) рыба изъ семейства ленточныхъ.

7) Спиноперка (*notopterus*) рыба изъ семейства сельдевидныхъ.

8) Треска (*gadus*) рыба.

9) Колбень (*gobius*) рыба.

10) Каранксъ (*karax*) рыба изъ семейства макрелевыхъ.

11) Тунецъ (*scombre thynnus*) рыба изъ семейства макрелевыхъ.

Ловля была окончена, запасъ воздуха возобновленъ, я думалъ, что „Наутилусъ“ станетъ погружаться и хотѣлъ идти въ свою комнату; вдругъ капитанъ повернулся ко мнѣ и сказалъ безъ всякихъ предисловій:

— Посмотрите на этотъ океанъ г. профессоръ: развѣ въ немъ нѣтъ жизни? Развѣ не выказываетъ онъ своего гнѣва и своей нѣжности? Вчера онъ спалъ какъ и мы, — теперь просыпается послѣ тихой ночи!

Ни здравствуйте, ни доброго вечера!

Можно было подумать, что капитанъ продолжаетъ со мною начатый разговоръ!

— Посмотрите, продолжалъ онъ: онъ просыпается отъ привѣта солнечныхъ лучей! Онъ оживляется, начинаетъ жить дневной жизнью! Какъ любопытно слѣдить за нимъ! Онъ имѣетъ организмъ, — у него пульсъ, артеріи, спазмы! Я согласенъ съ ученымъ Мори, который нашелъ, что у океана точно такое же кровообращеніе, какъ у животныхъ.

Конечно капитанъ не ожидалъ отъ меня никакого отвѣта, а поддакивать ему, повторять „точно“ или „навѣрно“, или же „вы правы“ я считалъ излишнимъ. Онъ скорѣе говорилъ самъ для себя и послѣ каждой фразы на долго умолкалъ. Это было размышленіе въ слухъ.

— Да! продолжалъ онъ, океанъ имѣетъ настоящее кровообращеніе, и для возбужденія его достаточно теплорода, соли и микроскопическихъ животныхъ. Теплородъ создаетъ плотность, которая образуетъ теченія и противотеченія. Испаренія, ничтожныя для сѣвера, очень важны для экваторіальныхъ поясовъ, устанавливая постоянный обмѣнъ тропическихъ и полярныхъ водъ. Я подсмотрѣлъ кромѣ того теченія съ верху въ низъ и съ низу вверхъ, которыя составляютъ настоящее дыханіе океана.

Я видѣлъ какъ частица морской воды, согрѣтая на поверхности, сходила на глубину и достигала высшей плотности 2° ниже нуля, потомъ, охлаждалась, дѣлалась легче и снова всплывало вверхъ. Вы увидите у полюса послѣдствія этого явленія и поймете тогда по этому закону предусмотрительной природы, отчего замерзаніе происходитъ только на поверхности воды.

Пока капитанъ оканчивалъ свою фразу, я думалъ:

— Полюсъ! Развѣ этотъ сорви-голова хочетъ насъ вести туда?

Капитанъ умолкъ и нѣсколько времени любовался этой стихіей, которую онъ непрерывно изучалъ. Потомъ онъ снова продолжалъ:

— Въ морѣ находится значительное количество соли, г. профессоръ; если бы вы могли извлечь ее всю, то у васъ образовалась бы масса въ четыре съ половиною миліона кубическихъ миль, которая, разостлавшись по земному шару, составила бы слой болѣе чѣмъ въ десять метровъ толщины! Не думайте, чтобы присутствіе солей было прихотью природы. Нѣтъ, онѣ дѣлаютъ морскую воду менѣе испаряемой и препятствуютъ вѣтрамъ уносить большое количество паровъ, которые, превращаясь въ воду, затопляли бы умѣренные пояса. Вотъ какое важное значеніе имѣетъ соль!

Капитанъ опять умолкъ, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, подошедъ ко мнѣ, снова продолжалъ:

— Что же касается до инфузорій, до миллиардовъ микроскопическихъ животныхъ, въ каплѣ воды, — въ одномъ миллиграммѣ ихъ восемьсотъ тысячъ, — значеніе этихъ инфузорій не менѣе важно! Они поглощаютъ морскія соли и являются творцами известковыхъ материковъ, созидаютъ кораллы и мадрепоры. Капли воды, лишенная своего минеральнаго содержанія, облегчается, поднимается на поверхность, поглощаетъ выкинутую испареніемъ соль, дѣлается тяжелѣе, опускается и приноситъ микроскопическимъ животнымъ новые элементы для поглощенія. Отсюда происходятъ двойныя теченія — восходящее и нисходящее, и постоянное движеніе, постоянная жизнь! Жизнь болѣе сильная, болѣе плодотворная, чѣмъ на материкѣ, процвѣтаетъ во всѣхъ частяхъ океана. Стихія смерти для человѣка, какъ кто-то сказалъ, но стихія жизни для имрїадъ животныхъ, — и для меня!

Когда капитанъ говорилъ такимъ образомъ, онъ совершенно преобразался и производилъ на меня необыкновенное впечатлѣніе:

— Здѣсь, прибавилъ онъ, здѣсь только настоящая жизнь! И я допускаю возможность основанія морскихъ городовъ, подводныхъ домовъ, которые какъ „Наутилусъ“ будутъ выплывать, дышать каждый день на поверхность моря, — городовъ свободныхъ! Но и на днѣ морскомъ, кто поручится, что какой нибудь деспотъ не....

Капитанъ Немо окончилъ свою фразу быстрымъ движеніемъ. Потомъ, чтобъ прогнать мрачную мысль, онъ спросилъ меня: руки.

— Г. Аронаксъ, знаете вы, какова глубина океана?

— Я знаю, капитанъ, то, что показали наши главные измѣренія.

— Можете вы мнѣ ихъ поименовать, чтобъ я въ случаѣ надобности могъ провѣрить?

— Вотъ нѣкоторыя, отвѣчалъ я: въ сѣверномъ Атлантическомъ океанѣ нашли среднюю глубину въ восемь тысячъ двѣсти метровъ, а въ Средиземномъ въ двѣ тысячи пятьсотъ метровъ. Наибольше замѣчательныя глубины были найдены въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ около 35° , — онѣ были въ двѣнадцать тысячъ метровъ, въ четырнадцать тысячъ восемьдесятъ одинъ метръ и въ пятнадцать тысячъ сто сорокъ девять метровъ. Въ итогѣ полагаютъ, что будъ дно моря уравнено, его средняя глубина, была бы около семи километровъ.

— Хорошо, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ: я надѣюсь, что мы вамъ докажемъ это вѣриѣ. Что же касается до средней глубины этой части Тихаго океана, такъ я вамъ открою, что она только въ четыре тысячи метровъ.

Сказавъ это, капитанъ направился къ филенкѣ и исчезъ. Я послѣдовалъ за нимъ по лѣстницѣ и догналъ его въ большой залѣ. Винтъ тотчасъ же пришелъ въ движеніе и лагъ показалъ скорость двадцати миль въ часъ.

Проходили дни, недѣли; капитанъ рѣдко посѣщалъ насъ и я видѣлся съ нимъ послѣ долгихъ промежутковъ. Его лейтенантъ акуратно отмѣчалъ положеніе судна и я могъ вѣрно слѣдить за путемъ „Наутилуса“.

Консейль и Недъ Лендъ проводили со мною цѣлыя часы.

Консейль рассказывалъ своему пріятелю Неду про чудеса нашей подводной прогулки и канадецъ очень сожалѣлъ, что не отправился съ нами, но я его обнадеживалъ:

— Не горюйте, Недъ, уговаривалъ я: не горюйте! Пойдемъ еще и въ другой разъ, и тогда вы наверстаете потерянное!

Почти всякій день на нѣсколько часовъ открывались филенки залы и глаза наши могли созерцать тайны подводнаго міра.

Главное направленіе „Наутилуса“ было къ юго-востоку, и онъ держался на глубинѣ между ста и ста пятидесятью метрами.

Одинъ разъ, не знаю по какому случаю, онъ достигъ слоевъ, лежащихъ на глубинѣ двухъ тысячъ метровъ. Стоградусный термометръ показывалъ температуру въ 4,25, температуру, которая подъ этой глубиной одинакова на всѣхъ широтахъ.

26 ноября, въ три часа утра, „Наутилусъ“ прошелъ тропикъ Рака на 172° долготы. 27 онъ прошелъ въ виду Сандвичевыхъ острововъ, гдѣ 14 февраля 1779 года умеръ знаменитый Кузь.

Мы, значитъ, сдѣлали четыре тысячи восемь сотъ шестьдесятъ миль.

Утромъ, когда я былъ на платформѣ, я примѣтилъ въ двухъ миляхъ подъ вѣтромъ — Гавай, одинъ изъ семи замѣчательнѣйшихъ острововъ архипелага.

Я ясно различалъ его обработанныя окраины, различныя цѣпи горъ, идущія параллельно къ берегу и вулканы, надъ которыми возвышается Муна-Реза, поднимающаяся на пять тысячъ метровъ надъ поверхностью моря.

Между прочими образчиками сѣти захватили нѣсколько образчиковъ павлинохвостаго морскаго мха, полипника чрезвычайно граціозной формы, который преимущественно водится въ этой части океана.

„Наутилусъ“ держался къ юго-востоку. Онъ перерѣзалъ экваторъ 1 декабря подъ 142° долготы и 4 числа того же мѣсяца, послѣ скорого перехода, который не ознаменовался никакимъ приключеніемъ, мы завидѣли группу Маркизскихъ острововъ. Я примѣтилъ за три мили, — на 8° 57' южной широты и 139° 52' западной долготы, — главную вершину Мартень, въ группѣ Нука-Хива, принадлежащую Франціи. Я только могъ различить обрисъ лѣсистыхъ горъ на горизонтѣ, потому что капитанъ Немо не любилъ близко подходить къ землѣ.

Тутъ закинутыя сѣти вытащили отличныя образчики безподобныхъ рыбъ съ лазуревыми плавниками и золотымъ хвостомъ; радужныхъ губановъ, почти безъ чешуи, превосходныхъ на вкусъ; клювышей или зеленобрюшекъ съ костлявыми челюстями, и разныя другія прелести.

Отъѣхавъ отъ этихъ прелестныхъ острововъ, находящихся подъ покровительствомъ Франціи, „Наутилусъ“ съ 4 по 11 декабря прошелъ около двухъ тысячъ миль. Это плаваніе было замѣчательно по встрѣчѣ съ кальмарами или чернильницами,

интереснымъ моллюскомъ, очень схожимъ съ каракатицею. Онъ извѣстенъ у французскихъ рыболововъ подъ именемъ „рожка“ и принадлежать къ классу главоногихъ, къ семейству каракатицъ и вѣтрильниковъ. Этихъ животныхъ тщательно изучали древніе натуралисты, они служили пособіемъ для многочисленныхъ метафоръ агорскихъ ораторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли отличное блюдо богатымъ гражданамъ, если вѣрить Афиную, греческому доктору, который жилъ прежде Галена.

Въ ночь съ 9 на 10 декабря „Наутилусъ“ встрѣтилъ огромное полчище ночныхъ моллюсковъ. Ихъ можно было насчитать цѣлые миллионы; они переселялись изъ умѣреннаго въ теплый поясъ, слѣдуя по маршруту сельдей и сардинокъ.

Мы смотрѣли черезъ толстыя кристалльныя стекла, какъ они плыли задомъ посредствомъ своихъ двигательныхъ трубокъ, какъ преслѣдовали съ необычайною скоростью мелкихъ рыбокъ и моллюсковъ, пожирали маленькихъ, были пожираемы большими и проворно двигали десятию головными ножками.

„Наутилусъ“ не смотря на быстроту своего хода плыль посреди этихъ животныхъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; сѣти захватили ихъ безчисленное множество; я узналъ девять родовъ, которые Орбиньи причисляетъ къ обитателямъ Тихаго океана.

Море щедро угощало насъ великолѣпными зрѣлищами; оно разнообразило ихъ до безконечности.

Днемъ, 11 декабря, я читалъ въ большой залѣ. Недѣ и Консейль наблюдали черезъ полуоткрытыя филленки свѣтящуюся воду. „Наутилусъ“ былъ не подвиженъ. Резервуары его были наполнены и онъ держался на глубинѣ тысячи метровъ, — часть океана малообитаемая и рѣдкопосѣщаемая большими рыбами.

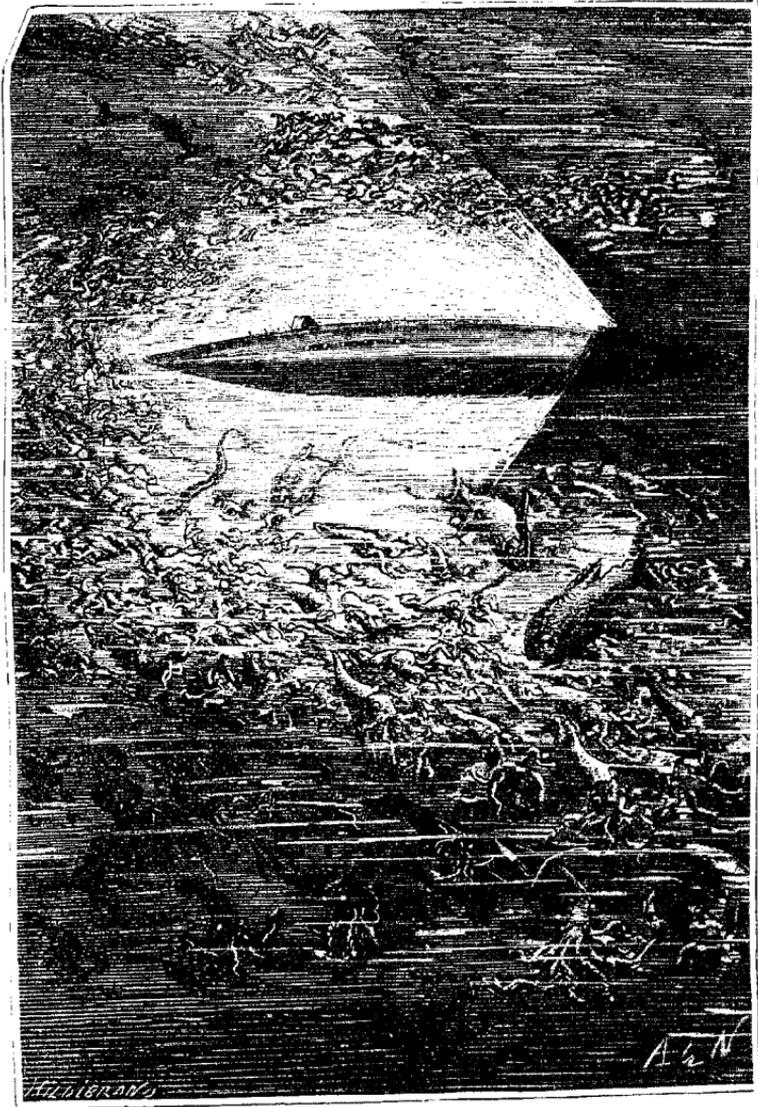
Я читалъ интересную книгу „Угодники желудка“ Жана Массе и наслаждался остроумнымъ рассказомъ, какъ вдругъ Консейль прервалъ мое занятіе.

— Прощу извиненія у ихъ чести! Пусть ихъ честь пожалуетъ сюда на минуту! сказалъ онъ страннымъ голосомъ.

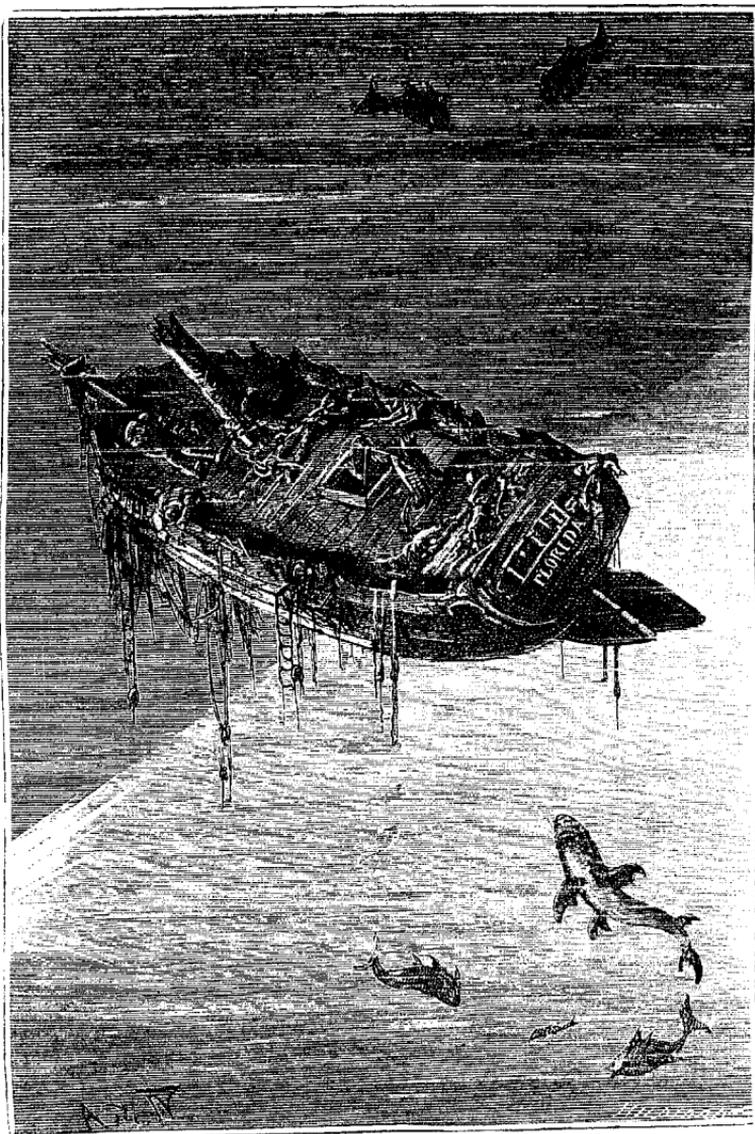
— Что тамъ такое Консейль? .

— Пусть ихъ честь изволить посмотреть!

Я подошелъ, облокотился и посмотрѣлъ въ стекло. При пол-

«Наутилусъ» встрѣтилъ полчище моллюсковъ.

Это разбитое судно!

номъ электрическомъ свѣтѣ, въ водѣ висѣла неподвижная черноватая огромная масса; я старался распознать къ какому роду принадлежитъ это гигантское животное, но вдругъ мнѣ пришло на мысль, что это судно.

— Судно! вскрикнулъ я.

— Да, отвѣчалъ Конадець, съ перебитымъ рангоутомъ!

Недѣ Лендъ не ошибся,—это точно было судно; перерѣзанные ванты висѣли еще на цѣпяхъ; корпусъ казалось, еще былъ хорошъ и надо полагать, что крушеніе произошло назадъ тому всего нѣсколько часовъ. Три обломка мачтъ, сбитыхъ на два фута выше палубы, показывали, что судно принуждено было пожертвовать своимъ рангоутомъ. Судно лежало на боку и было полно водою.

Печальное зрѣлище представлялъ этотъ обломокъ, теряющійся посреди волнъ, но еще печальнѣе былъ видъ его палубы, гдѣ лежало нѣсколько труповъ, привязанныхъ канатами! Я насчиталъ мужскихъ трупа четыре; одинъ еще стоялъ какъ живой у руля; женщина, на половину высунувшись изъ рѣшетки держала на рукахъ ребенка. Она была молодая, я могъ различить при яркомъ свѣтѣ „Наутилуса“ ея черты, которыхъ еще вода не испортила; она отчаянно поднимала вверхъ своего ребенка,— а бѣдный крошка цѣплялся рученками за материнскую шею. Четыре моряка были ужасны: они замерли въ конвульсіяхъ, употребляя послѣднія усилія, чтобъ разорвать веревки, которыми были привязаны къ судну. Одинъ рулевой съ яснымъ и благороднымъ лицомъ, съ сѣдыми, прилипшими ко лбу волосами и съ рукою протянутою по направленію къ рулю,—остался спокоенъ: казалось онъ еще правилъ своимъ трехмачтовымъ судномъ въ глубинѣ океана.

Какое зрѣлище! Мы долго глядѣли, не говоря ни слова, на это кораблекрушеніе, которое казалось фотографическимъ снимкомъ послѣдней минуты, — только сердце у насъ шибко билось.

Я уже видѣлъ приближающихся акулъ съ огненными глазами: онѣ почуяли запахъ человѣческаго мяса.

Когда „Наутилусъ“ обходилъ потопленное судно, я могъ прочесть надпись: „Флорида“ Сендерлендъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ВАНИКОРО.

Это ужасное зрѣлище вѣроятно не было рѣдкостью для подводныхъ мореплавателей. Какъ только „Наутилусъ“ вступилъ въ воды чаще посѣщаемыхъ морей, мы то и дѣло начали встрѣчать гниющіе потопленные корабельные корпуса, а на самомъ днѣ попадались пушки, ядра, якоря, цѣпи и тысячи тому подобныхъ желѣзныхъ предметовъ, которые пожирала ржавчина.

Мы, между тѣмъ, все плыли дальше и 11 декабря увидѣли архипелагъ Помоту, Бугенвилевскую „опасную группу“ которая тянется на пространствѣ пяти сотъ миль съ востока-юго-востока на западъ-сѣверо-западъ между $13^{\circ} 30'$ и $25^{\circ} 50'$ южной широты и $125^{\circ} 30'$ и $151^{\circ} 30'$ западной долготы отъ острова Дюси до Лазарева острова.

Этотъ архипелагъ простирается на триста семьдесятъ квадратныхъ миль и состоитъ изъ шестидесяти группъ острововъ, между которыми самая замѣчательная группа Гамбье находящаяся подъ покровительствомъ Франціи. Это кораловые острова. Они медленно, постоянно приподнимаются, благодаря работѣ полиповъ и вѣроятно современемъ соединятся всѣ вмѣстѣ. Затѣмъ образовавъ одинъ островъ, они сплотятся съ сосѣднимъ архипелагомъ и изъ нихъ образуется пятый континентъ, отъ Новой Зеландіи и Новой Каледоніи, до группы Маркизскихъ острововъ.

Когда я разъяснилъ эту теорію капитану Немо, онъ холодно меня прервалъ:

— Нужны новые люди, а не новые континенты! сказалъ онъ.

Слѣдуя своему пути, „Наутилусъ“ прошелъ мимо острова Клермонъ-Тоннерръ; это самый любопытный островъ изъ всей группы; онъ былъ открытъ капитаномъ „Минервы“ Беллемъ въ 1822 году. Тутъ я могъ изучить мадрепорическую систему, изъ которой состоятъ всѣ острова этого океана.

У мадрепоръ, (которыхъ не надо смѣшивать съ коралами),

ткань покрыта известью и ихъ устройство заставило знаменитаго моего учителя Мильна-Эдвардса, причислить ихъ къ пятому отдѣлу. Эти маленькія микроскопическія животныя миллиардами живутъ въ своихъ келейкахъ; изъ ихъ-то известковыхъ жилищъ образуются скалы, рифы, островки и острова. Здѣсь они образуютъ кольцо около лагуны или маленькаго внутренняго озера, которое посредствомъ брешей соединяется съ моремъ; тамъ они представляютъ цѣпь подводныхъ рифовъ, — подобныхъ тѣмъ, какіе находятся у береговъ Новой Каледоніи и около различныхъ острововъ Помоту; въ другихъ же мѣстахъ, какъ на примѣръ у острововъ Сборища и у острова Мориса — они поднимаются зубчатыми рифами, высокими, отвѣсными стѣнами, и глубина около нихъ бываетъ довольно значительная. Минувя берега острова Клермонъ-Тоннерра, я восхищался гигантской работой, произведенной этими микроскопическими работниками.

Эти стѣнообразныя скалы было дѣломъ мадрепоровъ, извѣстныхъ подъ именемъ миллепоръ, порить, астрей и меандоръ. Полипы эти развиваются преимущественно въ волнующіеся слояхъ моря, ближе къ поверхности и значить, начинаютъ свои постройки не снизу, а сверху; потомъ, по мѣрѣ накопленія постройки это опускается ко дну.

Такъ по крайней мѣрѣ должно быть по теоріи Дарвина, который объясняетъ подобнымъ образомъ образованіе Атольскихъ острововъ. И по моему теорія эта несравненно вѣроятнѣе той, которая холмы, горы и вулканы, выходящія на нѣсколько футовъ надъ поверхностью моря принимаетъ за работу мадрепоровъ.

*Я очень близко могъ наблюдать эти любопытныя стѣны; онѣ такъ отвѣсны, что зонды показывали болѣе трехъ сотъ метровъ глубины и при нашихъ электрическихъ фонаряхъ блестящая известь сверкала какъ алмазь.

— Съ позволенія ихъ чести, сказалъ Консейль, во сколько времени образовались эти стѣны?

— Ученые полагаютъ, отвѣчала, что въ столѣтіе прибавляется по одной осьмой дюйма.

Консейль удивился.

— Значить, съ позволенія ихъ чести, чтобы воздвигнуть эти стѣны надо было?...

— Сто девяносто двѣ тысячи лѣтъ, мой любезный Консейль, что превышаетъ обыкновенное библейское счисленіе.

Образованіе каменнаго угля, т. е. минерализація лѣсовъ, поглощенныхъ наводненіями требовало гораздо болѣе времени. Но я прибавлю, что библейское время ничто иное какъ эпоха, а вовсе не промежутокъ, который прошелъ между двумя восхожденіями солнца, ибо по самой библии и солнце считается не отъ перваго дня творенія.

Когда „Наутилусъ“ всплылъ на поверхность океана, я могъ видѣть низменный и лѣсистый островъ Клермонъ-Тоннерръ. Его мадрепорическія скалы очевидно оплодотворялись посредствомъ урагановъ и бурь. Когда нибудь какія нибудь зерна, занесенное бурей съ сосѣднихъ земель, упали на известковые слои, смѣшались съ разложившимся прахомъ рыбъ и морскихъ растений и составили растительный черноземъ. Кокосовый орѣхъ прибитый волнами, очутился на этомъ новомъ берегу; зародышъ пустилъ корни; дерево росло и останавливало испаренія воды; образовался ручей; растительность мало по малу распространялась нѣсколько микроскопическихъ животныхъ, червей, насѣкомыхъ приплыли на оторванныхъ вѣтромъ и унесенныхъ съ какого нибудь острова стволахъ; черепахи начали здѣсь класть яйца; птицы свили гнѣзда въ молодыхъ деревьяхъ. Такимъ образомъ образовалась животная жизнь и, привлеченный зеленью и плодородіемъ, явился человѣкъ.

Такъ микроскопическія животныя образуютъ огромныя острова!

Къ вечеру Клермонъ-Тоннерръ потерялся изъ виду и путь „Наутилуса“ значительно измѣнился. Проѣхавъ троичкъ Козерога на 135° широты, онъ направился къ западу — сѣверо-западу проходя всѣ пояса, лежащіе между троичками. Хотя лѣтніе лучи солнца были очень жгучи, но мы не чувствовали сильнаго жара, потому что на тридцать или сорокъ метровъ подъ водою температура не превышала 10 и 12°.

15 декабря мы оставили на востокъ прелестный архипелагъ Товарищества и хорошенькій Таити. Утромъ я увидалъ въ нѣсколькихъ миляхъ подъ вѣтромъ вершины этого острова. Воды у его береговъ изобиловали превосходною рыбою, макрелями, бо-нитами и разнообразными морскихъ змѣй.

„Наутилусъ“ прошелъ восемь тысячъ сто миль; девять тысячъ

семьсот двадцать миль показывалъ лагъ, когда проходили между архипелагомъ Тонга-Табу, гдѣ погибли экипажи „Argo“, „Port-au-Prince“, и „Duke-of-Portland“, — и архипелагомъ Мореплавателей, гдѣ былъ убитъ капитанъ Лангъ, другъ Ла-Перуза. Потомъ мы увидѣли архипелагъ Вити, гдѣ дикари перерѣзали матросовъ корабля „Union“ и капитана Бюро изъ Нанта, командовавшаго кораблетъ „Aimable-Joséphine“. Этотъ архипелагъ простирался съ сѣвера на югъ на сто миль, съ востока на западъ на девяносто и находился между 6° и 20° южной широты и 174° и 179° западной долготы. Онъ состоялъ изъ извѣтнаго числа острововъ, островковъ и рифовъ, между которыми замѣчательны острова Вити-Леву, Вануа-Леву и Кандюбонъ.

Тасманъ открылъ эту группу въ 1643 г.; въ этотъ же годъ Торичелли изобрѣлъ барометръ и Людовикъ XIV взошелъ на престоль.

Я предоставляю каждому судить: которое изъ этихъ событій полезнѣе для человѣчества?

Впослѣдствіи явились: Кукъ въ 1714 г., д'Антрекасто въ 1793 и наконецъ въ 1827 г. Дюмонъ-Дюрвиль разобралъ географическій хаосъ этого архипелага.

„Наутилусъ“ приблизился къ бухтѣ Вайлеи, къ мѣсту ужасныхъ приключеній капитана Диллона, того самаго, который первый разъяснилъ тайну крушенія Ла-Перуза.

Эта бухта, неоднократно очищаемая, изобилуетъ превосходными устрицами. Мы поѣдали ихъ безъ счета, откупоривая за столомъ по наставленію Сенеки. Эти моллюски принадлежатъ къ роду *ostrea la mellosa*, который очень обыкновененъ въ Корсикѣ.

Не будь безпрестанныхъ разрушеній, мель Вайлеа достигла бы конечно значительныхъ размѣровъ и, пожалуй, дѣло кончилось бы тѣмъ, что бухта была бы окончательно загромождена.

Если мистеру Неду Ленду на этотъ разъ не привелось каяться въ своемъ обжорствѣ, то единственно потому, что эти устрицы, сколько ихъ ни ѣшь, не разстраиваютъ желудка. Надо съѣсть не менѣе шестнадцати дюжинъ такихъ моллюсковъ, чтобы добыть триста пятнадцать грановъ азотистаго вещества, необходимаго для ежедневной пици одного человѣка.

25 декабря „Наутилусъ“ плылъ среди Ново-Гебридскаго архипелага, который открытъ Квирсомъ въ 1606 г., изслѣдо-

ванъ Бугенвилемъ въ 1768 г. и окрещенъ въ 1773 г. капитаномъ Кукомъ. Эта группа главнымъ образомъ состоитъ изъ девяти большихъ острововъ и составляетъ полосу въ сто двадцать миль съ сѣверо-сѣверо-запада на юго-юго-востокъ, находящуюся между 15 и 2° южной широты и между 164 и 168° долготы.

Мы прошли довольно близко около острова Ору; я смотрѣлъ на него въ полдень и онъ показался мнѣ массой зеленого лѣса, надъ которымъ возвышался острый утесъ.

Это было какъ разъ въ день Рождества Христова и Недѣль Лендъ пріунылъ.

— Вотъ каторга-то! говорилъ. Такой праздникъ, а мы гуляемъ въ стальномъ ящикѣ подъ водою!

Я не видѣлъ капитана въ продолженіи этой недѣли; 27 утромъ онъ вошелъ въ большую залу, и, по своему обычаю, раскланялся и заговорилъ такъ, словно только что пять минутъ тому назадъ васъ оставилъ.

Я разсматривалъ по картѣ путь „Наутилуса“; капитанъ подошелъ ко мнѣ, указалъ на картѣ точку и произнесъ одно только слово:

— Ваникоро.

Это имя подѣйствовало магически. Ваникоро—островки, о которыхъ разбились корабли Ла-Перуза.

Я быстро всталъ.

— „Наутилусъ“ идетъ къ Ваникоро? спросилъ я.

— Да, г. профессоръ, къ Ваникоро.

— А могу я посѣтить эти знаменитые острова, гдѣ разбились „Компасъ“ и „Астролябія“?

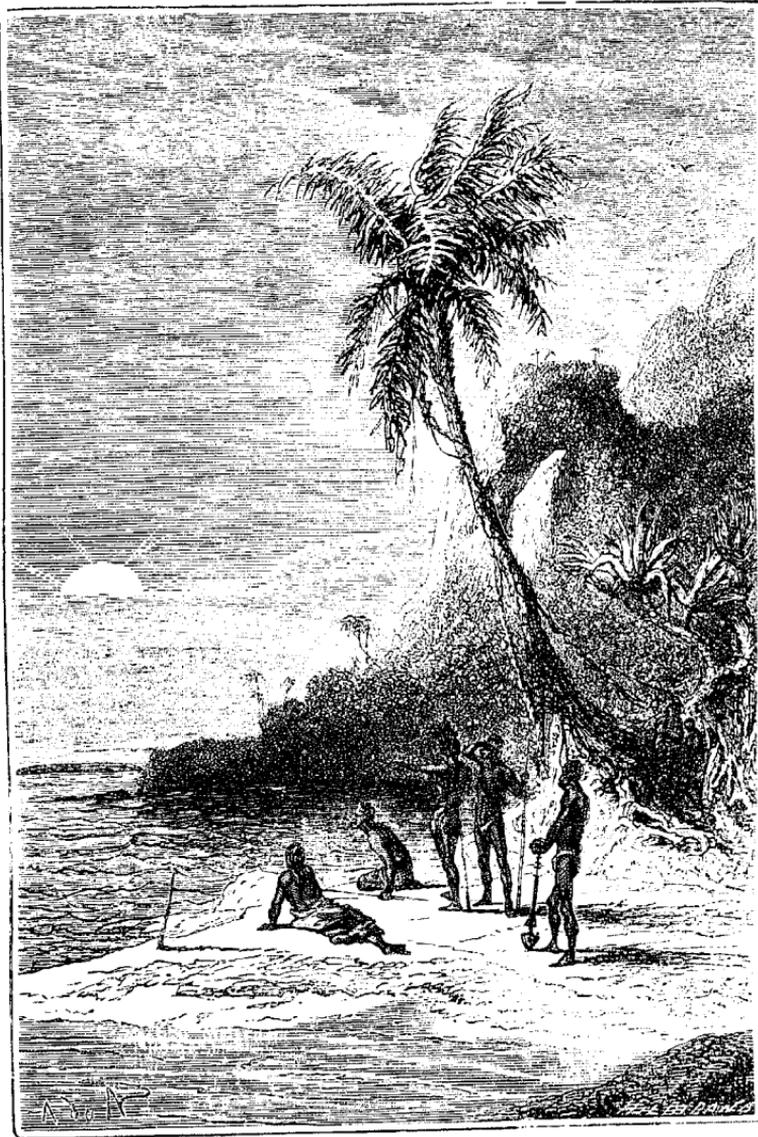
— Если вы этого желаете, г. профессоръ.

— Когда мы будемъ около Ваникоро?

— Мы уже около него, г. профессоръ. Пожалуйста.

Я пошелъ, или вѣрнѣе побѣжалъ, за капитаномъ на платформу и глаза мои жадно впились въ горизонтъ.

На сѣверо-востокѣ выдвигались изъ водъ два вулканическіе острова различной величины, окруженные коралловыми рифами, имѣющими сорокъ миль въ окружности. Это именно и былъ островъ Ваникоро, которому Дюмонъ-Дюрвиль далъ имя „острова Поисковъ“; мы находились какъ разъ передъ маленькою гаванью Вану, лежащею на 16° 4' южной широты и 164° 32' восточной долготы. Земля, казалось, была сплошь покрыта зеленью, отъ

Дикари вѣрно сочли «Наутилусъ» за китообразное.

берега до самыхъ вершинъ, надъ которыми возвышалась гора Капого вышиною въ сто шестьдесятъ шесть туазовъ.

„Наутилусъ“, переправясь за наружный поясъ скаль сквозь узкій проходъ, очутился въ средѣ буруновъ, гдѣ море имѣеть отъ тридцати до сорока сажень глубины. Подъ зеленою тѣвью корнецуста ¹⁾ я примѣтилъ нѣсколькихъ дикарей, которые, казалось, были несказанно изумлены нашимъ прибытіемъ. Они вѣрно сочли черноватую, едва выдающуюся изъ воды массу „Наутилуса“ за какое нибудь китообразное.

Капитанъ Немо спросилъ меня, что я знаю о крушеніи Ла-Перуза.

— Тоже, что и всѣ знаютъ, капитанъ, отвѣчалъ я.

— А можете вы мнѣ сказать, что всѣ знаютъ? спросилъ онъ нѣсколько иронически.

— Очень могу.

И я тотчасъ же началъ ему рассказывать.

— Вотъ что извѣстно намъ, капитанъ, — началъ я, — изъ донесеній Дюмонъ-Дюрвиля. Ла-Перузъ и его лейтенантъ, капитанъ Лангль, были посланы въ 1785 г. Людовикомъ XVI совершить кругосвѣтное плаваніе. Они отправились на корветахъ „Компасъ“ и „Астролябія“ и безъ слѣда пропали.

Въ 1791 году французское правительство, безпокоясь о судьбѣ этихъ двухъ корветовъ, вооружило два корабля: „Поискъ“ и „Надежду“, которые отплыли изъ Бреста 28 сентября подъ командою Брюни д'Антрекасто. Спустя два мѣсяца, узнали по свидѣтельству Боуэна, командовавшаго судномъ „Альбермаль“, что около Новой Георгіи, видѣли обломки разбитыхъ судовъ. Но д'Антрекасто не смотря на это извѣстіе, довольно сомнительное, отправился прежде къ островамъ Адмиралтейства, означеннымъ въ донесеніи капитана Хентера, какъ мѣсто крушенія Ла-Перуза. Его поиски были напрасны. „Надежда“ и „Поискъ“ прошли мимо Ваникоро не останавливаясь и результатъ этого путешествія былъ весьма печаленъ: оно стоило жизни д'Антрекасту, двумъ его лейтенантамъ и многимъ изъ экипажа.

Первый, кто открылъ настоящіе слѣды крушенія, былъ старый опытный морякъ Тихаго Океана, капитанъ Диллонъ. 15

1) Корнецустъ или древокорнь (rhizophora) тропическое дерево.

мая 1824 года его судно „Святой Патрикъ“ прошло около острова Тиконія, одного изъ Ново Гебридскихъ острововъ. Тамъ одинъ ласкаръ, подѣхавъ въ пирогъ, продалъ ему серебряный эфесъ отъ шпаги, на которомъ была какая-то надпись, сдѣланная рѣзцомъ, и разсказалъ между прочимъ, что шесть лѣтъ тому назадъ онъ видѣлъ на Ваникоро двухъ европейцевъ, выкинутыхъ на скалы острова.

Диллонъ догадался, что дѣло шло о корветахъ Ла-Перуза, исчезновеніе которыхъ взволновало цѣлый свѣтъ.

Онъ хотѣлъ добраться до Ваникоро, гдѣ, по словамъ ласкара, находились многочисленныя обломки судна, но вѣтеръ и теченіе помѣшали его намѣренію.

Диллонъ возвратился въ Калькуту; тамъ онъ заинтересовалъ своимъ разсказомъ „Азіатское общество“ и „Индійскую Компанію“. Судно „Поискъ“ было отдано въ его распоряженіе и онъ отправился 23 января 1827 года въ сообществѣ французскаго агента.

„Поискъ“, послѣ неоднократныхъ остановокъ на различныхъ пунктахъ Тихаго Океана, бросилъ якорь у Ваникоро 7 іюля 1827 года, въ той же самой гавани Вану, гдѣ теперь находился „Наутилусъ“.

Тутъ онъ собралъ множество остатковъ крушенія: желѣзные инструменты, якоря, блоковыя стропы, камнететныя мортиры, ядра, обломки астрономическихъ инструментовъ, куски гакабарта и бронзовый колоколь съ надписью: „Меня сдѣлалъ Базень“ — знакъ литейнаго Брестскаго арсенала около 1785 г.

Сопѣваться было невозможно.

Диллонъ, продолжая свои справки, остался на мѣстѣ кораблекрушенія до октября мѣсяца.

Покинувъ Ваникоро, онъ направился къ Новой Зеландіи, бросилъ якорь въ Калькутѣ 7 апрѣля 1828 г. и возвратился во Францію, гдѣ очень милостиво былъ принятъ Карломъ X.

Въ то же время Дюмонъ-Дюрвиль, не зная ничего о поискахъ Диллона, уѣхалъ тоже искать мѣсто крушенія и узналъ, по донесенію одного китолова, что въ рукахъ дикарей Лузіады и Новой Каледоніи находятся медали и крестъ св. Людовика.

Дюмонъ-Дюрвиль, командовавшій „Астролябіей“, вышелъ въ море спустя два мѣсяца послѣ того, какъ Диллонъ оставилъ

Ваникоро и бросилъ якорь у Гобартъ-Тоуна. Тамъ онъ узналъ о поѣздѣ Диллона и еще узналъ, что какой-то Джемсъ-Гоббсъ, лейтенантъ корабля „Union“ изъ Калькуты дошелъ до острова, лежащаго на $8^{\circ} 18'$ южной широты и $156^{\circ} 30'$ восточной долготы, — видѣлъ у туземцевъ желѣзные брусья и красныя матеріи.

Дюмонъ-Дюрвилъ, находясь въ сомнѣніи и не зная вѣрить ли этимъ донесеніямъ, рѣшился однако идти по слѣдамъ Диллона.

10 февраля 1828 г. „Астролябія“ пришла къ Тикопи; Диллонъ взялъ себѣ въ проводники и толмачи дезертира, поселившагося на этомъ островѣ, и направилъ путь къ Ваникоро, завидѣвъ его 12 февраля и, проплававъ вдоль рифовъ до 14, только 20 бросилъ якорь въ гавани Вану.

23 многіе изъ офицеровъ обошли кругомъ островъ и принесли нѣсколько обломковъ.

Туземцы притворились, что не понимаютъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ, и отказались вести на мѣсто кораблекрушенія.

Такое подозрительное поведеніе заставило думать, что они не очень благодушно обошлись съ потерпѣвшими крушеніе. Они, казалось, боялись Дюмонъ-Дюрвиля, думая, что онъ пришелъ метить за Ла-Перуза и его несчастныхъ товарищей.

Однако 26 числа, прельстившись подарками и понявъ, что имъ нечего бояться мщенія, они препроводили на мѣсто крушенія лейтенанта, г. Жакино.

Тамъ, подъ тремя или четырьмя сажнями воды, между рифами Паку и Вану, лежали якоря, пушки, слитки желѣза и платины, сплошь облитые известью. Шлюбка и китоловное судно съ „Астролябіи“ направлены были къ этому мѣсту и экипажъ не безъ труда вытащилъ якорь вѣсомъ въ тысячу восемьсотъ фунтовъ, пушку въ восемь метровъ, платиновый слитокъ и двѣ мѣдныя мортиры.

Распросивъ туземцевъ, Дюмонъ-Дюрвилъ узналъ, что Ла-Перузъ, потерявъ у рифовъ острова два судна, построилъ себѣ одно маленькое, чтобы погибнуть во второй разъ.... Гдѣ? Этого не знали.

Капитанъ „Астролябіи“ воздвигъ подъ тѣнью мангъ-дерева кенотафъ, т. е. пустую гробницу, въ память знаменитаго мореплавателя и его товарищей. Это была простая четырехугольная пирамида, поставленная на кораловомъ основаніи и въ которую

не вошло ни кусочка желѣза, на которое такъ пады туземцы.

Дюмонъ-Дюрвилъ думалъ тотчасъ же отплыть, но и экипажъ его былъ истощенъ лихорадкой, свойственной этимъ нездоровымъ мѣстностямъ, и самъ онъ заболѣлъ, такъ что съ якоря снялись только 17 марта.

Между тѣмъ французское правительство опасаясь, чтобы Дюмонъ-Дюрвилъ не пошелъ по слѣдамъ Диллона, послало къ Ваникоро корветъ „Байонезку“ подъ командою Легоарана-де-Тромлина который стоялъ у западнаго берега Америки.

„Байонезка“ бросила якорь у Ваникоро, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отплытія „Астролябіи“, но Троммельъ не нашелъ ничего новаго и только засвидѣтельствовалъ, что туземцы не тронули памятника Ла-Перузу.

Вотъ, капитанъ, все, что извѣстно.

— А того еще не знаютъ, спросилъ капитанъ, гдѣ погибло третье судно, построенное послѣ крушенія на островѣ Ваникоро?

— Не знаютъ.

Капитанъ знакомъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ большую залу. „Наутилусъ“ погрузился на нѣсколько метровъ подъ воду и филенки открылись.

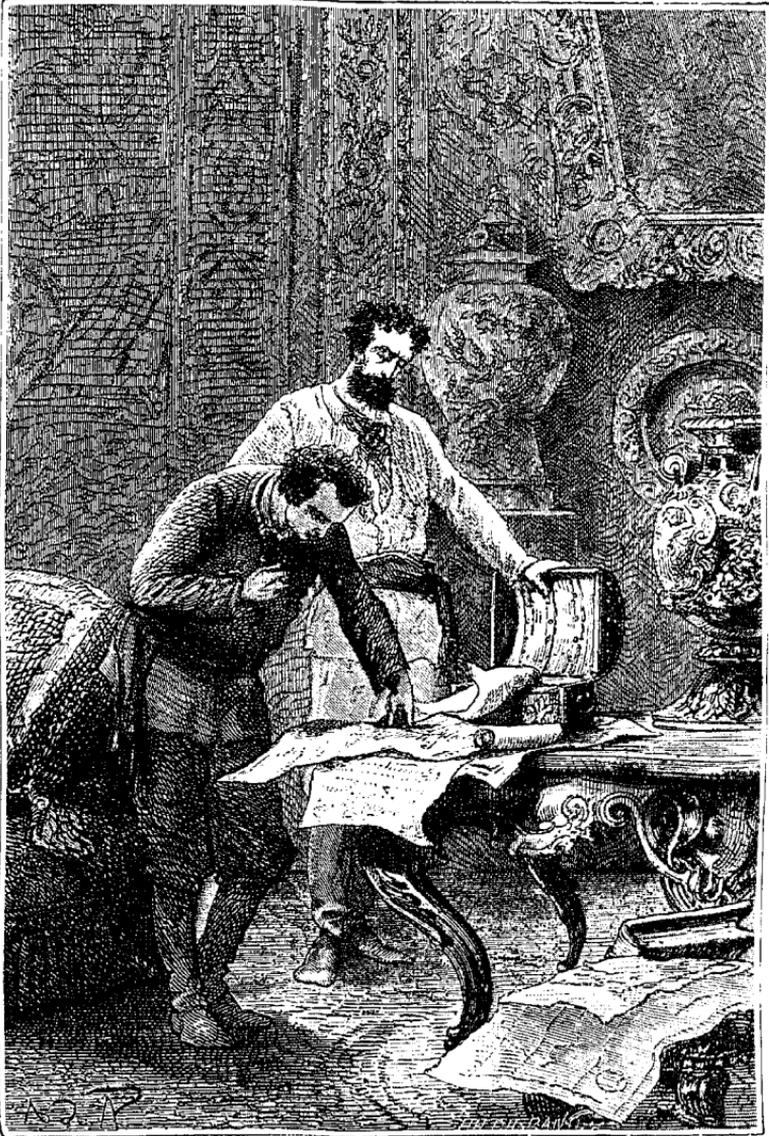
Я кинулся къ стекламъ и подъ липкими слоями кораловъ, подъ грибовиками ¹⁾ пробчачками ²⁾ и множествомъ другихъ полиповъ и мелкихъ красивыхъ рыбокъ, радужныхъ губановъ, шербинозубовъ, діаконовъ, ромшей, рассмотрѣлъ нѣсколько обломковъ, которыхъ не могли вытащить: желѣзные подпорки, якоря, пушки, ядра, форъ-штевень и много другихъ остатковъ, которые были теперь покрыты живыми цвѣтами.

Покуда я разсматривалъ эти вещи, капитанъ сказалъ мнѣ:

— Капитанъ Ла-Перузъ отплылъ 7 декабря 1785 г. на суднахъ „Компасъ“ и „Астролябія“; онъ бросилъ якорь у Ботани-Бея, посѣтилъ архипелагъ Товарищества, Новую Каледонію, направился къ Санта-Круца останавливался у Нанука, одного изъ острововъ группы Гадаа; потомъ суда его подошли къ неизвѣстнымъ рифамъ Ваникоро. „Компасъ“ шелъ впередъ, на южномъ берегу сбился съ пути и былъ выкинутъ на берегъ; „Астролябія“ подо-

¹⁾ Грибовикъ (fungia) полипникъ.

²⁾ Пробчакъ (alegonium) живогнорастеніе.

Капитанъ Немо открылъ ящикъ.

спѣла къ нему на помощь и тоже сѣла на мель. Первое судно тотчасъ же разбилось; второе сидѣло на мели подъ вѣтромъ и потому еще продержалось нѣсколько дней. Туземцы довольно хорошо приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Ла-Перузъ и его спутники пріютились на островѣ и изъ обломковъ двухъ большихъ судовъ построили одно маленькое. Нѣсколько матросовъ охотно остались на Ваникоро. Другіе, разслабленные и больные, поѣхали съ Ла-Перузомъ. Они направились къ островамъ Соломона и погибли на западномъ берегу острова главной группы, между мысами Обмана и Утѣхи.

— Почему вы это знаете, капитанъ? вскрикнулъ я.

— Вотъ что я нашелъ на самомъ мѣстѣ послѣдняго крушенія!

Капитанъ показалъ мнѣ ящикъ изъ бѣлой жести съ французскимъ гербомъ, весь разбѣденный соленой водою; онъ открылъ его и я увидѣлъ свертокъ пожелтѣвшей бумаги, которую еще можно было прочесть.

Это было предписаніе морскаго министерства капитану Ла-Перузу, отмѣченное на поляхъ рукою Людовика XVI.

— Знаете, г. профессоръ, это прекрасная смерть для моряка! сказалъ капитанъ Немо; этотъ коралловый памятникъ мнѣ завиднѣе. Я бы желалъ, чтобы судьба послала мнѣ и моимъ товарищамъ такую же смерть!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ПРОЛИВЪ ТОРРЕСЪ.

Въ ночь съ 27 по 28 декабря „Наутилусъ“ съ необычайною скоростію оставилъ Ваникоро. Онъ направился къ юго-западу и въ три дня сдѣлалъ семьсотъ пятьдесятъ миль, отдѣлявшихъ группу Ла-Перузовыхъ острововъ отъ юго-восточной оконечности Папуазіи.

1-го января 1868 года, рано утромъ, Консейль пришелъ ко мнѣ на платформу.

— Коли ихъ честь позволить, сказалъ онъ мнѣ, то я желаю ихъ чести счастливаго новаго года!

— Конечно, Консейль, отвѣчалъ я, конечно. Я принимаю твое пожеланье въ моемъ кабинетѣ точно также, какъ бы принялъ его при ботаническомъ садѣ въ Парижѣ, и благодарю за него. Только я спрошу, что ты подразумѣваешь подъ „счастливымъ годомъ“ при теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ? Желаетъ ты въ этомъ году конца нашему заключенію или благополучнаго продолженія подводнаго плаванія?

— Ей-ей, отвѣчалъ Консейль, не знаю, что и сказать ихъ чести. Мы видимъ любопытныя вещи, и вотъ въ цѣлыхъ два мѣсяца мы еще не имѣли времени скучать. Ихъ чести вѣрно известна поговорка: „последнее чудо всегда самое удивительное“; если и впередъ все будутъ такія же чудеса, такъ я ужъ и не знаю, чѣмъ все это кончится. Другаго такого случая не будетъ, смѣю завѣрить ихъ честь....

— Правда, Консейль, другаго такого не будетъ!

— И капитанъ Немо, съ позволенія ихъ чести, отлично оправдываетъ свое латинское имя: онъ ничуть не стѣсняетъ насъ, словно вправду не существуетъ.

— Это такъ, Консейль.

— Я полагаю, съ позволенія ихъ чести, что это будетъ счастливый годъ, когда мы будемъ все видѣть....

— Все видѣть, Консейль? Это можетъ далеко затянуться! А что думаетъ Недъ Лендъ?

— Недъ Лендъ думаетъ совсѣмъ не то, что я, отвѣчалъ Консейль. У него голова положительная, а желудокъ—супостать! Смотрѣть на рыбъ, да ихъ однѣхъ ѣсть,—это ему не по вкусу. Ему не достаетъ вина, хлѣба и мяса, — а это много значитъ для Саксонца:— Саксонцы до смерти любятъ бифштекъс и джизинъ.

— Что до меня касается, Консейль, то для меня здѣшняя птица ни чуть не изнурительна, и я не жалуюсь на столъ капитана Немо, — я имъ доволенъ.

— И я тоже, сказалъ Консейль. Я бы ничего, остался бы здѣсь. А вотъ Недъ и спать, и видеть какъ бы отсюда убѣжать. Значитъ, коли новый годъ будетъ для меня непріятенъ, то для него будетъ хорошъ, а коли для него будетъ новый годъ пріятенъ, то для меня...

— Понимаю, Консейль, понимаю! сказалъ я.

— Такъ выходить, съ позволенія ихъ чести, что одному

изъ насъ огорченіе. А въ заключеніе я пожелаю того ихъ чести, чего ихъ честь сама себѣ желаетъ.

— Спасибо, Консейль, спасибо! Только позволь мнѣ отложить вопросъ о подаркахъ и замѣнить ихъ до поры до времени пожатиємъ руки, — со мною другой монеты нѣтъ.

— Эта самая лучшая монета, отвѣтилъ Консейль.

2 января мы уже сдѣлали тысячу сто сорокъ миль, то есть пять тысячъ двѣсти пятьдесятъ миль отъ мѣста отправленія въ Японское море. Передъ шекомъ „Наутилуса“ растянулись опасныя двои кораловаго моря у сѣверо-восточнаго берега Австраліи.

Наше судно шло на разстояніи только нѣсколькихъ миль отъ опаснаго рифа, гдѣ едва не погибли суда Кука 10 іюня 1770 года. Судно, на которомъ былъ Кукъ, ударилося о скалу, и если не потонуло, то потому только, что кусокъ корала, оторванный при ударѣ, остался въ проломѣ корабельнаго корпуса.

Мнѣ очень хотѣлось побывать на этомъ рифѣ длиною въ триста шестьдесятъ миль, о который вѣчно волнующееся море разбивалось съ такою страшною силою, что, казалось, васъ оглушаютъ раскаты грома.

Но въ это время „Наутилусъ“ унесъ насъ на большую глубину и я не могъ видѣть этихъ высокихъ кораловыхъ стѣнъ.

Я долженъ былъ удовольствоваться образчиками рыбъ, захваченныхъ нашими сѣтями.

Между этими рыбами я примѣтилъ жермона изъ рода макрелей, величиною съ тунца, съ голубоватыми боками и съ поперечными полосами, которыя исчезаютъ вмѣстѣ съ жизнію животнаго; эти рыбы слѣдовали за нами цѣлыми стаями и доставляли для нашего стола чрезвычайно вкусное блюдо.

Мы поймали также довольно большое количество спаровъ или мрежниковъ, длиною въ полъдециметра, имѣющихъ вкусъ златоспинной корифены и летучекъ, настоящихъ подводныхъ ласточекъ, которыя въ темную ночь своимъ фосфорическимъ блескомъ попеременно освѣщаютъ то воздухъ, то воду.

Между моллюсками и животнорастеніями я нашелъ въ неводѣ различныя роды пробчаконъ, морскихъ ежей или кнселей, молотковъ, бобцевъ, солнечниковъ, роговидовъ, гіалей или шницъ-

Представителями флоры явились прелестныя пловучія водоросли, ламинаріи или морскія нити, макрописты, налитанныя слизью,

которая просасывалась сквозь их поры. Тут же я примѣтилъ чудную *Nemastoma*, которая приклассифицирована въ музеѣ къ естественнымъ рѣдкостямъ.

Два дня спустя послѣ нашего перехода чрезъ Кораловое море, 4 января мы увидѣли берега Папуазіи. По этому случаю капитанъ извѣстилъ меня, что онъ проѣдитъ въ Индѣйскій океанъ, чрезъ Торресовъ проливъ.

— Черезъ Торресовъ проливъ, капитанъ? спросилъ я.

— Да, г. профессоръ, какъ я уже имѣлъ удовольствіе вамъ сообщить.

Сообщеніе на этомъ и окончилось.

Недѣль съ удовольствіемъ видѣлъ, что мы приближаемся къ европейскимъ морямъ.

Торресовъ проливъ опасенъ, какъ по подводнымъ рифамъ, которые его усебаваютъ, такъ и по характеру дикарей, которые часто посѣщаютъ его берега. Онъ отдѣляетъ Новую Голландію отъ большаго острова Папуазіи или Новой Гвинеи.

Папуазія простирается на четыреста миль длины, на триста ширины и имѣетъ сорокъ тысячъ квадратныхъ географическихъ миль. Она лежитъ между $0^{\circ} 19'$ и $10^{\circ} 2'$ южной широты и между $128^{\circ} 23'$ и $146^{\circ} 15'$ долготы. Въ полдень, когда лейтенантъ капитана Немо наблюдалъ высоту солнца, я примѣтилъ вершины Арфалькскихъ горъ, поднимающіяся плоскостями и оканчивающіяся остроконечными пиками.

Эта земля была открыта въ 1511 году Португальцемъ Францискомъ Серрано; затѣмъ ее посѣтилъ донъ Жозе-де Менезесъ въ 1526 г., въ 1527 Грижалва, въ 1528 испанскій генераль Алваръ-де-Сааведра, въ 1545 Жуинго Ортецъ, въ 1616 Голландецъ Сутевъ, въ 1753 Николай Срюикъ, въ 1792 Тасманъ, Дампіе, Фюмель, Картре, Эдвардъ, Бугенвиль, Кукъ, Форрестъ, Макъ Клоръ, въ 1792 д'Антрекасто, въ 1823 году Дюперре и въ 1827 г. Дюмонъ Дюрвиль.

„Это очагъ всѣхъ малайскихъ негровъ“ сказали г. де Ріензи.

— Чего добраго! Судьба, пожалуй стольнетъ носъ къ носу съ Андаменами! А Андамены шутить не любятъ! думалъ я.

„Наутилусъ“ приблизился ко входу въ опаснѣйшій проливъ земнаго шара, которымъ самые отважные плователи едва рисуютъ проходить. По этому проливу рѣшился проплыть Лю-

довикъ Падъ Торресъ, возвращаясь изъ южныхъ морей въ Меланезію. Въ этомъ же проливѣ въ 1840 году корветы Дюмонъ Дюрвиля сѣли на мель и чуть не погибли. Самъ „Наутилусъ“, пренебрегающій всеми опасностями морей, принялъ однако нѣкоторыя предосторожности у коралловыхъ рифовъ.

Торресовъ проливъ имѣетъ въ длину около тридцати четырехъ миль, но загроможденъ безчисленнымъ множествомъ острововъ, островковъ, буруновъ и скалъ, которые дѣлаютъ его почти непроходимымъ.

Капитанъ Немо, какъ я уже сказалъ, принялъ всевозможныя предосторожности; „Наутилусъ“ плылъ наравнѣ съ водою и подвигался тихо; его винтъ, какъ хвостъ китообразнаго, медленно разбивалъ волны.

Пользуясь этимъ, мои товарищи и я пошѣстили на платформѣ, которая всегда была пуста. Передъ нами находилась бакота кормчаго—и, или я очень ошибался, или видѣлъ, что капитанъ Немо лично управляетъ „Наутилусомъ.“

У меня передъ глазами были великолѣпныя карты Торрессова пролива, снятыя и начерченныя инженеромъ гидрографомъ Дюмуленомъ и мичманомъ Куванъ-Девуа, нынѣшнимъ адмираломъ, который состоялъ въ штабѣ Дюмонъ Дюрвиля въ его послѣднее кругосвѣтное путешествіе. Это, вмѣстѣ съ картами капитана Кинга, самыя лучшія: по нимъ разбираешь путаницу прохода, и я слѣдилъ и свѣрялъ по нимъ самымъ тщательнѣйшимъ образомъ.

Вокругъ „Наутилуса“ море съ яростію бушевало. Волны, несшіяся съ югостока на сѣверо-западъ съ скоростію двухъ съ половиною миль, разбивались о коралловыя вершины, которыя то тутъ, то тамъ высывались изъ воды.

— Вотъ скверное-то море! сказалъ мнѣ Недъ Лендъ.

— Въ самомъ дѣлѣ скверное, отвѣчалъ я, и вовсе непригодное для плаванія такого судна, какъ „Наутилусъ“.

— Надо полагать, что этотъ окаменный капитанъ ужъ очень увѣренъ въ дорогѣ! Посмотрите-ка, вонъ цѣлая процасть коралловыхъ громадинъ: любая можетъ разбить коршусъ въ тысячу кусковъ, только коснись легонько!

Въ самомъ дѣлѣ положеніе было опасное, но „Наутилусъ“, скользилъ, какъ бы по волшебству, среди подводныхъ рифовъ. Онъ не шелъ по роковому для Дюмонъ Дюрвиля пути „Астро-

ляби“, но взявъ болѣе на сѣверь, прошелъ около береговъ острова Мюра и возвратился къ юго-западу, къ Кумберландскому проходу. Я думалъ, что онъ такъ и пойдетъ, но онъ вдругъ повернулъ назадъ къ сѣверо-западу и понесся, между множествомъ малоизвѣстныхъ острововъ и островковъ, къ острову Тунду и каналу Мове.

Я уже задалъ себѣ вопросъ: неужели сумасбродный капитанъ Немо хочетъ погубить свое судно въ этомъ проходѣ, гдѣ разбились корветы Дюмонъ Дюрвиля, — когда онъ измѣнилъ во второй разъ направленіе и, перерѣзавъ дорогу на западъ, направился къ острову Гвекороаръ.

Было три часа пополудни. Приливъ былъ почти полный; „Наутилусъ“ приблизился къ этому острову, который мнѣ еще живо представляется съ своими висячими гирляндами мху и зелени. Мы проплыли около его береговъ не менѣе двухъ миль. Вдругъ меня опрокинуло. „Наутилусъ“ наткнулся на подводный рифъ и сталъ неподвижно, слегка покачнувшись на лѣвой бокъ.

Когда я поднялся, то увидалъ на платформѣ капитана и его лейтенанта. Они осматривали положеніе судна и говорили на своемъ, какъ выражался Недъ, „дьявольскомъ“ нарѣчій.

Вотъ каково было положеніе: въ двухъ миляхъ на право видѣлся островъ Гвекороаръ, — его берегъ закруглялся на сѣверо-западъ, какъ исполинская рука; съ юга и востока показывались верхушки коралловъ, которыя открывалъ морской отливъ. Мы сѣли на мель въ одномъ изъ морей, гдѣ приливы бываютъ весьма малые. Судно не потерпѣло никакихъ поврежденій — до того корпусъ его былъ крѣпко связанъ; но если въ немъ не могло быть ни течи, ни пролома, то онъ рисковалъ остаться навсегда пригвожденнымъ къ подводному рифу.

— Вотъ бѣда! думалъ я; вотъ бѣда!

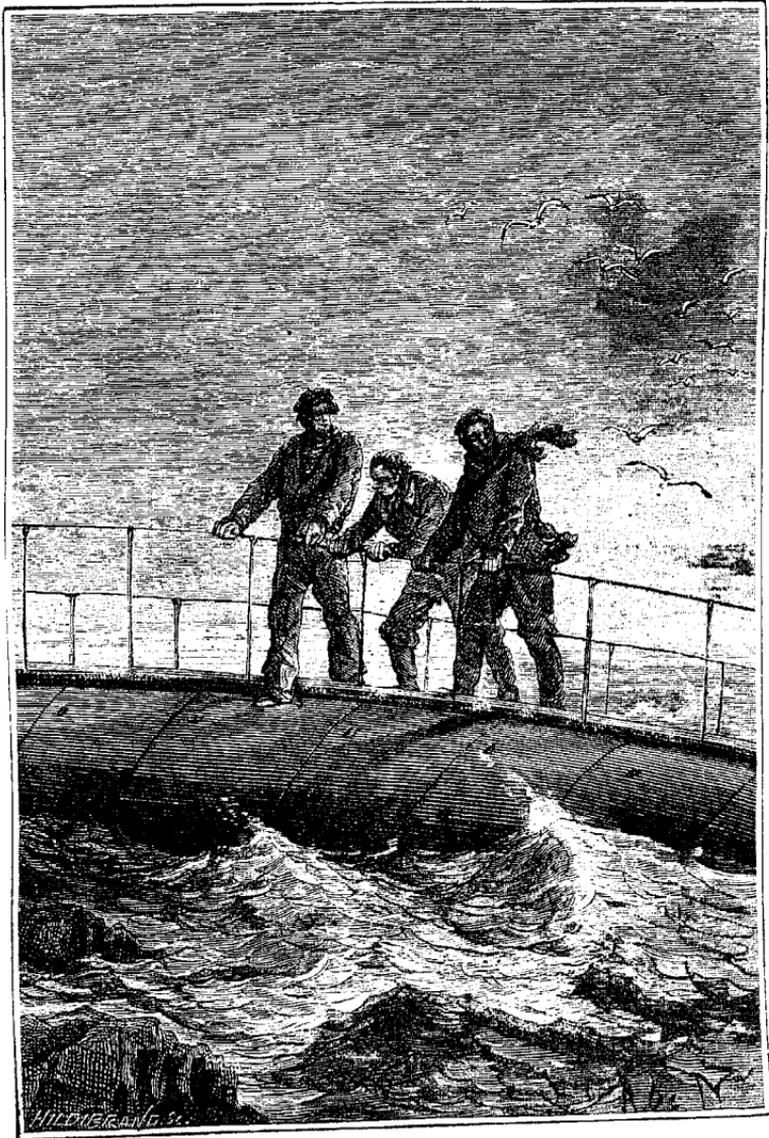
Капитанъ хладнокровный, спокойный, безъ малѣйшаго признака какой либо тревоги, подошелъ ко мнѣ.

— Несчастіе? спросилъ я.

— Нѣтъ, только препятствіе, отвѣчалъ онъ.

— Но препятствіе, вскрикнулъ я, которое васъ заставитъ, можетъ быть, сдѣлаться обитателемъ земли! а вы земли убѣгаете!

Капитанъ посмотрѣлъ на меня какъ то странно и сдѣлалъ

Мы съли на мель.

отрицательный жестъ. Этотъ жестъ ясно давалъ мнѣ понять, что ничто не заставитъ его выйти на землю. Потомъ онъ сказалъ:

— Погодите, г. Аронаксъ: „Наутилусъ“ еще не погибъ! Онъ еще не разъ поноситъ васъ среди чудесъ океана! Наше путешествіе только что началось, и я не желаю такъ скоро лишиться вашего присутствія.

— Но, капитанъ, сказалъ я, какъ бы не замѣчалъ ироническаго оборота рѣчи: мы сѣли на мель въ полный приливъ, а въ Тихомъ океанѣ приливы и отливы не сильны, и если вы не выгрузите баластъ, — что мнѣ кажется невозможнымъ, — то я не вижу какимъ образомъ „Наутилусъ“ выплыветъ?

— Приливы не сильны въ Тихомъ океанѣ, вы это справедливо замѣтили, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ; но въ Торресовомъ проливѣ находятъ между уровнемъ прилива и отлива разницу въ полтора метра. Сегодня 4 января и чрезъ пять дней будетъ полнолуніе, — я буду очень удивленъ если этотъ любезный ночной спутникъ не подыметъ значительно водяную массу и не окажетъ мнѣ услуги, которую я желалъ бы принять только отъ него.

Съ этими словами капитанъ Немо въ сопровожденіи своего лейтенанта сошелъ во вѣнтръ „Наутилуса“.

Что же касается до судна, то оно больше не качалось и стояло неподвижно, точно каралловые полипы вдѣлали его уже въ свой неразрушимый цементъ.

— Ну что, г. профессоръ? спросилъ Недъ Лендъ.

Онъ тотчасъ же послѣ ухода капитана подошелъ ко мнѣ.

— Ну, другъ Недъ, мы будемъ спокойно дожидаться 9 числа, отвѣтилъ я; кажется луна будетъ такъ любезна, что ссадитъ насъ съ мели.

— Просто луна?

— Да.

— И капитанъ, въ надеждѣ на луну, будетъ сидѣть сложа руки? ничего не станетъ дѣлать? не примется за....

— Да зачѣмъ же, Недъ, прервалъ Консейль: коли все нужное сдѣлаетъ приливъ?

Канадецъ посмотрѣлъ на Консейля, потомъ пожалъ плечами.

— Г. профессоръ, сказалъ онъ мнѣ: вы повѣрьте мнѣ, когда я скажу, что этотъ желѣзный кусъ не будетъ больше плавать, — ни на водѣ, ни подъ водою. Онъ теперь только годенъ въ про-

дажу на вѣсъ, и я полагаю, что наступило время намъ развѣзаться съ капитаномъ Немо!

— Другъ Недъ, отвѣчалъ я ему: я не того мнѣнія о достославномъ „Наутилусѣ“. Погодите, черезъ четыре дня мы увидимъ каковы приливы Тихаго океана. Вы все думаете о побѣгѣ. Побѣгъ былъ бы еще возможенъ, еслибъ мы были въ виду Англии или Прованса, но у береговъ Папуазіи — это совсѣмъ дѣло другое. Повторяю вамъ, обождите: къ крайностямъ можно будетъ прибѣгнуть въ случаѣ, если „Наутилусъ“ не подымется.

— Хоть бы пока пощупать эту землю! сказалъ неугомонный Недъ Лендъ. Вонъ островъ; на немъ деревья; подъ деревьями земныя животныя, изъ которыхъ дѣлаютъ котлеты и ростбифъ: — эхъ! отвѣдалъ бы теперь ихъ!

— Въ этомъ случаѣ Недъ правъ, сказалъ Консейль. Можетъ ихъ честь могла бы испросить позволенія у капитана Немо высадиться на землю, хоть бы для того только, чтобъ не разучиться ходить по этой твердой части нашей планеты?

— Попросить могу, отвѣчалъ я, но онъ откажетъ.

— Пусть ихъ честь попробуетъ, сказалъ Консейль, мы по этому увидимъ чего можно ждать отъ капитана.

Къ моему удивленію капитанъ съ большою любезностью согласился на мою просьбу и не взялъ даже съ меня слова возвратиться на судно.

Но побѣгъ чрезъ Новую Гвинею былъ опасенъ и я не совѣтывалъ бы Неду Ленду пускаться этимъ путемъ. Лучше было оставаться плѣнникомъ на „Наутилусѣ“, чѣмъ попасть въ руки жителей Папуазіи.

Шлюпка была отдана въ наше распоряженіе на завтешнее утро. Я даже не старался узнать, поѣдитъ ли капитанъ съ нами; я думалъ, что намъ не дадутъ ни одного человѣка изъ экипажа и что Недъ Лендъ будетъ самъ управлять шлюпкой. Земля находилась отъ насъ не болѣе какъ въ двухъ миляхъ, и для канатца ничего не значило провести шлюпку между линіей рифовъ, столь пагубныхъ для большихъ судовъ.

На другой день, 5 января, шлюпка была отвязана и спущена съ платформы; это исполнили два человѣка; весла были въ шлюпкѣ и намъ оставалось только въ нее сойти.

Въ 8 часовъ мы, вооруженные ружьями и топорами, отчалили

отъ „Наутилуса“. Море было довольно спокойно; съ земли дулъ маленькій авѣтерокъ. Консейль и я сидѣли на веслахъ и сильно гребли, а Недъ управлялъ по узкимъ проходамъ, между бурунами. Шлюпка легко управлялась и быстро плыла.

Недъ Лендъ не могъ опомниться отъ радости; это былъ выпущенный на волю узникъ; онъ вовсе не думалъ, что ему придется снова возвратиться въ темницу.

— Мясо! повторялъ онъ: мы будемъ ѣсть мясо! И какое еще мясо! Настоящую дичь! Вотъ только что хлѣба — то нѣту! Я не говорю, что рыба не хороша; но если все ѣсть рыбу да рыбу, такъ она пріѣдается, и кусокъ свѣжаго мяса.... Знаете, г. профессоръ, изжарить его этакъ на уголькахъ.... Прелестъ, что такое!

— Лязомка! замѣтилъ Консейль. Такъ рассказалъ, что у меня слюнки потекли!

— Погодите, сперва еще надо узнать, нѣтъ ли въ этихъ лѣсахъ такой дичи, которая начнетъ охотиться за охотниками сказалъ я.

— Ничего, г. Аронаксъ, отвѣчалъ канадецъ: я буду ѣсть и тигра, если на этомъ островѣ не попадетъ другихъ четвероногихъ!

Зубы у него, казалось, были наточены, какъ острие топора.

— Другъ Недъ заносится! замѣтилъ Консейль.

— Какія бы ни были животныя — безперыя четвероногія или двуногія съ перьями, — только бы мнѣ ихъ завидѣть и сейчасъ я въ нихъ — пафъ!

— Ну, отвѣчалъ я: сумасбродства дяди Ленда ужъ начинаются!

— Не бойтесь, г. Аронаксъ, отвѣчалъ канадецъ, и гребите сильнѣе. Я черезъ двадцать пять минутъ угощу васъ своей стряпнею!

Въ половинѣ девятаго шлюпка тихо остановилась на песчаномъ берегу, счастливо избѣгнувъ коралловаго кольца, окружающаго островъ Гвемороаръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ-ПЕРВАЯ.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ НА ТВЕРДОЙ ЗЕМЛѢ.

Я признаюсь, не безъ волненія осязалъ руками землю. Недѣ Лендѣ ощущивалъ почву ногою, будто боялся на нее вступить. А между тѣмъ мы были всего только два мѣсяца, по выраженію капитана, „пассажирами Наутилуса“, т. е. въ сущности плѣнниками въ подводномъ суднѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы находились на разстояніи выстрѣла отъ берега. Почва состояла почти вся изъ мадрепоровъ; но въкоторыя русла ручьевъ усѣяны были гранитными обломками, что доказывало, что этотъ островъ былъ первобытнаго происхожденія.

Горизонтъ прятался за великолѣпными занавѣсами лѣса. Огромныя деревья, которыхъ вышина достигала до двухсотъ футовъ, соединялись между собою гирляндами лианъ и гирлянды эти качались, точно койки отъ легкаго вѣтерка. Какія тутъ были мимозы, казуарины, тектоніи, слазы, пальмы! А подъ ихъ сводомъ росли ятрошниковыя и бобовыя растенія и папоротники.

Не замѣчая всѣхъ этихъ великолѣпныхъ обращиковъ Папуазкой флоры, канадецъ предпочелъ полезное — пріятному. Онъ нашелъ кокосовое дерево, сбиль съ него нѣсколько орѣховъ, раскололъ ихъ, и мы пили молоко и ѣли зерна съ невыразимымъ удовольствіемъ.

— Отлично! прелесть! говорилъ Недѣ Лендѣ.

— Превкусно! отвѣчалъ Консейль.

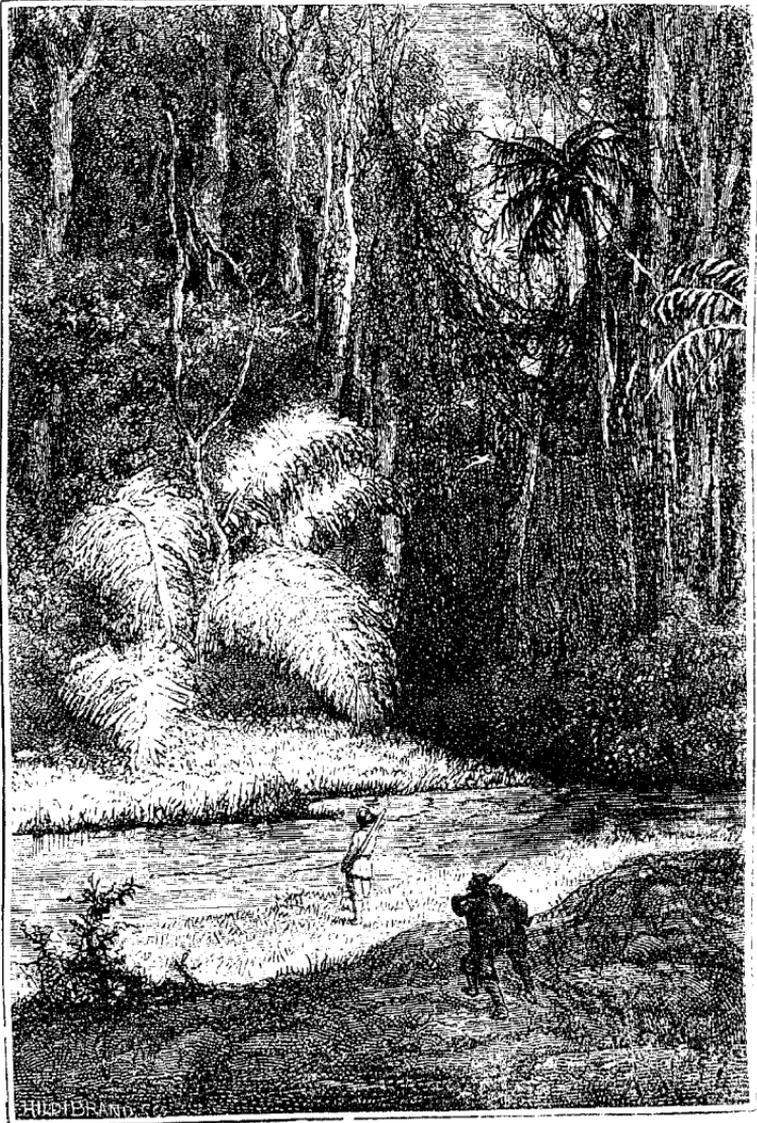
— Я полагаю, сказалъ канадецъ, что вашъ Немо не разсердится, коли мы привеземъ съ собою кокосовыхъ орѣховъ, а?

— Полагаю, что не разсердится, отвѣчалъ я: но ѣсть ихъ онъ не будетъ.

— Тѣмъ хуже для него! сказалъ Консейль.

— И тѣмъ лучше для насъ! возразилъ Недѣ: намъ больше останется!

— Одно слово, дядя Лендѣ, сказалъ я багрильщику, который собирался обивать второе дерево: — кокосовые орѣхи отличная

Какія тутъ были мимозы! казуарины!

вещь, но чѣмъ наполнять ими шлюпку, мнѣ кажется благоразумнѣе было бы разузнать: нѣтъ ли на островѣ болѣе полезныхъ растений. Свѣжія овощи, напримѣръ, были бы очень кстати.

— Ихъ честь изволила это основательно сказать, отвѣчала Консейль; по моему надо сберечь три мѣста въ шлюпкѣ: одно для плодовъ, другое для овощей и третье для дичи. Только до сихъ поръ не видно никакого признака дичи!

— Ужъ вы сейчасъ и отчаяваться, Консейль! сказалъ канадецъ.

— Пойдемте дальше, сказалъ я; надо держать ухо востро; хотя островъ, кажется необитаемъ, но все лучше наблюдать осторожность. Можетъ, откуда нибудь вдругъ выставятся не такіе разборчивые на дичь охотники, какъ мы!

— И я сейчасъ: амъ-амъ-амъ! сказалъ Недъ, вразумительно щелкая зубами и двигая челюстями.

— Что это вы, Недъ! вскрикнулъ Консейль.

— Ей-ей меня начинаетъ разбирать охота людоѣдничать! сказалъ канадецъ.

— Недъ, Недъ! что это вы какую ахиною песете? сказалъ Консейль. Задумали въ людоѣды! Да я теперь буду бояться спать съ вами въ одной каютѣ! Я могу всего ожидать! Когда нибудь проснусь и вдругъ увижу, что я на половину съѣденъ!

— Другъ Консейль, я васъ очень люблю, но впрочемъ не на столько, чтобъ мнѣ васъ съѣсть безъ необходимости.

— Нѣтъ, ужъ я на васъ теперь не полагаюсь! отвѣчала Консейль. Примеся за охоту! Надо непременно убить какой нибудь дичи, и накормить этого людоѣда, а то, пожалуй, случится такъ, что ихъ честь поутру проснется, а отъ слуги останутся только огрызки!

Разговаривая такимъ образомъ, мы проникли подъ темный водъ лѣса и въ продолженіи двухъ часовъ исходили его во всѣхъ направленіяхъ.

Случай помогъ намъ отыскать одно изъ самыхъ полезныхъ растений жаркаго пояса, и оно доставило намъ драгоценную пищу, которой не было на „Наутплусъ“.

Я говорю о хлѣбномъ деревѣ. Оно въ изобиліи росло на островѣ Гвебороаръ и я нашелъ тамъ особый его родъ, не имѣющій зеренъ; Малайцы называютъ его „Рима“.

Это дерево отличалось от прочих длиннымъ прямымъ стволомъ вышиною въ сорокъ футовъ; по его граціозно закругленной верхушкѣ, состоящей изъ большихъ листьевъ, натуралистъ тотчасъ же могъ узнать „хлѣбоплодъ“, который такъ удачно разведенъ на Маскаренскихъ островахъ. Изъ массы зелени отдѣлялись огромные шарообразные плоды, шириною въ дециметръ, снаружи шероховатые и имѣвшіе форму шестиугольника.

Этимъ полезнымъ растеніемъ, которое не требуетъ никакой обработки и даетъ плоды въ продолженіи 8 мѣсяцевъ, — природа наградила тѣ земли, гдѣ нѣтъ зерноваго хлѣба.

Неду Ленду плоды эти были хорошо знакомы; онъ уже не разъ угощался ими въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ и зналъ какъ надо готовить изъ нихъ пищу. При видѣ ихъ онъ такъ разлакомился, что уже не могъ сдержаться и сказалъ:

— Г. профессор! разрази меня на мѣстѣ, коли я не попробую этого хлѣбца!

— Пробуйте, Недъ, пробуйте сколько вамъ угодно! Мы для того сюда и высадились, чтобы производить опыты: производите ихъ!

— За этимъ дѣло не станетъ! отвѣчалъ канадецъ.

И вооружась зажигательнымъ стекломъ онъ зажегъ хворостъ, который весело затрепалъ. А Консейль и я тѣмъ временемъ принялись выбирать лучшіе плоды. Нѣкоторые изъ нихъ не совсѣмъ еще дозрѣли и подъ толстой кожей бѣлая мякоть была еще тверда; другіе желтоватые, студенистые уже поспѣли, и совершенно годились въ пищу.

Косточекъ въ этихъ плодахъ совсѣмъ не было. Консейль нарвалъ ихъ съ дюжину, а Недъ Лендъ разрѣзалъ ихъ на толстыя ломти и положилъ на горячія уголья, безпрестанно приговаривая:

— Вы увидите, г. профессоръ, какъ вкусенъ этотъ хлѣбъ! вы увидите!

— Очень вкусенъ покажется! сказалъ Консейль, особенно послѣ того, какъ долго ничего такого не пробовали.

— Это даже не хлѣбъ, прибавилъ канадецъ, а этакое пріятное пирожное... Вы никогда не пробовали г. профессоръ?

— Никогда, Недъ.

— Ну такъ увидите, что это такое: самая этакая небесная манна! Какъ попробуете, такъ не разстанетесь,—ей Богу!

Черезъ нѣсколько минутъ, плоды разложенные на угольяхъ, совершенно почернѣли и полопались; внутри показалось бѣлое тѣсто, родъ нѣжнаго мякиша, напоминающаго вкусомъ артишоки.

Надо признаться, хлѣбъ этотъ былъ превосходенъ и ѣлъ его съ большимъ удовольствіемъ.

— Жаль, что это тѣсто не можетъ долго сохраняться, сказала я, и поэтому бесполезно будетъ брать его съ собою.

— Вотъ тебѣ на! вскрикнулъ Недъ Лендь. Вы все говорите по ученому, г. профессоръ, — вы вѣдь натуралистъ, ну, а я примусь за дѣло какъ настоящій булочникъ. Консейль, вы нарвите-ка побольше плодовъ, а потомъ, какъ будемъ возвращаться, мы ихъ и захватимъ.

— А какъ же вы ихъ сохраните? спросилъ я канадца.

— А такъ сохраню: сдѣлаю изъ мякоти квашеное крѣпкое тѣсто, такое, что сколько угодно его береги, оно не будетъ портиться. Захочется хлѣбца—сейчасъ взялъ немножко этого тѣста, спечь и кушай! хоть оно чуточку и кислотовато будетъ, а все-таки смакъ отличный.

— Въ такомъ случаѣ, дядя Недъ, я скажу, что этотъ хлѣбъ хоть куда! Теперь у насъ всего въ волю...

— Нѣтъ, г. профессоръ, не достаетъ еще плодовъ и овощей.

Мы отправились дальше пополнять нашъ „земной“ обѣдъ.

Поиски не были напрасны и около полудня у насъ уже былъ большой запасъ банановъ. Это произведеніе жаркаго пояса зрѣеть въ продолженіи цѣлаго года и Малайцы ѣдятъ его сырымъ.

Вмѣстѣ съ бананами мы набрали также множество манговыхъ ягодъ и въ заключеніе нашли невѣроятно большіе ананасы.

Эти поиски и сборъ взяли большую часть нашего времени, но мы, впрочемъ, объ этомъ не жалѣли. Консейль наблюдалъ за Недомъ, который шелъ впереди и увѣренной рукой ешибалъ, рвалъ, и тресъ плоды.

— Ну, теперь вы довольны, другъ Недъ? спросилъ Консейль. Кажется всего набрали довольно!

— Гмъ! произнесъ канадецъ.

— Какъ? вы еще не довольны?

— Всѣ эти растенія вѣдь не настоящей обѣдѣ, отвѣчалъ Недъ: — это конецъ обѣда, десертъ! А гдѣ супъ? гдѣ жареное?

— Да, да! сказалъ я: Недъ обѣщалъ намъ котлеты! Но обѣщанье-то, кажется, было дано наскоро...

— Г. профессор! отвѣчалъ канадецъ: охота еще не кончилась, — даже еще и не начиналась. Потерпите чуточку! Намъ непремѣнно попадутся какія нибудь животныя или птицы, если не въ этомъ мѣстѣ, такъ въ другомъ.

— И коли не сегодня, то завтра, прибавилъ Консейль: потому намъ не слѣдуетъ заходить далеко. По моему такъ ужъ пора бы намъ воротиться къ шлюпкѣ.

— Ужъ пора! вскрикнулъ Недъ!

— Мы должны къ ночи быть на мѣстѣ, сказалъ я.

— Да который теперь часъ?

— Да ужъ навѣрно часа два, отвѣчалъ Консейль.

— Какъ скоро идетъ время на твердой почвѣ! вскрикнулъ Недъ Лендъ со вздохомъ.

— Въ путь! сказалъ Консейль.

Мы возвращались чрезъ лѣсъ и пополняли нашъ сборъ пальмовой капустой, которую срѣзывали съ верхушекъ деревьевъ, маленькими фасолями и отличнѣйшимъ діоскоріемъ. Мы такъ были навьючены, что едва дошли до шлюпки, но Недъ Лендъ все-таки находилъ, что запасъ не достаточенъ. И судьба видимо ему благопріятствовала. Когда мы уже хотѣли садиться въ шлюпку, онъ примѣтилъ нѣсколько деревъ, вышиною въ двадцать пять или тридцать футовъ, принадлежащихъ къ роду пальмъ. Эти деревья также драгоцѣнны какъ хлѣбноплодники и справедливо причисляются къ полезнѣйшимъ произведеніямъ Малая.

— Саговки! крикнулъ Недъ Лендъ.

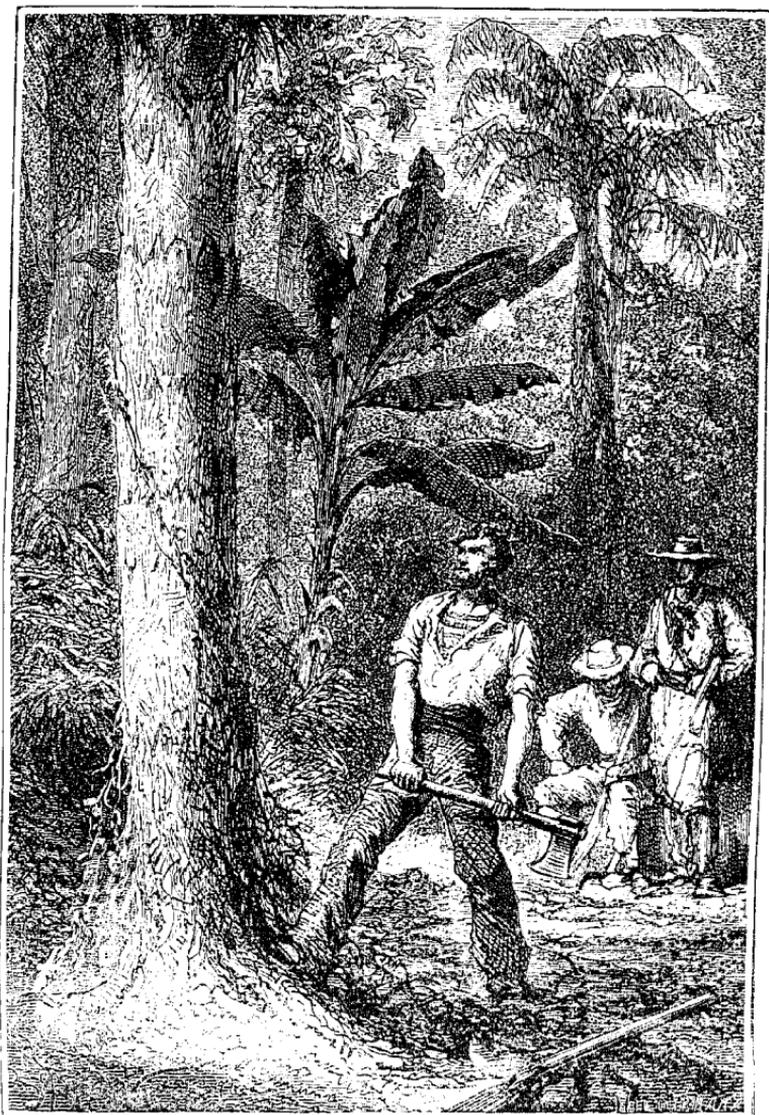
Это были саговныя деревья, которыя растутъ безъ воздѣлыванія и размножаются, какъ сливное дерево, отростками и зернами.

Недъ умѣлъ съ ними обращаться. Онъ схватилъ топоръ, размахнулся во всю руку и въ одно мгновеніе свалилъ дерево, за нимъ другое, за другимъ третье.

— Спѣленькіе! сказалъ Недъ Лендъ.

— Да, отвѣчалъ я, спѣленькіе!

Зрѣлость саговыхъ деревьевъ узнается по бѣлой пыли, которая осыпаетъ ихъ листья.

Недъ схватилъ топоръ.

Я смотрѣлъ на проворную работу Неда Ленда скорѣе глазами натуралиста, чѣмъ глазами голоднаго человѣка.

Недъ началъ съ того, что снялъ съ каждаго ствола полосу коры, толщиною въ большой палецъ, покрывавшую сѣтку длинныхъ жилокъ, которыя представляли какіе то перепутанные узлы, склеенные родомъ камедной муки. Эта мука и была саго, съѣдобное вещество, служащее главною пищею Меланезійскимъ племенамъ.

Недъ Лендъ пока удовольствовался тѣмъ, что разрубилъ стволы на куски, какъ это дѣлается съ дровами.

— Теперь повезу такъ, говорилъ онъ, а потомъ выберу изъ нихъ всю муку, пропущу ее сквозь тоненькое полотенце, чтобъ отдѣлать волокна, посушу на солнцѣ, чтобъ вышло вся сырость, а потомъ засушу.

Наконецъ около пяти часовъ вечера мы, нагруженные всѣми нашими богатствами покинули островъ и чрезъ полчаса пристали къ „Наутилусу.“

Насъ никто не встрѣтилъ. Огромный желѣзный цилиндръ казался пустымъ.

Выгрузивъ запасы изъ шлюпки я пошелъ въ свою комнату; ужинъ мнѣ былъ уже готовъ. Я поужиналъ и легъ спать.

На другой день, 6 января, на суднѣ все тоже безмолвіе: ни малѣйшаго шума или признака жизни; даже лодка была на томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее вчера оставили.

Мы рѣшились опять отправиться на островъ Гвекороаръ. Недъ надѣялся на счастливую охоту и намѣревался побывать въ другой части лѣса.

Съ восходомъ солнца мы пустились въ путь. Шлюпка, подхваченная волною, быстро неслась и чрезъ нѣсколько минутъ достигла берега.

Мы высадились и рѣшивъ, что лучше всего положиться на инстинктъ канадца, пошли за Недомъ Лендомъ по берегу къ западу, перешли въ бродъ нѣсколько ручьевъ и достигли большой равнины, которая окаймлялась прелестными лѣсами.

Нѣсколько рыболововъ бродили у ручья, но близко не подпускали. Ихъ осторожность служила доказательствомъ, что эти пернатые знали чего можно ожидать отъ двуногихъ нашего рода, и я заключилъ, что если этотъ островъ и необитаемъ, то крайней мѣрѣ посѣщаемъ людьми.

Перейдя довольно густой лугъ, мы пришли къ опушкѣ маленькаго лѣска, который оживлялся пѣніемъ и порханіемъ множества птицъ.

— Это еще только птицы! сказала Консейль.

— И есть кое какія съѣдобныя! отвѣчалъ багрильщикъ.

— Гдѣ жъ это съѣдобныя то, другъ Недъ? возразилъ Консейль: я вижу только простыхъ попугаевъ!

— Другъ, Консейль, отвѣчалъ важно Недъ: попугай—это фазанъ для того, кому нечего ѣсть!

— А я прибавлю, сказалъ я: что если попугая хорошо изготовить, такъ его съ удовольствіемъ будетъ кушать самый отвѣренный лакомка.

Подъ густой листвою порхалъ съ вѣтки на вѣтку цѣлый попугайный міръ.

— Стоитъ поучить и заговорять по человѣчески! замѣтилъ глубокомысленный Консейль. Попугай—очень переимчивая птица!

— Экой гамъ поднимаютъ! сказалъ Недъ Лендъ.

Гамъ былъ, дѣйствительно, страшный. Самцы и самки всевозможныхъ цвѣтовъ усердно, по выраженію Неда Ленда, „драли горло“; кричали и важные какаду, которые, казалось, размышляли о какой то философской задачѣ; и красноблестящія лорисы, мелькавшія, какъ куски яркой матеріи, заносимые вѣтромъ въ среду шумныхъ калаосовъ, лазуревыхъ папуасовъ и другихъ, хотя мало съѣдобныхъ, но удивительно красивыхъ попугаевъ.

Но въ этомъ собраніи недоставало птицъ, собственно принадлежащихъ этой мѣстности и которыя никогда не переходятъ границу острововъ Арру и Папуазіи.

— Отчего же это ихъ нѣтъ? думалъ я.

Но судьба сберегла это удовольствіе на послѣ.

Перейдя довольно рѣдкій лѣсокъ, мы нашли равнину, заросшую густымъ кустарникомъ; изъ этого кустарника поднялись великолѣпныя птицы, которыя по расположенію длинныхъ перьевъ должны летать противъ вѣтра. Ихъ волнистый полетъ, отливъ ихъ перьевъ, были восхитительны.

Я безъ труда ихъ узналъ.

— Райскія птицы! вскрикнулъ я.

— Отдѣлъ воробьиныхъ, сказалъ Консейль.

— Семейство куропатонок? перебилъ Недъ Лендъ.

— Не думаю, дядя Лендъ, отвѣчалъ я. А я рассчитываю на васъ, что вы мнѣ поймаете одну такую птичку. Мнѣ очень желательно бы приобрести это произведеніе тропической природы!

— Попробую, г. профессоръ: хотя я больше привыкъ цѣплять остроугою, чѣмъ стрѣлять изъ ружья.

Малайцы ведутъ большую торговлю этими птицами съ Китаемъ: они ихъ ловятъ различными способами, которыхъ мы не могли употребить. Иногда, напримѣръ, они ставятъ силки на верхушкахъ высокихъ деревьевъ, предпочитаемыхъ парадисками; иногда ловятъ, обмазывая вѣтки липкимъ птичьимъ клеемъ и парализуя, такимъ образомъ, ихъ движенія; иногда даже отравляютъ источники, гдѣ имѣютъ привычку пить эти птицы. Что же касается насъ, то мы могли завладѣть ими только стрѣляя ихъ на лету, на что имѣли мало шансовъ.

И дѣйствительно, мы понапрасну потратили много зарядовъ.

Около одиннадцати часовъ утра мы уже перешли первыя вершины горъ, составлявшихъ центръ острова, а еще ничего не убили. Голодъ уже давалъ себя знать. Охотники понадѣялись на продукты охоты—и ошиблись.

Но вдругъ Консейль выстрѣливаетъ и однимъ выстрѣломъ обеспечиваетъ намъ завтракъ.

Онъ убилъ бѣлаго голубя и вяхиря, которые проворно были ошипаны и посажены на вертелъ.

Пока они жарились, Недъ приготовлялъ хлѣбоплодникъ.

Птицы были съѣдены до послѣдней косточки: всѣ мы заявили единогласно, что кушанье это превосходно. Мускатный орѣхъ, которымъ они питаются, даетъ мясу особый запахъ и вкусъ.

— Точно пулярки, начиненныя трюфелями, сказалъ Консейль.

— Чего вамъ еще теперь не достаетъ, Недъ? спросилъ я у канадца.

— Четвероногой дичи, г. Аронаксъ, отвѣчалъ Недъ. Всѣ эти голуби одна мелкота, забава, а не кушанье! Кабы убить такое животное, чтобы изъ него надѣлать котлетъ! пока я такого не убью, спокоенъ не буду!

— И я тоже спокоенъ не буду, пока не поймаю парадиску! сказала я.

— Надо еще поохотиться, сказалъ Консейль; только повернемте къ морю. Мы дошли уже до первыхъ склоновъ горъ, а въ горахъ, я думаю, охота хуже чѣмъ въ лѣсу.

Это былъ дѣльный совѣтъ и мы ему послѣдовали.

Послѣ часовой ходьбы мы пришли къ настоящему саговому лѣсу. Нѣсколько безвредныхъ змѣй уползали изъ подъ нашихъ ногъ, а райскія птицы при нашемъ появленіи скрывались. Я уже отчаявался, когда Консейль, шедшій впереди, вдругъ наклонился, испустилъ крикъ торжества и поднесъ мнѣ великолѣпную парадиску.

— Bravo, Консейль! вскрикнулъ я.

— Ихъ честь очень добры, отвѣчалъ Консейль.

— Да нѣтъ, дружище, какая тутъ доброта! Ты мастерски поймалъ ее: взялъ живую птицу руками!

— Коли ихъ честь посмотреть на нее хорошенько, то ихъ честь увидить, что тутъ еще не большое мастерство.

— Да что такое, Консейль? Говори!

— Эта птица пьяна, какъ перепелъ.

— Пьяна?

— Да, опьянѣла отъ мускатныхъ орѣховъ. Я ее словилъ подъ мускатомъ:— она сидѣла и объѣдалась. Подумайте-ка, другъ Недъ, каково отъкликается невоздержаніе!

— Тысячу чертей! возразилъ канадецъ: это ко мнѣ не относится,—я цѣлыхъ два мѣсяца ничего въ ротъ не бралъ!

Я между тѣмъ разсматривалъ птицу. Консейль не ошибся. Парадиска ошалѣла отъ хмѣльнаго сока, она не могла летѣть и съ трудомъ шла; но меня это не безпокоило.

Эта птица принадлежала къ лучшему изъ восьми родовъ, которыхъ насчитываютъ въ Папуазіи и на сосѣднихъ островахъ, Это была парадиска „большой изумрудъ“ — самая рѣдкая. Она имѣла въ длину три дециметра, голова ея была относительно мала, глаза, помѣщенные надъ отверстіемъ клюва, тоже маленькіе; но она представляла превосходное соединеніе цвѣтовъ и оттѣнковъ: у нее былъ желтый клювъ, коричневая нога и когти, орѣхового цвѣта крылья съ багряными концами, голова и задъ шея желто-палевые, горло изумрудное, брюхо и грудь коричне-

Коснейль наклонился и поймалъ паразисуку.

выя. Надъ хвостомъ поднимались два пушистыхъ перышка, а хвостъ состоялъ изъ длинныхъ, очень легкихъ и удивительно тонкихъ перьевъ.

Это была чудесная птичка! Туземцы имѣли основаніе назвать ее „солнечной“. Мнѣ очень хотѣлось привезти въ Парижъ этотъ великолѣпный образчикъ и подарить ее ботаническому саду, въ которомъ до сихъ поръ не было еще живой райской птицы.

— Что жъ онѣ такъ рѣдки, что ли? спросилъ канадецъ тономъ охотника, который очень мало цѣнитъ дичь съ точки красоты и изящества.

— Очень рѣдки, почтеннѣйшій, а главное ихъ очень трудно достать живьемъ. Ими и мертвыми хорошо торгуютъ. Туземцы и парадисокъ поддѣлываютъ, какъ жемчугъ и алмазь.

— Что? вскричалъ Консейль: дѣлаютъ фальшивыхъ райскихъ птицъ?

— Да, Консейль.

— Ихъ честь знаетъ, какъ это они ухитряются?

— Знаю. Парадиси во время восточнаго муссона теряютъ великолѣпныя перья, которыя окружаютъ хвостъ: — натуралисты называютъ эти перья „шилами“. Эти-то самыя перья туземцы подбираютъ и ловко прикрѣпляютъ къ бѣднымъ перушамъ, потомъ закрашиваютъ швы, покрываютъ лжепарадису лакомъ и сбываютъ въ европейскіе музеи или европейскимъ любителямъ.

— Ну что жъ такое? сказалъ Недъ Лендъ; коли не сама птица, такъ по крайности ея перья, и коли ихъ покупаютъ не на кушанье, такъ по моему тутъ горя мало: значить, перышекъ надо—а перышки есть.

Мое желаніе овладѣть парадиской было удовлетворено, но желаніе охотника канадца еще не исполнилось. Къ счастью, около двухъ часовъ, Недъ убилъ превосходную лѣсную свинью, ту самую, которая извѣстна у натуралистовъ подъ именемъ „barigoutang“. Недъ Лендъ былъ въ восхищеніи отъ своего выстрѣла. Свинья, задѣтая электрическою пулею, упала замертво.

Канадецъ содралъ съ нея кожу, выпотрошилъ ее и отдѣлилъ для ужина съ полдюжины котлетъ.

За тѣмъ снова началась охота, которая должна была еще ознаменоваться подвигами Неда и Консейля.

Два пріятеля, рыская по кустарнику, подняли цѣлое стадо

кенгуру, которыя пустились отъ нихъ бѣжать, прыгая на своихъ эластическихъ ногахъ; но какъ быстро они ни бѣжали, электрическія капсулы ихъ настигли.

— Ахъ, г. профессор! вскрикнулъ Недъ: — какая великолѣпная дичь! Особливо коли изъ нея приготовить душеное! Какое запасецъ для „Наутилуса“! Двѣ, три, пять убито! И какъ я подумаю, что мы съѣдимъ все это мясо! А тѣ болваны и не покушаютъ!

— Какіе болваны, Недъ? спросилъ я.

— Да наши хозяева... Ну, дичь такъ дичь: можно похвалить...

Я думаю, что въ припадкѣ радости канадецъ, еслибъ онъ не столько болталъ, перебилъ бы все стадо! Но онъ удовольствовался дюжиною этихъ интересныхъ животныхъ, составлявшихъ, какъ сказалъ нашъ Консейль, первый разрядъ млекопитающихъ.

Эти животныя были малы ростомъ и принадлежали къ роду кенгуру — кроликовъ, которыя преимущественно живутъ въ дуплахъ деревьевъ, обыкновенно быстро бѣгаютъ и хотя мало доставляютъ мяса, но за то это мясо считается самымъ лучшимъ.

Мы остались довольны результатомъ нашей охоты. Счастливый Недъ предполагалъ завтра опять возвратиться на островъ, гдѣ думалъ истребить всѣхъ четвероногихъ, годныхъ въ пищу.

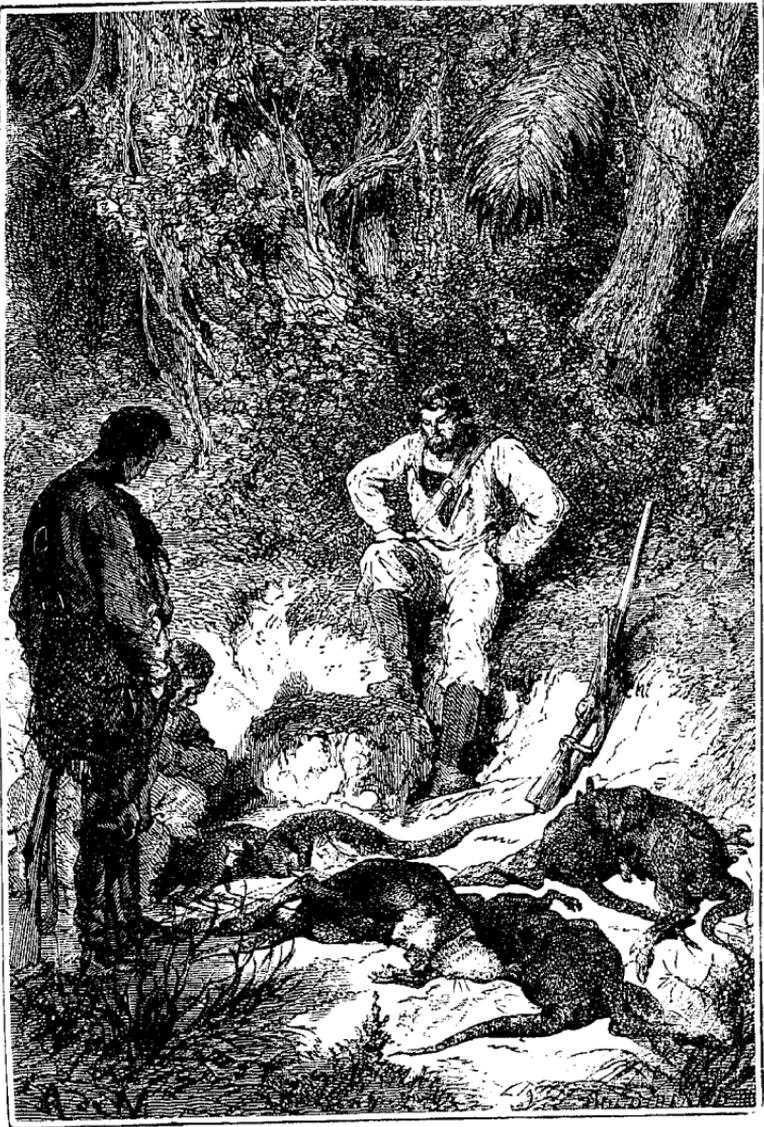
Но Недъ никогда не рассчитывалъ на непредвидѣнные происшествія!

Къ шести часамъ вечера мы дошли до морскаго берега. Шлюпка стояла на обыкновенномъ мѣстѣ. „Наутилусъ“ подошелъ на длинный подводный рифъ, высунувшійся изъ волнъ въ двухъ миляхъ отъ берега.

Недъ Лендъ немедленно занялся приготовленіемъ обѣда: онъ былъ отличный поваръ и зналъ до тонкости кухонное искусство. Котлеты изъ кенгуру скоро зашипили на угольяхъ и распространили пріятнѣйшій запахъ.

Да проститъ читатель мой восторгъ передъ жаркимъ изъ свѣжей свинины! да проститъ онъ его мнѣ, какъ и я прощаю дядѣ Ленду, принявъ во вниманіе долгій постъ!

Однимъ словомъ, обѣдъ былъ превосходенъ. Два вихря довершили роскошь. Саговое тѣсто, хлѣбоплодъ, нѣсколько манговъ,

Вотъ дичь, такъ дичь!

подюжины ананасовъ и ликеръ изъ кокосовыхъ орѣховъ, — привели насъ въ очень веселое расположеніе духа. Я даже подзрѣваю, что мысли моихъ достойныхъ товарищей не имѣли желанной ясности.

— А что, коли мы не возвратимся сегодня на „Наутилусъ“? сказалъ Консейль.

— А что, коли мы никогда на него не возвратимся? прибавилъ Недъ. А что...

Въ это самое время къ нашимъ ногамъ упалъ камень и прервалъ слова Неда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

МОЛНІЯ КАПИТАНА НЕМО.

Мы оглядывались по сторонамъ, не вставая; я, какъ несъ въ ротъ кусокъ, такъ рука у меня и замерла.

— Камни не падаютъ съ неба, сказалъ Консейль: а коли упадетъ какой, такъ это аэролитъ.

Второй камень, тщательно закругленный, выбилъ изъ рукъ Консейля вкусную ножку вяхиря.

Мы поднялись всё трое, взяли за ружья и приготовились отражать нападеніе.

— Обязьяны это, что ли? вскрикнулъ Недъ Лендъ.

— Почти что такъ, отвѣчалъ Консейль: это дикари!

— Къ шлюпкѣ! крикнулъ я.

И пустился къ морю.

Приходилось быстро отступать; десятка два дикарей, вооруженныхъ луками и пращами, высыпали на опушку лѣса и были всего во ста шагахъ отъ насъ.

До шлюпки оставалось пробѣжать еще туазовъ десять, а дикари хотя шагомъ, но все приближались. Камни и стрѣлы сыпались какъ дождь.

Недъ Лендъ, не смотря на близкую опасность, не хотѣлъ бросить свои запасы и удиралъ съ свиньей въ одной рукѣ, съ кенгуру — въ другой.

Въ двѣ минуты мы были на берегу. Нагрузить шлюпку про-

визіей и оружіемъ, оттолкнуть ее и схватить веслы — было для насъ дѣломъ одной минуты.

Мы не успѣли отбѣхать еще и двухъ кабельтовъ, какъ сотня дикарей, съ восемъ размахивая руками, вошла по поясъ въ воду. Я глядѣлъ на „Наутилусъ“ думая, не заставило ли появленіе дикарей выйти кого нибудь на платформу, — но платформа была совершенно пуста.

Минуть черезъ двадцать мы причалили къ судну; филенки были открыты. Прикрѣпивъ шлюпку, мы вошли во внутренность „Наутилуса“.

Я прямо кинулся въ залу, откуда раздавались аккорды, и засталъ тамъ капитана: онъ сидѣлъ за органомъ и, казалось, былъ погруженъ въ музыкальный восторгъ.

— Капитанъ! вскрикнулъ я: капитанъ!

Но онъ не слыхалъ меня.

— Капитанъ! повторилъ я, дотрогиваясь до его руки.

Онъ вздрогнулъ и обернулся.

— А! это вы, г. профессоръ? сказалъ онъ. Ну что, удачна была ваша охота? Много набрали для гербаріума?

— Да, капитанъ, да, — отвѣчалъ я, — но къ несчастію мы при-
манили за собой группу двуногихъ!

— Какихъ двуногихъ?

— Дикарей!

— Дикарей! сказалъ капитанъ съ легкой улыбкою: и вы удивляетесь, г. профессоръ, что выйдя на землю вы встрѣчаете дикарей?... Дикари! да гдѣ же ихъ нѣтъ? Развѣ здѣшніе хуже другихъ?

— Но, капитанъ....

— По моему, г. профессоръ, дикари повсюду. Я встрѣчалъ ихъ вездѣ.

— Положимъ что такъ, отвѣчалъ я: но коли вы не желаете видѣть ихъ на „Наутилусѣ“, то не худо было бы принять нѣкоторыя предосторожности.

— Успокойтесь, г. профессоръ: тутъ ничего нѣтъ опаснаго.

— Но ихъ очень много!

— Сколько вы ихъ насчитали?

— Не менѣе сотни.

— Г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ, не отнимая пальцевъ

Дикари взобрались на коралловыя отмели.

отъ клавишей органа:—еслибъ все жители Папуазіи выступили на берегъ, то и тогда „Наутилусу“ нечего бояться ихъ нападенія.

Пальцы капитана опять забѣгали по клавишамъ инструмента, и тутъ я примѣтилъ, что онъ игралъ только на черныхъ клавишахъ, что придавало его мелодіямъ шотландскій характеръ.

Скоро онъ, казалось, позабылъ обо мнѣ и погрузился въ музыку. Я его оставилъ въ покоѣ, и опять ушелъ на платформу.

Ночь уже наступила, потому что подъ этой низкой широтой солнце быстро заходитъ и сумерекъ не бываетъ. Я еще видѣлъ, но уже не ясно, островъ Гвекороаръ; безчисленные огни освѣщали берегъ: это доказывало, что туземцы не думали его покидать.

Я оставался одинъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ; то я думалъ объ этихъ дикаряхъ, но я уже не боялся ихъ: непоколебимая увѣренность капитана овладѣла и мною;—то забывалъ о нихъ и любовался великолѣпнѣмъ тропической ночи. Воспоминанія занеслись во Францію по слѣдамъ зодіакальныхъ звѣздъ, которыя чрезъ нѣсколько часовъ должны были ее освѣтить. Луна сіяла посреди созвѣздій зенита.

Я подумывалъ и о томъ, что этотъ вѣрный и услужливый спутникъ послѣзавтра приподниметъ волны и поможетъ вытащить „Наутилусъ“ изъ кораловаго ложа.

Около полуночи, видя что все спокойно на темныхъ волнахъ, также какъ и подъ береговыми деревьями, я отправился въ свою каюту и сладко заснулъ.

Ночь прошла безъ приключеній. Папуазцы боялись, безъ сомнѣнія, самаго вида лежащаго на мели чудовища, потому что филени были открыты и имъ было бы легко пробраться во внутрь судна.

Въ шесть часовъ утра, 8 января, я взшелъ на платформу. Утренній туманъ подымался и скоро показался островъ, — сначала берегъ, а потомъ и вершины.

Туземцы все еще были на берегу и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ наканунѣ, — ихъ теперь собралось около пяти или шестисотъ. Нѣкоторые изъ нихъ, пользуясь отливомъ, забрались на кораловыя верхушки, не болѣе какъ въ двухъ кабельтахъ отъ „Наутилуса“.

Я ясно различалъ ихъ черты. Это были настоящіе Па-

пуазцы; атлетическаго сложенія, красивые, съ широкимъ благороднымъ лбомъ, съ большимъ, но не приплюснутымъ носомъ и бѣлыми зубами. Ихъ шерстевидные волосы, выкрашенные въ красный цвѣтъ, рѣзко отбѣнялись на черномъ и блестящемъ, какъ у Нубійцевъ, тѣлѣ; изъ обрубленныхъ и вытянутыхъ ушей висѣли костяныя четки. Всѣ они большею частію были нагіе. Между ними я примѣтилъ также нѣсколько женщинъ, одѣтыхъ до колѣнъ въ настоящіе травяныя кринолины, которые поддерживались растительнымъ кушакомъ. У нѣкоторыхъ начальниковъ на шеяхъ висѣли ожерелья изъ бѣлыхъ и розовыхъ стеклянныхъ бусъ. Почти всѣ вооружены были луками, стрѣлами и щитами, а на плечахъ носили родъ сѣтей, гдѣ лежали закругленные камни—оружіе, которымъ они такъ искусно кидали.

Одинъ начальникъ довольно близко подошелъ къ „Наутилусу“ и разсматривалъ его со вниманіемъ. Надо думать, что это былъ „мадо“ высшего класса, потому что онъ былъ одѣтъ въ циновку изъ банановыхъ листьевъ, съ зубчиками по краямъ и выкрашенную въ яркіе цвѣта.

Дикарь подошелъ такъ близко, что я безъ труда могъ бы его убить; но я подумалъ, что лучше подождать настоящаго нападенія съ его стороны.

Между европейцами и дикарями должна быть разница именно въ томъ, чтобы европеецъ только защищался, а не нападалъ.

Во все время отлива туземцы бродили около „Наутилуса“, но бродило тихо и смирно. Я слышалъ какъ они часто произносили слово „асаи“, и по ихъ жестамъ понялъ, что они приглашали меня выйти на землю.

Но я отклонился отъ приглашенія.

Въ этотъ день шлюпка не трогалась съ мѣста, что было очень досадно Неду Ленду.

— Сколько я теперь запасу-то набралъ! говорилъ онъ. Надо вѣдь было этимъ обезьянамъ явиться!

Онъ утѣшался тѣмъ, что приводилъ въ порядокъ прежде запасенное мясо и муку.

Около одинадцати часовъ, какъ только приливъ началъ покрывать верхушки коралловъ, дикари возвратились на берегъ.

Но я видѣлъ, что ихъ все больше и больше собирается на берегу. Вѣроятно они пришли съ сосѣднихъ острововъ, или вѣрнѣе

изъ Папуазіи, а между тѣмъ я не замѣчалъ ни одной туземной пироги.

— Дѣла никакого нѣтъ, подумалъ я: дай-ка зачерпну водицы да поизслѣдую. Сегодня послѣдній денекъ, — если только исполнятся обѣщаніе капитана Немо и „Наутилусъ“ выберется.

Вода въ этомъ мѣстѣ была до того чиста, что въ ней ясно были видны всѣ раковины, животнорастенія и водоросли.

Я кликнулъ Консейля, — и онъ принесъ мнѣ маленькій легкій черпакъ, нѣсколько похожій на тотъ, какимъ ловятъ устриць.

— Съ позволенія ихъ чести, сказалъ Консейль, эти дикари, кажется вовсе не злы!

— А между тѣмъ это людоеды, Консейль.

— Можно быть людоедомъ и добрымъ человѣкомъ, отвѣчалъ Консейль, также какъ лакомкой и честнымъ человѣкомъ. Одно не мѣшаетъ другому.

— Хорошо придумано, Консейль! Я соглашаюсь, что это честные людоеды и честно ѣдятъ своихъ плѣнниковъ; но такъ какъ я не желаю быть съѣденнымъ, хотя бы даже и честно, то я буду держаться на сторожѣ, потому что капитанъ „Наутилуса“ не хочетъ брать никакихъ предосторожностей. А теперь за работу!

Въ продолженіи двухъ часовъ наша ловля шла успѣшно, но не принесла никакой рѣдкости. Черпакъ наполнялся медвѣжьими ушками, арфами, чернавами и главное множествомъ прелестныхъ молотковъ, какихъ я когда либо видалъ. Мы поймали также нѣсколько морскихъ кубышекъ, жемчужныхъ раковинъ и съ дюжину маленькихъ черепахъ, которыхъ отдали въ распоряженіе корабельнаго повара.

Но въ ту минуту, когда я менѣ всего ожидалъ, мнѣ попало въ руки чудо, или вѣрнѣе сказать „уродство“ природы, очень рѣдко встрѣчаемое. Консейль вынулъ черпакъ, нагруженный различными обыкновенными раковинами, вдругъ увидѣлъ, что я быстро опустилъ руку въ сѣть, досталъ оттуда раковину и испустилъ конхиологическій крикъ, т. е. самый пронзительный, какой только можетъ произвести человѣческое горло.

— Что приключилось ихъ чести? спросилъ удивленный Консейль. Ихъ честь что нибудь укусило?

— Нѣтъ, дружокъ, нѣтъ! Хоть я бы охотно заплатился цѣлымъ пальцемъ за эту находку!

— За какую находку, съ позволенія ихъ чести?

— Вотъ она! сказала я, показывая ему раковину.

— Да вѣдь это простая пурпуровая оливка, родъ оливкоѣ, порядокъ гребенчатожаберныхъ, классъ гастероподовъ, отдѣлъ моллюсковъ...

— Да, Консейль, но вмѣсто того чтобы завиваться съ права на лѣво, эта оливка завивается съ лѣва на право!

— Возможно ли? вскрикнулъ Консейль.

— Да, дружокъ, да! это раковина лѣвша!

— Раковина лѣвша! повторилъ Консейль. Ахъ, какъ бьетъ ся сердце!

— Посмотри ка на ея спираль!

— Ахъ, ихъ честь не повѣрить, — сказалъ Консейль принимая драгоценную раковину дрожащею рукою, — но я никогда еще такъ не волновался!

И было отчего волноваться!

Всѣ знаютъ по наблюденіямъ натуралистовъ, что правизна есть законъ природы. Свѣтила съ ихъ спутниками во время колворащенія движутся справа на лѣво. Человѣкъ дѣйствуетъ болѣе правой, нежели лѣвой рукой, почему и инструменты его и снаряды, лѣтницы, замки, пружины часовъ и т. д. сдѣланы такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать справа на лѣво. Природа преимущественно слѣдуетъ этому же закону и относительно навивныхъ раковинъ. У всѣхъ завитокъ на право, — исключенія очень рѣдки и если завитокъ на лѣво, то любители покупаютъ ее на вѣсъ золота.

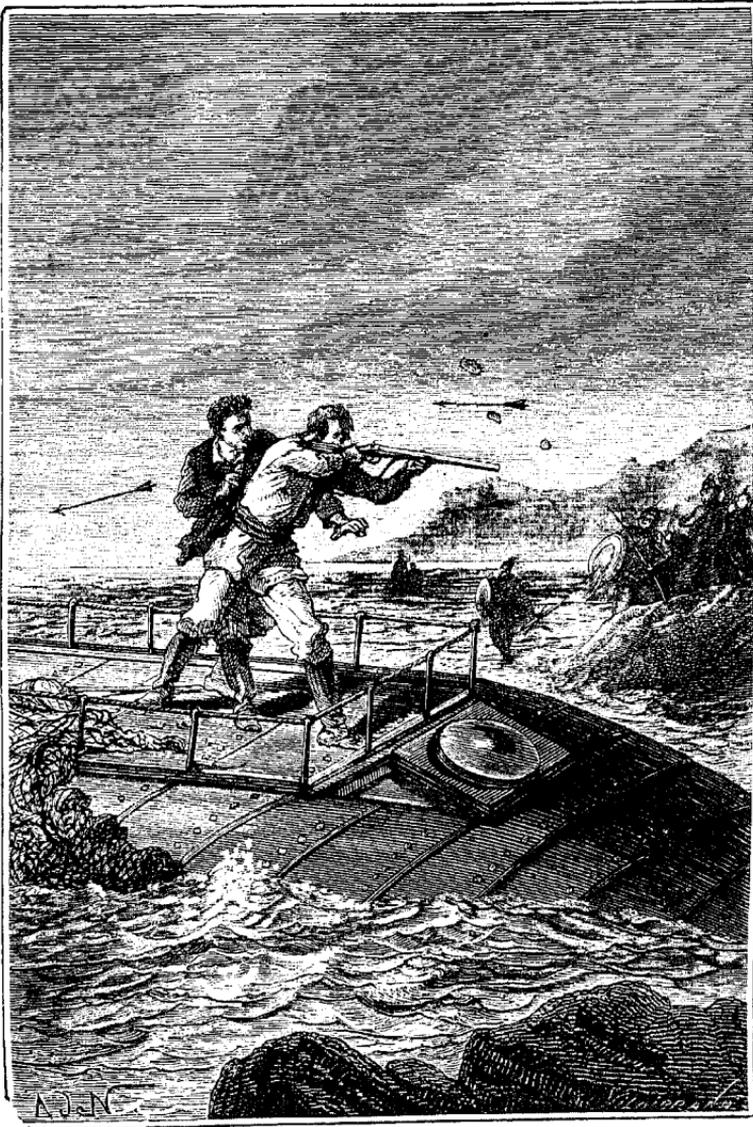
Мы съ Консейлемъ были заняты созерцаніемъ нашего сокровища и я уже мысленно общался обогатить ею нашъ парижскій музей, какъ вдругъ камень, мѣтко брошенный туземцемъ, разбилъ эту драгоценность въ рукахъ Консейля.

Я непустилъ крикъ отчаянія. Консейль бросился къ моему ружью, схватилъ его и прицѣлился въ дикаря, который раскачивалъ свою пращу всего въ десяти метрахъ отъ него. Я хотѣлъ его остановить, но онъ уже выстрѣлилъ и разбилъ брашлетъ съ талсманомъ, висѣвшій на рукѣ дикаря.

— Консейль! закричалъ я, Консейль!

— Что угодно ихъ чести? Развѣ ихъ честь не видить, что людоеды начали атаку?

— Раковина не стоитъ жизни человѣка! сказалъ я ему.

Консейль выстрѣлялъ въ дикари.

— Ахъ, негодяй! вскрикнулъ Консейль: я скорѣй бы его простилъ, еслибъ онъ перешибъ мнѣ плечо!

Я оглянулся и тутъ только замѣтилъ, что къ намъ подо- брались непрощенные посѣтителы. Штуку двадцать туземныхъ пи- рогъ окружали „Наутилусъ“.

Эти пироги выдолблены въ древесныхъ стволахъ; ови длин- ныя, прямыя и хорошо приспособлены для плаванья. Они никогда не опрокидываются безъ особаго случая, потому что равновѣсіе держится посредствомъ баланса изъ бамбука, кото- рый плыветъ по поверхности. Эти пироги управляютя лов- кими полунагими гребцами. Я не безъ тревоги смотрѣлъ на ихъ приближеніе.

Очевидно, что эти Папуазцы уже имѣли сношеніе съ Евро- пейцами и знали ихъ суда.

Но что должны были они думать объ этомъ длинномъ же- лѣзномъ цилиндрѣ безъ мачтъ, безъ трубъ?

Вѣроятно сначала онъ ихъ испугалъ, потому что они дер- жались нѣкоторое время въ почтительномъ отъ него отдаленіи; но видя его неподвижность, они мало по малу перестали боять- ся и отыскивали теперь случай съ нимъ познакомиться.

Это-то знакомство и слѣдовало отвратить. Наши ружья стрѣ- ляли безъ грома и не могли произвести на нихъ никакого впе- чатлѣнія, потому что они боялись только трескучаго оружія. Гроза безъ раскатовъ грома мало пугаетъ людей, хотя опас- ность заключается въ молніи, а не въ громовомъ трескѣ.

Пироги приблизились къ „Наутилусу“ и въ него посыпались тучи стрѣлъ.

— Градь идетъ! сказалъ Консейль: и чего добраго, можетъ еще градъ отравленный!

— Надо предупредить капитана Немо!—сказалъ я, сбѣгая съ лѣстницы.

Въ залѣ я никого не нашелъ и постучался въ комнату ка- питана.

— Войдите! былъ мнѣ отвѣтъ.

Я вошелъ и засталъ капитана за какими то численіями, гдѣ преобладалъ X и другіе алгебраическіе знаки.

— Я помѣшалъ вамъ? сказалъ я изъ приличія.

— Да, г. Аронаксъ, помѣшали, отвѣчалъ капитанъ; но я думаю, что у васъ на это есть важныя причины?

— Очень важныя. Насъ окружили пироги туземцевъ и чрезъ нѣсколько минутъ на насъ вѣроятно нападетъ нѣсколько сотенъ дикарей!

— А! сказалъ спокойно капитанъ Немо, такъ они явились въ пирогахъ?

— Да, капитанъ, въ пирогахъ!

— Ну такъ мы закроемъ филеки, г. профессоръ.

— Да, надо закрыть, капитанъ; я вотъ за этимъ и пришелъ...

— Сейчасъ будутъ закрыты, сказалъ капитанъ, и, подавивъ электрическую пуговицу, передалъ по этой почтѣ приказъ экипажу.

— Исполнено! сказалъ онъ мнѣ чрезъ нѣсколько секундъ. Надѣюсь, вы не опасаетесь, что эти господа пробьютъ стѣны, которыхъ не могли повредить пули вашего фрегата?

— Нѣтъ, капитанъ, не опасуюсь, но вѣдь еще остается опасность!

— Какая, г. профессоръ?

— Такая, что завтра, въ этотъ же часъ, надо будетъ открыть филеки, чтобы перемѣнить воздухъ въ „Наутилусъ“!

— Разумѣется, г. профессоръ, потому что „Наутилусъ“ дышетъ, какъ китообразныя животныя.

— А если въ это же время паузцы вскарабкаются на платформу, какъ вы ихъ остановите?

— Такъ вы думаете, что они заберутся во внутрь „Наутилуса“?

— Я въ этомъ увѣренъ!

— Ну, пусть ихъ себѣ занимаютъ платформу. Я не вижу причины, почему бы ихъ не допустить. Я не хочу, чтобы моя остановка у острова Гвебороара стоила жизни хотя бы одному изъ этихъ бѣдныхъ звѣрей.

Я хотѣлъ уйти, но капитанъ удержалъ меня и пригласилъ сѣсть около него. Онъ спрашивалъ меня о нашей прогулкѣ по острову, объ охотѣ, и никакъ не могъ понять потребность мяса, которая была такъ развита у Неда Ленда. Затѣмъ разговоръ коснулся разныхъ другихъ предметовъ.

Капитанъ, хотя не былъ ни чуть откровеннѣе, но былъ гораздо любезнѣе.

Между прочимъ мы заговорили о положеніи „Наутилуса“, сѣвшаго на мель на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ чуть не погибъ Дюмонъ Дюрвиль.

— Этотъ Дюмонъ Дюрвиль одинъ изъ великихъ моряковъ, сказалъ капитанъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ страстныхъ мореплавателей, это французскій капитанъ Кукъ. Несчастный ученый перешелъ сплошные льды южнаго полюса, коралловые рифы Океаніи, увернулся отъ людоедовъ Тихаго океана, и все это для того, чтобы погибнуть въ поѣздѣ желѣзной дороги! Если бы этотъ энергическій человекъ могъ размышлять въ послѣднюю минуту своего существованія, то представьте, каковы должны были быть его размышленія!

Говоря это, капитанъ замѣтно взволновался.

Затѣмъ мы взяли карту и пересматривали открытія французскаго мореплавателя. Мы вспомнили его кругосвѣтныя путешествія, его попытку проникнуть къ южному полюсу, что повело къ открытію земель Адели и Луи-Филиппа, наконецъ его гидрографическія съемки главныхъ острововъ Океаніи.

— Что сдѣлалъ Дюрвиль на поверхности морей, сказалъ капитанъ Немо, то я сдѣлалъ внутри океана, — и сдѣлалъ легче и полнѣе. „Астролябія“ безпрестанно носимая ураганами, не могла равняться съ „Наутилусомъ“, — съ этимъ спокойнымъ рабочимъ кабинетомъ, который неподвиженъ посреди водъ.

— Однако, капитанъ, сказалъ я, все-таки есть сходство между борветами Дюмонъ-Дюрвиля“ и „Наутилусомъ“.

— Какое, г. профессоръ?

— Такое, что „Наутилусъ“, какъ и они, сѣлъ на мель.

— „Наутилусъ“ не садился на мель, отвѣчалъ холодно капитанъ. „Наутилусъ“ можетъ спокойно оставаться на коралловомъ рифѣ и мнѣ не придется истощать экипажъ мучительными работами, какъ пришлось Дюмонъ-Дюрвилю; „Астролябія“ и другой корветъ погибли, а мой „Наутилусъ“ не подвергается никакой опасности. Завтра, въ предсказанный день и часъ, приливъ тихо подниметъ его и онъ снова поплыветъ подъ морскими волнами.

— Капитанъ, сказалъ я: я не сомнѣваюсь...

— Завтра, прибавилъ капитанъ вставая, завтра въ два часа и сорокъ минутъ вечера „Наутилусъ“ всплыветъ и безъ всякихъ поврежденій покинетъ Торресовъ проливъ.

Сказавъ эти слова, капитанъ слегка поклонился. Это былъ знакъ, что мнѣ пора убираться, и я возвратился въ свою комнату.

Тутъ я нашелъ Консейля, желавшаго знать результатъ моего свиданія съ капитаномъ.

— Что жъ капитанъ сказалъ ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Мой почтеннѣйшій, отвѣчалъ я: когда я сказалъ капитану, что „Наутилусу“ угрожаетъ опасность, онъ скорчилъ очень проницескую гримасу и отвѣчалъ мнѣ довольно небрежно. Остается одно—довѣриться ему и спокойно почивать!

— Я не понадоблюсь ихъ чести?

— Нѣтъ, мой другъ. А что дѣлаетъ Недъ Лендъ?

— Недъ Лендъ, съ позволенія ихъ чести, готовится пастеть изъ кенгуру, отвѣчалъ Консейль. Онъ говоритъ, что пастеть этотъ будетъ диковинный.

Оставшись одинъ, я легъ спать; но спать довольно худо. Я слышалъ какъ дикари толпились на платформѣ и время отъ времени оглушительно вскрикивали. Такимъ образомъ прошла ночь; экипажъ „Наутилуса“ не вышелъ изъ своей обычной неподвижности. Его также мало беспокоило присутствіе людоѣдовъ, какъ мало беспокоютъ солдатъ въ блиндированномъ фортѣ муравьи, которые ползутъ на блинды.

Въ шесть часовъ я проснулся и всталъ. Филенки не были отворены. Воздухъ не былъ перемѣненъ; но добавочные резервуары доставляли нѣсколько кубическихъ метровъ кислорода для обдѣнѣвшей атмосферы „Наутилуса“.

До двѣнадцати часовъ я работалъ въ своей комнатѣ; капитанъ не показывался. На суднѣ, казалось, не дѣлалось никакихъ приготовленій къ отъѣзду.

Подождавъ еще нѣсколько времени, я вышелъ въ залу. Часы показывали половину третьяго. Черезъ десять минутъ волны должны были достигнуть предѣла своей высоты, и если только капитанъ общалъ не опрометчиво, то „Наутилусъ“ поднимется. Если же, напротивъ, ожиданіе это не исполнится, то пройдетъ много мѣсяцевъ, пока онъ покинетъ свое кораловое ложе.

Дикарь перекувырнулся.

Между тѣмъ нѣсколько колебаній, предшественниковъ нашего веплытія, были уже ощущаемы корпусомъ „Наутилуса“, и я слышалъ какъ скрежетали известковыя шероховатости кораловаго дна.

Въ два часа и тридцать пять минутъ капитанъ появился въ залѣ.

— Мы сейчасъ сдвинемся, сказалъ онъ.

— А! отвѣтилъ я на это.

— Я отдалъ приказъ открыть филенки.

— А Папуазцы?

— Папуазцы? отвѣчалъ капитанъ, слегка пожавъ плечами.

— Не войдутъ они во внутрь „Наутилуса“?

— Какъ же они могутъ войти?

— Черезъ открытыя филенки!

— Г. Аронаксъ, отвѣчалъ спокойно капитанъ Немо, чрезъ филенки „Наутилуса“ нельзя войти даже тогда, когда они открыты.

Я посмотрѣлъ на капитана.

— Вы меня не понимаете? спросилъ онъ.

— Совсѣмъ не понимаю.

— Ну пожалуйста за мной и вы увидите!

Я пошелъ по центральной лѣстницѣ, гдѣ Недъ Лендъ и Консейль съ любопытствомъ смотрѣли на нѣсколько человѣкъ изъ экипажа, которые открывали филенки между тѣмъ; сверху между тѣмъ раздавались яростные крики и вопли.

Внутреннія ставни были опущены. Показались двадцать страшныхъ фигуръ. Но перваго туземца, который взялся рукою за перила лѣстницы, отбросило невидимою силою; онъ переку выркнулся, приподнялся и побѣжалъ скачками, и спуская пронзительнѣйшіе, страшнѣйшіе крики. Десять его товарищей попробовали было тоже ринуться и подверглись той же участи.

Консейль былъ въ восторгѣ. Буйный Недъ Лендъ бросился въ погоню за дикарями, но только что взялся за перила руками, какъ его точно также откинуло.

— Тысяча чертей! вскрикнулъ онъ: громомъ убило!

Это слово объяснило мнѣ все. Перила превратились въ толстые металлическіе шнурки, насыщенные электричествомъ и примыкавшіе къ платформѣ. Кто дотрогивался до нихъ, чувствовалъ сильное со-

трясеніе — и это сотресеніе могло быть смертельно, если бы капитанъ Немо пустилъ проводникъ во всю силу.

Перепуганные, приведенные въ неописанный ужасъ Папуазцы ретировались. Мы не безъ смѣху уговаривали и растирали Неда Ленда, который неистовствовалъ, какъ одержимый бѣсомъ.

Въ это время „Наутилусъ“, приподнятый приливомъ волнъ, оставилъ свое коралловое ложе, именно на сороковой минутѣ, какъ предсказалъ капитанъ Немо. Винтъ принялся разбивать волны съ величественною медленностію. Быстрота хода мало по малу возрастала и, держась на поверхности океана, — онъ цѣль и невредимъ прошелъ опасныя мѣста Торресова пролива.

ГЛАВА XXIII.

ÆGRI SOMNIA.

На слѣдующій день, 10 января, „Наутилусъ“ снова пустился въ подводное плаваніе. Онъ плылъ со скоростію тридцати пяти миль въ часъ. Быстрота его винта была такова, что я не могъ ни слѣдить за его оборотами, ни считать ихъ.

Когда я думалъ, что эта чудная электрическая сила, давая движеніе, теплоту и свѣтъ „Наутилусу“, еще защищаетъ его противъ наружныхъ нападений и превращаетъ въ кивотъ завѣта, къ которому безнаказанно не прикоснется ни одинъ нарушитель святости, то мое удивленіе не имѣло границъ. Я восхищался и снарядомъ, и инженеромъ, который ухитрился его устроить.

Мы шли прямо къ западу и 11 января обогнули мысъ Вессель, лежащій на 135° долготы и 10° сѣв. широты; этотъ мысъ составляетъ восточную оконечность Карпенторова залива.

Рифы были еще многочисленны, но сравнительно попадались рѣже и всѣ были обозначены съ величайшею точностію на картѣ.

„Наутилусъ“ легко обошелъ Монеискіе буруны слѣва и рифы Викторіи справа, лежащіе подъ 130° долготы, на десятой паралели, которой мы строго придерживались.

13 января капитанъ Немо вступилъ въ Тиморское море; мы завидѣли островъ того же имени, лежащій на 122° долготы.

Этотъ островъ простирается на тысячу шесть сотъ двад-

пять пять квадратных миль и управляютъ имъ раджи. Бнязья эти выдаютъ себя за сыновей крокодиловъ, т. е. за особъ самага высокаго происхожденія, какое только возможно смертному. Ихъ чешуйчатые предки кишатъ въ рѣкахъ острова и считаются предметомъ глубокаго уваженія. Имъ покровительствуютъ, ихъ балуютъ, имъ даютъ въ пищу молодыхъ дѣвушекъ — и горе тому иностранцу, который занесетъ руку на священную ящерицу!

Тиморъ показался только на одно мгновеніе въ полдень, въ то время когда лейтенантъ „Наутилуса“ опредѣлялъ положеніе корабля.

И тоже, только мелькомъ, видѣлъ островокъ Ротти, который составляетъ часть группы; на этомъ островѣ женщины славятся красотой, и Ротскихъ уроженокъ очень цѣнятъ на малайскихъ рынкахъ.

Тутъ, направленіе „Наутилуса“ нѣсколько измѣнилось; онъ направился къ юго-востоку.

Куда еще увлечетъ насъ фантазія капитана Немо? Плыветъ онъ къ берегамъ Азіи? Приблизится онъ къ берегамъ Европы? Но врядъ ли! зачѣмъ туда попадетъ человекъ, который избѣгаетъ населенныхъ континентовъ? Можетъ онъ пойдеть къ югу? Или онъ обогнетъ мысъ Доброй Надежды, потомъ мысъ Горнъ и направится къ антарктическому полюсу? Возвратится ли онъ въ моря Тихаго океана, гдѣ его „Наутилусу“ легче и лучше всего плавать? Ничего нельзя было сказать навѣрное. Надо было ожидать, что покажетъ будущее.

Обвѣхавъ рифы Картье, Гибернія, Серингапатамъ и Скоттъ, мы 14 января вышли въ открытое море.

Я замѣтилъ, что ходъ „Наутилуса“ былъ умѣренъ и то онъ плылъ подъ волнами, то всплывалъ на поверхность.

Въ это время капитанъ Немо производилъ любопытные опыты надъ различіемъ температуры моря въ разныхъ слояхъ. При обыкновенныхъ условіяхъ, для этихъ наблюдений употребляются довольно сложные инструменты, — термометрическіе зонды, напризмѣръ, стекла которыхъ часто бьются отъ давленія водъ, Выводы, добытые такимъ образомъ, не могутъ быть достаточно провѣрены. Но капитанъ Немо самъ искалъ эту температуру въ глубинѣ моря и его термометръ, поставлен-

ный въ соприкосновеніе съ различными слоями, давалъ ему непосредственно и вѣрно искомый градусъ.

Опыты эти производились или погружая резервуары, или „Наутилусъ“ достигалъ глубины трехъ, четырехъ, пяти, семи, девяти и десяти тысячъ метровъ.

Окончательный выводъ этихъ опытовъ былъ тотъ, что море во всѣхъ широтахъ имѣетъ постоянную температуру $4\frac{1}{2}^{\circ}$ на глубинѣ тысячи метровъ.

Я слѣдилъ за опытами съ живѣйшимъ интересомъ. Капитанъ Немо производилъ ихъ со страстію. Часто я спрашивалъ себя, съ какого цѣлью онъ дѣлаетъ эти наблюденія? Было ли это для пользы человѣчества? Невѣроятно, потому что рано или поздно его открытія должны были погибнуть вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ нибудь неизвѣстномъ морѣ. Вотъ развѣ только онъ посвящаетъ меня въ выводы этихъ опытовъ съ тѣмъ, чтобы я ихъ передалъ куда слѣдуетъ?

Это значило допустить, что мое подводное путешествіе имѣло предѣлъ... Я этого предѣла еще не видѣлъ.

Какъ бы тамъ ни было, капитанъ Немо сообщилъ мнѣ всѣ добытыя имъ цифры, опредѣляющія плотности воды во всѣхъ главныхъ моряхъ земнаго шара.

Утромъ, 5 Января, капитанъ, съ которымъ я прохаживался по платформѣ, спросилъ меня—знаю ли я различную плотность, которую имѣетъ морская вода? Я отвѣчалъ отрицательно и прибавилъ, что наукѣ еще не достаетъ неоспоримыхъ наблюденій по этому поводу.

— Я сдѣлалъ эти наблюденія, сказалъ онъ мнѣ, и могу это доказать съ точностію.

— Отлично! сказалъ я; но „Наутилусъ“ составляетъ отдѣльный міръ и тайны его ученыхъ никогда не достигнуть земли!

— Вы правы, г. профессоръ, сказалъ онъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Это отдѣльный міръ! Онъ также чуждъ земли, какъ и планеты, сопровождающія земной шаръ вокругъ солнца; конечно, никогда не узнаютъ открытій ученыхъ съ Сатурна и Юпитера. Но такъ какъ случай связалъ наши два существованія, то я могу сообщить вамъ результатъ моихъ наблюденій.

— Я васъ слушаю, капитанъ.

— Вы знаете, г. профессоръ, что морская вода плотнѣе

прѣсной, но плотность эта не одинакова. Если я возьму плотность прѣсной воды, то найду $\frac{1}{28000}$ въ Атлантическомъ океанѣ, $\frac{1}{26000}$ въ Тихомъ океанѣ, $\frac{1}{30000}$ въ Средиземномъ морѣ...

— А! подумалъ я, онъ бываетъ и въ Средиземномъ морѣ!

— $\frac{1}{18000}$ въ Ионійскомъ морѣ и $\frac{1}{29000}$ въ Адриатическомъ...

Значить „Наутилусъ“ совсѣмъ не избѣгалъ морей, посѣщаемыхъ европейцами! Я изъ этого заключилъ, что когда нибудь и мы, — а можетъ даже и скоро, — будемъ у береговъ болѣе цивилизованныхъ. Я подумалъ, что Недъ Лендъ узнаеть это съ особеннымъ удовольствіемъ.

Нѣсколько времени мы цѣлые дни проводили въ опытахъ, которые производились и надъ соленостью воды, надъ ея прозрачностью надъ ея окраскою и надъ электризаціей, — и во всѣхъ этихъ случаяхъ капитанъ Немо выказывалъ удивительную находчивость и сообразительность.

Затѣмъ, когда опыты были окончены, я не видалъ его нѣсколько дней и снова жилъ отшельникомъ на „Наутилусѣ“.

16 января „Наутилусъ“, казалось, заснулъ на нѣсколькихъ только метрахъ подъ поверхностью воды. Электрическіе снаряды не дѣйствовали, винтъ былъ неподвиженъ и судно тихонько скользило по произволу струй.

Я предполагалъ, что экипажъ занятъ какими нибудь починками внутри корабля.

Въ это же время я съ товарищами были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища. Филенья залы оставались открытыми и такъ какъ фонарь „Наутилуса“ не былъ приведенъ въ дѣйствіе, то посреди водъ господствовала темнота. Небо было покрыто облаками и слабо отвѣщало первые слои океана.

Самыя большія рыбы казались теперь едва начертанными тѣнями. Вдругъ „Наутилусъ“ освѣтился. Сначала я думалъ, что зажгли фонарь и что электрическій свѣтъ происходитъ отъ него, но я ошибся и послѣ скорого наблюденія увидѣлъ свое заблужденіе.

„Наутилусъ“ плылъ среди фосфорическаго слоя, который въ этой темнотѣ казался ослѣпительнымъ.

Свѣтъ этотъ происходитъ отъ мириадовъ свѣтящихся микроскопическихкихъ животныхъ, которыхъ блескъ увеличивался отъ соприкосновенія съ металлическимъ корпусомъ подводнаго судна.

Посреди свѣтящейся водяной массы прорывались яркія полосы, словно ручки расплавленнаго въ горнилѣ свинца или нити метала, раскаленнаго до бѣла; нѣтъ, это было не тихое, ровное изліаніе лучей нашего обыкновеннаго освѣщенія! Здѣсь была сила и движеніе — необыкновенныя. Этотъ свѣтъ можно было назвать живымъ.

Это было безчисленное скопленіе целагійскихъ инфузорій, свѣтящихся акалефъ.

— Что это такое, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Что жъ это за инфузорія? спросилъ Недъ Лендъ. Опишите ка ихъ г. профессоръ.

— Это шарики изъ прозрачнаго желе, снабженные нитеобразными щупальцами; въ тридцати кубическихъ сантиметрахъ воды ихъ насчитываютъ до двадцати пяти тысячъ.

— Ишь какъ свѣтятся! замѣтилъ Недъ.

Свѣтъ этотъ увеличивался отъ блеска медузъ, морскихъ звѣздъ, ушатовъ, камнеточивокъ или морскихъ финиковъ и другихъ фосфорическихъ зоофитовъ, напитанныхъ жиромъ органическихъ веществъ, разлагаемыхъ моремъ и можетъ быть слизью, отдѣляемой рыбами.

Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ „Наутилусъ“ плылъ посреди блестящихъ волнъ и наше удивленіе еще увеличилось, когда мы увидѣли большихъ морскихъ животныхъ, игравшихъ тамъ, какъ саламандры. Я видѣлъ, въ этомъ огнѣ, который не жегъ, элегантныхъ и быстрыхъ дельфиновъ или морскихъ свиней, неутомимыхъ морскихъ клоуновъ и саблянокъ длиною въ три метра, смышленныхъ предвѣстниковъ урагана, которые время отъ времени ударяли объ стекла залы своими страшными копыями. Потомъ показались болѣе мелкія рыбы, различные спинороги, корифены, носачи и сотни другихъ, — все это кружилось и сновало въ яркомъ свѣтѣ.

Что это было за волшебное зрѣлище!

Можетъ быть нѣкоторыя атмосферическія условія умножали силу этого свѣта? Можетъ надъ поверхностью моря разражалась буря? Но „Наутилусъ“ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ, не чувствовалъ ея ярости и тихо качался посреди спокойной воды.

Мы плыли все далѣе и безпрестанно насъ поражали новыя чудеса. Консейль наблюдалъ и классифировалъ зоофитовъ, суставчатыхъ, моллюсковъ и рыбъ.

Дни быстро проходили и я ихъ уже не считалъ. Недѣ хлопоталъ о своихъ съѣстныхъ припасахъ и жаловался на однообразіе корабельнаго стола. Мы жили, какъ настоящія улитки, приспособились къ своимъ раковинамъ, и я могу засвидѣтельствовать, что въ улитку превратиться вовсе не трудно.

Это существованіе уже начало намъ казаться легкимъ и естественнымъ, и мы уже стали забывать, что есть другая жизнь на поверхности земнаго шара, когда одно происшествіе напомнило намъ о странности нашего положенія. 18 января „Наутилусъ“ находился на 105° долготы и 15° южной широты. Собиралась гроза, море кипѣло и волновалось. Вѣтеръ сильно дулъ съ востока. Барометръ, который уже нѣсколько дней понижался, возвѣщалъ приближеніе сильной бури.

Я взомель на платформу въ ту минуту, когда лейтенантъ дѣлалъ наблюденія.

— Вотъ окончить и скажетъ свою ежедневную фразу! подумалъ я.

Но на этотъ разъ обычная фраза была замѣнена другою, которой я тоже не понималъ.

Едва лейтенантъ успѣлъ ее произнести, появился капитанъ Немо съ зрительною трубою и сталъ вглядываться въ горизонтъ.

Нѣсколько минутъ онъ оставался неподвиженъ, глядя на одну точку. Потомъ, понизивъ свою трубу, онъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ лейтенантомъ. Лейтенантъ, казалось, былъ въ большомъ волненіи, которое тщетно старался скрыть.

Капитанъ владѣлъ собою гораздо лучше и сохранялъ обычное хладнокровіе. Онъ, казалось, представлялъ какія-то возраженія, на которыя лейтенантъ отвѣчалъ увѣреніями.

По крайней мѣрѣ я такъ понималъ по ихъ тону и жестамъ.

Что касается до меня, я смотрѣлъ какъ нельзя пристальнѣе по наблюдаемому направленію, но ничего не примѣчалъ. Небо и вода сливались на линіи горизонта, — вотъ и все.

А капитанъ Немо ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ; онъ не глядѣлъ на меня, даже можетъ быть и не видѣлъ меня. Шаги его были увѣренные, но не такіе мѣрные, какъ обычно-

венно. Иногда онъ останавливался и, скрестивъ на груди руки, наблюдалъ море.

Чего искалъ онъ на этомъ огромномъ пространствѣ? „Наутилусъ“ находился тогда въ нѣсколькихъ сотняхъ миль отъ ближайшаго берега.

Лейтенантъ снова взявъ подзорную трубку и принялся разсматривать горизонтъ; онъ ходилъ, топалъ ногой и очевидно все болѣе и болѣе волновался.

— Что все это значить? думалъ я. Ну когданибудь эта тайна да откроется. И даже по всей вѣроятности очень скоро потому что, по распоряженію капитана Немо, „Наутилусъ“ пустили быстрѣе.

Въ эту самую минуту лейтенантъ снова указалъ что то капитану; капитанъ остановился и направилъ трубу на означенную точку. Онъ долго наблюдалъ. А я, чрезвычайно заинтересованный этимъ, сошелъ въ залу и принесъ оттуда великолѣпную зрительную трубу, обыкновенно употребляемую мною и, облокотясь на кѣтку фонаря, расположился наблюдать небо и море.

Но не успѣлъ я приставить трубу къ глазамъ, какъ инструментъ быстро вырвали у меня изъ рукъ.

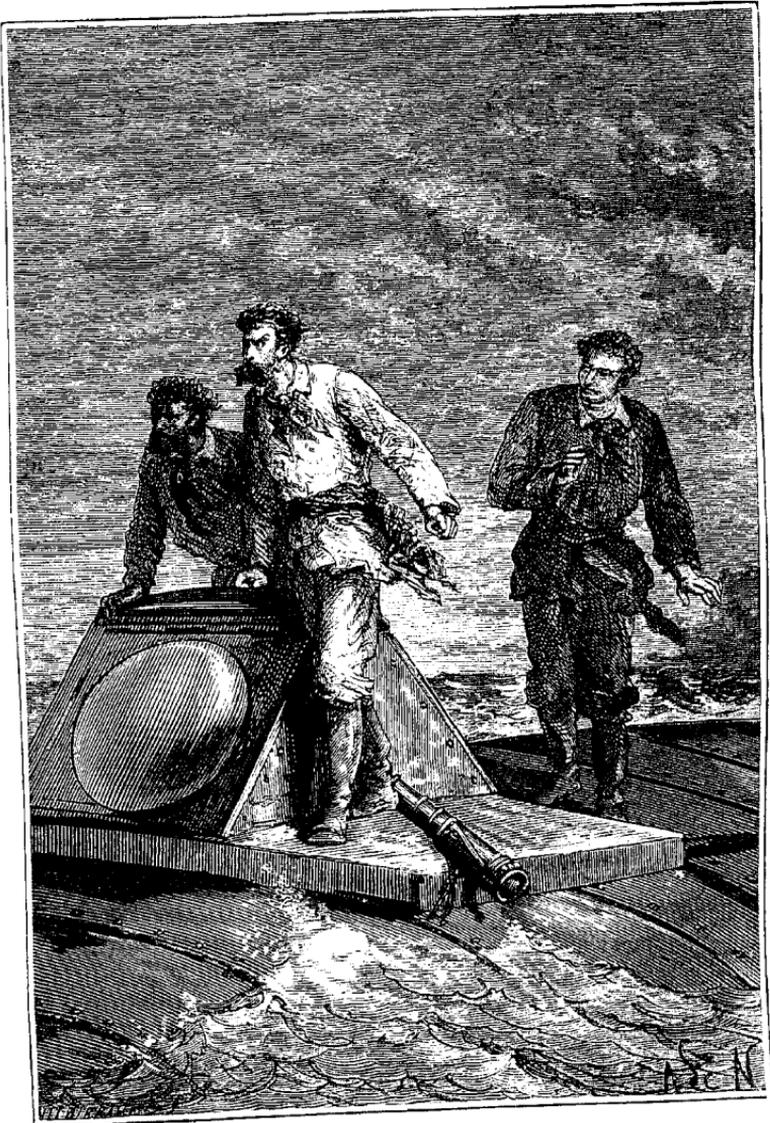
Я оборотился:— передо мною стоялъ капитанъ Немо, но я не узналъ его. Лицо его преобразилось: глаза блистали мрачнымъ огнемъ, брови сдвинуты, кулаки сжаты, голова закинута назадъ,—казалось злорадъ обугля все его существо. Моя труба покатила въ его ногамъ. Чѣмъ вызвалъ я этотъ гнѣвъ? Не образовалъ ли онъ, что я открылъ какуюнибудь тайну, которую не должны были знать гости „Наутилуса“? Нѣтъ! Этотъ гнѣвъ возбудилъ не я; онъ даже не смотрѣлъ на меня; взоръ его былъ прикованъ къ горизонту.

Наконецъ капитанъ Немо пришелъ въ себя; его лицо приняло обыкновенный спокойный видъ. Онъ сказалъ лейтенанту нѣсколько словъ на своемъ языкѣ и затѣмъ обратился ко мнѣ:

— Г. Аронаксъ, сказалъ онъ надменнымъ тономъ: я требую отъ васъ исполненія обязательства, которымъ вы связаны.

— Въ чемъ дѣло, капитанъ?

— Позвольте держать взаперти васъ и вашихъ товарищей до тѣхъ поръ, пока я найду нужнымъ возвратитъ вамъ свободу.

Лейтенантъ указаль что-то капитану.

— Вы здѣсь хозяинъ, отвѣчалъ я, пристально смотря на него. Только вы позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ?

— Ни одного, милостивый государь!

Послѣ такого отвѣта спорить было нельзя: оставалось по-виноваться.

Я пошелъ въ каюту Неда Ленда и Консейля и объявилъ имъ о приказаніи капитана.

Я каждому предоставляю судить, какъ подобное извѣстіе было принято канадцемъ.

Четыре человѣка изъ экипажа дожидались у дверей и проводили насъ въ ту каюту, гдѣ мы провели первую ночь на „Наутилусѣ“. Недъ Лендъ хотѣлъ протестовать, но вмѣсто всякаго отвѣта его легонько впахнули и дверь затворилась.

— Что это значить, съ позволенія ихъ чести? спросилъ меня Консейль.

Я рассказалъ своимъ собесѣдникамъ, что произошло. Они были также удивлены, какъ и я, и также терялись въ догадкахъ.

Я погрузился въ бездну размышленій; гнѣвная, злобная фізіономія капитана Немо не выходила у меня изъ головы. Мысли у меня какъ-то путались, я ничего не могъ сообразить.

Вдругъ Недъ Лендъ вскрикнулъ:

— Смотрите! завтракъ готовъ!

Въ самомъ дѣлѣ, столъ былъ приготовленъ. Очевидно, капитанъ отдалъ приказъ о завтракѣ въ тоже время, когда отдавалъ приказъ объ ускореніи хода „Наутилуса“.

— Съ позволенія ихъ чести, сказалъ Консейль, я желалъ бы сказать, что я думаю...

— Скажи, Консейль, отвѣчалъ я.

— По моему ихъ чести слѣдовало бы позавтракать. Позавтракать теперь очень благоразумно, потому кто знаетъ, что можетъ быть?

— Ты правъ, Консейль.

— Къ несчастію, сказалъ Недъ Лендъ, они намъ подали свою стряпню! Ни кусочка мяса!

— Другъ Недъ, возразилъ Консейль, чтобы вы сказали, кабы совѣмъ ничего не подали?

Мы сѣли за столъ. За завтракомъ разговоровъ не было.

Я мало ѣлъ, Консейль ѣлъ насильно, изъ благоразумія; одинъ Недъ съ аппетитомъ.

Когда завтракъ окончился, каждый изъ насъ прилегъ въ своемъ углу.

Въ это время свѣтлый шаръ, освѣщавшій нашу каюту, погасъ, и мы остались въ совершенной темнотѣ. Недъ Лендъ не замедлилъ заснуть, но меня удивило, что и Консейль тотчасъ же погрузился въ тяжелую дремоту.

— Отчего это его такъ обуялъ сонъ? подумалъ я.

И вдругъ чувствую, что голова моя тяжелѣть и что я словно пьянѣю.

Напрасно открывалъ я глаза и старался держать ихъ открытыми, — они сомкнулись, не смотря на всѣ мои усилія. У меня начиналась какая то тяжелая, болѣзненная галлюцинація. Очевидно, въ нашъ завтракъ было подмѣшано сонное вещество.

Капитану, для сохраненія тайны не довольно было нашего заключенія, ему нуженъ былъ еще сонъ!

Я слышалъ какъ закрылись филенки. Морское волненіе, производившее легкую боковую качку, прекратилась. Покинулъ ли „Наутилусъ“ поверхность Океана, вошелъ ли онъ въ неподвижный слой воды?

Я пробовалъ еще бороться съ одолеваящимъ сномъ, но бороться было невозможно. Дыханіе мое ослабѣло. Смертельный холодъ охватилъ, и какъ бы парализировалъ мои члены. Мои вѣки упали какъ настоящіе свинцовые колпаки на глаза, и я не могъ болѣе ихъ поднять. Я погрузился въ болѣзненный сонъ, мнѣ стали представляться какія-то видѣнія... Потомъ видѣнія исчезли и я впалъ въ совершенное безпамятство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

КОРАЛЛОВЕ ЦАРСТВО.

На другой день я проснулся безъ всякой головной боли и чувствовалъ себя особенно хорошо. Къ великому моему изумленію, я за ночь очутился въ своей комнатѣ. Безъ сомнѣнія, и мои товарищи тоже были перенесены обратно въ ихъ каюту; что произошло ночью они вѣроятно не знали, какъ не зналъ и я.

Меня тоже начала одолѣвать дремота.

— Нечего ломать теперь голову напрасно, убѣждалъ я себя. Надо терпѣливо ожидать: авось случай откроетъ всѣ эти секреты.

Пойду пока на платформу!

Но могу ли я выйти — это еще вопросъ. Очевь можетъ быть, что меня опять заперли на ключъ!

Но я былъ свободенъ.

Только что я толкнулъ дверь, она отворилась и я поднялся по центральной лѣстницѣ; филенки, запертыя наканунѣ, были открыты; я вышелъ на платформу.

Недъ Лендъ и Консейль уже ждали меня. Я на всякій случай спросилъ ихъ, какъ они провели ночь; они отвѣтили что спали глубокимъ сномъ, совершенно ничего не помнили и были очень удивлены, когда проснулись въ своей каютѣ.

Что касается „Наутилуса“, онъ былъ тихъ и таинствененъ, какъ и всегда. Онъ плылъ на поверхности съ умѣренною скоростью. По видимому на суднѣ ничего не измѣнилось.

Недъ Лендъ напрасно впивался своими зоркими глазами въ море: море представляло безбрежную пустыню.

Канадецъ не примѣтилъ на горизонтѣ ни паруса, ни земли. Дулъ сильный западный вѣтеръ; бурныя волны такъ и ходили. Море, что называется, разыгрывалась.

— Сегодня таки покачивается, замѣтилъ Консейль.

„Наутилусъ“ подымался на поверхность и снова погружался въ среднюю глубину на пятнадцать метровъ, такъ что могъ, въ случаѣ надобности, очень скоро выплывать на поверхность воды. Онъ выплывалъ противъ обыкновенія нѣсколько разъ въ этотъ день, 19-го Января. Лейтенантъ выходилъ тогда на платформу и обычная его фраза раздавалась во внутренности судна.

Что же касается до капитана Немо, то онъ не показывался. Изъ экипажа я видѣлъ только одного молчаливаго корабельнаго слугу, который служилъ съ обычною своею акуратностію и обычнымъ безмолвіемъ.

Около двухъ часовъ я сошелъ въ залу и занялся переборкой своихъ записокъ. Вдругъ капитанъ отворилъ дверь и вошелъ. Я ему поклонился, онъ почти не примѣтно отвѣтилъ мнѣ тѣмъ же, не сказавъ ни слова. Я снова принялся за переборку, втай-

нѣ надѣясь, что онъ мнѣ объяснить, чѣмъ такимъ была означена прошедшая ночь. Но онъ молчалъ.

Я посмотрѣлъ на него — онъ казался усталымъ, глаза у него покраснѣли: послѣднее доказывало, что онъ провелъ бессонную ночь. Лицо его выражало глубокую грусть, настоящее горе. Онъ ходилъ, садился, вставалъ, бралъ какую попало книгу и тотчасъ ее оставлялъ, смотрѣлъ на свои инструменты, не дѣлая по нимъ обычныхъ наблюденій: — казалась, онъ не могъ ни устоять, ни усидѣть ни одного мгновенія на одномъ мѣстѣ.

Наконецъ онъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы докторъ г. Аронаксъ? сказалъ онъ.

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что я смотрѣлъ на него нѣсколько времени не отвѣчая.

— Вы докторъ? повторилъ онъ. Я знаю, многіе изъ вашей коллегіи были докторами: Гратиолетъ, Мокенъ-Тандонъ и другіе.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ я: — я докторъ при госпиталяхъ. Я практиковалъ много лѣтъ прежде чѣмъ поступилъ въ музей.

— Очень радъ, г. профессоръ.

Мой отвѣтъ кажется совершенно удовлетворилъ капитана. Не зная, къ чему онъ меня объ этомъ спросилъ, я дожидался новаго вопроса.

— Г. Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ: согласитесь ли вы пользоваться одного изъ моихъ товарищей?

— У васъ больной?

— Да.

— Я готовъ слѣдовать за вами.

— Пойдемте.

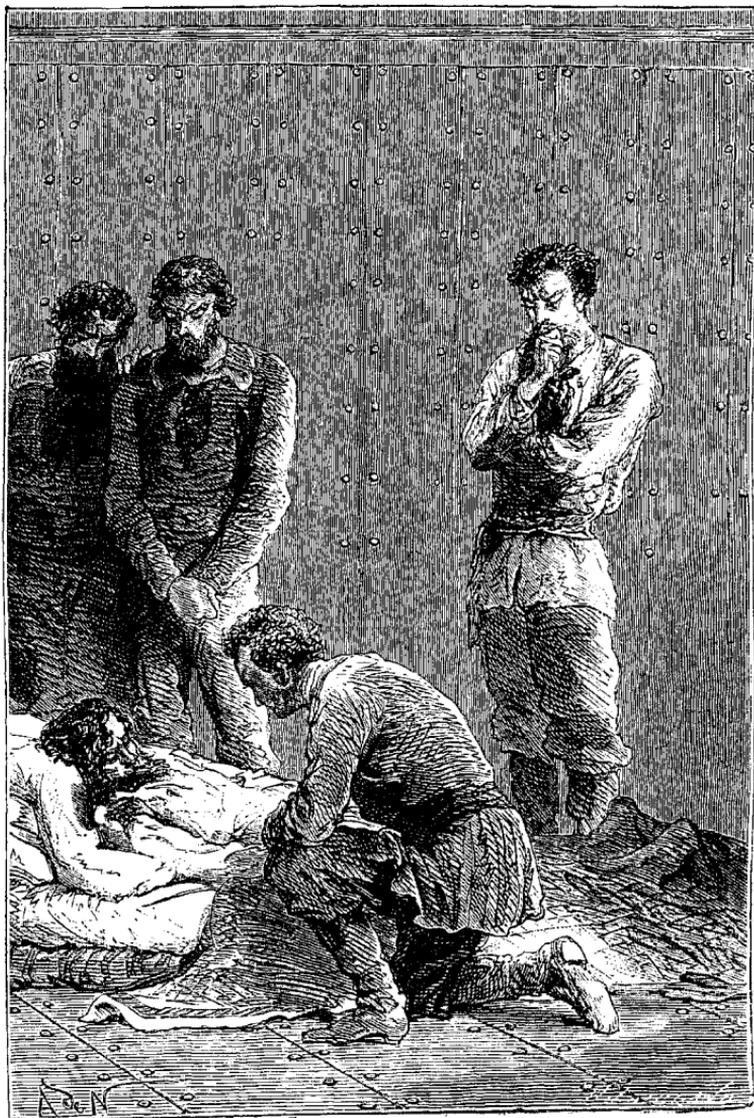
Признаюсь, сердце мое сильно билось. Не знаю почему, но я предполагалъ связь между болѣзнію этого человѣка и приключеніями прошедшей ночи. И тайна, и больной очень меня занимали и интересовали.

Капитанъ провелъ меня на корму „Наутилуса“ и впустилъ въ каюту, находящуюся около поста матросовъ.

Тамъ, на кровати, лежалъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ энергическимъ лицомъ.

— Настоящій типъ Англо-саксонца! подумалъ я.

Я наклонился надъ нимъ. Онъ былъ не только боленъ, но

¶ наклонился надъ раненымъ.

и раненъ. Его голова, перевязанная окровавленнымъ полотномъ, лежала на двойномъ изголовьи; развязавъ повязку и осмотрѣвъ рану я понялъ, что ничего не могу тутъ сдѣлать. Рана была ужасная. Черепъ былъ пробитъ какимъ-то тупымъ оружіемъ, и изъ него выглядывалъ мозгъ. Запекшаяся кровь превратилась въ твердую массу, которая приняла цвѣтъ виннаго отстоя. Дыханіе больного было медленно и спазматическія движенія мускуловъ искажали лице. У него было воспаление мозга.

Я взялъ пульсъ раненаго; онъ былъ уже слабъ, оконечности тѣла уже холодѣли; смерть приближалась.

Я сдѣлалъ перевязку, поправилъ изголовье и обратился къ капитану.

— Отчего эта рана? спросилъ я.

— Какое до этого дѣло! уклончиво отвѣчалъ капитанъ. „Наутилусъ“ сильно качнуло, этотъ толчокъ разбилъ одинъ рычагъ въ машинѣ и осколкомъ ударило этого человѣка. Чтожь, какъ вы думаете, можно помочь?

Я колебался отвѣтить.

— Вы можете говорить, сказалъ мнѣ капитанъ: этотъ человекъ не понимаетъ по французски.

Я еще разъ посмотрѣлъ на раненаго и отвѣчалъ:

— Черезъ два часа онъ умретъ.

— Ничто не можетъ спасти его?

— Ничто!

Рука капитана Немо судорожно сжалась и нѣсколько слезъ выкатились изъ его глазъ.

А я думалъ, что эти глаза не способны плакать!

Нѣсколько минутъ я еще глядѣлъ на умирающаго; жизнь мало по малу его оставляла; блѣдность еще болѣе увеличивалась отъ электрическаго свѣта, освѣщавшаго смертный одръ. Я смотрѣлъ на его смышенное, умное лицо, избородженное преждевременными морщинами. Морщины эти, быть можетъ, проведены горемъ и нуждою,—проведены, можетъ, быть, давно.

Я надѣялся не найду ли разгадки его жизни въ послѣднихъ предсмертныхъ словахъ.

— Вы можете удалиться г. Ароваксъ, сказалъ мнѣ капитанъ.

Я оставилъ капитана въ каютѣ умирающаго и возвратился въ свою комнату. Я былъ очень разстроены этой сценой.

Въ продолженіи всего дня я волновался. Ночь я спалъ худо, безпрестанно просыпался и слышалъ отдаленные вздохи. Мнѣ даже чудилось погребальное пѣніе.

На другой день утромъ я вышелъ на палубу. Капитанъ Немо уже былъ тамъ, и, какъ только завидѣлъ меня, подошелъ.

— Г. профессоръ, сказалъ онъ мнѣ: не угодно ли вамъ на подводную прогулку?

— Съ товарищами? спросилъ я.

— Если они хотятъ.

— Мы къ вашимъ услугамъ, капитанъ.

— Такъ одѣньтесь въ пробковыя фуфайки.

Объ умирающемъ или умершемъ ни одного слова.

Я сходилъ за Недомъ Лендомъ и за Консейлемъ и извѣстилъ ихъ о предложеніи капитана. Консейль, разумѣется, радостно принялъ это предложеніе и канадецъ, на этотъ разъ, былъ согласенъ слѣдовать за нами.

Было восемь часовъ утра. Въ половинѣ девятого мы были уже въ пробковыхъ фуфайкахъ, вооружены дыхательными и свѣтильными снарядами и совсѣмъ готовы въ путь.

Двойная дверь была открыта и, сопровождаемые капитаномъ Немо, за которымъ слѣдовали человѣкъ двѣнадцать экипажа, несшіе какой-то продолговатый предметъ, мы сошли на глубину десяти метровъ.

Легкая покатость вела къ довольно глубокой впадинѣ. Здѣсь дно совершенно отличалось отъ того, которое я посѣтилъ въ первую прогулку подъ водами Тихаго океана. Здѣсь не было ни мелкаго песку, ни подводныхъ луговъ, ни пелагійскихъ лѣсовъ. Я тотчасъ же узналъ область чудесъ, въ которую на этотъ разъ превращалъ насъ капитанъ Немо.

Это было царство кораловъ!

Въ отдѣлѣ зоофитовъ и въ классѣ пробчаковъ примѣчаютъ порядокъ горгоніевыхъ, который заключаетъ три группы: горгоніи, изиды и кораллы. Къ этой то послѣдней и принадлежитъ коралъ, любопытное существо, которое по очереди причислялось то къ минераламъ, то къ растеніямъ, то къ животнымъ.

У древнихъ онъ считался за лекарство, въ средневѣковую

эпоху за алмазь и только въ 1694 году Марселезъ Пейсонелль причислилъ его окончательно къ царству животныхъ.

Коралль есть собраніе микроскопическихъ животныхъ на полипникѣ ломкаго и каменистаго свойства; каждое живетъ отдѣльной жизнью, но жизнь каждаго отдѣльнаго способствуетъ жизни общей. Это родъ естественнаго социализма.

Ничего не могло быть для меня интереснѣе, какъ посѣтить одинъ изъ этихъ окаменѣлыхъ лѣсовъ, которыми природа насадила морское дно.

Снаряды Румкорфа были приведены въ дѣйствіе и мы проходили по коралловому рифу, который, надо полагать, современемъ закроетъ эту часть Индѣйскаго океана. Дорога была окаймлена непроходимыми чащами кустиковъ, покрытыхъ маленькими цвѣтками, — звѣздочками съ бѣлыми лучами.

Но въ противоположность земнымъ растеніямъ, эти древовидныя, прирѣпленные къ скаламъ почвы, все имѣли направленіе съ верху въ низъ.

Свѣтъ очаровательно игралъ въ ярко окрашенныхъ вѣтвяхъ. Мнѣ казалось, что эти перепончатыя и цилиндрическія трубки дрожали отъ волненія воды. Я не разъ забывалъ, что я не въ саду, и протягивалъ руку, желая сорвать свѣжіе вѣнчики, украшенные нѣжными щупальцами; одни цвѣтки только что распускались, другіе едва зарождались. Легкія рыбы съ быстрыми плавниками мелькали въ этомъ цвѣтникѣ, какъ порхающія птицы.

Но едва только рука моя дотрогивалась до этихъ живыхъ „не тронь меня“ — тотчасъ же вся колонія полошилась. Бѣлые вѣнчики входили въ красный футляръ, цвѣты мгновенно пропадали и кустарникъ превращался въ кучу каменистыхъ бугорковъ.

Случай открылъ мнѣ самый драгоценный образецъ этихъ зоофитовъ. Мнѣ попался коралль, который неуступалъ тѣмъ, которыхъ ловятъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Франціи, и Италиі; своими яркими цвѣтами онъ оправдывалъ поэтическія названія — „кроваваго цвѣтка“ и „кровоюй пѣны“, которыми купцы окрестили лучшія изъ этихъ произведеній. Цѣнность такого коралла доходитъ до пяти сотъ франковъ за килограммъ и въ этомъ мѣстѣ жидкіе слои покрывали несмѣтныя коралло-

выя богатства. Я примѣтилъ здѣсь великолѣпный образецъ розоваго коралла.

Скоро кустарники сдѣлались сплошнѣе, деревья выше.

Передъ нами открылись настоящіе окаменѣлые лѣса и длинныя аллеи.

Капитанъ Немо вступилъ въ темную галлерею; дорога шла все отлого и привела насъ на глубину во сто метровъ. Наши свѣтильные снаряды освѣщали шероховатые своды — и своды эти сверкали какъ драгоценныя каменья.

Между коралловыми деревьями, я примѣтилъ и другихъ, не менѣе любопытныхъ полипниковъ: милитею и коралловые грибы одни зеленаго, другіе краснаго цвѣта. Они похожи были на водоросли, облѣпленные известкой; естествоиспытатели, послѣ долгихъ споровъ, окончательно причислили эти грибы къ растительному царству; и, по замѣчанію глубокомысленнаго ученаго, „здѣсь можетъ быть именно тотъ предѣлъ, гдѣ жизнь только что начинаетъ пробуждаться“.

Наконецъ, послѣ двухъ часовой ходьбы, мы достигли глубины около трехъ сотъ метровъ, то-есть конечнаго предѣла, на которомъ кораллы начинаютъ образовываться; тутъ уже не было ни одинокихъ кустиковъ, ни маленькихъ деревцовъ, — тутъ былъ громадный минеральный лѣсъ огромныхъ окаменѣлыхъ деревьевъ, перелутанный легкими гирляндами изящныхъ аглоафеній, настоящихъ морскихъ лианъ, сверкающихъ всѣми цвѣтами и оттѣнками. Мы свободно проходили подъ высокими вѣтвями, теряющимися во мракѣ волей; подъ нашими ногами красные свирѣльники ¹⁾, меандрины ²⁾, астреи ³⁾, грибовики ⁴⁾ стлались, какъ цвѣточный коверъ, усѣянный блестящими бутонами.

Неописанное зрѣлище! Были минуты, когда я чуть-чуть не пожелалъ обратиться въ амфибію: превратись я въ амфибію, я бы могъ свободно посѣщать и земную, и водяную области.

Вдругъ капитанъ Немо остановился; я съ товарищами послѣдовалъ его примѣру и, оборотаясь, увидѣлъ, что экипажъ распо-

1) Красный свирѣльникъ (*tubiroga*) полипникъ.

2) Меандрина (*meandrina*) полипникъ изъ семейства коралловыхъ.

3) Астрея (*astrea*) звѣздчатой мадрепоръ.

4) Грибовикъ (*fungia*) полипникъ.

Коралловое кладбище.

ложился около своего начальника полукругомъ. Вглядѣвшись по-лучше, я замѣтилъ, что четыре изъ нихъ несли на плечахъ какой-то продолговатый предметъ.

Мы остановились какъ разъ посреди огромной прогалины, окруженной высокими деревьями подводнаго лѣса.

Фонари слабо освѣщали это мѣсто и тѣни наши непомѣрно удлиннились. Далѣе, за прогалиной была глубокая тьма, въ которой только изрѣдка поблескивали искорки свѣта, отражавшагося на кускахъ коралловъ.

Недѣ Лендъ и Консейль стояли около меня. Мы глядѣли во все глаза и ждали, что будетъ. Разматривая почву, я увидѣлъ, что она вся въ бугоркахъ. Бугорки эти были покрыты известковатыми осадками и расположены съ правильностію, которая обнаруживала работу человѣка.

Посреди прогалины, на пьедесталѣ изъ коралловыхъ обломковъ, сложенныхъ въ кучу, воздвигался коралловый крестъ, который протягивалъ длинныя руки и казалось было сдѣланъ изъ окаменѣлой крови.

По знаку капитана Немо, одинъ изъ экипажа приблизился къ кресту, вынулъ изъ за пояса заступъ и началъ рыть яму.

Я понялъ все. Здѣсь было кладбище. Это роютъ могилу, а продолговатый предметъ — это тѣло умершаго ночью раненаго человѣка.

Капитанъ Немо и его люди пришли хоронить товарища на днѣ недоступнаго Океана.

Могилу рыли медленно. Потревоженный рыбы сновали туда и сюда. Безпрестанно раздавался стукъ желѣзной мотыки; иногда она ударялась о камень и тогда вдругъ летѣли вверхъ искры. Яма удлинялась, расширялась и скоро была на столько широка и глубока, что могла вмѣстить тѣло.

Тогда приблизились носильщики. Тѣло, покрытое тканью изъ бѣлаго виссона, опустили въ темную, влажную могилу...

Затѣмъ могилу завалили и нѣсколько сравнили образовавшееся возвышеніе.

Когда все это было окончено, капитанъ и его люди приблизились къ могилѣ и поклонились ей въ знакъ послѣдняго прощанія.

Затѣмъ все отправились обратно къ „Наутилусу“ и снова прошли подъ сводами коралловаго лѣса.

Наконецъ показались огни судна и свѣтъ ихъ привелъ насъ къ „Наутилусу“. Мы воротились въ часъ. Я перемѣнилъ одежду и тотчасъ же вышелъ на платформу и сѣлъ у фонаря.

Много мыслей, — и мыслей довольно мрачныхъ, — тѣснилось у меня въ головѣ.

Скоро присоединился ко мнѣ капитанъ Немо. Я всталъ и сказалъ ему:

— Мое предсказаніе исполнилось: этотъ человѣкъ умеръ ночью?

— Да, г. Аронаксъ, отвѣчало капитанъ.

— И теперь онъ похороненъ около своихъ товарищей на коралловомъ кладбищѣ?

— Да, г. профессоръ. Мы вырыли могилу, а полипы задылаютъ мертвеца въ прочную гробницу.

Капитанъ вдругъ закрылъ лицо руками и, какъ ни силился сдержать рыданіе, — оно у него вырвалось.

Овладевъ собою, онъ прибавилъ:

— Да, г. профессоръ, это наше мирное кладбище на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ подъ морскими волнами!

— Ваши мертвецы, г. капитанъ, спятъ тутъ покрайней мѣрѣ спокойно, не боятся акулъ!

— Да, г. профессоръ, отвѣчала съ горечью капитанъ Немо, — ни акулъ, ни людей!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИНДИЙСКИЙ ОКЕАНЪ.

Коралловое кладбище произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Капитанъ Немо не только жилъ подъ морскими волнами, но и могилу устроилъ себѣ въ безднахъ океана. Тамъ, на днѣ пропасти, ни единое водяное чудовище не нарушитъ поствѣднаго снохозяевъ „Наутилуса“.

„И ни единый человѣкъ!“ какъ прибавилъ капитанъ.

Во всемъ проявлялось у него горькое недоувѣріе и безнощадная ненависть къ людямъ

Что это былъ за человѣкъ?

Консейль видѣлъ въ немъ непризнаннаго ученаго, — одного изъ тѣхъ „огорченвыхъ“, которые платятъ людямъ презрѣніемъ за равнодушіе.

— Это какой нибудь „геній“, съ позволенія ихъ чести, говорилъ достойный паренъ; никто его на землѣ „не понялъ“, онъ этимъ огорчился и вотъ ушелъ въ воду. „Если они меня не поняли“ думаетъ: „такъ я уже не хочу теперь ихъ знать, — буду сидѣть въ водѣ и тутъ дѣлать ученныя открытія!“

Я не возражалъ Консейлю, но не вполне раздѣлялъ его мнѣніе на этотъ счетъ.

Мнѣ не давали покою послѣднія происшествія.

Зачѣмъ насъ заточили въ каюту на ночь? И не только заточили, но даже опоили соннымъ зельемъ; зачѣмъ капитанъ Немо вырвалъ у меня изъ рукъ подзорную трубу, когда я хотѣлъ посмотрѣть нѣтъ ли чего въ виду? Какимъ образомъ получилъ смертельную рану этотъ человѣкъ, котораго мы похоронили?

Все это наводило меня на самыя неутѣшительныя мысли.

Кто знаетъ, быть можетъ капитанъ Немо не только убѣгаетъ людей, но, при случаѣ, жестоко мститъ имъ.

Положительнаго, разумѣется, ничего нельзя было сказать. Я находился, какъ говорится, во мракѣ и видѣлъ только кое какіе слабыя проблески, пока ничего не разъясняющіе.

— Нечего дѣлать! думалъ я. Будемъ писать подѣ диктовку происшествій!

Ничто насъ не связываетъ съ капитаномъ Немо. Онъ отлично знаетъ что убѣжать съ „Наутилуса“ нѣтъ никакой возможности. Мы не можемъ, значитъ, назваться плѣнниками „на слово“. Насъ не связываетъ нравственное обязательство. Мы просто захвачены въ плѣнъ, мы настоящіе узники и гостями насъ величаютъ только по утонченной любезности. Недѣ Лендъ прямо объявилъ, что онъ не приминетъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ къ побѣгу. Я безъ сомнѣнія поступлю точно также.

Тутъ я останавливался, сердце мое смягчилось, и я подумалъ:

— А вѣдь я почувствую что то въ родѣ сожалѣнья, когда придется навсегда расстаться съ этимъ таинственнымъ человѣкомъ. И какъ рѣшить, надо ли его ненавидѣть, или ему удивляться? Что онъ, палачъ или жертва?

Къ тому же, признаюсь, мнѣ очень хотѣлось еще разъ совершить подводное путешествіе, еще разъ увидеть всѣ эти диковины.

Вѣдь до сихъ поръ я, собственно говоря, очень мало открылъ. Что мало! Я ничего не открылъ! Мы всего на всего прошли шесть тысячъ лье по Тихому Океану!

Правда, за эти открытія можно поплатиться жизнью.

Но отчего жъ ею и не поплатиться, коли стоитъ того?

Однако „Наутилусъ“ приближается къ обитаемымъ землямъ, и если представится удобный случай къ побѣгу, я не имѣю никакого права приносить своихъ товарищей въ жертву моей страсти къ естественной исторіи. Надо будетъ за ними слѣдовать, даже легко можетъ быть надо показывать имъ дорогу.

Но представится ли когда нибудь такой случай?

Я, такъ сказать, раздѣлился самъ на себя. Во мнѣ словно было два человѣка: одинъ, простой частный человѣкъ желалъ бѣжать, другой, любопытный ученый, боялся минуты, когда явится возможность къ побѣгу.

21 января, въ полдень, лейтенантъ вышелъ на платформу и занялся наблюдениями. Я тоже вышелъ туда же, закурилъ сигару и сталъ слѣдить за его наблюдениями.

Очевидно этотъ человѣкъ ни слова не понималъ по французски. Я нѣсколько разъ громко дѣлалъ кое-какія замѣчанія, которыя непременно обратили бы его вниманіе, если бы онъ понималъ смыслъ моихъ словъ, но онъ пропускалъ ихъ мимо ушей, какъ безсодержательные звуки; онъ оставался нѣмъ и невозмутимъ.

Пока лейтенантъ дѣлалъ свои наблюденія, на платформу вышелъ матросъ— тотъ самый крѣпышъ, который ходилъ съ нами на подводную охоту, на островъ Креспо, и началъ чистить стекла фонаря. Я тогда подошелъ поближе и хорошенько разсмотрѣлъ устройство этого снаряда. Сила свѣта увеличивалась во сто разъ отъ чечевицеобразныхъ колець, расположенныхъ какъ въ маякѣ. Электрическая лампа была такъ устроена, что давала всю силу освѣщенія. Свѣтъ ея падалъ въ пустоту, что обуславливало его ровность и силу.

Когда „Наутилусъ“ приготовился снова погрузиться, я сошелъ въ залу. Корабль направился прямо въ западу.

Мы плыли по волнамъ Индійскаго Океана. Индійскій Океанъ простирается на пятьсотъ пятьдесятъ миліоновъ гектаровъ и воды его до того прозрачны, что дѣлается головокруженіе, если наклониться надъ ихъ поверхностію.

„Наутилусъ“ плылъ большею частію, на глубинѣ отъ ста до двухсотъ метровъ.

Такъ продолжалось нѣсколько дней.

Всякій другой на моемъ мѣстѣ очень бы ветосковался и вермя показалось бы ему очень длинно, однообразно, томительно, но я, страстный поклонникъ моря, ни мало не тяготился своимъ положеніемъ. Ежедневныя прогулки на платформѣ, гдѣ меня ожиляля и укрѣпляля свѣжій воздухъ, созерцаніе черезъ стекла морскихъ чудесъ, чтеніе въ бібліотекѣ, — все это меня чрезвычайно занимало. Я тоже продолжалъ вести свои записки.

Мы всё были совершенно здоровы. Корабельная, „водяная“, какъ выражался Недъ Лендъ, пища шла намъ въ прокъ и что до меня касается, то я нисколько не лстылся на разныя кухонныя ухищренія канадца. При постоянно одинаковой атмосферѣ нечего было опасаться даже насморка или легкой простуды.

Впрочемъ на „Наутилусѣ“ былъ достаточный запасъ мадрепоровъ, извѣстныхъ въ Провансѣ подъ именемъ „морскаго укропа“, которые служатъ превосходнымъ лекарствомъ отъ кашля.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней сряду мы видѣли великое множество водяныхъ птицъ, перепончатыхъ и чаекъ рыболововъ.

Нѣкоторыхъ мы очень ловко убили, потомъ изготовили къ столу, и на вкусъ они намъ показались не дурны. Между птицами которыя удаляются на большія пространства отъ материковъ и садятся отдыхать на волнахъ, я примѣтилъ великолѣпнѣйшихъ альбатросовъ. Ихъ крикъ не очень гармониченъ и напоминаетъ ослиное гиканье; эти птицы принадлежатъ къ семейству длинокрылыхъ. Представителями семейства веслоногихъ явились быстрые фрегаты, которые проворно хватали рыбъ на поверхности, и многочисленные фэтоны, между которыми я примѣтилъ фэтона алохвостаго, величиною съ голубя; у этого алохвостика оперенье было бѣлое съ розовымъ отливомъ, а крылья черноватя.

Альбатросъ.

Мы закинули сѣти и выловили различныхъ морскихъ черепахъ, кареттъ, съ выпуклой спиной. Этотъ родъ черепахъ очень цѣнится.

— Ахъ, какая прелесть! вскрикнулъ Консейль.

Эти пресмыкающіяся легко ныряютъ и могутъ очень долго держаться подъ водою, закрывъ клапанъ, который находится у нихъ около наружнаго отверстія носоваго канала. Многія пойманныя каретты еще спали въ своей бронѣ, прикрывшись отъ нападенія морскихъ животныхъ. Мясо этихъ черепахъ не отличалась особенно пріятнымъ вкусомъ, но яйца были безподобныя.

Мы по прежнему по цѣлымъ часамъ глядѣли сквозь стеклянныя доски и любовались рыбами. Я примѣтилъ множество рыбъ, которыхъ до сихъ поръ мнѣ еще не случалось видѣть.

Я назову только твердокожихъ, которыя преимущественно водятся въ Черномъ морѣ, въ Индійскомъ и въ части океана, омывающей берега равноденственной Америки.

Рыбы эти защищены, подобно черепахамъ, броненосцамъ, морскимъ котамъ, скорлупнякамъ, латами или броней. Броня эта костистая. Она представляетъ иногда трехугольную, а иногда четырехугольную форму.

Между трехугольными я примѣтилъ нѣкоторыхъ длиною въ полъ-дециметра. Мясо ихъ здорово, превосходно на вкусъ. Къ хвосту онѣ коричневаго цвѣта, а у плавниковъ желтаго.

— Вотъ бы, пересадить къ намъ во Францію! сказалъ я Консейлю.

Консейль только вздохнулъ.

— Съ позволенія ихъ чести, онѣ бы привыкли скоро къ новому климату? спросилъ онъ.

— Я полагаю, что скоро. Ихъ бы, по моему, можно было посадить въ рѣчную воду. Многія морскія рыбы отлично привыкаютъ къ прѣсной водѣ.

Между четырехугольными были такія, у которыхъ на спинѣ возвышались четыре большіе бугорка; были жесткокрылки ерапчатыя, испещренныя бѣлыми пятнышками, которыхъ можно приручить какъ птицъ; были трехуголки, снабженныя рогатками, которыя испускаютъ особый крикъ, похожій на хрюканье, за что имъ дали кличку „морскія свинки“; были верблуды одно-

горбыя, съ большимъ конусообразнымъ горбомъ, отличающіяся твердымъ и жесткимъ мясомъ.

Консейль, съ своей стороны, примѣтилъ нѣкоторыхъ рыбъ изъ семейства скалозубовъ, свойственныхъ этимъ морямъ: красноспинное съ бѣлымъ брюхомъ, съ тремя рядами продольныхъ волоконъ и ярко-цвѣтныхъ электричекъ, длиною въ семь дюймовъ.

Консейль усмотрѣлъ тоже образчики другого рода: коричневаго рогозуба, исчерченнаго бѣлыми полосками, и безхвостаго ежерыба, который изобильно снабженъ колючками и можетъ, когда того желаетъ или когда находитъ это нужнымъ, свертываться въ колючій клубокъ; летучихъ пегасокъ съ брюшными плавниками въ видѣ крыльевъ, которыя если не позволяютъ имъ летать, то по крайней мѣрѣ позволяютъ взлетывать; водяныхъ крыловиковъ, у которыхъ хвостъ покрытъ многочисленными чешуйчатыми кольцами; длинно-челюстныхъ ринходель, прекрасныхъ рыбъ длиною въ двадцать пять дюймовъ; блѣдносинихъ индійскихъ голомянокъ съ шероховатой головой; цѣлыя мириады слизевъ — скакуновъ, изборожденныхъ черными полосками, съ длинными плавниками, скользящихъ съ изумительною быстротою по поверхности водъ; прелестныхъ парусниковъ, которые надуваютъ свои плавники, какъ распущенные паруса; великолѣпныхъ куртовъ, сіяющихъ желтымъ, небесноглубымъ, серебристымъ и золотистымъ цвѣтами; власоперовъ, у которыхъ крылья состоятъ изъ волоконъ; рабцевъ или рамшей, всегда покрытыхъ тиной, которые издаютъ какой то шумъ, похожій на журчанье; жесткощечныхъ триблъ: жиръ этой рыбы считается ядовитымъ; — бизьяновъ, которые носятъ на глазахъ подвижной наглазникъ; наконецъ носатыхъ хельмоновъ, съ длиннымъ, дудчатымъ рыломъ. Эти рыбы вооружены ружьцомъ и убиваютъ насѣкомыхъ, пуская въ нихъ капли воды.

— Вотъ ружьцо-то, Консейль! сказавъ я. Стоить изобрѣтенія Шаспо и выдумки Ремингтона!

— Это ихъ честь справедливо изволили замѣтить, отвѣчалъ довольный Консейль.

Въ восемьдесятъ девятомъ отдѣлѣ рыбъ, по классификаціи Ласпеда, принадлежащимъ ко второму подклассу костистыхъ, отличающихся крышечкой и горловой перепонкой, я замѣтилъ скорпену, у которой голова снабжена рогатками или копейцами и у которой только одинъ спинной плавникъ; эти рыбы покры-

ты мелкой чешуйкой или голая, смотря по тому, къ какому разряду они принадлежатъ.

Второй подклась представилъ намъ образчики дидактилей, длиною отъ трехъ до четырехъ дециметровъ, съ желтыми полосками и съ очень чудной головой.

Въ первомъ же подраздѣленіи мы нашли много видовъ странной рыбы, извѣстной подъ именемъ „морской жабы“, у которой огромная голова вся въ бугоркахъ и во впадинкахъ съ неправильно расположенными безобразными рожками; сама рыба покрыта колючками и усѣяна бугорками а хвостъ какой-то словно мозолистый; колючки ея производятъ опасныя раны. Рыба эта отвратительна и страшна на видъ.

Съ 21 по 23 января „Наутилусъ“ шелъ по двѣсти пятидесяти миль въ сутки, то есть по пятисотъ сорока миль, или по двадцать двѣ мили въ часъ. Множество рыбъ, привлеченныхъ электрическимъ свѣтомъ, бросались плыть за нами; большая часть изъ нихъ не могла угнаться за „Наутилусомъ“ и отстала; инныя впрочемъ, нѣкоторое время поспѣвали рядомъ съ нами.

24 января, по утру, мы завидѣли островъ Келингъ на $12^{\circ} 5'$ южной широты и $94^{\circ} 33'$ долготы. Островъ этотъ мадрепорического происхожденія и весь заросъ великолѣпнѣйшими кокосовыми деревьями.

— Этотъ островъ посѣщали г. Дарвинъ и капитанъ Фицъ-Рой, сказалъ я Консейлю.

— И я бы хотѣлъ его посѣтить, съ позволенія ихъ чести, отвѣтилъ мой достойный парень.

„Наутилусъ“ прошелъ въ близкомъ разстояніи отъ пустынныхъ береговъ.

Мы зачерпнули воды въ этомъ мѣстѣ и выловили многочисленныя образчики полиповъ, шероховиковъ и костеобразныхъ оболочекъ изъ разряда моллюсковъ. Нѣсколько драгоцѣннѣйшихъ дельфинокъ пополнили коллекцію, или лучше сказать сокровищницу капитана Немо. Я съ своей стороны приподнесъ ему одну звѣздчатку, родъ полипника паразита, который часто присасывается къ раковинамъ.

Скоро островъ Келингъ исчезъ изъ виду и „Наутилусъ“ повернулъ къ сѣверо-западу, къ оконечности Индійскаго полуострова.

— Знаете, г. профессоръ, сказалъ мнѣ Недъ Лендъ: образованныя земли по моему будутъ почище Папуазскихъ острововъ; здѣсь встрѣчаешь больше дикарей чѣмъ дикихъ козъ, а тамъ разныя шоссе, желѣзныя дороги, англійскіе, французскіе и индускіе города и поселенія. Тамъ пройди всего какихъ нибудь шесть миль и сейчасъ встрѣтишь земляка. Вы какъ полагаете г. профессоръ, не пора ли намъ теперь раскланяться съ капитаномъ Немо?

— Нѣтъ, Недъ, нѣтъ, я не согласенъ. Пожалуйста погодите. „Наутилусъ“ приближается къ населеннымъ континентамъ. Онъ направляется къ Европѣ, — ну и пусть насъ туда подвезетъ. Когда мы вступимъ въ европейскія моря, мы тогда увидимъ какъ быть и что дѣлать. Къ тому же, я думаю, капитанъ Немо не отпуститъ насъ охотиться на Малабарскихъ или Коромандельскихъ берегахъ.

— А коли мы обойдемся безъ его позволенія, г. профессоръ?

Я не отвѣтилъ на это. Я не желалъ затѣвать спора, но внутренно я твердо рѣшился отклонять канадца на сколько хватить силъ и умѣнья, отъ всякихъ поползновеній къ побѣгу.

Отъ самаго острова Келинга ходъ „Наутилуса“ едѣлся медленнѣе. Мы часто погружались на глубину отъ двухъ до трехъ километровъ.

Но мы не могли провѣрить, какова глубина Индѣйскаго моря: зонды въ тринадцать тысячъ метровъ не доставали дна. Что же касается до температуры нижнихъ слоевъ, термометръ неизмѣнно показывалъ 4° выше нуля. Я только замѣтилъ, что въ верхнихъ слояхъ вода была гораздо холоднѣе, чѣмъ въ прочихъ моряхъ.

25 января „Наутилусъ“ провелъ цѣлый день на поверхности, а я провелъ три четверти этого дня на платформѣ.

Я глядѣлъ на море. Ничего не показывалось на горизонтѣ. Только около четырехъ часовъ вечера я увидалъ длинный пароходъ, который быстро шелъ къ западу. Я видѣлъ этотъ пароходъ на одну минуту — за тѣмъ онъ снова исчезъ.

— Вѣрно этотъ пароходъ ходитъ между Цейлономъ и Сиднеемъ, подумалъ я.

Ветръляки.

Въ пять часовъ вечера мы съ Консейлемъ были свидѣтелями очень любопытнаго явленія.

Существуетъ одно прелестное твореніе, чью встрѣчу древніе считали за счастливое предзнаменованіе. Аристотель, Плиній, Аѳеней и Опшёнъ изучали этого моллюска и по поводу его истощили большой запасъ поэтическихъ вымысловъ. Они называли его *Nautilus* и *Pompuilius*. Но новѣйшая наука не подтвердила этого названія, а перекрестила его въ „корабельнаго ботика“ или „вѣтрильника“, и теперь онъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ.

Кто спросилъ бы Консейля на счетъ моллюсковъ, тотъ узналъ бы тотчасъ же, что моллюски ихъ раздѣляются на пять классовъ, что первый разрядъ заключаетъ въ себѣ главоногихъ (*cephalopoda*); что эти моллюски бываютъ и голые, и черепкокожные, и раздѣляются на два семейства, на двужаберныхъ и на спрутовыхъ; что семейство двужаберныхъ заключаетъ въ себѣ три рода: вѣтрильника, чернильницу и каракатицу, а семейство спрутовыхъ имѣетъ только одинъ родъ: корабликовъ.

Тому, кто послѣ подобнаго объясненія смѣшалъ бы вѣтрильника, снабженнаго присосками, съ корабликомъ, снабженнымъ щупальцами, нельзя было найдти оправданія.

Да простятъ мнѣ это отступленіе, впрочемъ необходимое.

И такъ мы сидѣли и глядѣли на море, когда вдругъ появился цѣлый отрядъ вѣтрильниковъ.

Это были такъ называемые бугорчатые вѣтрильники, свойственные индійскимъ морямъ.

Эти граціозные моллюски двигались посредствомъ своей двигательной трубочки, выкидывая этой трубочкой воду, которую въ себя вбирали. Изъ ихъ восьми щупальцевъ шесть, которыя подлиннѣе и потоньше, плыли по водѣ, а два остальныхъ надувались, какъ легкіе паруса. Я отлично могъ рассмотреть ихъ винтообразную раковинку, которую Кювье сравниваетъ съ изящною лодочкой. Эта лодочка переноситъ своего строителя безъ всякой съ его стороны заботы.

— Вѣтрильникъ могъ бы покинуть свою раковинку, сказала я Консейлю, а вѣдь никогда не покидаетъ!

— Онъ какъ капитанъ Немо, съ позволенія ихъ чести: такой же самый нравъ имѣетъ. И по моему капитану слѣдовало бы назвать свое судно „Вѣтрильникомъ“.

Около часу „Наутилусъ“ плылъ посреди отряда моллюсковъ. Вдругъ, неизвѣстно почему, они всё переполошились. Паруса проворно свернулись, щупальцы прижались, раковины опрокинулись и вся флотилія исчезла подъ волнами.

Совершилось все это мгновенно. Никогда ни одна эскадра не отличалась большею быстротою и ловкостью въ маневрахъ.

Въ эту самую минуту внезапно наступила темнота.

Море было спокойно и тихо струилось.

На слѣдующее утро, 26 января, мы пересѣкли экваторъ на восемьдесятъ второмъ меридианѣ и вступили въ сѣверное полушаріе.

Въ этотъ день за нами гнался громадный отрядъ акулъ.

Здѣшнія моря кипятъ зубастыми страшилищами и поэтому плаваніе по нимъ не безопасно.

— Каковы, Консейль? говорилъ я своему вѣрному слугѣ.

— Первый сортъ, съ позволенія ихъ чести! отвѣчалъ Консейль.

И мы указывали другъ другу то ту, то другую акулу.

Тутъ были акулы съ темной спиной и бѣлымъ брюхомъ, снабженныя одинадцатью рядами зубовъ, были акулы очковые, у которыхъ шея помѣчена большимъ чернымъ пятномъ, съ бѣлымъ ободкомъ, которое очень похоже на глазъ; были акулы голубыя, съ округленнымъ рыломъ, испещренныя темными точками.

Часто эти зубастые силачи кидались и изо всей силы ударялись о стеклянныя стѣнки.

— Ахъ, вы бестіи! вскрикивалъ Недъ Лендъ, ахъ, вы наглыя твари! Ну, счастливы вы, что я сижу вотъ тутъ, какъ привинченный, а то бы я вамъ задалъ перцу!

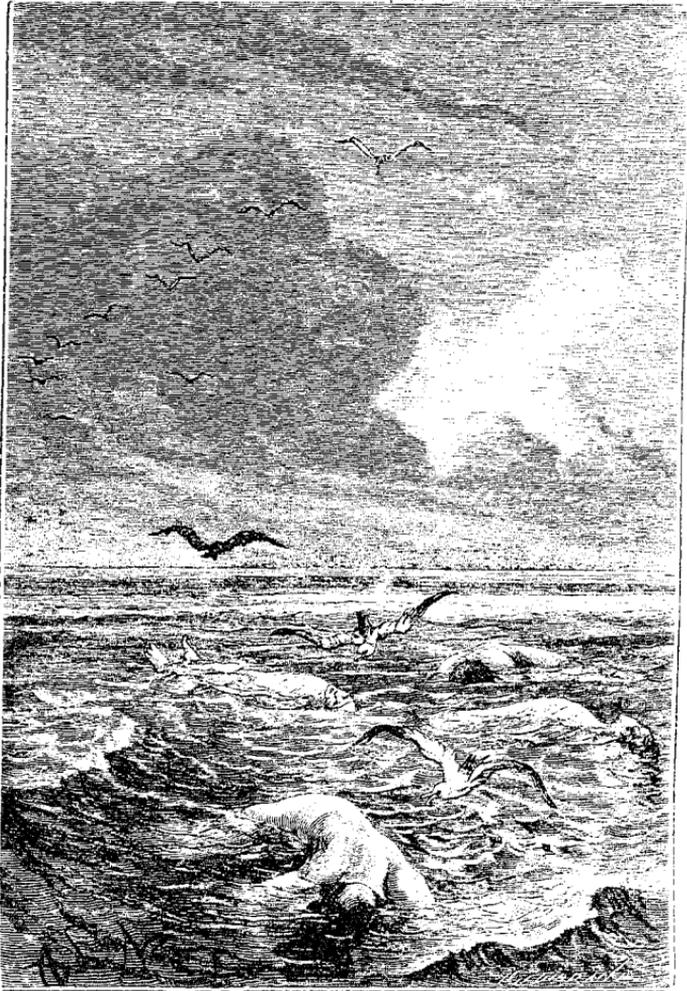
Особенно онъ лѣстился на гладкихъ акулъ, на куньяковъ, у которыхъ пасть узорчато утыкана зубами и на тигровыхъ акулъ, длиною въ пять метровъ.

Но скоро „Наутилусъ“ прибавилъ ходу и оставилъ позади самыхъ первыхъ скороходовъ зубастаго отряда.

27 января, при входѣ въ Бенгальскій заливъ, мы повстрѣчали плавающіе трупы.

— Встрѣча не веселая! сказалъ Недъ Лендъ.

То были покойники индійскихъ городовъ, принесенные теченіемъ Ганга въ море.

Щабіскіе покоійны.

— Чтобы зарыть то! сказала Недъ Лепдъ, когда снова попались навстрѣчу нѣсколько труповъ.

— Тамъ не зарываютъ, сказалъ я ему; тамъ объ усопшихъ заботятся одни коршуны. А кого коршуны не успѣютъ расклевать, тѣхъ докончатъ акулы.

Около семи часовъ вечера мы вдругъ увидали, что „Наутилусъ“ плыветъ по молочному морю. Океанъ на необозримое пространство превратился, казалось, въ молоко.

Что это такое? Дѣйствиѣ лунныхъ лучей?

Нѣтъ, потому что двухдневная луна еще терялась на горизонтѣ въ лучахъ солнца. Все небо, хоть освѣщенное звѣзднымъ сіяніемъ, казалось совершенно темнымъ, въ сравненіи съ бѣлизною водъ.

Консейль не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Съ позволенія ихъ чести, спросилъ онъ, что это такое? По счастью, я могъ ему разъяснить въ чемъ дѣло.

— Это то, что называютъ „молочнымъ моремъ“, отвѣчалъ я; это обширное пространство бѣлыхъ волнъ часто видятъ у береговъ Анбоина и въ этихъ мѣстностяхъ.

— Съ позволенія ихъ чести, возразилъ Консейль: я бы желалъ знать, отчего волны побѣлѣли. Вѣдь онѣ не обернулись молокомъ, какъ вы сказали?

— Нѣтъ, почтеннѣйшій, нѣтъ, отвѣчалъ я. Бѣлизна эта происходитъ отъ присутствія мириадовъ инфузорій, маленькихъ свѣтящихся червячковъ, студенистыхъ, безцвѣтныхъ, толщиною въ волосокъ и длиною въ одну пятую милиметра. Эти инфузоріи слѣпляются между собою на пространствѣ многихъ миль.

— Многихъ миль! вскрикнулъ Консейль.

— Да, дружище, многихъ миль. Ты не старайся вычислять, сколько этихъ инфузорій: понапрасну время потратишь. Если я только не ошибаюсь, такъ нѣкоторымъ мореплавателямъ случилось плыть по такимъ молочнымъ волнамъ цѣлыхъ сорокъ миль — даже больше.

Не знаю, послушался ли Консейль моего совѣта не тратить понапрасну времени на вычисленія; онъ умолкъ и погрузился въ задумчивость.

Что же касается до меня, то я продолжалъ наблюдать любопытное явленіе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ „Наутилусъ“ разбивалъ носомъ бѣловатыя волны; я замѣтилъ, что онъ скользилъ безъ всякаго шума по этимъ словно мыльнымъ водамъ, точно плылъ среди пѣны, которая происходитъ отъ встрѣчи двухъ теченій.

Около полуночи море снова приняло свой обычный цвѣтъ, но позади насъ долго еще отражалось на темномъ небѣ бѣлизна волнъ и это отраженіе нѣсколько напоминало неясный свѣтъ сѣвернаго сіянія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КАПИТАНЪ НЕМО ДѢЛАЕТЪ НОВОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

28 февраля въ полдень „Наутилусъ“ всплылъ на поверхность океана. Мы находились на $9^{\circ} 4'$ сѣверной широты. Въ виду у насъ была земля, лежавшая въ восьми миляхъ на западѣ.

Я различалъ какое то скопленіе горъ, вышиною около двухъ тысячъ футовъ. Горы эти показались мнѣ очень причудливой формы.

Что это за горы? думалъ я.

Скоро я узналъ, что мы находились около острова Цейлона.

Я отправился въ бібліотеку и принялся отыскивать, нѣтъ ли такой книги, гдѣ бы можно было почерпнуть какія нибудь свѣдѣнія объ этомъ островѣ, который считается самымъ плодороднымъ на свѣтѣ.

Я нашелъ, что искалъ, — нашелъ книгу Сирра „Цейлонъ“ и узналъ, что островъ лежитъ между $5^{\circ} 55'$ и $9^{\circ} 49'$ сѣверной широты и $79^{\circ} 42'$ и $82^{\circ} 4'$ долготы на востокъ гринвичскаго меридіана, что въ длину онъ простирается на двѣсти семьдесятъ пять, а въ ширину на полтора ста миль, что въ окружность его въ девятьсотъ, а поверхность въ двадцать четыре мили четыреста сорокъ восемь сажень.

Я стоялъ съ картою въ рукѣ, когда появился капитанъ Немо съ своимъ лейтенантомъ.

— Островъ Цейлонъ знаменитъ своими жемчужными ловлями, г. профессоръ, сказалъ капитанъ Немо. Не угодно ли вамъ его посѣтить?

— Разумѣется, я очень радъ, капитанъ, отвѣтилъ я. Очень радъ!

— Это легко устроить. Но вотъ въ чемъ дѣло: мы только мѣсто увидимъ, а не ловильщиковъ. Еще ловля не начиналась. Ну да ничего. Я распоряджусь, чтобы направили къ Манаарскому заливу. Ночью мы туда войдемъ.

Капитанъ Немо сказалъ нѣсколько словъ своему лейтенанту и тотъ вышелъ.

Скоро „Наутилусъ“ погрузился. Монометръ показывалъ, что онъ держался на тридцати футовой глубинѣ.

Я снова взялъ карту и началъ отыскивать Манаарскій заливъ.

Я нашелъ его на девятой параллели, на сѣверо-западной сторонѣ Цейлона. Заливъ этотъ образуется продолговатой линіей маленькаго острова Манаара. Чтобы достигнуть залива, надо было обогнуть весь западный берегъ Цейлона.

— Г. профессоръ, сказалъ капитанъ Немо: вы знаете, что жемчугъ добываютъ въ Бенгальскомъ заливѣ, въ Индійскомъ морѣ, въ Китайскихъ и Японскихъ моряхъ, въ моряхъ южной Америки, въ Панамскомъ заливѣ, въ Калифорнскомъ заливѣ, но на островѣ Цейлонѣ самыя знаменитыя ловли. Мы приѣдемъ туда, правда, немножко рано. Ловцы жемчуга являются въ Манаарскій заливъ только въ мартѣ мѣсяцѣ и цѣлые тридцать дней занимаются добываньемъ морскихъ сокровищъ. Обыкновенно въ Манаарскомъ заливѣ собирается до трехъ сотъ лодокъ. На каждой лодкѣ десять гребцовъ и десять водолазовъ. Водолазы раздѣляются на двѣ партіи и ныряютъ поочередно. Они опускаются на глубину двѣнадцати метровъ съ помощію тяжелаго камня, который они сжимаютъ между ногъ и который прикрѣпленъ къ лодкѣ веревкой.

— Еще до сихъ поръ употребляютъ этотъ первобытный способъ?

— До сихъ поръ, отвѣчалъ капитанъ Немо, хотя ловли эти принадлежатъ самому промышленному народу въ свѣтѣ, англичанамъ. Въ 1802 г. по аміенскому договору, вы знаете, ихъ уступили Англіи.

— Мнѣ кажется ваши усовершенствованныя пробковыя фуфайки оказали бы большія успѣхи при этихъ операціяхъ?

— Да! Эти бѣдняки не могутъ долго оставаться подѣ водою. Правда, англичанинъ Персеваль, въ своемъ путешествіи по Цейлону, рассказываетъ про какого-то кафра, который будто бы оставался цѣлыхъ пять минутъ подѣ водою, но фактъ этотъ кажется мнѣ очень сомнителенъ. Я знаю, что нѣкоторые водолазы могутъ пребыть пятьдесятъ семь секундъ — самые ужь искусныя до восьмидесяти семи, — и у этихъ несчастныхъ испускиковъ, когда они войдутъ въ лодку, тотчасъ же льется вода съ кровью изо рта и ушей. Я полагаю, что среднимъ числомъ работники остаются тридцать секундъ подѣ водою. Въ эти тридцать секундъ они торопливо суютъ въ свою сѣтку перловки, которыя удастся имъ вырвать. Они почти никогда не доживаютъ до старости; зрѣніе у нихъ ослабѣваетъ, на глазахъ дѣлается нагноеніе, язвы, на тѣлѣ образуются раны и очень часто они умираютъ на двѣ морскомъ отъ апоплексіи.

— Да, сказалъ я, это не веселый промыселъ. И служить онъ только для удовлетворенія прихотей нѣкоторыхъ избранныхъ! Скажите, капитанъ, сколько раковинъ можно приблизительно выловить въ день?

— Отъ сорока до пятидесяти тысячъ. Говорятъ даже, что въ 1814 г. англійское правительство устроило такую ловлю, что въ двадцать дней добыто было семьдесятъ шесть милліоновъ раковинъ.

— Что жъ, рабочіе много получаютъ?

— Очень немного, г. профессоръ. На панамской ловлѣ они едва-едва зарабатываютъ одинъ долларъ въ день. Обыкновенно они получаютъ одно су съ каждой жемчужины. А сколько такихъ раковинъ попадается, въ которыхъ жемчужинъ нѣтъ!

— Одно су! Признаюсь, справедливый дѣлежъ! Знаете, капитанъ, что на свѣтѣ дѣлаются отвратительныя вещи!

Нѣсколько минутъ мы молчали; потомъ капитанъ сказалъ:

— И такъ это рѣшено, г. профессоръ: вы съ вашими товарищами посѣтите Малаарскую мель, и если туда уже прибылъ какой нибудь нетерпѣливый искатель перловъ, мы увидимъ, какъ онъ будетъ ихъ добывать.

— Рѣшено, капитанъ.

— Кстати, г. Аронаксъ: вы акулъ не боитесь?

— Акулъ? вскрикнулъ я.

Вопросъ этотъ показался мнѣ вовсе неумѣстнымъ.

— Да, акуль, повторилъ капитанъ Немо. Не бойтесь?

— Говоря откровенно, капитанъ, я еще не освоился съ этимъ родомъ рыбъ.

— Мы такъ уже попривыкли къ нимъ, отвѣчалъ капитанъ Немо. Современемъ освоитесь и вы. Да къ тому же мы примемъ всѣ предосторожности, хорошо вооружимся. Можетъ статься, что дорогой удастся поохотиться за какой нибудь зубастой непріятельницей. Охота за акулами очень интересна. Ну, такъ до завтра, г. профессоръ. Завтра будьте готовы пораньше.

Съ этими словами капитанъ, какъ ни въ чемъ не бывало, раскланялся съ своей обычной любезностью и ушелъ.

Если васъ приглашаютъ охотиться на медвѣдя въ швейцарскихъ горахъ, вы можете сказать: „очень хорошо; завтра отправимся охотиться за медвѣдемъ“! Когда васъ приглашаютъ охотиться на льва въ атласскихъ долинахъ или на тигра въ индійскихъ кустарникахъ, вы можете отвѣтить: „а! а! такъ мы потѣшимся“! Но когда васъ приглашаютъ поохотиться за акулами въ ихъ стихіи, вы прежде чѣмъ отвѣтить, можете употребить нѣсколько минутъ на размышленіе.

Что до меня касается, то я, признаюсь, сильно струсиль.

Я погладилъ себя по лбу. На лбу у меня выступили капельки холоднаго поту.

— Обдумаемъ ка хорошенько! сказалъ я самому себѣ: хорошенько и не спѣша. Охотиться за морскими выдрами, какъ мы охотились въ лѣсахъ острова Креспо, это еще ничего; но бродить по морскому дну, когда знаешь навѣрно, что тутъ того и гляди подвернется зубастая красавица, это дѣло другое. Я знаю, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ на Андаменскихъ островахъ, негры не задумываясь нападаютъ на акуль съ кинжаломъ въ одной рукѣ, съ силкомъ въ другой; но я знаю тоже, что многіе такіе, кто выхватится на эту атаку, отправляются къ праотцамъ. Къ тому же я не Негръ, да если бы я даже и Негръ былъ, то маленькое колебаніе простительно въ подобномъ случаѣ.

Я принялся раздумывать про акуль; я представлялъ себѣ ихъ громадныя челюсти, вооруженныя многочисленными рядами зубовъ, — челюсти, которыя могутъ перехватить человѣка по поламъ.

Думаль я, думаль, представляль себѣ, представляль, и додумался, и допредставлялся до того, что уже началъ чувствовать боль въ поясницѣ.

Кромѣ того, меня возмущала безцеремонность, съ какою капитанъ Немо приглашалъ меня на эту охоту. Я не могъ помириться съ его спокойствіемъ. Со стороны можно было подумать, что онъ это приглашаетъ поохотиться за какой нибудь безобидной лисицей!

— Ну, да охота эта не состоится! утѣшалъ я себя. Консейль не захочетъ идти и его отказъ избавить меня отъ этой пріятной прогулки.

Что касается до Неда Ленда, то я не былъ увѣренъ въ его благоразуміи. Опасность всегда его не отталкивала, а привлекала. И чѣмъ опасность была больше, тѣмъ привлекала сильнѣе.

Я попробоваль опять приняться за книгу Сирра, но я ее перелистоваль теперь машинально. Между строкъ я видѣль зубастыя разверстыя пасти.

Вдругъ вошли Консейль и Недъ Лендъ, спокойные и даже веселые.

— Они вѣроятно еще не знаютъ, на какое увеселеніе ихъ пригласили! подумаль я.

— А я вамъ скажу, г. профессоръ, началъ Недъ Лендъ, что этотъ капитанъ Немо — чтобъ ему провалиться! — очень насъ сейчасъ утѣшилъ. Приглашаетъ насъ...

— А! перебилъ я, вы ужъ знаете... приглашеніе это, видите ли...

— Съ позволенія ихъ чести, сказалъ Консейль, капитанъ Немо намъ сказалъ: приглашаю васъ посѣтить завтра, вмѣстѣ съ г. профессоромъ, знаменитыя цейлонскія жемчужныя ловли. Онъ сказалъ это очень учтиво, очень ласково; — показаль себя настоящимъ джентльменомъ.

— Больше онъ вамъ ничего не говорилъ?

— Ничего, отвѣтилъ канадецъ; только прибавилъ, что онъ вамъ уже говорилъ про эту прогулку.

— Онъ точно мнѣ говорилъ.... и онъ ничего вамъ не сказалъ объ одномъ обстоя...

— Ничего, г. профессоръ, ничего. Что жъ вы согласны?

— Я то? разумѣется... Я вижу, что вы всёми этимъ очень довольны, Лендъ.

— О, это очень занятно, г. профессоръ!

— И очень, можетъ статья, опасно! замѣтилъ я съ удареніемъ.

— Опасно! вскрикнулъ Недъ Ледъ. Нашли опасность! Побывать гдѣ ловятъ жемчугъ, чтожъ тутъ такое?

Очевидно капитанъ Немо не счелъ нужнымъ намекнуть моимъ товарищамъ про акулъ. Я глядѣлъ на нихъ помутившимися глазами, и мнѣ казалось, что у нихъ уже недостаетъ какого нибудь члена.

— Долженъ я ихъ предупредить или нѣтъ? думалъ я.

Разумѣется долженъ, но какъ за это взяться получше?

— Съ позволенія ихъ чести, сказала Консейль, я бы послушалъ исторію о томъ, какъ добываютъ жемчугъ. Я бы желалъ, чтобъ ихъ честь изволили поподробнѣе рассказать про жемчужную ловлю.

— Рассказать тебѣ про самую ловлю, Консейль, спросилъ я или про разные случаи?...

— Про ловлю, про ловлю! перебилъ канадецъ. Коли куда хочешь ступить ногой, такъ всегда лучше прежде разузнать, что тутъ за почва.

— Ну такъ садитесь, пріятели; я вамъ расскажу все, что самъ вычиталъ въ книгѣ англичанина Сирра.

Недъ и Консейль усѣлись на диванъ и тотчасъ же канадецъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Г. профессоръ, что это такое жемчужина?

— Любезный другъ, отвѣчалъ я ему: поэтъ называетъ жемчужину „слезой моря“; восточные народы считаютъ жемчужину за отвердѣвшую каплю росы; для барынь это блестящее украшеніе, которое онѣ цѣпляютъ себѣ на шею, въ уши, или носятъ на пальцахъ, на рукахъ; для химика смѣсь фосфорнобислой соли и углекислаго кали съ студенистымъ веществомъ, и наконецъ для естественнаго испытателя это простое отдѣленіе нѣкоторыхъ двустворчатыхъ раковинъ.

— Отдѣлъ моллюсковъ, классъ безголовыхъ, разрядъ черепокожныхъ, сказалъ Консейль.

— Точно такъ, Консейль, отвѣтилъ я ему. Ну, вотъ между этими черепокожными ушанки, или морскія ушки, радужки, ку-

барки, тридакны, перистки, однимъ словомъ веѣ, отдѣляющія перламутръ, то есть голубое, голубоватое, фіолетовое или бѣлое вещество, устилающее внутренность ихъ створокъ, способны производить жемчугъ.

— Значить и ракушки тоже могутъ производить? спросилъ канадецъ.

— Да. Напримѣръ ракушки, которыя водятся въ нѣкоторыхъ водахъ Шотландіи, Валлійскаго княжества, Ирландіи, Саксоніи, Богеміи и Франціи.

— Ну это хорошо, что вы сказали, г. профессоръ: я теперь на эти воды буду глядѣть попристальнѣе, коли случится тамъ побывать.

— Но главнымъ образомъ производитъ жемчугъ моллюскъ, извѣстный подъ названіемъ жемчужной раковины, *melocquina margaritifera*, драгоценная перловка. Жемчужина это ни что иное, какъ перламутровое сгущеніе, расположенное шарообразно. Оно или прилѣпляется къ раковинѣ или пристаётъ къ углубленіямъ, находящимся на самомъ моллюскѣ. На створкахъ жемчужина прилѣплена крѣпко, а на моллюскѣ она только чуть держится. Но у нея всегда есть твердый стерженецъ, около котораго постепенно располагается перламутровое вещество въ продолженіи многихъ лѣтъ, тонкими, сгущенными слоями.

— Много находятъ жемчужинъ въ одной раковинѣ? спросилъ Консейль.

— Много, почтеннѣйшій. Въ нѣкоторыхъ перловкахъ попадается по цѣлому ожерелью. Славилъ даже, что когда-то была найдена раковина, гдѣ было полтораستا акулъ.

— Полтораستا акулъ? вскрикнулъ Недъ Лендъ.

— Развѣ я сказалъ акулъ? вскрикнулъ я съ живостію и смущеніемъ. Неужто я сказалъ акулъ? Я хотѣлъ сказать полтораستا жемчужинъ. Къ чему-жь тутъ акулы? Это не имѣетъ ни какого смысла!

— Ихъ честь это справедливо изволили сказать, отвѣтилъ Консейль. А теперь, съ позволенія ихъ чести, желательно бы узнать, какимъ способомъ вынимаютъ жемчужины?

— Есть много разныхъ способовъ. Часто, когда жемчужины черезчуръ крѣпко пристали къ створчаткамъ, такъ ихъ выры-

вають щипчиками. Обыкновенно же раскладывают перловки на плетенкахъ изъ испанскаго дрока, который тутъ же растетъ по прибрежью; онѣ умирають на воздухѣ и черезъ десять дней уже находятся въ требуемомъ состояніи разложенія. Тогда ихъ погружаютъ въ огромные резервуары морской воды, потомъ открываютъ и полоскають. Тутъ-то и начинается работа перловщикамъ. Прежде всего они отдѣляютъ перламутровыя пластинки, извѣстныя подъ именемъ „настоящей серебристки“, „бѣлаго дичка“ и „чернаго дичка“, и раскладывают ихъ по ящикамъ вѣсомъ отъ ста двадцати до ста пятидесяти килограмовъ. Потомъ они снимають нездравое вещество, кипятятъ его и цѣдятъ, чтобы извлечь самыя мелкія жемчужинки.

— Какъ же цѣнятся эти жемчужины, по величинѣ? спросилъ Консейль.

— Не столько по величинѣ, отвѣчалъ я, но тоже потому, какой они формы, какой воды, какого блеска, какой игры. Самыя цѣнныя жемчужины тѣ, которыя образуются въ ткани самаго молюска, по одиночкѣ; онѣ обыкновенно бывають бѣлыя, большей частью непрозрачныя; но иногда попадаются такія, которыя отличаются какой-то особой, опаловой прозрачностью. Онѣ или шаровидныя или грушевидныя. Изъ шаровидныхъ дѣлають браслеты, а изъ грушевидныхъ подвѣски. Грушевидныя рѣже и поэтому продаются дороже и поштучно. Другой жемчугъ, который снимается съ раковинъ, уже не такой правильной формы и продается на вѣсъ. Наконецъ есть еще низшій сортъ жемчуга, куда причисляются мелкія жемчужинки, извѣстныя подъ именемъ „сѣмячекъ“; этотъ жемчугъ продается мѣркой и идетъ большею частью на вышиванье церковныхъ покрововъ и украшеній.

— А вѣдь съ позволенія ихъ чести, отбирать крупный жемчугъ отъ мелкаго—работа долгая и трудная! сказалъ Консейль.

— Нѣтъ, Консейль, вовсе не такая долгая и трудная, какъ ты полагаешь. У жемчужниковъ есть особыя цѣдила и рѣшета. Дырочки на этихъ цѣдилахъ и рѣшетахъ различной величины всѣхъ ихъ одинадцать номеровъ. Самый крупный жемчугъ остается въ цѣдилѣ, гдѣ считается отъ двадцати до восьмидесяти дырочекъ,—это самый первый сортъ. Второй сортъ жемчуга остается на рѣшетѣ въ сто и въ восемьдесятъ дырочекъ. Наконецъ третій сортъ остается на рѣшетѣ въ девятьсотъ и въ тысячу дырочекъ.

— Хитро придумано! сказалъ Консейль. А сколько, съ позволенія ихъ чести, получается доходу съ этихъ жемчужныхъ ловлей?

— Коли вѣрить книгѣ англичанина Сирра, такъ цейлонскія жемчужныя ловли ежегодно приносятъ три миліона акулъ.

— Акулъ!... вскрикнулъ Недъ Лендъ.

— Франковъ, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Да, франковъ! Три миліона франковъ, отвѣчалъ я, съ нѣкоторымъ смущеніемъ. Но я думаю, что все-таки теперь жемчужная ловля не столько приноситъ, сколько приносила прежде. Да вотъ вамъ примѣръ: американскія жемчужныя ловли приносили въ царствованіе Карла V четыре миліона франковъ, а теперь приносятъ всего двѣ трети этой суммы. Общій приходъ съ жемчужныхъ ловлей можно оцѣнить въ девять миліоновъ ежегодно.

— А вотъ я слыхалъ, съ позволенія ихъ чести, что бывали такіе перлы, которые очень высоко цѣнили! сказалъ Консейль.

— Бывали, Консейль. Говорятъ, Цезарь подарилъ Сервилію жемчужину, которая стоила сто двадцать тысячъ франковъ на наши деньги.

— А я такъ слыхалъ, что одна франтиха распускала жемчугъ въ укусуѣ и пила, сказалъ Недъ Лендъ.

— Клеопатра! замѣтилъ Консейль.

— Чего эти штугарки не выдумаютъ съ жиру! Всякую гадость могутъ выдумать! Вѣдь отъ жемчужнаго пойла этого, должно полагать, съ души воротить! сказалъ Недъ Лендъ.

— Разумѣется воротить, Недъ, отвѣчалъ Консейль; вѣрно и она не находила тутъ смаку, за то ей было лестно, что она можетъ выпить рюмочку такого укусуа, который стоитъ полтора тысячь франковъ.

— Очень мнѣ жалко, что я не женился на этой лакомкѣ, сказалъ канадецъ, дѣлая такое движеніе рукою, которые безъ словъ выразительно объясняло его мысль.

— Вы? вскрикнулъ Консейль. Вы мужъ Клеопатры?

— Чтожъ? отвѣчалъ канадецъ. Ничего, можно. Я вѣдь все равно собирался ужъ разъ жениться и коли не перевѣнчался, такъ ужъ это не моя вина. Я даже купилъ невѣстѣ жемчужныя сниз-

ки—ее звали Кетъ Тендеръ, невѣсту-то, — только она вышла за другаго. А знаете, сколько я заплатилъ за эти снизки? А жемчугъ крупный, — такой крупный, что зернышки не пройдутъ пожалуй и въ двадцати дырочное рѣшето! Я заплатилъ за нихъ всего на всего полтора доллара!

— Дружище Недъ, отвѣтилъ я смѣясь, вы это купили не жемчугъ, а бусы, — простыя стеклянныя шарики, вымазанные внутри восточной эссенціей!

— Э? Чтожь эта восточная эссенція, надо полагать, дорого стоитъ?

— Ничего не стоитъ! Это просто серебристое вещество съ чешуи уклейки ¹⁾ или острохвостой хохалчи, которую славливаютъ по водѣ, и потомъ держутъ въ аммиакѣ. Она ничего не стоитъ!

— Можетъ по этому-то Кетъ Тендеръ и вышла за другаго! сказалъ канадецъ съ спокойствіемъ философа.

— Да, вотъ мы говоримъ про дорогіе жемчуга, а я и забылъ сказать, что у капитана Немо есть диковинная жемчужина. Я полагаю, что подобной никогда и никто не имѣлъ.

— Вотъ эта? сказалъ Консейль, указывая на великолѣпный перлъ подъ стекломъ.

— Она самая, отвѣчалъ я. Можно навѣрно сказать, что она стоитъ два милліона...

— Франковъ? поспѣшно подсказалъ Консейль.

— Да, два милліона франковъ, повторилъ я. А капитану вѣроятно стоило только потрудиться поднять ее!

— А почему знать, можетъ завтра и мы наткнемся на такую же! вскрикнулъ Недъ Лендъ.

— Ну вотъ, сейчасъ у васъ и бредни, Недъ! сказалъ Консейль.

— Да почему жъ намъ не найти, Консейль? Вѣдь находили же другіе! настаивалъ Недъ Лендъ.

— И зачѣмъ намъ здѣсь понадобятся милліоны? сказалъ Консейль.

— Здѣсь не понадобятся, такъ понадобятся, когда мы будемъ въ другомъ мѣстѣ!

— Въ другомъ мѣстѣ! произнесъ Консейль и качнулъ голо-

1) Уклейка (*cyprinus alburnus*) рыба.

вой въ знакъ того, что онъ крѣпко сомнѣвается, будемъ ли мы когданибудь „въ другомъ мѣстѣ“.

— Чтожь, сказала я, Недъ отчасти правъ. А знаете, кабы мы въ самомъ дѣлѣ привезли съ собою диковинку въ пѣскольно миллионовъ, такъ это бы придало нѣкоторую вѣроятность нашимъ разсказамъ и нѣкоторую цѣну намъ самимъ.

— Я полагаю, что такъ, отвѣтилъ канадецъ.

— А что, съ позволенія ихъ чести, жемчужная ловля опасна? спросилъ Консейль.

— Нѣтъ, отвѣчала я съ нѣкоторою живостію. Нѣтъ... если взять кое-какія предосторожности...

— А мнѣ кажется тутъ нѣтъ никакой опасности, сказала Недъ Лендъ. Рисуешь хлебнуть два три лишнихъ глоточка морской воды, вотъ и все.

— Разумѣется, Недъ, отвѣчалъ я.

Затѣмъ, стараясь подражать безпечному тону капитана Немо, я прибавилъ:

— А что, вы не боитесь акулъ, Недъ?

— Я то? отвѣтилъ канадецъ. Записному багрильщику да бояться акулъ! Шлевать мнѣ на нихъ!

— Да вѣдь тутъ не въ томъ дѣло, чтобы ихъ цѣплять багромъ, вытягивать на бортъ, отрубить имъ хвостъ, потрошить ихъ, вынуть изъ нихъ сердце и бросить его въ море!

— Значитъ придется...

— Именно!

— Въ водѣ?

— Въ водѣ!

— Ну чтожь, лишь бы хорошую острогу въ руки, такъ все пойдетъ, какъ по маслу. Вы знаете, г. профессоръ: эти твари пренеловкія. Къ примѣру сказать, хотятъ онѣ васъ хватить, такъ имъ непременно надо перевернуться, а вы тѣмъ временемъ...

Недъ Лендъ какъ-то такъ произносилъ это слово „хватить“, что меня морозъ подралъ по кожѣ.

— Ну а ты, Консейль, спросилъ я своего вѣрнаго слугу, ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я, съ позволенія ихъ чести, буду говорить прямо, безъ утайки...

— Слава Богу! отказывается! подумалъ я.

У меня отлегло отъ сердца.

— Коли ихъ честь рѣшастся идти, такъ почемужь не пойдти и мнѣ? Я пойду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДЕСЯТИМИЛЛИОННАЯ ЖЕМЧУЖИНА

Наступила ночь. Я легъ спать.

Спать я довольно плохо. Акулы играли первую роль въ моихъ сновидѣнiяхъ.

На слѣдующій день, въ четыре часа утра, меня разбудилъ корабельный слуга.

Я поспѣшно вскочилъ, одѣлся и вышелъ въ залу.

Въ залѣ уже ждалъ меня капитанъ Немо.

— Г. Аронаксъ, сказалъ онъ мнѣ: чтожь, вы готовы въ путь?

— Я готовъ, капитанъ.

— Не угодно вамъ ли въ такомъ случаѣ слѣдовать за мною?

— А мои товарищи, капитанъ?

— Они ожидаютъ насъ, г. профессоръ.

— А мы не надѣнемъ пробковыхъ фуфаякъ, капитанъ?

— Пока нѣтъ. „Наутилусъ“ не очень близко подошелъ къ берегу и манаарская мель еще находится отъ насъ въ порядочномъ разстоянii. Я распорядился такъ, что мы сядемъ въ шлюпку, а шлюпка доставитъ насъ какъ разъ къ пристани. Мы возьмемъ съ собою всѣ свои подводные снаряды и одѣнемся, когда будетъ надо, въ пробковыя фуфайки.

Капитанъ провелъ меня къ центральной лѣстницѣ, а оттуда на платформу.

На платформѣ стояли Недъ Лендъ и Консейль. Оба они очевидно были очень довольны предстоящей прогулкой.

Шлюпка качалась у борта и въ ней сидѣло пять матросовъ съ веслами въ рукахъ.

Было еще довольно темно. Облака застилали небо и между ними только изрѣдка проблескивали звѣзды.

Я искалъ глазами землю, но могъ только различить на горизонтѣ темноватую, чуть видную линiю, идущую съ юго-запада на сѣверо-западъ,

„Наутилусъ“ за ночь обогнулъ восточный берегъ Цейлона и

находился теперь на западѣ отъ бухты, или точнѣе говоря залива, образуемаго островомъ Цейлономъ и островомъ Манааромъ. Тамъ, подъ темными водами, лежала перловая мель, неисчислимое поле жемчужинъ, простирающаяся на двадцать миль въ длину.

Капитанъ Немо, я, Консейль и Недъ Лендъ сѣли въ шлюпку. Рулевой взялся за руль, матросы взмахнули веслами и мы отчалили.

Шлюпка направилась къ югу. Гребцы не торопились. Я замѣтилъ, что весла ихъ ударили одинъ разъ въ десять секундъ.

— Метода военнаго флота! подумалъ я. Люди, значить, ученые!

Шлюпка легко и тихо скользила по волнамъ; съ весель скатывались водяныя капли и падали на темную поверхность, какъ растопленное олово; море чуть-чуть волновалось и шлюпку легонько колыхало.

Мы всё молчали.

О чемъ думалъ капитанъ Немо?

Можетъ о землѣ, къ которой мы приближались? Можетъ, онъ уже жалѣлъ, зачѣмъ поѣхалъ?

Что касается до Неда Ленда, то онъ не жалѣлъ. Онъ едва могъ усидѣть на мѣстѣ отъ нетерпѣнія.

Консейль былъ, по обыкновенію, сдержанъ, хотя вглядывался съ любопытствомъ въ темноватую линію на горизонтѣ.

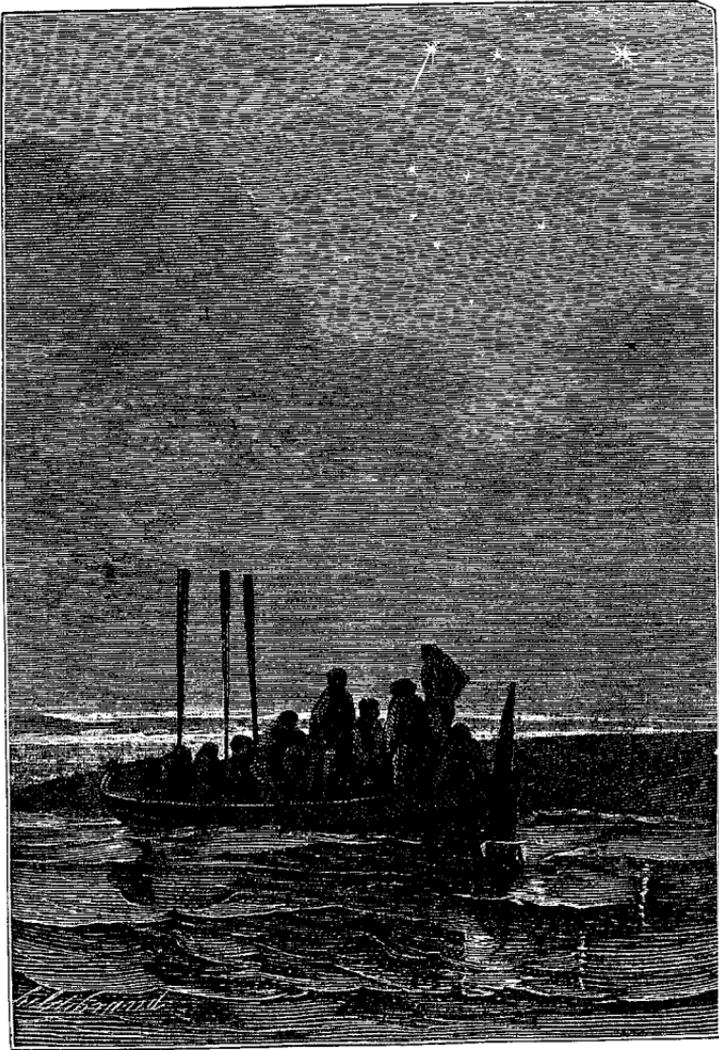
Около половины шестаго стало освѣтлѣе и берегъ обозначился явственнѣе.

Берегъ этотъ былъ довольно низменный на востокѣ, но къ югу онъ нѣсколько возвышался. До него еще оставалось пять миль и линія его сливалась съ темноватыми волнами.

Море было пустынно: ни паруса, ни лодки. Мѣсто сходимы ловцевъ жемчуга представлялось глухимъ уединеннымъ уголкомъ.

Впрочемъ капитанъ Немо справедливо замѣтилъ, что мы являлись сюда цѣлымъ мѣсяцемъ раньше срока.

Въ шесть часовъ совершенно разсвѣло. Свѣтъ озарилъ насъ вдругъ, мгновенно, какъ это всегда бываетъ въ тропическихъ странахъ, гдѣ нѣтъ ни зари, ни сумерокъ. Солнечныя лучи про-

Шлюпка направилась къ югу.

низали темные клубы облаковъ, собравшихся на восточной сторонѣ горизонта и лучезарное свѣтило ярко засіяло.

Я видѣлъ теперь очень ясно землю; видѣлъ даже росшія кое-гдѣ деревья.

Шлюпка приблизилась къ острову Манаару. Капитанъ Немо всталъ со скамьи и вглядывался въ море пристально, внимательно.

Потомъ онъ подалъ знакъ матросамъ и они тотчасъ же бросили якорь.

— Здѣсь глубина-то не особенная, сказала Недъ Лендъ: всего въ метръ, а можетъ и того меньше.

— Мы пристали, гдѣ мель особенно возвышается, отвѣтилъ капитанъ Немо: въ другихъ мѣстахъ гораздо глубже.

— Ну, Консейль! крикнулъ Недъ Лендъ, теперь наши гуляютъ!

— Вотъ мы и пріѣхали, г. Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ Немо. Видите эту бухту? Она будто сжата со всѣхъ сторонъ; черезъ мѣсяць здѣсь соберется множество лодокъ съ ловцами жемчуга и люди примутся по цѣлымъ днямъ нырять за „драгоценными перлами“. Полезная работа, нечего сказать! И благодарная тоже! По счастью, эта бухта защищена отъ вѣтровъ и море здѣсь никогда не волнуется, что очень благоприятно для рабочихъ. Теперь, если вамъ угодно, мы надѣнемъ свои фуфайки и отправимся.

Я ничего не отвѣчалъ и началъ одѣваться.

Одѣваюсь, а самъ все поглядываю на подозрительныя воды.

Капитанъ Немо, Консейль и Недъ Лендъ тоже одѣвались. Кромѣ самаго капитана никто съ „Наутилуса“ не участвовалъ въ этой экскурсіи.

Скоро мы очутились въ каучуковыхъ футлярахъ и прикрѣпили себѣ на спину дыхательные снаряды.

Я подумалъ:

— Отчего жъ нѣтъ снарядовъ Румкорфа? Надо бы спросить капитана!

И спросилъ.

— Свѣтильные снаряды намъ не понадобятся, отвѣтилъ капитанъ Немо. Мы на большую глубину не пойдемъ, значитъ солнечные лучи достаточно будутъ освѣщать намъ путь. Да и не-

осторожно было бы брать съ собой электрической фонарь: его свѣтъ можетъ какъ разъ привлечь какого нибудь характернаго мѣстнаго обитателя.

Пока капитанъ говорилъ, я обернулся и поглядѣлъ на Неда Ленда и на Консейля, но они оба уже залѣзли въ металлическіе копаки и не могли ни слышать, ни отвѣчать.

— А гдѣ же наши ружья, капитанъ? спросилъ я.

— На что намъ ружья, г. профессоръ? отвѣчалъ онъ. Ваши горцы вѣдь нападаютъ же на медвѣдя съ кинжаломъ въ рукахъ! Развѣ сталь не надежнѣе свинца? Вотъ отличный клинокъ! Прицѣпите его къ поясу и въ походъ!

Я посмотрѣлъ на товарищей. Они тоже были вооружены „сталью“. Кромѣ того у Неда Ленда была въ рукахъ здоровенная острога, которою онъ съ удовольствіемъ помахивалъ.

Мы съ капитаномъ тоже надѣли металлическіе шары на голову и привели въ дѣйствіе дыхательные снаряды.

Черезъ минуту мы очутились на глубинѣ полутора метра и стали на песчаное ровное дно. Капитанъ Немо сдѣлалъ намъ знакъ за нимъ слѣдовать. Мы повиновались, пошли по легкой покатоности и исчезли подъ волнами.

Тутъ я вдругъ успокоился. Всѣ мои тревоги и страхи словно рукой сняло.

Я забылъ есть ли акулы на свѣтѣ.

Да и можно было забыть!

Солнечные лучи, ударяя на поверхность, достаточно ясно освѣщали глубину. Малѣйшія раковинки были видны. Мы шли минутъ десять и были уже на глубинѣ пяти метровъ; дно становилось ровнѣе.

Передъ нами, какъ выпугнутые бекасы поднимались стаи рыбъ, изъ рода одноперокъ, у которыхъ только хвостовой плавникъ. Я примѣтилъ тоже явскую виперу, длиною въ восемь дециметровъ — она чрезвычайно походила на згѣю; брюхо у нея какого то синеватаго, мертвеннаго цвѣта; еслибы не золотистые полосы на брюхѣ, ее можно бы смѣшать съ конгеромъ ¹⁾. Изъ рода строматеевъ ²⁾, я примѣтилъ яркоцвѣтныхъ ленточницъ,

1) Конгеръ (*muraena conger*) родъ угря.

2) Строматей, (*stromateus*) рыба изъ семейства колючкоперыхъ.

Недъ-Лендъ съ удовольствіемъ помахивалъ острогой.

съ серповиднымъ спиннымъ плавникомъ; этихъ рыбъ сушатъ и маринуютъ и приготовленные такимъ образомъ онѣ очень вкусны.

Солнце всходило выше и лучи его освѣщали все сильнѣе и сильнѣе водныя массы. Почва мало по малу измѣнялась. Прежде мы шли по мелкому ровному песку, а теперь по какому то шоссе изъ выпуклыхъ камней, устланному ковромъ изъ моллюсковъ и животныхъ растеній.

Между образчиками этихъ двухъ отдѣловъ я замѣтилъ лепешницъ, родъ устричныхъ раковинъ, свойственныхъ Черному морю и Индійскому океану, оранжевыхъ люцинъ, изъ семейства сердцевидныхъ, навертокъ шиповатыхъ, нѣкоторые образчики персидскихъ багрецовъ, изъ которыхъ капитанъ Немо добывалъ отличную пурпуровую краску, рогатыхъ багрянокъ, длиною въ пятнадцать сантиметровъ, которыя выставлялись подъ волнами, какъ руки, готовые васъ схватить, рога носныхъ кубаревиковъ, покрытыхъ колючками, лопатинокъ, алатинъ, которыя въ большемъ употребленіи въ Индустанѣ, свѣтящихся пелагій и наконецъ безподобныхъ спахоловидныхъ глазчаконъ.

Посреди этихъ живыхъ растеній, подъ сводами водорослей, копошились суставчатые; особенно много встрѣчалось зубастыхъ ранинъ, скорлупняковъ изъ семейства хребтоногихъ краббонъ, у которыхъ латы имѣютъ видъ нѣсколько выпуклаго трехъугольника, отшельниковъ или разбойниковъ, свойственныхъ этимъ водамъ, и отвратительныхъ стралиныхъ партенопъ, изъ семейства трехъугольныхъ крабонъ.

Мнѣ тоже не разъ поодадась другая 'противная тварь, громадный крабъ, о которомъ говоритъ г. Дарвинъ. Этотъ крабъ питается кокосовыми орѣхами. Онъ карабкается на прибрежныя деревья, сталкиваетъ орѣхъ, который при паденіи трескается, беретъ его и раскрываетъ сильными клешнями. Подъ чистыми прозрачными водами этотъ великанъ бѣгалъ съ изумительнымъ проворствомъ. Онъ составлялъ совершенную противоположность съ кареттами, или морскими черепахами, которыя медленно передвигались между скаль.

Около семи часовъ, мы наконецъ достигли перловой мели, гдѣ жемчужныя раковины встрѣчались цѣлыми милліонами.

Эти драгоцѣпные моллюски лѣпились по скаламъ и были къ

нимъ очень прочно прикрѣплены коричневатыми волоконцами. Эти волоконца не позволяютъ имъ передвигаться съ мѣста на мѣсто.

Перловка „жемчужница“ считается самой цѣнной. Створки ея почти ровныя, раковина имѣетъ округленную форму, съ толстыми стѣнками и снаружи очень студенистая. Нѣкоторыя раковины были исчерчены зеленоватыми полосками, которыя расходились отъ верхушки. Это были молодыя раковины; другія, твердыя, черныя, лежали здѣсь вѣроятно лѣтъ десять, а можетъ и больше, и имѣли до пятнадцати сантиметровъ въ ширину.

Капитанъ Немо указалъ мнѣ на это невѣроятное скопленіе перловокъ и я понялъ, что сокровищница была въ самомъ дѣлѣ неистощима: творящая сила природы превосходить инстинктъ разрушенія которымъ одаренъ человѣкъ!

Недѣль Лендъ, вѣрный этому инстинкту разрушенія послѣшно хваталъ самыхъ лучшихъ моллюсковъ и набивалъ ими сѣтку висѣвшую у его пояса.

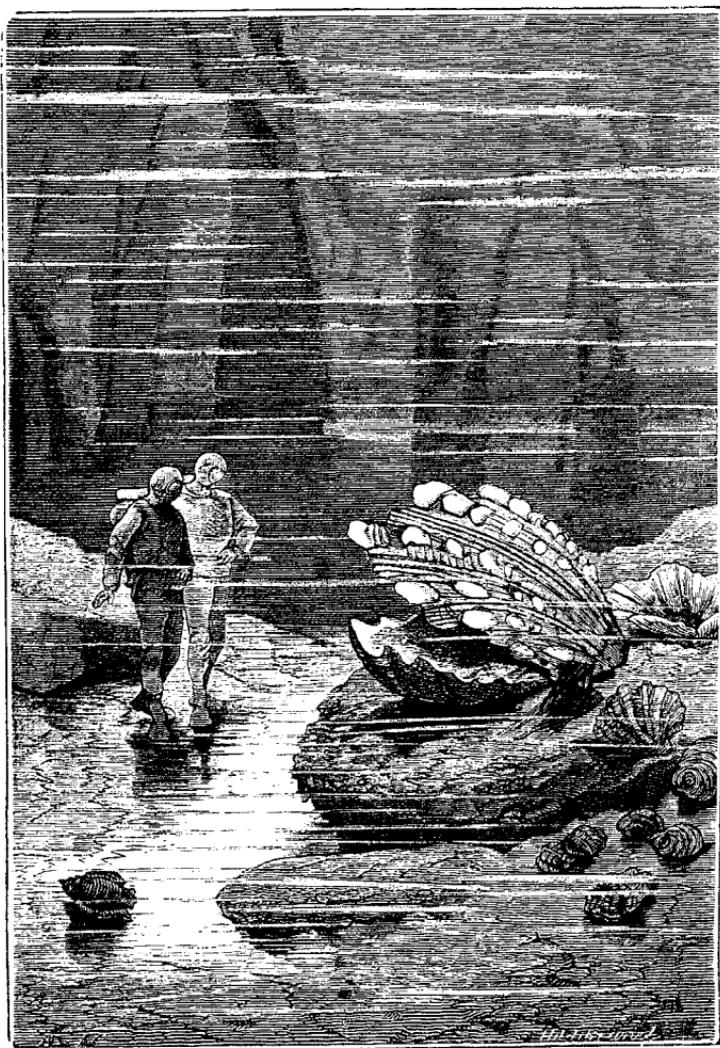
Но долго останавливаться было нельзя. Надо было идти слѣдомъ за капитаномъ, который казалось велъ насъ по знакомой ему дорогѣ.

Почва начала замѣтно подниматься; иногда я вытягивалъ руку вверхъ и рука моя высывалась надъ поверхностью моря. Затѣмъ вдругъ оказывалась глубокая впадина. Часто приводилось обходить высокіе утесы, похожіе на остроконечныя пирамиды. Въ темныхъ разщелинахъ этихъ утесовъ сидѣли огромныя раковидныя и глядѣли на насъ неподвижными глазами. А подъ нашими ногами пресмыкались мирианы, глициеры, арикѣи, кольца, которые непомѣрно вытягивали свои щупальцы.

Вдругъ передъ нами открылся огромный гротъ, между живописно нагроможденными скалами, устланными всѣми произведеніями морской флоры. Въ первую минуту гротъ этотъ показался мнѣ очень темень. Солнечные лучи, казалось, здѣсь угасали.

Капитанъ Немо вошелъ; мы вошли за нимъ слѣдомъ.

Я скоро освоился съ относительной темнотой этого мѣста и началъ различать округленныя, какъ выражаются архитекторы, „заплетія“ свода, который поддерживался толстыми гранитными столбами, напоминающими тяжелыя колонны тосканской архитектуры.

Я увидалъ жемчужину величиною съ кокосовый орѣхъ.

Зачѣмъ нашъ таинственный' путеводитель велъ насъ въ эту подземную пещеру?

Мы спустились по довольно крутой покатости и очутились на днѣ какого то кругообразнаго колодца.

Тутъ капитанъ Немо остановился и указаль предметъ, котораго я сразу не замѣтилъ.

Это была раковина необычайной величины, гигантская тридакна, кропильница, куда бы вошло цѣлое озеро святой воды. Эта тридакна имѣла болѣе двухъ метровъ въ ширину, значить была еще больше той, которая украшала залу на „Наутилусѣ“.

Я приблизился къ невѣроятному молюску. Онъ прикрѣплялся своими волоконцами къ гранитному пласту и тутъ, въ спокойныхъ пещерныхъ водахъ, одиноко развивался.

По моимъ соображеніямъ тридакна эта вѣсила около трехъ сотъ килограмовъ. Въ такой раковинѣ должно полагать около пуда мяса.

Дюжину подобныхъ устрицъ не одолѣлъ бы и самый знаменитый обжора—Гаргантюа!

Капитанъ Немо очевидно зналъ о существованіи этой двустворчатки гораздо ранѣе и не впервые разъ посѣщаль гротъ. Я думаль, что онъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы показать намъ эту диковину, но я ошибся.

Капитанъ пришелъ сюда не только для насъ, но и по своему дѣлу.

Створки молюска были полуоткрыты. Капитанъ подошелъ и осторожно вложилъ кинжалъ между раковинами, чтобы онѣ не закрылись, потомъ приподнял перепончатую, зубчатую по-краямъ оболочку.

Я увидаль жемчужину величиною съ кокосовый орѣхъ. Жемчужина эта была шаровидная, удивительно прозрачная, съ безподобной игрой и блескомъ, однимъ словомъ сокровище.

Увлеченный любознательностію, я протянулъ руку и хотѣлъ ее схватить, взвѣсить, пощупать, но капитанъ Немо меня оставилъ, сдѣлаль отрицательный знакъ, и быстро вынулъ лезвее кинжала изъ раковины. Створки тотчасъ же закрылись.

Я тогда понялъ замыселъ капитана Немо.

Онъ оставлялъ здѣсь эту жемчужину для того, чтобы она незамѣтно увеличивалась. Съ каждымъ годомъ выдѣленія молюска

прибавляли новыя слои. Капитанъ зналъ гдѣ зрѣтъ этотъ удивительный плодъ, онъ его воспитывалъ, такъ сказать, а современемъ вѣроятно думалъ перенести его въ свой роскошный музей.

Даже и то могло быть, что капитанъ Немо, по примѣру китайцевъ и индійцевъ, самъ подготовилъ образованіе этой жемчужины, всунувъ въ складки моллюска кусочекъ стекла или металла, который мало по малу и покрылся перламутровымъ веществомъ.

Какъ бы то ни было, а я приравнялъ эту жемчужину ко всѣмъ прежде видѣннымъ, и рѣшилъ, что она стоитъ не менѣе десяти миліоновъ франковъ.

Это было изумительное произведеніе, неоцѣнимая драгоценность, но для „франтихъ“ (употребляю выраженіе Неда Ленда) эта жемчужина не годилась: самыя прочныя уши не могли бы выдержать ея тяжести.

Надо было разстаться съ тридакной. Капитанъ Немо вышелъ изъ грота и мы опять поднялись по перловому рифу.

Воды, еще не возмущенныя нырнѣмъ ловцовъ, были прозрачны и тихи.

Мы шли довольно въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга: каждый останавливался или бралъ въ сторону по своему благоусмотрѣнію. Я не только не боялся теперь, но даже самъ подсмѣивался надъ своими прежними страхами. Подводная гора замѣтно поднималась и приближалась къ поверхности моря. Скоро моя голова высунулась поверхъ воды.

Консейль подошелъ ко мнѣ и приставивъ свой металлическій шаръ къ моему, привѣтствовалъ меня какимъ-то страннымъ, даже нѣсколько дикимъ движеніемъ, которымъ вѣроятно онъ хотѣлъ выразить свои дружескія чувства.

Но возвышенная платформа, на которую мы было вышли, простиралась всего на нѣсколько туазовъ и скоро мы снова скрылись подъ волнами, снова вступили въ свою стихію.

Я полагаю, что имѣю уже право называть эту стихію своею?

Мы шли минутъ уже десять, вдругъ капитанъ Немо остановился. Я подумалъ, что онъ хочетъ воротиться назадъ, но я ошибся. Онъ сдѣлалъ намъ знакъ войти въ расщелину скалы, вошелъ самъ и указалъ мнѣ вверхъ.

Я посмотрѣлъ.

Въ пяти метрахъ отъ меня появилась какая-то тѣнь, мелькнула и опустилась на дно.

— Акулы? мелькнула у меня мысль.

Нѣтъ, это не акула. Это былъ человѣкъ, живой человѣкъ, индѣецъ, жемчуголовъ, бѣднякъ, котораго вѣроятно нужда принудила начать ловлю раньше. Я видѣлъ дно его лодки, прикрѣпленной къ скалѣ въ нѣсколькихъ футахъ надъ его головою. Онъ то погружался, то выплывалъ. Между ногъ онъ сжималъ камень, обточенный конусомъ и привязанный къ лодкѣ; этотъ камень помогалъ ему быстрѣе опускаться въ глубину.

— Снарядъ не замысловатый! подумалъ я.

Спустившись на дно, метровъ на пять глубины, онъ кидался на колѣни и торопливо совалъ въ свой мѣшокъ попадавшіеся подъ руку раковины, потомъ выплывалъ, опоразнивалъ мѣшокъ, вытягивалъ камень и снова начиналъ ту же операцію, продолжавшуюся всего секундъ тридцать.

Этотъ человѣкъ не видалъ насъ. Мы притаились за выступомъ скалы. Да бѣдняку и въ голову не могло придти, что люди, живые люди, находятся подъ водою и наблюдаютъ за нимъ.

Много разъ онъ погружался и выплывалъ, выплывалъ и погружался. Онъ не захватывалъ больше десятка перловокъ за разъ, потому что ихъ надо было вырывать изъ скалы, къ которой они крѣпко пристали волоконцами.

И сколько этихъ перловокъ было пустыхъ!

Я внимательно за нимъ слѣдилъ. Онъ все нырялъ благополучно. Я уже начиналъ освоиваться съ этимъ ныряньемъ и успокаиваться, какъ вдругъ индѣецъ, стоявшій на колѣняхъ, содрогнулся, вскочилъ и хотѣлъ выплыть.

Я понялъ его испугъ. Гигантская тѣнь появилась надъ головой несчастнаго ловца. Это была огромная акула. Она плыла прямо на него съ отверстой пастью.

Я онѣмѣлъ отъ ужаса и словно приросъ на мѣстѣ.

Страшная тварь какъ бы нѣсколько приостановилась, а затѣмъ ринулась на индѣйца. Индѣецъ успѣлъ отскочить въ сторону и увернулся отъ зубовъ. Но она хватила его хвостомъ въ грудь и онъ упалъ.

Все это совершилось въ нѣсколько мгновеній. Акула направилась снова на индѣйца, перевернулась на спину...

— Пропалъ, подумалъ я, замирая.

Въ эту минуту капитанъ Немо выхватилъ свой кинжалъ и прямо пошелъ на чудовище.

Я еще его вижу. Онъ откинулся немного назадъ и съ совершеннымъ спокойствіемъ ждалъ.

Акула тотчасъ же его увидала и кинулась на него. Онъ съ изумительнымъ проворствомъ отскочилъ въ сторону, увернулся отъ удара и всадилъ ей въ брюхо кинжалъ по самую рукоятку.

Но битва этимъ еще не окончилась. Завязалась страшная борьба.

Акула испустила что-то похожее на рыканье, на вой. Кровь лила ручьями изъ ея раны. Море окрасилось алымъ цвѣтомъ и сквозь эту мутную жидкость я нѣсколько секундъ ничего не могъ видѣть.

Но вотъ кровавыя волны сплываютъ и я вижу, что неустрашимый капитанъ Немо повисъ на плавникѣ страшнаго врага, борется съ нимъ въ рукопашную, наноситъ ему въ животъ рану за раню, но все-таки не ухитрится нанести окончательнаго удара, то есть не можетъ попасть въ самое сердце.

Акула билась страшно и съ такой силой колыхала водныя массы, что я едва могъ устоять на мѣстѣ.

Я хотѣлъ было броситься на помощь капитану, но отъ волненія и страха не могъ сдѣлать шагу.

Я только глядѣлъ, какъ потерянный, на этотъ поединокъ.

Вдругъ капитанъ Немо упалъ, опрокинутый тяжестью громадной твари. Пасть акулы раскрылась....

— Погибъ! погибъ! думалъ я.

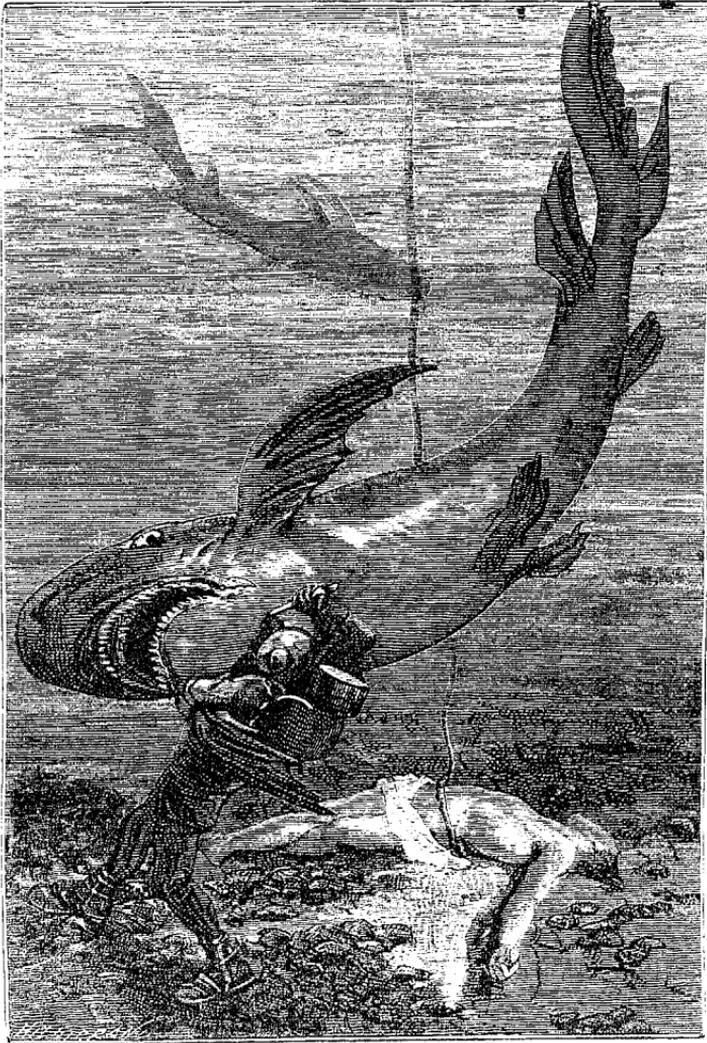
Но въ эту минуту Недъ Лендъ съ острою въ рукѣ кинулся на акулу и угодилъ, какъ слѣдуетъ.

Волны потемнѣли отъ хлынувшей крови. Акула бѣшено забилась.

Недъ Лендъ не промахнулся: попалъ прямо въ сердце. Акула билась въ предсмертныхъ конвульсіяхъ и билась съ такой силою, что всколыхавшіяся волны опрокинули Консейля.

Недъ Лендъ освободилъ капитана изъ подъ чудовища.

Капитанъ не былъ, по счастью, раненъ. Онъ всталъ, кинулся къ индѣйцу, проворно пересѣкъ веревку, которая привязывала его къ лодкѣ, взялъ его на руки и выплылъ съ нимъ на поверхность.

Капитанъ Немо возишь въ абулу кинжалъ по самую рукоятку.

Мы выплыли за нимъ слѣдомъ и черезъ нѣсколько минутъ достигли лодки.

Первой заботой капитана было привести въ чувство индѣйца.

Я очень сомнѣвался, удастся ли это ему; правда, индѣецъ не долго былъ подъ водой, но егохватила акула хвостомъ, и этотъ ударъ могъ быть смертельный.

Капитанъ и Консейль принялись тереть утопленника и мало по малу онъ началъ приходить въ чувство.

Онъ открылъ глаза.

Какое должно было быть его изумленіе, даже испугъ, когда онъ увидалъ наклоненныя надъ нимъ четыре металлическія головы!

Особенно, надо полагать, онъ удивился, когда капитанъ Немо вынулъ изъ кармана мѣшечекъ жемчугу и подаль ему.

Индѣецъ принялъ этотъ даръ дрожащими руками. По его лицу можно было видѣть, что онъ не могъ сообразить, что это за сверхъестественныя существа его окружили.

Капитанъ сдѣлалъ намъ знакъ и мы снова направились къ перловому рифу, потомъ, по прежней дорогѣ, достигли мѣста, гдѣ была наша шлюпка.

Мы снимали, съ помощію матросовъ, свои тяжелые футляры и сѣли въ шлюпку.

Первое слово капитана Немо было:

— Спасибо, дядя Лендъ.

— Не на чѣмъ, капитанъ, отвѣтилъ канадецъ. Это былъ мой долгъ.

Легкая, чуть замѣтная усмѣшка мелькнула на губахъ капитана Немо.

— Къ „Наутилусу!“ сказалъ онъ.

Шлюпка полетѣла.

Черезъ нѣсколько минутъ мы увидали трупъ акулы, выплывшій на поверхность.

По черной оторочкѣ плавниковъ, я узналъ страшную чернокрылку индѣйскаго моря. Она была болѣе двадцати пяти футовъ въ длину и огромная пасть занимала цѣлую треть ея тѣла.

— Это не молоденькая, сказалъ Недъ Лендъ, а какъ есть на самой порѣ. Видите зубища-то? Цѣлые шесть рядовъ торчатъ.

Эти шесть рядовъ были расположены на верхней челюсти трехъугольниковъ.

Консейль страстными глазами впивался въ чернокрылку и (я это очень хорошо видѣлъ) мысленно причислялъ ее къ классу хрящеватыхъ, къ разряду хрящеватоперыхъ, къ семейству хрящуновъ, къ роду акулъ.

Пока мы разсматривали этотъ трупъ, около дюжины другихъ чернокрылокъ выплыли на поверхность. Но они не обратили на насъ вниманіе, а кинулись къ своему безжизненному ближнему, и начали рвать его на куски.

Въ половинѣ девятаго мы уже были на „Наутилусѣ“.

Я долго размышлялъ о томъ, что случилось во время нашей экскурсіи на перловый рифъ, у Манаарскаго острова.

Что за человѣкъ этотъ капитанъ Немо! Какова отвага, какова ловкость, каково хладнокровіе!

Онъ говоритъ, что не принадлежитъ уже къ живущему міру, что отрекся отъ общества, ненавидитъ людей,—но все это одни слова!

Отжилъ, отрекся, ненавидитъ, а при первомъ же случаѣ бросается спасать человѣка, да еще спасать, рискуя своей собственной жизнію!

— А вѣдь вы себя противорѣчите, капитанъ, сказалъ я.

— Въ чемъ противорѣчу?

Я объяснилъ въ чемъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Этотъ индѣецъ—житель угнетенной страны, г. профессоръ, а я за угнетенныхъ: я всегда былъ и до послѣдняго вздоха буду за нихъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЧЕРНОЕ МОРЕ.

29 января мы потеряли изъ виду островъ Цейлонъ и „Наутилусъ“, идя со скоростью двадцать миль въ часъ, вступили въ лабиринтъ каналовъ, отдѣляющихъ Мальдивскіе острова отъ Лакедивскихъ. Онъ прошелъ мимо острова Киттана; этотъ островъ мадренорическаго происхожденія открытъ Васко-де-Гамо въ 1499 году; онъ одинъ изъ главныхъ девятнадцати острововъ Лакедив-

скаго архипелага, лежащаго между 10° и $14^{\circ} 30'$ сѣверной широты и 69° и $50^{\circ} 72'$ восточной долготы.

Мы прошли, значить, шестнадцать тысячъ двѣсти-двадцать миль, или семь тысячъ пятьсотъ лье съ тѣхъ поръ, какъ вышли изъ Японскихъ морей.

На слѣдующій день, 30 января, когда „Наутилусъ“ всплылъ на поверхность океана, уже не было никакой земли въ виду.

„Наутилусъ“ направлялся къ сѣверу-сѣверо-западу, къ Оманскому морю; это море находится между Аравіею и Индѣйскимъ полуостровомъ и служитъ входомъ въ Персидскій заливъ.

Куда же велъ насъ капитанъ Немо?

Я никакъ не могъ этого сообразить, и такая моя несообразительность не понравилась Неду Ленду.

— Куда его нелегкая несетъ? повторялъ онъ съ неудовольствіемъ: куда мы плывемъ?

— Туда плывемъ, Недъ, куда угодно капитану, отвѣчалъ я.

— Ужъ этотъ мнѣ капитанъ! Ну куда насъ онъ мчитъ? А, впрочемъ замчить не очень далеко: изъ Персидскаго залива нѣтъ другаго выхода, и коли мы туда войдемъ, такъ скоро повернемъ оглобли!

— Ну, чтожъ такое Недъ, повернемъ, такъ повернемъ. А коли изъ Персидскаго залива „Наутилусъ“ пройдетъ въ Черное море, такъ тамъ къ его услугамъ Бабель-Мандебскій проливъ, отвѣчалъ я.

— Позвольте, г. профессоръ, возразилъ горячо Недъ Лендъ: вѣдь Черное море тотъ-же Персидскій заливъ, потому оно тоже не имѣетъ другаго выхода! Вѣдь Суэзскій перешеекъ не прорытъ! Да, будь онъ и прорытъ, такъ такой потайной поплавокъ, какъ „Наутилусъ“ не пойдетъ по каналамъ, гдѣ на каждомъ шагу все шлюзы да шлюзы. Значить и черезъ Черное море мы не можемъ проѣхать въ Европу!

— Да развѣ я вамъ говорилъ, что мы проѣдемъ въ Европу?

— Такъ куда-жъ мы проѣдемъ? Вы вѣдь что-нибудь да думаете?

— Я думаю, что „Наутилусъ“ посѣтитъ любопытные берега Аравіи и Египта, спустится по Индѣйскому Океану, можетъ,

через Мозамбикскій каналъ, можетъ, мимо Маскаренскихъ острововъ и достигнетъ мыса Доброй-Надежды.

— Ну, а какъ достигнетъ мыса Доброй-Надежды, тогда что?

— А тогда мы, можетъ быть, пустимся по Атлантическому Океану. Это было-бы отлично! Атлантическій Океанъ почти неизвѣстенъ.... Послушайте, Недъ: неужели вамъ ужъ надоѣло подводное путешествіе? По моему, это такая прелесть, такая рѣдкость!.. Я бы очень огорчился, еслибъ меня теперь высадили на какойнибудь берегъ.

— Да вы знаете ли, г. Аронаксъ, что вотъ уже скоро три мѣсяца, какъ мы въ плѣну на этомъ „Наутилусъ“?

— Не знаю, Недъ, и не хочу знать! Я не считаю ни дней, ни часовъ!

— Да какой же конецъ этому будетъ?

— Будетъ какой-нибудь въ свое время. Да изъ чего мы споримъ? Мы вѣдь ничего не можемъ сдѣлать, значить всякіе споры бесполезны и ни къ чему не ведутъ. Кабы вы могли мнѣ сказать: „вотъ я нашелъ средство къ побѣгу!“ ну тогда бы еще можно было потолковать, а то вы ничего не нашли. Знаете что? Говоря откровенно, я не думаю, чтобы когданибудь капитанъ Немо пустился въ Европейскія моря.

Мы еще долго разговаривали въ этомъ духѣ. Наконецъ Недъ Лендъ оборвалъ разговоръ такими словами:

— Нѣтъ, г. профессоръ, коли меня держутъ на привязи, такъ, по моему тогда на всякое удовольствіе налить, — ничего оно не стоитъ!

Въ продолженіи четырехъ дней, до 3 февраля, „Наутилусъ“ плылъ по Оманскому морю. Онъ плылъ то съ большою скоростью, то медленно, и держался то на большей, то на меньшей глубинѣ. Казалось, онъ не знаетъ дороги, идетъ ощупью, или колеблется, куда именно ему направиться. Я однако замѣтилъ, что онъ не переходилъ тропика рака.

Вышедъ изъ Оманскаго моря мы завидѣли Маскаты, главный городъ Оманской земли.

Городъ этотъ выстроенъ между черныхъ скалъ и отъ нихъ ярко отдѣлялись бѣлые дома и крѣпость. Я различилъ выпуклыя крыши мечетей, красивую стрѣлку на минаретѣ и зеленѣющія терасы.

Но я едва успѣлъ на все это полюбоваться: „Наутилусъ“ скоро погрузился въ темныя волны.

Мы проплыли, держась въ шести миляхъ, вдоль аравійскихъ береговъ. Берега эти были мѣстами гористы и на горахъ видѣлись иногда древнія развалины.

5 февраля мы наконецъ вошли въ Аденскій заливъ.

Этотъ заливъ можно сравнить съ воронкой, которая входитъ въ горлышко Бабель-Мандебскаго пролива и проводитъ индѣйскія воды въ воды Чермнаго моря.

6 февраля „Наутилусъ“ плылъ въ виду города Адена.

Городъ Аденъ гнѣздится на скалѣ, выдающейся въ море и соединенной съ континентомъ узкимъ перешейкомъ. Въ 1839 г. имъ завладѣли англичане, укрѣпили его, и теперь это другой неприступный Гибралтаръ.

Я различалъ восьмиугольные минареты и вспомнилъ, что когда то, если вѣрить историку Эдризю, этотъ городъ былъ самымъ торговымъ и богатымъ береговымъ пунктомъ.

Я думалъ что капитанъ Немо, доѣхавъ до этихъ мѣстъ, повернетъ назадъ, но къ величайшему моему изумленію онъ не повернулъ.

На слѣдующій день, 7 февраля, мы вошли въ проливъ Бабель-Мандебъ, что значитъ на арабскомъ языкѣ „Врата Слезъ“.

Эти „Врата Слезъ“ имѣютъ въ ширину двадцать миль, а въ длину всего пятьдесятъ два километра. „Наутилусъ“ пустился во весь духъ и въ одинъ часъ перелетѣлъ это пространство.

Но я ничего не видалъ; не увидалъ даже острова Перима, который тоже принадлежитъ англичанамъ. Множество французскихъ и англійскихъ пароходовъ сновало по проливу, — одни шли изъ Калькутты, другіе въ Мельбурнъ, иные изъ Суэза въ Бомбай, иные къ Бурбону или Морицу — такъ что „Наутилусъ“ не могъ показаться на поверхность океана, а держался подъ водою.

Наконецъ въ полдень мы вступили въ Чермное море.

Чермное море, о которомъ такъ часто упоминается въ библейскихъ преданіяхъ, вотъ оно!

Консейль тоже смотрѣлъ на него не безъ волненія.

Море это не освѣжается дождями, ни одна рѣка въ него не впадаетъ; оно подвержено безпрестаннымъ, очень сильнымъ ис-

пареніямъ и понижается на цѣлые полтора метра. Будь этотъ заливъ со всѣхъ сторонъ замкнутъ, онъ бы, можетъ статься, совершенно высохъ.

Черное море имѣетъ двѣ тысячи пятьсотъ километровъ въ длину и двѣсти сорокъ въ ширину. Во времена Птолемея и римскихъ императоровъ оно было, по выраженію одного ученаго, „большою артеріей всемірной торговли“. Теперь проведеніе суэзскаго канала возвратитъ ему, можетъ статься, его прежнее значеніе. Суэзскія желѣзныя дороги уже отчасти сдѣлали это.

Я никакъ не могъ понять, зачѣмъ капитанъ Немо заплылъ въ этотъ заливъ, но я былъ этимъ очень доволенъ.

„Наутилусъ“ шелъ тихо, то выплывалъ на поверхность океана, то погружался въ глубину, если показывалось какое нибудь судно на горизонтѣ. Я могъ, значить, наблюдать это море и подъ волнами, и на поверхности.

8 февраля, рано поутру, мы увидѣли Моку.

Городъ этотъ теперь разоренъ, — говорятъ стѣны его рушатся отъ одного грома орудій. Онъ казался очень тихимъ; кое-гдѣ росли тѣнистыя финиковыя деревья.

Когда-то Мока тоже имѣла значеніе; здѣсь было шесть рынковъ, двадцать шесть мечетей и ее защищали укрѣпленныя стѣны.

„Наутилусъ“ приблизился къ африканскимъ берегамъ, гдѣ море гораздо глубже.

Тамъ „Наутилусъ“ остановился между массаами водъ, прозрачныхъ какъ стекло, и мы могли любоваться на неподобные яркоцвѣтные коралловые кустарники и на подводные утесы, сплошь устланные мягкими, бархатными зелеными коврами изъ водорослей.

Но самое-то диковинное ожидало насъ у восточныхъ береговъ; тутъ не только подъ волнами красовались самыя рѣдкія животнорастенія, но они образовали живописныя гирлянды и надъ поверхностью моря. Эти гирлянды возвышались на десять сажень надъ уровнемъ океана. Они не были такія яркоцвѣтныя, какъ подводныя, но формы ихъ отличались еще большей причудливостью.

Сколько пріятныхъ часовъ я провелъ у окна „Наутилуса“! Сколько новыхъ образчиковъ подводныхъ флоры и фауны я тутъ видѣлъ!

Животнорастенія образовывали живищныя гирлянды.

Тутъ росли всевозможныя губки.

Тутъ были и грузевидные грибовики, актиніи аспиднаго цвѣта, между прочимъ *thalassianthus ester*, красные свирѣльники, свойственные этому морю, наконецъ тысячи видовъ губки.

Губка вовсе не растеніе, какъ предполагають еще нѣкоторые натуралисты, но животное низшаго разряда; нельзя даже допустить мнѣніе древнихъ, которые считали губку чѣмъ-то среднимъ между растеніемъ и животнымъ.

Впрочемъ, естествоиспытатели несогласны на счетъ организациі губки. Одни признають ее за полипникъ, а другіе, — и между этими другими г. Мильнъ Эдвардсъ, — признають ее за отдѣльное, живущее особнякомъ животное.

Классъ губчатыхъ заключаетъ въ себѣ около трехсотъ видовъ, которые встрѣчаются почти во всѣхъ моряхъ; даже въ нѣкоторыхъ рѣкахъ попадаются такъ называемыя рѣчныя губки. Но главнымъ образомъ онѣ водятся въ водахъ Средиземнаго моря, около греческаго архипелага, у береговъ Сиріи и Чермнаго моря. Тамъ добываются мягкія нѣжныя губки, которыя иногда продаются по ста пятидесяти франковъ за штуку, сирійская губка, твердая варварійская губка и проч.

Я не могъ изучать зоофитовъ Леванта, отъ котораго мы были отдѣлены Суэскимъ перешейкомъ и утѣшался тѣмъ, что принялся наблюдать ихъ въ водахъ Чермнаго моря.

Я позвалъ Консейля.

„Наутилусъ“, держась на глубинѣ отъ восьми до девяти метровъ, медленно плылъ мимо прелестныхъ подводныхъ утесовъ восточнаго берега.

Тутъ росли всевозможныя губки: губки стеблистыя, губки листовидныя, губки шаровидныя и губки лопчатныя. Онѣ оправдывали названія корзиночекъ, чашечекъ, прялокъ, лосьяго рога, львиной лапы, павлиньяго хвоста, непуновой перчатки, которыми окрестили ихъ рыбаки и губколовы. Изъ ихъ волокнистой оболочки, покрытой полужидкимъ, студенистымъ веществомъ безпрестанно вырывались тоненькія струйки воды, орошали каждую клѣточку, а затѣмъ клѣточки сжимались и вытѣсняли оттуда воду. Студенистое вещество исчезаетъ послѣ смерти полипа и истлѣваетъ отдѣляя аміакъ. Остаются только роговидныя или студенистыя волокна, изъ которыхъ состоитъ обыкновенная губка; губка эта принимаетъ рыжеватый оттѣнокъ и, смотря по степени

своей эластичности и проницаемости, служить на то или другое употребленіе.

Эти полипники лѣпились къ утесамъ, къ раковинамъ и даже къ стеблямъ водорослей. Они унизывали въ малѣйшія извилины утесовъ стлались, ползли вверхъ или висѣли, какъ кораловыя вѣтви.

— Съ позволенія ихъ чести, какъ добываютъ эти губки, спросилъ Консейль.

— Добываютъ ихъ или черпакомъ, или руками, отвѣчалъ я. Для ловли руками надо нырять, но за то губка отрывается острожноуе, оболочка ея не портится и слѣдовательно она цѣнится дороже.

Около губчатыхъ кишали другія животнорастенія, преимущественно медузы; представителями моллюсковъ были кальмары или чернильницы, которыя по показанію д'Орбиньи, свойственны Черному морю, а представителями пресмыкающихся явились черепахи изъ разряда кареттъ, которыя доставили намъ къ обѣду отличное блюдо.

Что касается до рыбъ, то ихъ попадалось множество и между ними часто бывали очень замѣчательные образчики. Наши сѣти захватывали скатовъ кирпичнаго цвѣта, усѣянныхъ неровными голубыми пятнушками, съ двойной зубчатой рогаткой, или съ золотистой спиной, или морскихъ котиковъ съ колючими хвостами, беззубиковъ, принадлежащихъ къ отдѣлу хрящеватыхъ, кузовковъ — дромадеровъ, изъ семейства твердокожихъ, у которыхъ горбъ оканчивается загнутой рогаткой, длиною въ полтора фута. ошебней, изъ семейства угревидныхъ съ серебристымъ хвостомъ, голубоватой спиной, фіатолей, изчерченныхъ узкими золотыми полосками и украшенныхъ тремя цвѣтами Франціи, великолѣпныхъ каранксовъ или толстоголовыхъ, помѣченныхъ семью продольными полосками чернаго цвѣта съ голубыми и желтыми плавниками, съ золотой и серебряной чешуей, шипоножекъ, краснородокъ съ желтой головой, клювышей или зеленобрюшекъ, губановъ, спинороговъ, колбней и тысячи другихъ рыбъ.

9 февраля „Наутилусъ“ плылъ между Суакиномъ и Куонфодомъ; здѣсь Черное море имѣетъ сто девяносто миль въ ширину.

Въ полдень капитанъ Немо вышелъ на платформу. Я под-

жидалъ его. Я далъ себѣ слово до тѣхъ поръ отъ него не отвѣчать, пока хотя приблизительно не узнаю, куда хочетъ направитъ путь.

Увидавъ меня, капитанъ Немо тотчасъ же подошелъ, любезно предложилъ мнѣ сигару и сказалъ:

— Что жъ г. профессоръ, нравится вамъ Черное море? Какъ вы находите его рыбъ, животнорастенія, цвѣтники изъ глубокъ и лѣса изъ коралловъ? Замѣтили вы города по берегамъ.

— Да, капитанъ, отвѣтилъ я. Такія чудеса можно только видѣть съ „Наутилуса“. Что это за умный корабль, если можно такъ выразиться!

— Да, г. Аронаксъ, умный, отважный и неуязвимый! Онъ не боится ни страшныхъ бурь Чернаго моря, ни его теченій, ни его подводныхъ скалъ.

— Да, сказалъ я, это море считается однимъ изъ самыхъ бурныхъ; если я не ошибаюсь, въ древнія времена о немъ была самая невыгодная слава.

— Да, очень невыгодная, г. Аронаксъ. Греческіе и латинскіе историки отзываются о немъ не очень лестно, а Страбонъ говоритъ, что во время этезьенскихъ вѣтровъ въ періодъ дождей оно ни куда не годится. Арабъ Эдризидъ, который описываетъ его подъ именемъ Кользумскаго залива, рассказываетъ, что корабли во множествѣ погибали, разбиваясь о подводныя скалы и что никто не рѣшался плавать по немъ ночью. „Это“ увѣряетъ онъ, „море бурное, на которомъ безпрестанно поднимаются страшныя ураганы; оно усѣяно неприступными островами и нѣтъ въ этомъ море ничего хорошаго, ни въ глубинѣ, ни на поверхности“. Такое же мнѣніе выражаютъ о немъ Арріенъ, Аготархидъ и Артемидоръ.

Изъ этого видно, что помянутые историки не плавали на „Наутилусѣ“, отвѣчалъ я.

Капитанъ усмѣхнулся.

— Относительно постройки кораблей, сказалъ онъ, наши современники не очень далеко ушли отъ древнихъ. Сколько вѣковъ прошло пока открыли механическую силу паровъ. Кто знаетъ, явится ли второй „Наутилусъ“ даже черезъ сто лѣтъ? Прогрессъ идетъ медленно г. Аронаксъ.

— Да, отвѣчалъ я, вашъ „Наутилусъ“ опередилъ цѣлымъ

вѣкомъ свое время, можетъ быть даже нѣсколькими вѣками. Какъ жаль, что подобное открытіе должно умереть вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ!

Капитанъ Немо ничего мнѣ не отвѣтилъ на послѣднее замѣчаніе.

Помолчавъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Мы говорили о невыгодномъ мнѣніи, которое имѣли древніе о Черномъ море?

— Да, отвѣчалъ я, но они черезъ чуръ преувеличивали опасности...

— И да, и нѣтъ, г. Аронаксъ, сказалъ капитанъ, который казалось зналъ Черное море, какъ свои карманы. То, что не представляетъ никакой опасности современному кораблю или пароходу, представляло судамъ древнихъ очень большую. Теперь у насъ корабли построены прочно, оснащены отлично, управляются посредствомъ пара, а вѣдь первые мореплаватели пускались въ плаваніе на баркахъ; эти барки были шиты пальмовыми веревками, законопачены древесной смолой и обмазаны жиромъ морской собаки. У нихъ не было даже никакихъ инструментовъ для опредѣленія направленія корабля и они шли, вычисляя ходъ судна по теченіямъ, которыя едва знали. При такихъ условіяхъ кораблекрушенія были и должны были быть многочисленны. Въ наше время пароходамъ, плавающимъ между Суэзомъ и южными морями, нечего бояться этого залива, не смотря на противные вѣтры. Теперь капитаны и пассажиры передъ отплытіемъ не приносятъ очистительныхъ жертвъ и при возвращеніи не идутъ въ храмъ украшенные гирляндами и золотыми повязками благодарить боговъ.

— Это такъ, сказалъ я. Пары, мнѣ кажется, убили всякую признательность въ сердцахъ моряковъ. Очевидно, что вы хорошо изучили это море, капитанъ, и вѣрно знаете все, что къ нему относится. Не можете ли вы мнѣ сказать, откуда происходитъ это названіе Черное или Красное море?

— По этому поводу есть много различныхъ толкованій. Угодно вамъ знать мнѣніе лѣтописца XIV вѣка?

— Скажите, капитанъ.

— Этотъ выдумщикъ увѣряетъ, что названіе Краснаго было дано морю послѣ перехода Израильтянъ, когда фараонъ погибъ

въ его волнахъ; онъ говоритъ: „Въ знакъ этого чуда море приняло алый цвѣтъ и никто послѣ этого не могъ его иначе называть, какъ только Краснымъ моремъ“. Онъ говоритъ это стихами.

— Ну, Богъ съ нимъ! я на поэтовъ въ этомъ случаѣ не полагаюсь. Вы лучше скажите, какъ вы объ этомъ думаете.

— Я думаю, г. Аронаксъ, что это переводъ Еврейскаго слова Edrom и что древніе крестили море этимъ именемъ потому, что воды его отличаются особою окраскою.

— Однако до сихъ поръ я не вижу никакой особой окраски, капитанъ: волны прозрачны и совершенно такія же какъ въ другихъ моряхъ.

— Да, пока еще нѣтъ ничего особеннаго, но когда мы войдемъ въ глубину залива, вы замѣтите большое различіе. Я помню, видѣлъ Торскую бухту, такъ она была совершенно красная, — точно кровавое озеро.

— Чему же вы приписываете эту красноту: присутствію микроскопическихъ водорослей?

— Да, это слизистое пурпуровое вещество, отдѣляемое микроскопическими растеньицами, такъ называемыми волосатками. На одинъ квадратный миллиметръ приходится сорокъ тысячъ этихъ волосатокъ. Когда мы войдемъ въ Торскую бухту, вы быть можетъ, увидите ихъ.

— Значитъ вы не въ первый разъ плывете на „Наутилусъ“ по Черному морю?

— Не въ первый, г. профессоръ.

— Вы упомянули о переходѣ Израильтянъ черезъ Черное море и о несчастіи, которое постигло Египтянъ: — позвольте васъ спросить, капитанъ, вы не полюбопытствовали исследовать подъ водами мѣсто этого замѣчательнаго происшествія?

— Нѣтъ, г. профессоръ, и я имѣлъ на это достаточную причину.

— Какую же?

— Такую, что именно то самое мѣсто, гдѣ Моисей прошелъ со своимъ народомъ, такъ теперь занесено пескомъ, что вода едва покрываетъ копыта верблюдовъ. Понятно, что мой „Наутилусъ“ не могъ тамъ плавать.

— А гдѣ это мѣсто, капитанъ?

— Это мѣсто находится немного повыше Суэза въ рукавѣ,

который когда то, когда Черное море простиралось до Горьких Озеръ, образовывалъ глубокой лиманъ. Надо ли приписать сверхъестественному чуду переходъ Израильтянъ, или нѣтъ, это другой вопросъ; но Израильтяне прошли въ Обѣтованную землю, а войско фараона погибло именно здѣсь. Я полагаю, что примись ктонибудь за раскопку этихъ песковъ, нашлось бы множество Египетскихъ оружій и инструментовъ,

— Это можно сказать навѣрное. Надѣюсь, что рано или поздно археологи примутся за эти раскопки. Дайте только постройтѣся городамъ на этомъ перешейкѣ! А города построятся, какъ только будетъ прорытъ Суезкій каналъ. Мнѣ кажется, что этотъ каналъ бесполезенъ для вашего „Наутилуса“, капитанъ?

— Для моего „Наутилуса“ бесполезенъ, г. профессоръ, за то полезенъ для цѣлаго міра. Еще древніе хорошо понимали, какъ важно для ихъ торговыхъ дѣлъ установить сообщеніе между Чернымъ и Средиземнымъ морями; но имъ не пришло въ голову прорытъ прямой каналъ и они устроили сообщеніе черезъ Нилъ. Каналъ, соединявшій Нилъ съ Чернымъ моремъ былъ, если вѣрить преданію, начатъ въ царствованіе Сезостриса. Вѣрно то, что за 615 лѣтъ до Р. Х. Нехао велѣлъ рыть каналъ соединяющій Нилъ съ Аравійскимъ заливомъ. Каналъ этотъ снабжался водою въ четыре дня и ширина его была такая, что двѣ триремы или трехбаночныя галеры проходили рядомъ. Рытье этого канала продолжалъ Дарій, сынъ Гистаспа, и окончилъ его вѣроятно Птоломей II. Страбонъ видѣлъ, какъ по немъ плавали, но покатошь отъ Бубасты до Чернаго моря была очень мала и плавать по каналу можно было только нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Этотъ каналъ служилъ торговымъ сообщеніемъ до временъ Антониновъ. Потомъ онъ былъ брошенъ и его занесло пескомъ; потомъ поправленъ по повелѣнію калифа Омара и наконецъ въ 761 или въ 762 г. былъ окончательно заваленъ калифомъ Альманзоромъ, который хотѣлъ отрѣзать подвозъ хлѣбныхъ припасовъ въ войска возмущившагося Магомеда-Бенъ-Абдалаха. Генералъ Бонапартъ началъ, во время своего Египетскаго похода, на слѣды этихъ работъ въ Суезкой пустынѣ и, застигнутый приливомъ, чуть-чуть не погибъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Мойсей за 3.300 лѣтъ передъ нимъ стоялъ лагеремъ.

— Чего не придумали или не рѣшались сдѣлать древніе,

то сдѣлалъ г. Лесенсъ. Молодецъ! Вѣдь это соединеніе двухъ морей сократитъ путь изъ Кадикса въ Индію на девять тысячъ километровъ! Онъ превратилъ Африку въ громадный островъ!

— Да, г. Аронаксъ! Вы имѣете право гордиться своимъ соотечественникомъ. Это человѣкъ энергическій. Онъ началъ дѣло и не смотря ни на какія препятствія, помѣхи и непріятности, таки доводитъ его до конца. Честь и слава г. Лесенсу! Только одно печально....

— Что же, капитанъ?

— А то, что великія предпріятія мало находятъ сочувствія, мало интересуютъ. Кто знаетъ, оборвисъ г. Лесенсъ, дѣло можетъ стать такъ бы и забросили. Честь и слава г. Лесенсу!

— Да, честь и слава гражданину, отвѣтилъ я, честь и слава!

Меня очень удивилъ тонъ капитана Немо.

— Къ несчастію, г. профессоръ, началъ снова капитанъ Немо, я не могу провести васъ черезъ Суезскій каналъ, но послѣ-завтра мы войдемъ въ Средиземное море и вы оттуда увидите длинныя гати около Портъ-Саида.

— Мы войдемъ въ Средиземное море? вскрикнулъ я.

— Да, г. профессоръ, это васъ удивляетъ?

— Меня удивляетъ, что мы будемъ тамъ послѣ завтра?

— Да?

— Да, капитанъ. Хотя тѣмъ, кто плаваетъ на „Наутилусъ“ пора бы перестать чему бы то ни было удивляться.

— Вы собственно чему удивляетесь?

— Страшной скорости хода. Вѣдь чтобы въ одинъ день объѣхать Африку и обогнуть мысъ Доброй Надежды надо пустить корабль...

— Да кто-жъ вамъ говорить, г. профессоръ, что мы будемъ объѣзжать Африку и обигать Мысъ Доброй Надежды?

— Да какъ же иначе? Вѣдь „Наутилусъ“ не пошлеть по землѣ, не пойдетъ по перешейку?

— А подъ перешейкомъ, г. Аронаксъ.

— Подъ перешейкомъ?

— Разумѣется, спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо. Природа давнымъ давно устроила подъ этой полоской земли то, что люди теперь устриваютъ на ея поверхности.

— Что вы! Неужто есть проходъ?

— Да, есть подземный проходъ. Я его назвалъ Аравійскимъ-Тонелемъ: онъ начинается подъ Суэзомъ и доходить до Пелузскаго залива.

— Но вѣдь перешеекъ состоитъ изъ наносныхъ песковъ?

— Только на извѣстную глубину, на пятьдесятъ метровъ, а дальше лежитъ незыблемая скала.

— Вы случайно открыли этотъ проходъ, капитанъ?

Я былъ до крайности удивленъ.

— И случайно и нѣтъ, г. профессоръ. Я даже могу сказать „что я открылъ его не случайно“.

— Капитанъ, я наставилъ уши!

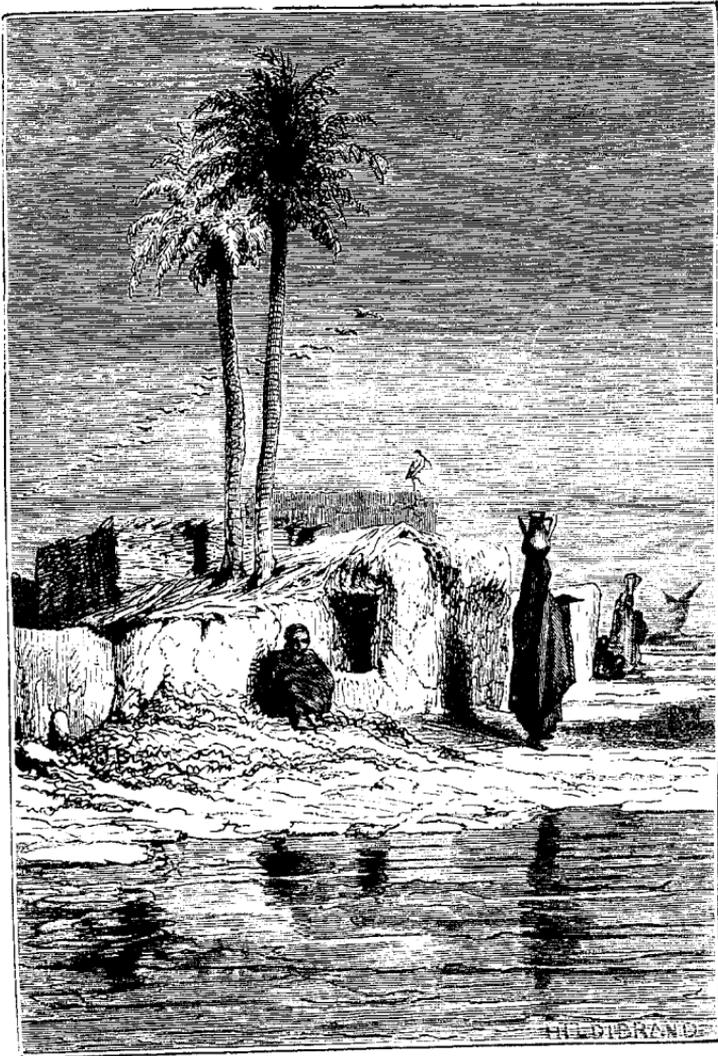
— А, г. профессоръ! *Aures habent et non audient*, вѣдь это бываетъ всегда, какъ въ древнія, такъ и въ новыя времена. Этотъ проходъ не только существуетъ, но я даже не разъ черезъ него проходилъ. Не будь его, я не рѣшился бы теперь забратъся въ Черное море.

— Не будетъ ли это съ моей стороны нескромностью, если я спрошу васъ, какимъ образомъ вы открыли Аравійскій-Тонель?

— Г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо, зачѣмъ же секретничать съ людьми, съ которыми мы никогда не разстанемся?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ намекъ и ждалъ разсказа.

— Г. профессоръ, я тоже немножечко натуралистъ и разныя соображенія повели мени въ мысль о существованіи этого прохода. Я замѣтилъ, что въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ попадаются совершенно одинаковыя рыбы, амебни изъ семейства угревидныхъ, фіатолы, радужныя губаны, летучки или долгоперы изъ семейства шуковидныхъ и нѣкоторыя другія. Мнѣ пришло въ голову, что вѣроятно между этими морями не существуетъ ли какого нибудь сообщенія; за тѣмъ я сказалъ себѣ, что если оно существуетъ, то подводное теченіе должно идти отъ Чермнаго моря къ Средиземному. Я поймалъ множество рыбъ около Суэза, прикрѣпилъ имъ къ хвосту мѣдныя колечки и опять выбросилъ ихъ въ море. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я поймалъ у Сирійскихъ береговъ нѣсколько рыбъ, помѣченныхъ моими колечками. Сомнѣваться было нечего: сообщеніе между морями существовало. Я принялся его розыскивать, розыскалъ, рѣшился по немъ про-

За городомъ видѣлись хижины и шалаши бедупцовъ.

плыть, а вотъ теперь очень скоро буду имѣть честь препроводить и васъ этимъ путемъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АРАВИЙСКІЙ ТОНЕЛЬ.

Я въ тотъ же день передалъ Консейлю и Неду Ленду кое-что изъ разговора съ капитаномъ.

Когда я имъ объявилъ, что черезъ два дня мы очутимся въ водахъ Средиземнаго моря, Консейль захопалъ въ ладоши, а канадецъ пожалъ плечами.

— Подводный тоннель! вскрикнулъ онъ. Сообщение между морями! Какъ это можно! Это неслыханное дѣло!

— Другъ Недъ, возразилъ Консейль, а вы когда нибудь слышали про „Наутилусъ“? Нѣтъ! Однако „Наутилусъ“ существуетъ! Такъ вы не вздергивайте плечами и не кричите: этого нѣтъ потому, что я объ этомъ не слыхалъ.

— Увидимъ, увидимъ! прорычалъ Недъ Лендъ. Чтожъ, по мнѣ лучше и не надо! Я радъ, коли этотъ проходъ есть и коли капитанъ вправду проведетъ насъ въ Средиземное море.

Въ тотъ же вечеръ „Наутилусъ“ приблизился къ Аравійскому берегу. Мы плыли на поверхности моря и я могъ различить Джеду, главный торговый складъ Египта, Сиріи, Турціи и Индіи; я даже различилъ довольно хорошо общій видъ городскихъ построекъ, суда, причаленныя вдоль набережной и корабли, стоявшіе на якорѣ въ рейдѣ. Солнце, стоявшее довольно низко на горизонтѣ, прямо ударило на дома и дома эти блестѣли, какъ снѣгъ. За городомъ виднѣлись деревянные хижины и тростниковые шалаши, гдѣ жительствоваали бедуины.

Скоро Джеда исчезла въ вечернемъ сумракѣ и „Наутилусъ“ погрузился.

На слѣдующій день, 10-го февраля, вдали показалось нѣсколько судовъ. „Наутилусъ“ снова поплылъ подъ водою, но въ полдень всѣ суда скрылись изъ виду и онъ снова вышелъ на поверхность.

Я, Недъ Лендъ и Консейль вышли на платформу. Восточный берегъ чуть-чуть обозначался въ туманѣ.

Мы сидѣли и толковали о разныхъ предметахъ, какъ вдругъ Недъ Лендъ протягиваетъ руку, указываетъ на какую-то точку на морѣ и говорить:

— Видите, г. профессоръ? Вонъ тамъ, тамъ!

— Не вижу, Недъ! Вы вѣдь знаете, у меня не ваши глаза.

— Смотрите хорошенько: вонъ тамъ, налѣво впереди, противъ фонаря! Видите, что-то движется? Видите какой-то комокъ?

— Да, да точно, отвѣтилъ я, послѣ внимательнаго наблюденія. Я какъ будто вижу какое-то черноватое тѣло на поверхности воды.

— Не другой ли „Наутилусъ“? сказалъ Консейль.

— Нѣтъ, отвѣтилъ канадецъ. Это надо полагать какоенибудь морское животное.

— Съ позволенія ихъ чести, киты водятся въ Черномъ морѣ? спросилъ Консейль.

— Да, иногда попадаютъ, отвѣчалъ я.

— Только это, съ позволенія ихъ чести, не китъ, сказалъ канадецъ, который не терялъ изъ виду темной массы. Мы съ китами старые знакомые. Я ихъ сейчасъ узнаю.

— Подождемъ—увидимъ, сказалъ Консейль. „Наутилусъ“ идетъ прямо туда.

„Наутилусъ“ точно шелъ какъ разъ по этому направленію и скоро мы были всего въ одной мили отъ черноватаго тѣла. Оно походило на большой утесъ среди моря.

— Чтобы это такое было? сказалъ я. Рѣшительно не могу придумать.

— А! движается! ныряетъ! вскрикнулъ Недъ Лендъ. Тысячу чертей! что это еще за штука? Хвостъ неразвоенный, неразвилый, какъ у китовъ и кашалотовъ, а плавники словно обрублены!

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, это...

— Кувыркъ! перевернулась на спину и выставило сосцы, вскрикнулъ канадецъ.

— Это сирена! вскрикнулъ Консейль. Это, съ позволенія ихъ чести, настоящая сирена!

Животное точно принадлежало къ отдѣлу морскихъ тварей, которыхъ въ древности считали полуженщинами, полурыбами.

— Нѣтъ, сказалъ я Консейлю, это не сирена, а другая

Видите ли, г. профессоръ?

очень любопытная тварь, которая теперь еще изрѣдка попадаетъ въ Черномъ морѣ. Это дюгонь, животное изъ семейства травоядныхъ китовъ.

— Отрядъ сиренъ, группа рыбовидныхъ, подклассъ чрево-сумчатыхъ, классъ млекопитающихъ, отдѣлъ позвоночныхъ, забормоталъ Консейль.

Недъ Лендъ не сводилъ глазъ съ животнаго. Глаза канадца такъ и горѣли. Онъ поднималъ руку словно хотѣлъ пустить острогию.

— Что Недъ? спросилъ я.

— Ахъ, г. профессоръ, отвѣчалъ Недъ: такой штуки мнѣ еще отъ роду не приводилось запопасть!

Въ эту минуту капитанъ Немо вышелъ на платформу; онъ тотчасъ примѣтилъ дюгона, поваялъ волненіе канадца и сказалъ ему:

— А что, дядя Лендъ, хорошо бы зацѣпить его багромъ?

— Ужъ и не говорите, капитанъ! отвѣтилъ канадецъ.

— Вы не прочь отъ того, чтобы поохотиться?

— Не прочь! не прочь!

— Ну чтожь, коли не прочь, то поохотитесь.

— Благодаримъ покорно капитанъ! радостно отвѣтилъ Недъ.

Глаза у него такъ и запрыгали.

— Только смотрите, сказалъ капитанъ, не промахнитесь, — совѣтую вамъ это ради вашего добра.

Недъ Лендъ только пожалъ плечами.

— А дюгонь очевь опасное животное? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ капитанъ. Случается, что животное кидается на врага и опрокидываетъ лодку. Впрочемъ, дядѣ Ленду нечего бояться, у него вѣрный глазъ и твердая рука. Я больше потому совѣтую не промахнуться, что молъ упустить такую вкусную штуку. Дядя Лендъ, я знаю, порядочный лакомка.

— А! сказалъ канадецъ, такъ это штука вкусная?

— Очень вкусная, отвѣчалъ капитанъ: это настоящее мясо, и на Малайскихъ островахъ его подаютъ только къ столу принцевъ. А такъ какъ у принцевъ аппетитъ хорошій, то за этимъ бѣднымъ животнымъ постоянно охотятся самымъ усерднымъ образомъ, такъ что онъ, равно какъ и его однородникъ манатъ или ламантинъ, становится рѣдкостью.

— Такъ можетъ, лучше не охотиться бы, капитанъ, сказалъ Консейль: что какъ это самый послѣдній? Надо его оставить на разводъ! Вы подумайте, наука....

— Ну, пошли городить, Консейль! вскрикнулъ Недъ. Вы все наука да наука—а объ ѣдѣ никогда не позаботитесь!

— Охотьтесь, охотьтесь, дядя Лендъ, сказалъ капитанъ.

Въ эту минуту на платформу вышло семь человѣкъ изъ экипажа. Одинъ изъ нихъ держалъ багоръ и веревку, какіе употребляются при ловлѣ китовъ. Всѣ они были нѣмы и безстрастны, какъ всегда. Шлюпку спустили на море. Шестъ гребцовъ сѣли на весла, а рулевой на руль. Недъ, Консейль и я помѣстились тоже.

— А вы, капитанъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, я не поѣду, отвѣчалъ капитанъ. Счастливой охоты!

Шлюпка отчалила, гребцы дружно взяли за весла и мы полетѣли прямо на дюгона, который колыхался миляхъ въ двухъ отъ „Наутилуса“.

Приблизившись къ китообразному, шлюпка пошла тише и весла безъ шума окунулись въ спокойныя воды.

Недъ Лендъ съ багромъ въ рукѣ сталъ на носу.

За острогу, которой бьютъ кита, обыкновенно цѣпляють длинный канатъ; этотъ канатъ свернуть въ клубокъ и быстро развертывается, когда раненое животное увлекаетъ его за собою въ глубь.

Но у Неда Ленда канатъ былъ всего саженой десять въ длину и къ концу его былъ прикрѣпленъ маленькій боченокъ. Если бы животное утянуло канатъ, боченокъ всплылъ бы на поверхность и такимъ образомъ обозначилъ бы путь дюгона подъ водою.

Я привсталъ, подошелъ къ краю шлюпки и явственно разсмотрѣлъ противника Неда Ленда.

— Знаешь, сказалъ я Консейлю: этотъ дюгонь очень похожъ на ламантина или маната. Смотри: тѣло продолговатое, кончается очень вытянутымъ хвостомъ, а боковые плавники — пальцами. Все различіе съ манатомъ только въ томъ, что у него на верхней челюсти сидятъ два длинныхъ и острыхъ зуба. Этими зубами онъ можетъ отлично защищаться: одинъ зубъ у него

въ одну сторону, другой въ другую. Смотри, какой здоровенный!

— Съ позволенія ихъ чести, сказалъ Консейль, въ немъ будетъ болѣе семи метровъ длины.

Дюгонъ не двигался и, казалось, спалъ на поверхности воды.

— Хорошо, что онъ покоится, сказалъ я, такъ будетъ легче съ нимъ справиться.

Шлюпка осторожно подошла на три сажени къ животному: гребцы оставили весла. Недъ Лендъ, откинувшись нѣсколько назадъ, потрясалъ своимъ багромъ.

— Сейчасъ видно мастера! сказалъ я Консейлю.

Вдругъ раздался свистъ и дюгонъ исчезъ.

Ударъ былъ пущенъ съ большою силою, но, повидимому, Недъ промахнулся.

— Тысячу чертей! вскрикнулъ взбѣшенный канадецъ: я промахнулся.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскрикнулъ я, животное ранено! Вотъ его кровь! Только орудіе въ немъ не осталось...

— Острога, острога! вскрикнулъ Недъ Лендъ: надо поймать острогу!

Матросы начали грести и рулевой направилъ шлюпку къ плавающему боченку.

Поймали острогу и пустились преслѣдовать животное.

Дюгонъ выплывалъ время отъ времени на поверхность моря, чтобы подышать. Рана его не обезсилила, потому что онъ плылъ съ изумительной скоростью. Гребцы приложили стараніе и шлюпка летѣла по его слѣдамъ. Не разъ мы нагоняли его очень близко: канадецъ уже замахивался, но дюгонъ внезапно нырнулъ и дѣло оканчивалось ничѣмъ.

Можно себѣ представить, какъ злился и кипятился нетерпѣливый Недъ Лендъ. Онъ честилъ увертливое животное самыми брѣвными словами, какія только существуютъ на англійскомъ языкѣ.

Я хотя и молчалъ, но признаюсь, меня тоже начинала разбирать досада на дюгона.

Мы преслѣдовали его безустанно цѣлый часъ. Я уже начиналъ думать, что ничего изъ нашей охоты не выйдетъ путнаго,

какъ вдругъ животному пришла несчастная мысль отмстить намъ за преслѣдованіе.

Дюгонъ повернулся и ринулся прямо на шлюпку.

Но движеніе это не ускользнуло отъ зоркаго канадца.

— Теперь, глядите въ оба! сказалъ онъ.

Рулевой произнесъ нѣсколько словъ на своемъ странномъ нарѣчьи, — вѣроятно онъ предупредилъ матросовъ о предстоящей опасности.

Дюгонъ подлетѣлъ футовъ на двадцать къ шлюпкѣ, вдругъ остановился, втянулъ воздухъ своими огромными ноздрями, которыя находятся у него не на концѣ, а на верху морды, затѣмъ бросился на шлюпку.

Шлюпка не могла увернуться отъ удара, и чуть-чуть совсѣмъ не опрокинулась; она зачерпнула тонны двѣ воды, но, благодаря проворству и искусству рулевого, все обошлось благополучно.

Недъ Лендъ, уцѣпясь за форъ-штевень угощаль острогого громадное животное, которое, впустивъ зубы въ планширь, приподнимало шлюпку, какъ левъ козленка. Мы повалялись другъ на дружку.

— Ну, Пьеръ Аронаксъ, думалъ я, пришелъ твой часъ!

Однако страхъ этотъ былъ напрасный: канадецъ справился съ животнымъ.

Я услыхалъ какъ заскрежетали зубы по желѣзу: дюгонъ исчезъ и унесъ острогу съ собою.

Но боченокъ скоро выплылъ на поверхность, а минуту спустя мы вытянули и дюгона.

— Каковъ? сказалъ я Консейлю.

Консейль даже вздохнулъ отъ удовольствія.

Мы встали дюгона въ шлюпку и направились къ „Наутилусу“.

Пришлось пустить въ ходъ самыя крѣпкія тали, чтобы поднять дюгона на платформу.

Онъ вѣсилъ пять тысячъ килограмовъ!

Его разрубили подъ надзоромъ Неда Ленда.

Въ тотъ же день мнѣ подали къ обѣду жаркое изъ дюгона. Корабельный поваръ былъ мастеръ своего дѣла и изготовилъ безподобно это блюдо.

Шлюпка чуть чуть не опрокинулась.

Мясо дюгона показалось мнѣ вкуснѣе телятины; да пожалуй, оно не уступало и говядинѣ.

На слѣдующій день, 11 февраля, кухня наша обогатилась еще одной тонкой дичью. Стая чегравъ или морскихъ ласточекъ спустилось на платформу „Наутилуса“.

— Съ позволенія ихъ чести, какая это птичка? спросилъ Консейль.

— Это родъ „*Sterna nilotica*“. Онѣ преимущественно водятся въ Египтѣ. Видишь, клювъ у нихъ черный, голова сѣрая въ крапинкахъ, глазъ окруженъ бѣлыми точками, спина, крылья и хвостъ сѣроватя, брюхо и горло бѣлыя, а лапки красныя.

Намъ удалось тоже убить нѣсколько нильскихъ утокъ.

Эти нильскія утки премиленькія птички: горло и верхъ головы у нихъ бѣлыя и усеяны черными пятнами, мясо ихъ чрезвычайно вкусно.

„Наутилусъ“ шель среднимъ ходомъ. Онъ, такъ сказать, прогуливался.

Я замѣтилъ, что чѣмъ мы ближе подходили къ Суэзу, тѣмъ вода Чермнаго моря становилась менѣе соленою.

Около пяти часовъ вечера мы завидѣли на сѣверѣ мысъ Ра-Магометъ. Этотъ мысъ составляетъ оконечность Каменистой Аравіи, лежащей между Суэскимъ и Акабахскимъ заливами.

„Наутилусъ“ Юбальскимъ проливомъ вступилъ въ Суэскій заливъ. Я могъ ясно различить высокую гору, возвышающуюся между двухъ заливовъ.

То была гора Оребъ, Синай, на вершинѣ котораго Моисей встрѣтился, по преданію, лицомъ къ лицу съ Иеговою.

Въ шесть часовъ „Наутилусъ“ то погружаясь, то всплывая, проходилъ мимо Тора.

Торъ находится въ самой глубинѣ залива и тутъ воды были замѣтно красноватя, словно окрашенныя алою краскою.

— Капитанъ Немо правъ! подумалъ я. Воды здѣсь точно красныя.

Затѣмъ наступила ночь. Кругомъ воцарилась тишина; только изрѣдка раздавался крикъ пеликана или другой какой-нибудь ночной птицы, шумъ прибоя у скаль, да свистъ далекаго парохода.

Отъ восьми до девяти часовъ „Наутилусъ“ оставался подѣ

волнами. По моему расчету мы уже были очень близко от Суэза. Сквозь стеклянные пластинки залы я видѣлъ основаніе скалъ ярко освѣщенныхъ нашимъ электрическимъ фонаремъ. Мнѣ казалось, что проливъ все болѣе и болѣе суживается.

Въ четверть десятаго „Наутилусъ“ выплылъ на поверхность. Я поспѣшилъ на платформу.

— Наконецъ мы таки доберемся до этого Аравійскаго-Тунеля! думалъ я.

Нетерпѣніе меня такъ и жгло; мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ, и не будь животворнаго, вечерняго вѣтерка, я бы не зналъ куда мнѣ дѣваться.

Скоро я замѣтилъ блѣдный, тусклый огонекъ. Этотъ огонекъ блестялъ въ милѣ разстояніи и, казалось, онъ прикрытъ какою-то дымкою.

— Пловучій маякъ! сказалъ кто-то около меня. Я обернулся и увидѣлъ капитана.

— Это пловучій маякъ Суэза, продолжалъ онъ. Мы скоро будемъ у входа въ тунель.

— А входить туда должно-быть не легко, капитанъ?

— Нелегко, г. профессоръ, и поэтому я всегда въ этомъ мѣстѣ правлю самъ. Теперь, г. Аронаксъ, не угодно ли вамъ будетъ спуститься съ платформы. „Наутилусъ“ сейчасъ погрузится и выплыветъ на поверхность, уже пройдя Аравійскій Тунель.

Я поспѣдовалъ за капитаномъ Немо.

Когда я повернулъ въ свою комнату, капитанъ меня оставилъ.

— Г. профессоръ, желаете вы отправиться со мною въ каюту кормчаго.

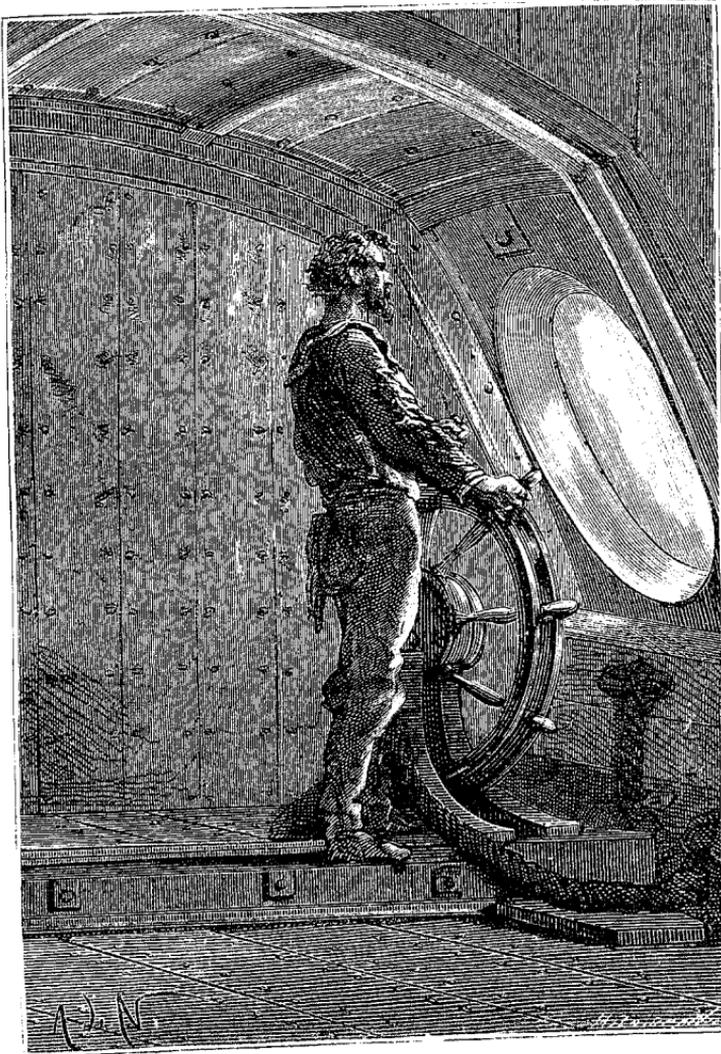
— Я только не смѣлъ васъ объ этомъ просить, отвѣчалъ я, а желалъ бы очень...

— Такъ пойдемте. Вы увидите все.

— Это плаваніе и подводное, и подземное, сказалъ я.

— Пожалуй, что такъ, отвѣчалъ капитанъ.

Капитанъ Немо провелъ меня къ центральной лѣстницѣ, переступилъ нѣсколько ступеней, отворилъ боковую дверь, прошелъ по верхнимъ коридорамъ и отворилъ дверь въ каюту кормчаго, которая, какъ уже было сказано, была устроена подлѣ платформы.

Я глядѣлъ на высокую, кругую стѣну....

Каюта кормчаго представляла квадратъ, стороны котораго имѣли по шести футовъ и нѣсколько походила на каюты, устроенныя на пароходахъ по Миссисипи и Гудзонъ. По срединѣ было колесо, расположенное вертикально и раздѣленное штуртросами, которые шли до самой кормы „Наутилуса“. Четыре поршика изъ чечевицеобразныхъ стеколъ, вдѣланные въ перегородки каюты, давали кормчему возможность видѣть на всѣ четыре стороны.

Каюта была темная но глаза мои скоро освоились съ этой темнотой и я разглядѣлъ кормчаго.

— Какой крѣпышъ! подумалъ я.

Онъ стоялъ, опершись на колесные косяки.

Море, освѣщенное электрическимъ свѣтомъ, переливалось сверкающими волнами. Свѣтъ этотъ выходилъ изъ электрическаго фонаря, сіявшаго позади каюты, на другомъ концѣ корабля.

— Ну, сказалъ капитанъ Немо, теперь пора приниматься за работу!

Изъ каюты кормчаго въ машинное отдѣленіе были проведены электрическія проводки и капитанъ Немо могъ одновременно распорядиться и направлениемъ, и ходомъ „Наутилуса“.

Онъ прижалъ одну пробку и тотчасъ же корабль пошелъ тихо.

Я глядѣлъ на высокую, крутую стѣну, мимо которой мы плыли. Эта скала служила подпожіемъ наноснымъ пескамъ. Мы плыли мимо нея цѣлый часъ и очень близко, — всего въ нѣсколькихъ метрахъ. Капитанъ Немо не сводилъ глазъ съ компаса. Время отъ времени онъ подавалъ знакъ кормчему и кормчій измѣнялъ направленіе „Наутилуса“.

Я помѣстился у портика справа и вшивался глазами въ великолѣпнѣйшія вереницы кораловъ, зоофитовъ, водорослей и раковидныхъ, которые тянулись по всѣмъ выпуклостямъ и впадинамъ утеса.

Въ четверть одинадцатаго капитанъ Немо самъ взялся за румпель.

Широкая галерея, черная, глубокая открывалась передъ нами. „Наутилусъ“ смѣло туда вошелъ.

Тотчасъ же раздался шумъ, словно кругомъ закипѣли котлы. Это воды Чермнаго моря стремились въ Средиземное.

„Наутилус“, увлекаемый течениемъ, полетѣлъ какъ стрѣла, хотя его на сколько возможно сдерживали.

По стѣнамъ узкаго прохода я видѣлъ только ослѣпительныя полосы и пятна свѣта. Сердце у меня такъ билось, что я прижалъ къ нему обѣ руки.

Въ тридцать пять минутъ одинадцатаго, капитанъ Немо оставилъ румпель и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Средиземное море!

„Наутилус“, подхваченный течениемъ, въ двадцать минутъ перешелъ Суэзскій перешеекъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГРЕЧЕСКІЙ АРХИПЕЛАГЪ.

На слѣдующій день, 12 февраля, на разсвѣтѣ „Наутилус“ выплылъ на поверхность. Я кинулся на платформу.

На сѣверѣ, въ трехъ миляхъ, обозначался неясный силуэтъ Целазіума.

Потокъ принесъ насъ изъ одного моря въ другое.

Въ Средиземное море мы пронеслись по течению, но воротиться въ Черное море было невозможно.

Пока я объ этомъ разсуждалъ, на платформу явились Недъ Лендъ и Консейль.

Было уже около семи часовъ. Они, повидимому, цѣлую ночь преспокойно проспали.

— Ну чтожь, г. профессоръ, гдѣ-жь ваше суленое Средиземное, море? сказалъ канадецъ нѣсколько ворчливымъ тономъ.

— Мы плывемъ по его поверхности, Недъ, отвѣчалъ я.

— О! вскрикнулъ Консейль. Съ позволенія ихъ чести, мы въ одну ночь, въ нѣсколько минутъ перешли непереходимый Суэскій перешеекъ?

— Ничему я этому не вѣрю! вскрикнулъ канадецъ.

— Напрасно не вѣрите, Недъ, сказалъ я. Посмотрите, — этотъ низкій берегъ, что загибается къ югу — это египетскій берегъ.

— Поберегите свои басенки для другихъ прочихъ, г. профессоръ, перебилъ Недъ Лендъ.

— Да вѣдь ихъ честь прямо вамъ говорятъ, Недъ, что это египетскій берегъ, сказалъ Консейль: — какъ же вы можете не вѣрить?

— Смѣю васъ завѣрить, Недъ, сказалъ я, что я видѣлъ собственными глазами, какъ мы пролетѣли черезъ проходъ. Капитанъ Немо самъ управлялъ „Наутилусомъ“ во время этого перѣзда и я сидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ въ каютѣ кормчаго.

— Слышите, Недъ? сказалъ Консейль.

— Вы такіе зоркіе, Недъ, продолжалъ я, что вы только посмотрите хорошенько и увидите сами части Портъ-Саида, — вонъ онѣ тамъ!

Канадецъ началъ пристально вглядываться по указанному направленію.

— Ваша правда, г. профессоръ, сказалъ онъ, и ванги капитанъ хватъ! Мы точно на Средиземномъ морѣ. Ну и отлично! Теперь, если вамъ не противно, такъ потолковать бы о дѣлишкахъ. Только надо толковать осторожнѣй, чтобы никто не подслушалъ.

Я очень хорошо понималъ, куда клонить канадецъ.

— Во всякомъ случаѣ все-таки лучше, пусть его выскажется! думалъ я.

Мы перешли и сѣли около фонаря, гдѣ насъ не такъ захлестывало волной.

— Ну, Недъ, мы слушаемъ, сказалъ я. Что скажете хорошенькаго?

— А вотъ, что я скажу, г. профессоръ: мы въ Европѣ и теперь надо ковать желѣзо, пока желѣзо горячо! Откладывать нечего: пожалуй, капитанъ Немо вдругъ опять повернетъ куда нибудь къ чорту на кулички! Надо бѣжать скорѣй!

Меся, признаюсь, всегда смущали подобныя рѣчи. Я нисколько не желалъ стѣснять товарищей, но въ то же самое время мнѣ было тяжело разстаться съ капитаномъ Немо.

Благодаря этому капитану Немо, благодаря его чудесному подводному снаряду, я каждый день могъ упражняться въ изученіи „морскихъ безднъ“ и пополнялъ свое сочиненіе!

Гдѣ и когда я найду еще подобное удобство, подобное счастье?

Нигдѣ, никогда!

Какъ только я себѣ это припоминалъ, падалъ духомъ, готовъ былъ плакать.

— Недѣ, сказалъ я канадцу: скажите мнѣ откровенно, вы очень скучаете на борту „Наутилуса“? Вы очень жалѣете, что судьба предала васъ въ руки капитана Немо?

Канадецъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ. Потомъ, скрестивъ руки на груди, проговорилъ:

— Откровенно говоря, я не жалѣю, что поѣздилъ по всеѣмъ этимъ мытарствамъ. Оно занятно, слова нѣтъ. Да вѣдь всему есть конецъ, г. профессоръ. Ну, покатались и довольно. Пора этому подводному плаванью кончиться!

— Оно кончится, Недѣ.

— Гдѣ и когда?

— Гдѣ? Я не знаю гдѣ. Когда? Я тоже не могу этого опредѣлить... То есть, я предполагаю, что оно кончится тогда, когда мы осатримъ все, что есть въ этихъ моряхъ... Все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ, Лендъ,—это давно извѣстно всякому!

— Я, съ позволенія ихъ чести, тоже думаю, сказалъ Консейль. И еще я думаю..

— Что, Консейль? Чего жъ вы запинаетесь?

— А то, что капитанъ Немо—повозить повозить насъ по всеѣмъ морямъ, а потомъ и отпустить, дать свободу...

— Отпустить? вскрикнулъ канадецъ. Какъ бы не такъ! Держи карманъ! Дать свободу? Не свободу, а трезвону!

— Пойдите, Лендъ, пойдите! сказалъ я. Капитана намъ бояться нечего, это правда, но я не согласенъ однако съ Консейлемъ: отпустить насъ онъ не отпуститъ. Мы нечаянно завладѣли его тайной,—тайной для него очень важной, и хотя капитанъ Немо отличный человѣкъ, а все-таки не допустить, чтобы мы разславили по бѣлу свѣту о его „Наутилусѣ“.

— Такъ чего жъ вы ждете? На что надѣетесь? спросилъ канадецъ.

— Надѣюсь, что обстоятельства будутъ благоприятныя и тогда мы ими воспользуемся. Что теперь невозможно, будетъ, можетъ стать, очень возможнымъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

— Черезъ шесть мѣсяцевъ! вскрикнулъ Недѣ Лендъ. А гдѣ мы будемъ черезъ шесть мѣсяцевъ, г. профессоръ?

— Можетъ здѣсь, можетъ въ Китаѣ, Недъ. Вы знаете, что за ходокъ „Наутилусъ“. Онъ летаетъ по океану, какъ быстрокрылая ласточка по воздуху или какъ экстренный поѣздъ по рельсамъ. Онъ не боится появляться и въ европейскихъ моряхъ. Почему знать, очень можетъ быть, что онъ пристанетъ къ берегамъ Франціи, Англiи или Америки,—тогда намъ будетъ гораздо сподручнѣе бѣжать, чѣмъ теперь.

— Г. профессоръ, высоко вы летаете, да низко садитесь. Вы все толкуете: мы то-то сдѣлаемъ, мы другое устроимъ, мы будемъ тамъ-то! А я говорю: мы здѣсь и надо бѣжать отсюда! знаете: не сули журавля въ небѣ, лучше давай синицу въ руки!

Недъ Лендъ приперъ меня что называется къ стѣнѣ. Я не зналъ что ему отвѣтить.

— Послушайте, г. профессоръ, продолжалъ онъ: отвѣтите вы мнѣ прямо, по совѣсти?

— Отвѣчу Недъ?

— Кабы капитанъ Немо сегодня сказалъ вамъ: ну, вы свободны! Идите себѣ на всѣ четыре стороны—вы бы рады были? Приняли бы его милость?

— Не знаю, Недъ.

— А кабы онъ прибавилъ, что вотъ сегодня я это вамъ позволяю, а завтра ужъ конецъ, не позволю?

Я молчалъ.

— А какъ думаетъ Консейль? спросилъ канадецъ.

— Консейль ни какъ не думаетъ, спокойно отвѣчалъ достойный парень. Ему это все равно. Онъ холостъ. Ни жена, ни дѣти не ждутъ его на родинѣ. Онъ служить ихъ чести; онъ думаетъ какъ ихъ честь; говоритъ, какъ ихъ честь и къ великому его сожалѣнію у него нѣтъ права голоса. Значить двое только будутъ спорить — Недъ Лендъ и ихъ честь, а Консейль будетъ только слушать.

Мнѣ невольно улыбнулся, слушая, какъ фламандецъ себя обезличивалъ, а Недъ Лендъ очень былъ доволенъ, что ему придется воевать не съ двумя, а съ однимъ.

— Ну, ладно, сказалъ Недъ Лендъ. Если Консейль отстаетъ такъ мы вдвоемъ потолкуемъ. Что же, г. профессоръ, я сказать, вы слышали—давайте отвѣтъ!

Увертываться было нельзя, да мнѣ ужъ и опостылили увертки.

— Вотъ мой отвѣтъ Недъ: вы говорили основательно, а я ибѣтъ. Капитанъ Немо насъ не отпустить, на это смѣшно и разчитывать. На его мѣстѣ мало-мальски осторожный и разсудительный человѣкъ никогда не рѣшится дать намъ свободу. Изъ этого слѣдуетъ, что надо воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжать съ „Наутилуса“.

— Умныя рѣчи пріятно и слушать! сказала Недъ Лендъ. Очень это вы хорошо разсудили!

— Только я вотъ что прибавлю Недъ: надо вести дѣло поакуратиѣе. Если побѣгъ не удастся съ разу, такъ не удастся совсѣмъ. Капитанъ Немо намъ не проститъ такого самовольства и вѣроятно сдѣлается строже.

— Все это вы говорите справедливо, отвѣчалъ канадецъ, только вѣдь осторожность надо все равно соблюдать, какъ теперь, такъ и черезъ два года. Значитъ выходить на мое: при первой оказіи бѣжать.

— Хорошо, бѣжать. А что вы подразумѣваете подъ оказіей, Недъ?

— А вотъ какъ выберется темная почка, да „Наутилусъ“ подойдетъ поближе къ какому нибудь Европейскому берегу.

— Такъ вы думаете пуститься влать?

— Да, коли только мы будемъ близко къ берегу и коли „Наутилусъ“ будетъ на поверхности моря.

— А если мы будемъ далеко отъ берега и „Наутилусъ“ будетъ держаться подъ водою?

— Ну, такъ я попробую стащить шлюпку. Я знаю, какъ ею управлять. Мы засядемъ въ середину и благополучно выплывемъ.

— Отлично Недъ! Подстерегайте такую оказію, только помните, что въ случаѣ неудачи намъ придется плохо.

— Я этого не забуду, г. профессоръ.

— Ну, теперь Недъ, хотите я вамъ скажу, что я думаю?

— Скажите, г. профессоръ.

— Я думаю, что такой оказіи не представится.

— Почему жъ вы такъ думаете?

— А потому, что капитанъ Немо не простякъ, очень хорошо понимаетъ, что мы желаемъ на волю, и у Европейскихъ береговъ будетъ насъ стеречь.

— Я, съ позволенія ихъ чести, тоже думаю, сказалъ Консейль.

— Увидимъ, увидимъ! сказалъ Недъ Лендъ.

— А теперь Недъ мы больше объ этомъ толковать не будемъ, сказалъ я. Когда вы будете готовы, вы насъ предупредите и мы за вами послѣдуемъ. Мы совершенно полагаемся на васъ.

Этимъ разговоръ и окончился.

Къ великому отчаянью канадца, я кажется предсказалъ вѣрно. Капитанъ Немо держался почти все время подъ водою и близко къ берегу не подходилъ. „Наутилусъ“ или чуть выплывалъ на поверхность, или погружался очень глубоко, потому что между греческимъ Архипелагомъ и Малой Азіей, мы, спускаясь на двѣ тысячи метровъ, не доставали дна.

Я не видалъ острова Карпатоса, одного изъ Спорадскихъ, и въ утѣшеніе мнѣ капитанъ Немо продекламировалъ стихъ изъ Виргилія:

*Est in Carpathio Neptunio gurgite votes
Coeruleus Proteus....*

Да показалъ пальцемъ какую то точку на картѣ.

А мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть на этотъ островъ! То было мѣстопробываніе Протея, стараго Нептунаго пастуха.

Теперь островъ извѣстенъ подъ именемъ Скарпанто и лежитъ между Родосомъ и Критомъ.

Я видѣлъ сквозь стекла „Наутилуса“ только гранитное подножіе!

На слѣдующій день, 14 февраля, я хотѣлъ посвятить нѣсколько часовъ на изученіе рыбъ Архипелага, но по неизвѣстной мнѣ причинѣ филенки были герметически затворены.

Я замѣтилъ, что „Наутилусъ“ направляется къ Кандіи, старинному острову Криту.

Въ то время, какъ я отплывалъ на „Авраамъ—Линкольнъ“, я слышалъ, что этотъ островъ возмущился противъ турецкаго деспотизма. Какъ шло это возмущеніе, продолжалось или окончилось оно, я съ тѣхъ поръ ничего не зналъ. Нѣсколько разъ приходило мнѣ въ голову спросить объ этомъ у капитана Немо, но откуда же знать капитану подобныя вещи? Капитанъ Немо давно покончилъ съ землею и со всѣми земными дѣлами.

Разъ вечеромъ я сидѣлъ съ нимъ въ залѣ. Онъ казался мрачнымъ и озабоченнымъ.

— Что это съ нимъ такое? думалъ я.

Капитанъ велѣлъ отодвинуть обѣ филенки, переходилъ отъ одного окна къ другому и внимательно наблюдалъ водную массу.

— Чего это онъ такъ вглядывается? думалъ я. Желалъ бы я угадать!

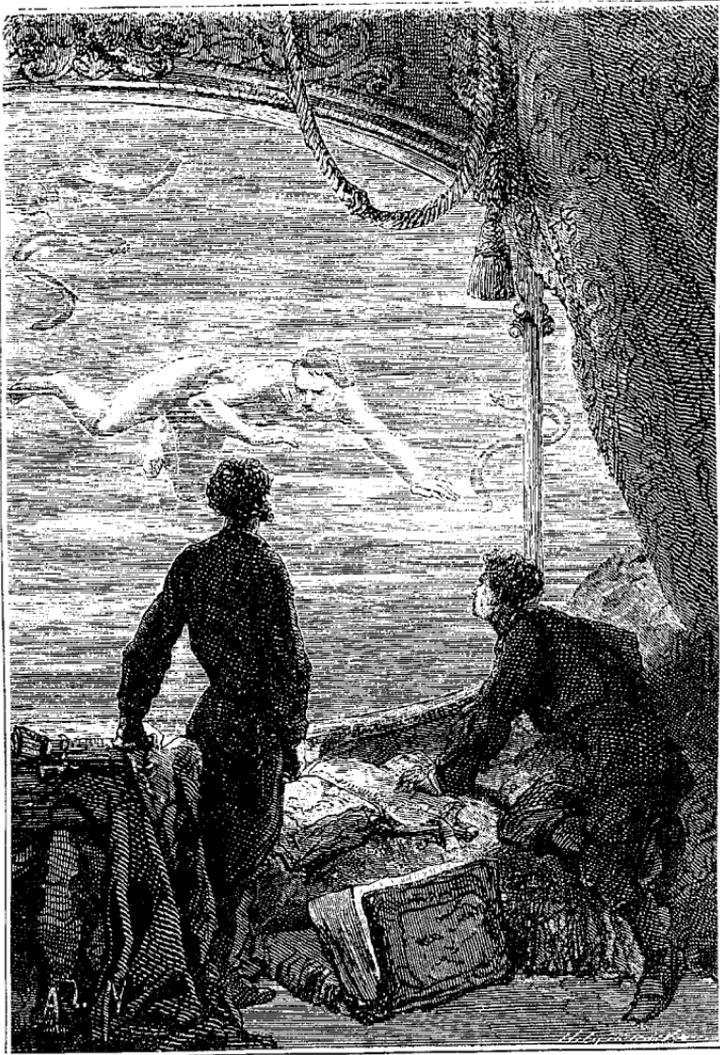
Но не смотря на желаніе, я не угадалъ и въ утѣшеніе себѣ принялся наблюдать за рыбами.

Я между прочимъ заимѣтилъ колбней, упоминаемыхъ Аристотелемъ и извѣстныхъ въ просторѣчій подѣ именемъ морскихъ гольцовъ, которые преимущественно встрѣчаются въ соленыхъ водахъ, около дельты. Заимѣтилъ я также пагровъ или серебристыхъ мрежниковъ; это рыбы фосфоросвѣтныя; Египтяне причисляли ихъ къ священнымъ животнымъ и появленіе ихъ въ водахъ рѣвки предвѣщало плодородное разлитіе и праздновалось различными церемоніями. Я видѣлъ хейміоновъ, изъ разряда колючекрыхъ длинною въ три дециметра; это костистыя рыбы съ прозрачною чешуей синеватаго цвѣта съ красными пятнами; хейміоны большіе охотники до морскихъ растений и потому сами чрезвычайно вкусны; они очень цѣнились обжорами древняго Рима, именно ихъ внутренности, смѣшанныя съ молоками мурены, съ мозгомъ павлиновъ и съ языками краснокрыловъ, составляли то „божественное“ блюдо, которымъ такъ восхищался Вителій.

Еще одинъ обитатель этихъ морей привлекъ мое вниманіе и разбудилъ воспоминаніе о древнихъ временахъ. То былъ—прилипало, рыба горлоперая, изъ семейства главощитней, которыя путешествуютъ, прилипаясь къ брюху акулы. По сказанію древнихъ эта рыбка, уцѣпляясь за подводную часть корабля, могла его остановить; одна изъ нихъ остановила такимъ образомъ, во время битвы при Акціумѣ, корабль Антонія и помогла Августу побѣдить врага.

Отчего подумаешь занисать судьбы народовъ!

Я видѣлъ тоже великолѣпныхъ лютьяновъ, священную рыбу Грековъ, которые приписывали ей способность изгонять морскихъ чудовищъ изъ тѣхъ водъ, гдѣ онѣ появлялись; ихъ имя означаетъ цвѣтокъ и они оправдываютъ это названіе: они перелива-

Капитанъ! вы видите—человѣкъ! утопающій!

ются всѣми цвѣтами, начиная съ блѣднорозоваго до темномалиноваго.

Я не могъ оторвать глазъ отъ этихъ морскихъ чудесъ!

Вдругъ я вскрикнулъ.

Среди водъ показался человѣкъ, водолазъ съ кожанымъ кошелемъ у пояса.

Это мертвое тѣло! подумалъ я.

Но это было не мертвое тѣло, а живой человѣкъ. Онъ плылъ, исчезалъ, иногда выплывая на поверхность передохнуть, и снова погружался.

— Человѣкъ! вскрикнулъ я. Капитанъ! вы видите человѣкъ! утопающій!

Капитанъ мнѣ не отвѣтилъ. — Надо его спасти, капитанъ! кричалъ я. Во что бы то ни стало, надо его спасти!

Капитанъ подошелъ къ окну.

Человѣкъ поровнялся съ окномъ, прижалъ лицо къ стеклу и смотрѣлъ на насъ.

Къ величайшему моему изумленію, капитанъ Немо сдѣлалъ ему какой то условный знакъ. Водолазъ тоже отвѣтилъ ему знакомъ, тотчасъ же уплылъ на поверхность и больше не показывался.

— Не беспокойтесь, г. профессоръ, сказалъ мнѣ капитанъ. Это Николай съ мыса Матанана, по прозвищу рыба. Онъ извѣстенъ на всѣхъ Цикладахъ. Отличный водолазъ! Смѣлъ удивительно! Вода — его стихія. Онъ больше живетъ въ водѣ, чѣмъ на землѣ, — безпрестанно переплываетъ съ одного острова къ другому, плаваетъ до самаго Крита.

— Вы его знаете, капитанъ?

— Немножко знаю, г. Аронакъс.

Сказавъ это капитанъ Немо подошелъ къ сундуку, стоявшему около лѣваго окна.

Сундукъ этотъ былъ окованъ желѣзомъ; на крышкѣ блестящая мѣдная пластинка съ вырѣзнымъ вензелемъ „Наутилуса“ и съ его девизомъ *Mobilis in mobile*.

Капитанъ, не обращая вниманія на мое присутствіе, открылъ сундукъ, наполненный слитками.

Золотыми слитками!

Откуда онъ взялъ столько драгоцѣннаго металла?

Что онъ съ нимъ сдѣлаетъ, куда, на что употребить?

Я не произносилъ ни слова. Я только глядѣлъ.

Капитанъ Немо выбралъ слитки изъ сундука пересчиталъ и опять сложилъ.

По моему расчету тутъ было болѣе тысячи колограммовъ золота, то есть около пяти миллионовъ франковъ.

Затѣмъ онъ заперъ сундукъ и надписалъ на крышкѣ какой-то адресъ. Мнѣ показалось, что онъ писалъ на новогреческомъ языкѣ.

Сдѣлавъ это, капитанъ подавилъ электрическую пуговку. Явились четыре человѣка и не безъ труда выдвинули сундукъ изъ залы. Затѣмъ я услышалъ, какъ они его спускали по желѣзной лѣстницѣ.

Въ эту минуту капитанъ Немо обратился ко мнѣ.

— Что вы говорите? спросилъ онъ.

— Я ничего не говорилъ, капитанъ.

— Такъ позвольте мнѣ пожелать вамъ добраго вечера.

И съ этимъ пожеланьемъ капитанъ вышелъ изъ залы.

Я тоже отправился въ свою комнату.

Разумѣется любопытство меня жгло и я напрасно пытался заснуть.

— Нѣтъ ли чего общаго между Николаемъ—рыбой и этими золотыми слитками? думалъ я. Не имѣетъ ли какого отложенія рыба...

Но что же общаго можетъ тутъ быть?

Скоро я почувствовалъ, что „Наутилусъ“ покачивается и догадался что мы выплыли на поверхность.

Затѣмъ я услышалъ шаги на платформѣ. Я понялъ, что отвязывали шлюпку и спускали ее на море.

Черезъ минуту шлюпка слегка толкнулась о бокъ „Наутилуса“; затѣмъ всякій шумъ прекратился.

Черезъ два часа опять зашумѣли и заходили на платформѣ. Шлюпка была снова установлена на мѣсто и „Наутилусъ“ опять погрузился.

И такъ эти миллионы были доставлены по адресу!

Куда? кому? кто этотъ пріятель или банкиръ капитана Немо?

На другой день я рассказалъ Консейлю и Неду Ленду, что видѣлъ, слышалъ и предполагалъ.

Туть было болве тысячи килограммовъ золота.

Они удивились не меньше меня.

— Гдѣ онъ беретъ эти милліоны? сказалъ Недъ Лендъ.

Мы съ Консейлемъ, конечно, не могли ему на это ничего отвѣтить.

Послѣ завтрака я отправился въ залу и принялся за работу.

До пяти часовъ вечера я писалъ.

Въ пять часовъ, не извѣстно почему, сдѣлалось вдругъ чрезвычайно жарко, такъ жарко, что я вынужденъ былъ снять свое висоновое платье.

— Съ чего это такая жара? думалъ я; мы, кажется, не подъ высокими широтами, а на погруженномъ „Наутилусѣ“ температура не должна бы возвышаться!

Я посмотрѣлъ на манометръ; онъ показывалъ глубину въ шестьдесятъ футовъ, куда атмосферная теплота не достигаетъ.

— Ну, нечего дѣлать, подумалъ я, потерпимъ!

Я хотѣлъ опять приняться за работу, но жаръ сдѣлался совершенно невыносимъ.

— Пожаръ что ли на „Наутилусѣ“? проговорилъ я. Пойдти посмотрѣть!

Я только что хотѣлъ отворить дверь, какъ явился капитанъ Немо.

Онъ подошелъ къ термометру, поглядѣлъ и обращаясь ко мнѣ сказалъ.

— Сорокъ два градуса.

— Я это замѣчаю, капитанъ, отвѣтилъ я. И если еще хоть чуть-чуть эта жара усилится, мы не въ состояніи будемъ ее переносить.

— О, г. профессоръ, эта жара не усилится, если мы не захотимъ!

— Такъ вы можете умѣрять ее по вашему благоусмотрѣнію, капитанъ?

— Нѣтъ, но я могу удалиться отъ нея.

— Такъ значитъ этотъ жаръ не въ „Наутилусѣ“, а снаружи...

— Безъ сомнѣнія. Мы теперь плывемъ по кипячей водѣ.

— Что вы! вскрикнулъ я.

— Посмотрите.

Филенки открылись и я увидалъ, что море совершенно бѣлое вокругъ „Наутилуса“.

Волны кипѣли, какъ кипить въ котлѣ вода, выдѣляя клубы сѣрныхъ паровъ. Дотронувшись до окна, я быстро отдернулъ руку: стекло было страшно горячо.

— Гдѣ мы находимся теперь? спросилъ я.

— Около острова Санторина, г. профессоръ, отвѣчалъ мнѣ капитанъ, — именно въ каналѣ, который отдѣляетъ Неа-Каменни отъ Палеа-Каменни. Мнѣ хотѣлось вамъ показать любопытный образчикъ подводнаго изверженія.

— А я думалъ, что образованіе этихъ новыхъ острововъ уже кончено! сказалъ я.

— Въ вулканической области нѣтъ ничего оконченнаго, отвѣчалъ капитанъ Немо: — подземный огонь непрерывно совершаетъ свою работу надъ земнымъ шаромъ. По свидѣтельству Кассиодора и Плинія, еще въ девятнадцатомъ году послѣ Р. Х., — на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно образовались эти островки, — появился новый островъ, названный „Божественнымъ“ — Теіа; онъ вскорѣ исчезъ и снова появился въ шестьдесятъ девятомъ году, потомъ опять скрылся подъ волнами. Съ той поры до настоящаго времени плутоническая работа приостановилась; но 3 февраля 1866 г. около Неа-Каменни, посреди сѣрныхъ паровъ, возникъ новый островокъ, названный островомъ Георгія, и 6-го того же мѣсяца онъ слился съ Неа-Каменни. Ровно черезъ недѣлю, т. е. 13-го февраля, появился островокъ Афрoесса, образовавъ между собою и Неа-Каменни каналъ шириною въ десять метровъ. Во время этихъ странныхъ явленій я находился въ морѣ и потому могъ слѣдить за всѣми измѣненіями. Кругловатый островокъ Афрoесса, имѣя около трехсотъ футовъ въ діаметрѣ и тридцать въ высоту, состоялъ изъ смѣси черной стекловидной лавы и обломковъ полеваго шпата. Наконецъ, 10 марта, явился еще новый, по меньше, островокъ, названный Река, и съ тѣхъ поръ эти три острова, слившись съ Неа-Каменни, составляютъ одно цѣлое.

— А гдѣ же каналъ, въ которомъ мы теперь находимся? спросилъ я.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ капитанъ Немо, показывая карту Архипелага. Видите, я означилъ тутъ и новые острова.

— А каналъ этотъ, мнѣ кажется, со временемъ исчезнетъ?

— Очень можетъ быть, г. Аронаксъ; съ 1866 г. противъ

порта Св. Николая, на Пале-Каменни возникло восемь островков вулканическаго свойства; весьма вѣроятно, что въ скоромъ времени Неа и Палеа сольются въ одно. Если въ Тихомъ океанѣ инфузоріи образуютъ матеріки, то здѣсь тоже самое совершается вулканическими изверженіями. Взгляните-ко какая происходитъ работа подъ волнами!

Я возвратился къ окну. „Наутилусъ“ стоялъ неподвижно, жара становилась невыносима, море изъ бѣлаго цвѣта перешло въ красный, свидѣтельствовавшій о присутствіи желѣзныхъ солей. Несмотря на то, что зала была закупорена герметически, слышался удрушительный сѣрный запахъ; я замѣтилъ, что изъ-за багроваго пламени стало не видно электрическаго блеску.

Потъ струился градомъ по моему лицу, дыханіе у меня захватывало, я чувствовалъ, что сейчасъ сварюсь.

— Однако нѣтъ никакой возможности оставаться долѣе въ этомъ кипятеѣ! сказалъ я.

— Да, это было бы съ нашей стороны большимъ рискомъ! отвѣчалъ безстрастный капитанъ Немо.

Тотчасъ былъ отданъ приказъ и „Наутилусъ“, повернувъ къ берегу, удалился отъ этой раскаленной печи, гдѣ было для него не безопасно простоять дольше.

Черезъ четверть часа мы вздохнули свободно, очутившись на поверхности моря.

Мнѣ пришло на умъ, что если бы Недъ Ленду удалось привести въ исполненіе планъ бѣгства и онъ избралъ бы для побѣга эту область, то намъ живымъ не выбраться бы изъ этого огненнаго моря.

На другой день, 16 февраля, мы покинули этотъ бассейнъ, глубина котораго между Родосомъ и Александріей доходитъ до трехъ тысячъ метровъ. „Наутилусъ“, обогнувъ мысъ Матапанъ, поплылъ по открытому морю, оставивъ позади себя греческій архипелагъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ПЕРЕѢЗДЪ ПО СРЕДИЗЕМНОМУ МОРЮ ВЪ СОРОКЪ ВОСЕМЬ ЧАСОВЪ.

Средиземное море, или голубое море, „великое море“ у евреевъ, „mare nostrum“ у римлянъ, обрамленное ашельсиновыми

деревьями, алое, кактусами, наполненное благоуханіями миртъ, окруженное крутыми горами, насыщенное чистымъ, прозрачнымъ воздухомъ, но непрестанно подверженное дѣйствию подземнаго огня, справедливо можно назвать полемъ битвы, на которомъ до сихъ поръ происходитъ борьба Нептуна съ Плутономъ изъ за преобладанія надъ земнымъ шаромъ. „На немъ и на его берегахъ“, говоритъ Мишле, „человѣкъ погружается въ самый благо-растворенный климатъ всего земнаго шара“.

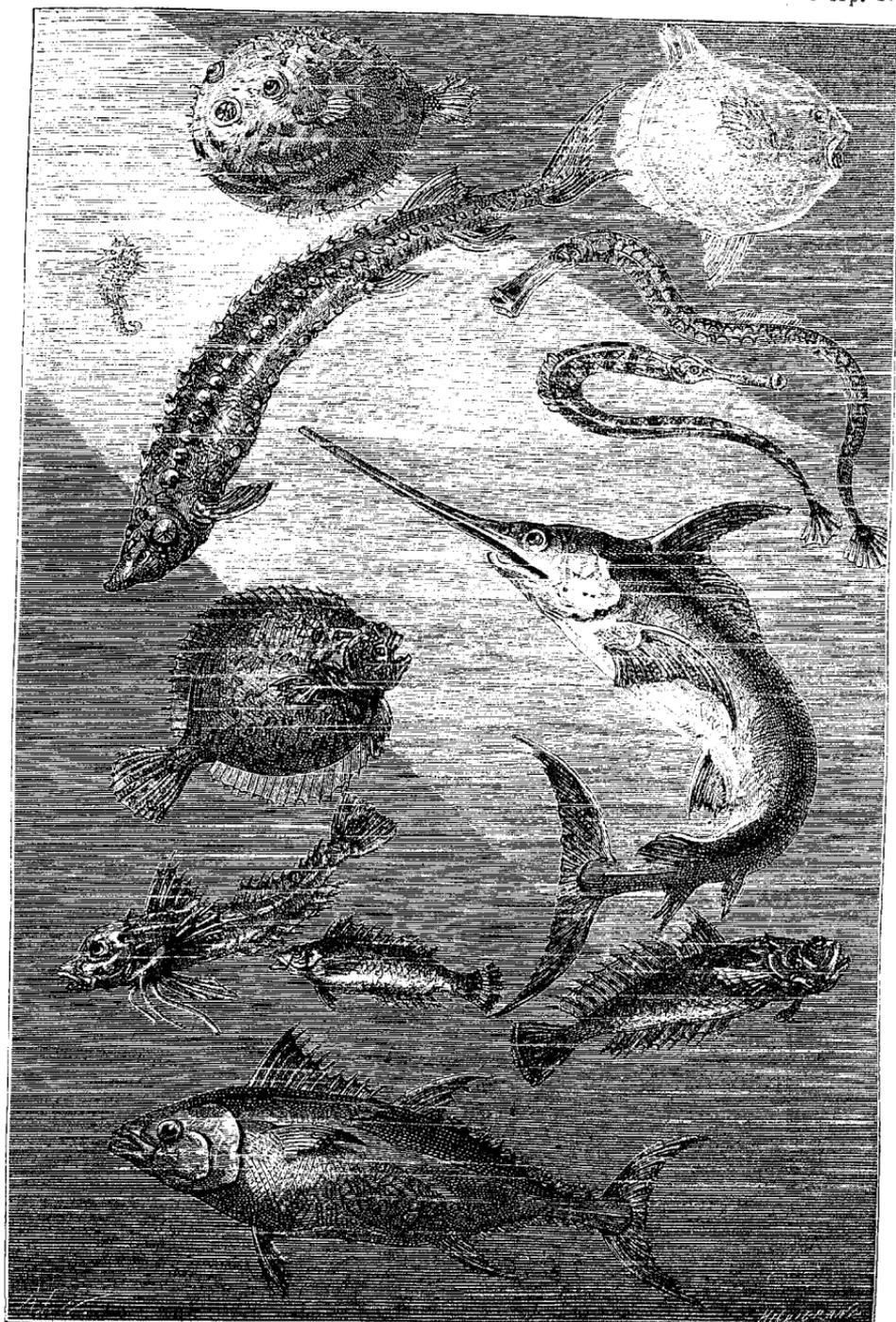
Но несмотря на всю эту красоту, мнѣ удалось сдѣлать лишь весьма быстрый обзоръ этого бассейна, поверхность котораго занимаетъ два миліона квадратныхъ километровъ. Я даже лишень былъ возможности пользоваться личными познаніями капитана Немо, такъ какъ эта загадочная личность ни разу не показала во весь нашъ быстрый переѣздъ. Я полагаю, что „Наутилусъ“ сдѣлалъ подь водою около шести сотъ лье, и путь этотъ онъ совершилъ въ двое сутокъ: 16 февраля мы покинули берега Греціи, а 18-го, съ восходомъ солнца, проѣхали уже Гибралтарскій проливъ.

Очевидно, что Средиземное море, стѣсненное со всѣхъ сторонъ землею, не нравилось капитану Немо: слишкомъ много воспоминаній,—если не сожалѣній, пробуждали въ немъ эти волны. Ему здѣсь было тѣсно, и его „Наутилусу“ тоже не доставало простору между сдвинутыми берегами Европы и Африки.

Такимъ образомъ скорость, съ которой мы ѣхали, равнялась двадцати пяти милямъ въ часъ, или двѣнадцати лье, въ четыре километра каждое.

Нечего и говорить, что Недъ Лендъ, къ великому своему при-скорбію, долженъ былъ отказаться отъ намѣренія бѣжать. Лодкой нельзя было воспользоваться, такъ какъ судно несло съ быстротой отъ двѣнадцати до тринадцати метровъ въ секунду. При такихъ условіяхъ сойти съ „Наутилуса“—значило бы прыгнуть съ поѣзда, несущагося на всѣхъ парахъ, что было бы весьма неблагоприятно. Вдобавокъ, снарядъ нашъ поднимался на поверхность воды только по ночамъ, съ цѣлью зацѣпиться новымъ воздухомъ, и держался направленія, сообразуясь указанію компаса и указанію лага.

Въ Средиземномъ морѣ мнѣ удалось видѣть только то, что можетъ уловить глазъ пассажира экстреннаго поѣзда изъ того

Среди водной массы мелькали рыбы различных породъ.

ландшафта, который мелькает передъ нимъ: отдаленные предметы были доступнѣе глазу, чѣмъ предметы болѣе близкіе, которые мелькали, какъ молніи передъ глазами.

Мы съ Консейлемъ ухитрились однако рассмотреть нѣкоторыхъ рыбъ, которыя, благодаря силѣ своихъ плавниковъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ соперничали въ быстротѣ съ „Наутилусомъ“ и плыли наравнѣ съ нимъ. Сидя у окна мы дѣлали наблюденія; тѣ замѣтки, которыя я успѣлъ наскоро набросать, позволяютъ мнѣ сдѣлать короткое обзорнѣе рыбъ, обитающихъ въ этомъ морѣ.

Нѣкоторыхъ я успѣлъ разглядѣть, другихъ видѣлъ лишь мелькомъ; о тѣхъ же, которыхъ мнѣ невозможно было рассмотреть, по причинѣ быстрого бѣга „Наутилуса“, я не стану и упоминать. Говоря о нихъ, позвольте мнѣ придерживаться совершенно произвольной классификаціи, съ помощью которой мнѣ будетъ легче передать мои быстрыя наблюденія.

Среди водяной массы, освещаемой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ электрическимъ свѣтомъ, мелькали породы въюновъ длиною въ метръ, свойственные почти всѣмъ климатамъ; гнусы изъ семейства скатовыхъ, шириною въ пять футовъ, съ бѣлымъ брюхомъ и пестрою, пеньельносѣрой спиной, разстилались на подобіе огромныхъ платковъ, влекомыхъ быстрымъ теченіемъ. Другіе скаты мелькали столь быстро передъ глазами, что я не могъ даже заключить, оправдываютъ ли онѣ названіе орловъ, какъ называли ихъ греки, или же ихъ приличнѣе назвать крысами, жабами или летучими мышами, какъ прозвали ихъ новѣйшіе рыболовы.

Акулы-прожоры, или мокой, въ двѣнадцать футовъ длины, особенно страшныя для водолазовъ, наперерывъ перегоняли другъ друга; морскія лисицы, длиною въ восемь футовъ, одаренныя замѣчательно тонкимъ обоняніемъ, словно какія-то синеватыя привидѣнія мелькали передъ глазами. Мечъ-рыба изъ семейства спаровыхъ, величиною около тринадцати дециметровъ, блестѣла въ своей золотой и лазоревой одеждѣ, онаясанная поперечными полосками, ярко выступавшими на темномъ фонѣ ея плавниковъ, глаза у нея оттѣнены золотистыми бровями; эта рыба была посвящена Венерѣ и до сихъ поръ сохранила всю свою первобытную красоту, не смотря на то, что происхожденіе ея относится къ отдаленнѣйшей геологической эпохѣ; это одна изъ тѣхъ дра-

гоцѣнныхъ породѣ, которыя водятся во всѣхъ водахъ, во всѣхъ климатахъ, легко перенося всякую температуру. Великолѣпные осетры, величиною отъ девяти до десяти метровъ, быстро двигаясь, сильно ударили своими хвостами по нашимъ окошкамъ, обнаруживая при этомъ свои голубоватая, испещренныя коричневыми пятнами спины; они имѣютъ много сходства съ акулами, но уступаютъ послѣднимъ въ силѣ; встрѣчаются они повсюду. Весной они плывутъ обыкновенно вверхъ по большимъ рѣкамъ и любятъ бороться съ теченіемъ Волги, Дуная, По, Рейна, Дуары и Одера; питаются они селедками, макрелью, семгой и треской; несмотря на то, что они принадлежатъ къ разряду хрящевыхъ, мясо ихъ очень вѣжно; ихъ обыкновенно употребляютъ въ пищу свѣжими, сушеными, маринованными или солеными. Нѣкогда осетры подавались съ большой торжественностью на обѣденныхъ пиршествахъ Лузула.

Всѣ разнообразныя породы рыбъ, обитающихъ въ Средиземномъ морѣ, которыя я успѣлъ замѣтить въ то время, какъ „Наутилусъ“ подымался на поверхность воды, принадлежали къ шестидесяти третьей породѣ костистыхъ. То были тунцы, съ темно-голубой спиной, серебристымъ брюхомъ, сверкавшіе блестящими полосами въ водѣ. Говорятъ, будто они обыкновенно гонятся за кораблемъ, стараясь, подъ его защитой, укрыться отъ раскаленнаго жара тропическихъ странъ; дѣйствительно они гнались за „Наутилусомъ“, точно также какъ гнались нѣкогда за кораблями Лаперуза. Впродолженіи нѣсколькихъ часовъ, они не уступали въ скорости бѣгу нашему судну. Я не могъ полюбоваться этими милыми животными; строеніе ихъ вполне соответствовало быстротѣ ихъ движенія: голова у нихъ маленькая, тѣло гибко и вертенообразно, грудина сильно развитая и хвостъ раздвоенный; величина нѣкоторыхъ доходила до трехъ метровъ.плыли они треугольникомъ, какъ летаютъ извѣстныя породы птицъ, которымъ они не уступали въ скорости, почему древніе народы обыкновенно говорили, что этимъ рыбамъ хорошо извѣстны геометрія и стратегія. Тѣмъ не менѣ провансальцы, которые цѣнятъ эту рыбу не менѣ жителей Пропонтиды и Италіи, приспособились ловить ее; безразсудное животное тысячами бросается и погибаетъ въ тоняхъ, устроенныхъ марсельцами.

Для памяти я назову только тѣхъ рыбъ Средиземнаго моря,

которыхъ намъ съ Консейлемъ удалось разглядѣть. Бѣловатая морскія угри мелькали неуловимою тѣнью передъ нами; змѣеобразныя мурены въ три-четыре фута величиною, окрашенныя зеленымъ, голубымъ и желтымъ цвѣтомъ; мерлусы, длиною въ три фута, печень которыхъ составляетъ весьма лакомое блюдо; лентецъ, словно бѣловатый водоросль; тригла, которую поэты величаютъ рыба — лира, а моряки рыба — свистунъ; ротъ ея оканчивается двумя треугольными пластинками, вырѣзанными на подобіе кружева, которыя представляютъ нѣкоторое сходство съ инструментомъ Гомера. Тригла — ласточка, плавающая со скоростью птицы, отчего и получила это названіе; красноголовые голоцентры, спинные плавники которыхъ разукрашены волокнами; желѣзница, испещренная черными, коричневыми, голубыми, желтыми и зелеными пятнами: онѣ чутки къ серебристому звону колокольчика; великолѣпныя палтусы, — которыхъ по справедливости можно назвать фазанами моря, — рамбоидальной формы съ желтоватыми плавниками, съ коричневыми пятнышками; верхняя часть боковъ ихъ окрашена обыкновенно коричневымъ и желтымъ цвѣтомъ, что придаетъ имъ видъ мрамора; наконецъ виднѣлись цѣлыя стаи барбуновъ, этихъ морскихъ парадизокъ, за которыхъ римляне платили по десяти тысячъ сестерцій за штуку; эти рыбы доставляли имъ пріятное зрѣлище во время обѣда; съ звѣрскимъ удовольствіемъ слѣдили они, какъ рыбы эти, умирая на столѣ передъ ихъ глазами, постепенно переходили изъ краснаго цвѣта горной киновари въ мертвенно блѣдный.

Бѣшенная скорость „Наутилуса“, когда онъ мчался среди водяной массы, было причиной того, что я не могъ разглядѣть шипаносовъ, гнусовъ, косоротовъ, коньковъ, ланцетниковъ, камбалъ, скатовъ, колбней, красноротокъ и другихъ главныхъ породъ семейства кособокихъ, губановъ, колючемеровъ, корюхъ, долгоперовъ и прочихъ, живущихъ въ водахъ Атлантическаго океана и Средиземнаго моря.

Что касается до морскихъ млекопитающихъ, то намъ попались, при входѣ въ Атлантическое море, три или четыре кашалота, спины которыхъ снабжены были спинными плавниками, какъ у всѣхъ кашалотовыхъ; нѣсколько дельфиновъ, изъ семейства китообразныхъ, свойственныхъ Средиземному морю; передняя часть головы ихъ исполосована маленькими свѣтлыми полосками; замѣ-

тиль я еще около дюжины тюленей съ бѣлымъ брюхомъ и черной шерстью; ихъ называютъ часто монахами и дѣйствительно они напоминаютъ доминиканцевъ; величина ихъ не болѣе трехъ метровъ.

Консейль, съ своей стороны, успѣлъ замѣтить одну шести футовую черепаху, снабженную тремя продольно—выдающимися чешуйками. Я очень сожалѣлъ, что упустилъ изъ виду это пресмыкающееся. По описанію Консейля, это былъ, по всей вѣроятности, рѣдкій экземпляръ сфарчита опаснаго (*testudo cogiacea*). Самому мнѣ удалось замѣтить лишь нѣсколькихъ съѣдомыхъ черепахъ, съ продольной чешуей.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ удалось также полюбоваться и животнорастеніями; одна великолѣпная оранжевая галеолера зацѣпилась за окно бакаборта; это было длинное волокно, вѣтвящееся на безчисленное множество отростковъ, изъ которыхъ самые послѣдніе имѣли видъ тончайшаго кружева; сомнѣваюсь, что бы соперницы Арахнеи могли сплести что нибудь подобное. Къ несчастью невозможно было приобрести этотъ замѣчательный экземпляръ.

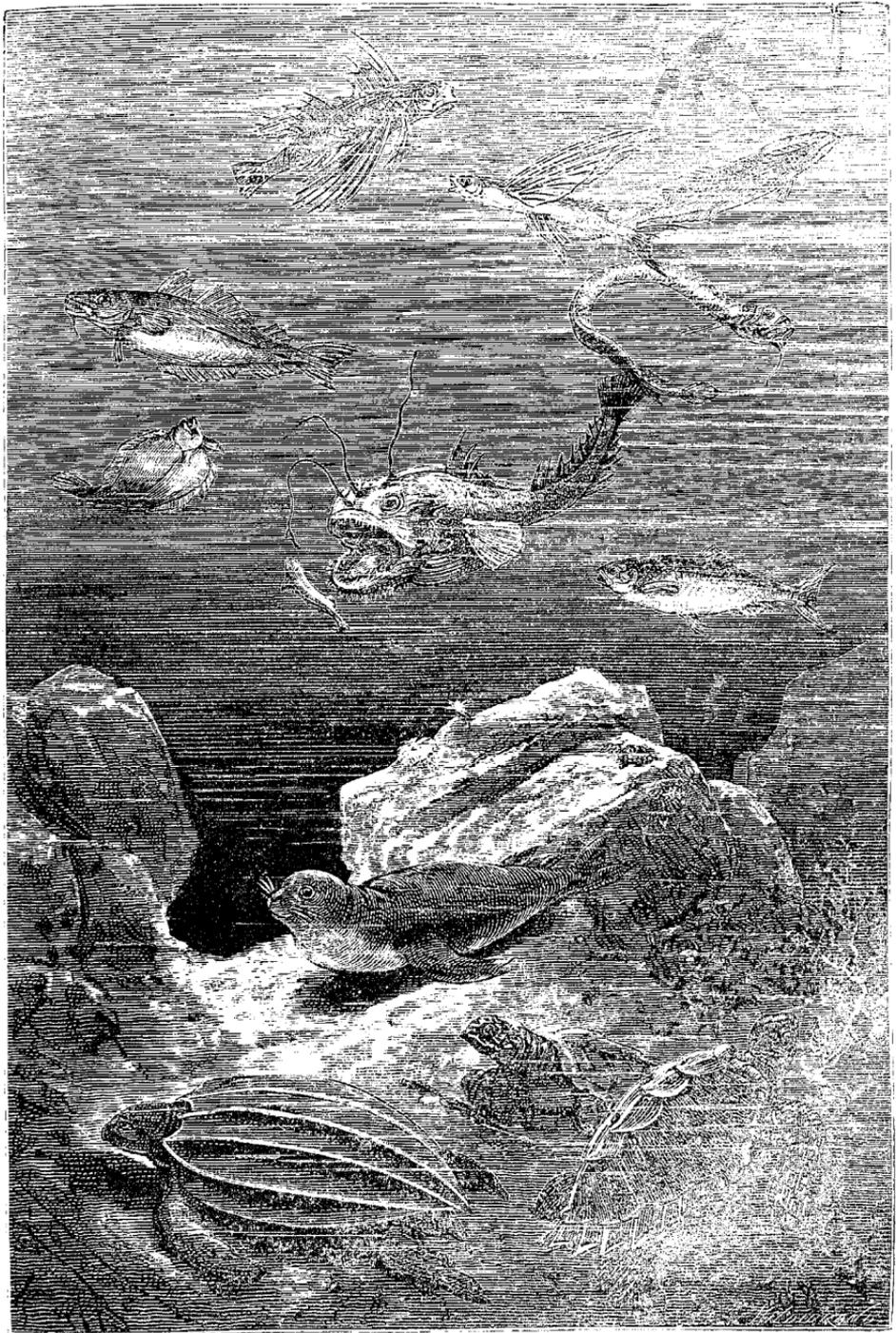
Вѣроятно мнѣ не удалось бы увидѣть другихъ животнорастеній, еслибъ „Наутилусъ“ не умѣрилъ внезапно скорость своего хода. И вотъ именно почему.

Въ ту минуту мы плыли между Сициліей и берегомъ Туниса. Въ этомъ узкомъ мѣстѣ между Мысомъ-Бономъ и проливомъ Мессинскимъ, дно моря внезапно подымается на большую высоту, такъ что глубина дѣлается не болѣе семнадцати метровъ, тогда какъ съ обѣихъ сторонъ она равна ста семидесяти. „Наутилусу“, для того, чтобъ не наткнуться на эту подводную преграду, пришлось принять мѣры предосторожности; по этому онъ и пошелъ тише.

Я указалъ Консейлю на картѣ Средиземнаго моря то мѣсто, гдѣ находится этотъ подводный хребетъ.

— Да это, съ позволенія ихъ чести, настоящій перешеекъ, соединяющій Европу съ Африкою, замѣтилъ Консейль.

— Да, мой другъ, отвѣчалъ я: онъ совершенно заграждаетъ проливъ Ливійскій, и измѣренія Смита доказали, что материкн нѣкогда соединялись между собой въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся мысы Воко и Фурино.

Консейлъ успѣлъ замѣтить шести футовую черепашку.

— Это очень вѣроятно, сказалъ Консейль.

— Я полагаю, что подобная преграда существуетъ между Гибралтаромъ и Целмой, которые, въ геологическую эпоху, замыкали Средиземное море.

— А что, если съ позволенія ихъ чести, теперь вулканическая сила выдвинула эту преграду надъ поверхностью моря? вскрикнулъ Консейль.

— Это невозможно, возразилъ я.

— Пусть ихъ честь позволить мнѣ докончить: кабы это случилось теперь, то господинъ Лессепсъ, который прорываетъ перешеекъ, былъ бы очень недоволенъ этимъ!

— Конечно, но я повторяю тебѣ, что подобный феноменъ невозможенъ въ наше время. Подземная сила огня постепенно уменьшается. Вулканы, столь многочисленные прежде, мало по малу угасаютъ; внутренній жаръ охлаждается. Теперь можно даже исчислить на сколько температура внутреннихъ слоевъ земнаго шара утратила своей теплоты въ теченіе столѣтій. Это составляетъ большой ущербъ для нашей планеты, ибо теплота есть ея жизнь.

— А солнце-то?

— Солнца одного недостаточно для этого, Консейль. Развѣ оно можетъ оживить мертвеца?

— Не думаю!

— Слѣдовательно, другъ мой, и земля наша когда нибудь уподобится трупу; она сдѣлается также необитаема, какъ необитаема луна, которая уже давно утратила свою жизненную теплоту.

— А сколько для этого понадобится вѣковъ? спросилъ Консейль. Когда это можетъ случиться?

— Черезъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ, мой милый.

— Стало быть, отвѣчалъ Консейль, времени намъ хватитъ чтобы кончить наше путешествіе, если только Недъ Лендъ намъ не помѣшаетъ въ этомъ!

И успокоенный, Консейль принялся снова наблюдать неровное дно, скользя по которому „Наутилусъ“ изъ предосторожности замедлялъ нѣсколько быстроту своего хода.

Тамъ, благодаря скалистой и вулканической почвѣ, распустилась цѣлая флора морскихъ губокъ, морскихъ кубышекъ, прозрачныхъ какъ стекло дынниковъ, такъ называемыхъ гладкихъ, украшенныхъ красноватыми усиками и испускающихъ легкій фос-

форическій блескъ; дыниковъ обыкновенныхъ, извѣстныхъ также подъ названіемъ морскихъ огурцовъ, подвижныхъ волосатокъ, пурпуръ которыхъ окрашивалъ воду, древовидныхъ медузниковъ красоты необыкновенной, длинновѣтвистыхъ павлинохвостовъ, множество морскихъ ежей, употребляемыхъ въ пищу, всевозможныхъ видовъ, и зеленыхъ анемоновъ съ сѣроватымъ стволомъ, коричневымъ дискомъ, теряющихся въ массѣ своихъ оливковаго цвѣта щупальцевъ.

Наблюденія Консейля преимущественно направлены были на моллюсковъ и на суставчатыхъ, и хотя номенклатура ихъ и страдаетъ неполнотою, тѣмъ не менѣе, желая отдать полную справедливость доброму малому, я привожу его личныя наблюденія.

Дѣлая обзоръ мягкотѣлыхъ, онъ называетъ многочисленныя семейства раковинъ, гребешковъ, гребневидныхъ, лазоревыхъ позвонковъ, громоздящихся другъ на другѣ, трехуголокъ, трехзубыхъ шипицъ, съ желтыми плавниками и прозрачными раковинами, оранжевыхъ бокожаберниковъ, яичекъ усѣянныхъ зеленоватыми точками, аплизій, извѣстныхъ также подъ названіемъ морскихъ зайчиковъ, скоблукъ, мясистыхъ безрожекъ, зонтичниковъ, принадлежащихъ исключительно Средиземному морю, морскихъ ушукъ, раковина которыхъ производитъ довольно цѣнный перламутръ, волосистыхъ гребешковъ, безъимянокъ, которыхъ лангедокцы, говорятъ, предпочитаютъ устрицамъ; венерокъ бородавчатыхъ, столь цѣнныхъ марсельцами; двухгнѣздыхъ ракушекъ, бѣлыхъ и жирныхъ, принадлежащихъ къ тѣмъ семействамъ, которыми изобилуютъ берега Сѣверной Америки и которыя въ такомъ количествѣ сбываются въ Нью-Йоркѣ; крышчатыхъ гребешковъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, углубившихся въ свои щели; ложилковъ, представляющихся на вкусъ какъ бы приправленными перцомъ, морщиноватыхъ венеркосердцевиковъ съ раковиною выгнутою на верхушкѣ и выпуклою по краямъ; цинтій, усаженныхъ сплошь пурпуровыми пузырьками; килевиковъ, своею загнutoю верхушкою напоминающихъ легкія гондолы; увѣчаныхъ фероль, атлантокъ съ спиральной формы раковиной; сѣрыхъ съ бѣлыми пятнами фетидъ, одѣтыхъ въ свои бахромчатая покрывала, солидъ, похожихъ на небольшихъ слизней; каволинъ, скользящихъ на спинѣ, иврикулей и между ними такъ называемое магнитное ушко, съ своей овальной раковиной, бурыхъ

ребрышекъ, завитковъ, янтинъ, нагочерепниковъ, камнежиловъ, листовиковъ, рожиковъ, пандоръ и проч., и проч.

Что касается до суетавчатыхъ, Консейль въ своихъ запискахъ совершенно основательно раздѣлилъ ихъ на шесть классовъ, изъ которыхъ половина принадлежитъ морю. Эти три класса составляютъ скорлупняки, усоногія и кольчецы.

Скорлупняки въ свою очередь подраздѣляются на девять порядковъ, и первый изъ этихъ порядковъ заключаетъ въ себѣ десятиногихъ скорлупняковъ, то есть животныхъ, голова и грудь которыхъ представляются большею частію слившимися, ротовой же аппаратъ состоитъ изъ нѣсколькихъ паръ члениковъ и которыя имѣютъ четыре и болѣе паръ грудныхъ лапокъ, служащихъ имъ для передвиженія. Консейль, согласно учителю нашему Мильнъ-Эдвардсу, раздѣлилъ этотъ порядокъ на три отдѣла: на короткохвостыхъ или крабовъ (*brachyours*), на длиннохвостыхъ или раковъ (*macrours*) и безхвостыхъ морскихъ пауковъ (*apomours*).

Названія эти отзываются нѣсколько барбаризмомъ, но они вѣрны и точны. Между короткохвостыми Консейль называетъ амать, вооруженныхъ двумя большими расходящимися на лбу зубцами, инаха, неизвѣстно почему то, послужившаго грекамъ символомъ мудрости, нѣкоторыхъ изъ шлемоносныхъ, вѣроятно случайно попавшихъ въ этотъ высокій районъ морскаго дна, ибо обыкновенно они предпочитаютъ большія глубины, прорессы, пилуній, ромбоидъ, зернистыхъ калянъ, — легко удобоваримыхъ, замѣчаетъ Консейль, — иззубренныхъ користъ, эбалий, кораллинъ, волнистыхъ дориппъ и другихъ. Между длиннохвостыми, подраздѣленными на пять семействъ, на панцирныхъ, землекоповъ, настоящихъ раковъ (*astacus*) гарнелевыхъ и иглоногихъ, онъ называетъ лангустъ обыкновенныхъ, мясо самокъ которыхъ такъ извѣстно своимъ вкусомъ; листорожцевъ кольчатыхъ или такъ называемую морскую саранчу, прибрежныхъ гебій и многіе другіе виды употребляемыхъ въ пищу скорлупняковъ, не упоминая однако о подраздѣленіи *astacus*, которое обнимаетъ собою обыкновенныхъ гомаровъ, или морскихъ раковъ вообще, потому что лангусты единственные представители гомаровъ Средиземнаго моря. Наконецъ между безхвостыми онъ наблюдалъ дроцинъ обыкновенныхъ, ютившихся обыкновенно подъ покинutoю раковиною,

которою они завладѣваютъ, майю рогатую, діогенова отшельника, ужовку и другихъ.

На этомъ остановилась работа Консейля. Онъ не успѣлъ пополнить классъ скорлупняковъ обзоромъ ротоногихъ, плосконогихъ, равноногихъ, трилобитовъ, коротконогихъ, многоногихъ и щитней. А въ дополненіе къ изученію суставчатыхъ морскихъ, онъ долженъ бы упомянуть и о классѣ усоногихъ, къ которому принадлежатъ одноглазки и рыбные клещи, и о классѣ кольцецовъ, который въ свою очередь пришлось бы раздѣлить на трубчатыхъ кольцецовъ и на спиножаберныхъ кольцецовъ.

Но „Наутилусъ“, миновавъ неровное дно Ливійскаго пролива, поплылъ въ болѣе глубокихъ водахъ съ обыкновенною своею быстротою.

Съ этой поры не видно было уже ни моллюсковъ, на суставчатыхъ, ни зоофитовъ. Кой гдѣ подобно тѣнямъ мелькали огромныя рыбы.

Въ ночь съ 16 на 17 февраля, мы вступили во второй бассейнъ Средиземнаго моря, котораго наибольшая глубина достигаетъ трехъ тысячъ метровъ.

„Наутилусъ“, благодаря своему винтовому устройству, скользя наклонными плоскостями, углублялся до самыхъ крайнихъ предѣловъ нѣдра морскихъ водъ.

Тутъ, какъ бы въ замѣнъ чудесъ естественныхъ, я увидалъ въ водныхъ массахъ слѣды человѣческихъ бѣдствій.

Мы находились въ части Средиземнаго моря, которая такъ обильна бѣдствіями. Сколько кораблей здѣсь потерпѣло крушеній, сколько судовъ безслѣдно исчезло, направляясь съ алжирскаго берега къ Провансу! Въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ Тихаго океана, Средиземное море представляется не болѣе какъ озеромъ, но озеромъ капризнымъ, съ волнами измѣнчивыми, сегодня благосклоннымъ и ласковымъ къ хрупкой тартант^{*)}, скользящей какъ бы по воздуху между небомъ и водою, завтра яростнымъ, бурнымъ, вздымающимся отъ вѣтра, разрушающимъ самые крѣпкіе корабли частыми ударами безъ устали бьющихъ о нихъ волнъ.

Въ этой быстрой подводной прогулкѣ сколько ужасающихъ

*) Одномачтовое судно.

Я увидѣлъ въ водныхъ массахъ слѣды человѣческихъ бѣдствій.

картинъ разрушенія представлялось глазамъ моимъ! Здѣсь на днѣ покоились различные обломки, одни уже опутанные кораллами, другіе покрытые только ржавчиною, якоря, пушки, ядра, разныя желѣзныя корабельныя украшенія, парходные винты, обломки машинъ, разбитые цилиндры, паровики съ выбитымъ дномъ, корабельные остовы, покачиваемые водою.

Всѣ эти потерпѣвшіе крушеніе корабли погибли одни отъ столкновенія, другіе же разбились о подводныя гранитныя скалы. Нѣкоторыя потонули совершенно отвѣсно, съ непокривившимися мачтами, съ такелажемъ окрѣпнувшимъ отъ морской воды. Кажалось, они стояли на якорѣ въ этой неизмѣримой пристани и ждали минуты отъѣзда. Когда „Наутилусъ“ проходилъ между ними, освѣщая ихъ своимъ электрическимъ свѣтомъ, такъ и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ эти корабли будутъ привѣтствовать его и выкинутъ свой флагъ! Но нѣтъ, одно безмолвіе и смерть царятъ въ этой области бѣдствій!

Я замѣтилъ что морское дно, по мѣрѣ приближенія „Наутилуса“ къ Гибралтарскому проливу, все болѣе и болѣе покрывалось этими зловѣщими морскими выкидками. Въ этомъ мѣстѣ берега Африки и Европы тѣснѣе сближаются между собою, и въ этомъ узкомъ пространствѣ столкновенія случаются очень часто. Здѣсь я видѣлъ множество желѣзныхъ килей, фантастическихъ развалинъ парходовъ; одни изъ нихъ совсѣмъ опрокинулись, другія еще стояли, изображая собою какихъ то приводящихъ въ ужасъ существъ. Одинъ изъ такихъ парходовъ, съ разрушенными бортами, согнутой трубой, колесами, отъ которыхъ осталась одна только оправа, рулемъ оторваннымъ отъ стартъ-поста, но висащемъ еще на желѣзной цѣпи, заднимъ планчеромъ, выѣденнымъ морскими солями, представлялъ ужасный видъ! Сколько погибшихъ, сколько жертвъ положено этимъ крушеніемъ! Спасали хоть одинъ матросъ, чтобы рассказать объ ужасномъ бѣдствіи, или волны хранить роковую тайну? Не знаю почему, но мнѣ пришло на мысль, что этотъ погруженный въ бездну морскую парходъ, не тотъ ли самый „Атласъ“, исчезнувшій безслѣдно лѣтъ двадцать тому назадъ! Что за ужасное повѣствованіе вышло бы, если бы рассказать о всѣхъ тайнахъ этой морской пучины, этой необозримой могилы, гдѣ погибло столько богатствъ, гдѣ нашла смерть столько жертвъ!

Между тѣмъ „Наутилусъ“ быстро и равнодушно мчался среди этихъ развалинъ.

18 февраля, около трехъ часовъ утра, онъ прибылъ ко входу въ Гибралтарскій проливъ.

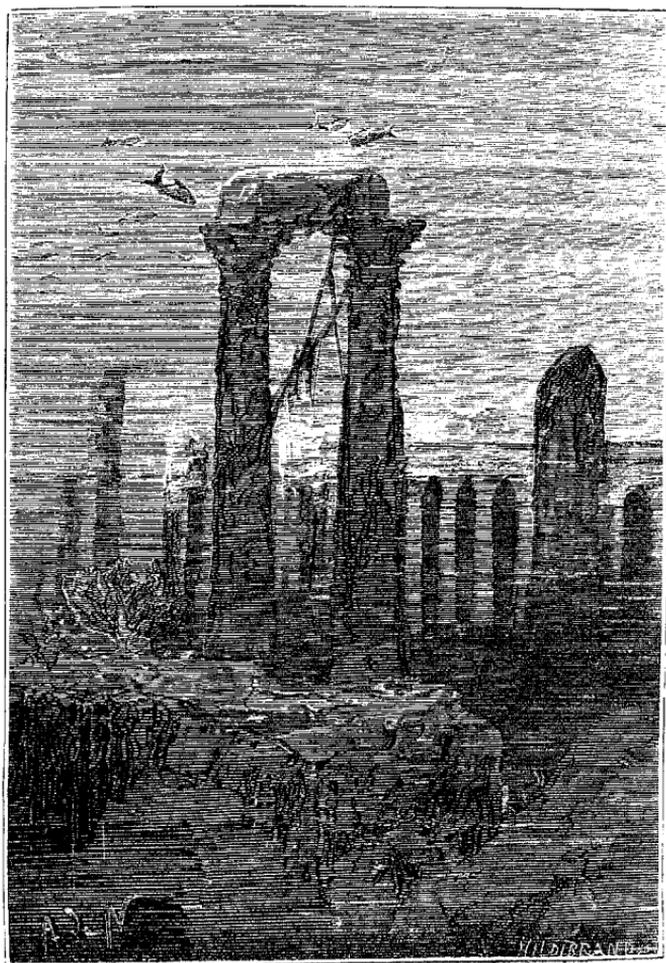
Тамъ находятся два теченія: теченіе верхнее, издавна извѣстное, несущее волны океана въ бассейнъ Средиземнаго моря; затѣмъ теченіе встрѣчное, нижнее, о существованіи котораго доказано нынѣ научнымъ путемъ. Дѣйствительно, сумма водъ Средиземнаго моря, непрерывно увеличиваемая волнами Атлантическаго океана и рѣками впадающими въ него, должна бы ежегодно поднимать уровень этого моря, ибо испаренія его недостаточны для сохраненія равновѣсія, чего однако нѣтъ, и естественно слѣдовало предположить существованіе нижняго теченія, которое черезъ Гибралтарскій проливъ несетъ воду Средиземнаго моря въ бассейнъ Атлантическаго океана.

Фактъ доказанный. Этимъ то встрѣчнымъ теченіемъ воспользовался „Наутилусъ“, быстро подвигаясь по узкому проходу. Передъ моими глазами промелькнули чудесныя развалины храма Геркулеса, если вѣрить Плинію и Авьенусу, погребеннаго вмѣстѣ съ островомъ, на которомъ онъ былъ сооруженъ; и, спустя нѣсколько минутъ, мы уже неслись по волнамъ Атлантическаго океана.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЗАЛИВЪ ВИГО.

Атлантическій океанъ! Это громадное пространство воды, поверхность которой занимаетъ двадцать пять миліоновъ квадратныхъ миль, длина девять тысячъ миль, а ширина двѣ тысячи семьсотъ. Столь важное по своему значенію море, о которомъ однако едва знали древніе, за исключеніемъ можетъ быть кароагенянъ, этихъ голландцевъ древняго міра, которые въ своихъ торговыхъ странствованіяхъ объѣздили восточные берега Европы и Африки! Океанъ, береговья параллельныя извилины котораго описываютъ громаднѣйшую окружность, орошенный величайшими въ мірѣ рѣками Святаго Лаврентія, Миссисипи, Амазонской, Ла-Плато, Ореноко, Нигеромъ, Сенегаломъ, Эльбой, Луарой, Рейномъ, которыя приносятъ ему воды какъ странъ наиболѣе

Развалины храма Геркулеса.

цивилизованныхъ, такъ и странъ наиболѣе дикихъ! Величественная равнина, несущая корабли всѣхъ націй, охраняемая силами всего міра и заканчивающаяся двумя ужасными точками, наводящими страхъ на мореплавателей—мысомъ Горномъ и мысомъ Бурь!

„Наутилусъ“ прошелъ около десяти тысячъ миль въ три съ половиною мѣсяца. Куда теперь мы направимся? что ожидаетъ насъ въ будущемъ?

Вышедъ изъ Гибралтарскаго пролива, „Наутилусъ“ вступилъ въ открытое море. Онъ поднялся на поверхность волнъ и наши ежедневныя прогулки по платформѣ такимъ образомъ были намъ возвращены.

Я не замедлилъ подняться туда въ сопровожденіи Неда Ленда и Консейля. На разстояніи двѣнадцати миль, въ неясныхъ чертахъ, обрисовывался мысъ Сень-Винцентъ, который составляетъ крайнюю юго-западную точку Пиринейскаго полуострова. Дулъ довольно сильный южный вѣтеръ. Море вздымалось и бушевало. „Наутилусъ“ испытывалъ сильныя толчки. Оставаться на платформѣ было почти невозможно: ее каждую минуту обдавало морскою пѣной и брызгами. Мы снова спустились, успѣвъ вздохнуть свободнымъ воздухомъ.

Я отправился въ свою комнату. Консейль пошелъ къ себѣ въ каюту; но канадецъ, съ видомъ нѣсколько озабоченнымъ, послѣдовалъ за мною. Нашъ быстрый переходъ по Средиземному морю не позволилъ ему привести въ исполненіе его планы и онъ нисколько не скрывалъ своего неудовольствія.

Когда дверь моей комнаты затворилась, онъ сѣлъ и безмолвно сталъ смотрѣть мнѣ въ глаза.

— Другъ Недъ! сказалъ я ему: я васъ понимаю, но вы ни въ чемъ не можете себя упрекнуть. При тѣхъ условіяхъ, при которыхъ плавалъ до сихъ поръ „Наутилусъ“, думать съ него убѣждать, было бы безуміемъ!

Недъ Лендъ ничего не отвѣчалъ. Губы его были скаты, брови нахмурены.

— Послушайте, Недъ, продолжалъ я: отчаяваться еще нечего. Мы поднимались по направленію береговъ Португаліи. Недалеко отъ насъ Франція, Англія, гдѣ мы легко можемъ найти убѣжище. Другое дѣло, еслибы „Наутилусъ“ по выходѣ изъ Гибрал-

тара направился на югъ, гдѣ нѣтъ материковъ, тогда и я бы раздѣлялъ ваше безпокойства. Но мы теперь видимъ что капитанъ Немо не удаляется морей странъ цивилизованныхъ и чрезъ нѣсколько дней, я полагаю, вы можете болѣе или менѣе безопасно устроить...

Недъ Лендъ еще пристальнѣе на меня поглядѣлъ, разжалъ губы и произнесъ:

— Сегодня ввечеру.

Я вскочилъ съ мѣста. Признаюсь, я мало былъ приготовленъ къ подобному извѣстiю. Я хотѣлъ отвѣтить канадцу, но слова замирали на языкѣ.

— Мы условились ждать случая, продолжалъ Недъ Лендъ. Случай этотъ представляется. Сегодня вечеромъ мы будемъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ испанскаго берега. Ночь темная. Вѣтеръ съ открытаго моря. Вы дали честное слово, г. Аронаксъ, и я рассчитываю на васъ.

Я все еще безмолвствовалъ; канадецъ всталъ, приблизился ко мнѣ и произнесъ:

— Сегодня вечеромъ, въ девять часовъ. Я предупредилъ Консейля. Въ это время капитанъ Немо запрется въ своей комнатѣ и вѣрно ляжетъ спать. Ни механики, ни люди изъ экипажа не могутъ насъ увидѣть: Консейль и я сейчасъ проберемся къ центральной лѣстницѣ. Вы, г. Аронаксъ, останетесь въ библиотекѣ, въ двухъ шагахъ отъ насъ, и подождете моего сигнала. Весламачта и парусъ въ лодкѣ. Я снесъ туда немножко провизiи и досталъ ключъ, которымъ можно отвлитить гайки, придерживающiя лодку. Стало быть все готово. До сегодняшняго вечера.

— Море-то не хорошо! сказалъ я.

— Согласенъ съ этимъ, отвѣчалъ канадецъ, но приходится рискнуть. Это стоитъ того. Къ тому же боть надежный, и нѣсколько миль съ попутнымъ вѣтромъ не Богъ знаетъ какое дѣло. Нечего откладывать! завтра, до завтра: хуже этихъ завтраковъ нѣтъ! Кто поручится, что завтра мы не будемъ на столько въ открытомъ морѣ? Авось кривая вывезетъ! Пустимся, а къ одиннадцати часамъ можетъ пристанемъ уже къ какому нибудь клочку земли. Ну! до сегодняшняго вечера.

Сказавъ это, канадецъ удалился. Я былъ словно ошеломленъ.

Я воображалъ что случай бѣжать представится не скоро, что я буду имѣть время обдумать, обсудить. Упрямый товарищъ не давалъ мнѣ на это времени. Да, въ концѣ концовъ, что я ему могу возразить? Недѣ Лендъ вполнѣ правъ. Представлялся случай, онъ пользовался имъ. Могъ ли я, дѣйствуя въ интересѣ чисто личномъ, брать на себя отвѣтственность за будущее своихъ товарищей? Завтра, кто знаетъ, капитанъ Немо развѣ не можетъ умчаться въ открытое море?

Въ эту минуту, довольно сильный свистокъ далъ мнѣ знать, что резервуары наполнялись и „Наутилусъ“ погрузился въ воды океана.

Я остался въ своей комнатѣ, желая избѣжать встрѣчи съ капитаномъ; я боялся, что не сумѣю скрыть своего волненія.

Такъ провелъ я печальный день, между желаніемъ получить свободу и сожалѣніемъ покинуть этотъ чудесный „Наутилусъ“, не окончивъ свои подводные этюды! Покинуть такимъ образомъ океанъ, „мой Атлантическій океанъ“, какъ я любилъ называть его, не заглянувъ въ его сокровенныя нѣдра не вырвавъ отъ него ни одной изъ тѣхъ тайнъ, которыя открыли мнѣ моря Индіи и Тихій океанъ! Мой романъ ускользалъ отъ меня съ перваго же тома, мои мечты прерывались въ самый прекрасный моментъ!

Сколько грустныхъ часовъ прошло такимъ образомъ; я видѣлъ себя то въ безопасности на сушѣ съ моими товарищами, то желалъ, вопреки разсудку, чтобы какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство помѣшало осуществленію проектовъ Неда Ленда.

Два раза я приходилъ въ залу, желая справиться съ командою. Я хотѣлъ видѣть, дѣйствительно ли направление „Наутилуса“ приближало насъ къ берегу, или же отдаляло. Но нѣтъ, „Наутилусъ“ продолжалъ держаться около португальскихъ береговъ, направляясь вдоль ихъ къ сѣверу.

Какъ бы то ни было, но надо было рѣшиться и готовиться къ побѣгу. Багажъ мой не былъ тяжелъ: одни записки и болѣе ничего.

А капитанъ Немо? я спрашивалъ себя: что онъ подумаетъ, какія заботы, какой вредъ можетъ причинить ему нашъ побѣгъ и какъ онъ поступитъ въ случаѣ, если этотъ побѣгъ не удастся? Конечно, я не имѣлъ причинъ быть недовольнымъ имъ; напро-

тивъ, никогда гостепрѣимство не было болѣе искренно. Что я покидалъ его, не могло быть приписано неблагодарности; никакая клятва не связывала меня: я даже не давалъ ему никакихъ обѣщаній. Онъ полагался не на насъ, не на наше слово, а на силу обстоятельствъ. Но намѣреніе держать насъ вѣкъ плѣнниками на своемъ суднѣ именно и оправдывало покушеніе бѣжать.

Я не видалъ капитана со времени нашего свиданія на островѣ Санторинѣ.

Не сведеть ли насъ до побѣга какая либо случайность?

Я желалъ этого и въ тоже время боялся. Я прислушивался, не раздаются ли шаги въ его комнатѣ. Но никакого звука не достигало до моего уха. Въ комнатѣ, какъ видно, никого не было.

Тутъ мнѣ пришла мысль, дома ли таинственный капитанъ?

Съ той ночи, когда лодка отправилась для исполненія какого-то таинственного порученія, я сталъ иначе думать о капитанѣ. Я теперь подозрѣвалъ, что у него сохранились кое какія свощенія и съ землей, и съ людьми. Кто знаетъ, можетъ статься онъ часто отлучается съ „Наутилуса“? Случалось, что проходили цѣлыя недѣли, въ продолженіи которыхъ я ни разу съ нимъ ни встрѣчался. Что дѣлалъ онъ въ это время, гдѣ былъ? Я прежде думалъ, что онъ, быть можетъ, страдаетъ припадками мизантропіи, — но очень можетъ быть, что онъ это время былъ далеко, дѣятельно работая...

Но что это за дѣятельность, что за работа? Подобныя мысли осаждали меня. Поле предположеній при томъ странномъ положеніи, въ которомъ мы находились, было обширно. Я испытывалъ невыносимое безпокойство. Этотъ день ожиданія казался мнѣ вѣчнымъ. Часы какъ бы замедляли свой бой.

Обѣдать мнѣ подали какъ и всегда, въ мою комнату. Но ѣсть я не могъ. Я всталъ изъ за стола въ семь часовъ. Сто двадцать минутъ — я считалъ ихъ — отдѣляли меня отъ того мгновенія, когда я долженъ былъ присоединиться къ Недѣ Ленду. Волненіе мое возрастало. Пульсъ бился усиленно. Я не могъ сидѣть спокойно, ходилъ взадъ и впередъ. Мысль о неудачѣ мало меня озабочивала; но при мысли, что намѣреніе наше будетъ открыто раньше, чѣмъ мы покинемъ „Наутилусъ“; при мысли,

что насъ приведутъ къ раздраженному, или что еще хуже, опечаленному капитану Немо, сердце мое трепетало.

Я хотѣлъ взглянуть на залу въ послѣдній разъ. Я пришелъ въ этотъ музей, гдѣ провелъ столько полезныхъ и пріятныхъ часовъ. Я смотрѣлъ на всѣ эти богатства, на всѣ эти сокровища, какъ человекъ, который завтра долженъ отправиться въ вѣчное изгнаніе и никогда ихъ болѣе не увидить.

Эти чудеса природы, эти совершенства искусства, около которыхъ уже столько дней сосредоточена была моя жизнь, я ихъ долженъ покинуть, покинуть навсегда! Я хотѣлъ посмотрѣть на воды океана, но задвижки были герметически закрыты и ставни изъ листового желѣза отдѣляли меня отъ этого океана, который былъ еще мнѣ совсѣмъ незнакомъ.

Проходящая такимъ образомъ по залѣ, я подошелъ къ двери, искусно прорубленной въ стѣнѣ, которая вела въ комнату капитана Немо. Къ моему великому удивленію дверь эта была полуотворена. Я невольно приблизился къ ней. Если бы капитанъ Немо былъ въ своей комнатѣ, онъ могъ увидѣть меня. Но все было тихо; я подошелъ еще ближе, комната была пуста. Я толкнулъ дверь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, оглянулся, — все тотъ же суровый, пустынный видъ.

Нѣсколько гравюръ, повѣшенныхъ на стѣнѣ и которыхъ въ первый визитъ я не замѣтилъ, бросились мнѣ въ глаза. Это были портреты великихъ историческихъ личностей, все существованіе которыхъ было всецѣло посвящено на служеніе человѣчеству. Здѣсь былъ Костюшко, герой павшій при крикѣ *Finis Poloniae*, Боцарисъ, — Леонидъ новой Греціи, О'Коннель, защитникъ Ирландіи, Вашингтонъ, основатель американскаго союза, Манинъ, итальянскій патріотъ, Линкольнъ — павшій отъ пули рабовладѣльца, и наконецъ этотъ мученикъ за освобожденіе черной расы, Джонъ Браунъ — изодранный на виселицѣ, въ такомъ ужасномъ видѣ, въ какомъ представленъ онъ Викторомъ Гюго.

Какая связь существовала между этими героями и капитаномъ Немо? Была ли возможность изъ этого собранія портретовъ разъяснить тайну его существованія? Былъ онъ поборникомъ за угнетенныхъ народовъ, освободителемъ невольничьихъ расъ? Былъ онъ дѣйствующимъ лицомъ въ послѣднихъ политическихъ или социальныхъ волненіяхъ нашего вѣка? Былъ однимъ изъ героевъ

ужасной американской войны, войны вопиющей и вмѣстѣ съ тѣмъ достославной?

Вдругъ часы пробили восемь. Первый ударъ маятника прервалъ мои мечтанія. Я вздрогнулъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Въ залѣ глаза мои остановились на буссолѣ. Мы плыли все еще по направленію къ сѣверу. Лагъ показывалъ скорость умѣренную, монومترъ глубину около шестидесяти футовъ. Обстоятельства, стало быть, благопріятствовали планамъ канадца.

Я вернулся въ свою комнату; надѣлъ теплую одежду, морскіе сапоги, шапку изъ выдровой кожи, кафтанъ изъ ткани выдѣланной изъ эпилочницы, подбитый тюленьей шкурою. Я былъ готовъ и сталъ ждать. Только стукъ машины нарушалъ глубокое безмолвіе, царившее на „Наутилусѣ“.

Я напряженно прислушивался: не услышу ли вдругъ шумъ голосовъ, который мнѣ скажетъ, что намѣреніе Неда Ленда бѣжать, открыто? Смертельное безпокойство меня обуяло. Тщетно я старался возвратить себѣ хладнокровіе.

Въ девять часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ, я, приложивъ ухо къ двери комнаты капитана, сталъ прислушиваться. Ни единого звука! Я вышелъ изъ своей комнаты и отправился опять въ залу, погруженную въ полу-тьму и пустую.

Я отворилъ дверь, ведущую въ бібліотеку. Тамъ полу-тьма, тоже безмолвіе. За тѣмъ я отправился къ двери, выходившей на центральную лѣстницу, и сталъ ждать сигнала Неда Ленда.

Въ эту минуту сотрясенія машины замѣтно стали уменьшаться и наконецъ совсѣмъ прекратились. Почему такая остановка? Благопріятствуетъ она или помѣшаетъ планамъ Неда Ленда?

Тишина нарушалась теперь лишь біеніемъ моего сердца.

Внезапно почувствовалъ я легкій толчокъ. Я понялъ что „Наутилусъ“ остановился на днѣ океана. Безпокойство мое усилилось. Канадецъ не давалъ сигнала. Я охотно отправился бы къ Неду Ленду и предложилъ ему отложить попытку до другаго разу. Я чувствовалъ, что наше плаваніе совершалось теперь при особыхъ какихъ то условіяхъ.

Въ эту минуту дверь, ведущая въ большую залу, отворилась и появился капитанъ Немо. Увидѣвъ меня, онъ любезно сказалъ: А я васъ искалъ, г. профессоръ. Знакомы вы съ исторіей Испаніи?

Можно знать основательно исторію своего отечества и все таки, притомъ волненія какое я испытывалъ, не отвѣтить — запнуться и растеряться.

Такъ со мной и случилось.

— Что-же? продолжалъ капитанъ: вы слышали мой вопросъ?

— Очень плохо, отвѣчалъ я.

— Вотъ вамъ и ученые? произнесъ капитанъ. Садитесь, прибавилъ онъ: я вамъ разкажу любопытный эпизодъ изъ этой исторіи.

Капитанъ растянулся на диванѣ; я машинально сѣлъ около него.

— Г. профессоръ, сказалъ онъ, слушайте меня хорошенько. Исторія эта заинтересуетъ васъ потому, что она вамъ отвѣтитъ на одинъ вопросъ, котораго, безъ сомнѣнія, вы еще не рѣшили.

— Я васъ слушаю, капитанъ, сказалъ я, не зная, на что онъ намѣкаетъ и спрашивая себя, не относится ли этотъ случай къ задуманному нами побѣгу?

— Г. профессоръ, продолжалъ капитанъ Немо, если вамъ угодно, мы начнемъ съ 1702 г. Вамъ не безизвѣстно, что въ эту эпоху король вашъ Людовикъ XIV посадилъ на испанскій престолъ внука своего герцога Анжуйскаго. Принцъ этотъ, царствовавшій подъ именемъ Филиппа V, долженъ былъ вести войны.

Въ 1701 году, царствующіе дома Голландіи, Австріи и Англіи, заключили въ Гагѣ договоръ между собою съ цѣлію отнять корону Испаніи у Филиппа V за тѣмъ, чтобы возложить ее на голову одного эрцгерцога, котораго они наименовали Карломъ III.

Испанія была вынуждена отказаться отъ этой коалиціи. У нея почти не было ни арміи, ни флота; въ деньгахъ однакожь недостатка не предвидѣлось, если только ея судамъ, привозившимъ изъ Америки золото и серебро, удавалось входить беспрепятственно въ порты. Въ концѣ 1702 г. она ожидала богатый транспортъ, эскортируемый со стороны Франціи эскадрою изъ двадцати трехъ кораблей подъ начальствомъ адмирала Шато-Рено; союзные флоты ходили тогда по Атлантическому океану.

Транспортъ ожидался въ Кадиксеѣ, но когда адмиралъ узналъ, что англичане крейсеруютъ около этихъ мѣстъ, онъ рѣшилъ войти въ одинъ изъ французскихъ портовъ.

Испанскіе капитаны, шедшіе съ судами, воспротивились этому

намѣренію: они захотѣли непременно пристать къ испанскому порту, если не въ Кадиксѣ, то хоть въ гавани Виго, на сѣверо-западномъ берегу Испаніи, еще не занятомъ непріателемъ.

Адмираль Шато-Рено, по слабости, согласился на ихъ требованіе и флотъ вступилъ въ гавань Виго.

Къ несчастію, эта гавань открытая и средствъ къ оборонѣ не представляетъ: слѣдовало, стало быть, разгружаться какъ можно скорѣе до прибытія союзниковъ, и разгрузить суда успѣли бы, еслибы дѣла не затаянулъ ничтожный спорный вопросъ.

— Слѣдите вы за сцѣвленіемъ фактовъ? спросилъ вдругъ капитанъ Немо.

— Разумѣется, капитанъ, отвѣчалъ я, еще не понимая по поводу чего мнѣ давали урокъ изъ исторіи.

— Я продолжаю. Вотъ что случилось. Кадикскіе негоціанты пользовались привилегіею принимать всѣ товары, прибывающіе изъ западной Индіи. А разгрузить суда въ Виго значило — нарушить ихъ права. Они отнесли съ жалобою въ Мадридъ и слабый Филиппъ V отдалъ приказъ, чтобы суда стояли не разгружаясь до тѣхъ поръ, пока не удалится союзный флотъ.

А пока это рѣшалось, англійскіе корабли подошли къ заливу Виго. Это было 22 октября 1702 г. Адмираль Шато-Рено отбивался храбро, не смотря на превосходство непріятельскихъ силъ. Когда же увидѣлъ, что всѣ привезенныя имъ богатства могутъ достаться врагамъ, онъ принялся разрушать и жечь свой флотъ, и всѣ суда его потонули съ всѣми несмѣтными сокровищами.

Капитанъ Немо умолкъ. Сознаюсъ, я еще не усматривалъ вывода изъ всей этой исторіи.

— Чтоже дальше? спросилъ я.

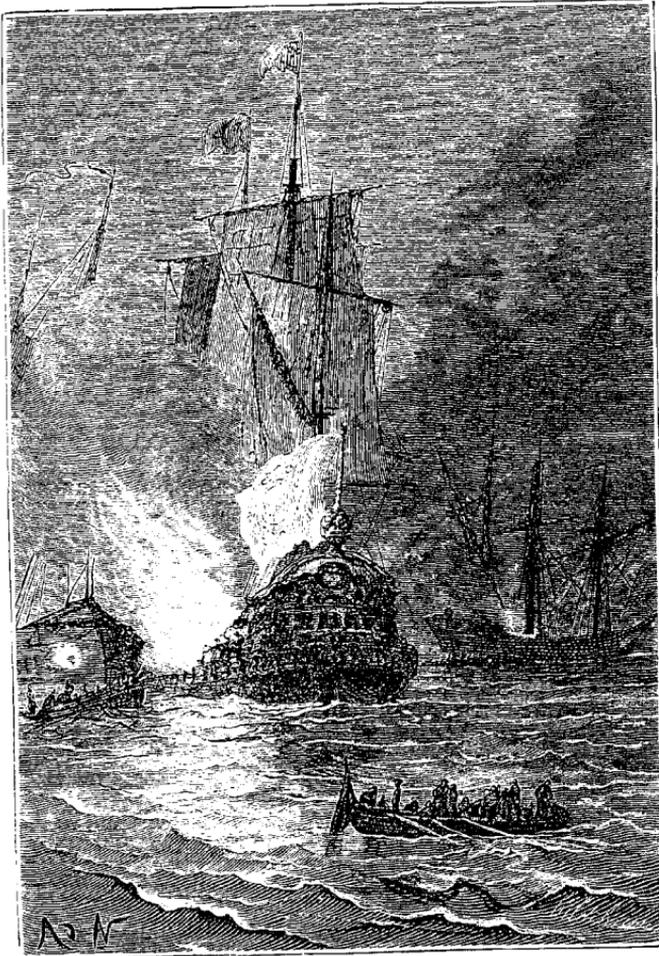
— А то, г. Аронаксъ, что мы теперь именно въ этой гавани, въ Виго, отвѣчалъ мнѣ Немо, и вы можете если угодно, взглянуть на тайны сокрытыя подъ водами.

Онъ всталъ и попросилъ меня за собою слѣдовать.

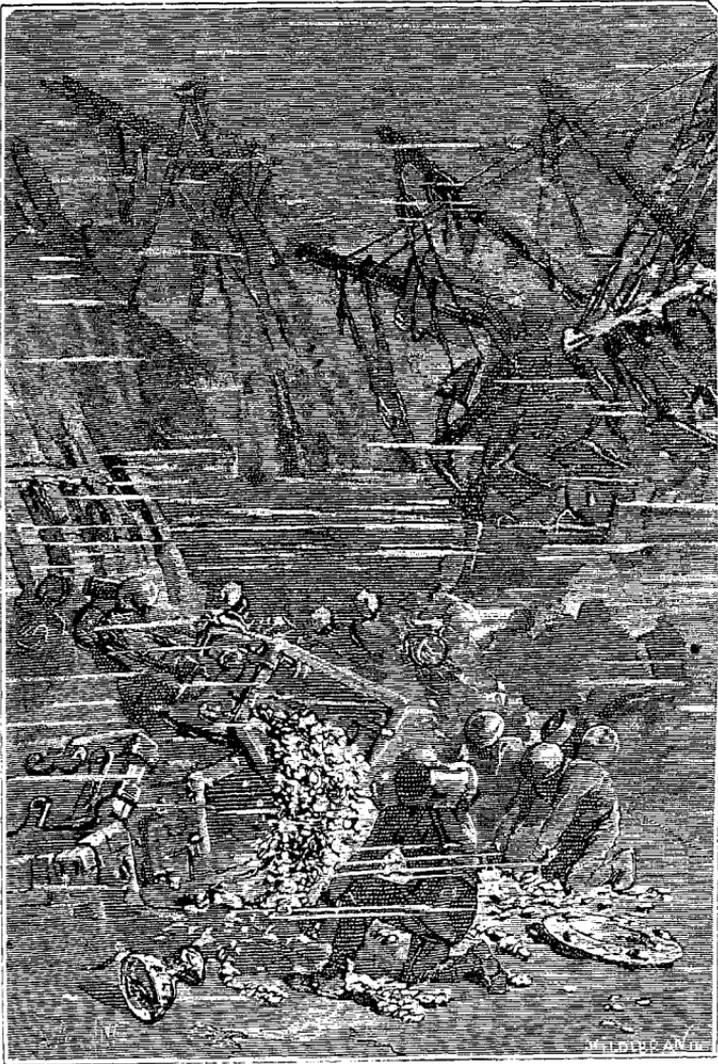
Я нѣсколько опомнился и повиновался.

Въ гостиной было темно, но сквозь стекла блестѣли морскія волны. Я сталъ смотрѣть.

Въ полумиліи отъ насъ, вокругъ „Наутилуса“, вода сверкала электрическими искрами. На днѣ морскомъ песокъ былъ чистый

Адмиралъ Шато-Рено принялся жечь свой флотъ.

Изъ ящиковъ и бочекъ лился дождь шатровъ.

и мелкій. Народъ изъ экипажа въ пробочныхъ фуфайкахъ отрывалъ въ этомъ грунтѣ полусгнившія бочки, продавленные ящики и прочій грузъ, почернѣвшій отъ времени. Изъ этихъ ящичковъ и бочекъ сыпались слитки золота и серебра, лился дождь пиастровъ и драгоценныхъ камней. На песокъ лежали цѣлыя кучи сокровищъ. Нагрузившись многоцѣнною пошею, рабочіе шли къ „Наутилусу“, складывали ее и возвращались снова въ мѣсту, откуда ее забирали.

Я тогда понялъ что здѣсь было мѣсто битвы 22 октября 1702 г. Здѣсь и потоплены суда, везшія сокровища испанскому правительству. Сюда капитанъ Немо приходилъ подбирать миллионы, которыми нагружалъ „Наутилусъ“. Ему одному Америка доставила эту дань дорогихъ металловъ. Онъ очутился непосредственнымъ и единственнымъ наследникомъ всѣхъ богатствъ, отнятыхъ у инкасовъ и у народовъ побѣжденных Фернандомъ Кортесомъ.

— Извѣстно ли вамъ было, г. профессоръ, что въ морѣ скрывалось столько благъ? спросилъ меня, улыбаясь капитанъ Немо.

— Я зналъ, что цѣнять приблизительно въ два милліона тантъ серебро, задерживаемое въ этой мѣстности водами, отвѣчалъ я.

— Да, но доставать это серебро изъ этихъ водъ—игра не не стоитъ свѣчь. Я же, только нагнусь и подберу то, что обрости, и не только, въ заливѣ Виго, но еще и въ другихъ мѣстахъ кораблекрушенія, обозначенныхъ на моей подводной картѣ. Понимаете вы, что богатство свое я могу считать милліардами?

— Понимаю, капитанъ. Но позвольте вамъ замѣтить, что эксплуатацію этой гавани вы опередили трудъ цѣлой компаніи, взявшейся за предпріятіе.

— Какой компаніи?

— Той самой, которая купила у испанскаго правительства привиллегію на розысканіе этихъ потопленныхъ слитковъ. Акціонеры рассчитываютъ на громадныя барыши, такъ какъ потонуло болѣе чѣмъ на пять-сотъ милліоновъ.

— Пять сотъ милліоновъ! вскрикнулъ капитанъ. Да, тутъ было пятьсотъ милліоновъ, но уже теперь ихъ нѣтъ!

— Это вѣрно, отвѣчалъ я. И мнѣ кажется не мѣшало бы

предупредить объ этомъ акціонеровъ. Неизвѣстно, впрочемъ, какъ бы еще они это приняли. Игрокъ обыкновенно менѣе горюеть о проигрышѣ, чѣмъ о нерасчетѣ. Я о нихъ, по правдѣ сказать, не очень жалѣю. Я жалѣю о тѣхъ несчастныхъ, которыхъ могло бы спасти правильное распредѣленіе такихъ богатствъ. Да! много бы добра можно было сдѣлать этими богатствами, а не сдѣлается ничего!

Сказавъ это, я тотчасъ почувствовалъ, что капитанъ Немо оскорбился.

— Ничего! повторилъ онъ, съ живостью. Вы полагаете г. профессоръ, что ничего не сдѣлается? Что сокровище попало въ худыя руки? Вы думаете, что я ради собственныхъ выгодъ, подбираю эти слитки и камни? Кто вамъ сказалъ, что я не употребляю ихъ съ пользой. Развѣ вы думаете, я не знаю, что есть страдающія существа, угнетенныя племена на землѣ? Что много несчастныхъ требуютъ утѣшенія, многія жертвы еще не отомщены? Понимаете вы...

Капитанъ Немо остановился, можетъ быть раскаяваясь, что много высказалъ; но я уже разгадалъ его.

Какія бы причины не заставили его нырнуть отъ людей подъ воду „искать независимости“ подъ морскими волнами, но онъ все-таки остался человѣкомъ. Страданія человѣчества были ему близки; онъ горячо сочувствовалъ всѣмъ поработаннымъ и угнетеннымъ, и народамъ, и частнымъ лицамъ.

Я понялъ кому предназначались „безполезные“, какъ я прежде думалъ, миліоны, когда „Наутилусъ“ вступилъ въ воды возставшаго Крита.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ИСЧЕЗНУВШІЙ МАТЕРИКЪ.

На другой день, 19-го февраля, ко мнѣ вошелъ Недъ Лендъ. Я ждалъ его. Онъ видимо былъ очень огорченъ и раздосадованъ.

— Ну что, г. профессоръ? Каково? сказалъ онъ мнѣ.

— Что будете дѣлать, Недъ! Вчера случай намъ не поблагодѣлалъ!

Спустя нѣсколько времени, море начало волноваться; мы спустились съ платформы и филенка была закрыта.

Черезъ часъ, смотря на карту, я увидаль, что „Наутилусъ“, находился на $16^{\circ} 17'$ долготы и $33^{\circ} 22'$ широты, во ста пятидесяти миляхъ отъ ближайшаго берега.

О побѣгѣ уже нечего было и думать. Я предоставляю судить, какъ разразился канадецъ, когда я ему объявилъ о положеніи корабля. Я, съ своей стороны, не очень отчаявался. Я словно освободился отъ какой то давящей тяжести и могъ заняться своими обычными работами спокойно, — разумѣется, спокойствіе это было относительное.

Около одинадцати часовъ вечера, меня совершенно неожиданно посѣтилъ капитанъ Немо. Онъ очень любезно спросилъ, не чувствую ли я усталости послѣ вчерашней безсонной ночи. Я отвѣчалъ отрицательно.

— Въ такомъ случаѣ, г. Аронаксъ, я вамъ предложу любопытную экскурсію.

— Предложите, капитанъ.

— Вы посѣщали подводныя глубины только днемъ, при свѣтѣ солнца:— не хотите ли ихъ видѣть въ темную ночь?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Предупреждаю васъ, что эта прогулка будетъ очень утомительная. Надо будетъ идти долго и взбираться на гору. Дороги тамъ не совсѣмъ исправны.

— Все, что вы мнѣ говорили, капитанъ, удваиваетъ только мое любопытство; я готовъ слѣдовать за вами.

— Такъ пожалуйста, г. профессоръ; мы сейчасъ одѣнемся въ пробковыя фуфайки.

Вошедъ въ уборную, я увидѣлъ, что товарищей моихъ нѣтъ и нѣтъ никого изъ экипажа. Капитанъ не предлагалъ мнѣ, какъ это бывало прежде, пригласить съ собою Неда или Консейля.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были уже готовы. На спину намъ прикрѣпили резервуары обильно снабженные воздухомъ, но электрическихъ фонарей не подали. Я замѣтилъ это капитану.

— А электрическіе фонари? спросилъ я.

— Они будутъ бесполезны, отвѣчалъ онъ.

Я думаль, что худо разслышалъ, но не могъ уже повторить своего замѣчанія, потому что голова капитана исчезла въ мета-

лической оболочкѣ. Я свою тоже заключилъ въ мѣдный шаръ, мнѣ всунули въ руки окованную желѣзомъ палку и чрезъ нѣсколько минутъ мы ступили на дно Атлантическаго океана на глубинѣ трехъ сотъ футовъ.

Приближалась полночь. Вода была совершенно темна, но капитанъ Немо показалъ мнѣ на красноватую точку вдали, — на какое-то свѣтлое мерцаніе, миляхъ въ двухъ отъ „Наутилуса“. Что это былъ за огонь? что за свѣтящееся вещество, почему и какъ оно могло свѣтиться въ водной массѣ — я не могъ себѣ объяснить. Какъ бы то ни было, этотъ огонекъ намъ свѣтилъ. Свѣтилъ, правда, не ярко, но я скоро привыкъ къ этимъ, такъ сказать, темно-пурпуровымъ сумеркамъ.

Мы съ капитаномъ шли рядомъ и держа путь прямо къ свѣту. Плоская почва нечувствительно возвышалась. Несмотря на большіе шаги, которые мы могли дѣлать при помощи палокъ, — мы все-таки подвигались медленно, потому что ноги наши часто вязли въ какомъ-то мѣсивѣ, — въ тинѣ изъ водорослей, усѣянной плоскими камнями.

Вдругъ слышу надъ головою словно дробь выбиваютъ. Временами шумъ этотъ переходилъ въ какой-то особый мелкій бой. Скоро я понялъ, что это дождь ударялъ о поверхность моря. Первая моя мысль была:

— Теперь я промокну до костей!

Но я опомнился и расхохотался. Промокну отъ дождя въ водѣ! Подъ толстымъ пробковымъ платьемъ не чувствуешь уже болѣе жидкой стихіи и думаешь, что находишься въ атмосферѣ немного плотнѣе земной — вотъ и все.

Послѣ полутора часовой ходьбы, почва сдѣлалась каменистѣе. Медузы, микроскопическія раковидныя морскія перышки, бросали слабые лучи фосфорическаго свѣта. Я видѣлъ груды камнейевъ, покрытыхъ миліонами зоофитовъ и водорослей.

Ноги мои часто скользили по липкому ковру водорослей и безъ желѣзной палки я бы очень часто падалъ. Оборачиваясь, я все еще видѣлъ бѣловатый свѣтъ отъ фонаря съ „Наутилуса“, который начиналъ уже блѣднѣть вдали. Эти каменистыя скопленія, о которыхъ я только что говорилъ, были расположены съ нѣкоторою правильностію, которой я не могъ себѣ объяснить. Я примѣтилъ гигантскія борозды, теравшіяся въ дальней темнотѣ;

представлялись также и другія особенности, которыхъ я не могъ понять. Мнѣ казалось, что мои тяжелыя свинцовыя подошвы раздавливали подстилку изъ костей, которые трещали съ сухимъ шумомъ. Что за огромную равнину мы проходили!

Я хотѣлъ спросить капитана, но разговоръ знаками, который онъ употреблялъ со своими товарищами во время подводныхъ прогулокъ, для меня былъ еще не совсѣмъ понятенъ.

Между тѣмъ красноватый свѣтъ, руководившій намъ въ пути, увеличивался и воспламенялъ горизонтъ. Этотъ свѣтъ наконецъ началъ сильно меня интриговать.

Приближался я къ феномену еще неизвѣстному ученымъ земля? Или это устроили руки человѣческія? Не люди ли поддерживали это пламя? Можетъ я встрѣчу въ этихъ подводныхъ глубинахъ товарищей, друзей капитана Немо, живущихъ, какъ и онъ, своеобразною жизнью, которыхъ капитанъ хотѣлъ навѣстить? Можетъ я встрѣчу тамъ цѣлую колонію изгнанниковъ, нашедшихъ независимость въ глубинѣ океана?

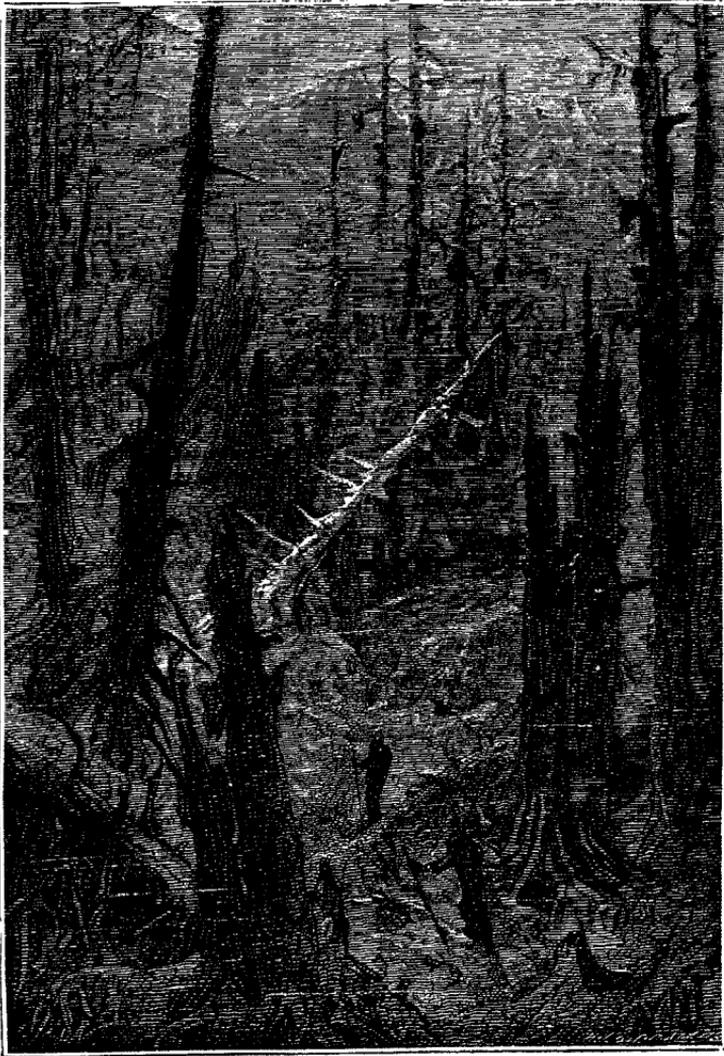
Всѣ эти безумныя мысли преслѣдовали меня и мало по малу я такъ замечтался, что все мнѣ казалось естественнымъ, возможнымъ, и повстрѣчай я тогда въ глубинѣ этого моря подводные города, о которыхъ когда-то поминалъ капитанъ Немо, я бы ни чуть не удивился.

Нашъ путь все болѣе и болѣе освѣщался. Вѣловатый свѣтъ истекалъ съ вершины горы, вышиною около восьмисотъ футовъ. Но то, что я видѣлъ, не свѣтъ, а только отраженіе свѣта въ слояхъ воды.

Самый очагъ этого необъяснимаго сіянія находился на противоположномъ склонѣ горы.

Посреди каменистаго лабиринта, который бороздилъ дно Атлантическаго Океана, капитанъ Немо шель безъ всякаго колебанія. Онъ зналъ эту темную дорогу. Безъ сомнѣнія, онъ часто по ней проходилъ и не могъ заблудиться. Я шель за нимъ съ непоколебимымъ довѣріемъ. Онъ мнѣ казался гениемъ морей и когда онъ шель передо мною, я любовался его высокой фигурой, рѣзко выдѣлявшейся на освѣщенномъ горизонтѣ.

Былъ уже часъ утра: мы подошли къ первымъ склонамъ горъ, но чтобы приблизиться къ нимъ, надо было пройти по чуть замѣтной тропинкѣ, среди громадной чащи.

Деревья отъ дѣйствія воды окаменѣли и стояли безъ листьевъ.

То была мертвая чаща.

Деревья от дѣйствія воды окаменѣли и стояли безъ листьевъ, безъ соковъ; тамъ и возвышались между ними гигантскія ели.

Это была какая-то каменно-угольная копь, но копь не раздребезженная, а совершенно цѣльная; она еще держалась за почву корнями и все вѣтви и суки вырѣзывались на ясномъ лонѣ водъ, какъ узорныя вырѣзки изъ черной бумаги. Представьте себѣ лѣсъ Гартцъ, но лѣсъ потопленный. Тропинки были завалены водорослями, между которыми двигался цѣлый раковидный мѣрь; я взбирался на утесъ, шагая чрезъ стволы, разрывая морскія лѣаны, качавшіяся между деревьями, разгоняя рыбъ, летавшихъ съ вѣтки на вѣтку.

Я не чувствовалъ усталости и шелъ за своимъ вожатымъ.

Какое зрѣлище! Какъ передать его? Какъ нарисовать видъ этого подводнаго лѣса и этихъ подводныхъ скалъ, темныя подошвы, крутые уступы, вершины, окрашенныя пурпуровымъ цвѣтомъ? И слѣва, и справа перекрещивались мрачныя галлерей, въ которыхъ терялся взоръ. Иногда вдругъ открывались огромныя лужайки, какъ будто расчищенныя рукою человѣка, и я думалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ покажется какой нибудь подводный житель.

— Капитанъ все шелъ вверхъ; я не хотѣлъ отставать и бодро слѣдовалъ за нимъ. Моя палка оказывала мнѣ большія услуги. Ложный шагъ могъ быть весьма опасенъ по этимъ узкимъ проходамъ, по краямъ пропасти; но я шелъ твердо, не чувствуя головокруженія. То я перескакивалъ расщелины, то переходилъ по стволамъ, переброшеннымъ черезъ пропасти, — стволы эти гнулись подо мной, бездны сіяли кругомъ, но я не глядѣлъ подъ ноги и нисколько не трусилъ.

— Будь все это на землѣ, думалъ я, Пьеръ Аронаксъ не былъ бы такимъ храбрецомъ!

Гигантскія утесы склопались на бокъ, казалось, готовы были рухнуть, но вопреки закону равновѣсія держались. Между ихъ расщелинами росли деревья поддерживая тѣхъ, кто поддерживалъ ихъ; громадныя скалы висѣли, но не падали! Я, не смотря на тяжелую одежду, на металлическую голову и свинцовыя подошвы,

не чувствовалъ тяжести и поднялся на отлогость съ легкостью верблюда.

Мой рассказъ объ этой подводной экскурсіи долженъ казаться неправдоподобнымъ. А между тѣмъ я вѣдь не брежу, а передаю то, что видѣлъ собственными глазами.

Черезъ два часа мы достигли линіи деревъ; въ ста футахъ надъ нашими головами возвышались пики горъ, и очертанія ихъ бросали тѣнь на противоположные склоны. Кое гдѣ проглядывали окаменѣлые кустарники; рыбы поднимались изъ подъ нашихъ ногъ, какъ птицы, застигнутыя въ высокой травѣ. Повсюду непроходимыя извилины, глубокія пещеры, бездонныя щели.

Кровь застывала у меня въ жилахъ когда загоразивалъ мнѣ дорогу громадный рогъ или усъ, или когда какая нибудь страшная клешня съ шумомъ стягивалась въ глубинѣ темныхъ гротовъ. Тысячи свѣтящихся точекъ блестяли въ полумракѣ, — то были глаза гигантскихъ ракообразныхъ, которыя жались по норамъ, исполинскихъ гомаровъ, которые поднимались, какъ алембардчики и, пошевеливая клешнями, производили не то шумъ, не то визгъ — точно гдѣ отодвигали желѣзные засовы, исполинскихъ крабовъ, которые стояли какъ пушки на лафетахъ и страшныхъ осьминоговъ, которые выставляли свои щупалы, точно какой нибудь кустарникъ живыхъ змѣй.

Я не могъ долго останавливаться; капитанъ Немо, привыкшій ко всѣмъ этимъ ужасамъ и чудесамъ, шелъ впередъ.

Мы пришли такимъ образомъ къ первой площадкѣ, гдѣ меня ожидали новые сюрризы.

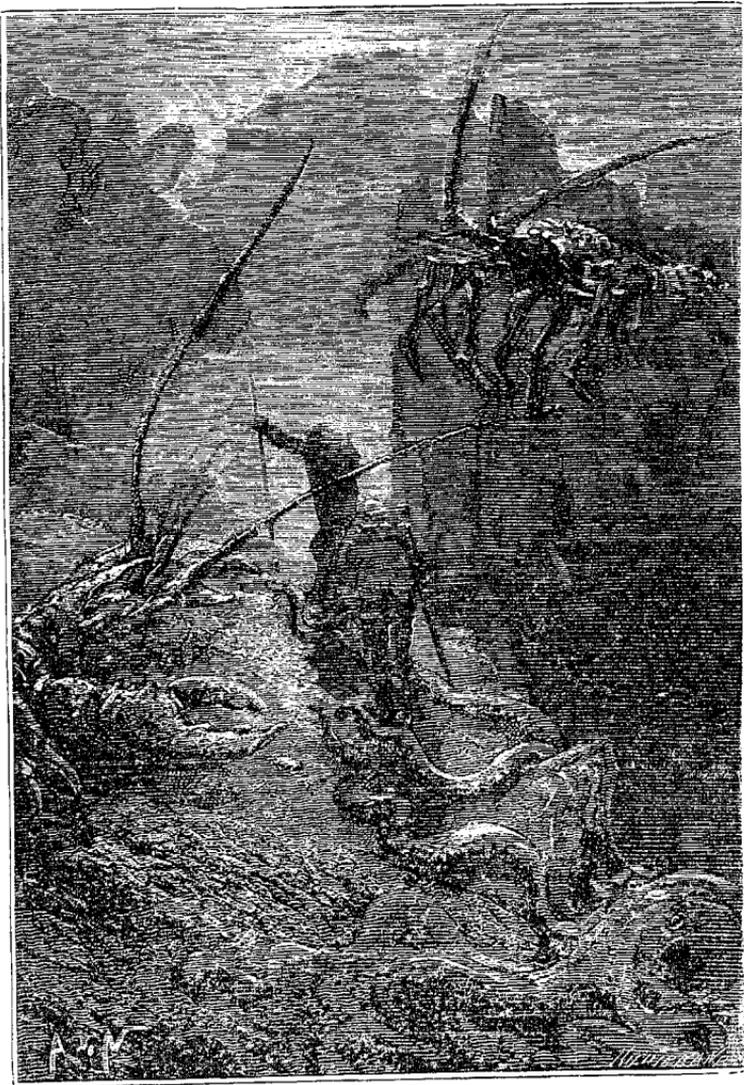
Тутъ мнѣ представились живописныя развалины, которыя обнаруживали работу человѣка, а не природы. Можно было еще распознать неопредѣленныя формы замковъ, храмовъ, покрытыхъ цвѣточнымъ зоофитовымъ міромъ и обвитыхъ вмѣсто плюща водорослями.

Какая это часть земнаго шара поглощена наводненіемъ? Гдѣ я?

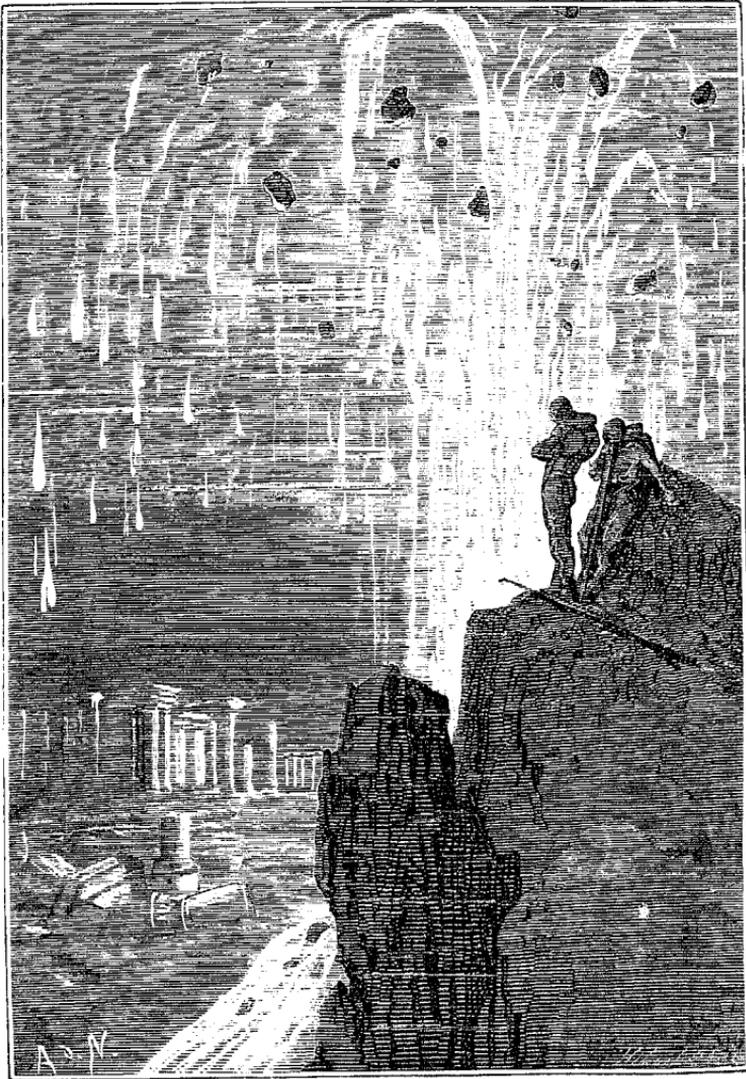
Я догналъ капитана Немо, схватилъ его за руку и остановилъ; но онъ указалъ мнѣ на вершину горы, какъ бы желая сказать:

— Иди! еще иди! все иди!

И, освободивъ свою руку, снова пошелъ далѣе.

Иногда громадный рогъ или усъ заграживали мнѣ дорогу.

Атлантида.

Я послѣдовалъ за нимъ; черезъ нѣсколько минутъ мы взо-
брались на пикъ, который возвышался на десять метровъ надъ
всей каменистой массой.

Я посмотрѣлъ въ эту сторону, откуда мы только что при-
шли: гора возвышалась надъ равниною футовъ на семьсотъ или
на восемьсотъ, но противоположной ея склонъ былъ вдвое выше.
Передъ моими глазами разстлалось огромное пространство, оза-
ренное яркимъ свѣтомъ.

То былъ вулканъ.

На пятидесяти футахъ ниже пика, среди дождя камней и
выгарокъ, — широкой кратеръ извергалъ ручьи лавы, которые
разсыпались огненнымъ каскадомъ въ среду водной массы. Вул-
канъ представлялъ какъ бы огромный факелъ, освѣщавшій на-
ружную равнину до послѣдней границы горизонта.

Я сказалъ, что подводный кратеръ выбрасывалъ лаву, а не
пламя; для пламени нуженъ кислородъ воздуха, а онъ не могъ
находиться подъ водою, но потоки лавы могутъ раскалиться до
бѣла и, соприкасаясь съ водою, превращаются въ пары. Бы-
стрыя теченія увлекали всѣ эти газы, и ручьи лавы текли до
подшвы горы, какъ изверженія Везувія Torre del Greco.

Передъ нашими глазами являлся разрушенный, исковеркан-
ный, низвергнутый и истребленный городъ; вотъ обрушившіяся
кровли, поверженные храмы, разбитыя своды, лежація на землѣ
колонны, вотъ нѣсколько гигантскихъ остатковъ водопроводовъ;
вотъ слѣды набережной; вотъ длинныя линіи обрушившихся стѣнъ,
широкія пустынные улицы, — однимъ словомъ цѣлая Помпея, за-
рытая подъ водою, которую капитанъ Немо воскрешалъ передъ
моими глазами.

Гдѣ я? Гдѣ я?

Я хотѣлъ знать, хотѣлъ сорвать мѣдный шаръ съ головы, —
но капитанъ Немо подошелъ, остановилъ меня и далъ знакъ по-
дождать. Затѣмъ онъ поднялъ кусокъ мѣловаго камня, прибли-
зился къ базальтовой черной скалѣ и начертилъ это слово:

Атлантида.

Я едва устоялъ на ногахъ отъ волненія.

Атлантида!

Этотъ исчезнувшій континентъ, который отрицали Оригенъ,
Порфирій, Жамбликъ, д'Анвиль, Мальтъ-Брюнъ, Гумбольдтъ, счи-

тая его исчезновеніе за сказку, который признавали Посидоніусъ Плиній Амміенъ-Марселлинъ, Тертюліенъ, Энгель, Сереръ Турнефортъ, Бюффонъ, д'Авезакъ, — теперь былъ передъ моими глазами, представляя еще неопровержимые слѣды катастрофы! Вотъ эта поглощенная область, которая когда-то лежала между Европою, Азіею и Либіею, по ту сторону Геркулесовыхъ столбовъ! Вотъ гдѣ жило сильное племя Атлантовъ, съ которыми греки вели свои первые войны!

Историкъ, который разсказалъ о великихъ подвигахъ этихъ героическихъ временъ, это Платонъ. Его повѣствованіе о Тимеѣ и Критіасѣ написано, такъ сказать, подъ вліяніемъ Солона — поэта и законодателя.

Однажды Солонъ бесѣдовалъ съ нѣсколькими учеными старцами Саиса, города имѣвшаго уже около восьми столѣтій, о чемъ свидѣтельствовали и его лѣтописи, высѣченныя на священныхъ стѣнахъ храмовъ. Одинъ изъ этихъ старцевъ разсказалъ исторію одного города, который былъ древнѣе Саиса на тысячу лѣтъ. Этому первому Афинскому городу было уже девятьсотъ столѣтій, на него напали Атланты и частію его разрушили. Эти Атланты, говорилъ старецъ, занимали огромный материкъ, болѣе чѣмъ Африка и Азія вмѣстѣ, который простирался съ 12° широты до 40° сѣвера. Владѣнія ихъ простирались даже до Египта. Они хотѣли распространить свое господство и надъ Греціею, но должны были отступить предъ неукротимыми эллинами. Прошли вѣка. Настали землетрясенія, наводненія. Въ одни сутки Атлантиды были уничтожены. Только самыя высокія вершины: Мадера, Азорскіе и Канарскіе острова, и острова Зеленаго мыса еще и теперь видны.

Я все это вспомнилъ при видѣ надписи капитана Немо. И такъ я попиралъ ногами горы этого континента!

Я дотрогивался рукою до этихъ развалинъ, современныхъ геологическимъ эпохамъ! Я шелъ по тому же мѣсту, по которому ходили современники перваго человѣка! Я давилъ тяжелыми подошвами скелеты животныхъ баснословныхъ временъ, которыхъ осѣняли когда-то своей тѣнью деревья, теперь превращенныя въ руды!

Ахъ! Я не могъ здѣсь походить, посмотрѣть, какъ хотѣлось! Ахъ, съ какой радостью я спустился бы съ крутой отлогости

этой горы, прошелъ весь этотъ огромный материкъ, который безсомнѣнія соединялъ Африку съ Америкой и посѣтилъ эти допотопные города! Тамъ, можетъ быть, моимъ глазамъ представилась бы воинственная Макимоса, благочестивая Эзеба, гдѣ обитатели жили цѣлыя вѣка и обладали такою силой, что могли сложить въ груды эти скалы! Когда нибудь, можетъ статься, силою изверженія снова подниметъ на поверхность волны эти поглощенные развалины! Въ этой части океана множество подводныхъ вулкановъ; многія суда, проходя по этимъ волнующимся глубинамъ ощущали сильное сотрясеніе. Одни слышали глухой шумъ, другіе видѣли вулканическій пепель, выбрасываемый со дна моря. Вся почва, до самаго экватора, коробится еще отъ дѣйствія плутоническихъ силъ. И кто знаетъ, когда нибудь, не скоро разумѣтся, вулканическія изверженія и накопляющіеся слои лавы снова образуютъ можетъ быть вершины огнедышащихъ горъ на поверхности Атлантическаго океана!

Пока я мечталъ такимъ образомъ и старался запомнить хорошенько все, что видѣлъ капитанъ Немо, облокотясь на памятникъ, поросшій мхомъ, стоялъ неподвижно какъ бы окаменѣвъ отъ нѣмага восторга.

Онъ, вѣроятно, думалъ объ исчезнувшемъ поколѣніи и искалъ въ немъ тайны человеческой судьбы?

Чего бы не далъ я за то, чтобъ узнать его мысли, раздѣлить ихъ съ нимъ и понять ихъ!

Мы оставались на этомъ мѣстѣ цѣлыя часы, созерцая огромную раковину при блескѣ лавы; временами блескъ этотъ становился чрезвычайно силенъ.

Отъ внутренняго клокотанья по корѣ горы пробѣгала дрожь; ее словно подергивало. Глухой шумъ волкана отдавался какъ-то особенно въ жидкой средѣ.

Въ это время, сквозь массу воды, на минуту пронизалось нѣсколько блѣдныхъ лунныхъ лучей. Лучи эти освѣтили поглощенный континентъ. Что это было за зрѣлище! Капитанъ всталъ, бросилъ послѣдній взглядъ на огромную равнину и подалъ мнѣ знакъ за нимъ слѣдовать.

Мы быстро сошли съ горы. Миновавъ лѣсъ, я примѣтилъ фонарь „Наутилуса“, который блестѣлъ какъ звѣзда; капитанъ прямо пошелъ къ нему и мы достигли судна въ то самое время,

когда первая бѣловатая полоса разсвѣта показалась на поверхности океана.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ПОДВОДНЫЯ КАМЕННОУГОЛЬНЫЯ КОПИ.

На другой день, 20 февраля, я проснулся очень поздно. Ночная усталость продлила мой сонъ до одиннадцати часовъ. Я скоро одѣлся и поспѣшилъ узнать направленіе „Наутилуса“. Инструменты показали мнѣ, что онъ плылъ все на югъ, со скоростію двадцати миль въ часъ, на глубинѣ ста метровъ.

Явился Консейль.

Я рассказалъ ему о вчерашней ночной прогулкѣ, и такъ какъ флоренки были открыты, то онъ могъ увидѣть часть затопленнаго материка.

„Наутилусъ“ плылъ всего въ десяти метрахъ надъ равниною Атлантиды. Онъ былъ похожъ на воздушный шаръ, который вѣтеръ несетъ надъ земными лугами, или, вѣрнѣе сказать, мы сидѣли въ корабельной залѣ, какъ въ почтовомъ вагонѣ желѣзной дороги.

Первые очерки, что мы увидали, это скалы фантастической формы, лѣса деревьевъ, переходящихъ изъ царства растительнаго въ царство животное, ихъ неподвижные силуэты дрожали и искажались подъ струистыми волнами, каменистыя массы, которыя прятались подъ коврами морскихъ анемоновъ и были устѣяны длинными вертикальными гидрофитами, осколки лавы, странно искривленные, которые свидѣтельствовали о непомѣрной вулканической силѣ.

Пока все это блестяло при электрическомъ свѣтѣ „Наутилуса“, я рассказывалъ Консейлю исторію Атлантиды, которые такъ вдохновили Балби.

Я рассказывалъ ему о войнахъ этихъ героическихъ племенъ, объ Атлантическомъ вопросѣ, какъ человѣкъ, который уже не можетъ въ немъ болѣе сомнѣваться. Но Консейль мало слушалъ меня и его разсѣянность скоро объяснилась.

Множество рыбъ привлекли его вниманіе, а когда являлись рыбы, то Консейль обыкновенно погружался въ бездну классифи-

каціи и уносился за предѣлы дѣйствительнаго міра; мнѣ поэтому ничего болѣе не оставалось, какъ послѣдовать его примѣру и заняться съ нимъ ихтиологическою наукою.

Впрочемъ, эти рыбы Атлантическаго океана не слишкомъ рѣзко отличались отъ тѣхъ, которыхъ мы уже до сихъ поръ видѣли. Это были скаты, гиганты шириною въ пять метровъ, одаренные большою силою мускуловъ, что позволяло имъ выбрасываться надъ поверхностью волнъ; различныхъ родовъ акулы, между прочими бирюзовая акула, въ пятнадцать футовъ длины, съ острыми трехъугольными зубами и до такой степени прозрачными, что они почти незамѣтны были среди водъ; коричневые иглоспинники, центрины или толстяки, облеченныя въ бородавчатую кожу, осетры, похожія на осетровъ Средиземнаго моря, иглицы, длиною въ полтора фута, желтокоричневыя, снабженныя маленькими сѣрыми плавниками, безъ зубовъ и безъ языка, которыя извиваются какъ змѣи.

Между костистыми рыбами, Консейль замѣтилъ черноватыхъ маркеловъ длиною въ три метра, съ острымъ мечомъ на верхнихъ челюстяхъ, ярковѣтныхъ трахинъ, или нетровыхъ рыбъ, извѣстныхъ во времена Аристотеля подъ именемъ драконовъ, у которыхъ такія спинныя колючки, что прикасаться къ нимъ очень опасно; корифены, у которыхъ коричневая съ голубыми полосками спина; маленькіе голубые скаты; златики, которые отличали серебромъ и лазурью, наконецъ щитоносы длиною въ восемь метровъ, плаваюція группами, у которыхъ плавники желтые въ видѣ серповъ и длинные мечи въ шесть футовъ, неустрашимыя животныя, скорѣе травоядныя, нежели рыбадыныя, — которыя повинувались малѣйшему знаку своихъ самокъ, какъ хорошо вышколенные мужья.

Но наблюдая различныя образки морской фауны, я не переставалъ разсматривать и длинныя равнины Атлантиды. Иногда „Наутилусъ“ замедлялъ свой ходъ и скользилъ, съ ловкостью китообразнаго, по узкимъ ходамъ между вершинами холмовъ. Случалось этотъ лабиринтъ такъ запутывался, что дѣлался непроходимымъ и тогда подводный снарядъ подымался, какъ аэростатъ перелеталъ препятствіе, и снова плылъ на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ надъ дномъ. Это удивительное и прелестное

плаваніе — напоминало воздушное, съ тою только разницею, что „Наутилусъ“ повиновался рукъ рулевого.

Около четырехъ часовъ вечера, почва, главнымъ образомъ состоящая изъ густаго ила, перемѣшаннаго съ минерализованными вѣтками, мало по малу измѣнилась; она сдѣлалась каменистѣе, казалась усѣянною конгломератами, базальтовыми туфами. Я думалъ, что горы скоро заступятъ длинныя равнины; въ самомъ дѣлѣ, благодаря нѣкоторымъ эволюціямъ „Наутилуса“, я примѣтилъ меридіональный горизонтъ, загороженный высокою стѣной, которая, казалось, закрывала всѣ выходы. Ея вершина очевидно была выше уровня океана. Это должно быть былъ материкъ или по меньшей мѣрѣ островъ, — одинъ изъ Канарскихъ острововъ или острововъ Зеленаго мыса.

Пунктъ этотъ не означенъ на картѣ, — не означили, можетъ стать, умышленно, и я не зналъ гдѣ именно мы находимся.

Во всякомъ случаѣ, подобная стѣна казалась мнѣ концемъ этой Атлантиды, которой мы прошли только весьма малую часть.

Ночь не прервала моихъ наблюденій. Я остался одинъ; Консейль ушелъ въ свою каюту. „Наутилусъ“ уменьшилъ ходъ; онъ плылъ или лучше сказать, вился надъ неясно-обозначавшимися массами, то чуть не касался почвы, какъ будто собирался сѣсть, то всплывалъ на поверхность волнъ. Сквозь кристаллыя водныя массы я увидалъ нѣсколько созвѣздій, — именно пять или шесть изъ зодіакальныхъ звѣздъ, которыя составляютъ хвостъ Оріона.

Долго еще я оставался у подоконника, любуясь красотою моря и неба, пока не закрылись филенки.

Въ это время „Наутилусъ“ приблизился къ отвѣсу высокой стѣны. Какіе тутъ маневры пускалъ въ ходъ капитанъ Немо, я не знаю. Я отправился въ свою комнату. „Наутилусъ“ не шевелился. Я легъ съ твердымъ намѣреніемъ проспать нѣсколько часовъ.

На другой день, когда я вошелъ въ залу, было восемь часовъ; я посмотрѣлъ на монотръ; монотръ показывалъ, что „Наутилусъ“ плылъ по поверхности океана. Я слышалъ шумъ шаговъ на платформѣ, но корабль стоялъ неподвижно, не было никакой качки, ничто не обнаруживало волненія струй.

Я поднялся до филенки, она была открыта. Но вмѣсто бѣлаго дня, который я ожидалъ увидать, я увидалъ, что окруженъ глубокою темнотою.

Гдѣ мы? Не ошибся ли я? Можетъ еще ночь? Нѣтъ! Ни одной звѣзды не блистать и ночью не бываетъ такой абсолютной тьмы.

Я не зналъ что думать, я терялся.

Вдругъ около меня раздался голосъ:

— Это вы г. профессоръ?

— А! капитанъ Немо! вскрикнулъ я.

— Гдѣ мы?

— Подъ землею, г. профессоръ.

— Подъ землею! вскрикнулъ я. И „Наутилусъ“ все плыветь?

— Онъ всегда плыветь.

— Но я не понимаю!...

— погодите нѣсколько минутъ. Сейчасъ засвѣтятъ намъ фонарь и если вы лучше любите свѣтъ, чѣмъ темноту, то вы будете удовлетворены.

Я взошелъ на платформу и сталъ ждать. Тьма была такая, что я даже не примѣтилъ капитана Немо; а между тѣмъ у себя надъ головою, я примѣчалъ какой то свѣтъ, или лучше сказать полусвѣтъ, который казалось падалъ изъ круглой щели.

Въ эту минуту зажгли фонарь и меня, такъ сказать, обдало яркимъ сіяніемъ.

Я на секунду закрылъ глаза, ослѣпленные этимъ электрическимъ свѣтомъ.

„Наутилусъ“ стоялъ неподвижно, около крутого берега, расположеннаго какъ набережная. Море преобразалось здѣсь въ озеро, заключенное въ стѣнахъ, которыя имѣли двѣ мили въ диаметрѣ или шесть миль въ окружности. Эти высокія стѣны, склонялись и образовывали что то въ родѣ свода съ круглымъ отверстіемъ. Изъ этого отверстія и падалъ замѣченный мною полусвѣтъ, очевидно происходящій отъ дневнаго сіянія.

Прежде чѣмъ внимательнѣе изслѣдовать внутреннее положеніе этой огромной пещеры и дискусировать, была ли это работа природы или рукъ человѣческихъ, я подошелъ къ капитану Немо.

— Гдѣ мы? спросилъ я.

— Въ самой срединѣ потухшаго вулкана, отвѣчалъ мнѣ капитанъ; море вѣроятно вслѣдствіе какого нибудь землетрясенія, залило его. Пока вы спали г. профессоръ, „Наутилусъ“ проникъ въ эту лагуну чрезъ естественный каналъ, открытый на десять метровъ подъ поверхностью океана. Здѣсь то и есть наша остановочная пристань, вѣрная, удобная, таинственная, укрывающая и отъ худой погоды и отъ всѣхъ вѣтровъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, здѣсь вы въ безопасности, капитанъ. Кто можетъ найти васъ въ этомъ вулканическомъ центрѣ? Но въ его вершинѣ, я кажется примѣтилъ отверстіе?

— Да, его кратеръ, когда то наполненный лавой, парами и пламенемъ, теперь даетъ проходъ животворному воздуху, которымъ мы и дышемъ.

— Но что это за вулканическая гора? спросилъ я.

— Она принадлежитъ къ безчисленнымъ островкамъ, которыми усыяно это море. Для другихъ судовъ это просто подводный рифъ, а для насъ это огромная пещера. Мнѣ открылъ ее случай, чѣмъ оказалъ большую услугу.

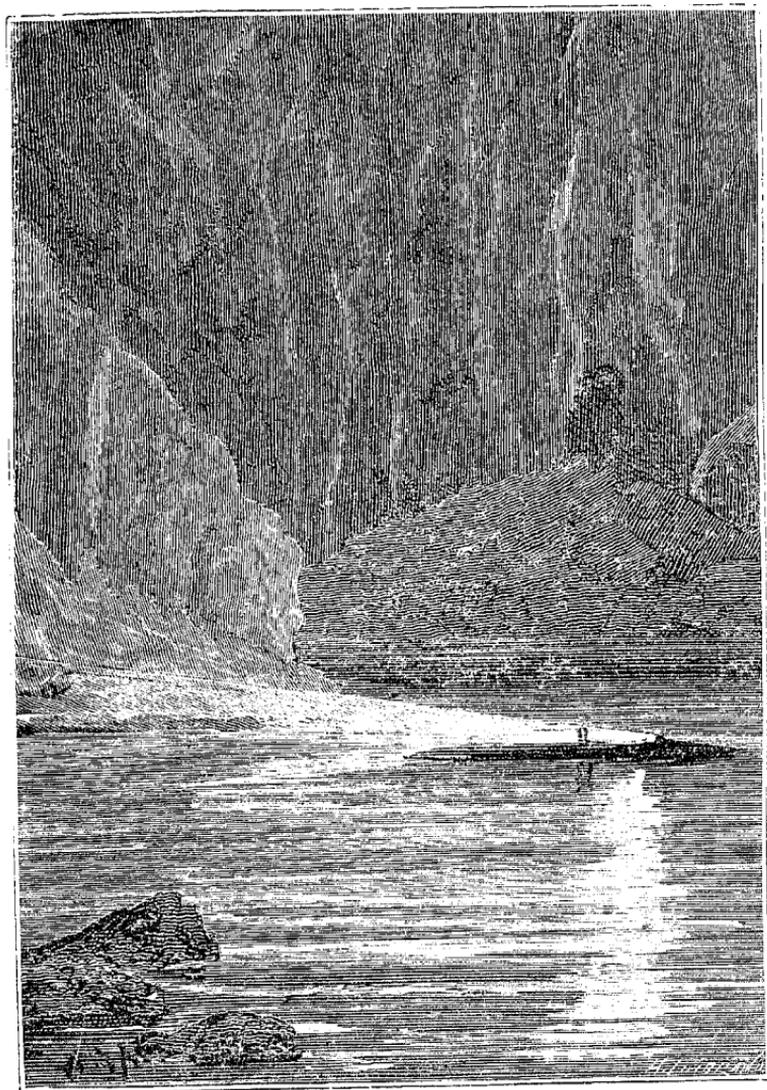
— А нельзя сойти чрезъ отверстіе, которое образуетъ кратеръ вулкана?

— Невозможно. Я даже не могу подняться выше. На глубинѣ ста метровъ, тутъ еще можно пробраться, а затѣмъ стѣны выдвигаются и путь невозможенъ.

— Я вижу, капитанъ, что природа всегда и повсюду служить вамъ. Въ этомъ озерѣ вы въ безопасности; никто, кромѣ васъ сюда не проникнетъ. Но къ чему вамъ это убѣжище? „Наутилусъ“ не нуждается въ гавани.

— Нѣтъ г. профессоръ, въ гавани не нуждается, но нуждается въ электричествѣ для своего плаванія; а чтобы добыть электричество нужны элементы, которые необходимо снабдить содіемъ; а чтобы добыть содій нуженъ уголь, а для добыванія угля нужны каменноугольныя копи. Здѣсь море скрываетъ цѣлыя лѣса, потопленныя въ геологическія времена; они теперь минерализованы, превращены въ каменный уголь и служатъ мнѣ неисчерпаемыми минами.

— Ваши люди, значить, исправляютъ должность рудокоповъ, капитанъ?

Здѣсь была пристань «Наутилусъ».

— Именно. Эти мины простираются подь водою, какъ и каменноугольныя копи Нью-Кестля. Здѣсь то, одѣтые въ пробковыя фуфайки, съ пиками и заступами въ рукахъ, мои люди добываютъ каменный уголь, который я не долженъ выпрашивать у земли. Когда я зажигаю горючее вещество для добыванія содія, дымъ вырывается изъ кратера этой горы и придаетъ ей видъ еще дѣйствующаго вулкана.

— И мы увидимъ вашихъ товарищей на этой работѣ?

— Нѣтъ; по крайней мѣрѣ на этотъ разъ нѣтъ, потому что я долженъ продолжать кругосвѣтное путешествіе... Я удовольствуюсь тѣмъ содіемъ, который имѣю въ запасѣ. Мы будемъ нагружаться только одинъ день, а затѣмъ опять поплывемъ. Если вы хотите осмотрѣть эту пещеру и обойти лагуну, то воспользуйтесь сегодняшнимъ днемъ, г. Аронаксъ.

Я поблагодарилъ капитана и пошелъ искать своихъ товарищей, которые еще не выходили изъ каюты.

Я пригласилъ ихъ съ собою, не объясняя гдѣ мы находимся.

Они вошли на платформу.

Консейль, который ничему не удивлялся, смотрѣлъ какъ на вещь очень естественную — заснуть подь волнами и проснуться подь горою. Недѣ Лендъ думалъ только о томъ, не имѣетъ ли эта пещера нѣсколькихъ выходовъ.

Послѣ завтра, около десяти часовъ, мы сошли на берегъ.

— Вотъ мы и еще разъ на землѣ! сказалъ Консейль.

— Я не называю этого на землѣ! замѣтилъ канадецъ: мы скорѣе подь землю, чѣмъ на землѣ!

Между подошвою горы и водами озера находился песочный берегъ, который въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣлъ до пятидесяти футовъ; по этому плоскому песчаному берегу можно было обойти вокругъ озера. У подошвы скалъ почва была усѣяна живописными грудями вулканическихъ осколковъ и огромными пензовыми каменьями. Все это отъ дѣйствія подземнаго огня покрылось словно лакомъ и сверкало при свѣтѣ электрическаго фонаря. Слюдистая пыль берега поднималась отъ нашихъ шаговъ и разлеталась, какъ облако искръ. Почва замѣтно возвышалась и мы скоро пришли къ извилистымъ покатоостямъ, по которымъ чрезвычайно трудно было подниматься.

Надо было идти осторожно посреди конгломератовъ и нога скользила на этихъ стеклянистыхъ трахитахъ, составленныхъ изъ кристаловъ, полевого шпата и кварца. Вулканическая природа этихъ огромныхъ пещеръ подтверждалось. Я замѣтилъ это моимъ товарищамъ.

— Представьте себѣ, сказалъ я имъ, что это такое, когда эта воронка наполняется кипящей лавой и когда уровень этой жидкости, раскаленной до бѣла, подымется до жерла горы, какъ расплавка до краевъ?

— Я, съ позволенія ихъ чести, себѣ это представляю очень хорошо, отвѣчалъ Консейль; только я вотъ не понимаю почему остановилась эта плавка и какъ это сдѣлалось, что горнило замѣнилось тихими водами, озеромъ?

— Очень вѣроятно, Консейль, что землетрясенія произвели подъ поверхностью океана это отверстіе, по которому прошелъ „Наутилусъ“. Тогда воды Атлантическаго океана вошли во внутрь горы; произошла страшная борьба между двумя стихіями, и дѣло окончилось въ пользу Нептуна. Но много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ и затопленный вулканъ преобразился въ тихій гротъ.

— Все это отлично! сказалъ Недъ Лендъ: только жаль, что это отверстіе, про которое вы говорите, не надъ уровнемъ моря!

— Но, другъ Недъ, отвѣчалъ Консейль, еслибъ этотъ проходъ былъ неподводный, то „Наутилусъ“ и не вошелъ бы въ него.

— А я прибавлю, метръ, Лендъ, что воды не прошли бы подъ гору и что вулканъ остался бы вулканомъ. И такъ ваши сожалѣнія напрасны.

Мы продолжали путь.

Покалосты все болѣе и болѣе суживались. Иногда ихъ перерѣзали глубокія рывтины, черезъ которыя надо было перескакивать. Приходилось обходить выдающіеся уступы; мы то скользили на волѣняхъ, то ползли на животѣ.

Но благодаря ловкости Консейля и силѣ канадца, всѣ препятствія были побѣждены. На высотѣ около тридцати метровъ почва измѣнилась; мѣсто конгломерата и траншита заступилъ черный базальтъ.

Между этими базальтами извивались длинные ручьи остыв-

шей лавы, покрытые смолистыми полосами; мѣстами стались широкіе сѣрые ковры. Свѣтъ, проходя сквозь наружный кратеръ, освѣщалъ всѣ вулканическія изверженія, погребенныя въ погасшей горѣ.

Достигнувъ высоты ста пятидесяти метровъ, мы были остановлены непредвидѣннымъ препятствіемъ.

Внутренній выгибъ дѣлался отвѣснѣе и прямое восхожденіе тано вилось невозможнымъ.

Въ этомъ мѣстѣ царство растительное начинало спорить съ царствомъ минераловъ. Нѣсколько кустарниковъ и даже нѣсколько деревьевъ показывались изъ извилинъ стѣны.

Я узналъ молочайникъ, который выпускалъ изъ себя ѣдкій сокъ.

Гелиотропы, вовсе не оправдывавшіе здѣсь своего названія, потому что солнечные лучи никогда не доходили до нихъ, печально склоняли свои цвѣточки. Тамъ и сямъ нѣсколько золотыхъ цвѣтовъ смиренно росли у подошвы алоя, съ длинными болѣзненными листьями. Но, между ручьями лавы, я примѣтилъ маленькія фіалки, еще испускавшія легкое благоуханіе.

Я, признаюсь, съ величайшимъ наслажденіемъ, повелъ носомъ.

Запахъ—это душа цвѣтка, а морскіе цвѣты, эти великолѣпные гидрофиты бездушны!

Мы пришли къ подножію букета роскошнаго драконоваго дерева, которое раздвигало утесы силою мускулистыхъ корней.

Вдругъ Недъ Лендъ вскрикнулъ:

— Ахъ, г. профессоръ! Улей!

— Улей! отвѣчалъ я, что это вы, Недъ, бредите?

— Улей! улей! повторилъ канадецъ, и вокругъ него пчелы жужжать!

Я подошелъ и долженъ былъ повѣрить очевидности.

Въ отверстіи выдолбленной дыры, въ драконовомъ деревѣ, ютилось нѣсколько тысячъ пчелъ. Пчелы вовсе не рѣдкость на Канарскихъ островахъ, и произведенія ихъ тамъ очень цѣнятся.

Совершенно понятно, что канадецъ пожелалъ застаться медомъ, въ чемъ я ему и не препятствовалъ.

Нѣсколько сухихъ листьевъ, смѣшанныхъ съ сѣрою, вспыхнули отъ искръ его огнива и онъ началъ выкуривать пчелъ.

Жужжаніе мало по малу прекратилось, улей опустѣлъ и до-

ставилъ намъ нѣсколько фунтовъ душистаго меду, которымъ Недъ Лендъ наполнилъ свою котомку.

— Я смѣшаю этотъ медъ съ тѣстомъ хлѣбоплода и угощу васъ такимъ пирогомъ, что просто объяденъ! сказалъ онъ.

— Это будетъ не пирогъ, сказала Консейль, а пряникъ!

— Пряникъ, такъ пряникъ, сказалъ я. Однако пойдете дальше.

Черезъ нѣсколько поворотовъ тропинки, озера показались во всей своей величинѣ. Электрическій фонарь освѣщаль тихую поверхность, на которой не было ни ряби, ни зыби. „Наутилусъ“ стоялъ неподвижно; на его платформѣ и на берегу двигались люди изъ экипажа; черныя тѣни ясно выдавались по среди освѣщенной атмосферы.

Мы обогнули самый высокій хребетъ первыхъ очерковъ горъ, которые поддерживали сводъ, — и я увидѣлъ что не однѣ пчелы были представителями животнаго царства во внутренности этого вулкана. Хищныя птицы парили, кружились, или вылетали изъ гнѣздъ, лѣжившихся на вершинахъ утесовъ.

То были голубятники съ бѣлымъ брюхомъ и крикливыя трещетки.

Предоставляю судить, какая алчность обуяла канадца при видѣ вкусной дичи и какъ онъ сокрушался, что съ нимъ нѣтъ ружья.

Онъ попробовалъ замѣнить свинець каменьями и послѣ многихъ бесполезныхъ попытокъ, — ранилъ великолѣпную драхву. Если сказать, что онъ двадцать разъ рисковалъ жизнью, чтобъ завладѣть ими, то это будетъ чистѣйшая правда, но онъ копчилъ все-таки тѣмъ, что присоединилъ животное къ меду въ котомку.

Мы должны были сойти къ берегу, потому что хребетъ становился непроходимъ. Надъ нашими головами сіяющій кратеръ казался широкимъ отверстіемъ колодца. Съ этого мѣста было видно небо; я даже видѣлъ какъ бѣжали беспорядочныя облака, которыя влачили по вершинамъ горъ свои туманные лоскутья. Облака эти держались на посредственной высотѣ, потому что вулканъ поднимался подъ уровнемъ Океана всего только на восемьсотъ футовъ.

Хищныя птицы парили и кружились.

Скорѣй! скорѣй! вода приливаетъ.

Полчаса спустя послѣ послѣдняго подвига канадца, мы достигли внутренняго берега.

Здѣсь представителями флоры явились широкія поляны морскаго укропа. Это мелкое зонтичное растенъице носить еще названіе сверлильной травы, и варенье изъ нея очень вкусно.

Консейль набралъ ее нѣсколько охапокъ.

Что же касается до фауны, то представителями ея явились тысячи раковидныхъ: морскіе раки, крабы, мизики, ¹⁾, креветы ²⁾, сѣнокосы, галатеи, и великое множество раковинъ, ужомокъ, багряннокъ и блюдечекъ.

Передъ нами открылся великолѣпный гротъ. Мы вошли туда и съ удовольствіемъ растянулись на его мягкомъ пескѣ. Огонь словно отполировалъ стѣны; онѣ такъ и сверкали.

Недѣ Лендъ ощупывалъ ихъ толщину и постукивалъ по нимъ; я не могъ удержаться отъ улыбки.

Разговоръ зашелъ тогда, по обыкновенію, о побѣгѣ; я счелъ позволительнымъ потѣшить его и объяснилъ, что капитанъ Немо зашелъ на югъ только для того, чтобъ возобновить запасъ содія, что теперь онъ, можетъ статься, приблизится къ берегамъ Европы и Америки, и что тогда удобнѣе будетъ исполнить задуманное.

Мы лежали въ этомъ прелестномъ гротѣ уже съ часъ; разговоръ сначала былъ очень оживленъ, но потомъ затихъ; насъ клонила дремота. Такъ какъ я не видѣлъ никакой причины противиться сну, то и прилегъ отдохнуть.

Мнѣ снилось, — вѣдь сновъ себѣ выбирать нельзя; что приснится, то и бери! — мнѣ снилось, что я превратился въ молюска, что этотъ гротъ, не гротъ, а моя двустворчатая келья...

Вдругъ меня разбудилъ голосъ Консейля.

— Скорѣй, скорѣй! кричалъ онъ.

— Что случилось? спросилъ я, приподнимаясь.

— Вода! вода! вода приливаетъ!

Я вскочилъ на ноги.

Море катилось въ наше убѣжище, какъ прорвавшійся потокъ.

— Скорѣй! скорѣй! кричали мы другъ другу.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были уже въ безопасности на вершинѣ грота.

1) Мизикъ (mysis) скорлупнякъ изъ семейства двойно-ногихъ раковъ.

2) Креветъ (palaemon) скорлупникъ изъ семейства гарпеловыхъ.

— Что это дѣлается? спросилъ Консейль: какой нибудь новый феноменъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, это приливъ, такой же приливъ, какой застигъ и героевъ Вальтера Скотта! Океанъ вздымается къ верху и по естественному закону равновѣсія уровень озера, также возвышается. Ну, мы отдѣлались ножной ванной! Теперь маршъ къ „Наутилусу“!

Черезъ три четверти часа, мы явились на корабль. Экипажъ уже оканчивалъ нагрузку запаснаго содія, и „Наутилусъ“ могъ съ минуты на минуту пуститься въ путь.

Но капитанъ Немо не отдавалъ никакого приказанія. Что онъ: хотѣлъ дожидаться ночи и выйти тайнымъ образомъ изъ этого подводнаго прохода?

Можетъ быть!

Какъ бы то ни было, на другой день „Наутилусъ“ оставилъ свою гавань и вышелъ въ открытое море, держась на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ водами Атлантическаго океана.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

САРГАССКОЕ МОРЕ.

Направленіе „Наутилуса“ не измѣнялось. Всякая надежда возвратиться въ Европейскія моря, — рушилась. Капитанъ Немо правилъ на югъ.

Куда онъ насъ мчалъ?

Я не смѣлъ и думать объ этомъ.

Въ этотъ день „Наутилусъ“ прошелъ по теплой полосѣ Атлантическаго океана.

Всякій знаетъ о существованіи большого теченія теплой воды, извѣстнаго подъ именемъ Гольфъ-Штрема. Выйдя изъ пролива Флориды, теченіе направляется къ Шпитцбергу. Но прежде чѣмъ войти въ Мексиканскій заливъ, около сорока четырехъ градусовъ сѣверной широты, теченіе раздѣляется на два рукава; одинъ главный рукавъ идетъ къ берегамъ Ирландіи и Норвегіи, а другой течетъ на югъ къ Азорскимъ островамъ, потомъ касается Африканскихъ береговъ, описываетъ удлиненный овалъ и возвращается къ Антильскимъ островамъ.

Этотъ второй рукавъ скорѣе похожъ на кольцо чѣмъ на рукавъ, и окружаетъ своею теплою водою ту холодную, спокойную и неподвижную часть океана, которую называютъ Саргасскимъ моремъ; это настоящее озеро посреди Атлантическаго океана; воды большаго теченія обходятъ его только въ три года.

Говоря опредѣленнѣе, Саргасское море покрываетъ всю потопленную Атлантиду. Нѣкоторые писатели даже признаютъ, что многочисленныя травы, которыми усыяно это море, оторваны отъ луговъ этого древняго материка. Но вѣроятнѣе всего эти травы и водоросли похищены съ береговъ Европы и Америки и увлечены до этого пояса теченіемъ Гольфъ-Штрема. Видъ пловучей зелени заставилъ Колумба подозрѣвать о существованіи Новаго свѣта. Когда суда смѣлаго мореплавателя вошли въ Саргасское море, то съ большимъ трудомъ могли пробираться посреди травъ, которыя задерживали ихъ ходъ, въ великому ужасу экипажа, и они бились цѣлыя три недѣли пока выплыли.

Такое было мѣсто, гдѣ находился теперь „Наутилусъ“, — настоящій лугъ, покрытый водорослями, ягодными папоротниками, морской зеленью, такъ густо, такъ плотно, что форъ-штевень судна съ трудомъ ихъ прорѣзывалъ.

Капитанъ Немо не хотѣлъ путать винта въ эту травяную массу и держался на глубинѣ нѣсколькихъ метровъ подъ поверхностію волнъ.

Названіе „Саргасскаго“ происходитъ отъ Испанскаго слова „sargazo“, что значить водоросль. Эти водоросли — пловучки и образуютъ, главнымъ образомъ, громадную Саргасскую мель. И вотъ почему, по замѣчанію Мори, автора „физической географіи земнаго шара“, эти гидрофиты соединяются въ тихомъ бассейнѣ Атлантическаго океана: „Если помѣстить въ сосудѣ соломенки или какія нибудь плавающія тѣла и водѣ этого сосуда сообщить круговое движеніе, то увидите, что разбросанныя соломенки соединятся группой въ центрѣ жидкой поверхности, т. е. въ пунктѣ меньшаго колебанія. Вообразите, что сосудъ — Атлантическій океанъ, круговое теченіе — Гольфъ-Штремъ, а центръ, гдѣ собираются плающія тѣла — Саргасское море“.

Я раздѣляю мнѣніе Мори и могъ изучить этотъ феноменъ въ специальной средѣ, куда суда рѣдко проникаютъ.

Надъ нами плавали всевозможныя тѣла, собранныя въ гру-

ду посреди темныхъ травъ: стволы деревъ, оторванные отъ Андозъ или скалистыхъ горъ и приплывшіе чрезъ рѣки — Амазонскую и Миссисипи, многочисленные морскіе выкиды, остатки килей или подводныя части кораблей, вырванныя обшивныя доски, до того отягощенные раковинами и уткородками, что не могли уже подняться на поверхность океана. X

Время оправдаетъ и другое мнѣніе Мори, что эти вещества, скопляемыя такимъ образомъ впродолженіи вѣковъ, превратятся въ руды отъ дѣйствія водъ и образуютъ тогда неистощимыя каменно-угольныя копи. Драгоценный запасъ, который предусмотрительная природа приготовляетъ къ тому времени, когда люди истощатъ мины материковъ.

Среди этой непроходимой путаницы травъ и водорослей, виднѣлись прелестныя якорепробки розоватаго цвѣта, актиніи съ длинными щупальцами, красныя, голубыя, зеленыя медузы, въ особенности корнерсты Кювье, синеватый дискъ которыхъ окаймлень былъ фіолетовыми зубенками.

Весь этотъ день, 22 февраля, мы провели въ Саргасскомъ морѣ, гдѣ рыбы, большія охотницы до ракообразныхъ и до морскихъ растений, находятъ себѣ обильную пищу. На другой день океанъ принялъ свой обычный видъ.

Съ этой минуты, т. е. съ 23 февраля по 12 марта, въ теченіи 19-ти дней „Наутилусъ“, держась середины Атлантическаго океана, несъ насъ съ равномерной скоростью, доходившей до ста лье въ сутки. Очевидно, капитанъ Немо задалъ себѣ цѣлью въ точности исполнить предначертанную программу; я былъ убѣжденъ, что онъ намѣренъ объѣхавъ мысъ Горнъ, возвратиться къ австралійскимъ морямъ Тихаго океана.

Опасенія Неда Ленда были основательны. Здѣсь, въ открытомъ морѣ, совершенно лишенномъ острововъ, нечего было и думать о бѣгствѣ; осталось лишь одно: повориться своей участ

Однако у меня была слабая надежда подѣйствовать силою убѣжденія тамъ, гдѣ хитрость и сопротивленіе ни къ чему не вели. Не согласится ли капитанъ Немо, по окончаніи путешествія, освободить насъ, взявъ клятву никому не говорить о его существованіи?

Приступить къ этому нужно былъ очень осторожно; надо было искусно воспользоваться благоприятной минутой, такъ какъ

Капитанъ играе съ большимъ чувствомъ.

капитанъ въ самомъ началѣ формально объявилъ, что тайна его требовала нашего вѣчнаго заточенія на „Наутилусъ“. Теперь, вѣроятно, онъ былъ увѣренъ, что мое четырехмѣсячное молчаніе было слѣдствіемъ того, что я совершенно покорился своей участи. Поднять этотъ вопросъ теперь, значило бы возбудить его опасенія, а это могло сильно повредить осуществленію нашего предпріятія. Все это я зрѣло обсудилъ и сообщилъ результаты своихъ соображеній Консейлю, который былъ встревоженъ не менѣе меня. Въ концѣ концовъ намъ приходилось терять всякую надежду когда либо увидѣть себѣ подобныхъ людей и эта мысль, несмотря на то, что я не легко поддавался унынію, приводила меня въ содроганіе, особенно теперь, когда капитанъ Немо бѣшено летѣлъ къ южной части Атлантическаго океана!

Въ теченіи девятнадцати-дневнаго путешествія съ нами не случилось ничего особенно замѣчательнаго. Капитанъ рѣдко показывался; онъ повидимому занимался въ библіотекѣ: мнѣ попадались на глаза раскрытыя книги, преимущественно по части естественной исторіи. Мои сочиненія о „тайнахъ морскихъ безднъ“ были испещрены замѣтками, написанными на поляхъ его рукой; иногда эти замѣтки противорѣчили моей теоріи и моей системѣ. Капитанъ очень рѣдко входилъ со мною въ пренія по этому предмету и довольствовался бѣглою критикой. По временамъ раздавались звуки его органа, на которомъ онъ игралъ съ большимъ чувствомъ; но это происходило большею частью по ночамъ среди таинственнаго мрака, когда „Наутилусъ“ успокоивался въ пустыняхъ океана.

Большую часть этого путешествія мы совершали на поверхности водъ. Море было пустынно; изрѣдка виднѣлись парусные корабли, направившіеся къ Мысу Доброй Надежды.

Однажды насъ преслѣдовало китоловное судно, вѣроятно принявшее „Наутилуса“ за громаднаго кита. Капитанъ, для того чтобъ охотники не теряли даромъ времени и не льстили себя пустой надеждой, разомъ прекратилъ эту охоту, вырнувъ мгновенно въ глубь. Этотъ случай сильно заинтересовалъ Неда Ленда: онъ навѣрное сожалѣлъ, что китоловы не разбили баграми въ дребезги нашъ желѣзный, китообразный корабль.

Рыбы, которыхъ я и Консейль видѣли здѣсь, мало различались отъ встрѣченныхъ нами въ другихъ широтахъ. Самый за-

мѣчательный образецъ изъ страшнаго отряда хрящевыхъ, подраздѣляющихся на три отдѣла и заключающихъ въ себѣ менѣе тридцати двухъ семействъ, это полосатая акула, длиною въ пять метровъ съ округленными брюшными плавниками; по спинѣ ея проходятъ шесть длинныхъ черныхъ параллельно расположенныхъ продольныхъ полосъ; затѣмъ акула — перлонъ, пепельно сѣраго цвѣта, съ семью водометами, снабженная однимъ спиннымъ плавникомъ, находящимся на самой срединѣ туловища.

Попадались также такъ называемыя морскія собаки, самыя прожорливыя изъ всѣхъ. Нельзя конечно вполнѣ довѣрять рассказамъ рыболововъ, однако они рассказываютъ будто въ желудкѣ этого животнаго нашли однажды голову буйвола и цѣлаго быка, въ другомъ — матроса въ мундирѣ, въ третьемъ — вооруженнаго солдата, въ четвертомъ, наконецъ, всадника съ лошадыю. Я не могъ провѣрить до какой степени велика ихъ прожорливость, ибо ни одной акулы не попалось въ сѣти „Наутилуса“.

За нами по цѣлымъ днямъ гнались цѣлыя стаи дельфиновъ, всегда по пяти, по шести вмѣстѣ. Они въ прожорливости неуступаютъ акуламъ, особенно если вѣрить Копенгагенскому профессору, который будто бы нашелъ въ желудкѣ дельфина тринадцать морскихъ свинокъ и пятнадцать тюленей. Правда, что дельфинъ этотъ принадлежалъ къ семейству касатковыхъ, величайшему изъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ породъ, величина которыхъ доходитъ до двадцати четырехъ футовъ. Это семейство заключаетъ въ себѣ около десяти родовъ; встрѣченные нами здѣсь, принадлежали къ разряду, отличающемуся необыкновенно длиною и узкою мордою, иногда въ четыре раза длиннѣе черепа. Тѣло у нихъ длиною въ три метра; спина черна, а брюхо розоватобѣлое, изрѣдка испещренное маленькими пятнышками.

Упомяну еще о видѣнныхъ мною здѣсь замѣчательныхъ экземплярахъ рыбъ изъ разряда колючеперыхъ, принадлежащихъ къ семейству умбрицовыхъ. Нѣкоторые писатели, придерживающиеся скорѣе поэзіи, чѣмъ естествознанію, утверждаютъ, что эти рыбы обладаютъ мелодическимъ органомъ голоса и задаютъ концерты не въ примѣръ лучше людскихъ. Не смѣю положительно отрицать этого, но скажу только, что въ продолженіе нашего путешествія онѣ несоблаговолили задать намъ серенады.

Кромѣ того, Консейль распредѣлил по разрядамъ всѣхъ летучихъ рыбъ, которыя намъ встрѣтились здѣсь. Очень любопытно было наблюдать съ какою ловкостью дельфины за ними охотились. Какъ бы высоко ни подымалась несчастная рыбка, какія бы зигзаги она ни выдѣлывала въ воздухѣ, всюду ее ожидала открытая пасть дельфина. Когда эти летучки съ свѣтящимися ртами, во время ночи поднимаются на воздухъ, и, сверкнувъ, снова погружаются въ воду, онѣ напоминаютъ падающія звѣзды.

Наше путешествіе продолжалось до 13-го марта безъ особенныхъ приключеній. Весь день 13 числа былъ употребленъ на зондировку, что живо меня заинтересовало.

Мы проѣхали около тринадцати тысячъ миль по верхнимъ частямъ Тихаго Океана, между 45° и 37° ю. ш. и 37° и 53° S. долготы. На этомъ пространствѣ капитанъ „Геральда“ Денгамъ опускалъ зондъ въ четырнадцать тысячъ метровъ длины и все-таки не досталъ дна, а лейтенантъ Паркеръ съ американскаго фрегата „Конгрессъ“, также безуспѣшно погружалъ его въ пятнадцать тысячъ метровъ.

Капитанъ Немо порѣшилъ спустить „Наутилусъ“ въ самую глубь съ цѣлью провѣрить эти два измѣренія. Я приготовился записывать результаты этого опыта.

И вотъ „Наутилусъ“ среди волнъ началъ производить маневры, за ходомъ которыхъ я слѣдилъ съ величайшимъ любопытствомъ.

Я стоялъ съ капитаномъ въ залѣ и мы наблюдали за стрѣлкою монومتра, которая уклонялась очень быстро. Вскорѣ мы оставили за собою населенную полосу, въ которой живутъ почти всѣ рыбы.

Большинство рыбъ можетъ жить только у поверхности морей и рѣкъ, но другія не столь многочисленныя, живутъ на довольно значительной глубинѣ. Между послѣдними я видѣлъ одну акулу, съ семью водометами, съ огромными глазами, малармата, съ сѣроватымъ щитомъ на груди, и наконецъ гренадера выносящаго надъ собой давленіе ста двадцати атмосферъ.

Я спросилъ капитана видѣлъ-ли онъ рыбъ на большей глубинѣ?

— Рѣдко отвѣтилъ онъ. Но что же мы знаемъ при настоящемъ положеніи науки?

— А вотъ что. Намъ извѣстно, что на глубинѣ моря растительная жизнь прекращается быстрѣе жизни животной. Намъ извѣстно, что тамъ, гдѣ прекратились послѣднія растенія, животныя еще существуютъ. Мы знаемъ, что устрицы, на примѣръ, живутъ подъ двумя тысячами метровъ воды, и Макъ-Клинтокъ, герой сѣверныхъ морей, вытащилъ живую морскую звѣзду изъ подъ двухъ тысячъ пятисотъ метровъ. Экипажъ, „Буль-Дога“ поймалъ звѣздовую на глубинѣ шестьсотъ двадцать саженой, что составляетъ больше мили. Но вы, капитанъ, пожалуй все-таки станете утверждать, что мы еще ничего не знаемъ?

— О, нѣтъ, г. профессоръ, отвѣтилъ капитанъ, я вѣдь ужъ не такой невѣжа, какъ вы полагаете. Но позвольте васъ спросить, какъ вы объясните, что животныя могутъ существовать на такой глубинѣ?

— Я объясняю это, отвѣтилъ я, вопервыхъ тѣмъ, что вертикальныя теченія, обуславливаемые различною насыщенностью и плотностью водъ, производятъ движеніе, достаточное для поддержанія молосложной жизни звѣздовыхъ и морскихъ лилій.

— Это такъ—замѣтилъ капитанъ.

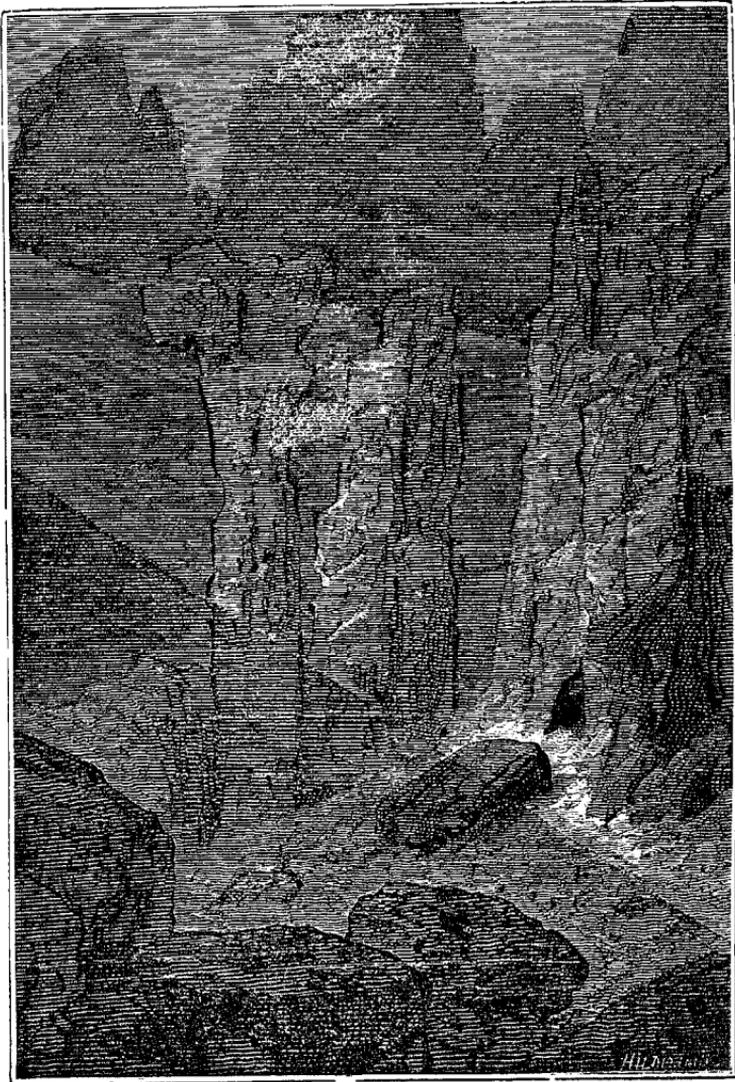
— Вотъ-вотъ тѣмъ, что кислородъ есть основа всякой жизни, а извѣстно, что чѣмъ глубже, тѣмъ больше въ морской водѣ кислорода, который сжимается тамъ давленіемъ низкихъ слоевъ воды.

— А! это извѣстно? сказалъ капитанъ Немо, съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Позвольте вамъ сообщить, г. профессоръ, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Я прибавлю, что въ плавающемъ пузырьѣ рыбъ, которыхъ ловятъ на поверхности воды, содержится больше азота, чѣмъ кислорода, а у тѣхъ, которыя водятся на большой глубинѣ, напротивъ больше кислорода, чѣмъ азота. Это подтверждаетъ вашу систему. Однако, обратитесь къ нашимъ наблюденіямъ.

Я посмотрѣлъ на монотръ — онъ показывалъ глубину въ шесть тысячъ метровъ. Мы спускались уже цѣлый часъ. Опустѣлыя воды были удивительно прозрачны.

Черезъ часъ времени мы были уже на тринадцати тысячахъ метровъ (три мили съ четвертью), а близость морскаго дна ничѣмъ не давала о себѣ знать.

На четырнадцати тысячахъ метровъ я замѣтилъ темныя вер-

Мы очутились за предѣлами подводной жизни.

пины, видѣвшіяся среди водъ. То могли быть вершины горъ выше Гималая или Монблана, а глубина пропасти все-таки оставалась неисчисленною.

Не смотря на огромное давленіе, „Наутилусъ“ спускался все ниже да ниже. Весь онъ дрожалъ и стоналъ; окна залы словно изгибались подъ давленіемъ воды. Капитанъ былъ правъ говоря, что онъ выносивъ какъ скала.

На склонахъ этихъ горъ, потерянныхъ въ безконечномъ пространствѣ водъ, я замѣчалъ еще кое-гдѣ нѣкоторыя раковины, нѣкоторыя кисточковыя и нѣсколько образчиковъ звѣздъ морскихъ.

Но и эти послѣдніе представители животной жизни исчезли; спустившись на три мили глубины, мы очутились за предѣлами подводной жизни. Мы дошли до шестнадцати тысячъ метровъ, то есть до четырехъ миль, и „Наутилусъ“ подвергался давленію тысячи ста атмосферъ, то есть давленію тысячу шести стамъ килограммовъ на каждый квадратный сантиметръ своей поверхности!

— Каково! вскрикнулъ я: находимся въ мѣстахъ, куда никогда человѣкъ не можетъ попасть! Посмотрите, капитанъ, на эти чудныя скалы, на эти необитаемыя пещеры, гдѣ жизнь уже невозможна! Какъ жаль, что отъ всѣхъ этихъ невѣдомыхъ видовъ останется у насъ одно воспоминаніе.

— Вы бы желали, чтобы у васъ осталось что нибудь больше одного воспоминанія? Можно!

— Что вы хотите этимъ сказать, капитанъ?

— Я хочу сказать, что нѣтъ ничего легче, какъ снять съ нихъ фотографію.

Не успѣлъ я выразить своего удивленія, какъ капитанъ уже распорядился и къ намъ гнесли весь фотографическій снарядъ. Глубина прозрачной жидкости, освѣщенная электрическимъ свѣтомъ, распредѣлялась равномерно по широкому отверстію. Ни малѣйшей тѣни не набрасывалось нашимъ искусственнымъ свѣтомъ. Само солнце не могло быть лучше.

„Наутилусъ“ остановился и въ нѣсколько секундъ мы имѣли въ рукахъ самый лучшій фотографическій снимокъ. Съ какою ясностью видѣются на немъ эти огромныя скалы, никогда не видѣвшія солнечнаго свѣта, эти массы гранита, на которыхъ

ожидается земной шаръ! А далѣе, какъ хорошо вышелъ этотъ горный горизонтъ, змѣеобразная линія котораго составляетъ фонъ пейзажа! Невозможно описать этихъ гладкихъ, черныхъ, отполированныхъ скалъ, голыхъ, безъ пятнышка, безъ моха, а у подножья ихъ песокъ растилался какъ коверъ и блестѣлъ подъ лучами электрическаго свѣта.

Сдѣлавъ снимокъ, капитанъ сказалъ:

— Пора подняться, г. профессоръ. Нужно удовольствоваться этимъ, и не подвергать „Наутилуса“ слишкомъ долго этому страшному давленію.

— Подниметесь, капитанъ, — отвѣтилъ я.

— Держитесь хорошенько.

Не успѣлъ я сообразить смысла предостереженія капитана, какъ меня уже свалило съ ногъ.

По знаку капитана, „Наутилусъ“ былъ пущенъ вверхъ и поднялся съ быстротою молніи. Въ четыре минуты онъ прошелъ всѣ четыре мили, отдѣлявшія насъ отъ поверхности океана, и вынырнувъ подобно летучей рыбѣ, упалъ на поверхность съ такою силою, что брызги полетѣли на необыкновенную высоту.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

КИТЫ И КАШАЛОТЫ.

Въ ночь съ 13 на 14 марта, „Наутилусъ“ направился къ югу. Я предполагалъ, что онъ, оставя мысъ Горнъ на западной сторонѣ, выйдетъ въ Тихое море, и этимъ заключить свое кругосвѣтное путешествіе. Этого однако не случилось: онъ все поднимался къ югу.

Куда жъ это несется капитанъ Немо?

Къ полюсу, что ли?

Это было бы безуміемъ! Я начиналъ думать, что Недъ Лендъ имѣетъ нѣкоторыя основанія смотрѣть на капитана, какъ на „тронутаго“.

Съ нѣкотораго времени канадецъ ни слова не говорилъ мнѣ о побѣгѣ. Онъ сдѣлался сдержаннѣе, мрачнѣе. Я видѣлъ ясно, какъ тяжела ему была долгая неволя. Я видѣлъ тоже, какъ съ каждымъ днемъ росло его раздраженіе. При встрѣчѣ съ капитаномъ,

глаза его вспыхивали, губы сжимались и я всегда боялся, что онъ вдругъ взбѣлится и выкинетъ какую нибудь очень непріятную для всѣхъ штуку.

Въ этотъ день, 14 марта, Консейль и Недъ Лендъ явились въ мою комнату.

Я спросилъ, что имъ надо.

— Надо васъ спросить, г. профессоръ, отвѣтилъ канадецъ.

— Спрашивайте Недъ.

— Какъ вы полагаете, г. профессоръ, сколько человѣкъ на борту „Наутилуса“?

— Не знаю, Недъ.

— Мнѣ кажется, что на такое судно не требуется много людей, г. профессоръ?

— И мнѣ тоже кажется, Недъ. По моему десяти человѣкъ совершенно достаточно.

— Такъ зачѣмъ же ихъ тутъ больше? спросилъ канадецъ.

— Зачѣмъ? повторилъ я.

— Да, зачѣмъ?

— Видите ли, Недъ, я сказать навѣрное ничего не могу на это; но мнѣ кажется, что „Наутилусъ“ не только корабль, но и мѣсто убѣжища для тѣхъ, кто, подобно капитану Немо, прервалъ всѣ сношенія съ обществомъ.

— Можетъ быть, но, съ позволенія ихъ чести, вѣдь въ „Наутилусѣ“ нельзя такъ собираться, какъ въ другомъ мѣстѣ, сказалъ Консейль. Пусть ихъ честь намъ скажетъ, сколько именно человѣкъ здѣсь можетъ быть.

— Какъ же я могу это сказать, Консейль?

— Ихъ честь можетъ рассчитать. Ихъ честь знаетъ, какое это судно, сколько воздуха оно можетъ запасти; ихъ честь тоже знаетъ, сколько каждый человѣкъ потребляетъ воздуха, — значить, надо еще замѣтить, что „Наутилусъ“ выплываетъ каждые двадцать четыре часа...

Рѣчи Консейля не отличались особой ясностью, но я понималъ, что онъ хотѣлъ сказать.

— Я понимаю, Консейль, сказалъ я. Рассчитать это не трудно, но врядъ ли расчетъ этотъ будетъ вѣрный.

— Ничего, ничего! сказалъ Недъ Лендъ. Вы все-таки рассчитайте!

— Извольте. Каждый человекъ употребляетъ въ часъ весь кислородъ, заключающійся въ ста литрахъ воздуха, или говоря другими словами, въ двадцать четыре часа поглощаетъ кислородъ, заключающійся въ двухъ тысячахъ четырехъ стахъ метрахъ. Надо значитъ разсчитать, сколько разъ содержится въ „Наутилусъ“ двѣ тысячи четыреста литровъ воздуха.

— Именно такъ, сказалъ Консейль.

— Такъ какъ „Наутилусъ“ вмѣщаетъ полторы тысячи тоннъ, а тонна вмѣщаетъ тысячу литровъ, то значитъ „Наутилусъ“ содержитъ полтораста тысячъ литровъ воздуха, которыя раздѣливъ на двѣ тысячи четыреста...

И взялъ карандашъ.

— Получимъ въ частномъ шесть сотъ двадцать шесть. Говоря другими словами: количество воздуха, содержамаго въ „Наутилусъ“, на сутки достаточно для шести сотъ двадцати пяти человекъ.

— Шести сотъ двадцати пяти! повторилъ Недъ Лендъ. Это пожалуй, много на трюхъ!

— Да, много Недъ! Я могу вамъ только дать одинъ совѣтъ: запаситесь терпѣніемъ.

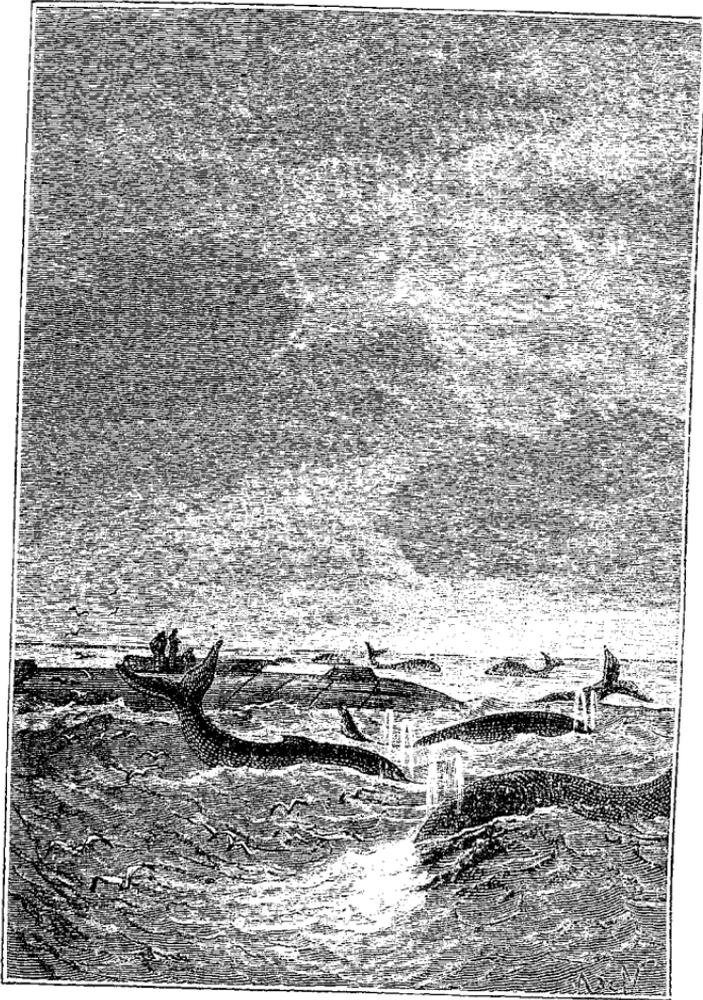
— И даже, съ позволенія ихъ чести, не только терпѣніемъ, а смиреніемъ, сказалъ Консейль. Покоритесь судьбѣ, Недъ!

— Впрочемъ, сказалъ я, капитанъ Немо не можетъ же все плыть на югъ. Когда нибудь онъ да остановится! Наконецъ льды задержатъ и онъ долженъ будетъ возвратиться... Тогда можно будетъ попытаться счастья, Недъ...

Канадецъ опустилъ голову, потеръ лобъ рукою и удалился.

— Этотъ бѣдный Недъ, съ позволенія ихъ чести, все думаетъ о томъ, чего не можетъ имѣть, сказалъ Консейль. Онъ все вспоминаетъ, что было въ прошлой жизни, и обо всемъ жалѣетъ. Каждую минуту онъ думаетъ о разныхъ такихъ разностяхъ и сердце у него каждую минуту терзается. Надо войти въ его положеніе. Ему не весело здѣсь. Что ему тутъ дѣлать? Нечего! Онъ не ученый, какъ вотъ ихъ честь, и никогда не сможетъ пристраститься, какъ мы, къ морскимъ чудесамъ. Онъ теперь только и думаетъ, какъ бы убѣжать на родину, въ какую нибудь свою любимую харчевню.

— Твоя правда, Консейль, твоя правда, отвѣчалъ я.

«Наутилусъ» очутился между полчищемъ китовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, однообразная жизнь на „Наутилусѣ“ должно быть была невыносима для канадца, который привыкъ къ жизни дѣятельной и свободной. Развлеченія, доступныя ему, были рѣдки.

Впрочемъ, въ этотъ день случилось происшествіе, которое напомнило ему красные дни.

Около одинадцати часовъ утра „Наутилусъ“ выплылъ на поверхность океана и очутился между цѣлымъ полчищемъ китовъ.

Китъ игралъ очень значительную роль въ морскомъ мірѣ и имѣлъ важное вліяніе на географическія открытія. Китъ увлекъ за собою прежде Басковъ, потомъ Астурійцевъ, Англичанъ и Голландцевъ, научилъ пренебрегать опасностями и провелъ съ одного конца земли до другаго. Киты любятъ посѣщать южныя и полуночныя моря. Старинныя легенды увѣряютъ, что они заводили китолововъ почти до самаго сѣвернаго полюса.

Если это еще не фактъ, то удачное предсказаніе. Очень вѣроятно, что охотясь за китами въ арктическихъ или антарктическихъ моряхъ, люди современемъ достигнутъ до этой неизвѣстной точки земнаго шара.

Мы сидѣли на платформѣ. Море было тихо. Подъ этими широтами октябрь не похожъ на нашу осень—погода была великолѣпная.

Вдругъ Недъ преобразился.

— Что такое Недъ? спросилъ я.

— Вонъ тамъ, на востокъ,—вонъ тамъ! Китъ въ виду!

Присмотрѣвшись внимательно, можно было различить черноватую спину, которая то приподнималась, то опускалась на волнахъ.

— Онъ далеко? спросилъ Консейль.

— Миляхъ въ пяти, отвѣчалъ я.

— Эхъ, кабы я былъ на китоловномъ суднѣ! вскрикнулъ Недъ Лендъ: потѣшилъ бы я свою душу! Это здоровенная тварь. Смотрите, каковы столбища-то выбрасываетъ! Тысячу чертей съ чертенятами! за что я тутъ, какъ какая нибудь каналья, прикованъ!

— Неужто вы все еще не выбросили изъ головы китоловство, Недъ? спросилъ я.

— Что? Да какой же китоловъ может выбросить изъ головы свой промыселъ? Послѣ этого онъ не китоловъ, а скот....

— Вы никогда не охотились въ этихъ моряхъ, Недъ?

— Никогда, г. профессоръ. Я только охотился въ сѣверныхъ, въ Беринговомъ проливѣ да въ Девисовомъ.

— Значить съ австралійскимъ китомъ вы еще не знакомы. Вы до сихъ поръ ловили не настоящихъ китовъ, — настоящіа киты не переходятъ теплыхъ водъ экватора.

— Вы не шутите, г. профессоръ? спросилъ канадецъ, глядя недоувѣрчиво мнѣ въ лицо.

— Нисколько не шучу, Недъ.

— Чудно! А я вамъ доложу, г. профессоръ, что въ шестьдесятъ пятомъ году, — вотъ ужъ этому будетъ два года съ половиною — я подцѣпилъ около Гренландіи кита, и у этого кита была въ боку острога Беринговскаго китолова! Значить эту тварь хватили на западѣ Америки, — такъ или нѣтъ? Ну какъ же бы она очутилась послѣ того на востокѣ. Значить обогнула мысъ Горнъ или мысъ Доброй Надеждѣ и перешла экваторъ.

— Я, съ позволенія ихъ чести, однѣхъ мыслей съ Недомъ сказала Консейль. Что же ихъ честь отвѣтитъ на это?

— Ихъ честь отвѣтитъ, что киты живутъ въ томъ или другомъ морѣ, смотря по породѣ, и никогда „своего“ моря не оставляютъ. И если какой нибудь китъ пожаловалъ изъ Берингова пролива въ Девисовъ, такъ это потому, что вѣроятно существуетъ проходъ изъ однѣхъ водъ въ другія.

— Гдѣ же проходъ?

— Или гдѣ нибудь у береговъ Америки, или у береговъ Азіи.

— Ужъ право не знаю, вѣрить ли? сказалъ канадецъ, приморгивая.

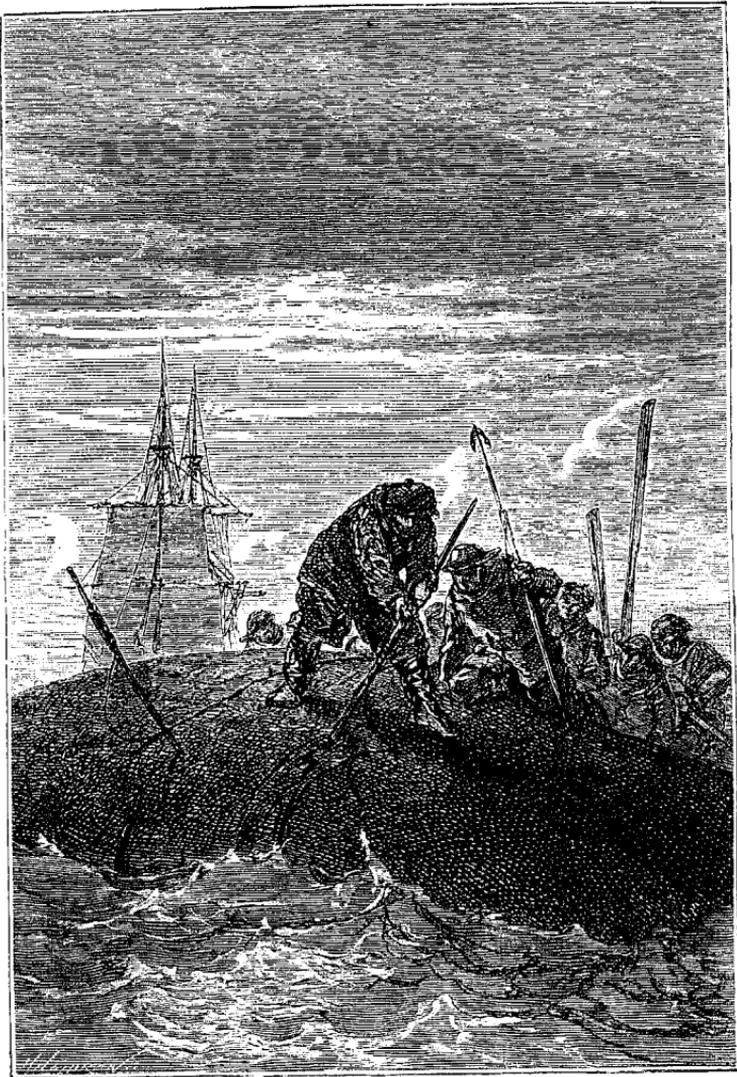
— Надо вѣрить ихъ чести, сказалъ Консейль.

— Такъ значить, коли я никогда въ здѣшнихъ моряхъ не лавливалъ, такъ здѣшнихъ китовъ и не знаю?

— Какъ я уже вамъ докладывалъ, Недъ.

— Тѣмъ резоннѣ завести знакомство! сказалъ Консейль.

— Смотрите! смотрите! вскрикнулъ канадецъ. Онъ приближается! Прямо на насъ претъ: точно насмѣхается, бестія! точно знаетъ, что я ничего не могу сдѣлать! X

У этого кита была въ боку острога берниговскаго китолова!

— Недъ Лендъ гнѣвно топнулъ ногою. Рука его дрожала и поднималась, словно онъ хотѣлъ пустить острогой.

— Эти киты такіе же большіе, какъ въ сѣверныхъ моряхъ г. профессоръ? спросилъ онъ меня.

— Почти одной величины, Недъ.

— Я, надо вамъ сказать, видалъ здоровенныхъ китовъ, г. профессоръ, — въ сто футовъ длины. И я слышалъ даже, что у Алеутскихъ острововъ попадаются въ полтораста футовъ!

— Ну это, я полагаю, немножко прибавлено, отвѣчалъ я. Вѣдь это гиббары, снабженные спинными плавниками; они, какъ и кашелоты, меньше настоящихъ китовъ.

— А! вскрикнулъ канадецъ. Ближится! все ближится! со-
всѣмъ близко!

Затѣмъ, онъ снова продолжалъ:

— Вы говорите что кашелоты маленькіе? Да вѣдь есть кашелоты громадные! Послушали ли бы, что про нихъ рассказываютъ! Это твари умныя. Говорятъ, иные возьмутъ да и укроются водорослями, и ихъ всѣ принимаютъ за острова!

— За острова, Недъ?

— Да, да, за острова! И пристають къ нимъ, и располагаются на нихъ, разводятъ огонь....

— Строять дома, подхватилъ Консейль.

— Ахъ, вы пересмѣшникъ! отвѣтилъ Недъ Лендъ. Ну да, строить дома! А потомъ тварь перевертывается и фить! дома и жители все нырнуло!

— Это какъ въ „путешествіи моряка Симбада“! сказалъ я. Вы, Недъ, надо полагать, очень любите необыкновенныя исторіи, признаюсь, ваши кашелоты молодцы хоть куда! Неужто вы вѣрите, что...

— Г. профессоръ, серьезно отвѣчалъ канадецъ: когда дѣло дойдетъ о китахъ, такъ всему надо вѣрить... какъ онъ жарить то, поглядите! совсѣмъ ужъ близко!.. Говорятъ, эти твари могутъ совершить кругосвѣтное путешествіе въ пятнадцать дней!

— Я не спорю, Недъ.

— А это вы знаете, г. профессоръ, что въ старыя времена, — сейчасъ послѣ сотворенія міра, киты еще проворнѣе плавали?

— А! Въ самомъ дѣлѣ? Почему же это, Недъ?

— А потому, что тогда у нихъ хвосты были наисошь, какъ

у рыбъ, и они виляли ими съ права на лѣво и съ лѣва на право. Ну, Богъ видитъ, что они ужъ больно шибки на ходу, взялъ и открутилъ хвостъ. И съ тѣхъ поръ они ужъ хлопаютъ хвостомъ по водѣ сверху внизъ, и плаваютъ потише.

— Чудно! сказалъ я. Не знаю, надо ли этому вѣрить?

— Это вы мои слова повторяете, г. профессоръ? Ну я вамъ отвѣчу: не очень надо вѣрить! вотъ вамъ еще скажу, что, я слышалъ, есть киты длиною въ триста футовъ, а вѣсомъ въ сто тысячъ фунтовъ,—и вы тоже не очень довѣряйте этому!

— Триста футовъ! отвѣчалъ я: это ужъ черезчуръ длинно! Правда, иные китообразныя достигаютъ значительной величины: есть такія, которыя, говорятъ, даютъ около ста двадцати тоннъ жиру.

— Это правда, я такихъ самъ видалъ, сказалъ канадецъ.

— Вѣрю, Недъ, отвѣчалъ я. Я тоже вѣрю, что иные киты равняются по величинѣ сотнѣ слоновъ. Представьте вы себѣ, что это такое, когда подобная машина пустится во всю прыть!

— Правда это, что киты потопляютъ корабли? спросилъ Консейль.

— Не думаю, отвѣчалъ я. Впрочемъ рассказываютъ, что въ 1820 г., именно въ этихъ южныхъ моряхъ, китъ ринулся на судно „Эссексъ“ и оно потонуло.

Недъ лукаво на меня поглядѣлъ.

— Меня вотъ тоже хватилъ китъ хвостомъ въ самую...—въ самую лодку. И меня, и товарищей подкинуло на шесть метровъ въ вышину. Что жъ, бываетъ! коли у г. профессора китъ опрокидываетъ корабли, такъ лодки-то имъ хоть подъ облака подкидывать можно!

— А долго живутъ киты, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Тысячу лѣтъ! отвѣтилъ канадецъ безъ малѣйшаго колебанія.

— Вы какъ это знаете, Недъ? спросилъ я. Почему?

— Говорятъ, отвѣчатъ Недъ Лендъ.

— А почему говорятъ?

— Потому что знаютъ.

— Нѣтъ, не знаютъ, а только предполагаютъ, Недъ, и вотъ на что въ этомъ случаѣ опираются: назадъ тому четыреста лѣтъ,

когда китоловы въ первый разъ начали ловить китовъ, киты эти были гораздо больше теперешнихъ. Изъ этого выводятъ заключеніе, что теперешніе киты еще не достигли полнаго развитія, что это только подростки. Поэтому и Бюффонъ сказалъ, что „китообразныя“ могутъ и даже должны жить тысячу лѣтъ. Поняли?

Недъ Лендъ меня уже не слушалъ Китъ все приближался. Канадецъ пожиралъ его глазами.

— А, вскрикнулъ онъ, да это не одинъ! Два, три, десять!... Двадцать! Это цѣлое стадо! Господи! А я ничего не могу сдѣлать! Я все равно, что связанъ по рукамъ и по ногамъ!

— Послушайте, Недъ, сказалъ Консейль, послушайте: отчего вы не попросите у капитана позволенія поохотиться?

Консейль еще не окончилъ фразы, а канадецъ ужъ кинулся съ платформы по внутренней лѣстницѣ и исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился вмѣстѣ съ капитаномъ.

Капитанъ Немо сталъ разсматривать стадо китовъ, которое рѣзвилось въ милѣ отъ „Наутилуса“.

— Это австралійскіе киты, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго наблюденія. Цѣлое стадо, и такое стадо, что могло бы обогатить десятки китолововъ.

— Ну вотъ я съ этимъ стадомъ и перевѣдаюсь, капитанъ, сказалъ Недъ Лендъ. Я еще не совсѣмъ забылъ, какъ люди работаютъ, — авось, котораго нибудь зацѣплю!

— Что за охота! отвѣчалъ капитанъ Немо. Намъ ихъ жиръ не надобенъ, — значить, придется ихъ истреблять безъ всякой пользы.

— Да вѣдь вы же позволяли въ Черномъ морѣ охотиться за дюгономъ, капитанъ! сказалъ канадецъ.

— Тогда надо было достать свѣжаго мяса для экипажа. Я не понимаю, что тутъ пріятнаго убивать для того только, чтобы убивать. Я знаю, что человѣкъ очень часто присвоиваетъ себѣ это право, но... но я не желалъ бы допускать подобнаго времяпровожденія. Истребляя австралійскихъ и простыхъ китовъ, безвредныхъ и добрыхъ животныхъ, китоловы поступаютъ не хорошо, дядя Лендъ. Они уже опустошили весь Ваффинскій заливъ и скоро истребятъ породу полезныхъ животныхъ. Оставь

те лучше въ покоѣ этихъ тварей. У нихъ безъ васъ много враговъ: — пусть ихъ сражаются съ кашелотами, съ испаганнами, съ пилоносами...

Можно себѣ представить, какъ слушалъ канадецъ эту рѣчь! Онъ во всё глаза смотрѣлъ на капитана и, казалось, недоумѣвалъ въ умѣ ли этотъ человѣкъ?

А между тѣмъ, капитанъ говорилъ дѣло: алчные китоловы истребятъ современемъ послѣдняго кита въ океанѣ.

Недѣ Лендъ началъ насвистывать какую-то пѣсенку, засунулъ руки въ карманы и повернулся къ намъ спиною.

Капитанъ Немо все наблюдалъ стадо китовъ.

— Я правду говорилъ, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, у этихъ животныхъ кромѣ человѣка довольно враговъ. Сейчасъ произойдетъ баталія. Посмотрите, г. Аронакъ, — видите вы, вонъ тамъ, въ восьми миляхъ отъ насъ, какъ будто движущіяся черныя точки?

— Вижу, капитанъ, отвѣчалъ я.

— Это кашелоты. Съ этими животными шутить нельзя. Мнѣ случалось иногда встрѣчать ихъ стадами штукъ въ двѣсти, въ триста. Вотъ кашелотовъ такъ слѣдуетъ истреблять, — кашелоты твари вредныя...

Канадецъ быстро обернулся.

— Что жъ, еще время не ушло, капитанъ, сказалъ я, и если вамъ жалко китовъ, то въ интересахъ этихъ животныхъ...

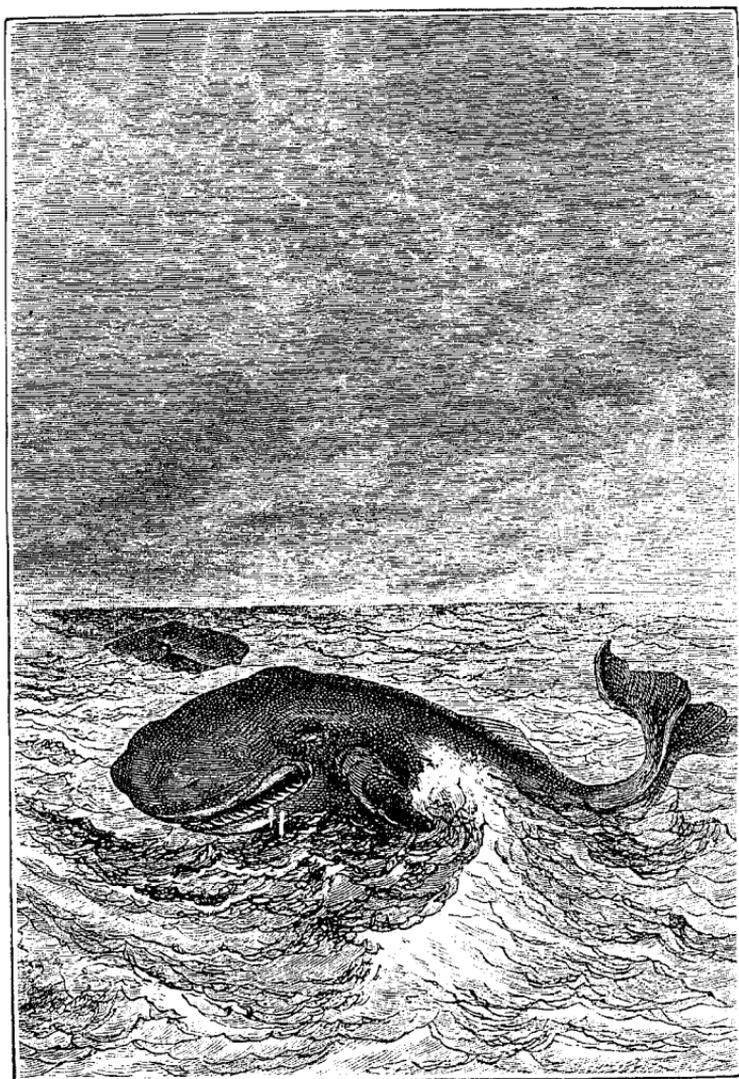
— Зачѣмъ бесполезно подвергаться опасности, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо, „Наутилусъ“ самъ разсѣетъ этихъ кашелотовъ. „Наутилусъ“ вооруженъ стальнымъ шекомъ, который, я полагаю, не уступитъ острогѣ дяди Ленда.

Дядя Лендъ довольно презрительно пожалъ плечами.

Бить кашелотовъ корабельнымъ шекомъ! Слыханое ли это дѣло!

— погодите, г. Аронакъ, продолжалъ капитанъ Немо: мы вамъ покажемъ такую охоту, какой вы еще не видывали. Къ этимъ тварямъ я не имѣю ни малѣйшей жалости. Они представляются мнѣ одной зубастой пастью: зубы и пасть — больше ничего!

Зубастая пасть! Лучше нельзя было обрисовать большого кашелота, который иногда достигаетъ болѣе двадцати пяти

Кашелотъ.

метровъ. Громадная голова занимаетъ около третьей части его тѣла. Кашелоть зубастѣ кита. У кита верхнія челюсти усажены только усами, а у кашелота двадцать пять цилиндрическихъ, кверху конусообразныхъ зубовъ; каждый зубъ вѣситъ два фунта и вышиною въ двадцать сантиметровъ. Въ верхней-то части этой исполинской головы, въ большихъ впадинахъ, раздѣленныхъ хрящами, и находится отъ трехъ сотъ до четырехъ сотъ килограмовъ драгоценнаго масла, извѣстнаго подъ названіемъ „спермацета“. Кашелоть очень неуклюжъ и безобразенъ. Онъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Фредоль, больше похожъ на головастика, чѣмъ на рыбу. Онъ какой-то уродливый и видитъ только однимъ правымъ глазомъ.

Чудовищная стая все приближалась. Она уже завидѣла китовъ и сбиралась на нихъ нападать.

Можно было заранѣе сказать, что побѣда останется на сторонѣ кашелотовъ, потому что кашелоты не только вооружены лучше китовъ, но они, кромѣ того, могутъ дольше ихъ остаться подъ водою.

Пора было поспѣшить на помощь китамъ.

„Наутилусъ“ погрузился; Консейль, Недъ Лендъ и я помѣстились у оконъ, а капитавъ Немо отправился къ кормчему и самъ принялся управлять.

Скоро винтъ завертѣлся быстрѣе и „Наутилусъ“ пошелъ шибче.

— Какъ то онъ обратитъ свой шекъ въ острогу! думалъ я. Когда „Наутилусъ“ подоспѣлъ, между китами и кашелотами уже произошла стычка.

Капитанъ Немо правилъ прямо въ стаю кашелотовъ.

Кашелоты сначала не очень встревожились при видѣ новаго врага, но скоро имъ пришлось порядкомъ струхнуть.

Что это была за баталія!

Даже Недъ Лендъ, какъ сердитъ и огорченъ онъ не былъ, не утерпѣлъ и захопалъ въ ладоши.

„Наутилусъ“ превратился въ какую то чудовищную острогу, которая такъ и ходила въ рукахъ капитана Немо. Корабль летѣлъ на полчище кашелотовъ, врѣзывался въ него и оставлялъ за собою трепещущіе куски мяса. Страшные удары хвостомъ сыпались на его бока, но эти удары были ему ни по чемъ. Истре-

бивъ одного кашелота онъ летѣлъ на другаго, повертывался направо, налево, отступалъ, погружался когда кашелотъ нырялъ, всплывалъ за нимъ снова на поверхность, поражалъ сверху, поражалъ снизу, рѣзалъ, рвалъ на части, терзалъ, уничтожалъ.

— Ну рѣзня! говорилъ Недъ Лендъ, экой содомъ подняли.

Дѣйствительно испуганныя животныя страшно взволновали тихія воды.

Цѣлый часъ продолжалось это побоище. Нѣсколько разъ десять или двѣнадцать кашелотовъ разомъ кидались на „Наутилусъ“. Мы сквозь стекла видѣли ихъ зубастую пасть, ихъ страшный глазъ. Они цѣплялись за „Наутилусъ“, какъ собаки за двухгодовалого кабана. Но „Наутилусъ“ ихъ уносилъ, увлекалъ въ глубь, поднималъ на поверхность, нисколько не стѣняясь ихъ тяжестью, ни мало не заботясь о ихъ мощныхъ ударахъ.

Наконецъ кашелоты были разсѣяны. Воды перестали волноваться, „Наутилусъ“ выплылъ на поверхность.

Мы тотчасъ же выбѣжали на платформу.

Море было покрыто обезображенными, изуродованными трупами. Самый ужасный взрывъ не могъ бы такъ исковеркать, разщипать, разнести эту массу чудовищъ. Мы плыли среди огромныхъ труповъ.

— Спины у нихъ голубоватыя, говорилъ Консейль, брюхо бѣловатое и всѣ они покрыты выпуклостями.

Нѣсколько перепуганныхъ кашелотовъ обратилось въ бѣгство. Воды на пространствѣ нѣсколькихъ миль окрасились кровью и „Наутилусъ“ плылъ по кровавому морю.

Капитанъ Немо тоже вышелъ на платформу.

— Каково, дядя Лендъ? спросилъ онъ.

Что жъ это за охота? отвѣтилъ канадецъ, который уже успѣлъ успокоиться. Это охотой нельзя и назвать. Оно, конечно, страшно глядѣть, да вѣдь я не мясникъ, я охотникъ, я китоловъ! это просто рѣзня, бойня!

— Это истребленіе вредныхъ животныхъ, дядя Лендъ. „Наутилусъ“ не похожъ на мясницкій ножъ: — вы напрасно его порочите!

— По моему острога лучше, сказалъ Недъ Лендъ.

— Всякому свое, отвѣтилъ капитанъ.

— Это, разумѣется, что всякому свое! сказалъ Недъ Лендъ.

Я уже начиналъ тревожиться какъ бы канадецъ не сказалъ какой дерзости, но къ счастію вниманіе его было отвлечено видомъ кита, къ которому подошелъ „Наутилусъ“.

Животное не увернулось отъ зубастыхъ кашелотовъ. Я тотчасъ же узналъ австралійскаго кита, но съ совершенно черной, плоскою, какъ бы вдавленной головою. Анатомически австралійскій китъ отличается отъ бѣлаго кита и отъ нордкапера особымъ соединеніемъ семи шейныхъ позвонковъ и тѣмъ, что у него двѣ ребра больше.

У несчастнаго кита все брюхо было изорвано и онъ былъ мертвъ. На концѣ его изуродованнаго плавника еще висѣлъ маленькій китенокъ, котораго онъ не могъ спасти. Въ открытую пасть лилась вода и шумѣла въ его усахъ, какъ въ какомъ нибудь тростникѣ.

Капитанъ Немо направилъ „Наутилусъ“ какъ разъ къ трупу животнаго. Двое изъ экипажа вскочили на трупу и, къ великому моему удивленію, принялись доить кита.

Они выдоили все молоко, то есть слишкомъ двѣ бочки.

— Не угодно ли вамъ попробовать г. профессоръ? сказалъ капитанъ Немо, подавая мнѣ чашку этого молока.

Молоко было еще теплое.

— Охъ, капитанъ! сказалъ я: не смотря на всю мою любознательность...

— Молоко это отличное, г. Аронаксъ. Оно вовсе не отличается отъ коровьяго.

Я, скрѣпя сердце, отвѣдалъ. Молоко, въ самомъ дѣлѣ, было отличное и совершенно могло замѣнить коровье.

— Можно сбить изъ него масло, капитанъ, надѣлать сыровъ, — это будетъ пріятное прибавленіе къ вашему столу, сказалъ я. Я очень радъ, что попробовалъ китовьяго молока!

— А я радъ, что доставилъ вамъ возможность его попробовать, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ.

Съ этого дня я замѣтилъ, что Недъ Лендъ сталъ очень косо поглядывать на капитана Немо.

— Надо будетъ наблюдать за канадцемъ! думалъ я. Иначе того и гляди выйдетъ какой нибудь скандалъ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

СИЛОШНЫЕ ЛЬДЫ

„Наутилусъ“ снова направился къ югу. Онъ шелъ съ чрезвычайною скоростью.

— Что онъ, хочетъ достигнуть полюса? думалъ я.

Невѣроятно, чтобы капитанъ **Кемо** стремился къ полюсу, потому что до сихъ поръ всѣ попытки проникнуть до этой точки земнаго шара оказались безуспѣшны.

Къ тому же приближалось время осеннее; у насъ было 13 марта, а здѣшнее 13 марта соответствуетъ 13 сентябрю полупочныхъ странъ.

14 марта я примѣтилъ подъ 55° широты бѣловатая массы льда, величиною отъ двадцати до двадцатипяти футовъ; эти льды образовали что то въ родѣ небольшихъ утесовъ, о которые море разбивалось съ мелкимъ шумомъ.

„Наутилусъ“ держался на поверхности океана.

Недѣ Лендъ китоловничалъ въ арктическихъ моряхъ и льды были ему не въ диковину, но мы съ Консейлемъ видѣли ихъ въ первый разъ и взапуски ахали.

— Что это такое, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль, указывая на горизонтъ.

На югѣ видѣлась бѣлая блестящая полоса.

Англійскіе китоловы называютъ это „ice-blink“, то есть ледяной отблескъ.

Каковы бы ни были тучи, онѣ никогда не затемняютъ этого отблеска.

— Почему жѣ этотъ отблескъ, съ позволенія ихъ чести?

— Потому, что скоро покажутся ледяныя горы, Консейль.

Дѣйствительно, скоро показались ледяныя горы.

— Какая прелесть! вскрикнулъ я невольно.

Ледяныя горы блистали, сверкали и переливались. Иныя были изборождены зелеными жилками, другія, похожія на громадные аметисты, такъ и сквозились; иныя были словно усыпаны ледяными иглами, въ каждой иглѣ отражались солнечные лучи и

гора сверкала, какъ алмазъ; инныя были матоваго бѣлаго цвѣта, точно мраморныя.

Чѣмъ дальше мы поднимались къ югу, тѣмъ чаще попадались эти пловучіе острова, тѣмъ больше увеличивались ихъ размѣры.

Полярныя птицы гнѣздились на „ледянкахъ“, какъ называлъ ледяныя горы канадецъ. Буревѣстники и пухфины оглушали насъ своими криками. Инныя принимали „Наутилусъ“ за трупъ кита, спускались на него и долбили клювомъ звонкое листовое желѣзо.

Во время этого плаванія среди льдовъ, капитанъ Немо очень часто выходилъ на платформу.

Я часто смотрѣлъ на него, когда онъ стоялъ и внимательно наблюдалъ горизонтъ. Мнѣ иногда казалось, что его спокойныя, тихіе глаза словно вспыхивали.

Что онъ думалъ въ это время? Можетъ быть онъ думалъ, что вотъ здѣсь, въ этихъ странахъ, онъ далеко отъ всѣхъ людей, одинъ, самъ себѣ хозяинъ?

Капитанъ Немо ничего не говорилъ. Онъ или стоялъ неподвижно или давалъ направленіе „Наутилусу“.

Правиль онъ съ необычайнымъ искусствомъ и ловкостью; „Наутилусъ“ скользилъ какъ ни въ чемъ не бывало между ледяными массами длиною въ нѣсколько миль и вышиною отъ семидесяти до восьмидесяти метровъ.

Вдали, казалось, путь совершенно загромождался льдами. На 60° широты проходъ исчезъ.

— Ну тутъ станемъ! сказалъ канадецъ.

Я думалъ тоже.

Но капитанъ Немо отыскалъ какую то щелочку и отважно проскользнулъ сквозь нее, очень хорошо зная, что вслѣдъ за проходомъ „Наутилуса“ льды тотчасъ же сплотятся.

„Наутилусъ“ путевоодимый этой искусной рукой, перешелъ всѣ льды: и ледяныя горы, и ледяныя поля, и „пловучки“, и „кругляки“ и „полосатки“.

— Почему это называютъ ихъ „кругляками“ и „полосатками“, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Потому что первые состоятъ изъ круглыхъ обломковъ, Консейль, а вторые изъ продолговатыхъ.

— А! сказалъ Консейль.

— Мудрено? спросилъ канадецъ.

— Нѣтъ, только я не сообразилъ, отвѣчалъ простодушный Консейль.

Температура была довольно низкая. Термометръ, выставленный на воздухъ, показывалъ отъ 2° до 3° ниже нуля.

Но мы не зябли; на насъ была одежда изъ тюленьей шкуры, которая отлично защищаетъ отъ холода. „Наутилусъ“ отоплялся электричествомъ, да кромѣ того, стоило только ему погрузиться на глубину нѣсколькихъ метровъ и онъ очутился бы въ сравнительно теплой температурѣ.

— Плыли мы по этимъ морямъ двумя мѣсяцами ранѣе, мы бы не видали ночи, сказалъ я.

— Какъ такъ? спросилъ канадецъ.

— Солнце не заходило бы, отвѣчалъ ученный Консейль. Все было бы день.

— А! произнесъ канадецъ.

— Впрочемъ и теперь еще не богъ вѣсть какія ночи, сказалъ я: всего три — четыре часа. А вотъ послѣ такъ ночь настанетъ на цѣлые шесть мѣсяцевъ.

15-го марта мы перешли широту Нью семлендскихъ и южныхъ Оркнейскихъ острововъ.

Капитанъ Немо сказалъ мнѣ, что здѣсь когда то водились множество тюленей, но американскіе и англійскіе вытоловы били безъ разбору и дѣтенышей и самокъ и до чиста, истребили весь здѣшній тюлений родъ.

16-го марта, около восьми часовъ утра „Наутилусъ“ пересѣкъ южный полярный кругъ. Льды окружали насъ со всѣхъ сторонъ и заграждали путь.

Но капитанъ все таки приловчался, проскользнулъ изъ прохода въ проходъ, и плылъ дальше.

— Куда же это онъ наконецъ стремится? говорилъ я.

— Впередъ, съ позволенія ихъ чести, отвѣчалъ Консейль.

— Да куда?

— Впередъ. Впрочемъ, какъ ужъ нельзя будетъ плыть дальше, такъ онъ остановится.

— Я даже и за это не поручусь! отвѣчалъ я.

Мнѣ, признаюсь, это опасное не надежное плаванье, приходилось по душѣ. Невозможно выразить словами до чего меня восхищали красоты новыхъ для меня странъ.

Какъ хороши были эти льды! Какія причудливыя формы они иногда принимали! То вы видите передъ собою какіе то ледяные восточные города, съ безчисленными минаретами и мечетями, то какія то разрушенныя, какъ бы повергнутыя землѣтресеніемъ, дворцы и храмы. И все это сіяло и сверкало подь косвенными лучами солнца или заволакивалось, какъ дымкою, сѣрымъ туманомъ или едва мелькало въ снѣжной пыли урагана. И совсѣхъ сторонъ громъ, трескъ, шумъ, визгъ. — льдины стелкиваются, разсыпаются, ледяные утесы опрокидываются -- однимъ словомъ „ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать“, какъ го ворилъ Недъ Лендъ.

Если „Наутилусъ“ погружался въ то время, когда ледяны-утесы падали, подь водами шумъ и трескъ отдавался съ несказанной силой и отчетливостью, и паденіе этихъ массъ производило сильнѣйшее волненіе даже въ глубокихъ слояхъ океана. „Наутилусъ“ качался и вертѣлся тогда, какъ деревяшка въ водоворотѣ!

Часто, когда нигдѣ не видно было выхода, я думалъ, что льды насъ затрутъ окончатѣльно, но капитанъ все таки выбирался черезъ ту или другую щелку. Онъ тотчасъ усматривалъ самую узенькую струйку синеватой воды, и тотчасъ же, туда направлялся. Иногда эти струйки обозначались какъ тоненькія, ниточки, — казалось ужъ тутъ проскользнуть нѣтъ никакой возможности, а капитанъ Немо таки проскальзывалъ.

— „Наутилусъ“ видно не впервой гуляетъ по здѣшнимъ морямъ! замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Я почти въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ я. Капитанъ Немо тутъ какъ дома!

Однако 16-го марта путь нашъ все таки затерло.

— Что это, сплошные льды, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Нѣтъ, это пока еще обширныя, сплотившіяся ледяныя поля, отвѣчалъ.

— Что выдумаетъ теперь капитанъ Немо? сказалъ канадецъ.

Капитанъ Немо пустилъ „Наутилусъ“ прямо на ледяную массу, „Наутилусъ“ налетѣлъ, прошибъ, врѣзался и пошелъ.

— Ну, признаюсь! сказалъ Недъ Лендъ. Ишь какъ чешетъ! только осколки къ небесамъ летятъ!

Да, „Наутилусъ“ самъ прорѣзывалъ себѣ каналъ между ледянымъ полемъ. Иногда онъ взлеталъ на льдину и мялъ ее подъ собою, иногда погружаясь въ глубину онъ просто прошибалъ ее килевой качкой.

Всѣ эти дни былъ безпрестанный шквалъ. Иногда туманъ до того сгущался, что съ одного конца платформы не видно было другаго; снѣгъ скоплялся въ такіе твердые слои, что приходилось ихъ разбивать мотычками. При температурѣ въ пять градусовъ ниже нуля, всѣ наружныя части „Наутилуса“ покрывались льдомъ. Оснащенное судно не могло бы и двинуться, потому что всѣ талевые лопари застряли бы въ блокахъ. Только судно безпарусное, снабженное электрическимъ двигателемъ могло пуститься въ плаванье подъ такими высокими широтами.

Барометръ стоялъ очень низко. Онъ упалъ до $73^{\circ} 5'$. Указанія компаса ни къ чему не вели. Стрѣлки метались туда и сюда, приближаясь къ магнетическому южному полюсу, который не слѣдуетъ смѣшивать съ южнымъ полюсомъ земли. По Гансмену, этотъ полюсъ находится подъ 70° широты и 130° долготы, а по наблюдениямъ Дюперре подъ 135° долготы и $70^{\circ} 30'$ широты. Приходилось дѣлать безпрестанныя наблюденія, переноса компасъ на различныя части судна и брать среднее число.

Наконецъ, 18-го марта „Наутилусъ“ окончательно затерло. Сколько капитанъ Немо ни бился, ни ухитрялся—все понапрасну. Уже это были не „кругляки“, не „полосатки“, не ледяныя поля, а безконечная и недвижная цѣпь ледяныхъ, сплотившихся горъ.

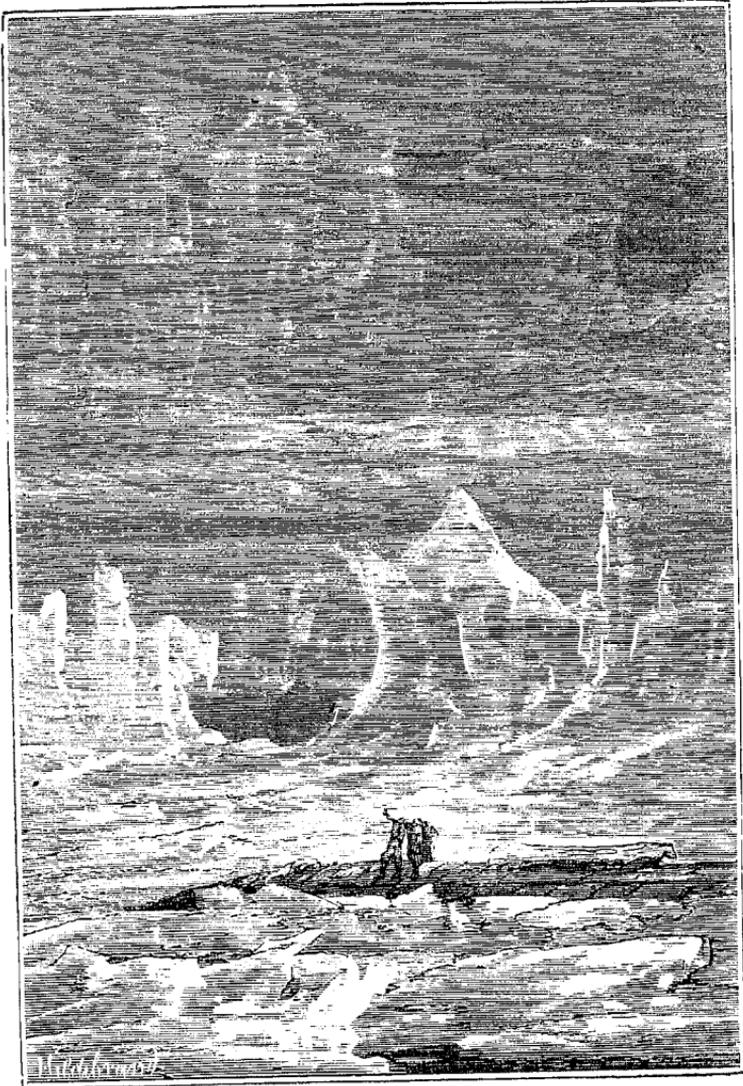
— Сплошныя льды! сказалъ Недъ Лендъ. Видите, г. профессоръ?

— Вижу, Недъ.

Около полудня показалось солнце. Капитанъ Немо сдѣлалъ наблюденія и оказалось, что мы находимся подъ $51^{\circ} 30'$ долготы и $67^{\circ} 39'$ южной широты.

— Го-го! куда продрали! сказалъ Недъ Лендъ.

Моря, т. е. воднаго пространства, не было и въ поминѣ. Передъ „Наутилусомъ“ разстилалась обширная, холмистая равнина, кое гдѣ прерываемая утесами, напоминавшая поверхность рѣки передъ взломомъ льдовъ. Нѣсколько остроконечныхъ скалъ возвышались на высоту двухъ сотъ футовъ. Далѣе шли крупныя

«Наутилусъ» окончательно затерло.

берега, которые, какъ зеркала, отражали солнечные лучи, прорывавшіеся сквозь туманъ. Повсюду царствовало мрачное безмолвіе, изрѣдка только прерываемое полетомъ буревѣстниковъ или пуффиновъ.

— Вотъ сторонка! сказалъ Недъ Лендъ, все замерзло! и всякій шумъ замерзъ.

„Наутилусъ“ вынужденъ былъ остановиться.

— Ну, г. профессоръ, сказалъ Недъ Лендъ, коли вашъ капитанъ Немо да пойдетъ дальше...

— Что-же, Недъ?

— Хватъ онъ будетъ, г. профессоръ!

— Почему же это, Недъ?

— А потому, что никто еще не переходилъ сплошныхъ льдовъ и не перейдетъ! Оно конечно, капитанъ Немо ловокъ, да тутъ нашла коса на камень: ледъ не свой братъ и коли ужъ положень такой предѣль, чтобъ дальше человѣку не ходить, такъ онъ и не пойдетъ!

— Неужто нѣтъ? А мнѣ бы очень желательно посмотрѣть за этими сплошными льдами. Терпѣть не могу, когда вотъ этакъ вдругъ передъ тобою выдвинется стѣна!

— Это ихъ честь справедливо замѣчаетъ, сказалъ Консейль, стѣны только раздражаютъ ученыхъ... и не ученыхъ тоже. Лучше еслибы стѣнъ нигдѣ не было.

— Да вѣдь извѣстно, что за этой стѣной, т. е. за сплошными-то льдами, сказалъ Недъ Лендъ.

— Что-жъ тамъ такое, Недъ? спросилъ я.

— Ледъ, и больше ничего, отвѣчалъ канадецъ.

— Вы въ этомъ увѣрены, Недъ?

— Увѣренъ, г. профессоръ.

— А я нѣтъ, и поэтому желалъ бы пробраться за стѣнку и поглядѣть.

— Послушайте меня, г. профессоръ, и выкиньте такія мысли изъ головы. Вы дошли до сплошныхъ льдовъ и будетъ съ васъ! Дальше вы не пойдете, — ни вы, ни вашъ капитанъ Немо, ни его „Наутилусъ“. Какъ онъ тамъ не прыгай, а постоимъ, постоимъ, да и повернемъ къ сѣверу!

Я долженъ былъ согласиться съ Лендомъ. Пока не изобрѣ-

тутъ такихъ кораблей, которыя бы ходили по ледяному полю, до тѣхъ поръ и не переѣдешь льдовъ.

Не смотря на всѣ усилія, на всѣ ухищренія капитана Немо, „Наутилусъ“ не могъ двинуться впередъ.

Обыкновенно, кто не можетъ идти впередъ, можетъ воротить-ся назадъ; но тутъ нельзя было ни впередъ идти, ни отступить; проходы затворились за нами.

— Это еще ничего, что льдины сдвинулись, сказалъ Недъ Лендъ, а вотъ какъ они начнутъ напирать на судно, такъ тогда только держись.

Это и случилось. Около двухъ часовъ пополудни вокругъ „Наутилуса“ образовался тонкій ледъ.

Какъ я ни былъ пристрастенъ къ капитану Немо, однако пришлось сознаться, что онъ просто съумасбродствуетъ.

Я стоялъ на платформѣ; капитанъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Какъ вы объ этомъ думаете, г. профессоръ?

— Я думаю, что мы затерты льдами, капитанъ, отвѣчалъ я.

— Затерты льдами? Что вы подъ этимъ подразумѣваете?

— То, что мы не можемъ двинуться ни впередъ, ни назадъ, ни въ право, ни въ лѣво. Это я полагаю, называется „затерты льдами“?

— Такъ вы полагаете г. Аронаксъ, что „Наутилусъ“ не выберется?

— Очень трудно выбраться, капитанъ. Время теперь такое, что на оттепель нечего рассчитывать.

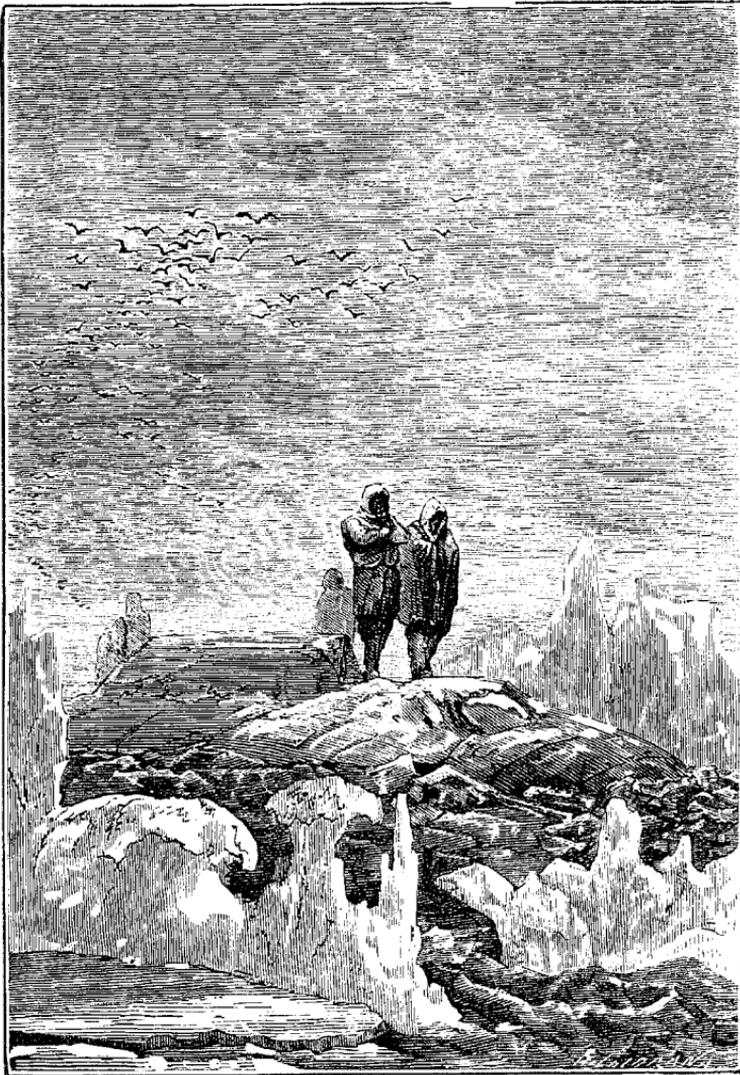
— Ахъ, г. Аронаксъ, сказалъ нѣсколько насмѣшливо капитанъ: вы вѣчно вездѣ видите препоны и препятствія! Смѣю васъ увѣрить, что „Наутилусъ“ не только выберется, но и дальше пойдетъ!

— Дальше, на югъ? спросилъ я, глядя пристально на капитана.

— Да, на югъ! Онъ пойдетъ къ полюсу г. профессоръ!

— Къ полюсу! вскрикнулъ я.

— Да, къ полюсу, холодно отвѣчалъ капитанъ, къ южному полюсу, къ неизвѣстной точкѣ, гдѣ сходятся всѣ земные меридіаны. Вы должны бы уже знать, г. профессоръ, какъ я управляю „Наутилусомъ“ и что за судно „Наутилусъ“!

«Наутилауъ» не могъ двинуться впередъ.

Да, я хорошо это зналъ. Но, пройти къ южному полюсу! Это могъ задумать только безумецъ.

— Вы уже открыли южный полюсъ, капитанъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, г. профессоръ. Мы съ вами вмѣстѣ его откроемъ. Что не удалось другимъ, то удастся мнѣ. Я до сихъ поръ еще никогда не заводилъ „Наутилуса“ такъ далеко, но, повторяю вамъ, я поведу его еще дальше!

— Я желалъ бы вамъ вѣрить, капитанъ, отвѣчалъ я нѣсколько проницательно. Я вамъ вѣрю. Двинитесь впередъ! Для насъ не существуетъ никакихъ препятствій! Разобьемъ эти сплошные льды! Взорвемъ ихъ! А коли они все-таки не поддадутся, такъ приставимъ къ „Наутилусу“ крылья и пусть его перелетитъ!

— Зачѣмъ же ему летѣть, спокойно отвѣчалъ капитанъ Немо: онъ лучше пройдетъ подо льдами.

— Подо льдами? вскрикнулъ я.

— Ну да, подо льдами, отвѣчалъ капитанъ Немо.

Я понялъ, что задумалъ капитанъ Немо.

— Я вижу, что мы начинаемъ понимать другъ друга, г. профессоръ, сказалъ капитанъ слегка улыбаясь. Вы уже не отрицаете возможности попытки, — вы даже надѣетесь на ея успѣхъ! Вы знаете, что невозможно для всякаго другаго корабля, то для „Наутилуса“ легко. Если материкъ выплыветъ около полюса „Наутилусъ“ остановится, если же море свободно, онъ проникнетъ до самаго полюса!

— Пожалуй, вы правы капитанъ, отвѣтилъ я: поверхность моря покрыта льдомъ, но нижніе слои свободны. Если я не ошибаюсь, то надводная часть льда относится къ подводной, какъ 4 къ 1?

Почти что такъ г. профессоръ. Ледяныя горы, возвышающіяся на одинъ футъ надъ уровнемъ моря, простираются на три фута внизъ. Сплошные льды, передъ которыми мы теперь стоимъ, не превышаютъ вышины ста метровъ, слѣдовательно они имѣютъ не болѣе трехъ сотъ метровъ въ глубину. А что значитъ триста метровъ для „Наутилуса“.

— Ничего не значить, капитанъ.

— „Наутилусъ“ можетъ даже спуститься глубже, и въ нижнихъ слояхъ нисколько не заботиться о томъ, что на поверхности тридцать или сорокъ градусовъ холода.

— Справедливо, капитанъ, совершенно справедливо, отвѣ-
тить я.

Я поддавался искушенію!

— Затрудненіе только въ томъ, сказалъ капитанъ Немо,
что нѣсколько дней придется пробить подъ льдомъ.

— Какое жь тутъ затрудненіе? возразилъ я: у „Наутилуса“
огромные запасные резервуары, мы ихъ пополнимъ и они снаб-
дятъ насъ кислородомъ, который намъ нуженъ.

— Видите, какъ вы хорошо устраняете затрудненіе, г. Аро-
наксъ, сказалъ улыбаясь капитанъ. Но я все таки боюсь, чтобы
вы послѣ не обвинили меня въ сумасбродствѣ, а потому я напе-
редъ скажу вамъ, чего можно еще опасаться.

— Да чегожъ можно еще опасаться?

— Вотъ чего: очень возможно, что до самаго полюса море
сплошь сковано льдомъ и тогда пожалуй мы не въ состояніи бу-
демъ выбраться на поверхность.

— Да развѣ вы забываете, капитанъ, каковъ шекъ у „На-
утилуса“? развѣ нельзя какъ нибудь повернуть этотъ шекъ диа-
гонально и пустить его въ ледяную кору?

— Э! г. профессоръ, какія иногда у васъ являются свѣт-
лыя мысли!

— Да и къ чему воображать непременно все худое, про-
должалъ я, увлекаясь все болѣе и болѣе, очень можетъ быть,
что море свободно около южнаго полюса, точно также, какъ
оно свободно у сѣвернаго. Полюсы холода и полюсы земли не
смѣшиваются ни въ южномъ ни въ сѣверномъ полушаріи, и пока
не доказано противнаго, надо предполагать, что тамъ находится
или материкъ или море совершенно свободное отъ льдовъ.

— Я самъ тоже думаю г. Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ
Немо. Однако позвольте вамъ замѣтить, что вы уже не нападае-
те на мое предпріятіе, но напротивъ того его защищаете!

Капитанъ говорилъ правду: я точно защищалъ! Теперь уже
не онъ меня, а я его увлекалъ къ полюсу! Капитанъ Немо под-
смѣивался надо мною, и имѣлъ полное право подсмѣиваться.

— Ну, теперь примемся за дѣло, сказалъ капитанъ Немо:
нельзя терять ни минуты!

Онъ позвалъ лейтенанта.

Лейтенантъ явился.

Они начали говорить на своемъ непонятномъ нарѣчїи; лейтенантъ, повидимому, считалъ намѣреніе капитана удобоисполнимымъ, потому что нисколько ему не возражалъ и даже нисколько повидимому не удивлялся.

Но какъ ни былъ безстрастенъ лейтенантъ, онъ не превзошелъ своею безстрастностью моего достойнаго Консейля. Когда я объявилъ этому безмятежному парню, что мы намѣрены отправиться къ южному полюсу, онъ не сморгнулъ глазомъ и отвѣтилъ мнѣ своею обычною фразою:

— Какъ угодно будетъ ихъ чести.

Что касается до Неда Ленда, то онъ вздернулъ плечами такъ высоко и такъ презрительно, какъ вѣроятно еще ни одинъ смертный не вздергивалъ.

— Знаете что, г. профессоръ? сказалъ онъ: мнѣ васъ жалко! и васъ и вашего капитана!

— Да вѣдь мы пойдемъ къ полюсу, Недъ!

— Пойдете, слова вѣтъ, только назадъ не воротитесь, отвѣчалъ канадецъ.

Съ этими словами Недъ Лендъ оставилъ меня не желая больше разговаривать о такихъ „неподобныхъ“ вещахъ.

Приготовленія начались.

Около четырехъ часовъ капитанъ Немо объявилъ мнѣ, что надо задвигать филенки и слѣдовательно пора уходить съ платформы.

Я бросилъ послѣдній взглядъ на сверкающіе сплошные льды. Погода была ясная, атмосфера чистая, но холодъ былъ довольно сильный—двѣнадцать градусовъ ниже нуля; впрочемъ вѣтеръ утихъ и температура была довольно сносная.

Десять человекъ экипажа явился съ большими мотыками принялись разбивать ледъ около „Наутилусъ“ началъ погружаться.

Мы съ Консейлемъ уѣли въ залъ рядышкомъ. Ставни открылись и мы могли видѣть нижніе слои океана.

Термометръ поднимался.

Капитанъ предсказалъ вѣрно: спустившіеся на глубину трехъ сотъ метровъ мы очутились подо льдами. „Наутилусъ“ спустился еще ниже. Онъ достигъ глубины въ восемьсотъ метровъ. Температура воды была уже не въ двѣнадцать градусовъ, какъ на поверхности моря, а всего въ одиннадцать.

— Отлично, поплывемъ, съ позволенія ихъ чести! сказалъ Консейль.

— Надѣюсь, надѣюсь, дружище, отвѣчалъ я.

„Наутилусъ“ прямо направился къ полюсу. Оставалось пройти отъ $57^{\circ} 30'$ до 90° , двадцать два съ половиною градуса, т. е. около пятисотъ лье. „Наутилусъ“ шелъ по двадцати шести миль въ часъ, — со скоростью экстреннаго поѣзда.

— Если онъ все также будетъ идти, сказалъ я, такъ онъ въ сорокъ часовъ дойдетъ до полюса.

— Это ихъ честь справедливо изволили разсудить, отвѣчалъ Консейль.

Мы съ достойнымъ парнемъ почти цѣлую ночь просидѣли около оконъ. Море освѣщалось электрическимъ свѣтомъ, но оно было пусто: рыбы не попадались въ этихъ закованныхъ льдами водахъ. Они могли только проходить здѣсь изъ южнаго океана къ полюсу.

Мы шли очень скоро. Это чувствовалось потому, какъ вздрагивалъ „Наутилусъ“.

Около двухъ часовъ утра я пошелъ отдохнуть. Консейль послѣдовалъ моему примѣру.

Проходя по корабельнымъ коридорамъ, я надѣялся встрѣтить капитана Немо, но я его не встрѣтилъ.

— Вѣрно самъ править, подумалъ я.

На слѣдующій день, 19 марта, я съ пяти часовъ утра забрался въ залу. Электрической лагъ показалъ, что мы идемъ нѣсколько тише. „Наутилусъ“ осторожно поднимался, медленно опоражнивая свои резервуары.

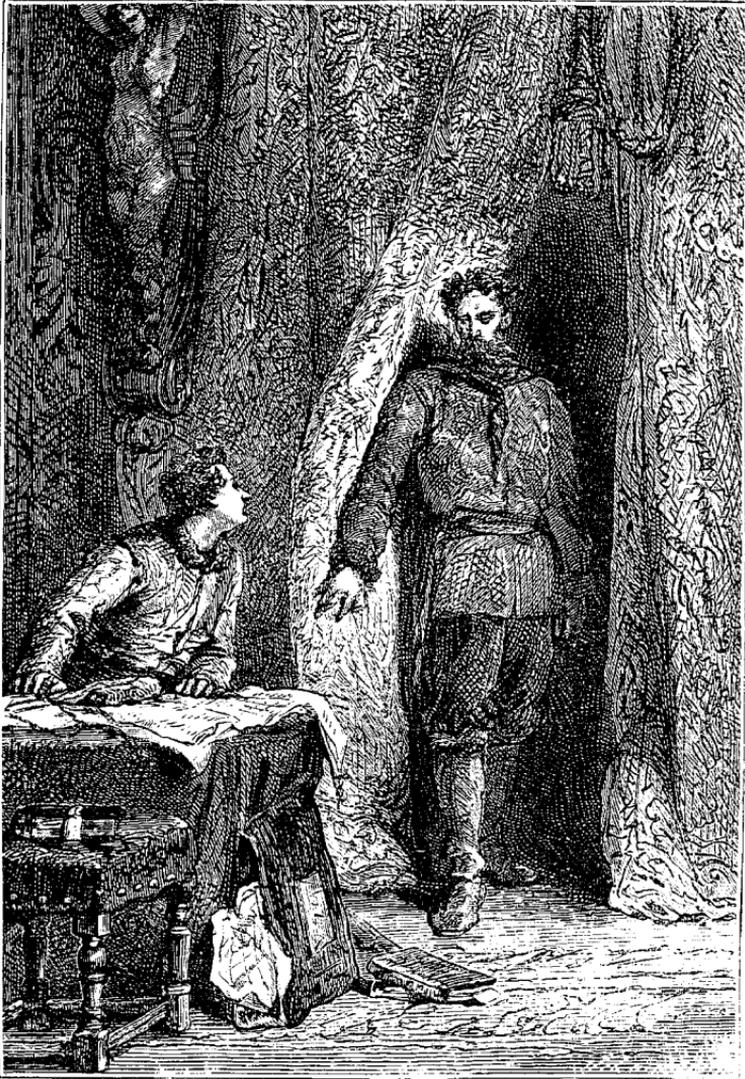
Сердце у меня начало страшно биться.

Неужели мы вышлывемъ, найдемъ свободное море?

Нѣтъ! меня увѣдомилъ объ этомъ довольно порядочный толчебъ. „Наутилусъ“ стукнулся объ ледъ и, судя по глухому звуку, льды въ этомъ мѣстѣ были еще очень толсты. Мы находились на глубинѣ тысячи футовъ, значитъ надъ нами было три тысячи футовъ льду. Здѣсь льды были слѣдовательно гораздо толще.

— Плохо дѣло! подумалъ я.

Въ этотъ день „Наутилусъ“ нѣсколько разъ пробовалъ подниматься, но всегда ударялся о ледяной потолокъ. Иногда случалось, что ледъ встрѣчался даже на девяти стахъ метрахъ,

— Свободное море! сказалъ капитанъ, отворяя двери.

слѣдовательно въ немъ было тысячу двѣсти метровъ толщины, считая двѣсти метровъ, которые возвышались надъ уровнемъ моря.

— Чтожъ это! думалъ я, здѣсь ледъ уже вдвое толще.

Наступилъ вечеръ, но никакой перемены не произошло. Ледъ доходилъ отъ четырехъ сотъ до пяти сотъ метровъ въ глубину. Разумѣется это было уже гораздо меньше, но все еще отъ поверхности моря насъ отдѣляла очень толстая кора.

Было восемь часовъ. Уже назадъ тому четыре часа слѣдовало впустить свѣжаго воздуха въ „Наутилусъ“. Однако я нисколько покажѣсть отъ этого не страдалъ, хотя капитанъ Немо и не прибѣгалъ еще къ запасамъ кислорода.

Я очень плохо спалъ эту ночь: меня то страхъ одолѣвалъ, то волновала надежда. Я вскакивалъ нѣсколько разъ съ постели. Время отъ времени я слышалъ, какъ „Наутилусъ“ ударялся о ледяную кору.

Около трехъ часовъ утра я замѣтилъ, что ледъ доходилъ всего до пятидесяти метровъ глубины. Значить всего полтора ста футовъ отдѣляли насъ отъ поверхности водъ. Сплошные льды, очевидно, превращались въ ледяныя поля. Изъ горъ дѣлались долины.

Я не отрывалъ глазъ отъ монетра. Мы все поднимались. Льды становились все тоньше.

Наконецъ въ шесть часовъ утра, въ достопамятный день 19 марта, дверь залы отворилась и явился капитанъ Немо.

— Свободное море! сказалъ онъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ.

Я со всѣхъ ногъ кинулся на платформу.

Да, море было свободно!

Только кое гдѣ плавали льдинки, да виднѣлись пловучія, ледяныя горы; вдали разстилалось огромное водное пространство; въ воздухѣ кружилось безчисленное множество птицъ, а подъ волнами кишѣли рыбы. Море, смотря по глубинѣ, переходило изъ яркаго голубаго въ оливковый цвѣтъ. Термометръ показывалъ

три градуса по Цельзію ниже нуля. По сю сторону льдовъ была, можно сказать, весна!

— Мы у полюса? спросилъ я капитана.

Сердце у меня билось до разрыва.

— Не знаю, отвѣчалъ капитанъ. Въ полдень сдѣлаемъ наблюдёніе.

— А какъ вы думаете, солнце покажется? сказалъ я, глядя на сѣрватое облачное небо.

— Покажись оно только на секунду, и этого будетъ достаточно, отвѣтилъ капитанъ.

Въ десяти миляхъ отъ „Наутилуса“ къ югу, возвышался метровъ на двѣсти уединенный островокъ. Мы направились прямо къ этому островку, но шли съ большой осторожностью. Море было совершенно незнакомое и, можетъ статья, усыяно подводными рифами.

Черезъ часъ мы достигли островка. Черезъ два часа мы уже его обогнули. Онъ имѣлъ отъ четырехъ до пяти миль въ окружности. Узкій каналъ отдѣлялъ его отъ какой-то земли. Границъ этой земли не было видно и потому мы не могли опредѣлить, что это такое: островъ или материкъ.

— Мори должно быть правъ!

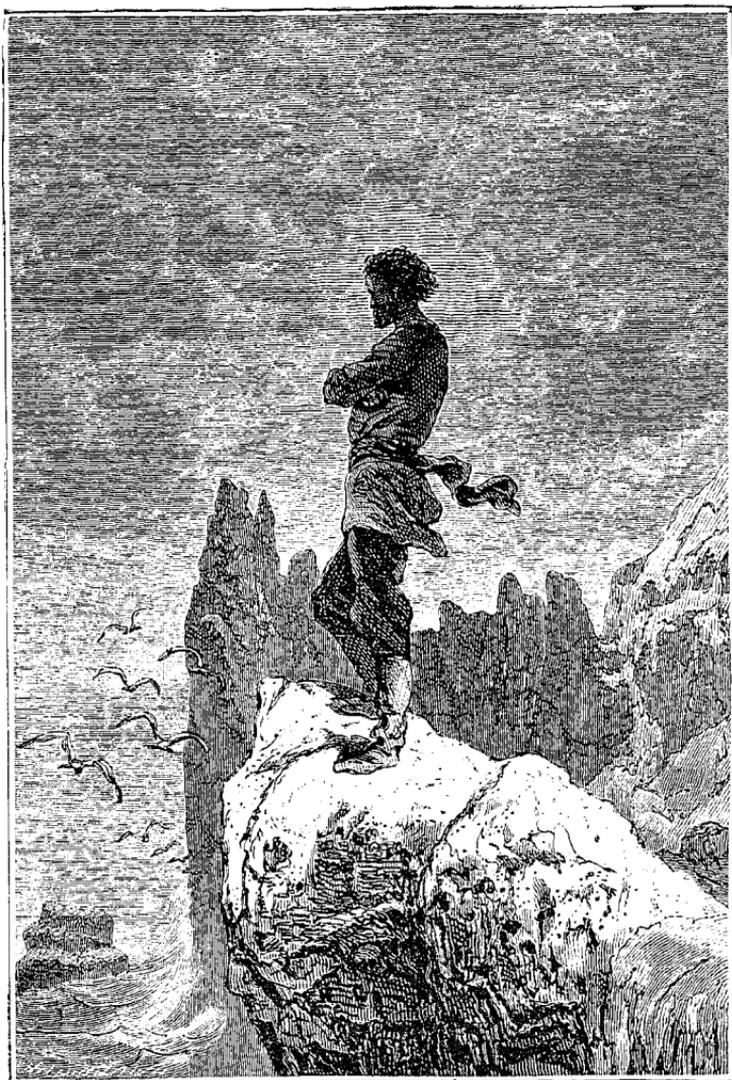
Мори замѣтилъ, что между южнымъ полюсомъ и 60 параллелью море покрыто пловучими льдинами громаднхъ размѣровъ, чего не встрѣчается въ Сѣверномъ и Атлантическомъ океанахъ. Изъ этого факта онъ вывелъ заключеніе, что антарктической кругъ заключаетъ въ себѣ довольно значительныя земли, такъ какъ ледяныя горы не могутъ образоваться въ открытомъ морѣ, а только у береговъ. По его расчетамъ, масса льдовъ, облегающая южный полюсъ, достигаетъ въ ширину четырехъ тысячъ километровъ.

„Наутилусъ“, боясь сѣсть на мель, остановился въ трехъ саженьяхъ отъ берега, подъ которымъ возвышались живописныя скалы.

Шлюпка была спущена на воду. Капитанъ, двое матросовъ, Консейсъ и я, пустились къ берегу.

Было десять часовъ утра.

Я не разъ оглядывался, не увижу ли Недъ Ленда, но Недъ

Капитанъ Немо скрестилъ руки и оглядѣлся кругомъ.

Лендъ не показывался. Вѣроятно, онъ сердился, что мы пришли противъ его согласія къ полюсу.

Шлюпка живо пристала къ берегу.

Консейль хотѣлъ выпрыгнуть, но я удержалъ его за полу.

— Капитанъ, сказалъ я капитану Немо: вамъ первому слѣдуетъ ступить на эту землю!

— Да, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ: и я несколько не колеблюсь, потому что до сихъ поръ человѣческая нога еще на нее не вступала!

Сказавъ это, онъ легко спрыгнулъ на песокъ.

Я видѣлъ, что онъ былъ взволнованъ.

Онъ быстро взобрался на утесъ, возвышавшійся на оконечности мыса, сталъ, скрестилъ руки и оглядѣлся кругомъ.

Фигура его была чрезвычайно величественна на этой высотѣ.

Минуть пять онъ молча осматривался, потомъ обратился ко мнѣ.

— Не угодно ли, г. профессоръ, крикнулъ онъ.

Я тотчасъ же вмѣстѣ съ Консейлемъ вышелъ на берегъ.

Почва состояла изъ красноватаго туфа; издали представлялось, что она усыпана толченнымъ кирпичемъ. Повсюду виднѣлись ручьи лавы, шлакъ и пемза; сейчасъ можно было видѣть, что она вулканическаго происхожденія. Въ иныхъ мѣстахъ я замѣтилъ дымовые проходы, изъ которыхъ пахло сѣрою; это обстоятельство доказывало, что внутренній огонь еще не потухъ. Однако я взошелъ на высокую скалу, и все-таки, какъ пристально ни глядѣлъ, нигдѣ не усматривалъ вулкана.

Извѣстно, что Джемсъ Россъ нашелъ кратеры Эребуса и Террора въ полномъ дѣйствии на сто шестьдесятомъ меридіанѣ и подъ $74^{\circ} 32'$ широты.

Растительность этого материка показалось мнѣ очень бѣдной. Нѣкоторые мхи изъ рода *Cuscuta melanoxantha* стались по чернымъ скаламъ. Показались еще микроскопическія растеньица, длинныя пурпуровыя и алія водоросли, занесенныя волнами и выкинутыя прибоемъ.

Берегъ былъ усыпанъ моллюсками, мелкими ракушками, блюдечками, сердцевиками, и особенно продолговатыми клюнами или шиловатками, у которыхъ голова состоитъ изъ двухъ округленныхъ лопастей. Здѣсь я тоже нашелъ цѣлыя міриады сѣверныхъ

пиловатокъ, которыхъ китъ за одинъ разъ проглатываетъ безчисленное количество. Эти прелестныя крылоногіе оживляли прибрежныя воды.

Между прочими зоофитами, виднѣлись кое-гдѣ кораллы, которые, по наблюденіямъ Джемса Росса, живутъ въ южныхъ моряхъ на глубинѣ тысячи метровъ, потомъ маленькіе пробчаки, принадлежащіе къ роду *procellaria relagica*; множество звѣздчатокъ, свойственныхъ этому климату, и морскихъ звѣздъ.

Но гдѣ кипѣла жизнь, такъ это въ воздухѣ. Всевозможныхъ породъ птицы порхали, кружились и оглушали насъ своими криками. Иныя тучами покрывали скалы, нисколько не пугались нашего присутствія и безцеремонно толпились у насъ подъ ногами. То были пингвины, легкіе и проворные на водѣ, но неуклюжіе и тяжелые на сушѣ. Они издавали престранные крики, скучивались цѣлыми стаями, держались смиренно, но неугомонно кричали.

Между этими птицами, я замѣтилъ хіонидъ, изъ семейства голенастыхъ; эти птицы были величиною съ голубя, бѣлыя, съ короткимъ коническимъ клювомъ; глаза у нихъ окружены краснымъ ободкомъ.

Консейль запасся нѣсколькими штуками этой дичи; мясо хіонидъ, если его хорошо приготовить, очень вкусно.

Въ воздухѣ мелькали альбатросы, у которыхъ ширина распростертыхъ крыльевъ равнялась четыремъ метрамъ; гигантскіе буревѣстники и между ними буревѣстники—великаны, съ выгнутыми дугою крыльями, охотники до тюленей; буревѣстники черно-бѣлые, родъ мелкихъ утокъ, съ черно-бѣлою спинкою, —однимъ словомъ цѣлое полчище буревѣстниковъ, — и бѣловатыхъ, съ коричневыми крыльями, и голубыхъ, свойственныхъ южнымъ морямъ. Эти послѣдніе до того „маслянисты“, что жители острововъ Фероэ только привязываютъ къ нимъ фитиль и потомъ зажигаютъ.

— Еще бы немножко, сказала Консейль, которому я передалъ этотъ фактъ, и изъ нихъ были бы настоящія лампы. Впрочемъ, нельзя же требовать, что бы они выводились съ фитилемъ.

Отойдя на полъ-мили отъ берега, мы увидали, что почва совершенно усыяна гнѣздами антарктическихъ сфениксовъ, принадлежащихъ къ семейству пластокрылыхъ. Гнѣзда эти представляли что-то въ родъ норокъ, изъ которыхъ безпрестанно вылетали птицы.

Птицы всевозможныхъ породъ порхали, кружились и оглушали насъ своими криками.

Капитанъ Немо послѣ устроилъ на нихъ охоту, потому что ихъ черное мясо очень недурно.

Эти сфениксы крикомъ своимъ чрезвычайно напоминали ослиное гиканье. Они величиною съ гуся, аспиднаго цвѣта, съ бѣлымъ брюхомъ и съ желтымъ ободкомъ вокругъ шеи. Они позволяли себя убивать камнями, нисколько не стараясь убѣжать.

Туманъ все не разсѣивался; было уже одиннадцать часовъ, и солнце все еще не показывалось.

Это очень меня беспокоило. Какія же могли быть наблюденія безъ солнца? какъ узнать, у полюса уже мы, или еще нѣтъ?

Я присоединился къ капитану Немо.

Онъ стоялъ, облокотясь на обломокъ утеса, и глядѣлъ на небо. Онъ казался взволнованъ, недоволенъ.

— Что же дѣлать! думалъ я. Надо покориться! Съ солнцемъ не справиться, какъ хочешь!

Наступилъ и полдень, а дневное свѣтило все не показывалось. Нельзя даже было опредѣлить мѣсто, которое оно занимало за густой занавѣсью облаковъ.

Скоро пошелъ снѣгъ.

— До завтра! сказалъ капитанъ Немо.

Мы возвратились на „Наутилусъ“.

Во время нашего отсутствія невода были закинута и я съ большимъ удовольствіемъ принялся разсматривать захваченныхъ рыбъ.

Антарктическія моря служатъ убѣжищемъ множеству переходныхъ рыбъ, которыя убѣгаютъ сюда отъ грозъ болѣе высокаго пояса, чтобы попасться на зубъ дельфинамъ и моржамъ.

Я замѣтилъ нѣсколько австралійскихъ рамшей, длиною въ дециметръ, родъ хрящеватыхъ бѣловатаго цвѣта, съ синеватыми полосками, снабженныхъ копейцами; антарктическихъ химеръ, или носачей, длиною въ три фута; эти носачи продолговатые, бѣлокожіе, гладкіе, съ серебристымъ отливомъ; голова у нихъ округленная, на спинѣ три плавника и морда оканчивается трубою, или хоботомъ, который загибается ко рту.

Я попробовалъ ихъ ѣсть, но нашелъ что они очень безвкусны, не смотря на увѣренія Консейля, что лучше блюда не искать.

Снѣговая буря или мятель продолжалась до слѣдующаго утра.

На платформѣ невозможно было оставаться. Я писалъ въ залѣ и слышалъ оттуда крики буревѣстниковъ и альбатросовъ. „Науті-лузъ“ впрочемъ не стоялъ на мѣстѣ: онъ подымался вдоль берега и прошелъ еще около десяти миль къ югу. ✕

Кругомъ царствовала полутьма или лучше сказать полусвѣтъ.

На слѣдующій день, 20 марта, мятель утихла и снѣгъ пересталъ. Сдѣлалось немного холоднѣе. Термометръ показывалъ два градуса ниже нуля. Туманъ поднялся и я началъ надѣяться, что наконецъ можно будетъ приняться за наблюденія.

Капитанъ не выходилъ изъ своей комнаты, но шлюпка была, къ нашимъ услугамъ. Мы съ Консейлемъ сѣли въ нея и благополучно переправились на берегъ.

Почва здѣсь была такая же самая, то есть вулканическаго происхожденія. Повсюду видны были слѣды лавы, выгарки, базальтъ. Но кратера все-таки я и здѣсь не могъ примѣтить, какъ тщательно ни всматривался во все стороны.

Здѣсь, какъ и тамъ, міриады птицъ оживляли мѣстность.

Кромѣ птицъ, здѣсь мы увидали цѣлыя стада морскихъ млекопитающихъ, которыя глядѣли на насъ своими кроткими, тихими глазами.

Это были различныхъ родовъ тюлени; одни лежали на землѣ, другіе на льдишахъ, выброшенныхъ прибоемъ; иныя входили въ море, иныя выходили изъ него. Они не пугались и не бѣжали при нашемъ приближеніи: видно было, что они отроду не имѣли никакого дѣла съ человѣкомъ.

— Сколько ихъ! сказала я Консейлю. Можно нагрузить цѣлыя сотни кораблей!

— Ихъ честь это справедливо изволили сказать, отвѣчалъ Консейль. Счастье, что Недъ Лендъ не пошелъ съ нами!

— Почему жъ счастье, Консейль?

— Потому, что онъ всѣхъ бы переколотилъ, съ позволенія ихъ чести.

— Ну, всѣхъ не всѣхъ, Консейль, но многихъ онъ бы пристукнулъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Капитанъ былъ бы не доволенъ, потому что онъ не любитъ проливать кровь безвредныхъ животныхъ.

— По моему капитанъ правъ, съ позволенія ихъ чести.

— Разумѣется правъ, Консейль. Послушай, ты еще не классировалъ эти образчики морской фауны?

— Ихъ чести не безъизвѣстно, что я не очень то силенъ на практикѣ... Пусть ихъ честь назоветъ мнѣ этихъ животныхъ...

— Это тюлени, моржи.

— Два рода, принадлежащіе къ семейству перепонкопалыхъ, поспѣшно отвѣтилъ ученый Консейль, къ отдѣлу плотоядныхъ, къ подклассу чревосумчатыхъ, къ классу млекопитающихъ, къ порядку позвоночныхъ.

— Отлично, Консейль! Но эти два рода, тюлени и моржи, раздѣляются на виды и, если я не ошибаюсь, то мы здѣсь найдемъ образчики для изученія. Ну, маршъ впередъ!

Было восемь часовъ утра. У насъ еще оставалось четыре часа до полудня; я надѣялся, что въ полдень солнце наконецъ покажется и можно будетъ опредѣлить, гдѣ мы находимся.

— Вотъ сюда, Консейль! сказалъ я.

Мы направились къ огромной бухтѣ, врѣзывавшейся въ крутой гранитный берегъ.

Тутъ вездѣ со всѣхъ сторонъ такъ и кишѣли морскія млекопитающія. Я невольно искалъ глазами стараго Протея, мифологическаго пастуха, который стерегъ Нептуновы стада.

Большую частію это были тюлени. Они располагались отдѣльными группами; отцы заботливо посматривали на свое семейство, матери кормили грудью дѣтенышей, а нѣкоторые подростки играли или лежали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родителей.

Когда эти млекопитающія желали перейти съ мѣста на мѣсто, они двигались маленькими прыжками; ихъ плавникъ мало имъ при этомъ помогаль. Тюлени отлично плаваютъ, а лежа на берегу принимаютъ очень граціозныя позы. Древніе за кроткое выраженіе ихъ прекрасныхъ бархатистыхъ и ясныхъ глазъ и за граціозныя движенія и позы пожаловали самцовъ въ трионовъ, а самокъ въ сиренъ.

— Посмотри-ка, каковы у нихъ мозговья лопасти! сказалъ я Консейлю. Ни у одного млекопитающаго нѣтъ столько мозгу, какъ у тюленей. Они очень смышленныя твари, ихъ легко можно приручить и даже, такъ сказать, образовать ихъ. Нѣкоторые натуралисты полагаютъ, что если бы ихъ выдрессировать хоро-

шенько, такъ они бы могли оказывать большія услуги, какъ рыболовныя собаки.

Большая часть тюленей спала на камняхъ или на пескѣ.

Между этими тюленями, у которыхъ нѣтъ наружнаго уха, я замѣтилъ разновидности узкорыловъ тонконоготныхъ, длиною въ три метра, бѣлошерстныхъ; голова у нихъ напоминаетъ голову бульдога, челюсти усажены десятью зубами, — по четыре рѣзца сверху и снизу и два глазныхъ.

Между помянутыми тюленями попадались морскіе слоны, родъ тюленей, снабженныхъ короткимъ и подвижнымъ хоботомъ; это великаны, имѣющіе десять метровъ длины, а окружность ихъ равняется двадцати футамъ.

Они не трогались съ мѣста при нашемъ приближеніи.

— Что, эти животныя опасны? спросилъ Консейль.

— Нѣтъ, не опасны, если только на нихъ не нападать. Когда тюлень защищаетъ своихъ дѣтенышей, такъ онъ ужасенъ; онъ въ такомъ случаѣ нерѣдко разбиваетъ на части охотничьи лодки.

— Что жъ? Онъ, съ позволенія ихъ чести, вправѣ такъ поступать, сказалъ Консейль.

— Я не говорю, что не въ правѣ.

Мы прошли еще двѣ мили; тутъ намъ загородилъ путь мысъ, который защищалъ бухту отъ южныхъ вѣтровъ.

Утесъ стоялъ надъ моремъ отвѣсно, волны разбивались и пѣнились у его подножія.

За этимъ утесомъ слышенъ былъ какой-то ужаснѣйшій ревъ, словно тамъ находилось цѣлое стадо жвачныхъ животныхъ.

— Вотъ тебѣ на, сказала Консейль: быки задаютъ концертъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, не быки, а моржи.

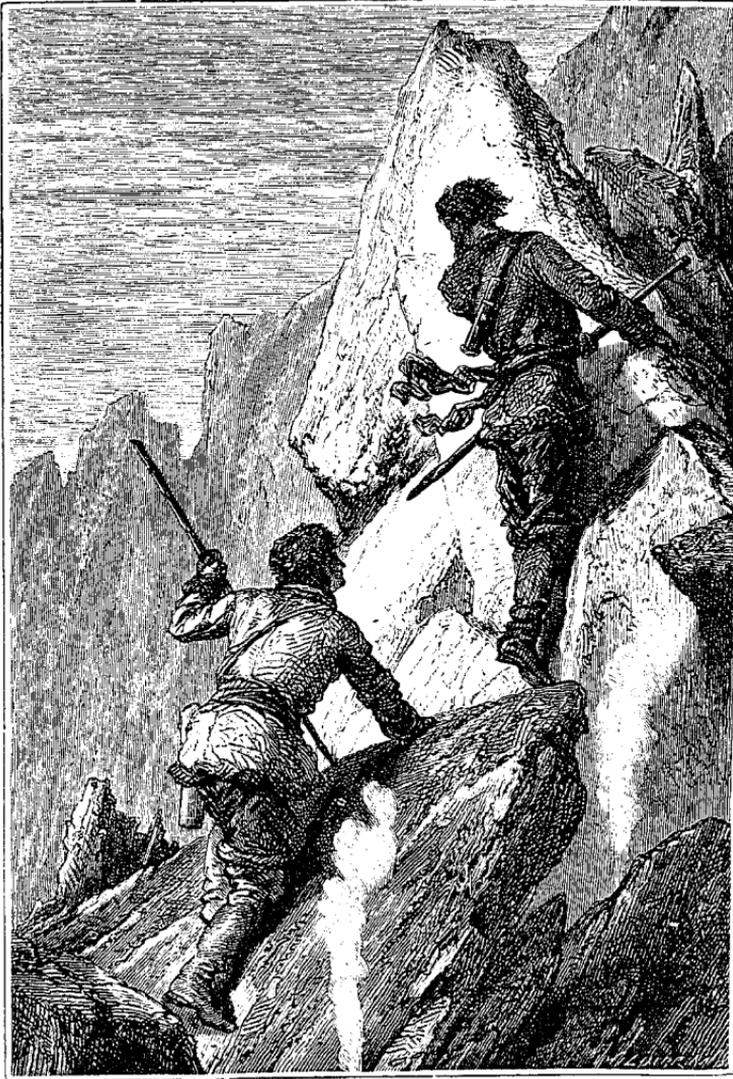
— Дерутся?

— Дерутся или играютъ.

— Я желалъ бы, съ позволенія ихъ чести, посмотрѣть на это. Посмотрѣть слѣдуетъ...

— Слѣдуетъ, Консейль, слѣдуетъ. Мы посмотримъ.

Мы начали взбираться на черноватые скалы; обледенѣлые камни были очень скользки, то и дѣло обрывались изъ подъ ногъ и скатывались. Я не разъ тоже летѣлъ внизъ, а потомъ,

Мы начали взбираться на черноватые скалы.

потирая ушибенныя части, опять карабкался дальше. Консейль былъ гораздо осторожнѣе, не падалъ, являлся ко мнѣ на помощь и приподнималъ меня говоря:

— Кабы ихъ честь потрудились получше разставлять ноги, такъ ихъ честь такъ часто бы не падала.

Наконецъ мы добрались до вершины утеса и я увидѣлъ обширную, бѣлую равнину, покрытую моржами. Моржи не дрались, а играли; ревъ былъ не гнѣвный, а веселый.

Моржи очень схожи съ тюленями, но у нихъ нѣтъ ни рѣзцовъ, ни коренныхъ зубовъ на нижней челюсти; у нихъ только на верхней челюсти два клыка, длиною въ восемьдесятъ сантиметровъ. Эти клыки гораздо крѣпче слоновыхъ и не такъ скоро желтѣютъ; они очень высоко цѣнятся. Изъ-за этихъ цѣнныхъ клыковъ охотятся за моржами съ такимъ усердіемъ, что вѣроятно скоро совершенно ихъ истребятъ. Безразсудные охотники колотятъ безъ разбору и самокъ и дѣтенышей; каждый годъ уничтожается болѣе четырехъ тысячъ моржей.

Я могъ свободно разглядывать этихъ животныхъ: они нисколько не полошились и близко къ себѣ подпускали; кожа у нихъ морщиноватая, шерсть рыжеватая, короткая и не очень густая. Иные были въ четыре метра длиною. Они были гораздо безпечнѣе и смѣлѣе сѣверныхъ моржей и не выставляли часовыхъ около своего лагеря.

Наглядѣвшись на моржей, мы отправились въ обратный путь.

Было уже одиннадцать часовъ. Я впрочемъ не надѣялся что-бы солнце показалось. Облака заволакивали все небо. Казалось, завистливое свѣтило, не хотѣло указать смертнымъ гдѣ эта недоступная точка земнаго шара.

Мы повернули по узкой тропинкѣ и спустились съ утеса. Въ половинѣ двѣнадцатаго мы уже были у нашей „пристани“.

Я тотчасъ же увидалъ капитана Немо. Онъ стоялъ на базальтовомъ обломкѣ; инструменты лежали у него подъ руками. Глаза его были устремлены на сѣверный горизонтъ.

Я подошелъ, остановился около него и тоже сталъ ждать.

Наступилъ полдень.

Солнце не показалось.

Опредѣленія нельзя было сдѣлать. Если и завтра солнце не

покажется, то придется отказаться от надежды узнать, гдѣ мы находимся.

— Сегодня 20 марта! думалъ я съ волненіемъ; сегодня 20 марта! завтра 21 число, начинается равноденствіе и солнце исчезнетъ на шесть мѣсяцевъ и наступитъ долгая полярная ночь!

Я не утерпѣлъ и высказалъ свои опасенія капитану Немо.

— Вы правы, г. Аронаксъ, отвѣтилъ капитанъ Немо; если и завтра будетъ такая же незадача, такъ придется ждать шесть мѣсяцевъ. Но если завтра въ полдень солнце покажется, мнѣ легко будетъ сдѣлать наблюденіе, потому что я буду его дѣлать 21 марта.

— Почему же 21 марта легко? капитанъ.

— Потому, что когда дневное свѣтило описываетъ такія продолговатая спиральныя линіи, измѣрять его высоту надъ горизонтомъ очень трудно; того и гляди выйдетъ какая нибудь ошибка.

— Такъ вы какъ же думаете измѣрять?

— А я буду измѣрять монометромъ. Если завтра 21 марта въ полдень солнечный дискъ будетъ пересѣкаться какъ разъ сѣвернымъ горизонтомъ, значить мы у южнаго полюса.

— Однако возразилъ я, это опредѣленіе несовсѣмъ вѣрно потому, что равноденствіе начинается не въ самый полдень.

— Разумѣется, но мы ошибемся метровъ на сто, не болѣе. Это еще не бѣда.

Капитанъ Немо воротился на корабль, а мы съ Консейлемъ слонялись до пяти часовъ по берегу, наблюдали, разсуждали, классировали.

Я нашель яйцо пингвина замѣчательно большого размѣра; любитель рѣдкостей не задумываясь далъ бы за него тысячу франковъ. Яйцо это было планшеваго цвѣта и все испещрено кажими то іероглифами.

Я вручилъ его Консейлю и Консейль благополучно донесъ его, какъ какую нибудь драгоценную китайскую вазу, до „Наутилуса“.

Я помѣстилъ это яйцо, съ позволенія капитана Немо, въ его музей, подъ стекло, вмѣстѣ съ прочими рѣдкостями.

Затѣмъ мы поужинали съ большимъ аппетитомъ. На ужинъ намъ была подава тюленья печенка, которая вкусомъ напоминала свѣжее свиное мясо.

Послѣ ужина я легъ спать. Но передъ сномъ я, не хуже любого индуса, долгое время взывалъ къ лучезарному свѣтилу, да озарить оно насъ своими животворными лучами.

На другой день, 21 марта, я съ пяти часовъ утра вышелъ на платформу.

Капитанъ Немо уже былъ тамъ.

— Иногда немного проясняется, сказалъ онъ. Я надѣюсь, что сегодня мы таки своего добьемся. Послѣ завтрака мы отправимся на берегъ и выберемъ пунктъ для наблюденія.

— Хорошо капитанъ, отвѣчалъ я.

Я отправился къ Неду Ленду и сталъ звать его съ собою.

Не смотря на все мои уговоры, упрямый канадецъ отказался. Онъ былъ очень мраченъ и озлобленъ.

— Впрочемъ все къ лучшему! подумалъ я: на берегу черезчуръ много тюленей и канадецъ затѣялъ бы такую бойню, что Боже упаси!

Послѣ завтрака я отправился на берегъ.

„Наутилусъ“ за ночь переплылъ еще нѣсколько миль. Онъ теперь находился въ милѣ слишкомъ отъ берега, на которомъ поднимался острый утесъ вышиною отъ четырехъ сотъ до пяти сотъ метровъ.

Я отправился вдвоемъ съ капитаномъ Немо. Мы разумѣется захватили съ собою нужные инструменты, то есть хронометръ, подзорную трубу и барометръ.

Во время нашего переезда я видѣлъ множество китовъ, принадлежащихъ къ тремъ видамъ, свойственнымъ австралійскимъ морямъ: настоящаго кита, у котораго нѣтъ спиннаго плавника, горбуна, родъ гиббара, съ огромными бѣловатыми плавниками, и коричнево-желтаго кита, извѣстнаго у англичанъ подъ именемъ fin-back, который превосходитъ живостью и проворствомъ всю свою остальную братію. Издали можно слышать его приближеніе, потому что онъ очень высоко выбрасываетъ столбы воздуха и пара, которые похожи на столбы дыма.

Все эти млекопитающія рѣзвились цѣлыми стадами въ тихихъ спокойныхъ водахъ. Бассейнъ южнаго полюса служилъ, какъ видно, убѣжищемъ китообразнымъ, которые спасались отъ ярости охотниковъ.

Я тоже замѣтилъ много сальновъ, которыя тянулись по водѣ,

какъ длинныя бѣловатыя сурки, и огромныхъ медузъ, которыя покачивались на волнахъ.

Въ девять часовъ мы причалили къ берегу.

Погода прояснялась. Облака бѣжали къ югу. Туманъ поднимался съ поверхности водъ.

Капитанъ Немо направился къ утесу.

Всходить на этотъ утесъ было очень трудно; повсюду острые осколки лавы, пепла, да къ этому еще и неприятный запахъ сѣры.

Капитанъ Немо быстро и легко взбирался, и я, глядя на него, думалъ:

— Однако ты не совѣмъ отвыкъ ходить по землѣ, хотя и хвалишься, что давнымъ давно отъ ней отвыкъ! Ишь, съ какою ловкостью перепрыгиваетъ! Не хуже пиринейскаго охотника!

Мы дѣлше два часа взбирались до вершины утеса. Съ вершины мы обозрѣвали обширное море. Подъ нашими ногами разстилались поля ослѣпительной бѣлизны. Надъ головой у насъ сіяло блѣдно-голубое небо. На сѣверѣ видѣнъ былъ солнечный дискъ, похожій на огненный шаръ; крестенъ его уже скрылся за горизонтомъ. Изъ глубины водъ великолѣпными снопами поднимались сотни водометовъ. Вдали стоялъ „Наутилусъ“, какъ бы уснувши на волнахъ. Позади насъ, къ югу и востоку, лежала необозримая земля, представлявшая кучи утесовъ и льдинъ.

Капитанъ Немо, поднявшись на вершину, тотчасъ же опредѣлялъ высоту утеса.

Въ три четверти двѣнадцатаго часа солнце показалось какъ золотой шаръ и освѣтило послѣдними лучами этотъ уединенный материкъ и пустыни, никѣмъ не посѣщаемыя моря.

Капитанъ Немо наблюдалъ свѣтило, которое мало по малу скрывалось за горизонтомъ.

Мое сердце страшно билось.

Если солнечный дискъ на половину закроется въ полдень, то мы, значить, у полюса!

— Полдень! вскрикнулъ я. Двѣнадцать часовъ!

— Южный полюсъ! отвѣтилъ мнѣ капитанъ Немо, передавая мнѣ трубу.

Дневное свѣтило перерѣзывалось горизонтомъ какъ разъ на двѣ равныя части!

Я смотрѣлъ какъ послѣдніе лучи озолотили вершину утеса и какъ тѣни стали ложиться по его склону.

Въ эту минуту капитанъ Немо оперся рукой на мое плечо и сказалъ:

— Г. Аронаксъ, въ 1600 г. голандецъ Геритъ былъ увлеченъ течениями и бурями, достигъ 64° южной широты и открылъ Нью-Тенглендскіе острова. Въ 1773 г. 17 января, знаменитый Букъ достигъ $67^{\circ} 30'$, а въ 1774 г. 30 января $71^{\circ} 15'$ широты. Въ 1819 г. русскій Беллингаузенъ былъ на шестьдесятъ девятой параллели, а въ 1821 г. на шестьдесятъ шестой подъ 111° западной долготы. Въ 1820 г. англичанинъ Бренсфильдъ дошелъ до 65° . Въ этомъ же году американецъ Моррель, — впрочемъ, его рассказы подлежатъ сомнѣнію, — открылъ свободное отъ льдовъ море подъ $70^{\circ} 14'$ широты. Въ 1825 г. англичанинъ Поуэль не могъ перейти 62° . Въ томъ же году простой охотникъ за тюленями, англичанинъ Уэдделъ, поднялся до $72^{\circ} 14'$ широты на тридцать пятомъ меридіонѣ, и до $74^{\circ} 15'$ по тридцать шестому. Въ 1829 г. англичанинъ Форстеръ открылъ южный континентъ подъ $63^{\circ} 26'$ широты и подъ $66^{\circ} 26'$ долготы. Въ 1831 г. англичанинъ Виско открылъ 1 февраля землю Эндерби, подъ $68^{\circ} 50'$, въ 1832 г. 5 февраля, землю Аделаиду подъ 67° , а 21 февраля землю Гремскую подъ $64^{\circ} 45'$ широты. Въ 1838 г. французъ Дюмонъ д'Юрвиль, остановленный сплошными льдами подъ $62^{\circ} 57'$ широты, открылъ землю Людовика-Филиппа. Два года спустя, тотъ же Дюмонъ д'Юрвиль открылъ 21 января подъ $66^{\circ} 30'$ землю Аделию, и черезъ восемь дней подъ $64^{\circ} 40'$ Кларійскій берегъ. Въ 1838 г. англичанинъ Уильксъ дошелъ до 69 параллели. Въ 1839 г. англичанинъ Бальни открылъ землю Саврину, на границѣ полярнаго круга. Наконецъ въ 1842 г. англичанинъ Джемсъ Россъ, 12 января, поднимаясь на „Эребусъ“ и „Терроръ“ открылъ землю Викторіи подъ $76^{\circ} 56'$ широты и $171^{\circ} 7'$ восточной долготы. 23 числа того же мѣсяца онъ былъ на 74 параллели, — самой дальней точкѣ, до которой до тѣхъ поръ достигали; 27 числа онъ дошелъ до $76^{\circ} 8'$, 28 до $77^{\circ} 32'$, 2 февраля до $78^{\circ} 4'$. Въ 1842 г. онъ возвратился къ 71° , котораго не могъ перейти. Я, капитанъ Немо, сего 21 марта 1868 г., достигъ до

южного полюса находящагося подь 90°, и я завладѣваю этой частью земнаго шара!

— Чѣмъ именемъ завладѣваете, капитанъ?

— Моимъ, г. Аронаксъ!

Съ этими словами капитанъ Немо развернулъ черное знамя, на которомъ сверкалъ золотой N. Затѣмъ, обращаясь къ дневному свѣтилу, которое уже почти скрылось и посылало только слабыя лучи, онъ крикнулъ:

— Прощай солнце! Исчезай лучезарное свѣтило! И пусть шестимѣсячная ночь покроетъ мглой мои новыя владѣнія!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

НЕСЧАСТІЕ ИЛИ ПРЕПЯТСТВІЕ?

На слѣдующій день, 22 марта, въ шесть часовъ утра, мы начали готовиться въ обратный путь.

Темнота все увеличивалась и было очень холодно. Созвѣздія блистали великолѣпно. На зенитѣ сверкалъ южный крестъ, полярная звѣзда антарктическихъ странъ.

Термометръ показывалъ 12° ниже нуля. По временамъ дулъ холодный вѣтеръ. Показалось много льдинъ. На поверхности моря видѣлись словно черноватые пятна; эти черноватые пятна служили признакомъ, что скоро все затянется молодымъ льдомъ.

Очевидно, австралійскій бассейнъ, замерзающій на шесть зимнихъ мѣсяцевъ, дѣлался недоступенъ.

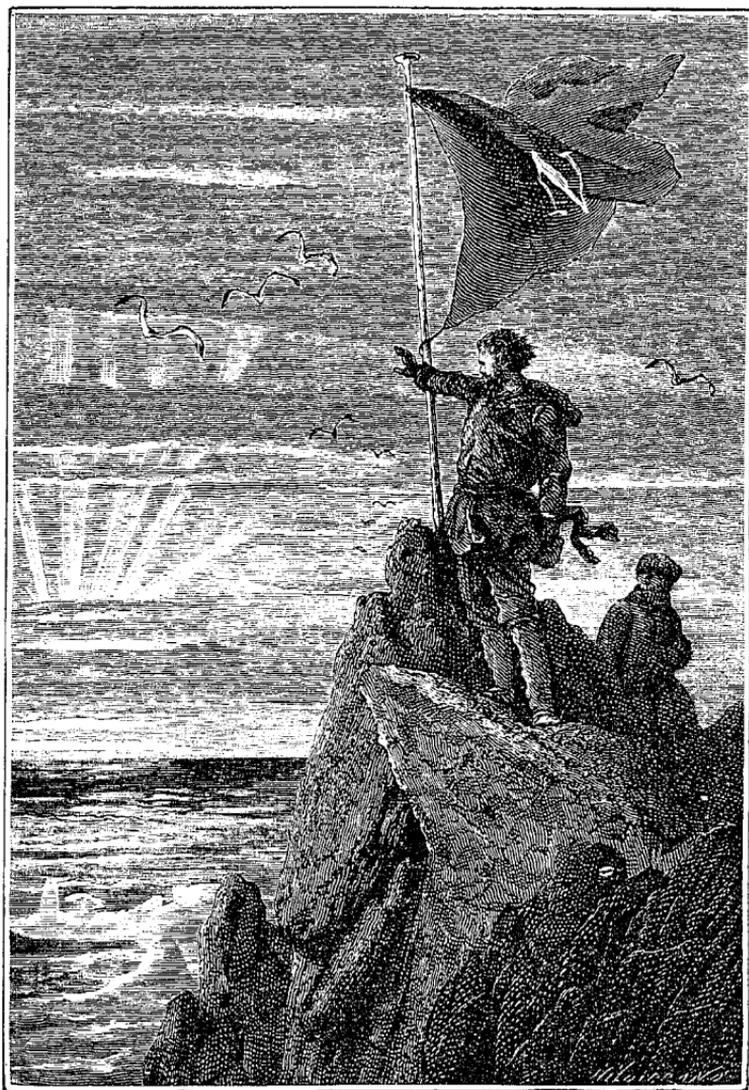
Что же будетъ съ китами въ это время?

Киты, вѣроятно, пробираются подь льдами въ другія моря.

Что касается тюленей и моржей, то они привыкли жить въ холодномъ и суровомъ климатѣ и оставались дома.

Эти животныя продѣлываютъ дыру въ ледяныхъ поляхъ и заботятся о томъ, чтобы она не замерзала. Въ эти дыры они высовываютъ головы и дышутъ. Когда птицъ спугнетъ холодъ и они улетятъ на сѣверъ, тюлени и моржи остаются единственными хозяевами полярнаго континента.

„Наутилусъ“ началъ погружаться. Спустился на глубину тысячи метровъ онъ остановился и держась на этой глубинѣ по-

Капитанъ Немо развернулъ черное знамя.

шелъ прямо на сѣверъ со скоростью пятнадцати миль въ часъ.

Бъ вечеру онъ уже плылъ подь сплошными льдами.

Филенки въ залѣ были задвинуты изъ предосторожности: корпусъ „Наутилуса“ могъ неожиданно наткнуться на какой нибудь выдавшійся утесъ и тогда пришлось бы плохо.

Я провелъ цѣлый день за своими мемуарами.

И такъ мы достигли южнаго полюса!

Сколько чудесъ насмотрѣлся я за эти пять мѣсяцевъ.

Мы прошли четырнадцать тысячъ лье. И что это было за путешествіе! Я вспоминалъ охоту на островѣ Креспо, остановку въ Торресовомъ проливѣ, кораловое кладбище, жемчужныя ловли на Цейлонѣ, Аравійскій туннель, Санторинскіе огни, миліоны бухты Виго, Атлантиду, южный полюсъ и эти воспоминанія цѣлую ночь не дали мнѣ уснуть.

Въ три часа утра меня разбудилъ сильнѣйшій толчокъ.

Я приподнялся на постелѣ и сталъ прислушиваться.

Кругомъ было темно.

Вдругъ меня сбросило съ кровати на полъ.

Очевидно, „Наутилусъ“ натолкнута на мель!

Я поднялся и, держась за стѣпки, кое-какъ добрался до залы.

Въ залѣ вся мебель была опрокинута. По счастію стеклянныя крышки на ящикахъ съ рѣдкостями удержались.

„Наутилусъ“ лежалъ неподвижно на штирбордѣ.

Я слышалъ торопливые шаги, смѣшанные голоса.

Капитанъ Немо не показывался.

Въ ту минуту, какъ я выходилъ изъ залы, явились Недъ Лендъ и Консейль.

— Что такое случилось? спросилъ я.

— Я, съ позволенія ихъ чести, пришелъ спросить объ этомъ, отвѣчалъ Консейль.

— Я хорошо знаю, что случилось! сказалъ Недъ Лендъ. „Наутилусъ“ сѣлъ на мель! И я полагаю, что теперь вашъ капитанъ Немо такъ не выкарабкается, какъ въ Торресовомъ проливѣ!

— Онъ по крайней мѣрѣ вышелъ на поверхность? спросилъ я.

— Мы не знаемъ, отвѣчалъ Консейль.

— Можно узнать, сказалъ я.

Я посмотрѣлъ на монометръ. Къ великому моему изумленію монометръ показывалъ глубину въ триста шестьдесятъ метровъ.

— Что жъ это значить? вскрикнулъ я.

— Надо бы спросить капитана Немо, сказалъ Консейль.

— Да гдѣ его взять, вашего капитана Немо? отвѣтилъ Недъ Лендъ. Онъ словно сквозь землю провалился.

— Пойдемъ его искать, сказалъ я.

Мы вышли изъ залы.

Въ библиотекѣ ни души. На центральной лѣстницѣ ни души. На вахтѣ ни кого.

— Вѣрно капитанъ Немо въ каютѣ кормчаго, сказалъ я. Надо подождать.

Мы воротились въ залу.

Я не буду перечислять молитвъ, которыя читалъ Недъ Лендъ капитану Немо. Я далъ канадцу полную свободу „выкричаться“, и не прерывалъ его ни единымъ словомъ.

Наконецъ онъ умолкъ.

Мы сидѣли минутъ двадцать тихо, прислушиваясь къ малѣйшему шуму.

Вдругъ входитъ капитанъ Немо.

Онъ словно насъ не замѣтилъ. Его лицо всегда такое безстрастное выражало теперь нѣкоторое безпокойство. Онъ внимательно посмотрѣлъ на компасъ, на монометръ и отыскивалъ на картѣ какую-то точку.

Я не хотѣлъ ему мѣшать и пока молчалъ.

Наконецъ, когда онъ повидимому собирался уйти, я сказалъ ему:

— Препятствіе, капитанъ?

— Нѣтъ, г. Аронаксъ: на этотъ разъ несчастіе, отвѣчалъ капитанъ Немо.

— Большое?

— Можетъ стать большое.

— Опасность близка, неминуема?

— Нѣтъ еще.

— „Наутилусъ“ сѣлъ на мель?

— Да.

— И это произошло?

— Не отъ безопасности или неопытности человѣка, а отъ каприза природы, г. Ароаксъ. Людскіе законы можно отвергать, можно имъ не повиноваться, но противъ законовъ естественныхъ не пойдешь!

— Нашель время для высказыванья философскихъ мыслей, подумалъ я.

— Можете вы мнѣ сказать, коли такъ, что за причина...

— Передъ нами опрокинулась огромная льдина, г. профессоръ. Вы вѣроятно знаете, что вода мало по малу подмываетъ ледяныя горы, и онѣ падаютъ. Это и случилось. Гора упала и толкнула „Наутилусъ“, который плылъ подъ водой, затѣмъ очутилась ниже, скользнула подъ его корпусъ, приподняла его и подкинула выше, гдѣ онъ и засѣлъ.

— Нельзя ли какъ нибудь помочь горю, капитанъ? Опорожнить бы резервуары...

— Я уже распорядился. Слышите, какъ дѣйствуютъ насосы? Посмотрите на манометръ:—видите, мы приподнимаемся. Но ледяная гора поднимается вмѣстѣ съ „Наутилусомъ“ и до тѣхъ поръ, пока что нибудь не остановитъ этой горы, положеніе наше не улучшится.

Дѣйствительно „Наутилусъ“ поднимался, почти лежа на правомъ боку. Безъ сомнѣнія онъ поднимется, когда ледяная гора остановится, но если мы все будемъ подниматься вмѣстѣ до самыхъ сплошныхъ льдовъ?

Тогда насъ сплющить между двумя ледяными поверхностями! Признаюсь, было о чемъ задуматься!

Капитанъ Немо часто поглядывалъ на манометръ. Мы всплывали все бокомъ и поднялись уже футовъ на полтораста.

Вдругъ мы почувствовали легкое сотрясеніе. Очевидно „Наутилусъ“ приподнимался. Картины въ залѣ приняли прежнее положеніе, стѣны выпрямились.

Всѣ мы затаили дыханье.

Прошло десять минутъ.

— Наконецъ мы стали на ноги! вскрикнулъ я.

— Да, отвѣчалъ капитанъ Немо и пошелъ къ дверямъ.

— А поплывемъ мы, капитанъ?

— Конечно поплывемъ, г. Ароаксъ. Резервуары еще не опо-

роженны, а когда ихъ опорожнять, мы поднимемся на поверхность моря.

Капитанъ ушелъ.

Тотчасъ же, по его распоряженію, „Наутилусъ“ пошелъ тише.

— Ну выскочили! сказалъ канадецъ.

— Да! отвѣчалъ я. Намъ могло сплюснуть между льдами, или по крайней мѣрѣ мы рисковали очутиться въ ледяной тюрьмѣ. И тогда, безъ воздуха... Да, мы отдѣлались благополучно!

— Коли только отдѣлались! сказалъ Недъ Лендъ.

Я не хотѣлъ затѣвать спора и ничего ему на это не отвѣтилъ. Къ тому же въ эту самую минуту открылись филенки и наружный свѣтъ ворвался сквозь стеклянныя пластинки.

Мы плыли между сверкающими льдами. Сверху громадная подводная поверхность сплошныхъ льдовъ растилалась надъ нами, какъ какой нибудь гигантскій потолокъ, а снизу плыла подъ нами опрокинувшаяся ледяная гора. „Наутилусъ“ шелъ по настоящему ледяному туннелю; туннель этотъ имѣлъ около двадцати метровъ въ ширину и наполненъ былъ тихою, спокойною водою.

Льды переливались и сверкали, какъ алмазы.

— Ахъ, какъ прекрасно! говорилъ Консейль; ахъ, какъ прекрасно!

— Да, Консейль, прекрасно! отвѣчалъ я. Вѣдь прекрасно, Недъ?

— Разумѣется прекрасно! съ гнѣвомъ отвѣчалъ канадецъ. Правды некуда дѣвать! Я ничего такого отроду не видывалъ! Ну, да за это прекрасное мы можемъ дорого заплатиться. Знаете что, г. Аронаксъ? Не слѣдовало бы всего этого видѣть: коли ужъ чего Господь не хочетъ самъ показывать, такъ на то не слѣдуетъ глядѣть!

Я хотѣлъ ему отвѣтить, но Консейль мнѣ помѣшалъ. Достойный паренъ вдругъ вскрикнулъ.

— Что съ тобой, Консейль? спросилъ я.

— Пусть ихъ честь закроетъ глаза! вскрикнулъ Консейль. Пусть ихъ честь не смотреть!

Кричить, а самъ зажалъ себѣ лицо руками.

— Да что съ тобою, Консейль?

— Я ослѣпленъ!

Я невольно обратилъ глаза на окно залы, но невыносимый блескъ тотчасъ же заставилъ меня зажмуриться.

Я понялъ въ чемъ дѣло. „Наутилусъ“ прибавилъ ходу и несся теперь чрезвычайно быстро; стѣны, до сихъ поръ сверкавшія ровнымъ яркимъ свѣтомъ, вдругъ превратились въ огненные, и мы мчались какъ оббитые молніями.

Мы долго стояли, закрывъ лицо руками.

— Ну! сказалъ Консейль, оправившись: я бы этому не повѣрилъ!

— А я еще не вѣрю! отвѣтилъ Недъ Лендъ.

— Когда мы воротимся домой, на твердую землю, прибавилъ Консейль, такъ мы ужъ тамъ ни чему не будемъ удивляться! Ужъ теперь твердая, обитаемая земля намъ ни почемъ!

Эти слова достаточно показывали до какой степени былъ возбужденъ невозмутимый фламандецъ.

Но Недъ Лендъ сейчасъ же постарался брызнуть на него холодной водицей.

— Обитаемая земля! сказалъ онъ. Вы будьте благонадежны пріятель: намъ на обитаемой землѣ ужъ не бывать!

Было пять часовъ утра.

Вдругъ опять толчокъ!

Я догадался, что шекъ „Наутилуса“ натолкнулся на льды.

— Вѣрно капитанъ поворачиваетъ въ сторону, сказалъ я; вѣрно туннель въ этомъ мѣстѣ загибается... Во всякомъ случаѣ, мы пройдемъ...

Но вопреки моему ожиданію „Наутилусъ“ началъ отступать.

— Мы назадъ идемъ? сказалъ Консейль.

— Да, отвѣтилъ я, да, назадъ... Вѣрно въ этомъ мѣстѣ нѣтъ выхода изъ туннеля.

— Что жъ тогда, если нѣтъ выхода и...

— Мы повернемъ назадъ и выйдемъ черезъ южное отверстіе, отвѣчалъ я. Вотъ и все!

Я, говоря это, вовсе не былъ спокоенъ, а только храбрился.

„Наутилусъ“ все пятился назадъ.

— Вотъ и заковычка! сказалъ Недъ Лендъ.

— Не бѣда! отвѣчалъ я ему. Два-три лишнихъ часа промедлимъ и выберемся!

— Да, коли только выберемся! сказалъ канадецъ.
Я нѣсколько минутъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ.
Недъ Лендъ и Консейль сидѣли молча.

Наконецъ я кинулся на диванъ, взялъ книгу и началъ ее машинально пробѣгать глазами.

Черезъ четверть часа Консейль подошелъ ко мнѣ и спросилъ:

— Что ихъ честь изволить читать? Очень это интересно?

— Очень интересно, Консейль, отвѣчалъ я.

— Еще бы! Ихъ честь изволить читать книгу ихъ же чести! Свою книгу?

— Точно такъ.

Дѣйствительно я держалъ въ рукахъ собственное свое произведение „о Тайнахъ морскихъ безднъ“.

Я бросилъ книгу и снова сталъ расхаживать по комнатѣ.
Недъ Лендъ и Консейль собрались было уходить.

— Оставайтесь, друзья! сказалъ я. Лучше сидѣть вмѣстѣ, пока... пока выберемся.

— Какъ угодно будетъ ихъ чести, отвѣтилъ Консейль.

Прошло нѣсколько часовъ. Я частенько справлялся съ инструментами, развѣшенными по стѣнамъ залы.

Монометръ показывалъ, что „Наутилусъ“ держится на глубинѣ трехъ сотъ метровъ; компасъ показывалъ, что онъ все направляется къ югу, а лагъ, что онъ идетъ со скоростью двадцати миль въ часъ.

Въ такомъ сжатомъ пространствѣ и такая быстрота хода.

Капитанъ Немо понималъ, что надо спѣшить и что каждая минута дорога.

Въ двадцать пять минутъ девятого опять толчокъ!

Я поблѣднѣлъ. Недъ Лендъ и Консейль подошли ко мнѣ.
Я схватилъ Консейля за руку. Мы молча переглянулись.

Въ эту минуту вошелъ капитанъ.

Я кинулся къ нему и спросилъ:

— Дорога къ югу тоже заграждена?

— Да, г. Аронаксъ, заграждена.

— Мы значить заперты въ этомъ туннелѣ?

— Заперты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ВОЗДУХУ!

Затерты во льдахъ!

Недъ Лендъ ударилъ по столу своимъ мощнымъ кулакомъ. Консейль молчалъ и стоялъ спокойно.

Я посмотрѣлъ на капитана. Лицо его приняло свое обычное выраженіе безстрастія. Онъ стоялъ, скрестивъ, по своей привычкѣ, руки на груди и о чемъ то раздумывалъ.

„Наутилусъ“ не двигался.

Наконецъ капитанъ заговорилъ.

— Господа, сказалъ онъ спокойнымъ ровнымъ голосомъ, при настоящихъ обстоятельствахъ мы можемъ умереть двоякимъ образомъ.

Онъ точно объяснялъ намъ какой нибудь урокъ!

— Впервыхъ, насъ можетъ раздавить между льдовъ, а вторыхъ мы можемъ задохнуться отъ недостатка воздуха. О возможности умереть съ голоду я не говорю, потому что у насъ еще очень много съѣстныхъ припасовъ. Займемся вопросомъ о возможности быть раздавленными или задохнуться.

— Задохнуться мы не задохнемся, капитанъ, сказалъ я потому что вѣдь запасные резервуары...

— Запаснаго воздуху станетъ всего на два дня, г. Аронаксъ. Мы уже тридцать восемь часовъ находимся подъ сплошными льдами. Развѣ вы не чувствуете, что уже трудно становится дышать? Черезъ два часа весь нашъ запасъ истощится.

— Такъ надо постараться выбраться отсюда, капитанъ! вскрикнулъ я.

— Мы попробуемъ, г. Аронаксъ. Я хочу попытаться пробить ледяную стѣну.

— Съ которой стороны, капитанъ?

— А вотъ сейчасъ узнаемъ, что покажетъ зондъ. Я посажу „Наутилусъ“ на ледяное подножіе, а экипажъ одѣнется въ пробковыя фуфайки и примется пробивать стѣну въ томъ мѣстѣ, гдѣ она окажется поподатливѣй и потоньше.

— Можно отодвинуть ставни?

— Можно. Мы теперь вѣдь стоимъ на мѣстѣ.

Капитанъ Немо ушелъ.

Скоро я услышалъ, какъ вода наполняла резервуары.

„Наутилусъ“ медленно опустился и сталъ на ледяное дно на глубинѣ трехсотъ пятидесяти метровъ.

— Ну, друзья! сказалъ я Неду и Консейлю. Времена трудныя, но я на васъ надѣюсь, что не ударите лицомъ въ землю!

— Я, г. Аронаксъ, готовъ, что угодно... какъ могу... говорилъ канадецъ.

Я протянулъ ему руку.

— И коли надобно капитану еще работника, такъ я съ моимъ удовольствіемъ, г. Аронаксъ... Я, ничего, могу справиться съ мотыкою...

— Вѣрно капитанъ будетъ очень радъ, Недъ, сказалъ я. Пойдемте къ нему!

Я повелъ Неда въ уборную, гдѣ экипажъ одѣвался въ пробовыя фуфайки.

Капитанъ былъ тутъ же.

Капитанъ принялъ предложеніе канадца очень благосклонно.

Черезъ нѣсколько минутъ Недъ Лендъ уже былъ совсѣмъ готовъ и отправился вмѣстѣ съ экипажемъ на работу.

Я воротился въ залу и помѣстился вмѣстѣ съ Консейлемъ у окна.

Скоро мы увидали какъ человекъ двѣнадцать экипажа стали на льду.

— Вонъ Недъ! сказалъ я Консейлю. Онъ выше ихъ всѣхъ.

Капитанъ Немо тоже былъ съ рабочими.

Сначала попробовали пробивать верхніе льды, но они оказались черезчуръ толсты; принялись за нижніе. Зондъ показалъ, что тутъ всего десять метровъ отдѣляетъ насъ отъ воды. Значитъ, надо было прорубить около шести тысячъ пяти сотъ кубическихъ метровъ, чтобы образовать дыру, черезъ которую могъ пройти „Наутилусъ“.

Работа началась и продолжалась съ большимъ усердіемъ.

Послѣ двухчасовой безустанной работы, Недъ Лендъ пришелъ къ намъ отдохнуть. Онъ былъ совершенно изнеможенъ.

На мѣсто прежнихъ рабочихъ явились новые, къ которымъ

Я съ ужасомъ увидѣлъ, что вода въ тоннелѣ начинаетъ замерзать

присоединились и мы съ Консейлемъ. Лейтенантъ распоряжался работами.

Сначала мнѣ показалось очень холодно, но поработавъ мотыкою, я согрѣлся.

Мы тоже проработали два часа и потомъ пошли отдыхать.

Воздухъ не былъ освѣженъ цѣлыхъ сорокъ восемь часовъ и дышать становилось трудненько.

А между тѣмъ, рассчитывая по тому, какъ шла наша работа, намъ надо было проработать еще пять ночей и четыре дня, чтобы выбраться изъ ледяной западни.

— Пять ночей и четыре дня! сказалъ я товарищамъ, а у насъ воздуху всего только на два дня!

— Вы еще и то помните, отвѣчалъ Недъ Лендъ, что коли мы и выберемся изъ этой проклятой ледяной тюрьмы, мы все-таки останемся еще подъ сплошными льдами,—значитьдохнутьвольнымъвоздухомъвсе-такибудетьнельзя!

Плохо приходилось!

Цѣлую ночь работа не прекращалась.

— А вась выберемся! думалъ я.

Утромъ я надѣлъ пробковую фуфайку и пошелъ поглядѣть на сколько подвинулись работы.

Вообразите мой ужасъ, когда я увидѣлъ, что вода въ нашемъ тоннелѣ начинаетъ замерзать!

Я ничего не сказалъ объ этой новой бѣдѣ ни Консейлю, ни Неду Ленду. Къ чему было ихъ тревожить безъ всякой пользы?

Но капитана Немо я увѣдомилъ немедленно.

— Я знаю, г. Аронаксъ, отвѣчалъ онъ съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ. Я знаю, но я не въ силахъ этому помочь. Остается одно: спѣшить! Надо, такъ сказать, обогнать морозъ!

Обогнать морозъ! Этотъ человѣкъ могъ еще шутить!

Весь этотъ день я ревностно работалъ. Работа меня ободряла и поддерживала. Кромѣ того на работѣ дышалось свободнѣе.

Къ вечеру прорубили еще на одинъ метръ.

Когда я пришелъ въ залу, то воздухъ былъ уже такой спертый, что я задыхался.

Капитанъ Немо вынужденъ былъ открыть краны запасныхъ резервуаровъ и впустить немного свѣжаго воздуха.

На слѣдующій день, 26 марта, я опять принялся за работу. Вода все больше и больше замерзала.

Признаюсь, я не разъ приходилъ въ отчаянѣе и думалъ:

— Къ чему выбиваться изъ силъ? Все равно тутъ задохнусь!

Разъ, когда капитанъ Немо проходилъ мимо меня, я остановилъ его за руку и указалъ на вновь образовавшіяся льдины.

Капитанъ понялъ, что я хочу сказать и сдѣлалъ знакъ за собою слѣдовать.

Мы вошли въ уборную, сняли съ себя пробковыя фуфайки и за тѣмъ отправились въ залу.

— Г. Аронаксъ, сказалъ мнѣ капитанъ: надо предпринять что-нибудь рѣшительное, иначе мы замерзнемъ въ этой водѣ!

— Да надо предпринять... Но что же предпринять, капитанъ?

— А! если бы мой „Наутилусъ“ могъ выдержать это давленіе...

— Такъ что же? спросилъ я, не понимая, что онъ хочетъ сказать.

— Тогда бы это замерзаніе насъ спасло. Вновь образовавшійся ледъ наперъ бы на прежніе льды и заставилъ бы ихъ раздаться!

— Да, капитанъ... можетъ быть... но вѣдь „Наутилусъ“ не выдержитъ этого давленія; его расплющитъ!

— Знаю г. Аронаксъ. Надо во что бы то ни стало помѣшать замерзанію.

— А на сколько хватитъ запаснаго воздуха? спросилъ я.

Капитанъ посмотрѣлъ на меня.

— Послѣ завтра, сказалъ онъ, резервуары совершенно опорожнятся.

Я весь похолодѣлъ.

Капитанъ Немо между тѣмъ о чемъ-то раздумывалъ; казалось у него явилась какая-то новая мысль, но онъ еще колебался, еще не былъ увѣренъ...

Наконецъ онъ сказалъ:

— Кипятокъ.

— Кипятокъ! вскрикнулъ я.

— Да, г. Аронаксъ. Мы заключены сравнительно въ маломъ пространствѣ. Если изъ насосовъ „Наутилуса“ постоянно

выпускать кипятокъ, такъ я думаю, температура здѣсь повысится.

— Надо попробовать! вскрикнулъ я.

— Попробуемъ, г. профессоръ, отвѣчалъ капитанъ.

Мы тотчасъ же отправились на кухню, гдѣ помѣщались аппараты. ✕

Черезъ нѣсколько минутъ вода уже достигла ста градусовъ.

— Поливай! крикнулъ капитанъ.

Приказъ его тотчасъ былъ исполненъ.

Черезъ четыре часа термометръ показывалъ вмѣсто семи градусовъ ниже нуля только шесть. Еще черезъ два часа термометръ показывалъ только четыре.

— Дѣло пойдетъ на ладъ, капитанъ! сказалъ я.

— Думаю, что такъ, г. Аронаксъ, отвѣчалъ капитанъ.

Въ продолженіи ночи температура воды опустилась на градусъ ниже нуля. Но морская вода замерзаетъ только при двухъ градусахъ ниже нуля и потому я не отчаивался.

На слѣдующій день, 27 марта, прорублено было еще шесть метровъ. Оставалось всего на сорокъ восемь часовъ работы.

Запаснаго воздуха уже не было и съ каждой минутой дышать становилось все труднѣе и труднѣе.

Я чуть держался на ногахъ.

Около трехъ часовъ пополудни мнѣ сдѣлалось совсѣмъ нехорошо. Я уже не могъ ходить и лежалъ безъ движенія, почти безъ памяти.

Консейль хотя самъ страдалъ не меньше моего, однако не отходилъ отъ меня ни на шагъ. Онъ бралъ меня за руку, говорилъ мнѣ что-то въ утѣшеніе, махалъ мнѣ платкомъ въ лицо.

Добрѣйшій человекъ.

Съ какимъ наслажденіемъ теперь всякій надѣвалъ на себя пробковыя фуфайки и принимался за работу! Мотыки неустанно стучали по льду. Руки страшно болѣли, у иныхъ были даже изранены; но за то здѣсь можно было дышать!

Рабочіе чередовались. Каждый, въ свой чередъ, въ пору бралъ и отдавалъ животворящій резервуаръ. Капитанъ Немо первый покорился этой строгой дисциплинѣ.

Въ этотъ день работы еще подвинулись. Оставалось всего два метра льду. Только два метра отдѣляли насъ отъ воды!

Когда я вошелъ въ залу, я чуть не задохся.

Что за ужасную ночь мы провели!

Это былъ уже шестой день нашего заточенія во льдахъ!

Капитанъ Немо придумалъ еще средство!

Среди самыхъ жестокихъ страданій этотъ человѣкъ нисколько не падалъ духомъ, размышлялъ, соображалъ, дѣйствовалъ!

— Знаете, что я хочу сдѣлать, г. Аронаксъ? сказалъ капитанъ.

— Что, капитанъ?

— Я хочу пробить ледъ „Наутилусомъ“. Насъ теперь отдѣляетъ одинъ только метръ отъ воды.

Капитанъ вышелъ и скоро мы услышали, какъ вливалась вода въ резервуары.

Не смотря на то, что я лежалъ почти безъ памяти, я услышалъ трескъ надъ „Наутилусомъ“.

Ледъ подался и „Наутилусъ“ вдругъ осѣлъ.

— Выбрались, съ позволенія ихъ чести! проговорилъ Консейль, наклоняясь къ моему уху.

Я уже не могъ ему отвѣтить. Я схватилъ его руку и конвульсивно ее сжалъ.

Вдругъ „Наутилусъ“ словно провалился въ пропасть.

Тотчасъ же принялись выкачивать воду изъ резервуаровъ; скоро судно снова начало подниматься и мы понеслись къ сѣверу.

Сколько еще времени придется плыть подъ ледяной корою? Еще цѣлый день?

А я уже задыхаюсь!

Я уже ничего не видалъ, ничего не слышалъ, ничего не понималъ.

Сколько прошло такимъ образомъ часовъ, я не знаю. Я чувствовалъ, что у меня начинается уже агонія, что я уже умираю.

Вдругъ я пришелъ въ чувство. Что мы, выбрались на поверхность?

Нѣтъ! это Консейль и Недъ приставляли ко мнѣ свой дыхальный аппаратъ, гдѣ еще было немножко воздуха.

Я посмотрѣлъ на часы. Было уже одиннадцать часовъ утра.

Значитъ уже 28 марта.

„Наутилусъ“ шель со скоростью сорока миль въ часъ.

Гдѣ былъ капитанъ Немо? Или онъ задохся? Что сдѣлалось съ его экипажемъ?

Я чувствовалъ что умираю.

Монометръ показывалъ, что мы были всего въ двадцати футахъ отъ поверхности. Насъ отдѣляло отъ нея только ледяное поле. Нельзя ли было какъ нибудь проломить это поле?

„Наутилусъ“ сдѣлалъ эту попытку. Я почувствовалъ, что шею его поднимался къ верху....

Я прислушивался, какъ онъ то удалялся, то снова напиралъ, какъ трещало ледяное поле....

Наконецъ ледъ былъ пробитъ и мы очутились на поверхности! Отдушина была открыта и чистый воздухъ хлынулъ въ залу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ОТЪ МЫСА ГОРНА ДО АМАЗОНКИ.

Я не помню, кто меня вытащилъ на платформу.

Всѣ мы словно ошалѣли отъ наслажденія. Всѣ вдыхали полной грудью живительный воздухъ.

— Ахъ, какъ хорошъ кислородъ! говорилъ Консейль. Ахъ какъ хорошъ! Пусть ихъ честь изволить въ волю дышать: теперь хватить на всѣхъ! Ахъ, какъ хорошъ кислородъ!

Что касается до Неда Ленда, то онъ ничего не говорилъ, но такъ широко открывалъ ротъ, что ему могла бы позавидовать любая акула.

Скоро мы совершенно оправились.

Оглянувшись кругомъ, я увидалъ что мы одни на платформѣ.

Ни единой души изъ экипажа. Нѣтъ даже капитана Неда.

Я началъ благодарить Неда и Консейля.

— Вы сохранили мнѣ жизнь, сказалъ я. Спасибо вамъ: вы рисковали сами задохнуться, а мнѣ дали воздуху!

— Да вѣдь ваша жизнь нужнѣе, г. Аропаксъ, отвѣтилъ Недъ, потому что она полезнѣе. Вы человѣкъ полезный, а мы...

— Нѣтъ, Недъ, нѣтъ! Ваша полезнѣе! Вы человѣкъ добрый, честный, энергическій...

— Хорошо, хорошо, г. профессоръ, отвѣчалъ смущенный канадецъ; ну, и будетъ.

— А ты очень страдалъ, Консейль? спросилъ я.

— Не очень, съ позволенія ихъ чести. Оно конечно, я задыхался, но со временемъ, я бы, полагаю, къ этому попривыкъ.

— Друзья мои! сказала я, теперь мы навсегда... теперь мы никогда... Однимъ словомъ на вѣки ваши!

— Мой, г. Аронаксъ? спросилъ Недъ Лендъ. Ну такъ я вами распоряжусь!

— Какъ? спросилъ Консейль.

— А такъ, что утащу васъ съ этого проклятаго „Наутилуса“!

— А какъ мы идемъ? спросилъ Консейль.

— Хорошо, отвѣчалъ я; мы направляемся къ солнцу, а здѣсь солнце замѣняетъ сѣверъ.

— Это вѣрно, подтвердилъ Недъ Лендъ; но вопросъ въ томъ, идемъ мы къ Тихому океану или къ Атлантическому, т. е. къ мѣстамъ жилымъ или пустыннымъ?

На это отвѣчать я не успѣлъ: я опасался, что капитанъ Немо скорѣе поведетъ насъ къ тому обширному океану, который омываетъ Азію и Америку. Онъ этимъ путемъ довершилъ бы свое кругосвѣтное подводное путешествіе и пришелъ бы обратно въ тѣ воды, гдѣ „Наутилусъ“ пользовался полною свободою. Если же мы направляемся къ Тихому океану, и очутимся вдали отъ какой бы то ни было обитаемой земли, что станется съ проклятыми Неда Ленда?

Въ этомъ намъ предстояло вскорѣ удостовѣриться: „Наутилусъ“ шель быстро; мы перешли полярный кругъ, обогнули мысъ Горня и очутились 31 марта, въ семь часовъ вечера, противъ американской косы.

Тогда все выстраданное было забыто; изгладилось изъ нашего воспоминанія долгое плѣненіе среди льдовъ и мы стали думать о будущемъ. Капитанъ Немо не появлялся ни въ гостиную, ни на палубу. Я слѣдилъ за направлениемъ „Наутилуса“, и въ тотъ вечеръ, къ великой моей радости, сдѣлалось очевиднымъ, что мы возвращались къ сѣверу по Атлантикѣ.

Я сообщилъ канадцу и Консейлю о результатѣ своихъ наблюдений.

— Добрая вѣсть, отвѣчалъ канадецъ; а куда идетъ „Наутилусъ“?

— Не знаю, Недъ.

— Неужели капитанъ послѣ того, какъ отвѣдалъ южнаго полюса, пѣтится на сѣверный и вернется въ Тихій океанъ чрезъ знаменитый сѣверо-западный проходъ?

— Отъ него все можетъ статья, сказалъ Консейль.

— Въ такомъ случаѣ, мы ему не спутники! замѣтилъ канадецъ.

— Какъ бы то ни было, продолжалъ Консейль, капитанъ Немо молодецъ; и мы не пожалѣемъ, что были съ нимъ знакомы!

— Въ особенности, когда съ нимъ разстанемся! добавилъ Недъ Лендъ.

На слѣдующій день, 1 апрѣля, „Наутилусъ“ всплылъ на поверхность. За нѣсколько минутъ до полудня мы видѣли берегъ на западѣ: это была Огненная земля, названная такимъ образомъ первыми мореходцами, замѣтившими столбы дыма, которые выходили изъ туземныхъ хижинъ. Огненная земля эта состоитъ изъ архипелага, раскинушагося миль на тридцать въ длину и на восемьдесятъ въ ширину, между 53 и 56° южной широты и $67^{\circ} 50'$ на $77^{\circ} 15'$ западной долготы. Берегъ показался мнѣ низменнымъ, но вдали возвышались отвѣсныя горы. Передо мною мелькнула даже гора Сарменто, поднимавшаяся на двѣ тысячи семьдесятъ метровъ надъ уровнемъ моря; масса эта, имѣющая видъ пирамиды, состоитъ изъ сланца, и вершина ея, чрезвычайно остроконечная, предвѣщаетъ хорошую или дурную погоду, смотря по тому, задернута она туманомъ или видна ясно, какъ сообщалъ мнѣ Недъ Лендъ.

— Славный барометръ, мой другъ, сказалъ я.

— Да, г. Аропаксъ, барометръ хоть куда! Ни разу онъ меня не обманулъ, когда я ходилъ по изгибамъ Магелланова пролива.

Въ эту минуту вершина отдѣлилась на фонѣ неба. Это предвѣщало хорошую погоду.

И предвѣщанье сбылось.

„Наутилусъ“, нырнувъ подъ воду, придвинулся къ берегу, вдоль котораго прошелъ нѣсколько миль. Сквозь окна залы я увидѣлъ длинныя ліаны, гигантскіе фукусы, водоросли производящія груши, которыхъ нѣсколько образцовъ было пѣкогда въ полярномъ морѣ; волокна ихъ гладки и клейки, длиною онѣ достигаютъ трехъ сотъ метровъ; онѣ толще указательнаго пальца, прочны какъ канатъ и служатъ нерѣдко причалами для судовъ. Водоросль, извѣстная подъ названіемъ льняной травы, устилала дно своими листьями длиною фута въ четыре. Тутъ гнѣздились

и находили пищу мириады крестовидныхъ моллюсковъ, морскихъ раковъ и каракатицъ. Тутъ же выдры и тюлени роскошно обѣдали, по англійской модѣ заѣдая рыбу морскими овощамм.

По этимъ роскошнымъ, прелестнымъ глубинамъ „Наутилусъ“ летѣлъ съ необычайною быстротою. Къ вечеру онъ подошелъ къ Малуинскому архипелагу, и на слѣдующій день я увидѣлъ острия вершины острововъ. Глубина моря была средняя; и я подумалъ не безосновательно, что два большіе эти острова, окруженные множествомъ маленькихъ, должны были принадлежать когда-то къ Магеланскому материку. Малуины были вѣроятно открыты знаменитымъ Джономъ Девисомъ, который ихъ и назвалъ Южными Девисовыми островами. Впослѣдствіи Ричардъ Гаукинсъ переименовалъ ихъ въ острова Дѣвы. Потомъ ихъ стали звать Малуинами рыбаки изъ С. Мало, въ началѣ осьмнадцатаго вѣка, и наконецъ Фоклендомъ англичане, владѣющіе ими нынѣ.

Мы здѣсь наловили сбѣтами прекрасныхъ водорослей и вытаскивали замѣчательный фукусъ, стволъ котораго облѣпленъ ракушками превосходнаго вкуса. Гуси и утки стаями прилетали на палубу и скоро перенли къ намъ на кухню. Изъ рыбъ поймалось множество колбней и воронокъ длиною дециметра въ два и усѣянныхъ бѣловатыми и желтыми пятнами.

Любовался я и медузами въ Малуинскомъ архипелагѣ. Иныя изъ нихъ напоминали полу-сферическій, очень гладкій зонтикъ, съ темнокрасными полосами и съ двѣнадцатю сравнительными ободками по краямъ; другія представляли опрокинутую корзинку, изъ которой граціозно выпадали широкіе листья и длинныя красныя вѣтки. Однѣ плыли, загребая четырьмя щупальцами, имѣющими форму листовъ и распустивъ по теченію цѣлый лѣсъ волосъ или длинныхъ отпрысковъ. Мнѣ хотѣлось сохранить нѣсколько образцовъ этихъ нѣжныхъ зоофитовъ, но они ни что иное, какъ тѣнь или нѣчто неосязаемое внѣ сферы своей родной стихіи.

Когда послѣднія высоты Малуинскихъ острововъ исчезли съ горизонта, „Наутилусъ“ погрузился на двадцать пять метровъ и пошелъ вдоль американскаго берега. Капитанъ Немо все не показывался.

До 3 апрѣля, мы не отходили отъ Патагоніи, плывя то подъ водою, то ~~на~~ поверхности. „Наутилусъ“ миновалъ широкій

лиманъ, образуемый устьемъ Ла-Платы и находился, 4-го апрѣля, противъ Уругвая. Онъ держался направленія къ сѣверу, слѣдуя за изгибами береговъ южной Америки.

Со дня нашего отплытія мы прошли шестнадцать тысячъ миль.

Къ одиннадцати часамъ утра, мы перешли тропикъ Козерога подъ тридцать-седьмымъ меридіаномъ и миновали мысъ Фріо. Къ неудовольствію Неда Ленда, капитанъ Немо не любилъ сосѣдства этихъ заселенныхъ береговъ Бразиліи, и шель съ быстротою, отъ которой кружилась голова. Ни рыба, ни птица, изъ одаренныхъ наибольшою быстротою передвиженія, не могли бы за нами угнаться, и всѣ естественныя богатства этихъ морей остались для насъ тайною.

Бѣгъ нашего корабля продолжается нѣсколько сутокъ, и 9 апрѣля вечеромъ мы прибыли къ самой восточной оконечности южной Америки—къ мысу Санъ-Року. Но мы отъ нея снова уклонились и нырнули глубже, въ долину, образуемую на днѣ моря, между Санъ-Рокомъ и Сьерро-Леоною на африканскомъ берегу. Эта долина раздваивается на высотѣ Антильскихъ острововъ и заканчивается къ сѣверу отлогостью въ девять тысячъ метровъ. Въ этомъ мѣстѣ геологическій разрѣзъ океана, до Антильскихъ острововъ представляетъ остроконечный утесъ вышиною въ шесть километровъ, а на высотѣ острововъ Зеленаго Мыса—стѣну такой же вышины, что и составляетъ границы подводнаго континента Атлантическаго океана. Дно этой громадной долины испещрено въ иныхъ мѣстахъ рядами горъ, живописно украшающихъ подводную мѣстность.

Свѣденія эти я извлекъ изъ рукописныхъ картъ, имѣвшихся въ бібліотекѣ капитана Немо, составленныхъ вѣроятно самимъ капитаномъ и по личнымъ его изслѣдованіямъ.

Впродолженіи двухъ дней мы шли по наклонной плоскости въ этихъ пустынныхъ и глубокихъ водахъ. „Наутилусъ“ могъ подниматься діагоналомъ на всякую высоту; но 11-го апрѣля онъ поднялся вдругъ по отвѣсной линіи и предъ нами предстала земля, близъ устья Амазонки; лиманъ которой до такой степени широкъ, что опрѣсняетъ воды моря на разстояніи нѣсколькихъ миль.

Экваторъ былъ уже перерѣзанъ за двадцать миль отъ насъ;

на западѣ осталась Гвіана, — земля, принадлежащая Франціи, и на которой мы легко нашли бы для себя убѣжище. Но вѣтеръ дулъ рѣзкій и сильная волна отбила бы отъ берега нашу легкую лодку. Недѣ Лендъ это конечно понялъ, потому что не упоминалъ ничего о побѣгѣ. Я съ своей стороны не сдѣлалъ и намеса, не желая подбивать его на предпріятіе, не представляющее шансовъ успѣха.

Я вознаградилъ себя за потерю времени занимательными изслѣдованіями; 11 и 12 апрѣля „Наутилусъ“ все держался на поверхности, и намъ удалось наловить множество зоофитовъ, рыбъ и пресмыкающихся.

Изъ числа первыхъ замѣчателенъ *phycalis protecta*, который водится въ этой мѣстности океана; онъ — цилиндрической стволікъ, исполосованный вертикальными линіями, испещренный красными пятнышками, и съ прекрасною коронкою изъ щупальцевъ. Изъ молусковъ и новыхъ не встрѣтилъ; я уже описывалъ винтушекъ съ правильными, перекрещивающимися линіями, съ рыжими крапинками выступавшими ярко на тѣлесномъ цвѣтѣ кожи; рогулцовъ, похожихъ на окаменѣлыхъ скорпионовъ; ботиковъ и каракатицъ; летучихъ волосатковъ, которыхъ естествоиспытатели считали въ древности летучими рыбами и на которыхъ обыкновенно ловится треска.

Изъ мѣстныхъ рыбъ я замѣтилъ нѣсколько видовъ: изъ хрящеватыхъ — родъ угрей, длиною дюймовъ въ пятнадцать, съ зеленоватою головою, фіолетовыми плавательными перьями, сѣро-голубой спиной, корячевымъ брюшкомъ, испещреннымъ серебряными точками и глазками, обведенными золотомъ, — ихъ вѣроятно вывелъ въ море потокъ Амазонки, такъ какъ эта рыба прѣсноводная; другая — съ острою мордочкою, съ длиннымъ и двулопастнымъ хвостомъ, заканчивающимся зубчатою стрѣлкою; еще родъ рыбы, длиною въ метръ, и съ нѣсколькими рядами зубовъ загибающихся во внутрь; красноватые треугольнички, въ полметра длиною, дыхательные органы которыхъ имѣютъ мясистыя удлиненія, что придаетъ имъ сходство съ летучею мышью, но по причинѣ рога, имѣющагося у нихъ близъ ноздрей, ихъ прозвали морскою уляtkою; наконецъ, нѣсколько другихъ, съ перетрыми золотистыми боками, свѣтло-фіолетоваго цвѣта.

Этотъ перечень нѣсколько сухой, но весьма вѣрный, а за-

кончу немногими рыбами изъ костистыхъ, ветрѣченныхъ здѣсь: одинъ съ рыльцемъ очень тупымъ и цвѣта бѣлоснѣжнаго съ совершенно чернымъ тѣломъ и съ длиннымъ мясистымъ удлинениемъ, въ видѣ ремня; сардинки, дециметра въ три длиною, ярко серебристаго цвѣта; большіе скумбры съ странными плавниками; негро-рыбы, которыхъ ловятъ на огонь — длиною метра въ два, жирныя, бѣлыя, плотныя тѣломъ, которое въ свѣжей водѣ имѣетъ вкусъ угря, а сушеное — вкусъ копченой семги; полу-красныя, покрытыя чешуею лишь при отдѣленіи плавниковъ отъ спины; золотыя и серебряныя, блистающія переливами рубина и топаза; золотохвостыя, мясо которыхъ чрезвычайно пѣжно, и фосфорическія блескъ которыхъ выдаетъ тайну ихъ присутствія въ волнахъ; тонко-язычныя, окрашенныя оранжевымъ; рыбы съ блестками, съ черными пятнами, рыбы породы суринамскихъ, и проч.

Это „и проч.“ не помѣшаетъ мнѣ однакожь упомянуть еще объ одной рыбѣ, о которой долго будетъ помнить Консейль, по уважительной причинѣ.

Сѣти притянули къ намъ нѣчто въ родѣ ската, очень плоскаго, который, если бы ему отрѣзать хвостъ, образовалъ бы совершенный дискъ. Вѣсилъ онъ до двадцати килограммъ; снизу былъ бѣлый, сверху красноватый съ большими круглыми пятнами темносиняго цвѣта, обведенными чернымъ; кожа у него была очень гладкая и плавникъ раздвоенный. Распростертая на палубѣ, рыба билась, пыталась перевернуться, конвульсивно привскакивала и металась такъ неистово, что еще прыжокъ, и она бы свалилась въ воду. При видѣ этого, Консейль, не желавшій лишиться рыбы, кинулся на нее и прежде чѣмъ я успѣлъ удержать его, ухватилъ ее обѣими руками.

Но въ ту же минуту онъ былъ откинутъ въ сторону, ноги его мелькнули въ воздухѣ, и онъ жалобно вскрикнулъ:

— Ахъ, поскорѣе ко мнѣ! Ахъ, на помощь!

Онъ въ первый разъ говорилъ со мною не въ третьемъ лицѣ.

Мы съ канадцемъ подняли его, и стали растирать. Едва онъ пришелъ нѣсколько въ себя, тотчасъ же принялся за классификацію.

— Разрядъ хрящеватыхъ; хрящеватонерая; съ неподвижными жабрами; изъ породы скатовъ; скатъ электрическій!

— Да, другъ мой, это вѣрно: ты обязанъ такимъ ударомъ электрическому скату.

— Я же и отомщу ему! отвѣчалъ Консейль.

— Чѣмъ?

— Съѣмъ.

Онъ это и исполнилъ въ тотъ же день, но чисто изъ мести, потому что мясо этого ската прѣзесткое.

Бѣдный Консейль ухватился за самаго опаснаго ската изъ электрическихъ—за куману. Необыкновенное это животное поражаетъ рыбу за нѣсколько метровъ разстоянiя,—такъ велика сила его электрическаго органа.

На другой день, 12 апрѣля, „Наутилусъ“ подошелъ къ голландскому берегу—къ устью Марани. Здѣсь мы увидѣли нѣсколько семей морскихъ коровъ, — кроткихъ и беззащитныхъ животныхъ, длиною въ шесть—семь метровъ и вѣсомъ по крайней мѣрѣ четыре тысячи килограммъ каждое. Я сообщилъ Неду Ленду и Консейлю, что предусматрительная природа надѣлила этихъ млекопитающихъ важною ролью: онѣ, какъ и тюлени, ѣдятъ луговую траву, скопленiе которой затруднило бы свободный стокъ въ устьяхъ тропическихъ рѣкъ.

— И знаете, прибавилъ я, что оказалось въ результатѣ съ тѣхъ поръ, какъ люди почти истребили эту полезную породу животныхъ? То, что гниющiя травы отравили воздухъ, а отравленный воздухъ заразилъ желтою горячкою эти восхитительныя страны. Ядовитая растительность размножилась подъ этими знойными водами и ядъ сообщился травамъ на значительное разстояние — отъ устья Рио де Лаплаты до Флориды.

И если вѣрить Туссенелю, бичъ этотъ ничто въ сравненiи съ бѣдствiемъ, ожидающимъ нашихъ потомковъ, когда въ моряхъ истребятся киты и тюлени. Тогда, переполненные осьминогами, медузами, летучими волосатками, моря превратятся въ громадныя скопища гнiенiя, такъ какъ воды ихъ лишатся „тѣхъ гигантскихъ желудковъ, которыхъ Богъ опредѣлилъ на то, чтобы пѣ- нить морскую поверхность“.

Не смотря однакожь на эту теорiю, экипажъ „Наутилуса“ изловилъ съ полдюжины морскихъ коровъ: необходимо было снабдить баталерскiя каюты мясомъ, которое вкуснѣе чѣмъ говядина и телятина.

Ловля ихъ не представила ничего занимательнаго: коровы подставляли тѣло ударамъ, безъ всякой обороны.

Мы доставили въ запасной магазинъ нѣсколько тысячъ кило мяса, предназначавшагося для сушенія.

Въ тотъ же день запасы „Наутилуса“ увеличились обыкновеннымъ уловомъ рыбы, — моря эти преизобилуютъ всякою живностью. Неводъ привелъ къ намъ нѣсколько рыбъ, голова которыхъ заканчивалась овальной пластинкою съ мясистыми отворотами. Плоскій дискъ ихъ тѣла состоитъ изъ поперечныхъ и подвижныхъ хрящеватыхъ полосъ, которая рыба можетъ сдвигать произвольно и, производя между ними пустое пространство, можетъ прильнуть къ чему бы то ни было какъ кровососная банка.

Ремора, котораго я видѣлъ въ Средиземномъ морѣ, принадлежитъ къ этому виду, но здѣшній — костистый, свойственный только этому морю. Наши матросы, по мѣрѣ того какъ вынимали, опускали ихъ въ баки съ водою.

По окончаніи лова, „Наутилусъ“ подошелъ къ берегу. Здѣсь, на поверхности водъ, спали нѣсколько морскихъ черепахъ. Поймать ихъ было бы трудно, потому что онѣ просыпаются отъ малѣйшаго шороха, а твердая оболочка тѣла спасаетъ ихъ отъ крючка. Но ремора произвела эту операцію съ необыкновенной точностью и мѣткостью: эта рыба — живой крючокъ, который ослѣпительно бы и обогатилъ рыбака занимающагося ужениемъ.

Матросы привязали къ хвостамъ рыбъ веревки съ кольцами и пустили ихъ въ море. Онѣ сейчасъ впились въ черепахъ такъ крѣпко, что скорѣе пришлось бы ихъ разорвать, чѣмъ отцѣпить отъ жертвы; тогда ихъ стали тянуть къ „Наутилусу“, а онѣ притянули за собою и черепахъ.

Поймали также и нѣсколько какуаннъ, шириною въ метръ и вѣсомъ кило въ двѣсти. Роговая оболочка, ихъ покрывающая, состоитъ изъ большихъ, тонкихъ, прозрачныхъ и темныхъ пластинокъ, испещренныхъ бѣлыми и желтыми пятнами и имѣющихъ большую цѣнность. Онѣ, кромѣ того, очень вкусны, также какъ и черепахи.

Ловомъ этимъ заключилось наше плаваніе въ окрестностяхъ Амазонки и, съ наступленіемъ ночи, „Наутилусъ“ снова пустился въ море.

• ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ОСЬМИНОГИ.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней „Наутилусъ“ постоянно отбивался отъ берега Америки, очевидно не желая углубляться въ воды Мексиканскаго залива или Антильскаго моря. Вода однакожь была бы для него не мелка здѣсь, такъ какъ средняя глубина этихъ морей около тысячи восьми сотъ метровъ, но они такъ усѣяны островами и такъ перерѣзываются пароходами, что капитанъ Немо не рѣшился по нимъ пускаться.

16 апрѣля мы прошли миляхъ въ тридцати отъ Мартиники и Гваделупы; предъ нами только мелькнули верхушки ихъ горъ.

Канадецъ, рассчитывая на то, что въ заливѣ можно или выскочить на берегъ или сѣсть въ одну изъ лодокъ, перевозившихъ съ острова на островъ, пришелъ въ крайнее уныніе: бѣжать было бы возможно, еслибы Неду Ленду удалось овладѣть лодкою безъ вѣдома капитана. Но въ открытомъ морѣ объ этомъ нечего было и думать.

Мы съ канадцемъ и Консейлемъ долго обсуждали этотъ вопросъ. Мы уже шесть мѣсяцевъ были въ плѣну на „Наутилусѣ“. Проплыли мы семнадцать тысячъ миль и не было данныхъ на то, чтобъ мы когда либо остановились. Велѣдствіе этого, Недъ Лендъ сдѣлалъ мнѣ совершенно неожиданное предложеніе — задать капитану категорическій вопросъ: намѣренъ онъ удержать насъ на неопредѣленное время на своемъ кораблѣ?

Проектъ этотъ мнѣ не понравился: я не ожидалъ отъ него результатовъ; отъ капитана Немо ждать было нечего. Къ тому же, съ нѣкотораго времени капитанъ становился все мрачнѣе и сосредоточеннѣе, избѣгалъ общества; меня, казалось, обходилъ: я съ нимъ встрѣчался чрезвычайно рѣдко. Онъ бывало съ удовольствіемъ объяснялъ мнѣ подводныя чудеса, а теперь представлялъ мнѣ одному заниматься изученіями и въ залу не появлялся.

Что за перемена съ нимъ совершилась? По какой причинѣ?

Упрекнуть мнѣ себя было не въ чемъ. Можетъ быть наше присутствіе на кораблѣ тяготило его, а между тѣмъ не такой онъ былъ человѣкъ, чтобъ возвратить намъ свободу.

Я просилъ Неда дать мнѣ время обдумать вопросъ. Если бы наша попытка не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ, она возбудила бы подозрѣнія капитана, ухудшила наше положеніе и повредила бы окончательно проэктамъ канадца. На здоровье мы сослаться не могли: по отбытіи съ южнаго полюса, Недъ, Консейль и я никогда не чувствовали себя лучше. Здоровая пища, свѣжій воздухъ, правильность въ жизни, постоянство температуры, — болѣзней къ намъ не допускали. Подобный образъ жизни былъ вполне нормальнымъ для такого человѣка какъ капитанъ Немо, который не жалѣлъ ни о чемъ, покинутомъ на землѣ, который былъ у себя дома, ѣхалъ куда хотѣлъ и шелъ къ задуманной цѣли путями необъяснимыми для насъ, но ясными для него. Мы другое дѣло: мы не разорвали союза съ родомъ человѣческимъ, я не хотѣлъ похоронить вмѣстѣ съ собою результаты моихъ изысканій... Я теперь имѣлъ право издать настоящую книгу о тайнахъ морскихъ безднъ и льстилъ себя надеждою, что рано или поздно, я таки выпущу ее въ свѣтъ.

И здѣсь, въ водахъ Антильскихъ, на глубинѣ десяти метровъ отъ поверхности водъ, сколько замѣчательныхъ наблюденій я сдѣлалъ и внесъ въ свои замѣтки.

Изъ разряда зоофитовъ я видѣлъ между прочимъ галереи, нѣчто въ родѣ продолговатыхъ пузырей съ перламутровымъ отливомъ, съ растянутыми перепонками и голубыми щупальцами, развѣвавшимися какъ шелковыя нити; эти очаровательныя на видъ медузы, оказались истою крапивою для нальцевъ: онѣ испускали изъ себя жгучее вещество. Другіе, метра въ полтора длиною, вооруженные розовымъ хоботомъ были снабжены тысячею семи стами органами передвиженія; они скользятъ въ водѣ какъ змѣи и поражаютъ васъ всеми цвѣтами солнечнаго спектра. Изъ рыбъ встрѣчались огромныя хрящеватыя, длиною въ десять футовъ и вѣсомъ фунтовъ въ шестьсотъ, съ треугольными дыхательными плавниками, съ выпуклою спиною, съ глазами внизу головы; они плавали по волнѣ какъ обломокъ разбитаго судна и иногда вдругъ прикладывались къ нашимъ окнамъ, затемняя ихъ какъ захопнувшійся ставень. Тутъ были американскіе спинороги, бѣ-

лыя съ чернымъ; колбни, длинныя и мясистыя съ желтыми плавниками и выдвигающимися челюстями; скумбры, длиною дециметровъ въ шестнадцать, съ короткими и острыми зубами, покрытыя чешуею; стаями мелькали краснобороды, исполосованныя золотомъ отъ головы до хвоста, и шумно плескали, передвигая блестящими плавниками. Когда то ихъ посвящали Діанѣ; богачиримляне особенно цѣнили ихъ и по поводу ихъ сочинили себѣ даже поговорку: „Не тотъ ихъ ѣсть, кто ихъ ловить“. Передъ нами проплывали золотистыя помаканты, въ изумрудныхъ полоскахъ, въ бархатѣ и шелкѣ, какъ вельможи Веронеза; шпорники, укрывавшіеся подъ свой перепончатый плавникъ; сельдевые, длиною футовъ въ пятнадцать, сверкали фосфорическими искрами; головы били по волнамъ толстыми хвостами; красныя сиги какъ будто косили волны острымъ плавникомъ; серебрястыя блестящія сверкали въ струяхъ, какъ луна, ярко-бѣлыми переливами.

И сколько бы еще новыхъ и дивныхъ образцовъ я включилъ въ свою коллекцію, если бы „Наутилусъ“ не сталъ мало по малу опускаться все ниже, да ниже, пока наконецъ не сошелъ на глубину двухъ—трехъ тысячъ пятисотъ метровъ. Тутъ животная жизнь представляла лишь морскихъ звѣздъ, медузъ, съ небольшою чашечкою на прямомъ стеблѣ, и нѣсколько другихъ крупныхъ моллюсковъ.

20-го апрѣля, мы поднялись на среднюю высоту, на тысячу пятисотъ метровъ. Земля самая близкая къ намъ былъ архипелагъ Лукайскихъ острововъ, насыпанныхъ въ видѣ камешковъ на поверхности воды. Подъ водою возвышались высокіе утесы, отвѣсныя какъ стѣны, изъ одной широкой и громадной массы камня, а посреди ихъ встрѣчались черныя пещеры, до дна которыхъ не достигалъ электрической свѣтъ, который мы наводили.

Утесы эти были покрыты высокими травами, гигантскими фукусами, вообще такими громадными водорослями, какіе достойны лишь міра титановъ.

Отъ колоссальной растительности, мы съ Консейлемъ и Недомъ перешли естественно къ огромнымъ морскимъ животнымъ. Одни очевидно предназначены въ пищу другимъ. Изъ оцонъ „Наутилуса“, почти стоявшаго на мѣстѣ, я замѣчалъ лишь длинныя нити, сочлененія и лапы фіолетовыхъ крабовъ и кліосовъ, какіе водятся въ Антильскихъ водахъ.

Часовъ въ одинадцать Недъ Лендъ обратилъ мое вниманіе на необыкновенное движеніе, происходившее въ высокихъ водоросляхъ.

— Ну вотъ, сказалъ я: именно въ такихъ пещерахъ водятся осьминоги, и ничто не будетъ удивительнаго, если мы увидимъ этихъ чудовищъ.

— Какъ! удивился Консейль: простыхъ осьминожекъ, изъ разряда главоногихъ?

— Нѣтъ, огромныхъ осьминоговъ. Но другъ Лендъ вѣроятно ошибся: я движенія не вижу.

— Жаль, замѣтилъ Консейль. Я желалъ бы повстрѣчаться лицомъ къ лицу съ осьминогомъ, о которомъ столько слышалъ; онъ, говорятъ, на столько силенъ, что можетъ корабль утянуть въ бездну. Ихъ еще называютъ крак...

— Кракъ! и довольно! подсмѣялся канадецъ. Кракъ все объясняетъ!

— Кракенами, не смущаясь договорилъ Консейль.

-- Никогда меня не увѣрятъ въ томъ, что существуютъ такіе кракены!

— Отчего же? возразилъ Консейль: мы вѣрили же, что есть на свѣтѣ нарвалъ или морской единорогъ?

— Напрасно вѣрили Консейль!

— Разумѣется, напрасно. Но многіе и теперь еще этому вѣрятъ.

— Пусть ихъ! Я знаю то, Консейль, что повѣрю только тогда, какъ стану ихъ рубить на части!

— Вы, стало быть, не вѣрите, что есть громадныя осьминоги? спросилъ Консейль.

— Какой же чортъ видалъ ихъ? вскрикнулъ канадецъ.

— Очень многіе, другъ Недъ.

— Но не рыбаки: ученые, можетъ быть.

— Нѣтъ, Недъ: и рыбаки, и ученые, сказалъ я.

— И я, добавилъ Консейль чрезвычайно серьезно; я видѣлъ какъ большое судно было унесено: осьминогъ ухватилъ и унесъ!

— Вы это видѣли? спросилъ канадецъ.

— Видѣлъ, Недъ.

— Собственными глазами?

— Собственными своими глазами.

— Гдѣ же это?

— На Санъ-Мало, отвѣчалъ невозмутимо Консейль.

— Въ портѣ? подтрунилъ Недъ Лендъ.

— Въ церкви! проговорилъ Консейль.

— Какъ въ церкви? удивился канадецъ.

— Да, другъ Недъ: вышереченный осьминогъ изображенъ тамъ на картинѣ.

Недъ Лендъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Я объ этомъ слышалъ, сказала я. Сюжетъ картины заимствованъ изъ легенды, а извѣстно на сколько можно полагаться на легенду въ научныхъ вопросахъ. Къ тому же, когда дѣло идетъ о чудовищахъ, то въ изображеніи ихъ всегда участвуетъ фантазія. Не только распространилось убѣжденіе, что осьминогъ можетъ увлечь на дно корабль, но Олаусъ Магнусъ говоритъ даже о главоногѣ, длиною въ милю, который похожъ скорѣе на островъ, чѣмъ на животное. Рассказываютъ также, что епископъ нидросскій поставилъ однажды алтарь на огромномъ утесѣ. По окончаніи обѣдни, утесъ вдругъ тронулся и вернулся въ море. Утесъ этотъ былъ осьминогъ.

— Больше ничего? спросилъ канадецъ.

— Нѣтъ еще есть, отвѣчалъ я: другой епископъ, Понтонниданъ Бергенскій также упоминаетъ объ осьминогѣ, на спивѣ котораго учился пѣхотный полкъ.

— Молодцы были рассказывать! замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Наконецъ, древніе натуралисты говорятъ о чудовищахъ, пасть которыхъ походила на заливъ, и они были такихъ размѣровъ, что не могли пройти чрезъ Гибралтаръ.

— Вотъ каковы! разсмѣялся канадецъ.

— Но что вѣрнаго въ этихъ рассказахъ, съ позволенія ихъ чести? спросилъ Консейль.

— Ничего, друзья мои: все, что переступаетъ предѣлы вѣроятнаго — то басня или легенда. Воображеніе рассказчика, всегда, впрочемъ, разыгрывается на чемъ либо существующемъ. Вѣрно то, что есть осьминоги и летучія волосатки очень большихъ размѣровъ, но менѣе однакожъ породы вытообразныхъ. Аристотель свидѣтельствуетъ о летучей волосатѣ длиною въ пять локтей. Наши рыбаки выдаютъ нерѣдко такихъ животныхъ

болѣ метра длиною. Въ музеяхъ Триеста и Монпелье есть скелеты осьминоговъ длиннѣе двухъ метровъ. Къ тому же у животнаго длиною не болѣе шести футовъ, щупальцы тянутся на двадцать семь футовъ, что уже дѣлаетъ изъ него страшилище.

— И въ наше время такіе попадаются? спросилъ канадецъ.

— Моряки видаютъ. Одинъ изъ моихъ пріятелей, капитанъ Павелъ Босъ изъ Гавра, говорилъ мнѣ, что видалъ такихъ великановъ въ индѣйскихъ моряхъ. Да не далѣе, какъ въ 1861 г. фактъ изумительный, невѣроятный, подтвердилъ существованіе этихъ гигантскихъ животныхъ.

— А что такое случилось въ 1861 году? спросилъ Недъ Лендъ.

— Въ 1861 г., на сѣверовостокъ отъ Тенерифа, подъ широтою, на которой мы приблизительно въ настоящую минуту, экипажъ „Алектона“ замѣтилъ осьминога-гиганта, плывшаго недалеко отъ нихъ. Капитанъ Бугеръ подошелъ къ нему, пробовалъ брать его и гарпуномъ, и ружейными пулями, но безуспѣшно: пули и гарпунъ проникали въ его тѣло, какъ въ кисель. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, экипажу удалось окинуть тѣло молюска петлею. Петля скользнула до хвостовыхъ плавниковъ и тутъ остановилась. Тогда они принялись тащить его на палубу, но онъ былъ такъ тяжелъ, что поднять его не было возможности; треніе веревки отняло у него хвостъ и, лишенный этого украшенія, онъ ушелъ въ воду.

— Ну, вотъ наконецъ фактъ! замѣтилъ Недъ Лендъ.

— Фактъ неоспоримый, мой милый Недъ. Этого звѣря и прозвали — Бугеровой волосаткой.

— А каковъ онъ былъ длиною? спросилъ канадецъ.

— Не шести ли метровъ приблизительно? спросилъ Консейль, уставившись въ окно и всматриваясь въ углубленія утеса.

— Такъ точно, отвѣчалъ я.

— А на головѣ у него вѣнецъ изъ осьми щупальцевъ, и щупальцы извиваются какъ змѣи?

— Такъ точно.

— А глаза у него огромные, выпуклые? да?

— Да, Консейль.

— А ротъ, какъ клювъ у попугая?

— Такъ точно, Консейль.

— Ну такъ коли передъ нами не самъ бугеровъ звѣрь, то по крайней мѣрѣ его братъ.

Я посмотрѣлъ на Консейля.

Недѣ Лендѣ бросился къ окну.

— Отвратительная тварь! вскрикнулъ онъ.

Я посмотрѣлъ и тоже не могъ воздержаться отъ выраженія отвращенія.

Передъ нами копошилось чудовище, достойное роли въ невѣроятныхъ легендахъ, — длиною метровъ въ восемь. Онъ шелъ задомъ и чрезвычайно быстро по направленію къ „Наутилусу“. Смотрѣлъ онъ прямо передъ собою сѣро-зелеными глазами. Восемь рукъ, или скорѣе восемь ногъ, торчащихъ на головѣ, были вдвое длиннѣе его тѣла и вились какъ волоса фурій. Ясно было видно двѣсти пятьдесятъ присосковъ на внутренней сторонѣ щупаль полу-сферической формы. Они присасывались къ стекламъ рамъ. Ротъ этого чудовища, состоящій изъ роговаго вещества похожъ на клювъ попугая и открывался вертикально: изъ него высовывался дрожащій языкъ, тоже роговой, — снабженный нѣсколькими рядами острыхъ зубовъ. Какъ прихотливо распорядилась природа, одаривъ этихъ моллюсковъ отличнымъ клювомъ. Веретенообразное тѣло, вздутое по срединѣ, должно было вѣсить отъ двадцати до двадцати пяти килограммовъ; цвѣтъ его до невѣроятности измѣнчивъ и, смотря по степени раздраженія животнаго, переходитъ въ мгновеніе изъ бѣловато-сѣраго въ красно-красно-коричневой.

Интересно, что именно въ эту минуту было причиною раздраженія спрута? Ужъ не злился ли онъ на то, что „Наутилусъ“ сильнѣе его, и что ему некуда было приложить страшную силу своихъ присосковъ? Какой могучей жизненностью одарила природа это чудовище, давъ ему три сердца!

Было бы грѣшно не воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, столкнувшись насъ съ этимъ образчикомъ семейства головоногихъ, и потому я, подавивъ въ себѣ отвращеніе, которое возбуждало во мнѣ его наружность, началъ рисовать.

— Это, можетъ быть, „Алектонскій“ спрутъ, сказалъ Консейль.

— Нѣтъ, этотъ вѣдь цѣлый, а у того оторвали хвостъ, возразилъ ему канадецъ.

— Это ровно ничего не значитъ, отвѣтилъ я: члены этихъ моллюсковъ быстро возрождаются, такъ что въ теченіе семи лѣтъ спрутъ Бугера вѣроятно уже отростилъ себѣ новый хвостъ.

— А можетъ быть онъ здѣсь, сказалъ Недъ.

Я взглянулъ и дѣйствительно увидѣлъ еще семерыхъ спрутовъ, которые вновь присоединились къ „Наутилусу“. Слышно было какъ ихъ жесткіе щупальцы ударялись о желѣзную обшивку нашего снаряда.

Я продолжалъ работу. Чудовища держались въ водѣ неподвижно, такъ что можно было даже сдѣлать миниатюрный снимокъ ихъ фигуры на стеклѣ. Къ тому же мы шли не очень быстро.

Вдругъ „Наутилусъ“ получилъ сильный толчекъ и остановился.

— Ужь не наткнулись ли мы на чтонибудь? спросилъ я.

— Наткнулись или нѣтъ, бѣда миновала, потому мы опять плывемъ, отвѣчалъ Недъ.

„Наутилусъ“ дѣйствительно плылъ, но не шелъ. Прошла еще минута. Вошелъ капитанъ Немо съ помощникомъ.

Я давно его не видалъ, и онъ показался мнѣ очень мрачнымъ. Не говоря ни слова, даже не взглянувъ на насъ, онъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на спрутовъ и что-то сказалъ своему помощнику.

Тотъ вышелъ. Вскорѣ рамы затворились и свѣтъ показался сверху.

Я подошелъ къ капитану.

— Весьма любопытная коллекція спрутовъ, сказалъ я ему развязнымъ тономъ любителя, разглядывающаго богатый аквариумъ.

— Да, отвѣчалъ онъ, и мы сейчасъ вступимъ съ ними въ рукопашный бой.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на капитана, думая, что ослышался.

— Въ рукопашный бой? повторилъ я.

— Да, спиральные придатки перестали дѣйствовать; вѣроятно въ нихъ вцѣпились эти чудовища своими роговыми присосками, что останавливаетъ нашъ ходъ.

— Что же намъ теперь дѣлать?

— Подняться на поверхность и перебить эту сволочь.

— Это, я думаю, будетъ довольно трудно.

— Конечно, тѣмъ болѣе, что электрическія ядра, не встрѣчающія себѣ достаточно препятствія, не дѣйствуютъ, на ихъ мягкое тѣло. Но мы употребимъ для этого топоры.

— И гарпуги, если позволите канадецъ.

— Я принимаю ваше предложеніе, дядя Лендъ, отвѣчалъ ему капитанъ.

— Такъ мы идемъ за вами, сказалъ я.

И слѣдуя за капитаномъ Немо, мы направились къ главной лѣстницѣ.

Тамъ уже стояло около десятка человѣкъ, вооруженныхъ топорами и совершенно готовыхъ къ атакѣ; мы съ Консейлемъ взяли по топору, а Недъ Лендъ вооружился острой.

„Наутилусъ“ былъ уже на поверхности воды. Морякъ стоявшій на послѣдней ступенькѣ отвинчивалъ болтики рамъ. Только что онъ успѣлъ освободить гайки, рама стремительно отскочила, очевидно схваченная страшнымъ присоскомъ спрута.

Тотчасъ въ отверстіе, словно змѣя скользнула, длинное щупало, а за нимъ зашевелились штукъ двадцать другихъ. Капитанъ Немо взмахнулъ топоромъ и огромный отростокъ извиваясь упалъ на ступени лѣстницы.

Въ ту минуту, какъ мы толкая другъ друга, старались пробраться на платформу, въ воздухѣ протянулись двѣ другія страшныя ланы и, опустясь надъ морякомъ, который стоялъ рядомъ съ капитаномъ Немо, вцѣпились въ него съ непреодолимой силой и подняли его на воздухъ.

Капитанъ вскрикнулъ и бросился на помощь. Мы послѣдовали за нимъ.

Какая ужасная картина! Несчастный, схваченный щупалами спрута, качался на воздухѣ по прихоти этого чудовищнаго хобота, задыхался и отчаяннымъ голосомъ кричалъ: помогите, помогите!

Эти слова, сказанныя по французски, произвели на меня потрясающее впечатлѣніе!

И такъ, здѣсь находился мой соотечественникъ, можетъ быть,

даже и не одинъ! Я никогда не позабуду этого, раздирающаго душу, отчаяннаго крика!

Не было никакой надежды спасти погибающаго. Кто же могъ освободить его отъ этихъ крѣпкихъ, могучихъ объятий?

Капитанъ Немо бросился на спрута и однимъ ударомъ топора отрубилъ ему другое щупало. Лейтенантъ бѣшено сражался съ другими чудовищами, прицѣпившимися къ бокамъ „Наутилуса“. Весь экипажъ, Консейль, канадецъ и я рубили направо и налево. Въ воздухѣ носился отвратительный запахъ мускуса. Зрѣлище было страшное.

Одну минуту я думалъ, что есть надежда спасти несчастнаго. Изъ восьми щупаль семь было уже обрублено, но это послѣднее съ неописанною силою продолжало сжимать, душить и потрясать въ воздухѣ несчастную жертву. Капитанъ Немо и лейтенантъ бросились съ намѣреніемъ отрубить его, какъ вдругъ животное выпустило изъ себя цѣлый потокъ черной жидкости, хранящейся въ отдѣленіи его желудка, и ослѣпило насъ.

Когда мы протерли глаза, спрутъ уже скрылся съ своей жертвой.

Страшное бѣшенство овладѣло нами. Мы не помнили себя отъ горя и злости.

Десять или двѣнадцать спрутовъ овладѣли платформой и боками „Наутилуса“. Мы каждую минуту натыкались на змѣеобразныя отрубки, изгибавшіеся въ массѣ крови и черноватой жидкости, но работы все еще оставалось много; страшныя щупала, казалось, возникали вновь, какъ головы гидры. Острога Неда Ленда, при каждомъ взмахѣ, погружалась въ зеленноватые глаза. Вдругъ, храбрый мой товарищъ неожиданно упалъ схваченный сильной лапой.

Сердце облилось у меня кровью отъ ужаса и волненія. Громадный ротъ спрута раскрылся надъ Недомъ Лендомъ.

Я бросился на помощь товарищу, но капитанъ Немо меня предупредилъ. Топоръ его скрылся между громадными челюстями и спасенный канадецъ поднялся и цѣликомъ погрузилъ свое орудіе въ животное.

— Я былъ у васъ въ долгу, сказалъ ему капитанъ.

Недъ молча ему поклонился.

Битва продолжалась четверть часа. Побѣжденные, раненыя и убитыя чудовища скрылись въ волпахъ.

Капитанъ Немо, облитый кровью, неподвижно стоялъ около маяка и глядѣлъ на воду, поглотившую одного изъ его товарищей: крупныя слезы катились по его лицу.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАЯ.

ГОЛЬФЪ-СТРЕМЪ.

Никто изъ насъ никогда не забудетъ ужасной сцены 20 апрѣля. Я записалъ ее подъ впечатлѣннѣмъ глубочайшаго волненія, просмотрѣлъ самъ и прочелъ потомъ Консейлю и канадцу; они нашли, что происшествіе хотя и передано фактически вѣрно, но вполне не можетъ выразить того, что происходило въ тотъ день. Подобную картину можетъ передать лишь перо нашего знаменитаго поэта, автора „Тружениковъ моря“.

Я говорилъ, что капитанъ Немо, глядя на волны, плакалъ. Дѣйствительно горестъ его была ужасна. При насъ онъ уже терялъ втораго своего спутника: какая страшная смерть постигла его друга! Раздавленный, изломанный, задушенный страшными щупалами спрута, изможенный въ его желѣзныхъ тискахъ, несчастный былъ лишенъ погребенія среди мирныхъ водъ коралловаго кладбища.

Что до меня касается, отчаянный призывъ на помощь надрывалъ мое сердце. Несчастный французъ, позабывшій свой родной языкъ, заговорилъ на немъ моли о спасеніи!

И такъ, среди этихъ людей, тѣломъ и душой преданныхъ капитану Немо, избѣгающихъ, подобно ему, всякаго соприкосновенія съ человѣчествомъ, находился одинъ изъ моихъ соотечественниковъ! Не единственный ли то былъ представитель Франціи среди этой таинственной ассоціаціи, очевидно состоявшей изъ различныхъ національностей?

Этотъ нерѣшенный вопросъ безпрестанно вертѣлся у меня въ головѣ!

Капитанъ Немо ушелъ къ себѣ и нѣсколько времени мы его не видали. По „Наутилусу“, душой котораго онъ былъ и который отражалъ на себѣ расположеніе духа капитана, я могъ судить до какой степени были сильны его горестъ и отчаяніе! Судно,

безъ опредѣленнаго направленія, шло, подобно трупѣ, по прихоти волнъ. Казалось онъ не могъ оторваться отъ того мѣста, гдѣ происходила послѣдняя битва, въ которой онъ лишился одного изъ своихъ.

Такъ прошло десять дней. Только 1-го мая „Наутилусъ“ пройдя въ виду Кукайскихъ острововъ, лежащихъ у входа въ Багамскій каналъ, повернулъ къ сѣверу. Мы слѣдовали по теченію величайшей морской рѣки, имѣющей свои собственные берега, свою рыбу, свою свойственную ей температуру. Я говорю о Гольфъ-Стремѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, это настоящая рѣка, свободно текущая среди Атлантическаго океана; воды ея не смѣшиваются съ водами океана. Это соленая рѣка, болѣе соленая, чѣмъ самъ океанъ. Средняя глубина ея равняется тремъ тысячамъ футовъ, средняя ширина шестидесяти футовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скорость теченія доходитъ до четырехъ километровъ въ часъ. Неизмѣнная величина ея водъ превосходить воды всѣхъ рѣкъ земнаго шара.

Настоящій истокъ или начало Гольфъ-Стрема, признанный капитаномъ Мори, находится въ Гасконскомъ заливѣ. Здѣсь начинаютъ образовываться его воды, хотя еще рѣзко не отличающіяся ни цвѣтомъ, ни температурой. Спускаются потомъ къ югу, вдоль экваторіальной Африки, согрѣваются лучами жаркаго пояса, переходятъ Атлантическій океанъ, на Бразильскомъ берегу достигаютъ мыса Санъ-Рока и тутъ раздѣляются на двѣ вѣтви; одна идетъ еще позаимствоваться теплотою водъ Антильскаго моря. Тутъ Гольфъ-Стремъ, предназначенный поддерживать равенство температуры и сообщать воды тропиковъ съ сѣверными водами, начинаетъ свою роль уравнивателя. Раскаленный до бѣла въ Мексиканскомъ заливѣ, онъ поднимается къ сѣверу къ Американскимъ берегамъ, доходитъ до Новой Земли и, встрѣтивъ сопротивленіе холоднаго теченія Девискаго пролива, направляется къ океану, слѣдуя локсодромической линіи, снова раздѣляется на двѣ вѣтви подъ 43°; одна вѣтвь съ помощью сѣверо-восточныхъ пасатныхъ вѣтровъ возвращается къ Гасконскому заливу и Азорскимъ островамъ, а другая, умѣривъ берега Ирландіи и Норвегіи, идетъ за Шпицбергенъ, и потерявъ на 4° своей температуры образуетъ свободное море полярныхъ странъ.

И такъ „Наутилусъ“ плыль теперь по этой рѣвѣ океана. При выходѣ своемъ изъ Багамскаго канала, Гольфъ-Стремъ, имѣя четырнадцать лье въ ширину и триста пятьдесятъ метровъ въ глубину, дѣлаеть восемь километровъ въ часъ. Эта скорость, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, правильно уменьшается, что имѣеть немаловажное значеніе; еслибъ скорость эта и правильность нарушились, то Европейскій климатъ подвергнулся бы такимъ пертурбаціямъ, послѣдствія коихъ весьма сомнительны.

Около полудня мы съ Консейлемъ стояли на платформѣ. Я указывалъ ему на особенности Гольфъ-Стрема. По окончаніи объясненій я посоветывалъ опустить руку въ воду.

Консейль исполнилъ совѣтъ и очень былъ удивленъ, не ощутивъ ни холода, ни теплоты.

— Это происходитъ оттого, что температура водъ Гольфъ-Стрема, при выходѣ своемъ изъ Мексиканскаго залива, имѣеть почти одинаковую температуру съ кровью. Гольфъ-Стремъ огромный проводникъ тепла, снабжающій Европейскіе берега вѣчной зеленью. Если вѣрять Мори, то оказывается, что еслибъ утилизировать всю теплоту этого теченія, теплорода ея достаточно было бы на поддержаніе въ расплавленномъ состояніи двухъ такихъ рѣвъ, какъ Амазонка и Миссури, состоящихъ изъ плавленнаго желѣза.

Въ эту минуту быстрота теченія Гольфъ-Стрема доходила до двухъ метровъ двадцати пяти въ секунду; разность его отъ окружающаго моря была такъ значительна, что волны, стѣсненныя океаномъ, замѣтно возвышались надъ уровнемъ послѣдняго. Цвѣтъ воды гораздо темнѣе, что зависитъ отъ большаго присутствія соляныхъ веществъ; ея чистый цвѣтъ индиго рѣзко отличается отъ зеленоватыхъ волнъ океана. Линія, отличающая это теченіе, до того явственна, что близъ Каролинскихъ острововъ „Наутилусъ“ носомъ своимъ касался уже Гольфъ-Стрема, между тѣмъ какъ боковые его части были еще въ океанѣ.

Вмѣстѣ съ своимъ теченіемъ Гольфъ-Стремъ влекъ за собою цѣлый міръ живыхъ существъ. Ботики, свойственные Средиземному морю, прогуливались многочисленными группами. Изъ хрящевыхъ замѣчательны были скаты, съ сильно развитыми хвостами, занимавшими почти цѣлую треть всего туловища; они имѣли видъ огромнаго ромбоида, длиною въ двадцать пять футовъ;

потомъ небольшія акулы въ метръ, съ громадными головами и короткимъ, округленнымъ рыломъ, заостренными зубами въ нѣсколько рядовъ. Тѣло ихъ, казалось, покрыто было чешуей.

Изъ костистыхъ упомяну о кайканахъ, свойственныхъ этимъ морямъ; златобровахъ, у которыхъ зрачки сверкали какъ огни; о сіенахъ въ метръ, съ широкимъ ртомъ, вооруженнымъ маленькими зубами; о голубыхъ корифенахъ, отливающихъ серебромъ и золотомъ, словно радуги; о блениусахъ съ треугольными головами; о голубаватыхъ палтусахъ совершенно лишенныхъ чешуи; о жабунахъ, съ желтой поперечной перевязкой, изображающей форму греческаго т, о цѣлыхъ тучахъ маленькихъ колбей, испещренныхъ коричневыми пятнышками, о разнородныхъ семействахъ лососовыхъ, съ серебристой головой и желтыми хвостами, о странныхъ мугиломорахъ, которыхъ Ласепедъ посвятилъ подругъ своей жизни, и наконецъ о красивыхъ американскихъ кавалеръ-рыбахъ, украшенныхъ всевозможными орденами и лентами, рыба часто посѣщающая берега великой націи, которая впрочемъ очень мало уважаетъ подобныя знаки отличія.

Ночью воды Гольфъ-Стрема блестяли фосфорическимъ свѣтомъ, соперничая съ электрическимъ освѣщеніемъ нашего маяка, особенно въ бурную погоду, нерѣдко посѣщавшую насъ въ это время.

8 мая мы проѣзжали мимо Гаттроскаго мыса, около сѣверной Каролины. Въ этомъ мѣстѣ ширина Гольфъ-Стрема достигаетъ семидесяти-пяти миль, а глубина двухъсотъ метровъ. „Наутилусъ“, по прежнему, блуждалъ не придерживаясь правильнаго пути.

При этихъ условіяхъ бѣгство наше могло бы осуществиться. Берега были населенныя и могли доставить намъ удобное убѣжище. На морѣ безпрестанно встрѣчались моряки, обязанные дежурить между Нью-Йоркомъ, Бостономъ и Мексиканскимъ проливомъ; днемъ и ночью около американскаго берега сновали маленькія каботажныя шкуны.

Тамъ мы вѣрно найдемъ убѣжище!

Намъ показалось это случаемъ благопріятнымъ, не смотря на тридцати-мильное разстояніе, отдѣлявшее „Наутилусъ“ отъ береговъ союза.

Только погода беспокоила канадца. Мы приближались къ тѣмъ

мѣстамъ, гдѣ часто бывають грозы, смерчи и циклоны по сосѣдству съ теченіемъ Гольфъ-Стрема. Пуститься на море въ такое время—значило пуститься на вѣрную смерть. Самъ Недъ Лендъ сознавалъ это.

И грызъ удила, страдая тоскою по родинѣ; излечить эту тоску могло только бѣгство.

— Надо съ этимъ покончить, сказалъ онъ мнѣ въ тотъ же день: я до тѣхъ поръ не успокоюсь. Вашъ Немо все отдалется отъ земли, все лѣзетъ къ сѣверу, а я по горло ужъ доволенъ южнымъ полюсомъ, и къ сѣверному съ нимъ не поѣду!

— Что же дѣлать, Недъ, если въ настоящую минуту улизнуть невозможно?

— Надо объясниться съ капитаномъ. Вы молчали когда мы были около береговъ вашей родной Франціи; мы теперь въ моряхъ американскихъ и я молчать не хочу; какъ подумаю, что черезъ нѣсколько дней „Наутилусъ“ будетъ на высотѣ Новой Шотландіи, что около Нью-Фаундленда есть широкій заливъ, въ который впадаетъ рѣка с. Лаврентія, что рѣка эта — моя родная рѣка, что на ней мой родной Квебекъ; какъ вспомню объ этомъ, такъ меня злость и душитъ! Нѣтъ, я скорѣе кинусь въ море, а здѣсь не останусь! Мнѣ душно здѣсь!

Очевидно, у него терпѣніе лопнуло. Живая натура его не выдерживала такого долгаго плѣна. Онъ съ каждымъ днемъ измѣнялся въ лицѣ, нравъ его становился все угрюмѣе. Я понималъ, что онъ страдаетъ невыносимо, потому что и самъ я тосковалъ по родинѣ. Почти семь мѣсяцевъ мы не имѣли никакихъ извѣстій съ земли. Къ тому же отдаленіе капитана Немо, его мрачное настроеніе духа и задумчивость, въ особенности со времени схватки съ осьминогами — все было для меня томительно. Во мнѣ исчезло восторженное настроеніе, какимъ я жилъ первое время. Надо быть фламандцемъ какъ Консейль, чтобы сжиться съ этою средою, обитаемой лишь морскими животными. Еслибы у него, вмѣсто легкихъ, были жабры, онъ, право, былъ бы не менѣе счастливъ.

— Ну? спросилъ Недъ Лендъ, недовольный моимъ молчаніемъ.

— Вы хотите, Недъ, чтобы я спросился у капитана Немо, какія его намѣренія относительно насъ?

— Да, г. Аронаксъ, хочу!

— Не смотря на то, что онъ уже ихъ высказалъ?

— Да. Я хочу ихъ слышать еще разъ, — въ послѣдній.

Спросите отъ моего имени коли хотите.

— Но я его встрѣчаю рѣдко: онъ меня избѣгаетъ.

— Ну значить, что надо идти къ нему!

— Хорошо, Недъ: спрошу.

— Когда? настаивалъ канадецъ.

— Когда съ нимъ встрѣчусь.

— Г. Аронаксъ, не пойти ли мнѣ къ нему?

— Нѣтъ, предоставьте это мнѣ: завтра...

— Нѣтъ, нынче!

— Пожалуй, нынче я съ нимъ увидаюсь.

Недъ Лендъ ушелъ.

Такъ какъ было условлено, я рѣшился дѣйствовать сейчасъ же: легче имѣть дѣло съ вопросомъ оконченнымъ, чѣмъ съ недоумѣніемъ.

Я пошелъ въ свою комнату и услышалъ шаги въ каютѣ капитана Немо. Случая этого я упустить не хотѣлъ: постучался въ его дверь; отвѣта нѣтъ. Я постучался еще разъ, потомъ повернулъ ручку. Дверь отворилась.

Когда я вошелъ, капитанъ полулежалъ на столѣ, занятый картою; онъ и не слышалъ моихъ шаговъ.

Я положилъ себѣ, что не выйду отсюда прежде, чѣмъ не допрошу его.

Я подошелъ къ нему ближе.

Онъ вдругъ поднялъ голову, нахмурился и спросилъ рѣзко:

— Зачѣмъ вы здѣсь? что вамъ надо?

— Поговорить съ вами, капитанъ.

— Но я занятъ, г. Аронаксъ, я работаю. Я вѣдь вамъ предоставляю свободу жить уединясь, почему я самъ не могу ею пользоваться?

Пріемъ былъ не ободрительный. Но я готовъ былъ все выслушать, потому что на все имѣлъ отвѣтъ.

— Капитанъ, началъ я холодно: мнѣ нужно поговорить съ вами о дѣлѣ, не терпящемъ отлагательства.

— Какое это такое дѣло? возразилъ онъ иронически: не

сдѣлали ли вы открытія, а я какого либо упущенія? Не выдало ли вамъ море что нибудь новаго изъ тайнъ своихъ?

Онъ былъ далекъ отъ предмета. Но прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ мнѣ сказалъ серьезно, указывая на рукопись, раскрытую на столѣ:

— Вотъ, г. Аронаксъ, рукопись на нѣсколькихъ языкахъ: въ ней изложены вкратцѣ мои наблюденія надъ моремъ, и я надѣюсь, что трудъ этотъ со мною не погибнетъ. Подписанная мною, дополненная моею біографіею, она будетъ вложена въ такой аппаратъ, который ни потонетъ, ни подмокнетъ; послѣдній, кто останется въ живыхъ на „Наутилусъ“, кинетъ ее въ море и она поплыветъ—куда ее понесутъ волны.

Его подпись! Исторія его жизни, переданная имъ самимъ! Тайна его, со временемъ раскрытая!.. Но въ настоящую минуту я въ этой исповѣди увидѣлъ лишь возможность приступить къ дѣлу.

— Капитанъ, отвѣчалъ я: эту мысль, разумѣется, остается только одобрить; плоды труда не должны пропадать даромъ. Но для осуществленія этой цѣли вы предполагаете, мнѣ кажется, средство давно отжившее: какъ знать, куда ее прибьетъ вѣтеръ, и въ какія руки она попадетъ? Нѣтъ ли средства лучше? Не можете ли вы, или кто нибудь изъ вашихъ?..

— Никогда, г. Аронаксъ! прервалъ онъ меня живо.

— И я, и мои спутники готовы хранить эту рукопись, если вы возвратите намъ свободу...

— Свободу! вскрикнулъ онъ, вставъ съ мѣста.

— Да, объ этомъ я и пришелъ васъ спросить. Мы семь мѣсяцевъ находимся въ числѣ экипажа, и я сегодня, отъ имени моихъ товарищей и отъ своего собственнаго, спрашиваю васъ: намѣрены вы оставить насъ навсегда у себя?

— Я вамъ отвѣчу, г. Аронаксъ, то же самое, что отвѣчалъ семь мѣсяцевъ тому назадъ: кто вступилъ въ этотъ корабль, тотъ уже его не покинетъ.

— Да вѣдь это плѣнь!

— Называйте какъ угодно!

— Вѣдь и рабъ имѣетъ возможность освободиться, даже какимъ бы то ни было способомъ!

— Кто же у васъ оспариваетъ это право? Я васъ присягою не связывалъ, отвѣчалъ капитанъ.

Онъ смотрѣлъ на меня, скрестивъ на груди руки.

— Капитанъ, возразилъ я, говорить мы объ этомъ болѣе не станемъ, поэтому я выскажусь разъ навсегда. Повторяю вамъ, что хлопочу не за себя одного: для меня наука и отрада, и отдыхъ, увлеченіе, даже страсть, которая можетъ заставить меня забыть о чемъ бы то ни было. Я, какъ вы, могу жить въ безвѣстности и уединеніи, мечтая о возможности передать потомству въ какой нибудь засмоленный банкъ результаты моихъ трудовъ. Я, однимъ словомъ, могу васъ оцѣнить, могу слѣдовать за вами безъ неудовольствія въ той роли, какую до нѣкоторой степени понимаю; но есть еще и другія стороны въ вашей жизни до такой степени таинственныя, что ни я, ни спутники мои въ нихъ не имѣемъ мѣста. И даже въ тѣ минуты, когда мы бывали тронуты вашимъ страданіемъ или вашими подвигами, мы не смѣли выразить ни малѣйшаго сочувствія, какое всегда проступаетъ наружу при видѣ высокаго дѣла, совершаемаго другомъ или врагомъ. Потому-то именно, въ силу сознанія, что мы чужды всего, что васъ касается, — мы и не примираемся съ своимъ положеніемъ, мы не можемъ жить при такихъ условіяхъ; для меня это тяжело, а для Неда Ленда—невозможно. Каждый въ силу того только, что онъ человѣкъ, стоитъ того, чтобы о немъ подумать. Спросили вы себя когда либо, до какихъ отчаянныхъ вещей могутъ довести любовь къ свободѣ и отвращеніе отъ работы такого человѣка, какъ канадецъ? Что онъ долженъ придумать, перепробовать, на что рѣшиться?

Я умоляю. Капитанъ Немо приподнялся.

— Предоставляю Неду Ленду думать, пробовать, рѣшиться на что ему угодно, отвѣчалъ онъ. Мнѣ что за дѣло? Я вѣдь не искалъ его. Я не для своего удовольствія удерживаю его на „Наутилусѣ“. А вы, г. Аронаксъ, вы изъ числа тѣхъ, которые въ состояніи все понять, даже молчаніе. Больше мнѣ вамъ сказать нечего. Объ этомъ предметѣ мы говорили сегодня въ послѣдній разъ; въ другой разъ я васъ даже не выслушаю.

Я ушелъ отъ него.

Съ этого дня положеніе наше стало очень натянутымъ. Я слово въ слово передалъ товарищамъ разговоръ мой съ капитаномъ.

— Ну, по крайности, теперь знаемъ, сказалъ Недъ: отъ

него ждать нечего! „Наутилус“ подходит къ Лонгъ-Эйленду. Мы бѣжимъ, какова бы ни стояла погода!

Небо хмурилось все сильнѣе и сильнѣе. Явились признаки урагана. Атмосфера становилась молочнаго цвѣта. Густыя облака осѣдали до горизонта и быстро убѣгали. Вода вздувалась; всѣ птицы, исключая буревѣстниковъ, исчезли. Опускавшійся барометръ указывалъ на сильное давленіе паровъ. Стормгласеъ разлагался подъ вліяніемъ электричества, пресыщавшаго атмосферу. Борьба стихій приближалась.

Буря разразилась 18 мая, именно въ то время, когда „Наутилус“ шелъ на высотѣ Лонгъ-Эйленда, за нѣсколько миль отъ Нью-Йорка.

Бурю эту я могу описать, такъ какъ капитанъ Немо, по необъяснимому капризу, не ушелъ отъ нея въ глубину моря, а сталъ съ нею бороться на поверхности.

Вѣтеръ дулъ съ юго-запада сначала съ быстротою пятнадцати метровъ въ секунду, потомъ къ тремъ часамъ вечера съ быстротою двадцати пяти.

Капитанъ Немо, непоколебимый при напорѣ вѣтра, не покидалъ палубы. Онъ велѣлъ себя привязать у пояса, чтобъ не унесло волнами; я былъ при немъ, удивляясь и силѣ бури, и силѣ человѣка.

Огромныя облака какъ бы мели поверхность моря. Маленькихъ волнъ я уже не видѣлъ въ числѣ большихъ: вода вся вздымалась длинными валами и гребень ихъ, по причинѣ плотности всей массы, не рассыпался; они росли въ вышину, сталкивались другъ съ другомъ, а среди ихъ „Наутилус“ то повергаемый на бокъ, то взлетавшій на верхушки, неистово метался и пытался.

Къ пяти часамъ полилъ страшный дождь, но ни вѣтеръ, ни море при этомъ не утикли; напротивъ, ураганъ дулъ съ быстротою сорока пяти метровъ въ секунду, т. е. съ тою силою, какая опрокидываетъ дома, вбиваетъ въ двери черепицу, которую срываетъ съ кровель, ломаетъ желѣзныя рѣшетки, сноситъ крупнаго калибра пушки.

А „Наутилус“ нашъ, среди такого шквала, держалъ себя такъ, что вполне оправдывалъ мнѣніе ученаго инженера: „хорошо построенный корабль въ состояніи выдержать что бы то

ни было". Онъ не противился, волны его разбили бы: онъ гнулся какъ сталь, онъ повиновался и уступалъ; безъ снастей, безъ мачтъ, онъ покорно и стойко выносилъ борьбу.

Я разсматривалъ внимательно валы насть окружавшіе; въ вышину они поднимались метровъ на пятнадцать, въ длину имѣли метровъ полтора—сто семьдесятъ пять, и катились съ быстротою пятнадцати метровъ въ секунду. Ихъ количество и сила возрастали по мѣрѣ глубины воды. И я понялъ назначеніе этихъ валовъ — нагружаться воздухомъ и препровождать его на дно морское, препровождая туда жизнь чрезъ распространеніе кислорода. Ихъ страшная сила давленія, по вычисленіямъ, достигаетъ трехъ тысячъ килограммовъ на одинъ футъ поверхности. Такіе же валы снесли на Гебридахъ массу гранита вѣсомъ въ восемьдесятъ тысячъ фунтовъ, опрокинули 23 декабря 1864 г. часть города Іеддо въ Японіи и, пролетая семьсотъ километровъ въ часъ, въ тотъ же день домчались до береговъ Америки.

Къ ночи вихрь усилился. Барометръ упалъ до 710 миллиметровъ, — какъ было и въ Реюнионѣ, во время шквала, въ 1860 г.

Уже смеркалось, когда я увидѣлъ на горизонтѣ большой корабль въ тяжелой борьбѣ съ моремъ. Онъ шелъ медленно на малыхъ парахъ, уступая валамъ. Это былъ одинъ изъ стимеровъ переправляющихся между Нью-Йоркомъ и Ливерпулемъ, или Гавромъ. Стимеръ скоро исчезъ во мракѣ.

Въ десять часовъ вечера небо было все въ огнѣ. Воздухъ полосовали молніи. Я не могъ переносить ихъ блеска, а капитанъ Немо смотрѣлъ на нихъ прямо, какъ бы вдыхая въ себя бурю. Страшный шумъ наполнялъ воздухъ — шумъ отъ рева волнъ, вѣтровъ, ударовъ грома. Вихрь переносился въ разные пункты, горизонта, — циклонъ съ востока прилеталъ на востокъ, облетѣвъ сѣверъ, западъ и югъ — въ обратномъ направленіи тока вихрей южнаго полушарія.

Этотъ Гольфъ-Стремъ вѣрно названъ царемъ бурь! Онъ создаетъ такіе вихри, создавая разницу температуръ между слоями воздуха, нагроможденными надъ его теченіемъ.

Вслѣдъ за дождемъ начался огненный ливень. Капли воды засверкали искрами. Капитанъ Немо, не покидавшій поста, искалъ, какъ казалось, смерти отъ электрическаго удара. Съ оглушитель-

нимъ трескомъ „Наутилусъ“ выкинулъ свой громоотводъ и по немъ заструилась непрерывная искра.

Разбитый и измученный добрался я до трапа, отворилъ его и сползъ въ залу. Буря достигла высшей степени ярости. Стоять на ногахъ не было возможности.

Капитанъ Немо вернулся къ себѣ около полуночи. Я слышалъ какъ резервуары мало по малу наполнились и „Наутилусъ“ тихо погрузился подъ волны.

Сквозь открытыя окна залы я увидѣлъ большихъ рыбъ, промелькнувшихъ мимо съ быстротою призрака и убитыхъ громомъ предъ моими глазами.

„Наутилусъ“ спускался все ниже. Я полагалъ, что онъ станетъ на глубинѣ метровъ въ пятнадцать. Но нѣтъ, верхніе слои были сильно взволнованы, а чтобы отдохнуть отъ качки, надо было опуститься метровъ до пятидесяти.

За то въ какой молчаливой, невозмутимой тишинѣ очутились мы! Кто бы могъ повѣрить, что въ эту минуту такая буря бушевала надъ океаномъ?

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ПОДЪ 47° 24' ШИРОТЫ И 17° 28' ДЛГОТЫ.

Буря эта откинула насъ къ востоку, и всякая надежда обратиться къ Нью-Йорку или къ рѣкѣ Св. Лаврентія исчезла. Бѣдный Недъ въ отчаяніи уединился какъ капитанъ Немо. Мы съ Консейлемъ не разставались.

Я сказалъ, что „Наутилусъ“ отошелъ къ востоку: вѣрнѣе бы сказать къ сѣверо-востоку. Впродолженіи нѣсколькихъ дней онъ то бродилъ по поверхности, то углублялся, окруженный туманами, столь гибельными для мореходцевъ.

Туманы эти бывають вслѣдствіе таянія льдовъ, что поддерживаетъ въ атмосферѣ чрезвычайную влажность.

Сколько судовъ погибло въ этихъ мѣстахъ, пока отыскивали въ туманѣ мерцаніе берегового огонька! Какими бѣдствіями переполнена эта плотная масса мглы. Какіе страшные удары раздаются здѣсь о подводные камни! — Сколько судовъ сталкивается

другъ съ другомъ, не смотря на огни, на предупреждающію свистки и колокола, бьющіе тревогу!

Дно этихъ морей по истинѣ представляло поле сраженія, гдѣ еще лежали разбитые корабли: одни давно уже обратились въ рыхлую массу, другіе, только что погибшіе, отражали наши огни на своей металлической обшивкѣ. Сколько судовъ погибло съ своимъ цѣннымъ грузомъ, экипажемъ, эмигрантами, въ этихъ мѣстахъ—около мыса Рэса, острова Св. Павла, пролива Бельвильскаго, лимана Св. Лаврентія! Въ теченіи немногихъ лѣтъ, сколько жертвъ сдано въ лѣтописи смерти пароходами Ройаль-Майль, Инманъ, Монреаль! Суда: *Солуэ-Изисъ*, *Параматта*, *Венерецъ*, *Канадіанъ*, *Англо-Саксонецъ*, *Гумбольдтъ*, *Соединенные Штаты* погибли; *Арктикъ*, *Лионецъ* потонули при столкновеніи; *Президентъ*, *Пасификъ*, *Сити-Гласго* исчезли по причинамъ неизвѣстнымъ.

И среди этихъ развалинъ шель „Наутилусъ“, какъ бы производя смотръ мертвецамъ.

15 мая мы были на южномъ концѣ Ньюфаундлендской отмели. Она вся состоитъ изъ наносной почвы, изъ огромнаго количества органическихъ веществъ, прибываемыхъ или Гольфъ-Стримомъ отъ экватора, или отъ сѣвернаго полюса обратнымъ теченіемъ холодной струи, идущей вдоль американскаго берега. Сюда же пристають въ половодье и неправильныя глыбы отрываеваемой отъ береговъ почвы; здѣсь образовался громадный лиманъ изъ погибающихъ милліардами рыбъ, моллюсковъ или зоофитовъ.

Глубина здѣсь незначительная, но къ югу вдругъ идетъ уступомъ большая впадина — тысячи въ три метровъ. Тутъ Гольфъ-Стремъ расширяется, течетъ медленнѣе, понижается температурою и дѣлается моремъ.

Изъ числа рыбъ, которыхъ сунули „Наутилусъ“, назову пинагора съ черною спиною и оранжевымъ брюхомъ, — онъ подаетъ своимъ соплеменникамъ рѣдкій примѣръ супружеской вѣрности; упернака, родъ угря, изумруднаго цвѣта, превосходнаго на вкусъ; караковъ съ выпуклыми глазами и собачьей мордой; слизевъ яйценосныхъ, какъ змѣи; черныхъ пискарей длиною въ два дециметра; длинохвостыхъ, серебристыхъ рыбокъ, заплывшихъ далеко отъ морей гиперборейскихъ.

Въ сѣти поймалась еще одна смѣлая, сильная, мускулистая

рыба рамша южныхъ морей, съ иглами на головѣ и въ плавникахъ, настоящій скорпионъ, длиною въ два-три метра, и злѣйшій врагъ трески, слизовъ и осетровъ; тѣломъ она круглая, цвѣтомъ темная, съ красными плавниками. Съ ней сладить было не легко; она имѣетъ способность набирать въ себя запасъ воды и живетъ довольно долго въ родной своей стихіи.

Назову теперь же, чтобы не забыть, множество маленькихъ рыбокъ, которые долго слѣдили за нами въ сѣверныхъ моряхъ, скорпенахъ, бѣльчугахъ, и перейду къ трескѣ которую видѣлъ въ любимомъ ея мѣстопребываніи, на Ньюфаундлендской отмели.

Я могу сказать, что это рыба горная, такъ какъ Ньюфаундлендъ ничто иное какъ подводная гора.

Когда „Наутилусъ“ протѣснился между плотною массою образуемою стаями трески, Консейль не могъ воздержаться отъ замѣчанія:

— Неужели это треска? я съ позволенія ихъ чести, думалъ, что она совсѣмъ плоская!

— Она плоская лишь въ рыбной лавкѣ или на рынкѣ, гдѣ ее продаютъ распластанною. Въ водѣ же она совершенно круглая, и превосходно приспособлена къ плаванію.

— Это вѣрно, отвѣтили Консейль. Боже мой! сколько ее тутъ! точно муравейникъ!

— Ея было бы гораздо еще больше, если бы не существовало на нея враговъ — скорпеновъ и человѣка. Знаешь сколько лицъ насчитываютъ въ одной самкѣ?

— Я буду угадывать: пятьсотъ тысячъ?

— Одинадцать, другъ мой, миліоновъ!

— Я этому повѣрю только тогда, какъ самъ ихъ пересчитаю!

— Пересчитай, Консейль. Но скорѣе будетъ, если повѣришь мнѣ. Не забудь и того, что ихъ миліонами истребляютъ французы, англичане, американцы, датчане, норвежцы. Поѣдается ея количество страшное, и еслибъ она не отличалась изумительнымъ плодородіемъ, то ея скоро не стало бы въ моряхъ. Въ Англіи и Америкѣ пять тысячъ судовъ и семьдесятъ пять тысячъ матросовъ заняты исключительно ловлею трески. Каждое изъ судовъ привозитъ круглымъ числомъ до сорока тысячъ штукъ, что со-

ставляетъ уже двадцать пять миліоновъ. У береговъ Норвегіи происходитъ тоже самое.

— Ну, хорошо, согласился Консейль, я считать не стану.

— Чего?

— Тѣхъ одиннадцать миліоновъ, которые въ каждой самѣй. Но я, съ позволенія ихъ чести, сдѣлаю замѣчаніе.

— Какое же?

— А такое, что кабы изъ каждаго яйца рождалась на свѣтъ рыба, то четырехъ самокъ было бы достаточно для продовольствія трескою Англій, Америки и Норвегіи.

Пока мы обходили отмель, я увидѣлъ длинныя кряки, спущенныя дюжинами съ каждаго корабля. На поверхности воды, мелькало огромное количество пробокъ и „Наутилусъ“ маневрировалъ весьма удачно, чтобъ не снести эти крячки и самому въ нихъ не запутаться.

Онъ впрочемъ побылъ не долго въ этихъ мѣстахъ и поднялся до 42° широты,—на высоту Св. Жана и Хартсъ-Контента, гдѣ опущенъ конецъ трансатлантическаго каната.

„Наутилусъ“ пошелъ не на сѣверъ, а въ востокъ, какъ бы слѣдомъ за телеграфическою плоскостью, на которой лежитъ канатъ и которая измѣрена съ чрезвычайною точностью.

17 мая, миляхъ въ пятистахъ отъ Хартсъ-Контента, на глубинѣ двухъ тысячъ восьмисотъ метровъ, увидѣлъ я лежащій на днѣ телеграфный канатъ. Консейль, не предупрежденный мною, принялъ его сначала за громадную змѣю и уже готовился подобрать ее къ тому или другому изъ разрядовъ. Но я его разувѣрилъ и въ утѣшеніе разеказалъ все, что мнѣ было извѣстно о процессѣ укладыванія этого каната.

Первый былъ устроенъ въ 1857—58 гг.; но передалъ лишь около четырехсотъ телеграммъ и пересталъ дѣйствовать. Въ 1863 г. составили новую проволоку длиною въ три тысячи четырехста километровъ и вѣсомъ въ четыре тысячи пятьсотъ тоннъ. Повезъ ее *Гретъ-Истеризъ*. Попытка эта не удалась еще разъ.

25 мая „Наутилусъ“ нашелъ именно на то мѣсто, гдѣ произошелъ разрывъ каната на глубинѣ трехъ тысячъ восьмисотъ тридцати шести метровъ. Отъ береговъ Ирландіи за 638 миль, въ два часа по полудни, вдругъ было замѣчено, что сообщеніе

съ Европою прекратилось. Съ берега рѣшили отрѣзать канатъ прежде, чѣмъ его вытаскивать, и въ одиннадцать часовъ привезли оторвавшійся конецъ. Его сплотили и принялись за укладываніе снова. Но чрезъ нѣсколько дней онъ снова порвался, и его уже не могли достать.

Американцы не потеряли однакожь терпѣнія. Неутомимый Филдъ, которому обязаны всеѣмъ предпріятіемъ и рискомъ всего его состоянія, открылъ новую подписку. По ней деньги были немедленно собраны. Канатъ сооруженъ при наилучшихъ условіяхъ: проводящія нити обернуты гутта-перчею, обложены волокнистыми веществами и закованы въ металлъ. Гретъ-Истернъ повезъ его въ море 13 іюля 1866 г.

Дѣло шло хорошо. Но вотъ стали замѣчать, разматывая канатъ, что въ него мѣстами вбиты гвозди, съ цѣлью попортить его. Капитанъ Андерсонъ, его офицеры и инженеры собрались на совѣтъ и порѣшили, что если виновный будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, то безъ дальнѣйшаго суда будетъ немедленно выкинутъ въ море. Объ этомъ рѣшеніи было тотчасъ же объявлено, и съ тѣхъ поръ такіа попытки прекратились.

23 іюля, *Гретъ Истернъ* былъ за сто килограммовъ отъ Ньюфаундленда, когда получилъ изъ Ирландіи телеграмму о заключеніи перемирія между Пруссією и Австрією послѣ сраженія при Садовѣ. 27, онъ среди тумана лавировалъ къ порту Хартсъ-Контента. Предпріятіе съ успѣхомъ доведено до конца и, первой своей денешѣ юнѣя Америка привѣтствовала старую Европу мудрымъ изреченіемъ, столь рѣдко понимаемымъ вѣрно: „Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, и въ чловѣцѣхъ благоволеніе“.

Я не думалъ, что увижу электрической канатъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ онъ вышелъ какъ будто сейчасъ только изъ мастерскихъ. Длинная змѣя его, обросшая раковинами и водяными растениями, лежала въ каменистомъ жолобѣ, предохраняющемъ ее отъ сверлящихъ моллюсковъ. Она лежитъ плотно, волна ее не раскачиваетъ, давленіе на нее благоприятное, электрическая игра пробѣгаетъ отъ Америки до Европы въ $\frac{32}{100}$ секунды. Прочность существованія этого каната вѣроятно будетъ изумительная, такъ какъ гутта-перча улучшается по мѣрѣ того какъ лежитъ въ морской водѣ.

Къ тому же, площадь на которой онъ лежитъ, такъ удачно выбрана, что онъ погруженъ не глубоко и разрыва опасаться нечего. „Наутилусъ“ спускался до самаго русла его—на 4431 метръ отъ поверхности, и въ этомъ самомъ глубокомъ его ложѣ онъ не подвергался значительному тренію. Потомъ мы подошли къ тому мѣсту, гдѣ былъ съ нимъ несчастный случай въ 1863 г.

Дно океана образовало лощину шириною въ 120 километровъ; на нее можно бы было уставить Монбланъ и вершина его не выступила бы на поверхность воды. Лощина эта загорожена съ востока остроконечною стѣной вышиною въ 2000 метровъ. Мы въ нее прибили 28 мая и „Наутилусъ“ очутился въ 150 километрахъ отъ Ирландіи.

Неужели капитанъ Немо имѣлъ намѣреніе пристать къ Британскимъ островамъ? Нѣтъ; къ великому изумленію моему онъ спустился южнѣе и повернулъ къ Европейскимъ морямъ. Огибая Изумрудный островъ, я увидѣлъ на минуту мысъ Кларъ и маякъ Фастенета, освѣщающій миліоны судовъ по выходѣ ихъ изъ Глазго и Ливерпуля.

Важный вопросъ началъ перерабатываться у меня въ умѣ: осмѣлится ли „Наутилусъ“ войти въ Ламаншъ? Недѣ Лендъ, вышедшій изъ уединенія съ тѣхъ поръ какъ мы касались земли, не переставалъ меня допрашивать. Но, что отвѣчать ему? Капитанъ Немо оставался невидимымъ. Онъ показалъ издали канадцу берегъ Америки, можетъ быть и мнѣ только покажетъ берега Франціи.

„Наутилусъ.“ между тѣмъ все спускался къ югу. 30 мая онъ прошелъ мимо Ландсъ-Энда между крайней оконечностью Англій и островами Сорлингъ.

Еслибъ онъ хотѣлъ войти въ Ламаншъ, то пошелъ бы прямо на востокъ. Онъ этого не дѣлалъ.

Весь день 31 мая „Наутилусъ“ описывалъ по морю круги, возбуждавшіе мое любопытство. Онъ какъ будто искалъ какое то мѣсто, котораго не находилъ.

Въ полдень самъ капитанъ Немо явился для наблюденій. Со мною онъ не сказалъ ни слова, и показался мнѣ мрачнѣе, чѣмъ когда либо. Что могло сокрушать его? Не близость ли Европейскихъ береговъ? Не находили ли на него воспоминанія изъ оставленной родины? Что же онъ чувствовалъ:—угрызеніе совѣсти

или сожалѣніе? На мысли этой я долго остановился и во мнѣ явилось какое то предчувствіе, что случай скоро раскроетъ передо мной тайны капитана Немо.

На слѣдующій день, 1 іюня, „Наутилусъ“ дѣлалъ тоже самое: онъ явно искалъ какого то пункта среди океана. Капитанъ Немо пришелъ, снялъ высоту по солнцу, какъ накануне. Море было тихо, небо ясно. Милыхъ въ 8 на востокъ большой пароходъ показался на линіи горизонта. Флага на немъ не было и я не могъ разобрать какой онъ принадлежитъ націи.

За нѣсколько минутъ до перехода солнца на меридіанъ, капитанъ Немо взялъ секстантъ и принялся наблюдать съ чрезвычайною внимательностью. Совершенная тишина волнъ удовлетворяла его. „Наутилусъ“ почти не колыхался.

Въ эту минуту я былъ на палубѣ. Окончивъ изслѣдованіе, капитанъ произнесъ одно только слово:

— Здѣсь!

Потомъ сошелъ въ трапъ.

Не увидѣлъ ли онъ, что пароходъ измѣнилъ направленіе и, казалось, пошелъ на насъ? этого я не могу сказать.

Я вернулся въ гостиную. Трапъ закрылся и я услыхалъ, что резервуары наполняются водою. „Наутилусъ“ сталъ опускаться по вертикальной линіи, такъ какъ нарѣзной его винтъ не сообщалъ ему никакого движенія.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ сталъ на днѣ, на глубинѣ 883 метровъ.

Тогда свѣтъ въ залѣ погасъ, филенки отворились и я увидѣлъ, сквозь стекла, море ярко освѣщеннымъ на полъ милью вдаль нашими огнями.

Сначала я ничего не разглядѣлъ кромѣ совершенно спокойныхъ водъ; потомъ показалось мнѣ нѣчто возвышающееся вдали, какъ будто развалины, погребенныя подъ слоемъ бѣлыхъ раковинъ или снѣжнаго намета. Всматриваясь внимательнѣе, я различилъ очертанія корабля, потопленнаго и потерявшаго мачты. Несчастье это случилось съ нимъ вѣроятно давно. Грузъ его, глубоко осѣвшій въ грунтъ, насчитывалъ, должно быть, уже много лѣтъ, пронесшихся надъ нимъ на днѣ океана.

Что это былъ за корабль? Зачѣмъ „Наутилусъ“ пришелъ

на его могилу? Я не зналъ, что на это сказать, какъ вдругъ близь меня капитанъ Немо произнесъ медленно:

„Тогда корабль этотъ назывался *Марсельцемъ*. Вооруженъ былъ 74 пушками и спущенъ въ 1762 г. Въ 1778 г., 13 августа, подъ начальствомъ *Лапонтъ-Вертрие* бился отчаянно съ *Престеномъ*. Въ 1779 году, 4 іюля, былъ съ эскадрою адмирала д'Этенъ на осадѣ Гренады. Въ 1781 г., 5 сентября, принималъ участіе въ сраженіи съ графомъ Грассъ въ заливѣ Чисаникъ. Въ 1794 г. республика переименовала его. 16 апрѣля тогоже года былъ посланъ изъ Бреста для эскорты транспорта, шедшаго съ хлѣбомъ изъ Америки. 11 и 12 преріала, (іюня) г. II, эскадра встрѣтилась съ англичанами. Милостивый государь, сегодня 13 преріала 1868 года. Сегодня, 74 года тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, подъ 47° 24' широты и 17° 28' долготы, корабль этотъ послѣ геройской битвы, въ которой лишился трехъ мачтъ и трети экипажа, предпочелъ утопить себя съ 356 матросами, но не сдался; и прибивъ флагъ къ кормѣ, пошелъ ко дну съ крикомъ: да здравствуетъ республика!“

— Это „Мститель“! вскрикнулъ я.

— Да, „Мститель“! Славное имя! сказалъ капитанъ Немо, скрестивъ на груди руки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

КАТАКОМБЫ.

Слова его, непредвидѣнность этой сцены, исторія корабля патріота, начатая холодно, потомъ рассказываемая съ такимъ волненіемъ, котораго не могла превозмочь странная эта личность, имя „Мститель“, имѣющее значеніе,—все это меня глубоко поразило. Глаза мои впились въ капитана. Немо, протянувъ руки къ морю, огненнымъ взглядомъ смотрѣлъ на эти великіе обломки. Неужели мнѣ никогда не узнать кто онъ, откуда, какія его цѣли? А между тѣмъ я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе видѣлъ какъ человѣкъ выступаетъ изъ за ученаго. Не просто мизантропія заперла на „Наутилусъ“ капитана Немо и его спут-

никовъ, а ненависть и месть, какихъ не могло ослабить даже время.

Эта ненависть еще искала можетъ быть мести? Это должно было мнѣ раскрыть будущее.

„Наутилусъ“ началъ подниматься и мало по малу скрылись останки „Мстителя“.

Вдругъ раздался грохотъ.

Я поглядѣлъ на капитана Немо.

Капитанъ Немо и бровью не шевельнулъ.

— Капитанъ? спросилъ я.

Онъ не отвѣтилъ.

Я оставилъ его и вышелъ на платформу.

Тамъ уже былъ Недъ Лендъ и Консейль.

— Что это за грохотъ? спросилъ я.

— Выстрѣлили изъ пушки, отвѣтилъ канадецъ.

Я осмотрѣлся и увидалъ судно. Судно это очевидно усиливало пары и приближалось къ „Наутилусу“. Оно было отъ насъ всего въ шести миляхъ.

— Что это за судно, Недъ? спросилъ я.

— Да, по оснасткѣ судя, это военное судно. Вотъ кабы надвинуло да пустило ко дну этотъ окаянный „Наутилусъ“!

— Другъ Недъ, возразилъ Консейль, что жъ это судно можетъ сдѣлать „Наутилусу“? Развѣ оно можетъ за нимъ нырнуть подъ воду? Развѣ можетъ съ нимъ бороться на днѣ морскомъ?

— Послушайте, Недъ, сказалъ я: вы не можете разглядѣть чье это судно, — какой націи?

Канадецъ слегка прищурился и впился глазами въ приближающееся судно.

— Нѣтъ, г. профессоръ, не могу! сказалъ онъ. Флагъ не вывѣшенъ. А что судно военное, такъ это вѣрно, потому длинный вымпелъ развѣвается на большой мачтѣ.

Мы съ четверть часа наблюдали это судно. Оно все приближалось.

Я, впрочемъ, думалъ что оно не могло замѣтить „Наутилусъ“ на такомъ разстояніи, а еще менѣе могло догадаться, что это подводный снарядъ.

— Это большой военный корабль, сказалъ Недъ Лендъ, блиндированный, съ шекомъ. Смотрите, г. Аронаксъ.

Густые клубы дыма валили изъ трубъ; свернутые паруса сливались съ снастями; на гафелѣ не было флага. Разстояніе еще не позволяло различить цвѣта вымпела, который вился какъ тоненькая ленточка.

Судно быстро приближалось.

Еслибы капитанъ Немо подпустилъ его поближе, мы бы могли надѣяться на благополучное бѣгство.

— Знаете что, г. профессоръ? сказалъ Недъ Лендъ: коли тотъ корабль подошелъ на милю, я бы сейчасъ же бросился въ море! И вамъ совѣтую тоже!

Я ничего не отвѣтилъ на совѣтъ канадца.

Судно все приближалось, все увеличивалось.

Будь это корабль французскій, англійскій, американскій или русскій, — насъ вѣрно примутъ на всякій, если только мы доплывемъ до него.

— Ихъ чести извѣстно уже, что мы плавать умѣемъ, сказалъ Консейль. Если ихъ честь послушается совѣта Неда, такъ я поплыву съ ихъ честью рядомъ и ихъ честь можетъ на меня положиться!

Я хотѣлъ отвѣчать, но вдругъ съ военного корабля поднялся бѣлый шаръ, затѣмъ около самаго „Наутилуса“ упало что-то тяжелое и сильно всколыхнуло волны; затѣмъ раздался пушечный выстрѣлъ.

— Да они въ насъ стрѣляютъ! вскрикнулъ я.

— Молодцы! сказалъ Недъ Лендъ.

— Они значить не считаютъ насъ за потерпѣвшихъ кораблекрушеніе! сказалъ я.

— Съ позволенія ихъ чести... Вотъ тебѣ на! вскрикнулъ Консейль, отряхая съ себя воду, которой насъ опять захлеснуло. Опять ядро. Они видно завидѣли нарвала, и нарвала бомбардируютъ!

— Да вѣдь они могутъ видѣть, что мы люди, а не нарвалы! вскрикнулъ я.

— А можетъ потому они такъ и жарятъ, что видятъ „людей“, сказалъ Недъ Лендъ съ удареніемъ.

Меня озарила таже мысль. Безъ сомнѣнія, ужь теперь знали съ какимъ чудовищемъ имѣли дѣло. Безъ сомнѣнія, когда канадецъ хватилъ острогою съ „Авраама Линкольна“, капитанъ Фарагюль догадался, какой нарвалъ обшить листовымъ желѣ-

зомь! Теперь вѣроятно вездѣ искали и преслѣдовали страшный, подводный снарядъ.

Ядра такъ и сыпались вокругъ насъ, но „Наутилусу“ это нисколько не вредило.

Военный корабль находился отъ насъ всего въ трехъ миляхъ.

Не смотря на пушечную пальбу, капитанъ Немо не показывался на платформу.

А между тѣмъ ударъ подобнаго конического ядра могъ погубить „Наутилусъ“.

Недѣ Лендѣ мнѣ сказалъ:

— Г. Аронаксъ! надо во чтобы то ни стало подать имъ сигналъ! Тысячу чертей! Авось они поймутъ, что мы то здѣсь не причемъ!

Недѣ Лендѣ взялъ свой платокъ, но только что хотѣлъ имъ махнуть, какъ его схватила желѣзная рука. Онъ хотѣлъ вырваться, но былъ смятъ и упалъ.

— Я тебя пришибу, вскрикнулъ капитанъ Немо.

Голосъ у него былъ страшный, но лицо еще страшнѣе: оно совершенно помертвѣло и исказилось.

Онъ выпустилъ ванадца изъ рукъ и сталъ смотрѣть на приближающійся корабль.

— А, ты меня узналъ! проговорилъ онъ. Я тоже тебя узналъ! Ты не показываешь своего флага—я покажу тебѣ свой!

Съ этими словами капитанъ Немо развернулъ свой черный флагъ.

Въ эту самую минуту, полетѣвшее ядро чуть не раздробило ему руку.

Капитанъ обратился ко мнѣ:

— Сойдите съ платформы! сказалъ онъ рѣзко. Сойдите и уведите вашихъ товарищей!

— Капитанъ! вскрикнулъ я, вы хотите напасть на этотъ корабль?

— Я хочу его потопить!

— Вы этого не сдѣлаете!

— Я это сдѣлаю! холодно отвѣчалъ капитанъ Немо. Не судите меня. На меня нападаютъ. Я защищаюсь. Сойдите съ платформы!

— Какой это корабль?

— Вы не знаете? Тѣмъ лучше. Уходите!

Мы должны были повиноваться.

Человѣкъ пятнадцать экипажа уже высыпало на платформу. Видно было, что всѣ они пылали одинаковой ненавистью.

Я ушелъ въ свою комнату.

„Наутилусъ“ началъ быстро уходить, но военный корабль его преслѣдовалъ.

Около четырехъ часовъ вечера, я подошелъ къ центральной лѣстницѣ. Задвижка была отсунута. Я рѣшился выйти на платформу и увидалъ здѣсь капитана. Онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ, поглядывалъ на корабль, который находился теперь въ пяти или шести миляхъ подъ вѣтромъ. Онъ кружился около этого корабля, какъ разъяренный звѣрь и увлекалъ его за собою къ востоку.

Но онъ еще не нападалъ.

Можетъ быть онъ еще колебался?

Я хотѣлъ еще разъ явиться посредникомъ, но только я произнесъ первыя слова, капитанъ Немо рѣзко меня перебилъ:

— Я угнетенный, а онъ угнетатель! сказалъ онъ. Онъ отнял у меня все, что я любилъ и чтилъ: родину, жену, дѣтей отца, мать, братьевъ, сестеръ! Замолчите!

Я поглядѣлъ на военный корабль, который все прибавлялъ ходу, а за тѣмъ спустился съ лѣстницы и позвалъ Недъ Ленда и Консейля.

— Мы убѣдимъ, сказалъ я имъ.

— Хорошо! отвѣтилъ Недъ. А что это за корабль?

— Не знаю. Да это все равно. Капитанъ Немо къ вечеру общается его пустить ко дну. Что жъ! Лучше пропасть съ нимъ, чѣмъ оставаться на „Наутилусѣ“.

— Это вѣрно! отвѣтилъ Недъ Лендъ. Вотъ дождемся ночи и катай!

Ночь наступила. Глубокое молчаніе царствовало на подводномъ суднѣ. Я слышалъ какъ быстро вертѣлся винтъ и какъ кипѣли волны. Мы плыли по поверхности.

Мѣсяцъ ярко сіялъ—значить насъ могли завидѣть съ военного корабля на довольно большомъ разстояніи.

Часть ночи прошла безъ всякихъ приключеній. Мы выжи-

дали удобной минуты. Мы были сильно взволнованы и говорили мало. Недь Лендь уже не раз порывался броситься въ море, но я его удерживалъ.

Въ три часа утра я вышелъ на платформу.

Капитанъ былъ еще тутъ. Онъ стоялъ около своего флага и не сводилъ глазъ съ военнаго корабля.

Луна тогда переходила меридіанъ. Юпитеръ блестѣлъ на востокѣ. Небо было чисто, море спокойно. Ночное свѣтило ярко отражалось въ струяхъ.

Военный корабль находился отъ насъ въ двухъ миляхъ. Онъ очевидно шелъ прямо на свѣтъ „Наутилуса“. Я видѣлъ его бѣлый фонарь, повешанный на штагъ большой мачты. Неясное отраженіе освѣщало его оснастку и показывало, что огни на немъ сильно разведены. Изъ его трубъ вылетали цѣлые снопы искръ.

Я оставался на платформѣ до шести часовъ утра. Капитанъ Немо, казалось, меня не замѣчалъ.

Военный корабль находился отъ насъ въ полуторахъ миляхъ и съ разсвѣтомъ опять принялся палить изъ пушекъ.

— Пойду скажу имъ, чтобъ были на готовѣ, подумалъ я, и хотѣлъ идти къ товарищамъ.

Но въ эту самую минуту на платформу явился лейтенантъ, а за нимъ матросы.

Они тотчасъ же принялись за дѣло. Желѣзную рѣшетку, которая окружала платформу, опустили; фонарную клѣтку и катушку кормчаго тоже. „Наутилусъ“ скоро принялъ видъ желѣзной сигары.

Я пришелъ въ залу. Утренніе лучи мягко проникали въ окна.

Въ пять часовъ лагъ показалъ мнѣ, что „Наутилусъ“ умѣрилъ быстроту хода. Я понялъ, что капитанъ Немо хотѣлъ подпустить врага поближе. Пушечная пальба не прекращалась. Ядра сыпались дождемъ въ воду и подскакивали на ней съ шипѣньемъ и свистомъ.

— Друзья! сказалъ я Неду и Консейлю: пора!

Недь Лендь имѣлъ видъ очень рѣшительный; Консейль былъ совершенно спокоенъ, а я страшно волновался.

Мы прошли въ бібліотеку. Въ ту минуту, какъ я отворялъ дверь на центральную лѣстницу, верхняя задвижка съ шумомъ захлопнулась.

Канадецъ кинулся было по лѣстницѣ, но я его удержалъ. Я услыхалъ знакомый свистъ, который далъ мнѣ понять, что въ резервуарѣ накачивали воду.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ „Наутилусъ“ выплылъ всего на нѣсколько метровъ надъ поверхностью.

Я догадался, что капитанъ Немо хочетъ ударить снизу, гдѣ металлическая обшивка уже не защищаетъ.

— Что жъ это, мы опять въ западнѣ! вскрикнулъ Недъ Лендъ.

Мы смотрѣли другъ на друга, какъ потерянные.

„Наутилусъ“ пошелъ гораздо быстрее; онъ весь словно трепеталъ и содрагался.

Вдругъ мы вскрикнули.

Мы почувствовали толчекъ. Я услыхалъ визгъ желѣза, какой то трескъ...

„Наутилусъ“ пронизалъ военный корабль, какъ иголка протыкаетъ полотно.

Я болѣе не могъ выдержать. Я какъ безумный кинулся въ залу.

Капитанъ Немо былъ тутъ и смотрѣлъ въ окно.

Огромная, темная масса шла ко дну и „Наутилусъ“ погружался вмѣстѣ съ нею, какъ бы желая наслаждаться агоніей врага. Я видѣлъ всего въ десяти метрахъ отъ меня пробитый корабль; вода съ шумомъ въ него вливалась; по палубѣ метались черныя тѣни.

Вода все больше и больше заливала. Несчастные кидались на ванты, цѣплялись за мачты, падали, бились въ водѣ...

Огромный корабль медленно шелъ ко дну. Вдругъ произошелъ взрывъ. Палуба полетѣла кверху. Воды такъ заволновались, что „Наутилусъ“ покачнулся.

Несчастный корабль пошелъ ко дну быстрее. Промелькнули марсы, на которыхъ повисли жертвы, затѣмъ румпель, затѣмъ вершокъ большой мачты... Темная масса исчезла и съ нею весь экипажъ.

Когда все было окончено, капитанъ Немо вышелъ изъ залы.

Я проводилъ его глазами.

Онъ отворилъ дверь въ свою комнату. Прямо передъ дверью подъ портретами великихъ героевъ, висѣлъ портретъ молодой

женщины съ двумя дѣтьми. Капитанъ Немо смотрѣлъ нѣсколько минутъ на этотъ портретъ, потомъ простеръ къ нему руки, ушаль на колѣни и зарыдалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

ПОСЛѢДНІЯ СЛОВА КАПИТАНА НЕМО.

На „Наутилусѣ“ царствовало безмолвіе и темнота. Онъ мчался съ страшною быстротою.

Куда онъ мчался: на сѣверъ или на югъ?

Я воротился въ свою комнату. Недѣ и Консейль были тамъ.

Я не могъ безъ ужаса вспомнить о капитанѣ Немо. Какъ бы онъ ни пострадалъ отъ людей, онъ все-таки не имѣлъ права такъ ихъ карать!

Въ одиннадцать часовъ „Наутилусъ“ освѣтили. Я опять пошелъ въ залу. Она была пуста. Я справился съ инструментами и узналъ, что „Наутилусъ“ мчался на сѣверъ со скоростью двадцати пяти миль въ часъ. Онъ то плылъ подъ волнами, то по поверхности моря.

Мы неслись къ сѣвернымъ морямъ.

Мы неслись съ такою быстротою, что я едва успѣлъ замѣтить носатыхъ акулъ, акулъ молотковъ и другихъ, которыя посѣщаютъ эти воды. Передъ моими глазами мелькали морскія орлы, коньки, полчища крабовъ и морскихъ свинокъ.

Къ вечеру мы успѣли перейти двѣсти лье. Наступили сумерки; вечернія тѣни покрыли море.

Я опять воротился въ свою комнату. Я не могъ спать.

Съ этого дня я не могу сказать, куда носилъ насъ „Наутилусъ“. Можетъ быть онъ приставалъ къ оконечности Шпицбергена, къ берегамъ Новой Земли. Можетъ быть, онъ носился по Бѣлому морю или по Карскому. Можетъ, посѣтилъ Обскій заливъ или архипелагъ Льярова и неизвѣстные азіатскіе берега. Я уже не считалъ часовъ, не замѣчалъ дней. Я уже ничему не удивлялся и всего ожидалъ.

Я полагаю, что это невѣроятное путешествіе продолжалось пятнадцать или двадцать дней. Мы не видали все это время ни

капитана Немо, ни его лейтенанта. Изъ экипажа тоже ни души не показывалось. „Наутилусъ“ большею частью шель подь водою. Я не зналъ, гдѣ мы были.

Недѣ Лендѣ тоже почти не показывался. Онъ страшно тосковалъ. Консейль никакъ не могъ вызвать его на разговоръ и боялся, что онъ наложитъ на себя руки.

Однимъ утромъ, не знаю котораго числа, я на разсвѣтѣ забился. Вдругъ слышу меня тихонько будятъ. Открываю глаза и вижу, что Недѣ Лендѣ наклоняется надо мною и шепчетъ:

— Мы бѣжимъ!

Я быстро поднялся.

— Когда? спросилъ я.

— Въ будущую ночь. Кажется на „Наутилусѣ“ всѣ перемерли. Вы будете готовы?

— Буду. Гдѣ мы?

— Около какой то земли. Я ее разглядѣлъ сегодня утромъ сквозь туманъ; она лежитъ въ двадцати миляхъ къ востоку.

— Да какая же это земля?

— Незнаю. Да какая бы ни была, мы найдемъ тамъ убѣжище.

— Да, Недѣ, да! Мы убѣжимъ!

— Море спокойно, вѣтеръ сильный, да вѣдь всего двадцать миль переѣзду, а шлюпка у капитана Немо надежная. Я уже перенесъ въ нее кое какую провизію.

— Хорошо, хорошо!

— А коли поймають, такъ я буду защищаться и пусть лучше убьютъ, чѣмъ тутъ пропадать.

— Умремъ вмѣстѣ, Недѣ!

Я на все рѣшился. Я расстался съ канадцемъ и вышелъ на платформу.

Волна такъ и ходила. Небо предвѣщало грозу. Но намъ нельзя было терять ни дня, ни даже минуты.

Я опять воротился въ залу. Я и желалъ, и боялся встрѣчи съ капитаномъ Немо.

Что я ему скажу? Съ умѣю ли я скрыть ужасъ, который онъ мнѣ теперь внушаетъ? Нѣтъ! Лучше не встрѣчаться? А между тѣмъ...

Что это за долгій былъ день!

Я все почти былъ одинъ. Недѣ Лендъ и Консейль избѣгали разговоровъ, боясь выдать какъ нибудь нашу тайну.

Въ шесть часовъ я пообѣдалъ насильно. Я принудилъ себя ѣсть.

Въ половинѣ седьмого Недѣ Лендъ вошелъ въ мою комнату и сказалъ:

— Ну, мы теперь пока не увидимся. Въ десять часовъ будетъ еще темно, тогда и надо бѣжать. Выходите къ шлюпкѣ. Мы васъ будемъ ждать.

Съ этими словами канадецъ ушелъ.

Я хотѣлъ узнать направленіе „Наутилуса“ и справился съ инструментами. Мы мчались къ сѣверо-сѣверо-востоку, держась на глубинѣ пятидесяти метровъ.

Я въ послѣдній разъ окинулъ глазами сокровища капитана Немо. Затѣмъ я воротился въ свою комнату.

Тутъ я одѣлся, собралъ свои записки. Сердце у меня страшно билось. Встрѣться со мной капитанъ Немо, онъ бы тотчасъ догадался въ чемъ дѣло.

Что въ эту минуту онъ дѣлалъ?

Я подошелъ къ его двери и послушалъ.

Онъ былъ тамъ, онъ не ложился. Я чуть, чуть не ворвался въ его комнату: меня тянуло къ нему непреодолимо.

По счастью я себя сдержалъ.

Я легъ въ постель и мало по малу успокоился. Я вспомнилъ все наше подводное путешествіе, всѣ счастливыя и несчастныя приключенія. Я вспомнилъ охоту на островѣ Кресно, Торресовъ проливъ, Папуаскихъ дикарей, Коралловое кладбище, Суэзскій проходъ, островъ Санторинъ, кричаго водолаза, заливъ Вито, Атлантиду, сплошныя льды, ледяную тюрьму, битву съ осьминогами, бурю на Голфъ-Стремѣ, „Мстителя“ и наконецъ потопленный, пущенный ко дну корабль.

Капитанъ Немо представлялся мнѣ не простымъ человѣкомъ, а какимъ то гениемъ морей.

Было половина десятого. Я закрывалъ глаза, я старался заснуть, не думать, забыть...

Еще полчаса ожиданія! Вдругъ до меня донеслись тихіе звуки органа. Раздавалась какая то грустная мелодія, похожая на жалобу.

Это игралъ капитано Немо.

Вдругъ мнѣ пришло въ голову, что значить, что капитанъ Немо вышелъ изъ своей комнаты, что онъ былъ въ залѣ и что мнѣ придется проходить мимо его. Я его увижу, онъ со мной, быть можетъ, заговорить...

Но сейчасъ десять часовъ. Надо идти!

Я осторожно отворилъ дверь и началъ тихонько прокрадываться по корабельному корридору.

Я добрался до двери залы и тихонько ее отворилъ. Въ залѣ было совершенно темно. Звуки органа раздавались едва слышно. Капитанъ Немо меня не замѣтилъ.

Я проползъ по коври до двери, въ библіотеку. Я уже хотѣлъ переступить черезъ порогъ, но тяжелый вздохъ капитана Немо пригвоздилъ меня къ мѣсту. Изъ двери въ библіотеку падалъ лучъ свѣта и я на мгновеніе увидалъ его лицо, Оно было блѣдно и печально. Я слышалъ, какъ онъ тихо проговорилъ:

— Довольно! Довольно!

Я бросился въ двери, взбѣжалъ по центральной лѣстницѣ и очутился около шлюпки.

— Скорѣй! Скорѣй! сказалъ я товарищамъ.

— Сію минуту! отвѣтилъ кападецъ.

Онъ проворно началъ отвинчивать гайки, которыя еще при держивали шлюпку.

Вдругъ раздался шумъ, послышались голоса..

Недѣ Лендъ всунулъ мнѣ кинжалъ въ руку.

— Да, сказалъ я, мы съ умѣемъ умереть!

Мы стали прислушиваться.

Малштромъ! Малштромъ! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Мальштромъ! Такъ вотъ по какому случаю была тревога на „Наутилусъ!“

Извѣстно, что въ приливъ воды, сжатая между островами Фероэ и Лофоденъ, стремятся съ невѣроятною силою. Онѣ образуютъ водоворотъ, изъ котораго ни одно судно не можетъ благополучно выйти. Со всѣхъ сторонъ налетаютъ чудовищные валы. Эту бездну справедливо называютъ пупомъ океана. Сила ея притяженія простирается на пятнадцать километровъ. Тутъ не только заверчиваетъ суда, но и китовъ, и бѣлыхъ медвѣдей съверныхъ странъ.

Въ эту то пропасть попалъ „Наутилусъ“. Онъ описывалъ быстрые круги, которые все больше и больше суживались. Шлюпка, еще прицѣпленная къ нему, еружилась тоже. Шумъ, плескъ, брызги—цѣлый адъ!

„Наутилусъ“ все еще держался. Сталь на немъ трещала.

— Надо держаться за „Наутилусъ“, свазалъ Недъ Лендъ. Авось...

Онъ не кончилъ. Шлюпка оторвалась и насъ далеко отбросило отъ „Наутилуса“.

Я ударился головою о желѣзо и потерялъ сознание.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Что произошло въ эту ночь какъ мы выбрались изъ страшной пропасти, я не знаю. Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ въ хижинѣ рыбака Лафоденскихъ острововъ. Товарищи мои были цѣлы и невредимы. Мы крѣпко обнялись.

Переправиться во Францію было нелегко. Сообщенія между сѣверной Норвегіей и югомъ рѣдки. Надо было ждать парохода, который ходитъ отъ Нордвалла.

Въ ожиданіи этого парохода я привелъ въ порядокъ свои записки.

Повѣрятъ ли моему разсказу? Не знаю. Но я разсказалъ вѣрно и точно свои приключенія.

Что сдѣлалось съ „Наутилусомъ“? Живъ ли еще капитанъ Немо? Узнаю ли я современемъ имя этого человѣка?

Я надѣюсь.

Я надѣюсь тоже, что „Наутилусъ“ вышелъ невредимъ изъ пропасти, что капитанъ Немо пересталъ карать людей и спокойно занимается учеными изслѣдованіями на днѣ океана.

Шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ, Эклезіастъ предложилъ вопросъ о томъ, кто размѣрилъ глубины океана?

Два человѣка имѣютъ право ему отвѣтить: „Мы!“ Это капитанъ Немо и я!

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА		стр.
	I. Плавающий рифъ	1
„	II. За и противъ	8
„	III. Какъ будетъ угодно ихъ чести	14
„	IV. Недѣ Лендъ	21
„	V. На авось!	28
„	VI. На всѣхъ парахъ	35
„	VII. Китъ неизвѣстной породы	45
„	VIII. Mobilis in mobile	53
„	IX. Недѣ Лендъ сердится	62
„	X. Водяной человѣкъ	70
„	XI. „Наutilusъ“	80
„	XII. Всѣ электричествомъ	90
„	XIII. Нѣсколько чиселъ	96
„	XIV. Черная рѣка	102
„	XV. Письменное приглашеніе	113
„	XVI. Прогулка по равнинѣ	121
„	XVII. Подводный лѣсъ	127
„	XVIII. Четыре тысячи миль подъ водами Тихаго океана	134
„	XIX. Ваникоро	142
„	XX. Проливъ Торресъ	151
„	XXI. Нѣсколько дней на твердой землѣ	160
„	XXII. Молнія капитана Немо	171
„	XXIII. Aegri Somnia	182
„	XXIV. Коралловое царство	190

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА	I. Индійскій океанъ	201
„	II. Капитанъ Немо дѣлаетъ новое предложеніе	212
„	III. Десятимиллионная жемчужина	223
„	IV. Черное море	234
„	V. Аравійскій тоннель	247
„	VI. Греческій Архипелагъ	256
„	VII. Переѣздъ по Средиземному морю въ сорокъ восемь часовъ	267

„	VIII. Заливъ Виго	278
„	IX. Исчезнувшій материкъ.	288
„	X. Подводныя каменноугольныя копи	248
„	XI. Саргасское море	308
„	XII. Киты и Кашалоты.	316
„	XIII. Сплошные льды	328
„	XIV. Южный полюсъ	339
„	XV. Несчастіе или препятствіе?	352
„	XVI. Воздуху!	359
„	XVII. Отъ мыса Горна до Амазонки	365
„	XVIII. Осьминоги.	374
„	XIX. Гольфъ-Стремъ	384
„	XX. Подъ 47° 24' широты и 17° 28' долготы	304
„	XXI. Катакомбы.	401
„	XXII. Послѣднія слова капитана Немо	408
„	XXIII. Заключеніе.	412